

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Гуманитарный учебно-методический и научно-издательский центр ПГУ

II БУСЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

*Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 200-летию со дня
рождения М. Ю. Лермонтова*

г. Пенза, 3 апреля 2014 г.

П о д р е д а к ц и е й

Е. К. Рева

Пенза
ГУМНИЦ ПГУ
2014

УДК 8.07
ББК 80
Б 92

II Буслаевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пенза, 3 апреля 2014 г.) / Под ред. Е. К. Рева. – Пенза: ГУМНИЦ ПГУ, 2014. – 436 с.

Редакционная коллегия:

И. П. Щеблыкин, доктор филологический наук, профессор;
Г. Е. Горланов, доктор филологический наук, профессор;
Г. И. Канакина, кандидат педагогических наук, профессор;
О. В. Христолюбова, кандидат филологических наук, доцент;
Е. К. Рева, кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор).

3 апреля 2014 года на историко-филологическом факультете Пензенского государственного университета прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «II Буслаевские чтения». На конференции рассматривались актуальные вопросы гуманитарных наук. В данном сборнике представлены работы по литературоведению, языкознанию, журналистике, методике преподавания русского языка и литературы.

Для преподавателей вузов, студентов и аспирантов, учащихся старших классов общеобразовательных школ и всех интересующихся гуманитарными знаниями.

Материалы печатаются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова М. В. Языковые особенности лозунгов в предвыборной агитации	13
Авдевина А. В. Образ Дома в тетралогии Ф.Абрамова «Пряслины»	15
Аганов А. В. Сравнительный анализ происхождения, значения и особенностей функционирования русских и немецких фамилий	19
Акмаева Л. А. Историческая действительность и художественные мотивы в повести В.Пелевина «ОмонРа»	20
Акчурина Д. Н. Черты неокмеизма в творчестве Б.Ахмадулиной	24
Акямсова Ю. А. Образы праведников в творчестве Л.Е. Улицкой	26
Андреева Е. К. Лексико-морфологический анализ слов-финалистов интернет-конкурса «Слово года» 2007 – 2012 гг.	29
Аргынбаева М. Х., Шынгысова Н. Т. Региональные СМИ Казахстана	33
Арехина Д. В. Культура малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в освещении современной журналистики	36
Аржавикина Ю. С. Новые педагогические технологии на уроках обучения русскому языку	39
Баранова М. Н. Пословицы русского народа в творчестве В.И. Даля	42
Барашкина Л. С. Грамматические средства выражения замысла автора текста	46
Бекболатулы Ж. Проблемы функционирования связей с общественностью в Казахстане	50
Белоножко Е. Д. Освещение вопросов музыкальной культуры в периодических изданиях: история и современность	55
Болотская М. П. Репрезентация эмоций в тексте повести И. Л. Муравьевой «Медвежий букварь»	58
Вадюнина Н. В.	

Графическая игра в рекламном пространстве города Пензы	62
Видная О. Е.	
Региональный журналист в современном коммуникационном процессе: трансформация профессиональных ролей	65
Вишнякова Р. Э., Грызункова В. В.	
Языковые средства воздействия в политическом дискурсе: лингвистический аспект	68
Горланов Г. Е.	
Наследие М.Ю. Лермонтова и современный литературный процесс	71
Горшкова С. С.	
Образ «святой Руси» в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне»	75
Гришина А. Б.	
Образы духовенства в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»	78
Грызункова В. В.	
Эмоционально-оценочная лексика в средствах массовой информации	81
Гурьянова Л. Б.	
Игровые технологии в оценке студентов	84
Дадахаджиева Е. М.	
Заголовок как сильная позиция (на примере названий современных детективов)	88
Егоров К. В.	
Стилистическая окрашенность материалов о России в американских газетах.	90
Емельяненко А. О.	
Морфологические особенности поэтических компонентов в тексте романа И. Л. Муравьёвой «Барышня»	94
Есафьева О. О.	
О некоторых особенностях использования исследовательского метода на уроках русского языка	98
Ефимкина А. В.	
Парная частица «не...ли» в словарях русского языка	101
О. А. Жирнова	
Лексические средства выражения замысла автора	106
Жуков А. С., Калашиников С. Г.	
Интерактивность в работе пензенских СМИ	110
Захарова А. А.	
Диалектная лексика в повести В. П. Астафьева «Где-то гремит война»	113
Зверева Е. А.	

Региональные деловые издания в ракурсе истории и современности	116
<i>Здоровенко Н. А.</i>	
Функционирование субстантивов на газетной полосе	119
<i>Зотова Т. Н.</i>	
Стилистический уровень Пензенского Бизнес-журнала	122
<i>Зуева Г. С.</i>	
Зеркальная двуликость главного героя романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»	125
<i>Иванов А. С.</i>	
Проблема творческого метода в произведениях А. Г. Малышкина	128
<i>Ивкина В. А.</i>	
Специфика жанра интервью в программах радио «Эхо Москвы» (на примере передачи «Особое мнение»)	132
<i>Казеева К. С.</i>	
Образ России как информационный конструктор в постсоветском пространстве (на материалах газеты «Народная воля»)	135
<i>Каменева О. В.</i>	
Обучение этикету приветствия и знакомства в 5 классе	139
<i>Каменская Л. Н.</i>	
Изучение романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 11 классе	142
<i>Канакина Г. И.</i>	
«Проект концепции и содержания профессионального стандарта учителя русского языка»: плюсы и минусы	146
<i>Канакина Д. А.</i>	
Функционирование номинаций смеха в СМИ	150
<i>Касимова Г. К.</i>	
О роли пропозиции в словообразовательных процессах	154
<i>Кезина С. В.</i>	
Исконно русская лексика в романе А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»	157
<i>Ключарева И. С.</i>	
«...А человек пусть длится вечно...»	161
<i>Козаченко Д. С.</i>	
Русский язык и его преподавание в произведениях А.П. Чехова	164
<i>Колобанова Н. Е.</i>	
О чём говорит ток-шоу: лексический анализ (на материале передачи «Пусть говорят»)	167
<i>Кондратьева И. А.</i>	
Язык СМИ как средство отражения окружающей действительности на примере провинциальной газеты «Каменская Новь»	169
<i>Корнаухов И. Д.</i>	

Языковые особенности речи спортивного Комментатора (на примере речи спортивных комментаторов Дмитрия Губерниева (канал «Россия2») и Владимира Тер-Казарова (11 канал г. Пенза)	173
Костенко В. В.	
Проблемы журналистики через призму истории	178
Красильникова А. В.	
Тематические парадигмы лексики в социальных публикациях современных российских журналистов	180
Кривцова М. М., Сараева И. В.	
Суффиксы существительных со значением лица в современном русском языке.	184
Кривцова М. М.	
Языковая игра в заголовках журналов.	185
Куприянова Н. С.	
Причина смеха по данным языка (на материале ассоциативного эксперимента)	189
Кутпанбаева Ж. Б.	
Роль СМИ в освещении этнических конфликтов.	193
Ладанова О. Ю.	
Стажировочная площадка как эффективное средство самоанализа работы учителя	196
Лаштанкина В. С.	
Образ женщины в журнале «Крестьянка»	200
Леонтьева Е. Г.	
Семантические особенности оценки и способы ее выражения в современных СМИ.	202
Линяева А. А.	
Манипулятивные приемы в журналистике. Языковая манипуляция	206
Ложникова О. П.	
Соблюдение критериев культуры речи в СМИ Казахстана	210
Луннова М. Г.	
Языковое выражение «вечного», «вневременного» в поэзии Ф. И. Тютчева	215
Лушникова М. Ю.	
Лексические особенности пензенской частушки	219
Лушникова М. Ю.	
Образ врача в творчестве А.П. Чехова	223
Макарова З. А.	
Проблема семьи и воспитания в прозе А. Г. Алексина	225

Макимова Н. Г.	
Изучение лексики на материале народных духовных стихов Пензенского края	229
Маркелова В. Н.	
Аллюзии и реминисценции в произведениях Н. А. Заболоцкого	232
Мартынова И. Н.	
Лингвист, этнограф, врач... (Владимир Иванович Даль)	236
Маруженко А. А.	
Стилистическая организация романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»	239
Махди З., Муканова Г.К.	
Азиатские медиа: проблема насилия в отношении журналистов Афганистана (2010 – 2014 гг.)	243
Мещерякова Л. А., Удила Е. С.	
«Любовь никогда не перестает...» (Тема любви в творчестве М.Ю.Лермонтова в свете Первого послания апостола Павла к Коринфянам)	249
Михайлова Т. Д.	
Детская и юношеская журналистика (на примере Пензенского региона) . .	252
Михайлова Т. Д.	
Принципы создания образа главного героя в пьесе А. Вампилова «Утиная охота»: традиции и новаторство	255
Мишакина М. А.	
Образ Печорина в оценке современных исследователей (психоаналитический аспект)	259
Мнацаканова Н. В.	
Средства формирования универсальных учебных действий на уроках русского языка в 5-6 классах	263
Моисеева Е. С.	
Патронимы от мордовских топонимов	266
Моисеева Е. А.	
С болью в сердце – о главном: проблематика материалов Александра Мысякова	268
Мухамбедьярова А. Т.	
Информационное общество и тенденции расширения политического участия	270
Мухамедиева Н. Б.	
Виды рекламы и их эффективность	275
Мырзагулов М. М.	
Современная специализированная периодика Кыргызстана в контексте формирования общественно-политического мнения	282
Наумцева А. И.	
Особенности функционирования	

информационных жанров в районной прессе на современном этапе (по материалам газеты «Ваш собеседник»)	285
Нефедова Я. Ю.	
Собственные имена в романе-сказке Н. Носова «Незнайка на Луне»	288
Нефедова Я. Ю.	
Русская иконописная лексика (по лицевому подлиннику графа Строганова)	291
Нечаева О. В.	
Грамматические категории краткого прилагательного	295
Никишева Н. И.	
Наименования общекультурных понятий в русской лексике живописи (на материале Популярной художественной энциклопедии)	297
Нода Л. П.	
Интеллект нации: особенности отражения в СМИ	300
Носова М. И.	
Стилизация как плодотворный приём смыслового обогащения художественного текста (на примере творчества М.Ю. Лермонтова)	305
Нуршаихова А.	
Ребрендинг: когда он нужен?	309
Нырялкина Д. С.	
Роль СМИ в урегулировании межнациональных конфликтов	312
Обушникова О. Е.	
Использование краеведческого материала на уроках русского языка	316
Оспанова Ж., Элубаева А.	
Влияние компьютерных игр на психологию подростков	319
Перепелкина Л. П.	
Роль учебной дисциплины «Информационные технологии в преподавании литературы» в профессиональной подготовке будущих учителей-словесников	320
Перфилова М. Н.	
Цвет в названиях животных	323
Перфилова М. Н.	
Цвет в названиях растений и плодов	327
Пескова М. Г.	
Особенности функционирования имён Прилагательных в тексте повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»	330
Петрушков И. В.	
Специфика использования способов	

трансформации иронического контекста в англо-русском переводе повести Джерома К. Джерома «Three men on the bummel» Г. Севером	334
Плетминцев И. А.	
Речевое поведение сотрудников правоохранительных органов (на материале сценариев)	338
Погожева Е. В.	
Пейзажная лексика «Жития протопопа Аввакума»	342
Позднякова В. О.	
Трансформации архетипа Дон Жуана в творчестве М.Ю. Лермонтова	345
Почивалова А. В.	
Образ семьи в освещении районной прессы конца XX – начала XXI вв. (по материалам газеты «Куранты-Маяк» г. Нижний Ломов)	348
Пранцова Г. В.	
Бакалавры цифровой эры: проблемы профессиональной подготовки	351
Рева Е. К.	
Журналистика в контексте этнокультурных теоретических построений М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета	356
Родионова И. Г.	
Военная лирика пензенских поэтов: особенности тематики и языкового оформления	358
Сараева И. В., Горбунова А. О.	
Функционирование междометий в современном интернет-дискурсе (на материале Рунета)	362
Сердобинцева Е. Н.	
Эпитеты в рекламном тексте, адресованном женской аудитории	365
Симонова А. А.	
Языковая личность Эльдара Рязанова (на материале поэзии)	368
Сморчкова К. В.	
Сравнение как способ передачи цвета в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»	371
Соколова И. О.	
Паравербальные средства коммуникации как компонент названия	374
Стрыгина Т. В., Михайлова Т. Д.	
Индивидуально-авторский стиль очерков Татьяны Тэсс	379
Стуклов А. В.	
Топонимика моего села	380
Сухов А. В.	
Музыкальные образы в творчестве М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина	383
Сухов В. А.	

Элегические мотивы в стихотворении А. Б. Мариенгофа «Сергею Есенину» (К проблеме развития лермонтовских традиций)	387
Сысуева А. Д. Речевые ошибки СМИ	390
Терёхина В. В. Образ inferнальной женщины в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»	392
Титунина К. В. Педагогические сайты как альтернативная модель коммуникации	395
Титунина К. В. Оппозиция «СВОИ – ЧУЖИЕ» в рекламе	398
Трусова Х. С. Развитие детской журнальной Периодики (на примере издания «Мурзилка»)	402
Тусупова К. Новости – один из жанров пиара	406
Федосова А. П. Антропонимический материал в составе эргонимов (на материале г. Пензы)	407
Фокина В. Н. Новаторство и традиции в изображении «маленького человека» в рассказах В.М. Шукшина	410
Христолюбова О. В., Хаистова И. А. Трансформация античного мифа в рассказе А.И.Куприна «Нарцисс»	412
Чуракова В. Д. Семантика цветолексем «бусый» и «босый» в «Слове о полку Игореве»	416
Шаркова М. М. Традиции и новаторство А.И. Куприна в разработке жанра рождественского рассказа	420
Шишкина М. Ю. Тематика современной молодёжной прессы (на примере журнала «Elle Girl»)	422
Щанкина Ю. И. Специфика изображения образа кота в романе Натальи Рузанкиной «Возвращение»	425
Щеблыкин И. П. «Ещё неведомый избранник»	429
Юсяев А. С. Дворянство в произведениях П.Д. Боборыкина и В.А. Гиляровского	431

Языковые особенности лозунгов в предвыборной агитации

М. В. Абрамова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн.рук. – к.филол.н., доцент И. Г. Родионова

Лозунг – это призыв или обращение, заключённое в лаконичную форму, легко доступное пониманию широкой аудитории, выражающее главную идею или требование. Лозунг может существовать как в устной, так и письменной форме. Будучи ёмкой, ясной, сжатой и запоминающейся формой передачи мысли, лозунг используется и в политической пропаганде[8, 4].

Предвыборный лозунг – это эмоционально окрашенный посыл кандидата своему электорату. Он выражает намерения кандидата, суть его планов [3].

Основными функциями политического лозунга являются информативность и аттрактивность. Под аттрактивностью следует понимать способность привлечения внимания, симпатии и эмоциональное притяжение. Под информативностью понимается содержание лозунга, которое должно отражать в одной короткой фразе основную идею, которую хочет донести кандидат[3].

Характерными языковыми особенностями лозунгов являются:

- лаконичность изложения, «экономия» языковых средств;
- использование речевых стереотипов, клише.

Успешный политический лозунг должен привлекать внимание с помощью выразительных языковых средств, легко запоминаться, быть убедительным и информативным[4, 106].

Среди лозунгов можно выделить **лозунги-призывы**(*Остановим криминал, рвущийся во власть*), **лозунги-обещания** (*Помогать ветеранам и пенсионерам – мой долг*), **лозунги-констатации факта**(*Порядочность важнее*).

Проанализировав 73 предвыборных лозунга, нам удалось выяснить, что наиболее употребляемыми в них частями речи являются имена существительные, которые составляют 53% всех частей речи, используемых в текстах этого жанра. С помощью имен существительных кратко и чётко выражаются политические взгляды кандидата и его программа: *Нефть и газ – народу!*

Менее употребительной частью речи в предвыборном лозунге является глагол, он составляет 38%. Эта часть речи используется для призыва электората к действию и активности: *Вернём власть народу!*

Анализ языкового материала показал, что всего 9% приходится на остальные части речи.

Среди имён существительных наиболее употребительной является общественно-политическая лексика: *ветеран, матери, дети, добро, власть, наказ, перемены, доверие, ответственность, надёжность, жизнь, долг, дело, будущее, сила*. Например: *За добрые дела!*; *Перемены к лучшему!*; *Вернём власть народу!*

Отметим частое использование в предвыборных лозунгах имён собственных, среди них не встречаются не только имена кандидатов, но и названия районов города, сёл и т. п.: *За Железнодорожный район!*; *За Алексея Петрова!*

Самыми употребительными среди глаголов оказались следующие слова: *голосуйте, вернём, борись, будьте, жить*. Следует отметить, что часто глаголы используются в повелительном наклонении, что подчёркивает призыв к действию: *Борись за будущее; Голосуйте за партию пенсионеров*.

Среди местоимений наиболее употребительными являются *я, вы, мы* в разных падежных формах, подчёркивающие совместное действие кандидата и избирателей, включённость электората в процесс созидания: *Я вас не подведу!*; *Мы вместе с вами решим все проблемы*.

Говоря о синтаксических особенностях предвыборных лозунгов, отметим, что большинство из них представляет собой повествовательные предложения: *Добиваемся вместе – помогаем каждому*. Это объясняется необходимостью в спокойной и лаконичной форме рассказать о планах, не побуждая к действию.

Встречаются также лозунги – побудительные предложения, однако они составляют всего 10% от общего количества проанализированных текстов: *Помни о прошлом, живи настоящим*. Такие предложения имеют цель побудить читателя к тому или иному действию.

Меньше всего лозунги представлены вопросительными конструкциями: *Наелась ли власть?* Такие предложения используются с целью заставить читателя задуматься над проблемой.

Более 45% лозунгов – восклицательные предложения: *За женщину, за мать, за честную власть!*

По структуре лозунги преимущественно являются простыми предложениями: *Возродим село! Берегите своих матерей*.

При создании предвыборных лозунгов активно используются следующие языковые и риторические приёмы:

- каламбуры: *Не могу я жить иначе, кричал, кричу, буду кричать*. Кандидат Крячко;

- элементы ритмизации и рифма: *Селезнёв–за Арбеково, Арбеково–за Селезнёва!*; *С добром в каждый дом!*;

- риторические вопросы: *Наелась ли власть?*;

- повтор: *За детей, за матерей, за стариков*;

- контекстные антонимы: *Голосуй за новый путь! Или терпи дальше...*

- инверсия: *Спеши людям делать добро*.

Все перечисленные языковые средства делают предвыборные лозунги запоминающимися, оригинальными, но в то же время простыми и понятными рядовым носителям языка. Грамотно составленные лозунги побуждают электорат сделать выбор в пользу того или иного кандидата.

Литература:

1. Блажнов Е.А. Самый короткий путь к власти. – Таганрог, 1995.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Гринберг Т.Э. Политическая реклама: портрет лидера. – М., 1995.
4. Морозова И. Слагая слоганы. – М., 2001.
5. Наполитан Дж. Электоральная игра. – М.: Никколо, 2002.
6. Ольшанский Д.В. Политический PR. – СПб, 2003.
7. Свободная энциклопедия Википедия: wikipedia.org.
8. Энциклопедический словарь/ Под ред. Введенского Б. А. – М.: Советская энциклопедия, 1964.

Образ Дома в тетралогии Ф.Абрамова «Пряслины»

А. В. Авдеевна, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – ст. преподаватель И. С. Ключарева

Что такое для человека дом? Жилище, кров над головой? Гнездо, куда по веточке, по сориночке он сносит все, что может пригодиться на черный день? Недвижимость, предмет купли-продажи? Знак престижности? Способ самовыражения? Очаг, согревающий душу и тело? Храм, в котором совершается таинство рождения и смерти? Таких вопросов можно задать множество, и всякий раз ответ будет «да». Потому что дом – проявление психологии человека, воплощение его «я», иными словами, каков человек, таков и его дом.

Образ-символ *дом* в одноименном романе Федора Абрамова, являясь центральным поэтическим образом, отражает внутренний мир писателя, критерии его ценностей. Как и любой символ, он многомерен, поэтому, чтобы постичь смысл столь важного для писателя понятия, необходимо проанализировать множество воплощений символа в романе. По сути дела, дома у Ф. Абрамова составляют систему, параллельную системе образов. Их внешний вид, вещи, их заполняющие, запахи, звуки, дух дома – живой отпечаток личности человека. Дома имеют свою судьбу, и часто эта судьба обнажает сложные противоречия между людьми.

Три дома находятся в центре повествования: новый Михаила, старый пряслинский и самый главный – ставровский дом, где завязан узел основных противоречий как прошлого, так и настоящего. Показывая свой дом братьям,

Михаил преисполнен гордости. Действительно, есть чем гордиться, ведь все это крепкое, добротное, с любовью строенное, все сделано своими руками: «Людей брал только на окладное да на верхние венцы, а тут все сам. <...> по утрам топориком махал, до работы». Но для того, чтобы дом стал Домом, необходимо нечто гораздо более важное – человеческое тепло, взаимопонимание, а этого в семье Михаила нет. Поэтому душа его раздвоена: часть – здесь, в новых деревенских хоромах, ладных, приглядных, как жена Раиса, часть – в старом пряслинском доме, с Лизой, с братьями, с памятью об отце и матери. Вот почему Ф. Абрамов ставит новый дом Михаила фактически в один ряд с домами других деревенских обывателей, похожими на раскрашенные вагоны: «И, увы, дом Михаила, может быть, лучший из всех новых домов, тоже не был исключением». Вот почему и сам Михаил, хоть и гордится «своим расчудесным новым домом, а душой и сердцем там, в старой пряслинской развалюхе».

Пряслинский дом и дом Михаила – антиподы. Ветхость и запустение старого дома контрастируют с новизной, добротностью собранного под крышу хозяйства Михаила. Но не в этом основная разница между ними. Восстанавливая пряслинский дом, Лиза, Петр возвращают ему душу, тепло человеческих отношений, то, что составляло атмосферу этого дома в трудные военные и послевоенные годы, что передается ему от людей, что невозможно создать даже самыми умелыми руками и чего так не хватает в новом доме Михаила, в его внешне благополучной семье.

Старый пряслинский дом по духу своему – двойник ставровского, потому что в нем жили и теперь вновь поселились любовь и сострадание. Внутренняя связь выражается в решении Лизы поставить на дом деревянного коня, снятого с разоренного ставровского дома. Деревянный конь, вознесенный на крышу, казалось бы, ни для чего не нужный – только для красоты, для памяти, воплощает протест против утилитарного подхода к жизни. Но сохранить прошлое, установить знак единства между ушедшим и настоящим не так просто. Необходимы значительные духовные и физические усилия, поддержка близких людей, сильных и любящих.

Эпизод с водружением деревянного коня на крышу пряслинского дома – его падение, несчастный случай с Лизой – тоже имеет символический смысл. Непосильную тяжесть взвалила на себя Лиза, и в прямом, и в переносном смысле, а брат, который до рождения внебрачных близнецов у сестры всегда был ей опорой, отвернулся, сурово осудив ее по законам ханжеской морали. Вот почему не будет преувеличением сказать, что в несчастье с Лизой виноват прежде всего Михаил, виноват своим отстранением. Свою вину Михаил осознает в конце романа, но, к сожалению, когда уже поздно. Только теперь, вспоминая напутствие отца-солдата, уходившего на фронт, обращенное к нему, старшему сыну, новому хранителю очага, он понял смысл тех простых и мудрых слов.

Ставровский дом не тронули новые веяния, здесь все так, как было при

Степане Андреяновиче, – «некрашенный пол», «не оклеенные бревенчатые стены со старыми сучьями и щелями...». Но при этом он не производит впечатления убожества, этот дом красив истинной красотой, не имеющей ничего общего с желанием покрасоваться, что печатью лежит на новых деревенских домах. Здесь живут цвета, запахи и звуки самой природы: «Янтарный. Звоном звенит», идешь по нему, «как по лесу на вечерней или утренней заре». Это «дом-богатырь», все здесь «крупно, размашисто», как будто тут и «жил богатырь». В фольклорной традиции богатырь наделялся не только физической силой, но и широтой души, честью, доблестью. Вот и здесь, в романе, Петр, любуясь ставровским домом, так думает о Степане Андреяновиче: «Ведь чтобы выстроить такие хоромы – какую душу надо иметь, какую широту натуры, какое безошибочное чувство красоты!». И в доме, и в личности давно умершего хозяина воплощено все лучшее, светлое, что есть в русской натуре, что близко и дорого писателю. Вероятно, поэтому ставровский дом становится центром, куда сходятся все сюжетные линии.

Отношение к дому, к его судьбе, будущему выявляет истинную суть романа, не оставляя места для полутонов, выявляет в них самое главное – для чего человек приходит в мир: «вытаптывать жизнь» или умножать ее. Главные разрушители те, кто разоряет ставровский дом: Егорша и Паха Баландин, продавец и покупатель. На первый взгляд, они очень разные: с одной стороны – семьянин, хозяин, накопитель Паха. С другой – Егорша, являющийся легкомысленным кочевником, человеком, живущим сегодняшним днем, даже гнезда не свившим, без определенных занятий, без будущего. Но домовитость Пахи и бездомность Егорши одной природы, так как оба они живут так, как им хочется, личный интерес определяет их цели, для достижения которых все дозволено. Дозволено разорить дом, осквернить память о деде, вытоптать жизнь, творение рук и души человеческой, превратить дом-богатырь в «какую-то безобразную уродину». Но какие бы отвратительные поступки ни совершал Егорша, он все же в состоянии испытывать чувство стыда: «Он даже посмотреть не решался ту сторону, где стоял разоренный им дедовский дом...». Иное дело Паха – «этот ради своей корысти не то что дом разломает – дерево спалит».

Главной защитницей, хранительницей дома становится Лиза. Именно ей, а не внуку Егорше оставил Степан Андреянович свой дом – богатырь. Видимо, понимал, что родными люди становятся не по рождению, что духовное родство выше кровного. Она чувствует свою связь с его домом, который для нее меньше всего жилище: «Господи, да помру я, что ли, без дома! Мне само главное – чтобы дом целехонек был, чтобы память о тате на земле стояла». Дом для нее – словно живое существо, прекрасное и беззащитное. Она и говорит с ним, воспринимает все, что окружает его, как живое, способное испытать боль, страдать. Вот почему, не сумев помешать продаже части дома, она винит во всем себя и ощущает грядущую гибель дома как конец близкого существа, которое она не сумела уберечь от злой

судьбы: «Она не пошла к ставровскому дому. Сил не было глянуть в глаза окошкам, встретиться взглядом с крыльцом, с конем, которых она предала», «вслед ей с горы тоскливо, с укором смотрел деревянный конь – она спиной чувствовала его взгляд, – старая лиственница причитала и охала по-бабьи, баня и амбар протягивали к ней свои старые руки...»

И все-таки конец романа обещает примирение. Ставровского дома уже нет, но можно возродить старый пряслинский, куда вернутся одинокие бездомные души братьев, и это возрождение будет покоиться на прощении и любви. Развалившийся старый дом Пряслиных олицетворяет распад некогда дружной семьи, а его восстановление – возвращение прежних отношений, духовного единства.

Ставровский и пряслинский дома родственны, как родственны люди, живущие в них. Это о них, о Лизе, Михаиле, Степане Андреяновиче и людях, подобных им, говорит Евсей Мошкин: «Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Крепче всех кирпичей и алмазов».

Дом в романе – не только место жительства человека. Это портрет его души, воплощение жизненных стремлений и ценностей тех, кто живет в нем.

Литература:

1. Акимов В. Человек и время: Очерки. – Л.: Сов. Писатель, 1986. – 278 с.
2. Дановский А.В. Тема труда на уроках литературы в ПТУ: Метод. Пособие для преподавателей ПТУ. – М.: Высш. шк., 1988. – 152 с.
3. Дубровин Р.С. Заметки о романе – эпопее Ф.А.Абрамова «Братья и сестры» // Литература в шк. – 2012. № 1. с. 16-18.
4. Карсалова Е.В. Русский дом: жизнь и судьба – сквозь годы испытаний // Литература в шк. – 2004. № 9. с. 32 – 39.
5. Кочетов В.Н. Современная советская проза. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 187 с.
6. Красикова Е.В. Главный дом. «О романе Ф.Абрамова «Дом» // Русская речь. – 1998. № 5. с. 26 – 34.
- 7.
8. Недзвецкий В.А. Война и мир в Пекашине. «Братья и сестры» // Литература в шк. – 2000. № 3. с. 33-40.
9. Чернышкова Т.А. Шолоховская традиция в изображении русского национального характера в тетралогии «Братья и сестры» Ф.Абрамова // Литература в шк. 2011. № 12. с. 9 – 12.

Сравнительный анализ происхождения, значения и особенностей функционирования русских и немецких фамилий

А. В. Аганов, учащийся

Научн. рук. – учитель немецкого языка МБОУ «Кадетская школа по
делам ГОЧС № 70» г. Пензы Е. С. Вождаева

Фамилия человека играет очень важную роль не только в его личной судьбе, но и в истории целых наций. По каким законам и принципам даются фамилии? Что обозначают? Как строятся и изменяются? Очевидно, что в разных языках ответы на эти вопросы будут уникальны. Или – механизмы образования и функционирования фамилий разных народов все-таки имеют точки соприкосновения? Интересно постараться ответить на эти вопросы на материале русских и немецких фамилий, поскольку процесс взаимодействия и взаимопроникновения этих наций имеет многовековую историю.

На наш взгляд, история, этимология, грамматика русских и немецких фамилий будут иметь черты сходства и ряд принципиальных отличий. Такова рабочая гипотеза настоящего исследования.

Слово «фамилия» – латинского происхождения. В Римской империи оно обозначало общность, состоящую из семьи хозяев и их рабов. Похожий смысл это слово позже имело достаточно долго в государствах Европы и в России. Механизмы зарождения русских и немецких фамилий идентичны и охватывают период XII – XIX вв.

Большинство ученых сходятся во мнении, что русские фамилии по значению можно разделить на такие группы:

1. Фамилии, образованные от имен, полученных при крещении:
Борисов.
2. Фамилии от обиходного имени или прозвища: *Смирнов.*
3. Фамилии, образованные от названия местности: *Нижегородов.*
4. Фамилии, образованные от профессиональных прозвищ предков:
Гончаров.
5. Фамилии, которые получали учащиеся духовных заведений:
Кипарисов.
6. Фамилии, образованные от названия представителей животного мира: *Лебедев.*

Теперь обратимся к основным смысловым группам немецких фамилий.

Все немецкие фамилии по значению также можно разделить на несколько групп:

1. Подавляющая часть немецких фамилий была образована от личных имен: *Peters.*
2. Другая часть – от прозвищ: *Krause* – Краузе (значение кудрявый).
3. Некоторые немецкие фамилии связаны с географическим наименованием объекта: *WaltervonderVogelweide.*

4. Значительная часть немецких фамилий была образована от рода занятий или профессии, например: Мюллер (*Müller*) от профессии мельника.

5. Достаточное количество немецких фамилий образовано от наименований животных и птиц: Vogel (птица).

Таким образом, мы видим, что источники большинства русских и немецких фамилий во многом аналогичны.

А теперь обратимся к законам конструирования и функционирования фамилий в русском и немецком языках.

Русская фамилия состоит, прежде всего, из корневой основы (имеющей или имевшей в прошлом какое-либо лексическое значение), но также может включать в себя приставки, суффиксы и окончания.

Основа фамилии часто происходит от личного имени или же прозвища, несущего то или иное лексическое значение.

Фамильные приставки и окончания обычно обозначают на языке оригинала слово «сын» или «дочь» или же указывают на притяжение (владение), формируя прилагательные формы: *Сидоров, Петров, Кузнецова*.

Антропонимика русских фамилий утверждает, что чаще всего фамилии образуются от личных имён через притяжательные прилагательные. Русские фамилии часто имеют суффиксы -ов/-ев, -ин, от ответа на вопрос «чей?». Различие чисто формальное: -ов добавлялось к прозвищам или именам на твёрдый согласный (Михаил – *Михайлов*), -ев к именам или прозвищам на мягкий согласный (Игнатий – *Игнатьев*), -ин к основам на -а, -я (*Илья – Ильин*).

Другая группа русских фамилий образовалась от названий населённых пунктов, церковных праздников и имён святых с помощью суффикса и окончания -ский/-цкий (*Горский –* владелец Гор).

В русском языке женские фамилии, как правило, отличаются по форме от мужских – в силу морфологических особенностей языка: *Голованов – Голованова, Ерошкин – Ерошкина*.

В немецком языке механизм образования фамилий принципиально иной. Для их образования исходное слово используется полностью, без каких-либо усечений или добавления аффиксов: *Stolz* (гордый). Для обозначения половой принадлежности также не применяются средства морфематики (как, например, окончание в русском языке), а используется конструкция Frau + фамилия – для женщин, Herr + фамилия – для мужчин.

Подобное несоответствие можно объяснить тем, что русский и немецкий языки, хотя и относятся к индоевропейской языковой семье, принадлежат к разным языковым группам. Русский язык представляет славянскую группу, немецкий – германскую.

Таким образом, сходства в конструировании русских и немецких фамилий, на наш взгляд, объясняются общностью их первоисточника (индоевропейского праязыка), разница же обусловлена тем, что это разные языки, грамматика которых обладает глубоко индивидуальными

особенностями, проявляющимися, в том числе, и в законах конструирования и функционирования фамилий.

С помощью статистические исследования были сформированы списки наиболее популярных (частотных) русских и немецких фамилий. В настоящем исследовании мы проанализировали 50 наиболее часто используемых русских и 50 немецких фамилий. Результаты представлены на слайде.

Бросается в глаза преобладание в русском списке фамилий, образованных от имен (46%). В немецком списке такая фамилия находится на последнем месте в рейтинге популярности.

На втором месте в русском списке – фамилии, образованные от названий животных. В немецком списке их значительно меньше (предпоследнее место рейтинга популярности).

Количество фамилий, образованных от физических или психологических черт, в списках примерно сопоставимо (это третье место рейтинга).

В немецком списке абсолютно преобладают фамилии, образованные от рода занятий (первое место по популярности), в то время как в русском рейтинге наиболее популярных фамилий они находятся на предпоследнем месте.

Можно предположить, что подобная разница в рейтингах популярности объяснима разницей в национальных приоритетах. Для русских это родство, происхождение, для немцев – ремесло, умение что-то делать, а следовательно, степень полезности носителя данной фамилии для общества.

Легко обнаружимы совпадения между списками: *Новиков (Neumann)*, *Королев (Koenig)*, *Волков (Wolf)*. Наличие совпадений, на наш взгляд, является прямым доказательством древнего, изначального родства фамилий разных народов.

Таким образом, можно сделать общий вывод о подтверждении рабочей гипотезы исследования: история, этимология, грамматика русских и немецких фамилий имеют черты сходства и ряд принципиальных отличий.

Литература:

1. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М., 1974.
2. Европейские имена: значение и происхождение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kurufin.narod.ru/> (20.11.2013).
3. Имена.org Популярно об именах и фамилиях [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.imena.org> (20.11.2013).
4. Никонов В. А. География фамилий. – М., 2007.
5. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М., 1993.

Историческая действительность и художественные мотивы в повести В.Пелевина «ОмонРа»

Л. А. Акмаева, учащаяся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы
МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы Л. Н. Каменская

Виктор Пелевин – один из «самых загадочных писателей современной отечественной постмодернистской литературы» [1, 45]. Определение это критики в равной степени относят как к личности молодого прозаика, так и к его творчеству. В 1992 году в журнале «Знамя» впервые была опубликована повесть В. Пелевина «Омон Ра». Рисуя действительность конца 80-х годов, автор вводит необычные образы-символы, по-новому раскрывая вечные нравственные темы и понятия. «Пелевин создаёт принципиально новый образ литературного героя, находящегося на распутье между старым советским «космосом» и дорогой, ведущей в никуда» [1, 51]. Критики относятся к пелевинскому герою как к «явлению вполне допустимого параллельного мира с неевклидовой геометрией», называя его «внутренним мертвецом» [1, 53].

«Омон Ра» – это история о советском мальчике ОмонеКривомазове, с детства мечтающем о небе и сразу после окончания школы поступившем в летное училище, а потом попавшем в отряд космонавтов, которые готовились к полету на луну. Но, поскольку автором повести является концептуалист и постмодернист Виктор Пелевин, все не так-то просто.

«Омон Ра» вобрал в себя все достоинства, присущие произведениям Виктора Пелевина: непредсказуемый сюжет, глубокий смысл и оригинальность символики [3, 27]. Эта повесть оставляет читателю широкое поле для поиска трактовок. Пространство и время, описываемые Пелевиным, относят нас, как уже указывалось выше, к советской действительности конца 80-х годов XX века. Это время упадка советской идеологии, поиска нового жизненного пути, трансформации старого мира. Главный герой повести противопоставляется всем остальным персонажам и тому советскому «космосу», в котором он существует. В. Пелевин пытается показать, что массовая идеология – это лишь иллюзия реальности. Называя конкретные исторические имена, города, учебные заведения, автор подчеркивает их бутафорность: космические корабли сделаны из картона, люди соотносятся с пластмассовыми фигурами, сидящими внутри них. В. Пелевин подчеркивает, что есть массовое сознание, а значит, отсутствует индивидуальное, присущее каждому человеку.

Главный герой выделяется из окружающего мира именно тем, что умеет думать, размышлять, пытается найти свой духовный путь. Эта способность ставит его на грань между старым «коллективным космосом» и собственной «Вселенной». Она еще не создана, но ее создание зависит от

того, сможет ли он нажать стоп-кран или предпочтет ехать до следующей станции «старого мира». Время и пространство в произведении двусмысленны. С одной стороны, мы четко соотносим описываемое с Москвой 80-х годов, но с другой – каждый поворот сюжета показывает нам фантастические уголки действительности. Благодаря этому создается только иллюзия настоящей жизни.

Повесть представляет собой полупародию на воспитательные романы советской эпохи и жанрово близка к триллеру. По признанию самого Виктора Пелевина, в книге использована идея «тоналя», обозначающего в символическом смысле коммунистическое общество, «советский космос». Книга посвящена «Героям советского космоса» – но не космонавтам, а обычным людям, жившим в обособленном «советском космосе». Пелевин с язвительной иронией говорит о «святынях» советской действительности, показывая патриотизм, веру в светлое будущее, стремление к подвигу ради государства, желание покорить Вселенную. Ученики летного училища имени Маресьева не формируют собственное сознание, а лишь стремятся повторить подвиг настоящего человека, и для этого им ампутуют ноги. Тем самым разрушается само понятие подвига и показывается абсурдность существующего мира.

Пелевин создаёт уникальный художественный мир, в центре которого стоит настоящий человек, но не такой, как Маресьев, а такой, как Омон Кривомазов. Он такой же, как Иванушка в русских сказках – то дурачок (слепо верит окружающим, в то время как они его обманывают и сбивают с пути к настоящей реальности), то царевич (несмотря ни на что, незатейливо преодолевает все препятствия и достигает цели).

Так, главным тезисом повести становится: «единственная реальность – это реальность нашего сознания». Уже в самом названии Пелевин заложил основные символы своего романа: «Роман о...», «Моно Ра» – один Ра. Мотив одиночества прослеживается на протяжении всего романа. Даже с самым близким другом, Митьком, Омон не может поделиться своими мыслями, мечтами и надеждами. Здесь, на Земле, он пленник, ведь «подлинную свободу человеку может дать только невесомость...»[2, 205]. В мире, созданном Пелевиным, «свобода» скорее ирония, чем достижимая цель. Здесь все призрачно, нет ничего настоящего, правдивого, достойного. В итоге главный герой оказывается единственным, кому удалось разрушить все иллюзорные реальности и оказаться в настоящей.

Повесть о многом заставляет задуматься, и чтение её становится побуждением к домысливанию...

Литература:

1. Гетманский Н. Загадки и отгадки В. Пелевина / Н. Гетманский // Литературная Россия. – 2000. № 27. С. 43-49.
2. Пелевин, В. Омон Ра / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 1992. – 288 с.

3. Пронина, Е. Фрактальная логика В. Пелевина / Е. Пронина // Вопросы литературы. – 2003. – июль-август. – С. 5-31.

Черты неоакмеизма в творчестве Б.Ахмадулиной

Д. Н. Акчурина, студентка

Пензенский государственный университет

Научн.рук. – к.филол.н., доцент А. А. Тимакова

Традиции акмеизма, заложенные Анненским, Гумилевым, Мандельштамом и Ахматовой, оставили чрезвычайно глубокий след в литературе 1960 – 1980-х годов. Неоакмеизм же выходил за пределы советской и вообще социальной истории, предлагая взамен иной масштаб – масштаб истории культуры, в котором любые, даже самые трагические обстоятельства времени выглядели как нормальный фон, всегда сопутствовавший свершениям духа. Возможно, самой емкой декларацией неоакмеизма 1970-х годов стали знаменитые стихи Александра Кушнера: «Времена не выбирают, // В них живут и умирают. // Большой пошлости на свете // Нет, чем клянчить и пенять, // Будто можно те на эти, // Как на рынке, поменять». Неоакмеизм не предполагал бегства из «безвременья» в иное, более благоприятное, историческое время но, напротив, он возвращал историческое измерение своей эпохе. Причем чувство истории восстанавливалось благодаря чуткости к культурным ассоциациям, сокрытым в гуще повседневности, в дневниковых записях. В неоакмеизме характерная для поэтики акмеизма оксюморонность проявляется в устойчивом для разных поэтов сочетании архетипичности образного языка, тяготения к созданию художественных символов целых культурных систем с «прозаикой», подробностью рисунка повседневной судьбы, интимной или дружески-непосредственной интонацией, отсутствием ораторской позы [2, 58].

Неоакмеизм в постмодернистской ситуации приобретает новые черты. Частное, внутреннее, субъективное уже не воспринимается как художественный абсолют. От лирической свободы эмоционально-суггестивного (от слова суггестия – внушение) стиха начинается движение в противоположном направлении, в поисках каких-то внеличных художественных аргументов. Изменился статус поэтического слова. В нем нет уже того сакрального звучания, уникальности, как в модернистском стихе, потому что нет самого пафоса неповторимости. Похожесть на всех становится новым пафосом. Поэтому появляется ирония, склонность к каламбуру, к игре.

Отличительной особенностью неоакмеизма является создание поэтом художественного образа мировой культуры, «формулы связи» между прошлым и настоящим, между личным опытом поэта и гнётом

обстоятельств, времени. Создание этого образа происходит в процессе цитатного диалога между произведениями [2, 47].

В отличие от трагедийных и классических Тарковского, Самойлова или Липкина, поэты среднего («шестидесятнического») поколения переместили акмеистическую поэтику в измерение элегической традиции: наиболее показательны в данном случае творчество Беллы Ахмадулиной, Александра Кушнера и Олега Чухонцева.

Последовательно выстраивая свой лирический мир в диалоге с мирами культурных традиций, Ахмадулина создала романтический вариант неоакмеизма. В этом же направлении двигались и такие поэты, как Юнна Мориц, Инна Лиснянская, Юрий Левитанский. Так что опыт Ахмадулиной при всей его индивидуальности одновременно обладает и типологической значимостью [1, 68].

Неоакмеисты, и в частности Ахмадулина, приближались к новому качеству поэзии – универсальности творческого мира, его доступности для восприятия представителями иных ментальных и культурных слоев.

Ахмадулина стиль называет «вительватая грамота», потому так часты в её лирике оксюмороны. Так, в стихотворении «Заклинание» центральным понятием становится оксюморон «счастливой нищей». В стихотворении «Так дурно жить, как я вчера жила...» обращают на себя внимание оксюмороны «чудовищем ручным», «роскошью беды».

Для Ахмадулиной сам процесс творчества – это мука: «Я измучила упряжью шею. // Как другие несут письма – // Я не знаю, нет сил, не умею, // Не могу, отпустите меня» (Стихотворение «Это я»).

Ахмадулину привлекает изящная и вместе с тем тягуче-неподвижная эпоха старины (см. стихотворение «Хожу по околицам дюжей весны...»). Слова «старинный», «старомодный» проходят красной нитью через всё её творчество, определяя своеобразие поэтики [3, 191]. Как было сказано в книге Левина Ю.И., «русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма осуществляется связь между прошлым и настоящим» [1, 24]. Это мы можем увидеть в стихотворении поэтессы «Сумерки». Здесь Б. Ахмадулина пишет о лирической героине, которая способна мысленно перенестись в прошлое и пройти по аллее старины. Очевидно, речь идет о дореволюционном времени, когда «гостей на именины ждут, чтобы шуметь, краснеть и руки целовать».

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтика неоакмеизма нашла своеобразную реализацию в творчестве Беллы Ахмадулиной, дополняясь индивидуальным, авторским мировидением и тонкостями стилевых рисунков лирических произведений поэтессы.

Литература:

1. Левин Ю. И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature (Hague). – 1974. – № 7/8.

2. Лейдерман Н. Л. и Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950 - 1990-е годы. Том 2. 1968 – 1990.
3. Шварц Е. Ларец и ключ //Ахмадулина Б. Миг бытия. М., 1997.

Образы праведников в творчестве Л.Е. Улицкой

Ю. А. Ажамова, учащаяся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 28 г. Пензы
Е. Н. Митрикова

Образ праведника в русской литературе имеет давнюю историю. Современная писательница Л. Улицкая как представитель постмодернизма в литературе, опираясь на традиции русской классической литературы, создаёт образы героев – праведников, которые живут в соответствии с нравственными принципами, часто жертвуют личными интересами ради счастья других людей. Писательница создаёт свои типы героев – праведников, характеры которых в основе своей восходят к праведникам Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, А.И. Солженицына и других русских писателей.

Анализ ряда произведений современной писательницы, которые принадлежат к разным жанрам её творчества, позволяет сделать вывод, что Л. Улицкая создаёт образы праведников, которые, по мнению автора, способны изменить нашу жизнь.

Ведущую роль в создании образов семейных праведников играют житийный и библейский подтексты. Типологическими признаками праведничества, которые присущи героям Л. Улицкой, выступают:

1. Прямая номинация героя христианской «терминологией» («святой», «праведник»).
2. Значимые имена (Аарон, Павел, Сонечка, Самуил).
3. Символическая цветопись (мотив света, а также белый цвет в колористическом образе персонажей).
4. Близость героя к богу, к сфере божественного (следование христианским заповедям, соблюдение канонов, обрядовой стороны христианства: молитва, посты, посещение церкви, иконы в доме, чтение церковных книг).
5. Супружеская верность одному мужу или одной жене на протяжении всей жизни.
6. Подвиг христианского терпения и всепрощения.
7. «Посмертные чудеса».
8. Какой-то дар свыше, чаще связанный с целительством.

В авторской концепции Л. Улицкой явлен тип семейного праведника: в современной действительности, в эпоху крайнего индивидуализма, где

принципы семейственности разрушены, а семья перестала быть нормой существования, человек, строящий семейные отношения, выступает в роли подвижника, «семейного» праведника.

Одним из ярких образов героя – праведника является Сонечка из одноимённой повести. Современная писательница использует приёмы и способы создания образа главной героини:

- 1) поэтика имени;
- 2) портретная характеристика;
- 3) речевая характеристика;
- 4) поведение и поступки.

Л. Улицкая, следуя традициям русских классиков, создаёт образ героини, готовой жертвовать собой ради счастья окружающих её людей. Встреча с Сонечкой возрождает Роберта Викторовича к жизни. Именно она способствует становлению его как художника. Его творчество стало бессмертным. Современная писательница подчёркивает душевную красоту Сонечки при её некрасивой внешности. Но ведь внешность не столь важна. Авторское отношение к главной героине повести выражается в форме имени. Л. Улицкая на протяжении всего произведения называет её Сонечкой, употребляя уменьшительно-ласкательный суффикс. Форма имени Соня употребляется автором лишь несколько раз, а полное имя Софья Иосифовна используется только в конце повести. Оно указывает только на преклонный возраст героини. Душа Сонечки остаётся верной нравственным принципам. Нельзя сказать, что она искренне верующий человек. Но вся жизнь её – это жизнь по христианским заповедям: жертвует собой, своими интересами ради других людей, стремится сделать счастливыми окружающих людей, устроить их судьбу. Всё это позволяет сделать вывод, что Сонечка Л. Улицкой – герой-праведник. Современная писательница показывает, как такие люди могут хаос отношений превратить в гармонию счастливых людей.

Черты праведников несут герои рассказа Л. Улицкой «Счастливые». Современная писательница следует традициям древнерусской литературы. Здесь явно прослеживается связь героев с героями «Повести о Петре и Февронии Муромских». Супружество должно включать в себя и нежность, и заботу, и дружбу, и аскезу, и духовную близость. Образец супружеской любви – святые Петр и Феврония – бездетная пара. Такую же роль уготовила судьба Берте и Матиасу, героям рассказа «Счастливые». Смысл её супружества – это её муж, и главное – любовь.

Герои рассказа «Счастливые» - праведники. Их отличает кротость, незлобивость, они не отчаиваются, несмотря на трагическую ситуацию в их жизни. Они счастливые люди.

Следует обратить внимание на рассказ Л. Улицкой «Искусство жить». В нём автор рисует образы трёх праведниц. Все три героини обладают качествами праведника. Кто-то из них таковыми являются изначально, а кто-то становится после жизненных исканий, ошибок, разочарований.

В финале рассказа появляется евангельский мотив омовения ног: «Потом Хава усадила Женю в кресло, налила в таз тёплой воды, поставила в него Женины тощие ноги». Герои рассказа «Искусство жить» далеко не идеальные люди, они не святые в религиозном понимании. Но они наделены качествами праведника, потому что способны найти в себе силы смирить гордыню, покаяться в грехе зависти, прийти на помощь близкому человеку, поддержать его в трудную минуту. Они через грехи, бессмысленное существование приходят к пониманию необходимости жить по христианским заповедям.

Образ Анны Федоровны (рассказ «Пиковая дама») «наполнен» такими человеческими качествами, как совесть, долг, жалость, человеколюбие и сострадание. Жертвенность, бесконечная забота о других, определяющие нравственный ориентир героини, заложены и в ее имени – Анна означает «милость», «благодать».

Итак, образы праведников занимают важное место в творчестве Л.Е. Улицкой. Образы праведников в прозе Л. Улицкой по своей сути «собираательные»: за ними стоит и образно их питает целая череда праведников, как житийных, так и литературных (праведники А.С. Пушкина, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.И. Солженицына, праведники деревенской прозы и других).

В авторской концепции Л. Улицкой явлен тип семейного праведника: в современной действительности, в эпоху крайнего индивидуализма, где принципы семейственности разрушены, а семья перестала быть нормой существования, человек, строящий семейные отношения, выступает в роли подвижника, «семейного» праведника.

Заслуга писательницы в том, что она показала, как люди, бесцельно растрачивающие свою жизнь, душевные силы, способны стать праведниками. Это, оказывается, возможно в условиях современной бездуховности, дисгармонии семейных отношений.

Создавая образы праведников, Л.Е. Улицкая прибегает к поэтике имён, евангельским мотивам, аллюзиям. Её герои-праведники становятся актуальными в современной жизни.

Литература:

1. Воропаев В. А. Гоголь в последнее десятилетие его жизни: новые аспекты биографии и творчества. АДД. — М., 1997
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000
3. Кондаков Б.В. «Этическое пространство» художественного текста (на материале русской литературы 1880-х гг.) / Б.В. Кондаков // Языковое сознание и текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004

4. Куклин Л. Казус Улицкой. // Нева. 2003, № 7.
5. Лесков Н.С. О героях и праведниках (заметка) // Церковно – общественный вестник. – 1881. – № 129. –
6. Малашенок С. Поэтика греха и грех поэтики // <http://www.topos.ru>
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996
8. Сб. «Русская литература XIX века и христианство». – М, 1997
9. Улицкая Л.Е. Конец сюжетов: Зелёный шатёр. Первые и последние. Сквозная линия: роман, повесть, рассказы. – Москва: АСТ, 2013
10. Улицкая Л. Сонечка: Повести. Рассказы. – М.: Эксмо, 2007
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта – Принт, 2009
12. Хализев В.Е. «Герои времени» и праведники в освещении русских писателей XIX века / В.Е. Хализев // Русская литература XIX века и христианство: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1997
13. Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. – М, 1983
14. Щеглова, Е. О спокойном достоинстве и не только о нем. Проза Л. Улицкой / Е. Щеглова // Нева. - 2003. - №7.

Лексико-морфологический анализ слов-финалистов интернет-конкурса «Слово года» 2007 – 2012 гг.

Е.К. Андреева, учащаяся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы МБОУ «Кадетская школа по делам ГОЧС № 70» г. Пензы
Н. Г. Максимова

В целях отражения влияния общественно-политических событий на лексический строй языка филологи ежегодно методом голосованием определяют главное слово, которое олицетворяет то, что более всего было на слуху в текущем году. Эта форма исследования стала конкурсом «Слово года». В России с 2007 года конкурс проводится сайтом ИМХОНет и Центром развития русского языка, при поддержке Международной Ассоциации преподавателей русского языка. С 2009 г. победителей определяют не только эксперты-филологи, но и народное интернет-голосование. Горячая линия работает на сайте ИМХОНет до конца декабря, куда каждый пользователь может представить свой вариант. Затем все присланные слова и выражения выносятся на обсуждение экспертного совета Центра творческого развития русского языка. В процессе выборов «слов года» экспертным советом в обязательном порядке учитывается тот факт, что словесный портрет года не может быть единым. Он должен быть

множественным и отражать мнение различные слоев общества. Поэтому победителем становится не одно слово, а ряд слов и выражений.

Интересно рассмотреть лексико-морфологические особенности слов-финалистов конкурса «Слово года» за период его существования в России – 2007 – 2012 гг.

За период 2007 – 2012 гг. в финал конкурса «Слово года» в общей сложности вышло 35 слов.

По частеречной принадлежности 92% составляют имена существительные, 7% – глаголы, 1% – имена прилагательные. Подобная картина закономерна: в каждой конкретной ситуации для носителей языка наиболее важным является назвать предмет (для чего служат имена существительные, например, *кризис*), и только после – обозначить их действие (с помощью глаголов, например, *лайкать*), указать на основные признаки (с помощью имен прилагательных, например, *антикризисный*).

По происхождению 66% слов-финалистов являются заимствованными и только 34% – исконно русскими. Среди иноязычной лексики лидируют англо-американские заимствования (61% от общего количества слов иноязычного происхождения; например, *смог*, *пиар*). Далее следуют заимствования из немецкого (17%; например, *карусель*), французского (11%; например, *гламур*) и греческого (11%; например, *пандемия*) языков. Большое количество иноязычной лексики среди слов-финалистов российского конкурса «Слово года», на наш взгляд, объяснимо активным процессом глобализации в мире и в языке.

подавляющее большинство «слов года» представляют собой имена нарицательные (75%; например, *выборы*, *рокировка*), то есть существительные, обозначающие общие понятия, в отличие от собственных существительных (25%; например, *Фукусима*, *Болотная*) – индивидуальных обозначений объектов. Мы считаем, что подобное соотношение закономерно в формате конкурса, основной целью которого, по словам организаторов, является «составить обобщенно-целостный портрет общества в словах: ощутить «нерв времени».

Практически все слова (91%) использованы в прямых, то есть основных, лексических значениях (например, *война* – вооруженная борьба между государствами, народами или классами). Только единичные переносные, то есть вторичные значения закрепились в финальных списках «Слова года» (например, *рокировка* – перемещение. От шахмат.проф. термина: горизонтальное перемещение короля и ладьи). Респондентам предпочтительнее прямое значение, поскольку оно общедоступно, тогда как переносные значения предполагают слишком большую вариативность.

Какими же предстают перед нами годы 2007 – 2012 сквозь призму конкурса «Слово года»?

Согласно списку финала конкурса в 2007 году россиянам было важно не только выглядеть *гламурно*, то есть «очаровательно», но и развивать

нанотехнологии – «новые научные технологии». Активное освоение интернет-пространства требует наличия *блога* – «сетевого дневника», а развитие различных форм политической и коммерческой коммуникации уже немыслимо без *пиара* – «связей с общественностью». Мысли россиян заняты прошедшими думскими и предстоящими президентскими *выборами* – «избранием путем голосования должностных лиц». Кроме того, большое внимание в общественных отношениях уделяется «совокупности представлений о личностных и поведенческих особенностях мужчины и женщины», то есть *гендеру*.

Согласно списку финала конкурса в 2008 году самым сильным потрясением стало падение фондового рынка в августе – октябре, то есть кризис – «затруднительное, тяжелое положение». Однако страна продолжает жить и развиваться, в том числе и в научно-техническом направлении, о чем свидетельствует *коллайдер* – «ускорительная установка со встречными пучками». Более того, россияне проникаются духом *великодержавности* – «духом национального превосходства крупной державы над другими народами и государствами». Не остаются равнодушными и к вооруженному конфликту Грузии и Южной Осетии, пятидневной *войне* – «вооруженной борьбе между государствами или народами, между классами внутри государства».

Согласно списку финала в 2009 году государство старается решить проблемы прошлого кризисного года с помощью ряда мер *антикризисных* – «доступных, компромиссных, выгодных». Взволновал общество факт того, что *ЕГЭ* («единый государственный экзамен, форма сдачи выпускных экзаменов в 11-м классе школы») из формата эксперимента впервые перешел в обязательную методику сдачи экзаменов всеми выпускниками школ.

Не меньше россияне были обеспокоены и своим здоровьем, ведь нам угрожала пандемия гриппа H1N1 – «эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на территорию всей страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира».

Внушал определенное недоверие и опасение и тандем В.В. Путина и Д.А. Медведева, что отразилось в пародийном неологизме *медвепутия*, под которым понимается «современное Российское государство, находящееся под управлением президентско-премьерского дуумвирата В.В. Путина и Д.А. Медведева».

Согласно списку финала 2010 года больше всего в течение года россиян волновали природные катаклизмы: летняя *жара* («сильный жар в воздухе»), следствием которой к столице стал *смог* («удушливый туман»), а на борьбу с которой отправились отважные *огнеборцы* («пожарники»), и зимние аномальные *морозы* («очень холодная погода»). Столицы, жизнь в которых все больше ориентируется на западные образцы, сменили «городских управляющих, глав муниципальных администраций» на *сити-менеджеров*.

Запомнился и острый вопрос Юрия *Шевчука*, заданный «музыкантом, поэтом и композитором» В.В. Путину на встрече представителей творческой интеллигенции с тогдашним премьер-министром.

Согласно списку финала 2011 года все большее внимание россияне обращают в виртуальное пространство, причем по самым разным поводам: от участия в «российском общественном оппозиционном проекте по борьбе с коррупцией» на сайте *РосПилдо* непринужденного общения в «системе микроблогов» *Твиттер* и «социальной сети» *Фейсбук*, где нормой стало *лайкать* («заносить в список избранного, отдавать предпочтение») фото, видео, музыку и пр.

Много шума наделало переименование милиции в *полицию* для обозначения «системы государственных служб и органов по охране общественного порядка».

В политической жизни года также произошло знаковое событие. Выступая на XII съезде партии «Единая Россия», глава правительства Владимир Путин предложил президенту Дмитрию Медведеву возглавить список партии на выборах в Госдуму. Медведев предложение принял и в ответной речи заявил о необходимости выдвинуть Владимира Путина в качестве кандидата на выборах президента страны в 2012 году. Это событие вошло в новейшую российскую историю как *рокировка* («перемещение») тандема.

Не могла оставить равнодушными россиян и крупная радиационная авария на АЭС *Фукусима-1*, расположенной в префектуре одноименного города в Японии.

Согласно списку финала 2012 года наиболее знаковые события года происходили в сфере политики. Это и *карусели* (то есть «массовые фальсификации на выборах, при которых специально нанятые люди неоднократно голосуют на разных участках»), и многочисленные «акции протеста» на *Болотной* площади в Москве, и собственно *митинги* («массовые собрания для обсуждения злободневных вопросов текущей жизни»), и даже их названия – *Оккупай* (то есть «захвати»).

Всколыхнуло общество в этом году и еще одно событие – несанкционированная акция панк-рок-группы *PussyRiot*. После него в обществе заговорили и заспорили о *панк-молебне* («окультурно-религиозном музыкальном жанре»), *кощунстве* («оскорблении религиозной святыни») и даже *религархии* («объединение духовенства и олигархии»).

Если сравнить группы слов-финалистов разных лет, то можно заметить, что самым позитивным был финал «Слова года» 2007 г., а самым негативным – финал 2012 г. Это и есть индикатор народного мнения, «пульс общества».

Таким образом, очевидно, что конкурс «Слово года» интересен для изучения, имеет право на существование и дальнейшее развитие.

Литература:

1. Мультикультурный рекомендательный сервис imhonet.ru [Электронный ресурс] (дата обращения 11.11.2013).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 11.11.2013).
3. Сиротинина О.Б. Изменения в речи – изменения в языке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2009. Вып. 9.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.

Региональные СМИ Казахстана

М. Х. Аргынбаева, Н. Т. Шынгысова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Развитие казахстанского общества в самых разных направлениях невозможно представить без усиления роли и влияния средств массовой информации и коммуникации. Глобализация в мировом масштабе потребует дальнейшей информатизации общества, поэтому средства массовой информации и коммуникации станут основным инструментом формирования информационного общества. Наряду с процессами глобализации в Казахстане происходит и регионализация. Что это такое? По мнению российского исследователя региональной политики и региональных СМИ, руководителя фонда развития информационной политики В. Касютина, регионализм, есть, прежде всего, региональная политика, под которой подразумевается система намерений и действий, целью которых является реализация интересов государства в отношении регионов и интересы самих регионов в плане собственного развития. В Казахстане была утверждена государственная программа «Развитие регионов» Постановлением Правительства Республики Казахстан от 26 июля 2011 года № 862. Президент Нурсултан Назарбаев заявил, что увеличиваются полномочия региональных органов власти – вся работа по управлению переходит непосредственно в регионы. В 2012 году Глава государства подписал "Концепцию о развитии местного самоуправления", уже в 2013 году было создано Министерство регионального развития.

Информационное пространство Казахстана, занимаемое официальными (государственными) средствами массовой информации, в значительной степени "перекрывается" неофициальными, (негосударственными) СМИ и различными медиа-холдингами. На данный момент в республике действует 2740 СМИ, из которых 84 процента (2301) – негосударственные СМИ, 16 процентов (439) – государственные. Большинство СМИ – 2494 ли 91 процент – традиционно представлены газетами и журналами. Газетный рынок

составляет 1662 издания, из которых 20 процентов – государственные и 80 процентов – негосударственные. С целью поддержки казахскоязычных СМИ и включения их в глобальную сеть был осуществлен запуск сайта-агрегатора Vaq.kz. Для региональных СМИ, не имеющих собственные сайты, предоставлена возможность размещения на Vaq.kz собственных новостей. Для этого открыты 54 специальных странички, создан раздел для клуба молодых журналистов «Жария». Для главных редакторов и ведущих данных разделов от региональных СМИ проводятся обучающие семинары по использованию портала. В статье «Социальная модернизация Казахстана: 20 шагов к обществу всеобщего труда» Н. Назарбаев озвучил задачу по дальнейшей модернизации отечественных СМИ, в том числе региональных. Перед СМИ, в частности, региональными, поставлена задача совершенствовать свою деятельность, которая должна отвечать национальным интересам и социально значимым задачам развития страны.

При активно протекающих процессах глобализации и регионализации, когда традиционные связи между людьми заменяются функциональными, множественными, когда нарушается цепочка передачи норм традиционной морали, традиционного поведения индивида как члена национальной или социокультурной ячейки, особенно важным становится сохранение и поддержание собственной национальной и социокультурной идентичности народа Казахстана. В условиях глобализации именно национальная культура становится более ценным явлением для своего народа, как колыбель, сохраняющая истоки его жизни и его сердце.

При этом практически каждая развивающаяся национальная культура неизбежно входит в процессы обмена с другими уровнями культуры, которые могут, в зависимости от многих факторов, как обогатить ее потенциал, так и опустить его до уровня стилизации, копирования внешних форм и идей. Эта ситуация вполне естественна. Мобильность, открытость, коммуникабельность, склонность к инновациям, предприимчивость, социальная ответственность и толерантное отношение к различным культурным традициям должны стать сердцевиной ценностной системы казахстанской цивилизации XXI века.

И роль СМИ в продвижении ценностных ориентаций казахстанского общества неоспорима. Новая идентичность страны, в условиях глобальной информационной цивилизации, позволит сохранить культурное многообразие Казахстана, создаст предпосылки для его динамичного развития и масштабной, полновесной интеграции в мировое социокультурное пространство.

Трансформация СМИ на макроуровне оказывает воздействие на функционирование и развитие региональных средств массовой информации. За время независимости, то есть за 20 лет, СМИ Казахстана прошли несколько этапов развития. По данным исследований проекта Medialow.asia, первый этап – это постсоветский, характеризующийся государственной

монополией на СМИ. Второй этап – становление и рост негосударственных СМИ, сокращение доли государственных СМИ. Третий этап – либеральный, характеризующийся качественными и количественными изменениями на рынке масс-медиа, массовой приватизацией и разгосударствлением бывших государственных СМИ, полиграфических предприятий, переходом от государственного финансирования и дотирования СМИ к госзаказу на проведение государственной информационной политики. Четвертый этап – холдингование, или политизация информационного рынка. С 2008 года на медиа рынке республики начался процесс слияния медийных компаний и СМИ. Создание подобных медиа корпораций является значительным достижением проводимых в Казахстане социально-экономических и демократических реформ. Эти процессы естественно затронули и региональные СМИ.

В регионах появились медиа-холдинги, которые управляют из одного центра подконтрольными им изданиями и финансируют их. Такой подход в управлении СМИ должен позволить создавать полноценный конкурентоспособный медиапродукт.

Наблюдения, основанные на результатах социологического опроса журналистов относительно деятельности СМИ региона (12 респондентов, май-июнь 2013 г.), а также на анализе самих СМИ, их деятельности, контента, менеджмента и структуры, позволяют говорить о том, что региональные СМИ претерпевают изменения и имеют трудности, обусловленные целым рядом причин экономического, политического, социокультурного и правового характера.

Результаты проведенного в Костанайской области экспертного опроса журналистов местных СМИ показывают, что основная проблема региональных медиа - их финансовая и организационная зависимость от институтов власти. Многие опрошенные казахские журналисты характеризуют региональные СМИ как инструмент влияния институтов власти на население (40 процентов): СМИ публикуют неинтересные и малопонятные для аудитории постановления, указы, нормативные акты местных властей. Контент-анализ районных газет дал следующее. Журналист актогайской районной газеты пишет, что бесчисленное количество приказов и указов районного акимата, отделов акимата не представляют никакого интереса для читателей газеты, но в силу закона о тендере газеты вынуждена публиковать на своих страницах эту «макулатуру» и таким образом терять аудиторию, следовательно, тиражи, не говоря уже о прибыли. Тендерная политика не дает никакой свободы газете, следовательно, и росту ее популярности у населения. Необходима действительная независимость от государства, но это вряд ли возможно, по мнению журналиста, пока действует система тендеров. Журналист утверждает, что независимость издания от правительства (районного акимата) сделает газету истинно народной, востребованной, значит, успешной.

Годом раньше консалтинговая фирма «Бизнес медиа», исследуя уровень казахстанских изданий, пришла к таким выводам: издания зависимы от учредителей и спонсоров, качество менеджмента низкое, материалов, отвечающих запросам читателей, крайне мало, поступления от рекламы незначительны. Особенно это касается региональных СМИ. Уровень читателей за последние годы значительно вырос, так же как и конкуренция в сфере СМИ. Отличие региональных СМИ в аудитории – эти газеты читают люди разных возрастов. Некоторые издания являются единственными СМИ в некоторых регионах, порой в отдаленные аулы газеты доставляются не вовремя, с запаздыванием, подписчики получают несколько номеров сразу. Рост почтовых тарифов, высокая стоимость подписки, плохо поставленная служба доставки – эти проблемы становятся непосильными для жителей аулов, и ждут решения от региональных властей. В свою очередь решение этих вопросов ставит следующую задачу – изменение способов доставки информации, с использованием современных технологий.

Как видим, система региональных СМИ во многом зависит от местных особенностей. Целый ряд факторов – политических, экономических, социокультурных, идеологических – обуславливает развитие региональных СМИ. Важным для развития СМИ является и их географическое положение, например, удаленность от центра.

Нельзя согласиться с мнением, что газета должна выполнять, прежде всего, информационную функцию. В условиях государственностроительства важными представляются содержательность, глубина, аналитичность журналистских материалов, которые формируют гражданскую позицию и национальную идентичность посредством проецирования традиционных духовных ценностей народа в современность. Тем более что от исполнения социальной функции журналистика только выигрывает.

В соседней России особое внимание уделяется развитию региональных СМИ. Согласно последним данным ВЦИОМ, читатели региональных изданий составляют 35 процентов от общего числа читателей страны. Руководитель Фонда развития информационной политики В. Касютин считает, что региональные СМИ должны поменять маркетинговую стратегию, стать социальной журналистикой прежде всего. Для Казахстана это также становится актуальной задачей СМИ в условиях информационной и социокультурной экспансии в рамках информационного общества, формирующегося в планетарном масштабе.

Культура малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в освещении современной журналистики

Д. В. Арехина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. филол. н., доцент Е. К. Рева

Российская Федерация – одно из крупнейших многонациональных государств, где проживает более 190 народов. Соответственно национальная политика России имеет своей целью консолидацию многочисленных народов, и в этом процессе значительное место отводится историко-культурологической составляющей.

В декабре 2012 года был подписан указ Президента РФ № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5].

В принятом документе, в частности, подчеркивается, что государственная национальная политика социально обусловлена и носит межотраслевой характер. Одна из задач в сфере культуры и информации – сохранение самобытных культур, исторического наследия и традиций народов многонациональной России.

Вся многовековая история нашей страны свидетельствует о взаимодействии и взаимовлиянии культур и традиций различных народов, и эти давние исторические традиции служат основой для дальнейшего развития межкультурного диалога [4].

В свете этих принципиальных положений возникает необходимость осмысления роли социального института журналистики в национальной политике. Особенно эта проблема важна в отношении коренных малочисленных народов России.

На сегодняшний день мы отмечаем неблагоприятную тенденцию отсутствия в российской журналистике должного внимания к вопросу освещения культуры малых народов. Соответственно, в настоящей работе мы преследуем цель проанализировать представленный в СМИ контент заявленной тематики с целью создания средствами журналистики образа малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в культурологическом аспекте [3].

В основе этнической культуры лежат ценности, принадлежащие той или иной этнической группе. Признаками такой группы являются общность происхождения, расовые антропологические особенности, язык, религия, традиции и обычаи. Этнической является культура, носители которой связаны единством «крови и почвы» [2].

Публикации о культуре малых народов России находятся на периферии отечественной прессы и в большинстве своем представляют материалы очеркового типа об отдельных аспектах существования конкретного этноса.

Впрочем, в 2003 году была создана общественная организация «Гильдия межэтнической журналистики», которая курирует медиа-проект «Национальный акцент» в сети Интернет и выпускает тематическую вкладку «Национальный акцент» в еженедельной газете «Аргументы недели».

Проанализировав контент тематической вкладки «Национальный акцент» в газете «Аргументы недели» мы пришли к выводу, что материалы о

культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в вышеназванном издании присутствуют, однако носят фрагментарный характер и обычно связаны с каким-либо календарным событием.

Нередки публикации, в которых тема культуры малых народов отражена как косвенная, сопутствующая основной. В материале «Север в миниатюре» описана история ремесла резьбы по кости [1]. Поскольку это ремесло является частью культуры коренных малочисленных народов Севера и Сибири, то, наряду с технологией, представлены носители данного искусства: «Большинство художников – представители коренных национальностей: долган, ненцев, нганасан, энцев, эвенков. Учиться, как положено, начинают с самого детства. К слову, считается, что работа с этими ценнейшими материалами – бивнем мамонта и оленьим рогом – прочно связывает будущих художников-косторезов с тундрой и домом. Наследники вечности, они, как и древние аборигенные мастера, в тончайшей филигранности готовятся раскрыть свое миропонимание».

Безусловно, публикации о культуре малых народов обычно преподносятся в позитивном ключе, как нечто самобытное, неординарное и редкое, однако анализ существующих у них сложностей и проблем разного уровня, с которыми сталкиваются представители малых народов, в печати появляется редко. Например, в указанном материале «Север в миниатюре», читаем: «Только вот, увы, уникальный промысел находится в очень сложном положении. Чукотские мастера жалуются, что реализовывать свою продукцию могут лишь в пределах Арктического побережья. Далее ее везти просто невыгодно» [1].

Электронные СМИ обладают несравнимо большими возможностями, чем пресса, вследствие широкого охвата аудитории, высокого уровня оперативности, а также наличия аудио – и визуального компонента.

Так, в 2013 году на телеканале «Россия К» вышел цикл программ «Россия, любовь моя!», посвященный традициям и обычаям жизни народов России. Особенностью данной телепрограммы стало то, что в роли ведущего выступил Пьер Кристиан Броше – французский издатель и коллекционер современного искусства, много лет живущий в России.

В цикле «Россия, любовь моя!» достаточно большое количество программ посвящено культуре малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: «В гостях у эскимосов и чукчей», «Мистический мир нганасанов», «Культура тувинцев», «Эвенки: образ жизни, обряды, обычаи», «Нивхи, живущие у воды», «Верования и обряды нанайцев», «Ненцы: обряды и обычаи», «Лесные духи вепсов», «Божества хантов», «Жизнь хантов».

С точки зрения формы каждая из программ цикла представляет собой интервью ведущего с компетентным гостем, экспертом в области этнологии, сочетающееся с демонстрацией отрывков из тематических документальных фильмов.

Оценивая внутреннюю структуру, отметим, что в данном цикле очень важен личностный фактор: поскольку ведущий является французом, все темы преломляются в его восприятии. Контент интервью в каждом отдельно взятом выпуске разнообразен и не сосредотачивается вокруг одной темы.

На «Радио России» с 2001 года выходит передача «Народы России», представляющая собой межэтнический радиожурнал. Значительное внимание здесь уделяется культуре малых народов в аспектах бытования языка, традиционных обрядов, обычаев, промыслов и защиты прав коренных малочисленных народов. Основным приемом сбора информации является интервью с представителем этноса, и часто конкретный выпуск посвящается определенному малочисленному народу: «Культура эвенков – сокровище нации», «О саамских нарядах», «Нивхи сегодня».

Таким образом, мы отмечаем, что этническая журналистика с освещением ею культуры коренных малочисленных народов России занимает небольшой сегмент в структуре контента российских масс-медиа и настоятельно нуждается в дальнейшем развитии соответственно с требованиями государственной национальной политики.

Литература:

1. В. Чугунова. Север в миниатюре // Аргументы недели. – 2010. – № 35 (225).
2. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, 2003.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 26.12.2011) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124261/.
4. Савинова О.Н. Роль СМИ в сохранении самобытных культур, исторического наследия и традиций народов России // Журналист. Социальные коммуникации. – 2013. – №1. – С. 28-33.
5. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz2wQwiqoDL>

Новые педагогические технологии на уроках обучения русскому языку

Ю. С. Аржавикина, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 8 им. Н.С. Павлушкина г. Пенза

Пройдя большой путь становления, методика преподавания русского языка продолжает развиваться и в настоящее время. С изменением эпохи

менялись и основные цели и задачи методики: так, от цели – ликвидировать орфографическую неграмотность (в 30-е годы XX века) методика пришла к цели – развивать личность учащегося (XXI век); от знаниевой направленности – к личностно-ориентированной.

Если проследить эволюцию педагогических технологий, то можно выделить авторитарные, дидактоцентрические и личностно-ориентированные педагогические технологии. Современное общество характеризуется большой информативностью и те методы и способы обучения, что работали до сегодняшнего дня, устаревают, теряют свою эффективность. На смену авторитарным технологиям приходят личностно-ориентированные.

Новые образовательные технологии предлагают инновационные модели построения такого учебного процесса, где на первый план выдвигается взаимосвязанная деятельность учителя и ученика, нацеленная на решение как учебной, так и практически значимой задачи.

Какие же организационные модели обучения русскому языку вошли в школьную практику?

Первая технология, о которой следует сказать – это модульная учебная программа. Она представляет собой систему логически завершенных элементов содержания образования конкретной учебной дисциплины – учебных модулей – и направленная на овладение субъектами образовательного процесса содержанием образовательных программ. При этом программа учитывает индивидуальные интересы и возможности субъектов образовательного процесса.

На втором месте располагаются игровые технологии. Игра выполняет важную функцию в процессе обучения ребенка не только в дошкольном и младшем школьном возрасте, но и в подростковом возрасте. Через «игру» учащийся примеряет на себя определенные социальные роли, учится ориентироваться в различных обстоятельствах. Выделяется несколько разновидностей игры: деловая, сюжетно-ролевая и дидактическая. Реализация этих технологий будет зависеть от возрастных особенностей учащихся. Выделяют игру как метод обучения в дошкольном и младшем школьном возрастах и в подростковом возрасте.

Игровые технологии являются одними из эффективных, но не менее эффективными являются и технологии проблемного обучения.

Психологической основой служит противоречие, возникающее в сознании учащегося, между тем, что он знает и тем, что необходимо знать, чтобы решить поставленную задачу. Важно ответить на вопросы: Кто формулирует проблему? Что выступает источником проблем? Можно выделить две большие группы познавательных проблем: в первой источником выступает учебное пособие со своим пониманием дидактических противоречий; во втором – проблемы формулируются учащимся, а источником их выступает его собственный опыт.

Потенциал технологий проблемного обучения обеспечивает следующее:

- Побуждает к самостоятельной учебной деятельности и активному поиску;
- Стимулирует проявление активности, самостоятельности, инициативы и творчества;
- Развивает интуицию и мышление;
- Учит искусству решения различных научных и практических проблем, опыту творческого решения теоретических и практических задач;
- Обеспечивает развитие критического и теоретического мышления, основных интеллектуальных умений – обобщения, систематизации, анализа, синтеза, дедукции и индукции;
- Вызывает познавательный интерес к содержанию и методам учебного предмета;
- Приобщает к пониманию и поиску нового научного знания и способам получения;

В отличие от традиционного обучения данная технология способна вызвать у учеников эмоциональное переживание, связанные со стремлением к общему успеху и коллективным достижениям.

Систематическая работа в системе технологии проблемного обучения позволяет учащимся развить интеллектуальные умения, повышает уровень познавательной самостоятельности, поисковой деятельности, готовности к самостоятельной работе в режиме технологии развивающего обучения.

Наибольшую распространенность на данном этапе развития методической мысли приобретает технология обучения в сотрудничестве. Она основана на использовании метода групповой работы как наиболее распространенной формы кооперации. Такая групповая работа опирается на основные положения сотрудничества и подразумевает:

- Наличие взаимозависимости членов группы между собой наряду с личной ответственностью каждого члена группы за свои успехи и успехи товарищей;
- Специальное внимание, уделяемое специальным аспектам обучения: способам общения между членами группы;
- Наличие общей оценки работы группы, складывающееся из академических результатов работы и оценки формы общения студентов в учебной группе.

В отличие от традиционного обучения данная технология способна вызвать у учеников эмоциональное переживание, связанные со стремлением к общему успеху и коллективным достижениям.

Существует несколько форм проведения уроков с использованием технологии сотрудничества. Так, например, на уроках можно использовать

групповую работу учащихся одного класса или использовать разновозрастное воздействие.

Групповую работу в рамках одного учебного класса мы все используем и о ней знаем, а вот о сотрудничестве в разновозрастных группах знают немногие. Да и в условиях современной школы и урока трудно представить реализацию данной технологии, но тем не менее она имеет место быть.

Наиболее приемлемой формой организации учебно-познавательной деятельности в данных условиях является работа в парах, триадах, группах.

Обязательным условием сотрудничества является создание таких условий, когда не только на старшего школьника, но и на младшего возлагается часть учительских функций: целеполагание, совместное обучение, оценка и взаимооценка, формулировка выводов.

Таким образом, применение данной технологии помогает развивать коммуникативные, поисковые навыки учащихся. Ученики самостоятельно оценивают уровень своих знаний и, исходя из этого, прогнозируют и выстраивают дальнейший путь работы по предмету.

В настоящее время методическая теория продолжает развиваться: привычная система занятий уже не устраивает прогрессивные умы нашего столетия, создаются новые технологии, методы и приемы обучения.

Главное, что характеризует применение педагогических технологий в обучении, – это принципиально иные основания учебного процесса, особый способ постановки педагогических целей, заключающийся в том, что эти цели формулируются как предполагаемый результат деятельности учеников в виде конкретных умений. Далее идет специальная переработка содержания и собственно организация учебного процесса.

Пословицы русского народа в творчестве В.И. Даля

М. Н. Баранова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – доцент Л. Б. Гурьянова

Пословица – жанр фольклора, изучаемый достаточным количеством ученых, но во многом оставшийся непонятным и загадочным. Пословица отражает духовный облик народа, стремления и идеалы, суждения о самых разных сторонах жизни человека. Она живет в речи, только в ней она приобретает свой конкретный смысл. Созданные в веках, переходя от поколения к поколению, пословицы поддерживали уклад народной жизни, крепили его духовный и нравственный облик, из каждой пословицы следует вывод, который полезно принять к сведению.

Широкому распространению и долголетию пословиц способствовало то, что часть их, теряя свой прямой смысл, приобретала смысл переносный. О чем бы ни говорилось в пословицах – это всегда обобщение. Образное

отражение действительности в пословице связано и с эстетической оценкой разнообразных явлений жизни. Есть и веселые, и грустные, и потешные, и горькие пословицы. Вот как сказал об этой черте народных пословиц В.И. Даль: пословица - это «свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [1].

Первое дошедшее до нас собрание русских пословиц и поговорок называлось «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» (конец XVII века), в сборник вошло свыше 2500 пословиц и поговорок, однако составитель так и остался неизвестным.

Одной из самых авторитетных книг является сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа», включавший уже 30 000 пословиц и поговорок, которые были сгруппированы по тематике. Его выходу предшествовала большая работа.

Владимир Иванович Даль (1801-1872) над сбором и обработкой пословиц и поговорок начал работать еще в молодости и занимался ими всю свою жизнь. В 1862 году он выпустил большой сборник «Пословицы русского народа». В сборнике насчитывается 30130 номеров, там представлены не только пословицы и поговорки, но и речения, присловья, прибаутки, загадки, поверия и т. д. Пословицы и поговорки составляют примерно две третьих всего материала.

Несколько лет В.И. Даль вел кочевой образ жизни, переезжал из одного уголка России в другой. Всюду, где он находился, постоянно прислушивался к живой речи, записывал пословицы, поговорки, различные слова.

После службы в Николаеве в 1826 году В.И. Даль подал в отставку и определился студентом медицинского факультета Дерптского университета. Полного курса университета Дально окончить не удалось, так как началась турецкая война. В.И. Даль был зачислен врачом в действующую армию. Особенно много записей народных слов и пословиц ему удавалось собрать во время военных походов.

После войны он некоторое время работал врачом в петербургском госпитале. Затем около восьми лет служил чиновником по особым поручениям у оренбургского военного губернатора.

Когда В.И. Даль находился в Оренбурге, туда приехал А.С. Пушкин для сбора материалов к своей знаменитой «Истории Пугачева». Владимир Иванович охотно встретил поэта и почти все пять дней неразлучно находился с ним, знакомил его с историческими местами, где был Е. Пугачев. Именно поэт посоветовал ему собирать слова и пословицы для словаря русского языка, ведь А.С. Пушкин живо интересовался изучением народного языка.

В сентябре 1841 г. В.И. Даль приехал в Петербург. По роду службы он уезжал на все лето путешествовать по городам и селам, записывал слова и

пословицы. За восемь лет службы в Петербурге он значительно пополнил свои запасы. Этот период его службы был так же продуктивным, как и период оренбургский. После Петербурга он около десяти лет находился в Нижнем Новгороде, где просиживал целые вечера над собранными материалами.

Первой работой В. Даля о пословицах была его статья, прочитанная 7 мая 1847 года на собрании членов Русского географического общества. В ней он остановился на значении пословиц и поговорок, указал собирателей и исследователей этого жанра народного творчества, рассказал о их происхождении.

Отличительная особенность сборника В. Даля состоит не только в том, что он по объему превосходит все сборники, изданные в первой половине XIX века, но и в том, что расположение пословиц и поговорок в нем иное. Почти все сборники XVIII - XIX веков до В.И. Даля издавались в азбучном порядке по начальной букве пословицы. Он отверг этот способ и расположил пословицы в своем сборнике по темам, смыслу, что позволяло без труда ознакомиться с тем или иным материалом. В большинстве разделов сборника приведены пословицы о положительных и отрицательных явлениях, а сами разделы носят заголовки, содержащие антонимические сочетания, например: «Радость - горе», «Правда - кривда», «Вина - заслуга», «Жизнь - смерть», «Родина - чужбина», «Молодость - старость», «Много - мало» и другие.

Такого рода заглавия-антонимы свидетельствуют о том, что В.И. Даль собрал пословицы и поговорки, которые раскрывают явления жизни не только с положительной, но и с отрицательной стороны, поэтому они характеризуют какое-либо явления наиболее полно, всесторонне.

В.И. Даль до конца своей жизни пополнял запасы пословиц. Собранный материал был использован в другом капитальном труде - «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863-1866). В нем в качестве иллюстративного материала было приведено большое количество пословиц и поговорок. Особенно обильно они приведены в словарных статьях : *воля, глаз, голова, деньги, добро, дело, жить, знать, конь, небо* и многими другими.

Например, при толковании слова *глаз* в качестве иллюстративного материала была приведена 141 пословица и поговорка: *«Глазами кос, да душою прям», «Кто старое вспомянет, тому глаз вон», «Жену выбирай не глазами, а ушами», «У него глаза в затылке», «Протри себе глаза», «Что глазом не досмотришь, то мошною доплатишь», «Одним глазом спи, а другим стереги (моргай)»* и другие.

В словарной статье на слово *голова* встречаем 112 крылатых выражений, например: *«У него голова трухой набита», «Ему ничего путного нейдет в голову», «Выкинуть что из головы», «Очертя голову», «Работать головою», «Голова трещит от дел», «Потерять голову», «Муж голова, жена душа», «Повесил головушку на праву сторонушку», «Выдать кого головою», «Разбить войско наголову»* и другие.

Слово *деньга* иллюстрируется 94 пословицами и поговорками, например: «Ему деньгура спать не дает», «Деньга на деньгу набегаает», «При беде за деньгу не стой», «При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил», «Много друзей, коли денежка есть» и другие.

Известность В.И. Даля как лингвиста, фольклориста и этнографа вышла за пределы России, но немногие сейчас знают, что он являлся автором очерков, рассказов, повестей из русской народной жизни, когда-то широко популярных русских народных сказок. Он широко использовал собранный им материал для характеристики героя, индивидуализации его речи, а иногда как средство художественной изобразительности в авторской речи.

Для характеристики языка крестьян В.И. Даль вводит в повествование пословицы и поговорки. Рассказывая о приезде старика Воропаева домой, в котором тот не был уже года два и в котором никто его не ждал, писатель использует пословицу, передающую ситуацию: «Подкатил на санях под ворота – как снег на голову». В рассказе «Уральский казак» при описании внешности главного героя читаем: «Жару не боится потому, что пар костей не ломит» [2]. В «Сказке о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища» меткими выражениями богата речь самих героев. Мудрые советы дает Ивану прекрасная девица Катерина: «Бежать из службы царской, не схоронишь ты концов в воду, выйдет через год со днем наружу грех твой, пропадет за побег вся служба твоя; подумай-ка ты лучше думу да воротись; не всем в изобилии, в раздолье жить припеваючи, белорыбице по Волге-реке разгуливать; кто служит, тот и тужит; ложку меду, бочку дегтю - не съешь горького, не поешь и сладкого; не смазав дегтем, не поедешь и по брагу»; «Жениться - не лапоть надеть, а одни лапти плетутся без меры, да на всякую ногу приходятся!» [2].

В «Сказке о Шемякином суде...» пословицы и поговорки становятся приемами самохарактеристики главного героя: «Я-де старого лесу кочерга, меня не проведешь, и на кривых оглоблях не объедешь; у меня чем аукнешь, тем и откликнется; судить да рядить я и сам собаку съел; я и малого греха, и малой неправды не потерплю ни в ком; от малой искры да Москва загорелась; вола и резник обухом бьет, убей муху! А у меня, кто виноват, так виноват, хоть семи пядей во лбу будь!» [2].

Сам автор использует меткие выражения, с целью характеристики происходящего, например: «Глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь», «Беглому одна дорога, а погонщикам - сто», «Не то беда, что растет лебеда, а то беды, как нет лебеды», «И на старуху бывает проруха», «А поваженный, что наряженный, отбою нет» и другие [2].

Таким образом, благодаря кропотливой и упорной работе В.И. Даля появился такой значимый труд, как сборник «Пословицы и поговорки русского народа». Такую работу мог выполнить лишь неравнодушный к своему языку и народу человек, который является непосредственным

носителем данного языка. Не зря многие общественные деятели и писатели считали В.И. Даля поистине народным писателем. Не трудно заметить, что он широко использует в своем творчестве пословицы и поговорки. Многие словарные статьи в его знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» содержат их в качестве иллюстративного материала. Пословицы и поговорки можно встретить и в художественных текстах писателя. Особенно большое количество народных выражений встречается в сказках.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль приведено много загадок, поверий, различных изречений из старинных памятников, скороговорок, присловий, крылатых слов, но больше всего пословиц и поговорок. Изданные отдельно, они составляют примерно один из четырех томов.

Изданием своих трудов «Пословицы русского народа» и четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль оказал огромное влияние на деятельность собирателей устного народного творчества. Данный сборник и в наше время остается непревзойденной кладовой народной мудрости, запечатленной в живом русском слове.

Литература:

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. 1 М.: «ННН», 1994. – 616 с.
2. Даль В.И. Избранные произведения / Сост. Н.Н. Аكوпова.- М.: Правда, 1893. – 448 с.

Грамматические средства выражения замысла автора текста

Л. С. Барашкина, учащаяся

Научн. рук. – учитель МБОУ СОШ № 69 г. Пензы, к.пед.н.

О. Ю. Ладанова

Современные требования Государственной итоговой аттестации (ГИА) по русскому языку для девятиклассников заключаются в том, что каждый должен овладеть техникой написания сочинения на лингвистическую тему. В ходе подготовки к написанию сочинения в МБОУ СОШ № 69 г. Пензы ученики 9 класса решили объединиться и разработать проект опорной таблицы, помогающей справиться с лингвистическим анализом текста. В рамках данной статьи представлен второй раздел таблицы, связанный с грамматическими средствами выражения замысла автора. По данным социологических опросов проблема, связанная с написанием сочинения – одна из самых **актуальных**, потому что касается всех сдающих ГИА и потому что нет единого подхода к написанию сочинения.

В ходе реализации проекта «Разработка таблицы «Грамматические средства выражения замысла автора» были определены объект, предмет исследования, цели и задачи, намечены его основные этапы.

При формулировании основных положений исследования были учтены **выводы ученых, писателей** прошлого [1, 2-6] и настоящего. «Творец всегда изображается в творении и часто - против воли своей», - писал Н.М. Карамзин. «Творчество самого талантливого автора обязательно отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается, вполне индивидуально, психикой художника», - считал В.В.Воровский. «Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции автора», - утверждал В.Гете

Высказывания свидетельствуют о том, что работу с текстом нужно начинать с выяснения основной мысли, замысла автора. Это возможно только в одном случае: мы можем в комплексе воспринять все «сигналы» автора, следующего исполнению своего замысла; мы видим КАК, с помощью каких языковых средств это происходит, т.е. анализируем языковые явления. Получается, что автор, исполняя свой замысел, пытаясь передать смысл, использует определенный набор языковых явлений. Читатель, улавливая смысл языковых явлений, синтезируя их в целом, понимает замысел автора [2]. Итак, первое, что следует определить, - это замысел автора.

Далее нужно найти в тексте материал, формирующий образ автора. «Образ автора – это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» (В.В. Виноградов) [3, 151-152]. В образе автора отражаются и им определяются тема, идея, сюжет; изображение событий, персонажей, их поступки, поведение; все особенности языкового выражения – «словесная ткань» текста. Следовательно, нужно проанализировать языковые явления: в частности, определить особенности употребления грамматических средств, их роль в раскрытии замысла автора.

С этой целью была составлена опорная таблица «Грамматические средства выражения замысла автора текста». **Основные этапы работы** заключались в следующем: составлен перечень грамматических средств выражения замысла автора; даны им определения; на основе анализа текстов (были проанализированы 30 вариантов текстов из КИМов ГИА) отобраны примеры, иллюстрирующие функцию грамматического явления; сформулирована обобщенная функция каждого грамматического явления.

Термин «грамматика» употребляется в двух значениях [4, 76]: как учение о строе языка; как синоним выражения «строй языка». В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части:

- 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм;
- 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах;

3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцепления предложений, о сложном синтаксическом целом (фразе).

Грамматика охватывает собою:

- законы и правила образования слов;
- законы и правила изменения слов;
- законы и правила соединения слов, образования словосочетаний на основе этих соединений;
- законы и правила построения предложений;
- законы и правила сочетания предложений в более сложные грамматические организации.

Соответственно в грамматике выделяются отдельные области: словообразование, морфология и синтаксис.

Определить грамматические средства выражения – значит определить, какие предложения преобладают: по характеру грамматической основы, по цели высказывания и т. д.; порядок слов в предложениях; экспрессивность односоставных предложений; роль однородных членов и пр.); отметить выразительность морфологических средств (особенности употребления различных частей речи), отметить выразительность морфем; указать роль художественных средств выразительности, связанных с построением предложений (анафора, синтаксический параллелизм и т.п.). Грамматика – это КАК говорит автор. Грамматика выражается самыми разнообразными грамматическими средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов и т.п.

Для того чтобы выразить мысль, нужно не только разобраться в значении отдельных слов, но и понять, в какие связи между собой они вступают в самом процессе выражения мысли. Мысль наша как бы облекается в определенную форму, которая оказывается тесно с ней связанной.

Примеры анализа грамматического средства: Однородные члены предложения – это члены предложения (главные или второстепенные), связанные с одной и той же словоформой и выполняющие одну и ту же синтаксическую функцию [5, 56]. Примеры из текста со ссылкой на конкретное предложение: «горечь и обида» (предложение № 44), «разговор обеспокоил, удивил, обидел» (предложение № 33) [6, 86]. Функция явления: однородные члены помогли писателю более полно и многогранно раскрыть духовное состояние Анны Федотовны. Еще один пример: «разговор обеспокоил, удивил, обидел» (предложение № 33). Функция явления: однородные члены позволяют увидеть одновременные, последовательные действия героя, конкретизирует его. Делаем обобщенный вывод о функции явления. Однородные члены помогают перечислить действия героев;

позволяют увидеть одновременные, последовательные действия предмета; конкретизируют признак предмета.

Обращение - слово или словосочетание, называющее лицо или предмет, к которому обращена речь[5, 53]. Примеры из текста со ссылкой на конкретное предложение: обращения «мальчик» (31 предложение), «пап» (12 предложение) выполняют следующую функцию: помогают показать, к кому девочка обращается с речью; а «бабуля» (1 предложение) – выражает еще и отношение любви, заботы, нежности к родному человеку. Делаем обобщенный вывод о функции явления. Обращение помогает назвать собеседника, того, к кому (звательная функция) обращаются с речью, выражает к нему определённое отношение говорящего, то есть выполняет оценочную функцию, раскрывает авторское представление о герое, в лирике выполняет изобразительно-выразительную роль, усиливая лирическое настроение текста.

Сведения занесены в соответствующие графы **таблицы**, которая используется при написании сочинения, если нужно в качестве аргумента описать какое-либо грамматическое явление.

В результате использования таблицы при написании сочинения учащиеся нашего класса отметили, что

- лучше стали понимать текст;
- яснее видят функцию языковых явлений;
- выработали навыки работы с текстом в единстве формы и содержания.

В перспективе сведения помогут подготовить к работе над заданиями КИМов ЕГЭ в 10-11 классах и на уроках литературы при написании сочинений.

Литература:

1. Высказывания великих людей о языке. www.lingvart.ru/interest01.html. С. 2-6.
2. Валгина Н.С. Теория текста. /Лингвистика, учебник . М.: Издательство: Логос, 2003. 250с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с. С. 151–152.
4. Егораева Г.Т. Лингвистический анализ текста. М.: Изд-во «Экзамен», 2013. 145 с. С.76
5. Грамматика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. www.vehi.net/brokgauz/. С.56.
6. Тесты ГИА. 9 класс. <http://ege.yandex.ru/russian-gia/3/>
7. Булыгина Т. В. Грамматика // БСЭ. Изд. 3. Т. 7. — М., 1972.

Проблемы функционирования связей с общественностью в Казахстане

Ж. Бекболатулы,
и.о. профессора факультета
журналистики Казахского
национального университета
им. аль-Фараби

Институт связей с общественностью возник в Казахстане в силу таких объективных причин, как развитие гражданского общества и стремление власти установить диалог с населением. Социально-политическая трансформация казахстанского общества 90-х годов XX века представляет собой сложный комплекс причин и следствий, развитие в котором новых систем коммуникации является взаимообусловленным процессом. С этой точки зрения представляется весьма интересным и актуальным во всех отношениях проанализировать процесс такого нового для Казахстана явления, как становление системы связей с общественностью (PR). Появление в Казахстане PR как области профессиональной прикладной и научной деятельности было вызвано объективными условиями развития общественных отношений, институтов гражданского общества, а также социально-экономических, рыночных механизмов.

Прежде всего, нужно отметить, что общий процесс демократизации страны и переход к рыночным отношениям в экономике коренным образом изменили характер коммуникаций в Казахстане. До 1990-х годов распространение информации носило вертикальный характер и строго дозировалось. СМИ в этих условиях являлись официальным средством снижения социальной напряженности. Подавляющее большинство граждан вполне приспособилось к жизни в обществе данного социального и информационного типа. Поэтому изменения, произошедшие после приобретения страной независимости, вызвали сильный резонанс в обществе. Постепенно новая горизонтальная модель сменила вертикальную. Появилась возможность выбора источников информации. Однако теперь СМИ вместо снижения социальной напряженности стали нередко провоцировать ее нарастание. Поэтому наилучшим выходом из трудностей могло бы стать организованное и планомерное введение служб связей с общественностью на всех уровнях при организации подготовки таких специалистов. Все это подтверждает тезис о том, что возникновение служб по связям с общественностью совпадает по времени с демократическими преобразованиями и становлением в нашей стране рыночных отношений.

А становление и развитие института связей с общественностью в Казахстане во многом определяется экономическими факторами, связанными

с переходом страны к новой экономической модели. Как известно, плановая экономика прекрасно обходилась без PR и рекламы. Переход к рыночной модели экономического развития в условиях формирования информационного общества привел к росту значимости общественного мнения и необходимости построения коммуникации между организацией и ее социальным окружением.

Становление института связей с общественностью в Казахстане фактически является реконструкцией мирового (и, прежде всего, американского) эволюционного процесса. Но, если в США процесс становления этого социального института занял почти два столетия, то казахстанский PR вынужден проделать этот путь за гораздо более короткий период. При этом важным компонентом стало как использование зарубежного опыта, так и его адаптация к реалиям казахстанской действительности. Не имея такой основательной традиции, как на Западе, казахстанский PR, несмотря на огромные трудности, динамично развивается и уже играет достаточно важную роль в управлении социальными процессами, а также существенно влияет на политическую культуру, экономику, духовную жизнь общества. А это, в свою очередь, является свидетельством демократизации социально-политических процессов и развития институтов гражданского общества. Необходимо отметить, что казахстанские связи с общественностью имеют свои специфические особенности, но это не значит, что они не работают точно так же, как «паблик рилейшнз» в США, Великобритании или в Польше. Не может быть универсальных форм, эффективных в любых условиях. Французский PR будет отличаться от чешских и японских, однако во всех случаях система связей с общественностью, как подчеркнули выше, имманентна демократическому гражданскому обществу с развитой или развивающейся рыночной экономикой.

Большинство отечественных исследователей считают, что PR-практика зародилась в Казахстане в 1990 году, когда первые отделы по работе с общественностью начали появляться в государственных структурах [1]. Основы трансформации взаимоотношений системы власти и общества при помощи профессиональных инструментов PR были заложены именно в этот период. Основными центрами информационной и PR-активности стали соответствующие подразделения администрации Президента Республики Казахстан, аппарата Правительства и обеих палат Парламента РК, национальных компаний. Одновременно создавались пресс-службы, пресс-центры и центры общественных связей в органах исполнительной и законодательной власти регионов. При этом практически у каждого руководителя законодательной и исполнительной власти в регионе, а также главы администрации столичного города появился пресс-секретарь или советник по связям с общественностью.

Службы связей с общественностью в Казахстане в наибольшей степени утвердились в политической сфере. Этим они отличаются от соответствующих подразделений на Западе, где PR в коммерческих структурах и политической сфере взаимодополняют друг друга. Непосредственно в сфере бизнеса связи с общественностью стали развиваться у нас именно тогда, когда экономическое реформирование страны способствовало появлению в Казахстане эффективных рыночных отношений. Как отмечает исследователь А.Копежанова, «в Казахстане в большей степени PR-технологии развивались не в бизнес-структурах, а в политической сфере. Потому что в постсоветских странах изначальное понимание термина PR было связано с избирательными технологиями и приравнивается к предвыборной агитации, политическим технологиям, пропаганде и прочим» [2]. Что касается бизнеса, то структуры PR первыми начали создавать компании сектора потребительских товаров, которые рассматривали пиар только как вспомогательный инструмент маркетинга.

В настоящее время казахстанский коммерческий PR ожидает новый виток развития. Его причины заключаются в росте отечественных производителей, которые выходят на новые рынки сбыта. Из столицы Астаны двигаются в регионы или ближнее зарубежье, из регионов – выходят на общеказахстанский рынок и в столицу. Катализатором развития и укрепления коммерческих PR является также необходимость многих компаний в инвестициях, для чего необходимо обладать «инвестиционной привлекательностью». Репутация и известность – важные факторы формирования доверия инвесторов. PR по-прежнему силен на специализированных рынках, где реклама не в состоянии решить поставленные задачи, в связи с узостью аудитории потребителей и спецификой объектов продвижения. Текущее состояние PR полностью повторяет тенденции развития казахстанской экономики и корпоративной культуры. «Основной запрос на содержательный и эффективный PR исходит от наиболее конкурентных рынков — таких, как банковский сектор, связь, потребительские товары», отмечает эксперт Т.Батищева [3]. И хотя сферы, где сейчас применяется PR, весьма обширны, все же можно выделить три основные отрасли. Прежде всего это финансовый и банковский секторы. Вторая отрасль, где PR, как инструмент создания репутации, имеет у нас сильные позиции, – это нефтегазовый комплекс. К третьей можно смело отнести сферу информационных технологий-IT.

Сегодня в Казахстане целенаправленно занимается PR несколько десятков специальных агентств. Из последних тенденций рынка услуг в области связей с общественностью можно выделить несколько ключевых. Первая: в местные PR-агентства стали обращаться не только представители казахстанского бизнеса, но и транснациональные компании, желающие выстраивать историю своего бизнеса в Казахстане с учетом местного менталитета и местных потребностей. Вторая тенденция: все большее

количество компаний, придя к пониманию необходимости планомерных действий, переходят на абонементную систему работы с PR-агентствами, предполагающую разработку годовой PR-программы. Такая программа позволит обеспечить системность проводимых PR-проектов. Заказ на разовые пресс-конференции, брифинги встречается все реже и реже. Третья тенденция: теперь пиарщики работают в тесной связке с маркетологами, рекламными агентствами, исследовательскими компаниями, поскольку объединенными усилиями можно добиться ощутимых результатов. И, наконец, в выборе PR-агентства самое непосредственное участие стали принимать первые руководители, в том числе и главы крупнейших отечественных компаний. Это прямое доказательство того, какие масштабные перемены произошли на рынке PR-услуг.

Сегодня казахстанские PR-агентства готовы решать задачи практически любого уровня сложности. Хотелось бы вкратце остановиться на основных направлениях деятельности агентств по связям с общественностью: 1. Формирование репутации. Его еще метко называют «капитализацией репутации». При этом главный акцент ставится на вызов доверия к компании, причем доверия не только со стороны целевой аудитории, но и — самое главное — широкой общественности и властных структур государства. Сотрудниками PR-агентства совместно с представителями компании вырабатывается корпоративный имидж компании, представляющий последнюю не просто как профессионала в бизнесе, а как гражданина страны, ответственного за ее развитие и процветание; 2. Решение маркетинговых задач. Выше уже говорилось о необходимости интеграции между маркетологами, пиарщиками и рекламистами. На долю PR-агентства выпадает сопровождение и PR-поддержка маркетинговых задач компании (поддержка новой торговой марки, репозиционирование, увеличение продаж и т.д.). И если маркетологи озабочены тем как увеличить продажи, то пиарщики — тем, как вызвать доверие и любовь потребителей к торговой марке; 3. Внутрикorporативный PR. В этом направлении пути пиарщиков пересекаются с деятельностью менеджеров по человеческим ресурсам. Это, прежде всего, работа над индивидуальной корпоративной культурой и создание такой атмосферы в компании, чтобы талант и профессионализм каждого сотрудника мог раскрыться в полной мере, а в коллективе царил необходимый психологический климат; 4. Investor relations. Относительно новое для нашей республики направление деятельности пиарщиков, направленное на повышение инвестиционной привлекательности компании. Оно, по сути, включает в себя весь спектр PR-услуг, поскольку инвесторы будут рассматривать в качестве вложения своего капитала лишь компании с безупречной репутацией, четко отлаженным бизнесом и с командой профессионалов, способных воплотить в жизнь любые проекты. Вот

основные направления деятельности пиарщиков, которые декларируют PR-агентства.

Поворотным моментом стало основание Национальной ассоциации по связям с общественностью Казахстана (НАСО РК) и Клуб казахстанских PR-профессионалов «PR-шы», членами которого являются наиболее опытные PR-специалисты из разных отраслей. Тогда же, в середине 90-х годов, открываются Казахстанский и Национальный пресс-клубы, которые обеспечили постоянную площадку для взаимодействия со СМИ и для других заинтересованных в пиаре сторон. В 2012 году учреждена Национальная премия в области развития связей с общественностью «Ак мерген» (казахский аналог российского «Серебряного лучника») [4].

PR-образование в Казахстане также является важной проблемой. Из-за нехватки профессионалов в PR часто идут люди, навыки которых можно транспонировать в PR-деятельность, - журналисты, люди с опытом работы в маркетинге и др. Образование по специальности «связи с общественностью» переживает период накопления опыта. У казахстанского PR-образования есть два серьезных изъяна - это отсутствие единообразия и почти полное отсутствие преподавателей с опытом работы в PR. Общие курсы, которые преподают в отдельных учебных заведениях, не могут удовлетворить острые потребности. Не смогут сделать этого и приглашаемые из западных стран, в том числе и из Польши, специалисты по PR. Приветствуя их просветительскую деятельность, не стоит забывать, что западный опыт не во всем пригоден для нашей культуры и ментальности. Это одно, причем не главное, доказательство того, насколько насущной является потребность формирования в нашей стране собственной высокопрофессиональной, цивилизованной системы связей с общественностью.

Два десятка лет, в течение которых активно развивается PR в Казахстане, недостаточный срок для того, чтобы восполнить все пробелы роста, но как говорится в народной пословице, «дорогу осилит только идущий».

Литература:

1. «Актуальные проблемы функционирования пресс-служб и PR-структур государственных и коммерческих организаций Казахстана». Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 9 декабря 2011г. Стр. 10-14
2. «PR в изменяющемся мире: Коммуникационные технологии в деятельности органов власти»: Сборник статей/ под ред. М. В. Гундарина, А. Г. Сидоровой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – Вып. 8. - С.48-54.
3. Журнал «Эксперт Казахстан» - декабрь 2012, №50 (391)
4. www.naso.kz/index.php?menuid=12&id=67

Освещение вопросов музыкальной культуры в периодических изданиях: история и современность

Е. Д. Белоножко, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

Современная журналистика развивается во множестве направлений. На медиа-рынке представлено большое количество специализированных изданий, каждое из которых занимает свою информационную нишу и направлено на конкретную аудиторию. Одна из самых малоизученных сфер – это музыкальная журналистика, развитие которой напрямую зависит от уровня музыкальной культуры в стране.

Русская современная музыкальная журналистика – словосочетание, которое у многих вызывает ироническую насмешку: неужели такая существует? В данной работе мы решили разобраться в этом вопросе. Объектом нашего исследования стали журналы о классической музыке и неспециализированные издания, публикующие статьи о ней, второй половины XIX века и современности. Временной промежуток с 1850 по 1900 г. выбран с тем расчётом, что этот период является расцветом русской музыкальной культуры и музыкальной критической мысли в частности. Целью работы является сопоставительный анализ освещения вопросов музыкальной культуры в периодике XIX и XXI веков.

Музыкальная журналистика зародилась в Европе в XVIII веке. Первопроходцем в этой области стала Германия, где ещё в первой половине столетия издавались «Музыкальная критика» и «Музыкальный патриот». Первый русский музыкальный журнал «Музыкальные увеселения» появился во второй половине XVIII века и просуществовал лишь один год. Почти вплоть до 40-х годов XIX века в России не было собственно музыкальных журналов. Это связано с тем, что музыкальная культура того периода в основном не выходила за рамки кружков и салонов. Нехватку в музыкальной информации восполняли литературные журналы: «Почта духов», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и другие. С 1860 по 1880 г. в России появился целый ряд серьёзных музыкальных журналов: «Музыкальный сезон», «Музыкальный вестник», «Музыкальное обозрение», «Баян». С ними связаны имена величайших музыкантов, которые также выступали и в роли критиков: П.И. Чайковский, Ц.А. Кюи, Г.А. Ларош [1, 406 – 409].

Сегодня русская музыкальная журналистика представлена большим количеством изданий: «Музыкальная жизнь», «Музыкальная академия», «Музыка и время», «Музыка и психология», «Музыковедение», «Музыкальное просвещение», «Музыкальные инструменты», «Музыкальный руководитель», «Музыкальная палитра», «Фортепиано». Публикации,

посвящённые музыкальным событиям, мы находим и в таких неспециализированных изданиях, как «Аргументы и факты», «Культура», «Литературная газета».

Чтобы сопоставить освещение вопросов музыкальной культуры в периодике XIX века и в современных изданиях, мы выделили ряд проблем, на основании которых проведён сравнительный анализ: освещение событий музыкальной жизни, вопросов музыковедения, композиторского и исполнительского искусства, музыкальной педагогики.

Первый аспект сопоставительного анализа – **освещение событий музыкальной жизни**. К таким событиям мы относим концерты, оперные и балетные постановки, конкурсы и фестивали, конференции, различные музыкальные проекты. И в конце XIX века, и в наши дни в журналистике используются сходные жанры для освещения перечисленных мероприятий: из информационных жанров это заметка (Музыкальное известие // Пантеон. – 1857) и отчёт (Концерт в память Мусоргского // Голос. – 1881; Фестиваль имени Нейгауза // Фортепиано. – 2013); из художественно-публицистических – рецензия, один из самых популярных жанров музыкальной журналистики (Концерт в пользу детских приютов 2 марта // Театральный и музыкальный вестник. – 1858; Жизнь за царя от Валерия Полянского // Музыкальная жизнь. – 2013.– Сентябрь).

Однако здесь есть некоторые различия. Журналисты XIX века чаще, чем современные, прибегали к жанру обзора. Например, А. Серов в «Заметках о Петербургских театрах» (1856 г.) охватывает взором репертуар различных театров за прошедший год. В этом проявляется стремление при помощи анализа музыкальной жизни за длительный промежуток времени выявить общие тенденции музыкального развития. В современной журналистике такое стремление проявляется слабо.

В прессе прошлых веков был также представлен жанр комментария, в котором критики полемизировали с вызвавшими у них недовольство авторами публикаций. Особенно много подобных примеров, часто обозначаемых как «письма в редакцию», находим в критических материалах А. Серова (Письмо в редакцию // Новости и Биржевая газета. – 1886) и В. Стасова (Музыкальное безобразие // Порядок. – 1881). На наш взгляд, такие явления в русской музыкальной журналистике обеспечивали свободный диалог между музыкантами. Сегодня же подобного диалога мы не встретим.

Следующий и наиболее важный аспект сравнения музыкальной прессы XIX века и современности – **освещение вопросов музыковедческого характера**. К ним мы причисляем научные материалы, касающиеся теории и истории музыки. В современной прессе оплотом подобных материалов является журнал «Музыкальная академия», на страницах которого публикуются научные музыкально-теоретические («Концертный стиль Родиона Щедрина в начале XXI века») и музыкально-исторические статьи («Об издании партитуры Второй симфонии А.П. Бородина в авторской

редакции»). В этом же издании, а также журнале «Фортепиано» печатаются материалы в жанре аналитического этюда, в которых подробно разбирается то или иное произведение. Издание «Музыка и время» публикует диссертации и другие научные работы молодых музыковедов.

В прессе XIX века мы находим нечто подобное. Однако научность в публикациях прошлого тесно переплетается с публицистичностью. Например, в статье Серова «Два слова об органе в России» речь идёт об истории развития данного инструмента в нашей стране. Однако автор акцентирует внимание не на исторических данных, а на актуальной проблеме музыкальной жизни того времени: «<...> неужели же для органа нет впереди никакой будущности у нас?»; статья начинается ироничным диалогом:

«– Какую роль играет у нас орган?

– Никакой».

В музыковедческих материалах прошлого часто сочетаются художественный и публицистический стили. Например, анализ ролей разных исполнителей во время концерта А. Серов представляет в виде «Разговора между любителем пения, скрипачом-солистом и капельмейстером»; музыкально-критический разбор произведений классиков – в виде писем к даме, полемический комментарий к статье Улыбышева о творчестве Моцарта – в виде «Писем о музыке». Подобного рода информация воспринимается легче и интересней, чем теоретизированные статьи современных журналов.

В пользу музыкальной журналистики XIX века говорит и тот факт, что журналисты уделяли очень много внимания **вопросам музыкальной эстетики**. Этот аспект также можно причислить к музыковедческим. Примеры публикаций, касающихся этого вопроса: «Наша музыка за последние 25 лет» [3, 35], «Музыкальное обозрение 1847 г.» [3, 69], «Обзор современного состояния музыкального искусства в России и за границей» [2, 209], «Русская опера в Петербурге» [2, 115]. Как уже говорилось выше, это явление демонстрирует желание оценить состояние музыкальной культуры на данный момент, проанализировать творчество современных композиторов, выявить главные тенденции развития, обозначить существующие школы и направления. Музыкальная журналистика была как бы причастна к общему творческому процессу.

Интересен тот факт, что такие великие критики, как В.В. Стасов и А.Н. Серов, в первую очередь интересовались плодами композиторских трудов, а не исполнительскими достижениями виртуозов. Сейчас же наблюдается перевес интересов в пользу исполнительства. При проведении исследования мы встретили очень мало разборов произведений современных композиторов и материалов об эстетических вопросах (только в разделе «Творчество» журнала «Музыкальная академия»). В то же время **анализу исполнительского мастерства** посвящена большая доля публикаций. Кроме того, на страницах современных журналов можно найти учебные статьи об

исполнительстве, а также научные статьи, посвящённые связям исполнительского искусства с психологией.

Еще одно интересное наблюдение: в аннотации к журналу «Музыкальная жизнь» мы находим следующее положение, которое входит в задачи данного издания: «обсуждение актуальных проблем сегодняшнего дня, не пропуская важнейших событий – <...> достижений и промахов в проведении культурной политики». Исходя из приведенной формулировки, можем сделать вывод, что актуальные проблемы сегодняшней музыкальной культуры – это не проблемы эстетического характера, а проблемы культурной политики. Искусство становится вовлеченным в политическую жизнь страны.

Несмотря на это, современная журналистика обладает и рядом преимуществ. В связи с развитием гуманитарных наук область музыкальной педагогики и психологии сильно обогатилась. И сегодня на журнальном рынке представлены специальные издания, посвящённые данным вопросам: «Музыка в школе», «Музыкальный руководитель», «Музыкальная палитра», «Музыка и психология». В них печатаются научные, учебные статьи, методические рекомендации, конспекты уроков и сценарии.

В современном мире также становится актуальным вопрос музыкального менеджмента, который периодически освещается в некоторых интервью. И все же мы склонны полагать, что современная музыкальная журналистика потеряла больше, чем приобрела: нет открытого диалога между музыкантами, утрачена причастность к музыкальному творческому процессу – своей идейной составляющей. Может быть, этим объясняется замкнутое существование современных музыкальных журналов, их невостребованность. И эта же нехватка живого диалога является причиной популярности «Classical music humour» в социальных сетях. Можно предположить, что именно интернет-СМИ с их интерактивными ресурсами смогут в будущем восполнить потери современной прессы и оживить музыкальную журналистику России.

Литература:

1. Музыкальная энциклопедия // Под ред. Ю. В. Келдыш. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1973.
2. Серов А. Н. Статьи о музыке. Выпуск третий. – М.: Музыка, 1986.
3. Стасов В. В. Статьи о музыке. Выпуск второй. – М.: Музыка, 1976.

Репрезентация эмоций в тексте повести И. Л. Муравьёвой «Медвежий букварь»

М. П. Болотская, к.пед.н., доцент
Пензенский государственный университет

В повести И. Л. Муравьёвой «Медвежий букварь» повествование ведётся от 1-го лица, то есть от лица циркового медведя, Мишани, который сразу же сообщает о себе: *«У меня шерсть – большая, красная, не прочесать»*. Он является рассказчиком, глазами которого читатель воспринимает происходящее. Таким образом, читатель является внешним адресатом, с которым Мишаня делится своими ощущениями, чувствами, заставляя читателя задумываться над происходящим, осмысливать его, пропускать через себя. Чаще всего эмоции героя либо отражают его чувства по отношению к окружающим, сложившейся ситуации, либо являются его внутренним монологом, его душевными переживаниями. При этом чувства Мишани – это неограниченный поток переживаний и ощущений, объёмных и образных.

Большая часть примеров выражает определённые отрицательные эмоции, такие, как грусть, страх, негодование, отчаяние, неприязнь, скука, тоска: *Оксана ушла, и мой Фёдор ушёл. И стало темно* (грусть, тоска по Фёдору); *Никого я так не боялся, как чёрного мужика. Даже пьяного Фёдора так не боялся; И мы побежали по улице. Солнце горело. Стоял в небе треск, и оно было красным. Я испугался, что мы не найдём нашего цирка, но после заметил, что люди вокруг ходят со своими голыми мордами, и им – ничего, им нисколько не страшно* (страх); *Фёдор мне запретил на четырёх лапах жить. Как я опущусь на четыре – он плёткой. И я сначала ревел. Спина – у-у-у! – горела. Как будто в ней сук* (боль, неприязнь); *Понимаю. Надо её [память] отшибить, потому что она мешала ... работать. И пахла каждую ночь, как та ёлка, которая у нас на Новый год среди арены горела весь месяц зелёным и жёлтым. Потом ёлка высохла, запах свернулся, её унесли, а мою отшибают. Запрут меня в клетке и свет сразу гасят; Работа – не сахар, так Фёдор сказал мне. А я стал артистом, как маму **убили*** (тоска по матери и лесу); *И вышли на **улицу**. У-у-у, как там плохо! Хотя были звёзды сверху и ревели. Но люди не слышат, когда режут звёзды. А я им в ответ заревел очень громко* (отчаяние).

Есть несколько примеров, где рассказчик делится однозначно положительными чувствами. Это любовь, счастье, удовольствие: *Мне весело стало. Мы с Фёдором вместе; Утром я очень люблю Фёдора. Он клетку откроет и морду мне гладит* (любовь и счастье); *Утро в нашем цирке розовое, и сразу ложится вокруг, как вода. Лежит и лежит, а потом уже вечер* (счастье); *Я сразу почувствовал, что всё в ней – как мёд. Она очень сладкая, сладкая **баба**. И вся в молоке. Пахнет тоже как мёд. Густым, сильным-сильным, немного как рыба; Она мне дала хлеба с маслом, с вареньем. Такая еда – что такой не бывает!* (удовольствие).

Но чаще всего в одной ситуации одновременно сталкиваются несколько чувств, несколько эмоций, как положительных, так и отрицательных, вступающих в тесное взаимодействие друг с другом. Позитивные, жизнерадостные эмоции будто «затуманиваются» чем-то

печальным, мрачным: – Мишаня, – ревёт, – я ведь плакал – когда? А вот когда мать померла. – Он сжался, и я его грел своим брюхом (любовь, горе, жалость); Меня Фёдор кормит, он любит меня. А после – сук в спину. Работаем, значит (любовь и тяжкий труд, сопряжённый с физической болью); И Фёдор притих, стал как был – моим Фёдором (радость и грусть); Она погладила меня по голове и навалилась мне на спину своей мокрой мордой. Я весь ходуном заходил: это что? Никто, кроме Фёдора, так и не смеет! Чтобы лапами лапать и морду валить (жалость и недоумение); Я хотел согреть Фёдора, тыкался ему в плечо намордником, но Фёдор мой был как железный, и всё. Я ткнулся тогда даже к Шуре (любовь и страх); Я думал, его **пронесёт** – так он [Фёдор]плакал. Я грел ему лапы, лизал ему морду (любовь и сострадание). В самом конце повести, когда Мишаня, спасая Фёдора, сам погибает (Но тут моё брюхо вдруг стало горячим. Какой-то раздался хлопок, всё погасло. А я вдруг поплыл! В голубом и холодном) рассказчик испытывает и отчаяние, и радость, которые сменяются чувствами волнения и переживания за Фёдора: Мне главное: Фёдор. Он маленьким стал, Фёдор мой, как **ребёнок**. Меня он не видел. Он видел Мишаню. Мишаня лежал на полу, был весь красным. Тогда и я понял: Мишаню **убили**. Мне нужно бы было реветь. Да, реветь бы! А я плыл и плыл. И глядел, как он плачет. Он думал, что я его бросил. Не брошу!

В речи Мишани преобладают негативные, мрачные чувства и эмоции, несмотря на то, что это повесть о любви, которая пробуждается в звериной душе циркового медведя. И тогда светлые чувства уходят на второй план, уступая чувству подавленности.

Характерной особенностью персонажной речи является то, что в ней чувства делятся не с внешним адресатом – читателем, а с другим персонажем из повести (Мишаней, Оксаной, Шурой), который должен отреагировать на них, чувства всегда адресованы и осознаны.

При этом сам рассказчик является свидетелем всех диалогов в повести; более того, не существует сцены в произведении, где бы он не присутствовал. Так, например, именно к нему обращается Фёдор в самые острые моменты жизни: – Мишаня! – ревел мне мой Фёдор и плакал. – Они нас сожрали! Ты видишь, Мишаня! (пожар в цирке); – Пошли! – брешет Фёдор. – Пускай забирают!.. Мне б только девчонок отдали! Слышь, Миша? (похищение сестёр Фёдора); – Мишаня, – мой Фёдор ревёт. – Хочешь в лес, а? ... В лесу – там свобода! Ну, Миша? Решайся! (реакция на известие о помолвке Оксаны со Стивом).

Точно так же, как и в речи повествователя, чувства, которыми делятся герои, могут быть и положительными, и отрицательными, то есть категория эмотивности представлена в произведении в двух типах эмотивных ситуаций – эмпатии и конфликта. Эмотивная ситуация эмпатии реализуется при сочувствии одного персонажа другому или при сопереживании персонажами идентичных или сходных эмоций, причём достаточно часто проявления

сочувствия и сопереживания можно наблюдать в рамках одной эмотивной ситуации. Эмотивная ситуация конфликта реализуется при рассогласованности эмоциональных состояний или отношений персонажей.

Довольно часто герои, в связи с драматическим сюжетом повести, выражают свою неприязнь друг к другу или неудовольствие ситуацией, в которой оказались. Так, например, Фёдор, отказываясь от участия в бизнесе с Аркадием и от «Вольво» в обмен на Оксану, прямо говорит ему об этом: – *Проваливай!* – *Фёдор ревёт.* – *Не хочу я!* – *Аркадий стал чёрный весь. И провалился!;* – *А бонус не хочешь?* – *вдруг брешет Аркадий.* – *Какой ещё бонус?* – *ревёт ему Фёдор.* – *Какой ещё бонус? Ну, «Вольво», к примеру!* – *Мой Фёдор стал красным, как лампа над клеткой:* – *А ну-ка валите, пока я тут добрый!*

Чувства в персонажной диалогической речи выражены так же лаконично, как в речи Мишани. Отсутствует развернутое описание эмоций, испытываемых героями. Это объясняется тем, что персонажи делятся своими чувствами в диалогах друг с другом, и чаще всего реплики следуют друг за другом, соединенные причинно-следственной связью (какое-либо отступление может эту связь нарушить).

Таким образом, в персонажной речи, как и в «авторской», не существует зависимости между типом чувства и его выражением, но при этом существует непосредственная связь с типом ситуации и с коммуникативной целью говорящего.

В художественном тексте представлены все три типа эмотивной лексики, а именно лексические единицы выражающие, описывающие и номинирующие эмоции. Многие реплики диалогов сопровождаются комментариями рассказчика, как, например, в ситуации, когда Фёдор, не желая знакомиться со Стивом, не подаёт ему руки: – *За ней вот жених заявился, знакомься! Старчук, Стив Робертович.* – *Очень приятно,* – *ревёт ему Фёдор, а лапы-то прячет.*

Стоит отметить, что все три способа языковой репрезентации эмоций, когда употребляются одновременно лексемы, называющие эмоции и чувства, слова, описывающие невербальное проявление эмоций и чувств, а также языковые средства создания эмотивности высказывания могут реализовываться в рамках одной ситуации, например: – *Гляди,* – *она брешет,* – *и зверь наш стухнул! Тебя, значит, любит!* – *Да я без него...* – *ревёт Фёдор мой и к морде моей прижимается мордой.* – *Да я без него как без рук. Он не зверь. Он брат мне, вот так! И вообще: лучшие брата!* (одновременно присутствует и номинативный способ (*любит*), и выражение чувств (риторические восклицания), и описание чувств, которые выражают движения героя.

В авторской речи много моментов, когда рассказчик описывает чувства, испытываемые другим персонажем, не называя их, через позу, внешность, движения: *Тут мы увидели Аркадия. Он шёл, словно лапы ему*

отдавили (подавленность); *Оксана ушла. Прямо мордой – и в дверь* (злость); *Привёз нашу Настю. Она тогда села на стул и молчит. Нарочно так села: от Даши подальше* (вина); *Она уже дверь открывает, не смотрит. Вонючее что-то сбрыхал. Ух ты, Фёдор* (обида, досада); *И мордой так двинул, и щёки раздул* (ярость).

В повести И. Л. Муравьёвой широко используются выразительные средства: развёрнутые метафоры (*И тут всё вокруг стало красным и мокрым; Какой-то раздался хлопок, всё погасло; А я вдруг поплыл! В голубом и холодном; И Фёдор мой весь пересох*), метонимия (*Мой Фёдор стал красным, как лампа над клеткой – злость; Во мне сразу брюхо пошло ходуном; Того гляди – лопнет всё брюхо. В нём жар – волнение*), образные сравнения (*А сам вдруг упал. Как на льду подскользнулся; Тут вдруг полетела какая-то пена. Густая, как будто вверху кто-то кашлял; Когда он смеётся, он пахнет болотом; Утро в нашем цирке розовое, и сразу ложится вокруг, как вода*), олицетворения (*Лежу, сверху льётся горячее что-то. Наверное, снег*), чтобы читатель мог ещё острее почувствовать всю глубину переживаний главного героя.

Литература:

Муравьёва И. Ляля, Наташа, Тома: повести и рассказы. – М., 2009.

Графическая игра в рекламном пространстве города Пензы

Н. В. Вадюнина, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – канд. филол. наук, доцент М. Г. Луннова

Графическое словообразование относится к собственно окказиональным способам создания новых лексических единиц. Отличительной чертой такого способа словообразования является обязательная экспрессивность. Подобное явление активно применяется в современных печатных СМИ, так как связано оно с необычным использованием шрифтов.

Наибольшее распространение в языке современных СМИ получило именно графическое выделение части слова – сегмента. Такое явление носит название капитализация. Чаще всего графическое выделение используется с целью псевдомотивации, когда формируется новый контекст для существующего слова, создаются новые связи между словами. Псевдомотивированные новообразования более экспрессивны и ярче выражают индивидуальное начало. Пример из рекламы сети садово-огородных магазинов «Наша дача»: *уДАЧное время. Открываем новый садовый сезон*. Или в рекламе популярного ночного клуба города Пензы: *самое КЛУБничное место* (клуб + клубничный). В обоих случаях можно

увидеть монографикацию (Т.В. Попова) – использование алфавита одного языка.

Графогибридизация – ещё один термин, введенный в научный обиход Т.В. Поповой. Это «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков».[5, 231] Этот тип графической игры получил в языке современных СМИ достаточно большое распространение. Вот такая баннерная реклама: *вас ждет MODERN*Новый день. В данном случае в окказионализм включено название бутика модной одежды «Модерн».

Рассмотренные выше новообразования можно считать удачными примерами графической игры, поскольку значение графодеривата понятно из контекста и взаимодействие различных вербальных и невербальных средств не затемняет смысла окказиональной единицы.

В языке современной рекламы встречаются и другие типы графической игры. Очень часто в рекламе используется прием шрифтовыделения аббревиатуры или полного названия фирмы или компании: *ВреМя нуТешеСтвий!* (реклама оператора связи МТС в Пензе). Экспрессивная функция использования аббревиатуры в данном случае заключается в привлечении внимания к названию компании «МТС» через её расшифровку нестандартным образом. Интересно то, что потребитель понимает, о какой компании идет речь буквально ещё до полного прочтения всего текста.

Большой популярностью в современной пензенской рекламе пользуются параграфемные элементы: надстрочные и подстрочные значки, математические значки, буквы других алфавитов, знаки препинания и т.д.

Одними из наиболее частотных параграфемных элементов при создании рекламного текста являются цифры: *Про100займы* (микрофинансовая организация Пензы), *у нас лучшие 4ернила* (реклама канцелярского магазина «Чернильница»). В представленных примерах цифры передают только звуковое содержание определённой части слова.

Известно, что такие понятия, как доллар и евро, давно вошли в наш обиход и, безусловно, нашли отражение в рекламе: *€вростол* (магазин мебели в Пензе); *будет ро\$кошно* (анонс вечеринки в одном из клубов города Пензы). Употребление таких символов, прежде всего, работает на повышение товара или услуги в ранге.

Особое внимание следует уделить использованию латиницы в городском рекламном тексте. В одном случае замена кириллицы на латиницу не приводит к семантическому сдвигу: *Ofормитель* (рекламное агентство Пензы). А в другом случае замена алфавита ведет к семантическим изменениям, так как вводимый латиницей фрагмент равен морфеме или слову, т.е. единицам языка, которые имеют значение: *Евроtix* (секонд-хенд в Пензе); *6 Megaпричин покупать одежду в MEGAхенд* (реклама секонд-хенда в газете); *Стандарт окно* (торгово-монтажная компания г. Пензы); *НЕ УКРАДИ, новый KIA седан универсал* (реклама на баннере); *«Чарли Gold»* –

единственный бар города с уникальной коллекцией стульев (реклама караоке-бара г. Пензы).

Появление подобных приемов объясняется тем, что совмещение языков в рекламе должно удовлетворять новаторские потребности составителей рекламных текстов для создания желаемых эффектов естественности и убеждения на своем родном языке. Кроме того иноязычные слова являются действенным экспрессивным средством.

В современной рекламе широкое распространение получило выделение части слова латиницей, обозначающей название рекламируемого продукта или услуги: *AUDIенция с прекрасным* (реклама салона AUDI в Пензе). В данном случае задача текста привлечь внимание к названию производителя товара.

Помимо совмещения кириллической и латинской графики может использоваться и совмещение современной и древнерусской графики в рекламном тексте: *ГардеробЪ* (бутик женской одежды в Пензе); *Русский ХолодЪ* (реклама мороженого).

Использование графических приемов и параграфемных элементов также широко используется и при создании рекламного имени, например: *Кресл@* (интернет-магазин офисных стульев и кресел); *Д@брые окна* (пластиковые окна в Пензе), где вместо привычной буквы «о» использован смайлик).

Причина активного использования различных графических средств и знаков при создании рекламных текстов заключается в том, что современное поколение с новым ритмом жизни быстрее реагирует на яркие, выразительные, выразительные, краткие тексты. Графическое оформление текста не просто привлекает внимание и возбуждает интерес, но и «объединяет рекламное сообщение в единое смысловое целое».[4, 36]

Графическая игра – это своеобразный поиск интересных скрытых смыслов, развлечение для клиента, которое приносит ему положительные эмоции и дает позитивный настрой. Такие необычные рекламные имена хорошо закрепляются в памяти потенциальных потребителей. Но и слишком широкое использование графической игры в рекламных текстах зачастую приводит к искажению понимания слова. Таким образом, создателям рекламы, прежде всего, необходимо помнить о целесообразности подобных преобразований слов.

Литература:

1. Дзякович Е.В. Возможности пунктуации и параграфемии в современной печатной рекламе // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 121-126
2. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.

3. Максимов В.И. Графические игры // Русская речь. 2003. № 5. С. 66-68
4. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 230-231
6. Розенталь Д.Э, Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов: Учебное пособие для факультетов журналистики вузов. М., 1981

Региональный журналист в современном коммуникационном процессе: трансформация профессиональных ролей

О. Е. Видная, к.филол.н., доцент
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

Общественные изменения последних десятилетий породили многочисленные изменения социального института журналистики. Сфера масс-медиа переживает сложные процессы, связанные с коммерциализацией всех сторон деятельности, переходом на цифровой формат, структурной перестройкой и др., что вызывает соответственно трансформацию профессиональных задач, выполняемых журналистом. Определить социальные функции журналиста в современном коммуникативном процессе необходимо для того, что понять сущность происходящего в массовой коммуникации и выстроить систему общественных отношений. При этом региональная журналистика и в этом отличается от функционировании центральных средств массовой информации и имеет собственную специфику.

Функции журналиста, безусловно, детерминированы той ролью, которую играет журналистика в определенный период в том или ином обществе. «Один корреспондент видит свою главную цель в беспристрастном изображении действительности; другому главной кажется задача обобщения, выявления логики и взаимосвязей событий; третий предпочитает облик человека рекомендуемого, «примеряющего» властные полномочия; для четвертого смыслом профессиональных устремлений становится влияние на ситуацию, реальное содействие социальным переменам [1, 52]. Э.Фихтелиус выделил три основные задачи журналиста: «задачи журналиста в обществе мне все-таки хотелось бы сформулировать именно так: проверять, излагать, комментировать»[4].

А у среднестатистического гражданина мнение о журналисте и его роли в обществе колеблется от идеального представления о профессионале

до нейтрального и даже негативного. Например: стражи демократии; воспитатели; наблюдатели; информаторы; манипуляторы общественным мнением; продажные борзописцы. Так определили роли журналиста респонденты, участвовавшие в одном из опросов Фонда «Общественное мнение» [2, 600]. Такие оценки обусловлены как сценариями поведения журналиста в процессе массовой коммуникации, так и функциями системы СМИ в целом. Общественные ожидания от публицистической деятельности также диктуют целеполагание и особенности профессионального статуса журналиста. Свойственная журналистике «профессиональная деформация» зависит от меры публичности профессии, от необходимости озвучивать определенную позицию. Молодой специалист, приходя в редакцию, приспосабливается к тем поведенческим стандартам и профессиональным шаблонам, которые действуют в рамках редакции и шире – в рамках регионального сообщества. В местных средствах массовой информации все заметнее ощущаются новые тенденции преобразования журналистской профессии.

Повсеместное и бурное развитие Интернет-СМИ, блогосферы предполагает предпочтение журналистами именно этой специализации. И здесь чаще всего журналист, условно говоря, выступает в роли канала передачи, посредника. Основная задача: выложить новость быстрее других. Основное наполнение сайтов – информационные материалы, ведь региональный контент в Интернете – это по сути сетевые информагентства. Качество текста имеет вторичную важность, так как конкуренция между новостными сайтами происходит именно в скорости появления материала в сети (Об этом говорят коллеги из Тамбова, Липецка, Пензы).

Многие Интернет-компании используют журналистов для того, чтобы обработать информацию в стиле своего издания. Активно работает такое понятие как рерайтинг, так как достаточное количество он-лайн-СМИ требуют от журналиста именно вторичной переработки информации по определенным шаблонам (обговаривается, например, даже количество знаков в заголовке или другие формальные элементы). Эта отрасль информационно-коммуникативной деятельности получает сейчас широкое распространение. Вторичная информация, дублирование и даже копирование стали повсеместной проблемой. Здесь даже более подходит понятие «циркулярная коммуникация» (Г. Малецке), когда человек и источник, и получатель информации. Такая работа предлагается молодым специалистам – выпускникам журфаков.

В региональной журналистике практически не востребован (остались только признанные метры) аналитик, обозреватель, очеркист, то есть профессионал, работающий в аналитических и художественно-публицистических жанрах. То есть, специалист, производящий действительно новую информацию с целью увеличения общественного блага, гармонизации социальных отношений. Таким образом, функции

журналиста в аспекте его работы с текстом (речь идет об основной массе) заметно упрощаются.

И хотя местная журналистика «знает» талантливых авторов, однако на уровне региона сложно говорить об их значении и влиянии на общественную ситуацию. Региональный журналист или блоггер по объективным причинам практически никогда не выходит за четко очерченный круг профессиональных обязанностей и(или) творческих установок именно в том качестве, как их понимает профессиональная среда.

Большая часть традиционных (офф-лайновых) местных изданий и телекомпаний живут в режиме «выживания», не имея достаточных ресурсов для развития, четких перспектив дальнейшего существования. Многие из них получают финансирование из различных форм бюджетов и в различной степени ощущают зависимость от разнообразных властных структур. С одной стороны, это ограничивает любые возможности в оптимизации процесса информирования аудитории, в удовлетворении информационных потребностей большинства, в плоскости творчества, мастерства, преодоления кризисных и застойных явлений. С другой стороны – СМИ лоббируют интересы местных администраций и (или) местных элит, и получают обвинение в ангажированности даже тогда, когда не делают этого специально. Журналист отбирает информацию согласно своим потребностям, уровню знаний, своему пониманию «актуальности», своей внедренности в контекст событий. Это определенный уровень фильтрации эмпирических событий. Многое зависит от профессионального чутья журналиста, его профессионализма, установок редакционных коллективов. Однако в регионах чиновниками монополизированы информационные ресурсы, они являются практически единственными источниками информационных поводов, имеют статус экспертов и т.д. Повседневная журналистская работа зависит от ньюсмейкеров, регламентирована региональной «повесткой дня». Происходит процесс так называемой «самоцензуры» – личные установки должны совпасть с редакционными или просто с общепринятыми. «Причем не любая информация служит реализации основной цели коммуникации – передаче содержательной информации. Одна часть информации является фоновой, другая несет лишь эмоциональный заряд, третья – ассоциативную функцию, напоминая о чем-либо, вызывая нужные для данного случая ассоциации» [3, 135]. Речь идет не о манипулятивных технологиях как таковых, а об общем процессе сближения журналистики и PR-технологий. Что говорить, ведь даже те немногочисленные издания, остававшиеся достаточно независимыми, заключают договора об информационном обслуживании органов государственной власти.

Таким образом, речь идет о двух направлениях, отражающих трансформационные процессы в журналистском сообществе, которые являются следствием коренных общественных изменений. Первое связано с

новыми каналами передачи информации, закрепляющими и обновленные стандарты отражения событий. Второе направление перекликается с трансформацией роли традиционных СМИ, превращении их в своеобразный корпоративный ресурс, если учитывать, что администрация – это тоже определенная корпорация, интересы которой отстаивают местные СМИ. Журналист и в том, и в другом случае является посредником, транслятором готовых форм, от которого зачастую никак не зависит вектор общественного развития.

Литература:

1. Виноградова С.М. Слагаемые журналистской профессии [Текст] / С.М.Виноградова // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студ вузов по спец. «Журналистика» / Ред.-сост.С.Г.Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с.
2. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы [Текст] / Авторы и исполнители проекта А.И.Волков, М.Г.Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М.: Изд-во Московской школы политических исследований, 2000. - 616 с.
3. Шарков Ф. И. Теория коммуникации [Текст] / Ф. И. Шарков. - 2-е изд., М.: «РИП-Холдинг», 2006. - 240 с.
4. Фихтелиус Э. Десять заповедей журналистики [Электронный ресурс]: [электрон. книга] / Э. Фихтелиус – Электрон. дан. – Стокгольм, 1999. – Режим доступа: http://www.journ.bsu.by/index.php?option=com_remository&Itemid=108&func=startdownload&id=530. – Дата обращения: 15.02.2014. – Загл. с экрана.

Языковые средства воздействия в политическом дискурсе: лингвистический аспект

Р. Э.Вишнякова, В. В. Грызункова, студентки
Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Политический дискурс имеет свою специфику. Он отличается, во-первых, задачами, направленными на манипуляцию сознания аудитории; во-вторых, политическими установками и взглядами автора; в-третьих, своими лексическими, грамматическими, стилистическими особенностями, а также системой своеобразных речевых приемов. Иными словами, политический язык представляет собой особую подсистему национального языка, предназначенную для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения к политическим действиям [4].

Особенность политического дискурса состоит в том, что в нем многие ключевые слова являются оценочными. Оценка в политическом дискурсе

напрямую соотносится с проблемой объективности и субъективности информации, передаваемой адресату субъектом оценки, т.е. адресантом. Именно поэтому оценочные средства, по мнению большинства исследователей, способствуют реализации манипулятивной функции политического дискурса [3].

Активная роль адресанта в оценочной структуре позволяет говорить о субъективном характере оценки. Характер субъекта оценки приобретает особую актуальность, т.к. именно по отношению к нему определяется истинность оценки. Объектом оценки может стать только то, что имеет какую-нибудь значимость, нужность для человека; все незначительное, неважное оказывается безразличным к ней.

Материалом для исследования послужили публицистические тексты, имеющие политическое значение, посвящённые ситуации на Украине – актуальной сегодня теме. Для сопоставительного анализа были выбраны две статьи с заведомо противоположной оценкой, что получило выражение уже в заголовках: 1) семантика оценки первого отрицательная – *«Черный список Обамы»*, в подзаголовке в сжатом виде заявлена основная тема: *США расширили санкционный список против России из-за Крыма*. Здесь оценочное значение имеет слово *санкционный*; 2) семантика оценки второго имеет положительный характер – *«С новым Крымом»*. Подзаголовок – *«Жители Крыма отпраздновали итоги референдума о присоединении к России»* содержит такие положительно окрашенные слова, как *отпраздновали, присоединили*.

Необходимо отметить, что лексическими языковые средствами создания оценочного значения текста является использование эмоционально-оценочных слов (мелиоративов и пейоративов), а также разговорная лексическая единица.

Политический текст, как правило, экспрессивен. Эффективным модальным средством выражения экспрессии является ирония. Она используется при создании определенного эмоционального настроения и психологических установок для читательской аудитории. Её инструментом могут быть сравнения, метафоры, негативные словесные образы. Так, например, в статье *«С новым Крымом»* ирония довольно популярна: *«Однако к этому моменту Крыму было уже все равно», «В этот день им тоже перепало народной любви», «На сцене сменяются артисты — группа «Земляне» с их фирменным «И снится нам...», «Обыватели пьют, обнимаются и целуются, не забывая фотографироваться и как бы нехотя позировать...», «Наутро Крым проснулся другим — помятым, растрепанным и с проставленной в графе судьбоносного выбора галочкой».*

Характерной особенностью политического дискурса является противопоставление союзников и противников, при этом очевидна следующая закономерность распределения оценки: свои действия и действия союзников субъект оценки характеризует с положительной стороны, а

действия противоборствующей стороны – с крайне негативной. Например, в статье «*Черный список Обамы*»: «*В течение последних дней мы стали свидетелями незаконного референдума в Крыму, угроз украинским военным. Все это было сознательным выбором правительства России, — сказал Обама. — Мы вводим новые санкции против должностных лиц, частных лиц и одного из российских банков*»; «*Президент России Владимир Путин не имел и не имеет никакого отношения к компании Gupvor. Он также никогда не был и не является выгодоприобретателем от деятельности компании*»; «*принятое решение является следствием неадекватной реакции администрации США на свободное изъяснение личной гражданской позиции по вопросу, имеющему огромный общественный резонанс в России*».

Другой эффективный прием воздействия на читательскую аудиторию – это цитирование компетентного политика. Например, в статье «*Черный список Обамы*» цитата зампреда компании «Согаза» Дамира Аксянова: «*Насколько мне известно, никакого бизнеса в США у нас нет, во всяком случае, он никогда не упоминался*», помощника президента Андрей Фурсенко: «*Знаете, это как в «Джентльменах удачи» — все побежали, и я побежал. А если серьезно, то я помощник президента, всегда поддерживал и реализовывал его политику и собираюсь это делать в дальнейшем*».

На сегодняшний день одним из часто используемых средств создания экспрессивного значения является употребление разговорной, а иногда и нелитературной – просторечной и жаргонной лексики. Например, в тексте «*С новым Крымом*» мы часто встречаемся с этим приемом воздействия на читателя: «*Перепало народной любви*», «*ошалевшим от толкотни фотокорреспондентам*», «*норовят сделать с ними селфи*». Автор использует его в качестве манипулятивного приема, так как просторечные и жаргонные формы, как правило, наиболее результативно воздействуют на эмоциональный настрой и психологические установки читательской аудитории.

К манипулятивным приемам можно отнести также употребление слов, имеющих оценочные коннотации – пейоративов, лексем с отрицательной окраской (например, в тексте статьи «*Чёрный список Обамы*»: *санкции, угроза, кризис, проблемы, спекуляции, бендеровцы*) и мелиоративов, лексем с положительной окраской (например, в тексте статьи «*С новым Крымом*»: *празднование, ура!, аплодисменты, торжество, радость, ликование*).

Таким образом, основной функцией политического дискурса является функция воздействия, которая отражается в основных его характеристиках – оценочности и агрессивности. Эта особенность, а также желание адресанта скрыть цели общения реализуется комплексом языковых средств воздействия – слов с эмоционально-оценочной коннотацией, эвфемизмов, метафор и т.п.

Литература:

1. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса. – 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k> (дата обращения: 28.10.2007).
2. Золина Г. Д. Языковые и жанровые особенности политического текста. М., 2009.
3. Михалева О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rus-lang.com/nir/conference/-14k> (дата обращения: 30.10.2007).
4. Ильин М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа, 2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politstudies.ru/arch/rubric/22.htm-28k> (дата обращения: 28.10.2007).

Наследие М.Ю. Лермонтова и современный литературный процесс

Г. Е. Горланов, д.филол.н., профессор
Пензенский государственный университет

О влиянии наследия М.Ю.Лермонтова на русскую литературу писали многие. Больше всего пишут о его творчестве, пропагандируют его книги в тех регионах, где дольше всего находился писатель. Особенно можно было бы отметить две географические точки: это Северный Кавказ (места, связанные с Пятигорском) и Пензенский край, где расположены исторические Тарханы. Оно и понятно. Тарханы – колыбель поэта со всеми исходящими из этого последствиями. Нет нужды говорить об особом влиянии Музы поэта на пензенских писателей, дышащих одним воздухом с Лермонтовым, бродящих одними дорогами с ним. Пожалуй, не найдёшь пензенского литератора, кто бы так или иначе не коснулся этого имени, а многие посвящали ему целые циклы и отдельные книги.

Остановлюсь в качестве примера на поэтическом сборнике «Стихотворения и песни» Бориса Шигина, опубликованном в Пензе (2002 год). До этой книги в 2000 году стихи, посвященные Лермонтову, выходили отдельным разделом под общим названием «Тарханский узор». Выбор на таком имени неслучайный. Шигин – коренной пензенец, с юных лет связанный с творчеством Лермонтова, неоднократно бывавшими в Тарханах с журналистскими заданиями и по душевным позывам. По инициативе Бориса Владиленовича, как только он стал редактором журнала, появился на обложке «Суры» профиль Михаила Юрьевича. Шигин тепло и вдумчиво писал и пишет не только о нём, но и об Иване Бунине, Анне Ахматовой, Борисе Пастернаке, Давиде Самойлове, Булате Окуджаве, Юрие Левитанском..., о Пушкине и поэтах пушкинской поры. То есть, это поэт с отменной филологической эрудицией.

Названные имена не просто существуют сами по себе – они, как поэтические угольки на ветрах времени, зажигают вдохновение идущих им на смену. Точно так же, как и они загорались "на том берегу" от уголька "Мишеля и Александра". Вечен костёр поэзии. В строчках "Праздник в Тарханах", хотя и в иносказательной форме, но вполне определённо звучит:

Не так ли костры, что под утро потухли,
Хранят под золою горячие угли -
Пусть кто-то ворчит: мол, огонь не горит.
На том берегу, по ту сторону слова
Они говорят с нами снова и снова:
Мишель, Александр, Булат и Давид,

Иван и Марина, Иосиф и Анна...

Хороша здесь ёмкость строчек: читатель прекрасно знает, кто стоит за Иосифами и Аннами, кстати ценившими и учившимися у Мишеля и Александра, угольки поэзии которых никогда не затухали.

Тем не менее по-иному, многоаспектнее звучат стихи о Лермонтове, И дело не в том, что их больше в количественном отношении. Первое, что бросается в глаза – их исследовательский характер. В стихотворении «Тарханская дорога» автор, подобно учёному – архивисту, в художественной форме заглядывает в начало девятнадцатого века, «где строго По чертежам размечен сад», замечает «в круге вишенном беседку», которую посещал юный поэт, в «старом доме», и по сей день «Между родителями – его портрет», а в парковых аллеях, «в тарханском парке», внизу которого «зеркало пруда», под вечер уже поэту видится «дивный детский взгляд, Который всё воспринимает Не так, как все...». Именно не так, как все, ибо он чувствует дыхание неба, плач листьев... Более того он чудным образом предвидит своё будущее и знает он «какой... заряд на той дуэли вышел, Всё. Всё, что будет впереди».

Очень важные строчки, которые в разных интерпретациях находят своё выражение в книгах ученых-лермонтоведов. Разве может написать поэт, не бывавший в Тарханах, каким бы способным он ни был, подобные строчки. Уже по таким беглым наблюдениям можно отличить стихи пензенских писателей от тех, из других областей, кто был единожды в этих местах или совсем ни разу не был. Для последних – характерно какое-либо цитирование строчек чаще всего используемых в качестве эпиграфа и рассуждений по этому поводу. Часто встречаются названия «Памяти Лермонтова». У Бориса Шигина в одном лишь месте есть такое цитирование, но оно вовсе не играет предназначенной в таких случаях роли. Имеется ввиду стихотворение без названия с эпиграфом «Когда мой прах, смешавшийся с землёй...». Весьма показательная строчка. Дело в том, что мне встречались стихи, в которых «прах Лермонтова» в разных поэтических вариациях хоронился в «земле сырой». Пензенские литераторы не могут допустить такого ляпсуса, ну, по

крайней мере, хотя бы потому, что бывали в лермонтовской часовенке и видели выставленный на обозрение свинцовый гроб. Лермонтовские строчки заставляют нас задуматься и о более существенном. Лермонтоведам хорошо известно о преимущественной сбываемости пророчеств поэта. А здесь... не сбылось. Может быть, уж чересчур смелой могла быть догадка - всех ведь смертных людей зарывают после смерти "в сырую землю". У Бориса Шигина читаем:

Не смешан прах с землёй - так уж случилось.
В те дни так время медленно сочилось...
А после, уж когда прошло сто лет,
Никто не смог отважиться на это,
Подумав, что сии слова поэта...
Мол, для порядка их сказал поэт.

Важную роль в тексте играют многоточия-недомолвки, приглашающие читателя к размышлениям. «Подумав, что сии слова поэта...» Что? Все сказано, «...для порядка их сказал поэт»? Разгадка же кроется в строчке: «Нам кажется, любовь сильнее слова». Совершенно справедлива неуверенность нашего современника – «кажется». И хорошо, что сказано «не мне», а «нам», выражающем чувства тысяч. Да нет, не тысяч, а миллионов людей. Тем не менее, сомнение остаётся: «...любовь сильнее слова...», но чьего слова? Самого Лермонтова, чей «Дух бессмертен силой». После такой смелости и Шигин засомневался: «Это что-то ново! За мысли эти нас не проклянут?» Да кто же может знать, как всё сложится? Слово, и звучащее и написанное, имеет материальную силу, особенность которой заключается в том, что оно, слово, переживает своих создателей и, возможно, является бессмертным – ведь ничего не рождается просто так и не исчезает, если уж оно рождено. Просто «любовь» не может быть сильнее обычного «слова», но слово поэта, тем более бессмертного Лермонтова, может быть. Поэтому я солидарен с поэтом, а Лермонтов простит за такой вывод, когда увидит, как «Течёт река поклонников поэта» к его родимому дому.

Борис Шигин обращается к своему кумиру в позапрошлый век не ради самого обращения, мол, вот смотрите, я помню, я знаю, а для того, чтобы связать лермонтовскую эпоху и ту, в которой он живёт сам, ради постижения истины. Любопытно в этом отношении «Письмо Лермонтову», написанное в форме обращения:

«Поручику Тенгинского полка» -
Пишу рукой, дрожащей на конверте...

Видимо, бывают такие горькие мгновения в жизни творческой личности и государства, когда просто необходимо выплеснуть весь жар души наружу. Сколько таких мгновений было у Лермонтова! Вот и у нашего современника подкрался в данном случае такой миг, когда «Меж временами распахнулась дверь И замерли два века в карауле». Во все времена жили и творили свои подлые делишки Мартыновы («Мартыновы – ломается

строка...»). Вот и сейчас они есть и грозятся словесной дуэлью, которая не менее опасна пистолетной. Коварство её в том, что оно скрыто, незаметно прячется за пустыми красивыми словесами. Однако у поэта 21-го столетия есть и свои преимущества – это опыт предыдущих эпох. Он откровенно признаётся своему знаменитому коллеге:

Поручиком Тенгинского полка
Я защищен навек от вашей пули.

В следующем стихотворении «Осень в Тарханах» мы видим зарисованные реалистически с натуры «пруд на зорьке коченеет», замечаем, как «отражения моста то вдруг трепещут, то немеют», дивимся тому, что «в желтых лиственных барханах Спит Михаил Архистратиг». Прочувствованные зарисовки «Осени в Тарханах» дают полное право поэту на афористическое открытие:

Кто осенью бывал в Тарханах,
Тот суть поэзии постиг.

Мне же важно здесь сделать акцент на главном: не будь поэт тесно связан с Тарханами – не появились бы у него замечательный и характерный цикл о Тарханах. Он даже мыслит, как многие пензенцы, не замечая о поддержке красивых и, как нам кажется, правдивых мифов. Писатель и неутомимый собиратель пензенского фольклора А.П.Анисимова в 1939 году записала от поимца И.П.Суханова по поводу песни «Выхожу один я на дорогу...» (он называет «песнь» – Г. Г.): «Всё дело было сделано и день назначен,- говорит он,- И вот ночью, перед дуэлью, ему не спалось, он вышел прогуляться за крепостную стену. Ночь была такая тихая. Ясная, на небе звёзды сияют. А перед ним дорога блестит каменистая. Стало ему грустно, и вот он запел эту песню. Вроде чувствовал, настанет последний день его жизни. Молодой был, хотя тяжёлая была его жизнь – преследование от жандармов и всё такое, - а умирать ему не хотелось. Он покоя хотел, а не смерти

Но не тем холодным сном могилы
Я б хотел навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

Да, Лермонтов не хотел так вот совсем умереть. Что вот кончилась жизнь и – нет ничего. Нет! Он хотел силу сохранить, жизнь желая чувствовать...» (Песни и сказки Пензенской области. Пенза, 1953. С.51).

Конечно же, Лермонтов не хотел совсем умирать. Ну, ладно И.П.Суханов, не знакомый с солидными литературоведческими трудами о жизни смерти, убедительно доказывающими разложение и гниение любого живого организма после смерти, а здесь прекрасно всё знающий и понимающий поэт. Наш современник, пишет о Лермонтове, убитом ещё в позапрошлом веке:

И слово – Помысла облатка:

Не умер. Просто спит. Уснул...

Вопреки всякой логики Борис Шигин прав. Такова великая сила слова. И что не умер Лермонтов, а «просто спит» опять-таки лучше всего знают пензенцы. По крайней мере дважды в год (в день Лермонтовского дня поэзии и в День рождения поэта) его жизненность мы осязаем чётко. К тому же следует присовокупить научные конференции, на которых речь идёт о Лермонтове как о нашем современнике, участвующем в литературном процессе.

Образ «святой Руси» в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне»

С. С. Горшкова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к. филол. н., доцент О. В. Христолюбова

«Лето Господне» – самое известное произведение И. С. Шмелёва. Автор 17 лет посвятил работе над этим романом, и, по мнению многих критиков, он является вершиной его творчества, и, тем не менее, в современном литературоведении недостаточно изучено это произведение.

В основе лежат детские впечатления самого автора, художественно обобщённые, и в романе воспроизводится мировоззрение шести-, семилетнего ребёнка, от лица которого и ведётся повествование. Также в «Лете Господнем», впервые в русской литературе, православный церковный календарь становится сюжетобразующей основой романа.

Остановимся на основных мотивах и образах «Лета Господня», при помощи которых создаётся образ «святой Руси».

Один из главных мотивов романа – мотив молитвы – отчасти подсказан нам И. А. Ильиным. Молитва пронизывает всё повествование и становится как бы невидимой скрепляющей его тканью. Мы видим, как герои молятся дома и в храме, келейно и соборно, в будни и в праздники, в горе и в радости, при начале всякого дела и по окончании его. Иногда молитва поётся церковным хором во время Богослужений, иногда – в одиночестве, дома, поётся или шепчется молитва.

Непрестанная молитва героев «Лета Господня» призывает в их жизнь благодать Божию, и на страницах повести не раз возникает образ Бога, который мы выделяем как один из важнейших образов. В первой же главе Он предстаёт перед нами сначала в виде иконы с распятием, а потом в виде тайны: «Я начинаю прыгать от радости, но меня останавливают:

– Пост, не смей! Погоди, вот сломаешь ногу.

Мне делается страшно. Я смотрю на Распятие. Мучается сын Божий! А Бог-то как же... как же Он допустил?..

Чувствуется мне в этом великая тайна – Бог» [4, 9].

Сейчас ребёнок впервые только задумывается о Боге. Изображение на иконе ему понятно, а вот Что такое Бог, пока остаётся для него тайной.

Постепенно, через домашнее благочестие, Ваня Шмелёв начинает уже близко чувствовать Бога: «Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице – и везде. В чёрном крестике от моей свечки пришёл Христос. И всё для Него, что делаем. Двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз. Необыкновенные эти дни – страстные, Христовы дни. Мне теперь ничего не страшно: прохожу тёмными сенями – и ничего, потому что везде Христос» [4, 64].

Через молитву ребёнок приближается к Богу, и теперь ему уже не страшно, потому что везде – Христос. Это самое непосредственное, детское восприятие Бога, но, пожалуй, и самое верное.

Когда Ваня достигает семи лет и становится отроком, начинает участвовать в таинствах, как и взрослые. Он решил поговорить вместе с Горкиным на Крестопоклонной, но перед этим приступает к исповеди. Сначала мальчик не может переступить через свой стыд, но в итоге ему удаётся сказать о всех грехах, которые он заранее вспомнил:

«Выхожу из-за ширмочки, все на меня глядят, – очень я долго был. Может быть, думают, какой я великий грешник. А на душе так легко-легко» [4, 364].

После исповеди следует причастие. А после причастия – поздравления близких, и старшая сестрица Сонечка говорит Ване: «От тебя так святостью и пахнет, ты теперь святой – с молока снятой». И правда, на душе у меня легко и свято» [4, 365].

Теперь ребёнок впервые сознательно приобщается к Богу не только через молитву, но и через таинства – исповедь и причастие. Прежде он трудится: говеет и переступает через свой стыд во время исповеди, но и воздаяние приходит сразу, и теперь он уже ближе всего чувствует Бога: Господь живёт *в его душе* чувствами лёгкости и святости.

Повествование в «Лете Господнем» очень насыщено светом, цветом, звуками и запахами. Они обычно имеют символическое значение и служат для создания разных образов и передачи различных настроений, но, пожалуй, главный образ, созданный ими, это образ радости. Самим обозначением этого образа-символа мы стремились подчеркнуть особый пафос произведения. Образ радости вполне закономерен в «Лете Господнем», ведь всем своим повествованием автор показывает, как Господь посещает и благословляет их благочестивую семью и всех близких им людей: Он всюду взирает на них с икон, Он чувствует рядом, Он входит в душу миром. И светлое это чувство ярче всего передается в игре света и цвета, в запахах и звуках.

И теперь мы подходим, пожалуй, к главному, образу-слову Руси святой – «*святому*». Это слово очень часто встречается на страницах повести, вместе со словом «живое». А иногда, как отмечается в статье «И. С. Шмелёв как религиозный писатель» [3], оно попросту заменяется другим образом-

символом – цветом: золотым или серебряным, или светом-сиянием. Золото и серебро – символы царства, и в храмах православных мы более всего видим именно эти цвета, а в свете земном Шмёлев как религиозный писатель видит отражение света небесного. Живыми и святыми предстают пред нами и небо, и земля со всем, что есть на ней, особенно в дни больших праздников, таких как Рождество, Троица, Пасха, Вербное Воскресенье: «Солнце играет на санях ранним, румяным светом – пасхальное что-то в нём, напоминает яички красные.

Лужа совсем разлилась, как море, половина саней в воде. И в луже розовый свет-румянчик. Верба в санях проснулась, румяная, живая, и вся сияет. Розовые вербешки стали! Куры глядят на вербу, вытягивают шейки, прыгают на санях, хочется им вербешек. И в луже верба, и я, и куры, и старенькие сани, и розовое солнце, и гребешок сарая, и светло-голубое небо, и все мы в нём... – и всё другое, чем на земле... какое-то новое-другое. Ночью был дождь, пожалуй, – на вербе сверкают капельки. Утки с криком спешат на лужу, мычит корова, весело ржёт Кавказка... Может быть, радуются вербе?... И сама верба радуется, веселенькая такая, в румянном солнце. Росла по Сетуньке, попала на нашу лужу и вот – попадёт к Казанской, будут её кропить, будет светиться в свечках, и разберут её по рукам, разнесут её по домам, по всей нашей Калужской улице, по Якиманке, по Житной, по переулочкам... – поставят за образа и будут помнить» [4, 373-374].

Всё живёт и трепещет, ликует и светится в этом чудесном произведении – всё согрето дыханием Божиим в детстве Ивана Шмелёва.

Теперь мы считаем необходимым выделить тесно связанный с идейно-тематическим и сюжетно-композиционным уровнями романа образ пути. Чаще всего мы видим путь героев в храм – и обратно домой, а центром этой маленькой вселенной становится «наш двор». И всё в гармонии: календарь земной следует за календарём Небесным, а движение героев в храм – и обратно только подчёркивает эту мерность их ритма жизни. И всё вечно в этом непрерывном круге.

В завершение обозначим основные выводы. В «Лете Господнем» описывается не столько внешняя трудовая жизнь русских людей, неразрывно связанная с православным календарём, сколько сам внутренний, духовный уклад русского народа. Роман состоит из нескольких относительно самостоятельных и художественно завершённых очерков, связанных воедино одной средой, одними героями и одной идеей. Повествование ведётся от первого лица. Это автобиографическое произведение. Шмелёв описывает в нём своё детство, художественно обобщая пережитое, и воспроизводит мировоззрение шести-, семилетнего ребёнка. Ведущими мотивами повести становятся мотивы молитвы и покаяния, а главным образом – образ «святой Руси», который создаётся при помощи многих других вспомогательных образов. Главная идея – возрождение России в прежнем образе через молитву

и покаяние, идея самобытности, глубокой духовности и соборности русского народа.

Шмелёв в «Лете Господнем», впервые в русской литературе, так живо воссоздал глубокие пласты русской народной духовности, что повесть стала не только художественным произведением высоко образца, но и переросла, по словам А. Карташева, художественную литературу: «Как бы там ни судили академики от литературы о писательском наследстве Шмелёва, это – их право и компетенция, но есть и не избудет около Шмелёва ещё другой массовый читательский суд. <...> У людей на ночном столике рядом с молитвословом и Евангелием лежат томики «Лета Господня», как прежде лежали «Жития святого» Дмитрия Ростовского. Это уже не литература... Это «душа просит». Это утоление голода духовного» [2, 157].

Литература:

1. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв. Мюнхен, 1959.
2. Карташев А. Певец святой Руси (Памяти И. С. Шмелёва). // Возрождение. Париж. 1950. № 10.
3. И. С. Шмелёв как религиозный писатель // Соц.и гуманитар. науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: РЖ. 2001. № 2. С.135-147.
4. Шмелёв И. С. Лето Господне. М.: Сибирская Благовонница, 2012.

Образы духовенства в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»

А. Б. Гришина, соискатель

Пензенский государственный университет

Научн.рук. – д.филол.н., профессор Г. Е. Горланов

Православная вера всегда была спасительницей России в кризисные моменты истории страны и народа. Тяжкие бедствия и испытания, выпавшие на долю нашей родины, только еще сильнее привязывали людей к святой Церкви и поднимали авторитет ее деятелей. Описывая в своем романе «Юрий Милославский..» период Смутного времени, М.Н. Загоскин обращает пристальное внимание на образы духовенства, которые представлены у него как собирательные: образы нижегородского духовенства, троице-сергиевских монахов, так и конкретные образы: старца Авраамия Палицына, отца Еремея, вобравшие в себя существенные, характерные, и в то же время общечеловеческие черты в их конкретно-историческом проявлении.

Михаил Николаевич Загоскин создает образы целого пласта русского народа, его духовной составляющей – священства и монашествующих. В романе «Юрий Милославский» мы видим впечатляющую картину духовного

единения народа с духовенством – это нижегородский молебен перед ополчением. Благодаря духовной поддержке своих пастырей народ русский оказался способным противостоять польским захватчикам и бесстрашно выступить на защиту своего государства. Именно духовное благословение рождает в православном народе непоколебимую уверенность в правоте и необходимости ополчения.

Загоскин описывает нижегородский молебен не просто для воссоздания колорита эпохи, именно в уста пастыря, нижегородского архимандрита Феодосия, вкладывает он горячие молитвы и вдохновенные патриотические речи, которые тесно переплетаются с фрагментами псалмов, что не просто возвеличивает сущность ополчения, но ставит его в один ряд с библейскими воинствами.

Борьба за родину окружается в романе ореолом святости, становится уделом не только ратных людей и православных мирян, но даже смиренных монахов. Благодаря религиозному подъему народа происходит и переосмысление образа православного монаха, его роли в истории страны. Троице-Сергиева лавра, «тихое убежище миролюбивых иноков», мыслится теперь уже не иначе, как «укрепленный замок», сам образ ее становится у Загоскина символом невероятной духовной силы. А потому пример, поданный насельниками этой обители, не только не осуждается в религиозных кругах, но становится единственным возможным путем спасения для всех православных. Победа над поляками становится в романе следствием непоколебимой героической веры и беззаветного упования на волю Божию, проявившихся так явственно в русских, этого духовного единения мирян, духовенства, иночествующего чина, которое родилось во время осады монастыря.

В романе представлены образы, вобравшие в себя лучшие черты многих духовных подвижников той эпохи, - отдельные представители духовного сословия: черное духовенство выведено автором в образе Авраамия Палицына, старца Троице-Сергиевой лавры, белое – в образе отца Еремея, предводителя православного земского войска.

«Незабвенный старец» Авраамий Палицын, келарь Троицкой лавры, становится в романе символом активной духовной борьбы против захватчиков с помощью словесных воззваний и «увещательных грамот», которые способствовали пробуждению самого духа народного для защиты святынь своих.

Сам старец Авраамий описан в романе как типичный представитель черного духовенства, с присущим ему духовным молитвенным горением и скромностью, среди икон и книг. Наряду с молитвенным деланием Авраамий Палицын записывает современные ему исторические события, что сближает его с традиционными образами монахов-летописцев. М.Н. Загоскин не дает какой-либо портретной характеристики своего героя, он акцентирует внимание читателя на внутренних качествах Авраамия, сочетающих кротость

с величием, ум с добросердечием, благочестие с патриотизмом. В уста старца автор вкладывает мудрые слова, которые объясняют позицию всего духовенства в романе: «Мы не иноки западной церкви и благодаря всевышнего, переставая быть мирянами, не перестаем быть русскими» [1, 245].

Значимую роль играет Авраамий Палицын в судьбе отечества. Именно благодаря его вдохновенному красноречию и щедрым обещаниям награды на небесах и на земле, отказавшиеся воевать казаки князя Трубецкого в решительную минуту сражения, когда падение России казалось уже неизбежным, выступают на помощь нижегородскому ополчению. Торжествуя победу, Авраамий Палицын вместе с архимандритом Дионисием и многочисленным духовенством оказывается в числе первых вступивших в Кремль. Он все сделал для того, чтобы «русское: «Тебе бога хвалим!» - оглася своды церковные, раздалось, наконец, в стенах священного Кремля, столь долго служившего вертепом разбойничьим для врагов иноплеменных и для предателей собственной своей родины» [1, 291]. Все сделал старец Авраамий и для счастья главных героев романа. Он освобождает Юрия от данного им иноческого обета, спасает Анастасью от пострига, который мог бы стать величайшей ошибкой в жизни героев.

В романе образ старца Авраамия приобретает черты духовного наставника, пламенно защищающего отечество с помощью молитв и проповедей-воззваний. Но есть в романе и иной способ борьбы с захватчиками. Его описывает Загоскин на примере отца Еремея. Этот священник, в отличие от старца Авраамия, сражается не только на уровне духовном – он собрал и возглавил православное земское войско. Предводительствуемые им отряды «шишей», как называют их поляки, ведут партизанскую войну, физически истребляя захватчиков-«еретиков». Все в этом войске основано на беспрекословном подчинении отцу Еремею, а значит, и православным законам: «без его благословенья они никого не тронут; а он, дай бог ему здоровье! стоит в том: режь как хочешь поляков и русских изменников, а православных не тронь!..» [1, 240].

Примечательно, что этот священник, как и знаменитый Авраамий Палицын, является реальным историческим лицом, образ которого дополнен авторским вымыслом. Впервые отец Еремей появляется во второй половине романа. Загоскин дает следующее описание священника: «...человек лет тридцати, с курчавой черной бородою и распущенными по плечам волосами. Он был одет отменно богато для сельского священника; его длинный, ничем не подпоясанный однорядок с петлицами походил на боярскую ферязь, а желтые сапоги с длинными, загнутыми кверху носками напоминали также щеголеватую обувь знатных особ тогдашнего времени» [1, 253]. Портретная характеристика священника дополняется и приемом говорящей детали: церковь с одной стороны луга перекликается здесь с виселицей на другой. Так и в образе самого священника следование православным канонам,

исполнение служб и треб сочетается с кровавой расправой над изменниками и захватчиками.

Отец Еремей принимает деятельное участие в судьбе главных героев романа. Стремясь спасти Анастасью от ярости «шишей», требующих повесить ее как невесту пана Гонсевского, священник тайно венчает ее с Юрием. Сам неординарный образ отца Еремея заставляет отказаться от стереотипов в отношении духовных лиц и иначе взглянуть на некоторые религиозные ценности.

Безусловно, герои-священнослужители вносят большой вклад в развитие сюжета романа и придают ему особую идейную направленность, обосновывая с позиций православной веры необходимость защиты отечества. Хотя их образы находят в романе свое конкретно-историческое воплощение, они вырастают до уровня символов, знаменуют собой неразрывное единение духовных и физических сил народа в борьбе за родину. Национальное понимание гражданского долга преодолевает рамки сословных или религиозных ограничений, и борьба за родину неразрывно связывается в романе с борьбой за православие.

Литература:

1. Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: Роман. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 320 с.

Эмоционально-оценочная лексика в средствах массовой информации

В. В. Грызункова, студентка

Пензенский государственный университет

Науч. рук. – к.филол.н., доцент Г. К. Касимова

В последние десятилетия внимание исследователей направлено на изучение эмоциональной сферы человека, языковая реализация которой еще не полностью исследована как в теории коммуникации, так и в теории текста. В настоящее время в лингвистике эмоций (эмотологии) одним из приоритетных направлений является изучение текстов, выражающих «мир эмоций».

Эмоционально-оценочную лексику в газетно-публицистическом дискурсе наиболее детально и конкретно можно изучить на конкретном языковом материале, в частности, на материале региональной прессы. Это связано с теми функциями, которые она выполняет. *Во-первых*, это функция объединения жителей одного региона: в таких изданиях поднимаются местные проблемы, приводятся новости и справочная информация, связанные с этой территорией. *Во-вторых*, анализируемая пресса не проходит мимо мировых событий. *В-третьих*, она выполняет

развлекательную функцию. При составлении материала издания важную роль играет социальный фактор: газета должна быть интересна всем. Такие свойства региональной прессы позволяют ей быть ближе к читателю определенной местности, чем федеральному изданию [1, 4].

Актуальность нашего исследования определяется неугасающим интересом к проблеме эмоциональности и оценочности в языке. Эмоционально-экспрессивная лексика на материале региональных СМИ пока еще не изучена достаточно полно, и поэтому наше изыскание, перспективно для всестороннего освещения роли эмоционально-экспрессивных именованных, так как позволяет показать способы реализации экспрессии через язык периодических изданий в актуальном на сегодня дискурсе.

Ярким источником речевой экспрессии в русском языке выступает словообразование, благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. У разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному.

В процессе исследования была проанализирована эмоционально-оценочная лексика, извлеченная из материалов некоторых печатных изданий, в частности, таких как: «Пензенская правда», «Аргументы и факты» и «Репортер».

Наибольшее количество примеров было обнаружено в газете «Аргументы и факты». Объясняется это, по-видимому, тем, что статьи в данном периодическом издании охватывают различные сферы жизни, в них встречаются репортажи, интервью, аналитический материал, в котором индивидуальная авторская точка зрения увеличивает количество эмоционально-оценочных слов.

В газете «Репортер» преобладает хроника событий и происшествий, для которой характерна конкретность и точность информации. В этой связи эмоционально-оценочная лексика здесь представлена в незначительном объеме.

В «Пензенской правде», хотя и относительно небольшой по объему, как и в «Аргументах и фактах», эмоциональная лексика функционирует в значительной части статей.

Анализ текстов газет позволил распределить эмоционально-оценочную лексику по трем основным группам: это слова 1) стилистически нейтральные в основном значении (номинация) слова; 2) выражающие положительную оценку называемых понятий (номинация + оценка), или мелиоративы; 2) выражающие отрицательную оценку называемых понятий (номинация + оценка), или пейоративы.

В процессе исследования было замечено, что наиболее часто эмоционально – оценочной окраске подвергаются имена существительные (31 слово): *старушка, вкусняшка, агитка, жулики* (про чиновников), *ворюги* (про чиновников), *старьё* (старые вещи) и др.) Эмоционально – окрашенных

имен прилагательных оказалось 25 (*сногшибательный (великолепный), шикарные (замечательные), дорогушее, божеский вид, мизерные* (очень маленькие) *зарплаты, низёхонький* и др.). А глаголов – 17 (*балагурит* (весело с шутками говорит), *окучили* (освоили), *тему заездили* и др.)

Также было отмечено два случая употребления наречий (*прекрасно помню, оценивают очень высоко*).

Таким образом, анализ эмоционально-оценочной лексики позволил обнаружить 16 слов стилистически нейтральных в основном значении (*народная копейка, непримиримый раскол, гигантский тираж*), 17 слов являются мелиоративами (*любимец, батенька, подстёгивало* (вдохновляло) и др.), и 40 слов, выражающих отрицательную оценку называемых понятий (*отпрыски местных чиновников* (дети), *деваха* (девушка, молодая женщина (разг., сниж.), *проверяльщики* (с пренебреж. оттенком), *накрыл экономический кризис, понаехали, пренебреж* и др.)

Среди стилистически нейтральных слов преобладают имена прилагательные (7). Лишь на 1 слово меньше имен существительных (6), а глаголов в данном списке только 3.

В группе слов, выражающих положительную оценку называемых понятий выделено 8 имен существительных, 4 слова – имена прилагательные, 3 – глаголы, 2 – наречия.

Самую большую группу эмоционально-окрашенных слов представляют пейоративы (40), среди которых 15 существительных, 14 прилагательных и 11 глаголов.

Наиболее популярные суффиксы среди существительных: -к-, -яшк-, -ушк-, -еньк-, -ул', -ах-, -ушк-, -юг-, -ин-, -уг- и др; среди имен прилагательных отмечены суффиксы: -ехоньк-, -охоньк-, -еньк-, -ейш- и др.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- 67% материала извлечено из газеты «Аргументы и Факты», 30% материала – из «Пензенской правды» и всего лишь 3% – из газеты «Репортёр».

- К нейтральной лексике относится 16 слов, 40 лексических единиц предстают пейоративами (словами с отрицательной оценкой), 17 – мелиоративами (словами с положительной оценкой).

- Преобладают, как видим, на газетных полосах пейоративы

- Наиболее распространенным и продуктивным словообразовательным средством эмоционально-оценочных слов оказался суффикс.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что количество оценочной лексики представлено в разном объеме в различных печатных изданиях. Это объясняется, прежде всего, тематикой новостей, публикуемых в том или ином издании. Эмоционально-оценочная лексика наиболее характерна для текстов аналитического характера, в которых большую роль играет авторская позиция.

Литература:

1. Паневина И.А. Эмоционально-экспрессивная лексика в газетно-публицистическом дискурсе : автореф. дис. ... к.ф.н. / И. А. Паневина ; ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет». – Смоленск, 2011 – 24 с.

Игровые технологии в оценке студентов

Л. Б. Гурьянова, доцент
Пензенский государственный университет

Экономические и социально-культурные изменения, происходящие в образовании на рубеже XX-XXI веков, обусловили изменения характера обучения. В современных условиях большое значение приобретает высокий профессионализм специалиста, его компетентность и конкурентноспособность. Основу структуры компетентности учителя составляют многочисленные педагогические умения, многие из которых он должен приобрести в педагогическом вузе. В настоящее время будущий учитель должен получить представление о применении в обучении интенсивных и интерактивных методов и технологий. Следовательно, в его подготовке особое внимание необходимо уделить таким формам и методам обучения, которые бы позволили студенту активно включиться в самостоятельный поиск, получить возможность разработать новые образовательные технологии для дальнейшего их использования в практической деятельности.

В учебный план подготовки будущих учителей – словесников в Пензенском государственном университете включено немало дисциплин, готовящих будущих студентов-словесников к профессиональной деятельности. Особое место среди них занимает «Методика преподавания русского языка», которая дает возможность студентам познакомиться с формами, методами и приемами работы учителя.

За последнее время все чаще студенты осваивают игровые технологии. В основном, это деловая игра, под которой понимают «педагогический прием моделирования различных управленческих и производственных ситуаций, имеющих целью обучение различных личностей и групп принятию решений» [1, 70]. Известно, что деловая игра имитирует различные аспекты человеческой активности и социального взаимодействия, снимает противоречие между абстрактным характером учебного предмета и реальным характером профессиональной деятельности. Обычно на занятиях по методике преподавания русского языка моделируются педагогические ситуации, когда в роли учителя выступает кто-то из студентов, а в роли учащихся – студенческая группа.

На одно из занятий с использованием игровых технологий, подготовленное студенткой группы 10ИЖ1 Дарьей Арехиной, были приглашены ученики 6 «Б» класса МОУ СОШ 75/62 г. Пензы. На этот раз студенты наблюдали, как проходит занятие, и оценивали его.

Среди положительных моментов они отметили активность школьников и их заинтересованность. Так, *Татьяне Зотовой* понравилась работа команд «Эрудит» и «Руки, ноги – и вперед!», задания, предложенные ребятам: из истории фразеологизмов, отгадай пропущенное в фразеологизме слово, узнай по картинке крылатую фразу. По ее мнению, «самым интересным был конкурс пантомимы, когда учащиеся с помощью мимики и знаков должны были показать фразеологизм». *Андрей Ключник* отметил, что подобные занятия «помогают извлечь для себя много важного и полезного, это можно использовать и в дальнейшей работе». *Елена Казакова* выразила общее мнение, что «это посещение студенческого занятия надолго останется в памяти учеников, так как они не только получили на память сладкие призы и веселые фотографии, но и сумели, поборов волнение, достойно соревноваться друг с другом».

Однако студенты отмечали, что подобные занятия требуют «не только усиленной подготовки» (*Дарья Канакина*), но и «трудны в плане проведения, так как учитель должен постоянно контролировать дисциплину» (*Ирина Соколова*). *Павел Литвинов* обратил внимание на то, «что часть школьников пассивно наблюдала процесс игры и что заданий для болельщиков могло бы быть больше».

В целом, все студенты положительно оценили занятие, отметив творческое отношение Дарьи Арехиной и ее помощников к его организации.

Игровые технологии используются и в преподавании специальных дисциплин. Одной из них является «Лингвистическое краеведение». Она расширяет и углубляет знания студентов по русскому языку, привлекает их внимание к языковым проблемам региона, способствует формированию культурологической и регионоведческой компетенции, помогает освоить инновационные формы и приемы работы с лингвистическим и экстралингвистическим материалом, ориентирует будущего учителя на организацию лингвокраеведческой работы в школе.

В преподавании дисциплины «Лингвистическое краеведение» мы используем методы, которые позволяют варьировать виды занятий: дискуссии, пресс-конференции, интерактивные экскурсии по местам, связанным с пензенскими лингвистами, деловые и дидактические игры.

Начинаем мы знакомство с дисциплиной с интерактивной игры «Язык нашего города», которую можно отнести к разряду интеллектуальных, т.к. она позволяет повысить мотивацию познавательной деятельности студентов и расширить их кругозор, вызвать интерес к изучаемой дисциплине.

Оценивая такую игру, студенты были единодушны, что она помогла узнать о нашем городе много нового и оценить его языковое пространство с точки зрения специалиста-филолога.

Известно, что суть метода деловой игры как метода обучения позволяет смоделировать профессиональную ситуацию, учит будущих специалистов выполнять соответствующие профессиональные функции.

Деловая игра «Рекламное агентство», разработанная нами, позволяет иначе взглянуть на языковой облик нашего города.

Цель игры:

- обучение приемам лингвистического анализа текстов, отражающих «языковой быт города», и создание эргонимов с учетом критериев оценки «оригинального» имени;
- совершенствование профессиональной компетентности будущего учителя-словесника, знакомство с игровыми технологиями, которые могут быть использованы при разработке элективных курсов по лингвистическому краеведению;
- формирование умения работать в малых группах, отработка внутрикомандного распределения ролей и эффективное ознакомление участников команд с деловыми качествами друг друга;
- развитие творческих способностей участников игры.

Данная игра имеет следующие этапы:

1. Предварительный, в ходе которого формируются рекламные агентства, распределяются должностные обязанности, производится сбор и обработка местного языкового материала.
2. Представление рекламных агентств, их символики и названия.
3. Презентация креативных названий, разработанных рекламными агентствами, и их продвижение на рекламном рынке региона.
4. Подведение итогов игры.

Еще во время подготовки к игре вся группа делится на несколько рекламных агентств. В каждом из них должно быть 5 сотрудников: *директор*, который координирует работу, *аналитик*, который должен провести лингвистический анализ эргонимов - наименований коммерческих и государственных предприятий данного профиля, *специалист по неймингу*, который предлагает и обосновывает креативное название предприятия, *менеджер* и *маркетолог*, которые продвигают данное название и организуют рекламную компанию. Перед игрой каждый из участников получает перечень своих должностных обязанностей.

Преподаватель выполняет роль инструктора, который помогает проведению игры, но не вмешивается в деятельность студентов.

Отличительной чертой данной деловой игры являл дебрифинг, т.е. рефлексия, в ходе которой студенты могли поделиться не только степенью удовлетворенности от игры, но и сообщить о своих удачах и личных достижениях. Оценивая занятие, студенты отмечали, что «интересно было

попробовать себя в качестве представителей рекламного агентства. Эта творческая и креативная работа нас сплотила, позволила проявить себя. Мы научились работать в малых группах» (Евгения Еременко), «было весьма увлекательно почувствовать себя директором по неймингу и дизайнером одновременно» (Елена Домнина), «деловая игра "Рекламное агентство" показала, насколько творческие и талантливые студенты нашего факультета. Здорово, что мы разрабатывали полный план рекламной компании - от функции аналитика до сочинения рекламных роликов на радио и ТВ» (Марина Оськина), «участие в деловой игре помогло нам лучше познакомиться с собственным городом» (Мария Семаева).

Очень подробный отзыв сделала Светлана Федорова: «Деловая игра «Рекламное агентство» – самое уникальное занятие, во время подготовки к которому мы проявили весь свой креативный потенциал. И даже сделали для себя открытие – мы не только будущие учителя, но и вполне готовые рекламные агенты. Наши студенты проанализировали названия коммерческих учреждений нашего города, начиная от продуктовых магазинов и заканчивая свадебными салонами, сделали выводы о благозвучности и правильности выбора наименований и их уместности. Создав свои агентства, мы «продвигали» на рынке рекламы прачечную «Енот» и свадебный салон «Свадебный переполох, аптеку «Здравия Желаем» и студию создания имиджа «Краса Руси», магазин музыкальных инструментов «Мажор» и магазин чая «Необычайные истории». Все они составили картотеку потенциальных эргонимов нашего города. Надеемся, что ею воспользуются рекламные агентства, работающие на пензенском рынке. Мы выпустили рекламные буклеты, записали текст рекламы на радио, создали свой ролик на телевидении. В целом, занятие получилось очень полезным».

Таким образом, использование нетрадиционных образовательных технологий, разнообразных форм и методов организации учебного процесса помогает каждому студенту проявить интерес к конечному результату своего труда. Они положительно относятся к использованию нетрадиционных технологий на занятиях в вузе, отмечая, что интересно быть не только участником игры, но и ее разработчиком. Особого внимания заслуживают оценки и пожелания студентов, так как они помогают совершенствовать уже разработанные деловые игры и работать над новыми.

Литература:

1. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. /А.Н.Щукин –М.: АСТ: Астрель : Хранитель, 2007 .

Заголовок как сильная позиция (на примере названий современных детективов)

Е. М. Дадахаджиева, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. филол. наук, доцент М. Г. Луннова

Заголовок – это главный тезис любого материала. Он выполняет номинативную, коммуникативную, рекламную функции. У заголовка доминирующей, а иногда единственной является информативная функция.

В словаре В. И. Даля о заглавии сказано, что это «выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено его название. Заголовком также называют название отдела, главы книги» [1, 557].

Первое, на что обращает внимание любой читатель – это заголовок. Заголовок представляет собой короткое законченное предложение в виде строки в самом начале; это предложение обозначает тему, идею или предмет, о котором пойдет речь в произведении. Заголовок должен привлекать внимание и направлять на чтение. Часто заголовок содержит наиболее важную информацию о данных, которые следуют за ним. Заголовок, предваряя текст, несет в себе определенную информацию о содержании и об авторской оценке. Можно сказать, что он занимает стилистически сильную позицию.

Писатель Л. Жуховицкий считал, что одним из главных этапов создания произведения является выбор заглавия: «Надо определить главную задачу заглавия. На мой взгляд, она заключается вот в чем: заставить редактора заглянуть в рукопись, а критика или читателя – открыть обложку. Начали читать – значит заглавие тем или иным способом, но сработало...» [3, 370].

Таким образом, заголовок – это текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное место.

Нами проанализировано 600 заглавий современных детективов. Авторы использовали для заголовков следующие структурные номинации:

– слово: Б. Бабкин «Наемник», С. И. Бестужева-Лада «Рокировка», «Оксюморон», М. Серегин «Афромент», Е. Кукарин «Беженцы», «Дальнобойщики», «Дельфинарий», «Кристалл», «Скороварка» и др.;

– словосочетание: А. Костин «Канатные плясуны», «Шоу двойников», Д. Донцова «Гадюка в сиропе», «Гарпия с пропеллером», Т. Устинова «Гений пустого места», «Миф об идеальном мужчине», А. Маринина «Иллюзия греха», «Игра на чужом поле» и др.;

– предложение: Ф. Незнанский «...имеются человеческие жертвы», «Ищите женщину!», В. Пронин «Ненавижу Потапова!», «Отец и сын», «Смотрите, кто к нам приехал» и др.

Более подробно рассмотрим семантические особенности заголовка на примере названий современных детективов. С этой точки зрения можно выделить несколько групп [2, 131-133].

I. Субъективные используются, если в названии обозначается человек (Б. Бабкин «Человек, подаривший ей собаку», И. Волкова «Человек, который ненавидел Маринину»). Лицо может характеризоваться по роду занятий (Ф. Незнанский «Прокурор по вызову», «Меткий стрелок», Т. Устинова «Убийца поневоле», М. Серегин «Алкаш в газете»), по умственным и физическим способностям (Т. Полякова «Моя любимая стерва», Л. Милевская «Моя свекровь – мырма», Д. Калинина «Неполная дурра»), по имени собственному (И. Мельникова «Дикая Лиза», Д. Донцова «Инстинкт Бабы-Яги», «Хеппи-энд для Дездемоны», Б. Акунин «Смерть Ахиллеса»).

Здесь заглавия определяются как квалитативно-субъектные и квантитативно-субъектные.

1. Квалитативно-субъектные заглавия всегда неоднословные. Определительная часть в них может быть выражена прилагательным или несогласованного определения: В. Пронин «Ночной пожар», «Разговорный жанр» Ю. Шилова «Женские игры», «Королева отморозков», Ч. Абдулаев «Джентльменское соглашение», «Идеальная мишень».

2. Квантитативно-субъектные указывают на определенное или неопределенное количество обозначенных персон: Б. Бабкин «Два с половиной раза замужем», «Трижды до восхода солнца», Т. Степанова «Три богини судьбы», «29 отравленных принцев», Т. Устинова «Пять шагов по облакам», «Седьмое небо».

II. Обстоятельственные заглавия составляют достаточно большую группу, в пределах которой выделяются названия, определяемые как темпоральные и локативные.

1. Темпоральные заголовки обозначают те или иные временные отрезки: Б. Бабкин «Трижды до восхода солнца», А. Афанасьев «Между ночью и днем», Т. Степанова «Пир на закате солнца».

2. Локативные заголовки делятся на два разряда.

К первому относятся топографические, так как автор использует в заглавиях топонимы:

– названия городов (Д. Корецкий «Жаркое рождество в Дубае», «Русская зима в Вене», А. Константинов «Дело о пропавшей России», М. Серегин «Фанера над Парижем»);

– названия стран (Ю. Шилова «Требуются девушки для работы в Японии»).

Второй разряд представлен локусными заголовками. К ним относятся обозначения того или иного топообъекта в природе (Д. Калинина «Вояж на

кудыкину гору», А. Константинов «Дело о Черной Пустыне», «Дело о Тихом Хуторе».

III. Заголовки, в которых обозначены животные, рыбы и птицы: Д. Калинина «Из мухи получился слон», «Селедка под норковой шубой», А. Константинов «Дело об императорском пингвине», Д. Донцова «Бассейн с крокодилами», Н. Перфилова «Капкан для глупой кошки».

IV. Заголовки, содержащие сказочные, мифологические и библейские мотивы (В. Платова «Купель дьявола», «Такси для ангела», Т. Степанова «Домоклов меч над звездным тронem», «Молчание сфинкса», «Улыбка химеры», Д. Донцова «Золушка в шоколаде», «Концерт для Колобка с оркестром», «Фокус-покус от Василисы Ужасной», «Хобби гадкого утенка».

На основе проанализированных материалов мы можно сделать вывод, что семантика заглавий в детективном жанре очень разнообразна и красочна. Рассмотренная классификация представлена основными разделами и в дальнейшем ее можно конкретизировать, дополнить другими номинациями.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А – З. – М.: ТЕРРА, 1994.
2. Луннова М. Г. Структурно-семантические особенности названий лирических произведений современных пензенских поэтов // Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале г. Пензы): моногр. / Г. И. Канакина, И. Г. Родионова, Л. Б. Гурьянова, М. Г. Луннова; под ред. Г. И. Канакиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 130-135.
3. Черняк М. А. Поэтика заглавия в массовой литературе // Массовая литература XX века: учеб. пособие. – 3-е изд. – М., 2009. – С. 369-386.

Стилистическая окрашенность материалов о России в американских газетах

К. В. Егоров, студент

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор Е. Н. Сердобинцева

В условиях постиндустриального общества роль информации постоянно возрастает. И значительная доля в информационном потоке принадлежит печатным изданиям: газетам, журналам и т.п. Любая статья в газете представляет собой авторский текст, который отражает авторскую позицию на то событие, о котором идет речь. Именно стилистическая окрашенность материалов позволяет понять истинные мысли и чувства,

которые внес автор в свою статью. На ней мы и заостряем своё внимание в этой работе.

Во время поиска материала для своей работы мы отбирали статьи американских газет, в которых наиболее ярко прослеживается личное мнение автора по поводу России, ее внешней и внутренней политики, а также собственно действий ее лидера Владимира Путина.

Печатные и электронные средства массовой информации в Соединенных Штатах предлагают самый широкий в мире выбор новостей и развлекательных материалов. СМИ - всепроникающий элемент американского общества: по социологическим данным средний американский работник посвящает им около девяти часов в сутки.

Притом нужно осознавать, что США – одно из сильнейших государств мира по всем показателям, и именно их идеология, агрессивная внешняя политика в сочетании с либеральной внутренней оказывают большое влияние на значительную часть остального мира.

Как пишет Афанасьев В.Е в своем научном исследовании, работа СМИ в США ведется по нескольким направлениям:

- обеспечение объективной и оперативной информацией жителей развивающихся стран, например Африки и Азии;
- формирование общественного мнения в развитых странах Европы и остальных стран развитого мира в соответствии с позицией правительства США;
- влияние на правительства социалистических стран мира для изменения характера их руководства и переход на политику, ведущую к созданию “открытого общества” и соблюдения прав человека [1].

В последние несколько месяцев в связи с событиями вокруг и внутри Украины, средства массовой информации в Америке забыли прежнюю сдержанность и в большинстве своем перестали приводить объективные данные и уделять внимание нескольким точкам зрения. И характер их материалов по теме Российско-Украинского конфликта нельзя назвать положительным.

Стоит отметить, что американская публицистика обладает рядом специфических черт, таких как: разговорно-фамильярный характер обращений; употребление жаргонизмов, перифраз; жанровое разнообразие. Теперь рассмотрим их подробнее на конкретных примерах.

Очень ярко все три вышеприведенных пункта отражены в статье скандально известной журналистки The New Republic Юлии Йоффе:

«Вчера Кремль «полностью окитаился», обрушившись на «святая святых для российской оппозиции» - на интернет»; «внезапно от независимых СМИ <...>остались рожки да ножки»; «в этом гротеске есть советские элементы, а есть «настолько дикие, безумные и криптофашистские, что я начинаю тосковать по прочному здравомыслию Брежнева», - пишет Йоффе. «Россия не располагает достаточными

военными силами, даже чтобы захватить Украину. Иными словами, все не слишком завуалированные угрозы Москвы на деле оказываются бравадой. Или простым блефом», - говорится в статье [3].

Экспрессивные фразеологизмы (“*святая святых*”, “*не мытьем, так катаньем*”, “*рожки да ножки*”), а также отдельные слова “*обрушиться*”, “*рассадник абсурдного*”, “*дикие, безумные, криптофашистские*”, “*бравада*”, “*блеф*” и даже просторечные сочетания “*кружок казбешников*” [3] окрашивают стиль статьи в крайне эмоциональные, темные тона.

Издания, редакции которых расположены на западном побережье США, вероятно, ощущают еще большую свободу и безнаказанность ввиду еще большей удаленности от предмета своих выпадов - от России, поэтому статья Маши Гессен в Los Angeles Times вся состоит из стилистически окрашенной лексики от первого до последнего предложения.

«Недавно Ангела Меркель якобы сказала Обаме, что Путин потерял связь с реальностью, а экс-госсекретарь Клинтон сравнила российского президента с Гитлером. Многие аналитики сочли, что пресс-конференция в минувший вторник - и впрямь доказательство безумия»; «Путин<...>совсем как задира, которого застукали в чужой куртке, а он пытается отпираться» [2].

Сквозь плотную, постоянно пополняемую новыми примерами баррикаду откровенно отрицательных и даже агрессивных слов в адрес Российской внешней политики, очень сложно рассмотреть что-то другое. Так, за последний месяц мне встретилась всего пара сдержанных и, в данных условиях даже можно сказать, благоприятно настроенных материалов. Первый, опубликованный в малоизвестном издании American Objective, которое, однако, внушает доверие, вынося объективность в свое название.

«Россия давно относится к украинцам и украинскому языку снисходительно. «Младшего брата» любят за жизнелюбие, веселость, самоиронию. Но он остается младшим в семье, а значит, должен слушаться старшего, учиться у него, стараться на него походить. И вот в последние месяцы русские увидели, что украинцы совсем не такие. Украинцы сумели сказать правительству воров «Банду геть!», а мы - не сумели. Конечно, нам завидно» [6], - пишет журналист.

Наиболее сдержанная и взвешенная статья, хоть и имеющая в себе критическую лексику вроде “*дешевая уловка*”, “*срежессированный Россией путч*”, “*риск быть раздавленными сомнительными российскими аргументами и танками*” [6]. Однако 80% статьи написаны в спокойном тоне, без возгласов и громких обвинений, что выгодно отличает ее на фоне общей массы. Очевидно, Wall Street Journal посчитал необходимым сохранять холодность и здравомыслие, поэтому мнение этого издания, выраженное в статье Томаса де Валла, само по себе располагает к цивилизованному диалогу и своим примером как бы предлагает воинствующим сторонам (от политики и от журналистики) сесть за стол

переговоров и урегулировать конфликт. Это подтверждают слова “дискуссия”, “выслушать тех и других”, “переговорный процесс”, “референдум”, “обсуждение” [5].

Такая позиция нам видится наиболее предпочтительной в условиях информационной войны и максимально накаленной ситуации между ведущими странами мира.

Особое мнение редакции Wall Street Journal также прослеживается и в других материалах на его страницах. И, несмотря на откровенно отрицательную лексику вроде «Украину сковывали «рудименты жесткой и долгосрочной российской политики колонизации» [4], публицист Милан А. Рачич настаивает, что обвинять только Россию не следует. «Многие из нас профукали мечты поколений, доброжелательное отношение наших соотечественников и добрые намерения друзей и соседей. Мы одни виноваты. Пусть печальный пример Украины отрезвит нас», - так завершается его статья. [4]

Однако всё же стоит отметить, что такие выражения, как “параноидальный”, “неадекватный”, “не подлежащий анализу и предсказаниям”, “имперский”- кочуют из статьи в статью в американских СМИ уже несколько месяцев независимо от издания.

Подводя итог, напомним, что мы рассматривали стилистически окрашенные тексты американских изданий, связанные с Российско-Украинским конфликтом. Можно сказать, что процент отрицательных и агрессивных обвинений в публикациях западных журналистов возрос и сами они стали более точными и конкретными, ударяя по одним и тем же зонам и очевидно насаждая определенное мнение у американской общественности. Стилистическая окраска публицистических текстов отличается друг от друга и зависит от особенностей культуры страны, в которой они выпускаются, и особенностей её языка. Проанализировав весь материал по данной теме, мы можем сделать вывод, что стилистически окрашенных слов в статьях американских печатных изданий о России стало значительно больше в последние месяцы в связи с Украинской проблемой. Таковы реалии информационной войны.

Литература:

1. Афанасьев В.Е. Американская газета «Christian science monitor» в информационной супермагистрали» в 1996 году // Вестник МГУ серия 10 журналистика. - 1997. - №6. - стр.72
2. Гессен М. Владимир Путин - сумасшедший? Едва ли. [Электронный ресурс] URL: http://www.inopressa.ru/article/11Mar2014/latimes/ukr_putin.html
3. Йоффе Ю. Пока Запад смотрит на Крым, Путин проводит "генеральную уборку" в Москве. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Mar2014/tnr/cleans.html>

4. Милан А. Рачич Уроки демократии для соседей Украины: Путин и Россия, безусловно, неправы, но много проблем Киев создал себе сам. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Mar2014/wsj/democracy.html>
5. Томас де Валл Шотландское решение для Крыма. [Код доступа] URL: <http://www.inopressa.ru/article/12Mar2014/wsj/crimea.html>
6. Шишкин М. Рухнет ли в свою очередь путинский режим? [Электронный ресурс] URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Mar2014/amobjective/shishkin.html>

Морфологические особенности поэтических компонентов в тексте романа И. Л. Муравьёвой «Барышня»

А. О. Емельяненко, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. пед. н., доцент М. П. Болотская

Язык писателей по своей природе и функциям может служить предметом многоаспектного исследования. Языковая организация текстов заслуживает не меньшего внимания, чем идейно-образная, поскольку для автора «форма» произведений так же значима, как и содержание.

Особенностью романа И. Л. Муравьёвой «Барышня» (2010 г.) является включение в прозаический текст ритмических компонентов, создающих новый план повествования – поэтический.

В ритмических конструкциях романа «Барышня» имена существительные (32, 8%) являются самой употребляемой частью речи. Наиболее часто используются конкретные существительные (их более 200): *дверь, человек, сорочка, мать, ваза, тумбочка, кошки, птицы, загадка, шутки, бинты, няня, ушастый* и др. Обычно они функционируют в рамках одной ритмической конструкции, подчёркивая вещность земного мира, например: *«На окно с такой силой надавливало зимнее солнце, что в комнате стало светло, как в раю, и ваза на тумбочке переливалась»*, *«Зимой случилось событие: судьба подарила ей дом с привидениями, где каждую неделю её поджидали десять, а то и двенадцать юношей, высоких и низких, в очках и лохматых, весёлых и тихих, блондинов, брюнетов, – все в серых гимназических формах, перетянутых ремнями с большими серебряными пряжками»* и т.д. В рамках одной конструкции могут встречаться существительные разных лексико-семантических групп, и тогда конкретные имена существительные «уступают» в своей значимости существительным другой группы, отходят на задний план, следуя авторской логике, например: *«... доверчивость матери сразу исчезнет, и будет тоска, будет снова тревога...»*; *«Тогда Таня начала с ненавистью думать*

об этом ушастом и вежливом Коле в его накрахмаленной белой сорочке, вспомнила, как они ловили стрекоз на болоте и он всё время промахивался, нелепо хлопал сачком мимо прозрачной стрекозы, которая со своим помертвевшим от страха лицом сперва повисала над их головами, не веря свободе и празднику жизни, а после взмывала наверх с дикой силой...».

Среди конкретных существительных можно выделить несколько семантических групп: группа с семей «человек» (человек, девочка, мать, жена, папа, дети, дочери, блондины, брюнеты, младенец, няня, чужой и др.), группа с семей «часть человека» (затылок, живот, тело, лицо, глаза, уши, щёки, душа и др.), группа с семей «животные и растения» (кошки, птицы, птенчик, деревья, плоды, мухи, вишня, лягушки, растения и др.), группа с семей «вещь» (дверь, комната, ваза, тумбочка, ванны, печка, шкаф, корабль, окна и др.).

Таким образом, конкретные существительные образуют особый предметный пласт повествования, который противопоставлен повествованию абстрактному, выраженному в тексте с помощью отвлечённых существительных, которые в ритмических компонентах занимают второе место по употреблению. Это такие слова, как *жизнь, вера, тоска, известность, бормотанье, восторг, смерть, шум, время, пространство* и др. В тексте они чаще всего называют главные категории человеческого бытия (*жизнь, смерть, вера*), зрительные (*блеск, темнота, чернота, сиянье*) и слуховые ощущения (*бормотанье, шум, жужжанье, тишина*), а также чувства человека (*восторг, тоска, радость, злоба, обида, счастье*). Употребление отвлечённых существительных в ритмических конструкциях непосредственно связано с семантикой самой конструкции, способствует её философскому (иногда религиозному) звучанию, например: *«Высокие душою люди часто осознают, что жизни бояться не стоит. Грешно. И это, я думаю, есть вера в Бога»*. Зачастую ритмические конструкции, совмещая семантику отвлечённости и конкретности, обладают внутренним противопоставлением тленности, вечности мирского и духовности, абстрактности иного мира, например: *«... поскольку – не будь их на этом катке – никто и не вспомнил бы даже о смерти»*; *«... чтоб только продлить замирание ночи, блаженство тепла, темноту, шум мягко горящих поленьев из печки...»* и др.

Вещественных и собирательных существительных в тексте сравнительно немного. Однако и они в ритмических конструкциях представляют собой яркие образы, обычно зримые, например: *«... её очень сильно разрезанный лоб, и всё было густо испачкано кровью...»*, *«... и шли по аллеям, белея бинтами на фоне цветущей и радостной зелени»* и т.д.

Таким образом, наиболее значимыми для понимания и толкования семантики ритмических конструкций являются конкретные и отвлечённые имена существительные, которые «делят» план повествования на вещный (реальный) и абстрактный (ирреальный).

Глагол – часть речи, обозначающая процессуальный признак и выражающая это значение в грамматических категориях вида, залога, времени, числа, лица, наклонения и рода. Из всех частей речи глагол выделяется лингвистами как самая сложная и самая ёмкая; к тому же он аккумулирует огромную потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в её развитии, движении. В ритмических компонентах романа «Барышня» глагол (24,4%) выступает как одна из ведущих частей речи. В первую очередь он выполняет одну из своих основных функций – передаёт движение, динамику, например: «*Пахнёт снежной пылью, и дверь затворится. И нет человека, растаял*»; «*Я теперь понимаю, как это просто. Сегодня живёшь, ходишь, дышишь, а завтра...*» и т.д. Часто, чтобы акцентировать внимание на лексической стороне глагола, автор прибегает к повторам в рамках ритмической конструкции, например: «*... и всё, что случилось, случилось внезапно, но так, как положено, даже не стыдно*», «*... и греться на солнце, как греются кошки, как греются птицы и все, кто не умер...*» и т.д. При рассмотрении видо-временной особенности глаголов в ритмических компонентах, можно отметить, что глаголы прошедшего времени преобладают в повествовании, а глаголы будущего времени употребляются редко. Это определяет другую функцию глаголов в тексте: обозначение художественного времени повествования.

Образным, живописным текст делают имена прилагательные (12%). Несмотря на их небольшое количество в ритмических компонентах, они выполняют разнообразные функции. Здесь можно выделить группу «цветовых» прилагательных: *белый, прозрачный, чёрный, синий, голубой, красный, кровавый, розовый, зелёный, жёлтый*. Такие прилагательные создают очень яркие, запоминающиеся образы: «*... нежный, немного кровавый огонь из кабинета покойного князя Хилкова <...> пел что-то свое, пел кровавый огонь, и пела метель, и стонала от боли, и всё это было пока еще – жизнь, пока еще – чай со сливовым вареньем...*». Прилагательные типа *ушастый, неопрятный, жёваный, мокрый, прыщавый, лохматый, ровный* входят в группу со значением «внешний вид»: «*... Таня, которую отец крепко держал за плечо, увидела, как с громким стуком на ящик упала вся чёрная – в таком неопрятном и жёваном платье, как будто она в нём спала целый месяц, – лохматая старая дама...*». Внутреннее состояние отражают прилагательные с положительной (*счастливый, весёлый, радостный*) и отрицательной семантикой (*обречённый, страдальческий, испуганный, несчастный*). Оказавшись рядом с такими прилагательными в рамках одной конструкции, прилагательные других групп приобретают и усиливают значение «внутреннего состояния»: «*На тёмном холсте изображался Пушкин со взглядом страдальческим и обречённым, которым он видел, как всё это будет: и снег, пропитавшийся красною кровью, и тяжёлое дыхание секундантов <...>, и бешеные глаза лошади, рванувшейся в сторону, когда его стали усаживать в*

сани и шубу, намокишую кровью, набросили на ноги...», «Два дня она провела с мамой и Диной и плакала так много, что сейчас, в этот почти жаркий апрельский день, который еще на рассвете высвободил из влажной и свежей земли столько трав и столько смущённых счастливых растений, что сразу же вдруг завершилась весна и тут же настало роскошное лето...».

Такая часть речи, как местоимение (16%) в ритмических конструкциях выполняет свою непосредственную функцию – указывает на предмет, не называя его. Наиболее частотными в употреблении являются личные местоимения, причем превалирует употребление личных местоимений третьего лица, что обусловлено особенностями повествования в романе: *«Как только она появлялась в дверях, они опускали глаза на секунду. Поскольку она ослепляла собою», «... если вдруг кто-то решится и примется думать, то быстро дойдет до слепящего света в том случае, если он верует в Бога, и столь же ужасно и быстро наткнётся на чёрную тьму с черепами и смрадом в том случае, если он мелкий безбожник».* Широко употребление также указательных местоимений и местоименных наречий, которые зачастую уточняются существительным: *«И там, за границей, лечит эту дочку...», «там, на свету, возвышаются реки...».* Определительное местоимение *всё* имеет обобщающее значение, приобретая в контексте романа философское звучание: *«... и греться на солнце, как греются кошки, как греются птицы и все, кто не умер», «И умер, как все мы умрём, Марко Поло. Однако загадка осталась загадкой», «... зелёная, сильная кровь всех деревьев, всех сладких, гниющих, незрелых плодов, всей мокрой листвы, всей земли, всего лета».*

На остальные части речи приходится 12%. В основном это наречия со значением времени (*сегодня, сейчас, утром, попозже, нынче, ночью* и др.): *«Я теперь понимаю, как это просто. Сегодня живёшь, ходишь, дышишь, а завтра...»*, а также слова категории состояния (*можно, нельзя, нужно, стыдно*).

Таким образом, главную роль в поэтических компонентах играют имена существительные и глаголы. Они не только являются традиционно выразителями семантики, выполняют экспрессивную функцию, но и выводят произведение на новый уровень, разделяя повествование на несколько пластов.

Произведения И. Л. Муравьёвой – необычное явление в современной литературе. В романе «Барышня» поэзия и проза, переплетаясь воедино, дают новое звучание произведению. Несмотря на то, что традиционно поэтической грамматике в лингвистических исследованиях практически всегда отводились «вторые роли», изучение поэтических компонентов на грамматическом уровне позволяет более глубоко проникнуть в идейное звучание, понять замысел автора.

Литература:

1. Муравьёва И. Л. Барышня. М.: Эксмо, 2010. 352 с.

О некоторых особенностях использования исследовательского метода на уроках русского языка

О. О. Есафьева, к. пед. н., доцент
Пензенский государственный университет

Исследование, известное с древности как вид познавательной деятельности, выделялось как элемент процесса обучения со времён Сократа и его бесед-исследований. Однако организация целенаправленного обучения, при котором ученик ставился в положение первого исследователя определенной проблемы и должен был самостоятельно найти решение и сделать выводы, появилась в педагогике в конце XIX века (А.Я. Герд, М.М. Стасюлевич, Р.Э. Армстронг).

В российской педагогике термин «исследовательский метод» был предложен Б.Е. Райковым в 1924 году применительно к предметам естественнонаучного цикла. Под ним он понимал «...метод умозаключения от конкретных фактов, самостоятельно наблюдаемых учащимися или воспроизводимых ими на опыте» [3, 399].

Сейчас исследование идёт в школу двумя путями: во-первых, исследование как метод суждения на основе конкретных наблюдаемых фактов или фактов, воспроизводимых обучающимися на опыте; во-вторых, исследование как путь открытия нового, продуцирования знаний. Понятно, что первый путь вполне отвечает условиям урочной системы, а второй путь – это путь научных обществ учащихся.

На первый взгляд, это кажется естественным: особенности урока как формы обучения исключают основную ценность исследования – новизну научного знания. Исследование – это всегда шаг в неизвестное. Здесь нельзя найти ответы на вопросы в справочнике, словаре или Интернете. Быть пионером, первооткрывателем, понять то, что до тебя никто не понял, узнать то, что еще никто не узнал – вот что привлекает в научно-исследовательской деятельности. Наша задача – дать возможность ребёнку обрести этот бесценный опыт.

В современном мире дети живут и развиваются в агрессивной информационной среде. Информация давит на них, не дожидаясь, когда к ней проявят устойчивый интерес. Чем активнее информационное поле, тем меньше у ребёнка возможности проявить любознательность самостоятельно. На этом фоне наблюдается интересный парадокс: мир идет по пути усложнения технологий обработки и предоставления информации (мультимедийная информация, интерактивная форма), а ребёнок скорее проявляет живой интерес к простым вещам (увеличительное стекло,

например, или как у И.А. Гончарова: «поймает стрекозу, оторвёт ей крылья и смотрит, что из неё будет...» [1, 107]), потому что здесь есть место новизне ощущений, перспективе деятельности. В этой области, по моему мнению, следует искать объект и предмет исследования. Конечно, проще в физике и химии, так как в этих областях науки высока степень визуализации информации в реальности, не требуются хитрости электроники, но необходимы серьёзные материальные вложения в препараты и аппаратуру. Плюс филологии в том, что исследование не предполагает аппаратных затрат.

Однако у лингвистов, филологов другие сложности: понимание даже «простых вещей» в языке и речи требует умения абстрагировать, не только анализировать, но и синтезировать пошагово при работе с образностью. Учитель должен оставаться реалистом в отношении возможностей учащихся. Принцип доступности распространяется и на организацию исследовательской работы. И всё же у научного исследования в школе всегда остаются перспективы.

Уже в педагогических концепциях 70-80 годов ставилось под сомнение, что учебно-исследовательская деятельность школьников есть всегда исследование уже познанного. Отмечалось, что в школе возможны и открытия неизвестных науке фактов, например, в области литературного краеведения (Н.И. Кудряшев) [2, 33-37].

В наше время не наука приходит в школу, а государственный стандарт, который представляется довольно противоречивым в отношении исследовательского метода. В стандарте второго поколения инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения – это важнейшие качества, обеспечивающие становления современной личности, поэтому одним из основных направлений образовательного процесса провозглашается развитие способности учащихся к исследовательской деятельности. Однако при этом результаты исследовательской деятельности обучающихся не актуальны в рамках предметной итоговой аттестации обучающихся (использование творческих, научных работ в качестве экзаменационных).

Решает это противоречие учитель, поставленный в сложные условия. Во-первых, существует объективная необходимость массу времени тратить на подготовку к ЕГЭ; во-вторых, утверждение о том, что исследовательский метод позволяет решать задачу подготовки к написанию части С ЕГЭ, конечно, верно, но бесперспективно в условиях класса (мало эффективно); в-третьих, организация исследовательской деятельности требует от учителя больших временных затрат (необходимо выстроить учебное исследование как систему задач и проработать средства (предписания, приемы) решения этих задач); в-четвёртых, современная школа оставляет учителю мало времени для самостоятельного научного поиска. В то же время именно в

живой научной деятельности учителя нам видится необходимое условие полноценного использования исследовательского метода в школе.

История российской педагогики знает немало примеров, когда учитель реализовывался как учёный, не прерывая общения с обучающимися. Таков, например, К.Э. Циолковский, основоположник теоретической космонавтики и учитель математики и физики, состоявший в Российском обществе любителей мирозведения.

И сегодня учитель – это камертон, по которому настраивается класс, каждый ученик. Чтобы по-настоящему удивились дети, нужно, чтобы сначала удивился учитель. Удивление порождает интерес, а интерес заставляет действовать. Учитель, погружённый в научные изыскания, не только имеет право подключать к ним учеников, но и обязан это делать. Так прививается культура научного мышления. Рассказывая об объекте и предмете исследования, выдвинутой гипотезе, целях и задачах, путях решения задач, предлагая принять участие в практической части исследования, педагог приглашает детей в увлекательное путешествие, делает их спутниками, соавторами.

В качестве возможного рассмотрим следующий пример. В русской литературе есть немало стихотворений неизвестных авторов или стихотворений, приписываемых тому или иному поэту. Опыт установления авторства ценен как в социальном плане, так и в морально-нравственном, а если учесть, что речь идёт о работе с текстом на всех его уровнях, то и в познавательном плане переоценить его трудно.

Исследователь истории литературы И.Т. Трофимов, занимавшийся в 80-х годах изучением материалов московских архивов, обнаружил неизвестное стихотворение поэта-декабриста («К пчеле, прилетевшей к решётке окна моего каземата весной 1826 года»). И.Т. Трофимов выдвинул гипотезу о принадлежности текста перу А.И.Одоевского и попытался доказать это, опираясь на историко-биографические данные [4]. Следуя гипотезе И.Т. Трофимова, нами был исследован текст стихотворения «К пчеле...» на предмет возможной принадлежности к циклу «тюремных» стихотворений А.И.Одоевского. Исследование было выполнено на основе теории лингвистического анализа лирического текста Н.М. Шанского и материалов работы П.А. Гагаева «Речь как индивидуально-авторский феномен» в части характеристики мировоззрения поэта, философии творчества Одоевского.

Мужество и благородство корнета А.И. Одоевского восхищает детей. Учащихся не оставляет равнодушными трагическая судьба поэта, заключённого в каземат Петропавловской крепости в ожидании смертной казни. Его душевная драма, духовное бремя, предсмертные раздумья – всё в стихах цикла. Информация о том, что к циклу может относиться еще одно стихотворение, способна действительно заинтересовать учащихся, мотивировать их к активной научной деятельности. Здесь задачу облегчает

то, что детям свойственно стремление к справедливости, установлению истины, к сожалению, больше, чем взрослым. Теперь время рассказать учащимся, что учитель уже начал исследование, озвучить инструментарий и технологию, поделиться текущими результатами, но главное, разумеется, попросить о помощи. Поскольку лингвистический анализ осуществляется на всех уровнях языка, то и привлекать можно детей различных возрастных групп. На уровне лексики сходство текстов проявляется в активном использовании антонимов и синонимов. На уровне морфологии обращают на себя внимание местоимения первого лица и притяжательные местоимения (мой, наш), воплощающие мощное личностное начало в текстах. На уровне синтаксиса необходимо отработать активное употребление именных словосочетаний с согласованием («мой глас», «небесных сил» и т.п.). Работа знакомит учащихся с особенностями применения метода математической статистики. На уровне пунктуации интересные результаты дают методы наблюдения и сравнения. Конечно, полученные учащимися результаты, необходимо проверить, но они уже получают право быть упомянутыми в научной публикации материалов исследования.

Подведём итог. Такой подход не девальвирует в глазах учащихся исследовательскую работу: обеспечивает новизну (продуцирование знаний), актуальность (помощь учителю). Он помогает детям участвовать в серьёзном ответственном деле, даёт повод уважать себя, обеспечивает положительный чувственный опыт и, на наш взгляд, объективно оптимален в условиях урока русского языка.

Литература:

1. Гончаров И.А. Обломов. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1990. – С.107.
2. Леонтович А.В. К проблеме исследований в науке и в образовании// Развитие исследовательской деятельности учащихся: Методический сборник. – М.: Народное образование, 2001. – С.33-37.
3. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др.. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. — С. 399. — 528 с.
4. Поиски и находки в московских архивах// Трофимов И.Т. – М., 1987. – 206 с.

Парная частица «не...ли» в словарях русского языка

А. В. Ефимкина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент И. Г. Родионова

По данным современной иллюстрированной энциклопедии под редакцией А. П. Горкина, в русском языке более 120 частиц, из них наиболее

активно используются отрицательные (*не, ни, нет*), вопросительные (*ли, неужели, разве*) и указательные (*вон, вот, это*) [3, 441]. В связи с этим важно отметить употребление отрицательных и вопросительных частиц, точнее, их единство в предложении – парную частицу «*не...ли*».

Частицы «*не*» и «*ли*» одни из самых употребляемых слов в русском языке. «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной содержит списки лемм с указанием частоты их встречаемости в текстах. По данным этого словаря можно сделать вывод о том, какие слова более употребительны в языке, а какие менее частотны. Отметим, что в названном словаре парная частица «*не...ли*» не представлена, фиксируются лишь отдельные её компоненты – «*не*» и «*ли*». Однако мы считаем, что частицы «*не*» и «*ли*» в высказываниях и предложениях объединяются в одну частицу, вносящую новые эмоционально-экспрессивные значения. Нам показалось интересным выявить частоту использования в текстах компонентов парной частицы.

Частица «*не*» занимает 3 место в частотном списке лемм (употребляется 19228 раз). Чаще всего это слово используется в драматургических (7060 раз) и художественных текстах (4988). Впрочем, это относится и к вопросительной частице «*ли*», частота употребления которой немного меньше – 1160 раз, из которых 379 раз в драматургических и 332 раза в художественных текстах. И это не случайно, ведь основная сфера использования частиц – устно-разговорная речь и художественная литература. Использование в речи частиц придает высказываниям большую выразительность, эмоциональность.

Интересно отметить употребление частицы «*не...ли*» в этимологических словарях русского языка, из которых мы узнаем, как образовалось слово, каков его морфемный состав, с какими другими словами русского и иных языков оно связано и многое другое. По происхождению частицы «*не*» и «*ли*» – общеславянские слова. М. Н. Шанский, Т. А. Боброва рассматривают эти частицы в разных словарных статьях. Частица «*не*», по их мнению, того же корня, что лит. *ne*, др.-инд. *na*, греч. *ne* с исходным значением «*нет*» [13, 167]; «*ли*» того же происхождения, что частица *le*, суф. л<1 прош время глаг (типа писал) [Там же, 199]. С авторами этого словаря в вопросе происхождения частиц соглашаются и другие исследователи, однако они отмечают и иные важные особенности этих слов. Так, например, М. Фасмер утверждает, что «*не*» может быть не только отрицательной частицей со значением «*нет*», но а также «*не*» в русском народном творчестве выступает в значении «*как*», при этом он сравнивает лит. *ne, negi, negi* – *то же*, др.-инд. *na* – «*как, словно*», также лит. *nei* – «*словно, как бы*». Вместе с этим Фасмер отмечает, что в некоторых древнерусских сложениях типа *поне, понеже, поневаже* «*не*» выступает в значении «*потому что*» и восходит к относительному местоим. и.-е.-**ios*. [10, 53]. П. Я. Черных, в отличие от других исследователей, определяя частеречную

принадлежность «*ли*» в «Историко-этимологическом словаре русского языка», говорит о том, что «*ли*» может выступать не только как отрицательная частица, но и как союз, который употребляется в значении разделительном и условно-уступительном. Частицу *ли* авторы словаря рассматривают как следствие расщепления *libo (>li-bo), вызванного влиянием таких слов, как о.-с. *ibo, *bo. [12, 479].

Рассмотрим толкование частицы «*не...ли*» в одном из крупнейших словарей русского языка XIX века – «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Вышеназванную частицу он не выделяет, более того частицу «*не*» он называет наречием, а «*ли*» – союзом. Это, безусловно, оправдано тем, что частиц в его классификации быть не может, так как в то время этот класс в грамматических классификациях не был представлен. В. И. Даль определяет «*не*» как наречие со значением отрицания в следующих примерах: «*Хочешь? – Не*», «*Шить не шьёт, а только иглой тычет*»; «*Не в том углу сидишь, не в том песни поёшь*»; «*Кум не кум (ли), а в горох не лезь*» [2, 502]. Кроме того, при описании союза «*ли*», обозначающего, по мнению В. И. Даля, вопрос или выбор, он приводит примеры, содержащие частицу «*не...ли*»: «*Не хочешь ли пить?*», «*Я ли, не я ли*» [там же, 380], однако В. И. Даль не обращает внимания на эту особенность.

В большинстве словарей «*не...ли*» описывается в контексте одиночных отрицательной «*не*» и вопросительной «*ли*» частиц. Кроме того, «*не*» в самостоятельных употреблениях выступает не только как отрицательная частица, но и как отделяемая при сочетании с предлогом часть местоимений и как приставка, придающая слову новые эмоциональные оттенки значения.

«*Ли*» в большинстве словарей рассматривается как вопросительная частица и как союз, присоединяющий к главному предложению придаточное изъяснительное, косвенный вопрос: «*Спросил, учится ли он. Не знаю, придут ли*». Подтверждение этому мы находим в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6, 302], «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [9, 406].

Несмотря на такое толкование частицы «*не...ли*», всё же невозможно отрицать способность вышеназванной частицы образовывать пару без главенства одного из компонентов. Проиллюстрировать это явление можно текстами художественной литературы: «*Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною*», – казалось, говорил этот уторопленный взгляд (И. Тургенев); «*А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, – сказал Плюшкин, складывая письмо, – которому бы понадобились беглые души?*» (Н. Гоголь)

Необходимо отметить, что авторы представленных словарей по-разному квалифицируют сочетание «*не...ли*». С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова определяют его как союз, который: 1) присоединяет к главному предложению придаточное изъяснительное или косвенный вопрос. *Думаю,*

не пора ли отдохнуть. Спроси, не хочет ли он чаю; 2) оформляет неуверенный вопрос. *Гремит, не гроза ли? Не письмо ли он принес?;* 3) оформляет уверенный вопрос, выражающий положительную или отрицательную оценку. *Спас человека, не герой ли? Бросил детей, ну не негодяй ли?* [6, 302]. С этим соглашаются составители «Большого грамматического словаря», которые считают «*ли*» вопросительной частицей в вопросительных предложениях типа: «*Придёшь ли ты?*», и союзом, присоединяющим косвенный вопрос: «*Посмотри, не пошёл ли дождь?*» [1, 506]. Д. Н. Ушаков, напротив, считает, что сочетание вопросительной частицы «*ли*» со словом «*не*» в прямом и косвенном вопросе может выступать только частицей, например: *Не стыдно ли тебе так долго меня мучить; Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он* [9, 513].

В большинстве современных словарей определяются следующие значения, которые появляются в высказываниях и предложениях с частицей «*не...ли*»:

1. Предположительности чего-либо: [Чацкий:] *Где? укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы? Не эти ли, грабительством богаты?* Гриб. *Горе от ума. – Вы не в первый ли раз по железной дороге? – спросил я. – В первый, голубчик.* Мам.-Сиб.

2. Особой формы обращения, вопроса с оттенком предупредительности или нерешительности предложения: *Не желаете ли стакан чаю? Не ошиблись ли вы?*

3. Употребляется в вопросительных сочетаниях для выражения сомнения, неуверенности, удивления и т.п.: «*Старый кот бродит по комнатам, и ухо у него нервно вздрагивает, – он слушает, не стучат ли в кухне ножи*» [7, 690].

4. В вопросительных предложениях с частицей «*ли*» служит для выражения предположительности или вежливого предположения чего-либо: [София] *Скажите, что у вас с рукой? Не нужен ли покой?* Грибоедов, *Горе от ума. – Чем заслужил такую я любовь? – думал он. – Не сон ли это?* Тургенев, *Накануне* [8, 419]

5. Употребляется в прямом вопросе для усиления вопросительного характера предложения. – *Не принесешь ли ты мне чего-нибудь поесть в тарелке? – спросил я.* И. Гончаров, *Фрегат «Паллада»* [Там же, 419]

6. Употребляется в вопросительных предложениях для выражения осторожной просьбы. *Не принесёшь ли ты газеты? Спросил, не собирается ли он приехать завтра?* [4, 380]

Далее обратимся к «Объяснительному словарю русского языка». Его составители считают «*не...ли*» частицей, которая употребляется для выражения предположительности или вежливого предположения чего-либо, вместе с этим они отмечают возможность названной частицы образовывать новые частицы с синонимичными значениями, например: частицы «*не правда*

ли» и «не так ли», образованные от отрицательной частицы «не», существительного «*правда*» / наречия «*так*» и вопросительной частицы «*ли*», употребляются в обращённом к собеседнику вопросе и выражают приглашение согласиться со сказанным (*Прекрасная погода, не правда ли? Мы с вами об этом уже говорили, не так ли?*) [5, 223].

Как показало проведённое исследование, мнения составителей словарей о частеречной принадлежности названной частицы расходятся. Но, несмотря на это, мы можем сделать вывод, что большинство словарей относят анализируемое слово к частице, придающей высказыванию и предложению набор самых разнообразных и ярких значений: предположение, сомнение, удивление, неуверенность и др.

Литература:

1. Большой грамматический словарь / авт.–сост. Л. З. Бояринова, Е. Н. Тихонова, М. Н. Трубачева; под ред. А. Н. Тихонова: в 2Т. – Т1. – М.: Флинта: Наука, 2006 – 656 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2: И–О.: ТЕРРА, 1994. – 800 с.
3. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. Горкина А. П. – М.: Росмэн-Пресс, 2006. – 560 с.
4. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка/ В.В.Лопатин, Л.Е.Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – 928 с.: ил.
5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Ок. 1200 единиц / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва и др.; По ред. В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. –421 с.
6. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2010 – 874.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
8. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2. К-О. 1983. 736 с.
9. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта- Принт», 2005. – VIII, 1239 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4т. Т. 2 (Е-Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

11. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1977.

12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — Т 1. — 624 с.

13. Шанский М. Н., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994. — 400 с.

Лексические средства выражения замысла автора

О. А. Жирнова, учащаяся

Научн. рук. - к.пед.н., доцент,
учитель МБОУ СОШ № 69 г. Пензы О. Ю. Ладанова

Государственная итоговая аттестация (ГИА) в 9 классе — серьёзное испытание для нас, старшеклассников. Проблема заключается в том, что изучение русского языка по школьной программе и подготовка к ГИА не одно и то же. ГИА основана на тестовых технологиях, требующих специальной предварительной подготовки. Нужна она и для написания сочинения на лингвистическую тему.

В ходе подготовки к написанию сочинения в МБОУ СОШ № 69 г. Пензы ученики 9 класса решили объединиться и разработать проект опорной схемы, таблицы, помогающей справиться с сочинением на лингвистическую тему.

В основе исследования лежит ряд основополагающих идей, уже высказанных лингвистами прошлого:

1. Любая мысль воплощается в слове. Слово закрепляет определенное понятие. В.И. Даль говорил: «Слово — исключительная способность человека выражать мысли и чувства свои, дар говорить...» [4].

Слово как элемент языка всегда обращено вовне, к определенному предмету. Оно обозначает предмет, свойства или отношения между предметами. Предметная отнесенность слова выражается в виде существительного (обозначает предмет), глагола (обозначает действие), прилагательного (обозначает свойства) или предлога, союза (обозначают отношения). Именуя какой-либо предмет или класс предметов, слово выделяет в нем важные, существенные признаки. Слово несет в себе смысловой образ, некий замысел, придающий предмету смысловую определенность. Посредством слова образуется во многом смысловая социокультурная парадигма, картина мира, которую рано или поздно выстраивает для себя каждый человек. Давая имена предметам, человек создает свое собственное пространство. «Человек, — писал В. Гумбольдт, — окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей» [3, 80].

2. По мнению В. Гумбольдта, язык образует психическую среду существования человека, при этом каждый язык как система имен своеобразен. «Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступить в другой круг» [3, 80]

3. «В слове, – отмечает С.Л. Рубинштейн, – мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем. Слово, речь есть нечто большее, чем внешнее орудие мысли; она включается в самый процесс мышления как форма, связанная с его содержанием» [7, 395]

4. Понятия «смысл» и «понимание» – соотносительные и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга, ибо нет смысла вне понимания, а понимание есть всегда усвоение некоторого смысла.

Понимание характеризует работу языка, работу сознания, их определенное состояние и возможности.

Понимание неотделимо от оценочной деятельности сознания. Невозможно представить безоценочное понимание, поскольку оценка не только обуславливает понимание, позволяет говорить о его существовании, но и может вносить определенные искажения, которые делают сообщение бессмысленным.

Понимание требует знания сути дела, предполагает оно также и специфическое отношение слушающего к воспринимаемой речи, к ситуациям, в которых происходит речевое общение. Требует оно и проникновения в значимость содержания слова, выявления мотива говорящего лица. Полное понимание имеет место при совпадении мыслей собеседников, при одинаковой направленности их сознания. При этом огромную роль играет прошлый опыт воспринимающего, степень овладения языком, степень приобщенности его к культуре.

Как отмечает В.В. Налимов, понимание – это приближение понимаемого текста к самому себе путем порождения фильтра понимания, приближающего чужой текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной. Понимание – это способность найти в чужом тексте свое, или, может быть, серьезнее, – найти самого себя в чужом [5, 130–131].

5. «Понимание есть повторение процесса творчества в изменённом порядке» [6, 151]

Как эти положения используются при работе с текстом?

ЗАМЫСЕЛ АВТОРА

Создавая текст, автор передает с помощью слова свою Модель мира. Авторская модель мира определяет авторское мироощущение, мирозерцание, которое отражается в содержании текста посредством языка. При анализе языковых, композиционных средств, структуры

произведения читающий текст выявляет авторскую позицию, формирует представление о персонажах и т.д., тем самым раскрывает замысел автора.

Коммуникативная цель автора:

- *привлечь внимание к поднятой им проблеме;*
- *показать круг вопросов, интересных ему;*
- *объяснить свою точку зрения;*
- *дать анализ чего-либо и т.д.*

Автор мотивирует поступки героев, сообщает их мысли, описывает их чувства и состояние, тем самым посвящая читателя в свой замысел.

«Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение. Такое восприятие основывается не на рассмотрении качеств отдельных речевых единиц, а на установлении их функций в составе целого. В таком случае личностное отношение автора воспринимается как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур...» (В.В. Виноградов)» [1, 280]

О верности такого подхода свидетельствуют цитаты:

«Творец всегда изображается в творении и часто - против воли своей» (Н.М. Карамзин).

«Творчество самого талантливого автора обязательно отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается, вполне индивидуально, психикой художника» В.В. Воровский.

• «Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции автора» (В. Гете).

• «Каждый писатель, до известной степени, изображает в своих сочинениях самого себя, часто вопреки своей воле» (В. Гете).

• «Всякое художественное произведение есть всегда верное зеркало своего творца, и замаскировать в нем свою натуру ни один не может» В.В. Стасов.

Итак, первое, что следует определить, - это замысел автора.

ОБРАЗ АВТОРА И ПЕРСОНАЖЕЙ

Далее нужно найти в тексте материал, формирующий образ автора

«Образ автора – это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [2, 151–152]

В образе автора отражаются и им определяются

- тема, идея, сюжет;
- изображение событий, персонажей, их поступки, поведение;
- все особенности языкового выражения – «словесная ткань»

текста.

ПЛАН

- **Определить особенности употребления лексических средств, их роль в раскрытии темы текста (наличие синонимов, антонимов, фразеологизмов, слов в переносном значении и т.д.)**
- **Определить, как выбор синтаксических средств связан с темой и мыслью текста (какие предложения преобладают: по характеру грамматической основы, по цели высказывания и т. д.; порядок слов в предложениях; экспрессивность односоставных предложений; роль однородных членов и пр.).**
- **Отметить выразительность морфологических средств (особенности употребления различных частей речи).**
- **Указать роль художественных средств выразительности (эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений и т.д.).**

Вариант начала работы с текстом

- *Расскажите, какой человек писал этот текст?*
- *Что им двигало, когда он создавал текст?*
- *Чему радуется его сердце, о чем оно болит?*
- *Как этот человек относится к миру, к людям?*
- *Что он думает о людях?*

- Какое важное сообщение он хотел передать вам, читателям?» и т.д.

- **Формируем все виды компетенций**
- **Уходим от шаблонов**
- **Вырабатываем навыки работы с текстом художественного стиля в единстве формы и содержания**
- **Тщательно отбирая для работы тексты с духовно-нравственной проблематикой, развиваем души и умы школьников**
- **Готовим к работе над заданиями КИМов ЕГЭ (А27-30, В7, часть С)**

В рамках данной статьи представлен лишь первый раздел таблицы, связанный с лексическими средствами выражения замысла автора.

В ходе реализации практико-ориентированного проекта «Разработка таблицы «Лексические средства выражения замысла автора» были определены цели и задачи, намечены его основные этапы.

Литература:

1. *Валгина Н.С Теория текста.* / Лингвистика, учебник. Издательство: Логос. ISBN: 5-94010-187-9, 2003. 280 с.
2. *Виноградов В.В. О теории художественной речи.* М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
3. *Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.* М., 1984.
4. *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Спб., 1863-1866. Полный текст «Толкового словаря живого великорусского языка»*

5. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 130–131.)
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. / А.А. Потебня. — М., 1976. — 368 с. С. 151
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 2007.

Интерактивность в работе пензенских СМИ

А. С. Жуков, к. филол.н., доцент,
С. Г. Калашиников, студент
Пензенский государственный университет

В нашей работе мы затронем вопрос о развитии интерактивных интернет-технологий и их позиции в медиапространстве Пензенского региона сегодня.

Термин «интерактивность» происходит от английского слова *interaction*, которое в переводе означает «взаимодействие». В общем значении интерактивность принято понимать как двустороннее взаимодействие с потребителем информации. Данный принцип изначально присущ интернет-СМИ, являясь одной из их обязательных характеристик. Этот признак обычно рассматривается как связь между редакцией интернет медиа и их потенциальной аудиторией. Реализуя процесс интерактивного общения, редакция зачастую преследует конкретную цель: осуществление информационного обмена с аудиторией.

При создании интерактивного сайта необходимо учитывать не только тенденции настоящего, но и смотреть и учиться на ошибках и успехах дел прошлого. В наше время интерактивность представляет собой сложную и технологически, и организационно конструкцию, которая поначалу может отпугнуть СМИ, которые только-только встали на путь вхождения в интернет-пространство.

Регистрация пользователя является одной из обязательных форм интерактивности. Она помогает сбору информации об аудитории издания.

В настоящее время многие интернет-СМИ дают возможность регистрации через социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Twitter и др.).

Также в интерактивном общении с аудиторией помогут социальные плагины. Социальный плагин – это кусочек HTML кода, который помещается в на сайте. При просмотре этот код разворачивается в блок, который отображает пользователю краткую информацию с учетом текущей страницы и информацию из социальной сети, например с учетом интересов друзей пользователя (это, например, кнопка «нравится», которая позволяет поделиться новостью в социальных сетях, что привлекает новую аудиторию на сайт; или плагин «люди на сайте», который показывает пользователю аватары его друзей, что повышает интерес аудитории к ресурсу).

Группа в социальной сети или на видеохостинге (Youtube, Rutube) являются обязательными для каждого уважающего себя интерактивного СМИ в настоящее время. Ведь про социальные сети так или иначе слышали все, а их аудитория исчисляется миллионами.

Продвижение через социальные сети повышает репутацию СМИ вне ее сайта. Также это возможность привлечения новой целевой аудитории, причем зачастую эти пользователи ценнее, чем те, кто зашел на ваш сайт напрямую через поисковые сети.

В группах, создаваемых в социальных сетях, формируется обратная связь между администрацией и пользователями.

При всем многообразии функционала социальных сетей на сайте рекомендуется разместить форум, который может служить своеобразной книгой жалоб и пожеланий. Необходимо максимально быстро отслеживать и реагировать на такие сообщения.

На сайте обязательно должна располагаться контактная информация: телефон редакции, электронная почта.

Наконец, возможность комментирования на веб-странице материала – ведущий способ интерактивности внутри сайта.

Все эти элементы интерактивности в российских интернет СМИ начали использовать относительно недавно. Для анализа использования интерактивности пензенскими СМИ были выбраны такие ресурсы как PenzaNews.ru; Penzainform.ru; np-penza.ru; um-penza.ru; pravda-news.ru; tv-express.ru.

Интерактивные элементы сайтов печатных СМИ (np-penza.ru; um-penza.ru; pravda-news.ru) реализуются в нескольких направлениях. Очевидна зависимость между характеристикой печатного издания, его целями и задачами и той моделью, которую используют данные ресурсы.

При этом все сайты обладают общими интерактивными элементами. Так, все ресурсы обладают поиском по архивным материалам. Здесь есть календарное разделение для удобства посетителя. Однако на сайте «Нашей Пензы» архивы отказались «битыми», т.е. не представляется возможность их просмотреть. На остальных ресурсах такого замечено не было.

Из этих трех ресурсов группу в социальной сети имеет лишь «Пензенская правда», но количество участников ее мало (189 участников по состоянию на 20 марта 2014 года), да и «лайки» мало кто не ставит. Это дает повод говорить о том, что данный формат здесь не работает. Как и возможность «твитнуть» новость на сайте «Улицы Московской». Возможность комментирования есть только у «Улицы Московской», но чтобы оставить отзыв необходимо зарегистрироваться. Однако при прохождении этой процедуры (даже с использованием разных почтовых сервисов) постоянно возникают затруднения (после заполнения всех необходимых регистрационных форм и отправки этой информации получаем

ответ следующего содержания: «Не удалось зарегистрировать пользователя: Произошла ошибка при отправке письма с регистрационными данными»).

Отсюда видно, что данные печатные издания не в полной мере используют средства интерактивности, которые предоставляет им всемирная паутина.

Penzanews.ru и Penzainform.ru – это новостные региональные интернет-СМИ. Данные ресурсы предоставляют PDA-версии для мобильных устройств, имеют группы в социальных сетях. А PenzaNews даже завела аккаунт на видеохостинге Youtube. Правда, за последние 8 месяцев они выложили лишь шесть видео. Web 2.0 реализуется здесь возможностью подписаться на RSS-рассылку. Форум на PenzaNews, как и возможность комментирования статей, отсутствует. Высказаться есть возможность только на официальной страничке издания в социальной сети Вконтакте, но здесь обсуждение отсутствует. А вот на Penzainform форум есть (возможность оставлять комментарии на странице материала), но, во-первых, здесь отсутствует система обязательной авторизации (читатели пишут комментарии анонимно, без регистрации), а во-вторых, судя по стилю обсуждений, форум практически не модерировается (сообщения публикуются на сайте мгновенно), и это создаёт порой «нездоровые» обсуждения среди читателей сайта.

Из всех пензенских региональных интернет-СМИ практически все формы интерактивности использует только Penzainform.

Проблема модерации поступающего от пользователей контента – это главная проблема для сайта. Существует несколько форм модерации: премодерация, постмодерация и отсутствие всякой модерации.

Премодерация — осуществление контроля за записями на ресурсе до их публикации на всеобщее обозрение. Работает премодерация следующим образом: пользователь создает сообщение или тему, которое видит модератор и сам пользователь. Модератор решает пропустить сообщение или нет. И в этом есть определённая субъективность. Кроме того, среди недостатков премодерации можно отметить низкую оперативность (из-за того, что необходима проверка каждого сообщения). Но при этом качество записей находится в руках модераторов, и это можно считать плюсом.

Постмодерация — осуществление контроля за записями на ресурсе после их публикации на всеобщее обозрение. Для контроля за контентом всегда необходим модератор. Постмодерацию ввиду мгновенно публикуемых сообщений отличает высокая оперативность.

При всей их неоднозначности комментарии и темы пользователей нужны, но также необходима потребность отсеивать некачественный пользовательский контент. Потому полагаем, что идеальной формой модерации является всё же премодерация, поскольку только она позволяет избегать возникновения конфликтных ситуаций в среде читателей, участвующих в обсуждении.

**Диалектная лексика в повести
В. П. Астафьева «Где-то гремит война»**

А. А. Захарова, учащаяся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы

МБОУ СОШ с. Махалино

Е. И. Захарова

Диалектная лексика не входит в систему русского литературного языка. Может быть, поэтому языковеды и литературоведы не часто обращаются к исследованию диалектизмов, а в учебниках русского языка им отводится незначительное место.

Тем не менее, диалектные слова – часть словаря национального русского языка, часть его богатства. Многие диалектизмы расширили сферу своего употребления, стали известны всему народу. Кроме того, диалектизмы нередко используются в литературных произведениях, предоставляя писателю возможность правдивее изобразить действительность, полнее раскрыть характеры героев, указать на место действия.

Как отмечают авторы «Энциклопедического словаря юного литературоведа», многие писатели, изображая деревенскую жизнь, используют слова и устойчивые словосочетания «народного говора, распространенного в данной местности».

Диалектизмы дают возможность писателю правдивее изобразить действительность, полнее раскрыть характеры героев, косвенно указать на место действия. Диалектизмы в художественных произведениях воспринимаются как экспрессивные, эмоционально окрашенные слова, помогающие более выразительно передать изображение.

Как утверждает «Краткая литературная энциклопедия», диалектизмы чаще используются в языке действующих лиц произведения, чем в авторской речи. Также можно утверждать, что чаще используются этнографические и лексические диалектизмы, чем фонетические и морфологические, так как последние обычно указывают только на отличие речи носителя говора от литературного языка.

Мы встречаем диалектизмы у многих писателей. Драматурги 18-го века, вводили диалектную лексику в язык персонажей комедий для достижения комического эффекта путем демонстрации «неправильной», «нелитературной» речи своих героев. Некоторых писателей (В.И. Даль, П.И. Мельников-Печерский) диалектная лексика привлекала как эффективное средство этнографического описания жизни крестьян различных районов России.

Однако неумеренное использование диалектных слов в речи действующих лиц, и особенно в авторской речи, засоряет литературное произведение, снижает его художественную ценность.

Виктор Петрович Астафьев родился в Сибири, в Красноярском крае. Его детство и юность прошли в деревне и в заполярном порту Шарка. Рано потеряв мать, он беспризорничал, жил в детском доме – этот горький опыт отразился в повести «Кража» (1966).

Осенью 1942 года Астафьев добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен. После войны сменил множество профессий, а литературная его деятельность началась в 1951 году с несовершеннолетнего еще и позднее переработанного рассказа о погибшем на фронте товарище – «Гражданский человек». А в 1953 году вышел первый сборник Астафьева – «До будущей весны».

Рассматривая вопрос о роли диалектизмов в творчестве В.П. Астафьева, мы не должны забывать о том, что детство и юность писателя прошли в далекой сибирской деревне, а значит, сам он говорил на одном из диалектов северного наречия. Повесть «Где-то гремит война» создана на автобиографическом материале. Писатель в этой повести широко пользуется диалектизмами.

Лексические диалектизмы неоднородны, в них могут быть выделены следующие группы:

1) **Собственно-лексические диалектизмы** представляют собой неизвестные литературному языку слова, служащие названиями явлений, для обозначения которых в литературном языке употребляются слова с какой-либо другой непроемной основой.

* **Кухта** – изморозь:

С деревьев ещё какое-то время текла **кухта**.

2) **Лексико-фонетические диалектизмы**. Это не звуки, как таковые, а целые слова с теми или иными отличиями в огласовке сравнительно с соответствующими однокорневыми словами литературного языка.

- Лови её! **Чепляй!** Не давай умырнуть!»

- **Токо** весточками от ребят и жива.

3) **Лексико-словообразовательные диалектизмы** – это такие неизвестные литературному языку слова, синонимами которых в последнем будут однокорневые образования, отличающиеся от них лишь своей словообразовательной структурой.

* **Голодуха** - голод

*Что делается вокруг? Зима. **Голодуха**.

4) **Лексико-семантическими диалектизмами** являются слова общенародного характера, имеющие особое значение, несвойственное им в литературном языке.

* Всё **добро**, надетое на него, было дедушкино. (одежда)

5) **Этнографические диалектизмы** представляют собой слова, возникновение и существование которых в языке связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей того или иного говора. Это такие диалектные слова, которые называют предметы и явления, не входящие в общенародный обиход и не имеют параллелей в общенародном литературном языке.

* **Назём** – навоз:

* И увозили они из нашей деревни **назём** на подводах.

Из всей повести В.Астафьева «Где-то гремит война» мы выписали 62 диалектизма. Диалектные слова могут быть разными частями речи.

В тексте произведения встретились следующие части речи:

Деепричастие – 1: Одна вырвалась из ворот и, ослеплённая светом, запрыгала туда-сюда, норовисто **взбрыкивая** ядрёным задом. (вздрагивая)

Прилагательное – 3: Над конторой увядшим маком обвис **заиндевелый** флаг. (покрытый инеем)

Глагол – 6: Пришлые в это время уже весело, распевно **гомонили** на базаре. (громко говорить)

Наречие – 6: Да если уж погибать, так **ладом** погибать! (вместе, сообща)

Существительные – 39: У меня ещё есть в запасе **кресало**. (стальная пластинка для высекания огня из кремня).

Диалектные слова вводятся Астафьевым для **характеристики речи персонажа**. Они указывают на сибирское «происхождение» героев, частично – на их необразованность, незнание норм грамотной литературной речи, но при этом Астафьев не высмеивает и не осуждает своих героев. Мы чувствуем любовь писателя к живой народной речи.

Проанализировав особенности использования диалектизмов в повести В.П. Астафьева «Где-то гремит война», мы можем сделать следующие выводы:

- В.П.Астафьев широко использует диалектизмы;
- В повести «Где-то гремит война» диалектизмы используются для речевой характеристики персонажа, речевой характеристики рассказчика и для создания местного колорита;
- В.П. Астафьев вводит диалектные слова в произведение на равных правах с литературными;
- Обилие диалектизмов в произведении можно объяснить тем, что сам В.П. Астафьев провел детство и юность в сибирской деревне и, создавая автобиографическое произведение, отдает право рассказывать о своем детстве рассказчику-ребенку, «себе маленькому», то есть носителю одного из северных диалектов.

-

Литература:

1. В.П.Астафьев. «Военные страницы» – Дрофа, 2007.

2. С.И.Ожегов. Словарь русского языка. – М., 1989.
3. Словарь русских народных говоров. – Москва – Ленинград, 1985.
4. М.И.Фомина. Лексикология. – М., 2001.
5. Л.Г.Самотик. Заметки о диалектизмах в творчестве Астафьева. – М., 1998.

Региональные деловые издания в ракурсе истории и современности

Е. А. Зверева, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Основной функцией деловых журналов традиционно считается удовлетворение информационных потребностей людей, причастных к экономике, бизнесу, политике. Исследователи деловой прессы выделяют единые видообразующие признаки изданий данного типа – это деловая проблематика, высокое качество предоставляемых информационных продуктов, достоверность информации, глубина проработки освещаемых проблем, объективность [1, 5].

В целом по России на региональном журнальном рынке стабильные позиции постепенно занимают федеральные сети деловых изданий – «Эксперт», «Бизнес-журнал», «Деловой квартал» и др. Деловые журналы с бесплатно-адресной формой распространения появились в регионах еще в 1999 г. Самым первым был журнал «Эксперт», который к настоящему времени обогатился пятью региональными выпусками: «Эксперт Северо-Запад», «Эксперт Урал», «Эксперт Сибирь», «Эксперт Волга», «Эксперт Юг» [3]. С 2002 г. ИД «Компьютерра» начинает выпускать региональные версии московского «Бизнес-журнала», в 2004 г. к ним присоединяются сети екатеринбургского «Делового квартала» и санкт-петербургского журнала «Шеф (The Chief)» [5, 38]. Причем это не «кальки» центрального издания, а полноценные региональные деловые журналы со своим контентом и рекламой. Конечно, активнее региональная журнальная пресса развивается в крупных регионах и городах, например, в группе региональных версий «Эксперта» самыми успешными предсказуемо стали «Эксперт-Сибирь» и «Эксперт-Урал», но думается, можно говорить о перспективности регионального направления не только в журнальном сегменте, но и в плане концентрации, объединения медиаресурсов. Стоит отметить, что в региональных центрах чаще всего издаются два-три федеральных сетевых бренда, поскольку издатели не видят практического смысла в заполнении рынка крупных городов одновременно всеми «сетевиками».

Что касается выхода собственных деловых региональных изданий, то момент их появления приходится на начало 1990-х гг. Так, одними из первых стали журналы «Дело. Экономическое обозрение» (Самара, 1992 г.), «Волга-

Бизнес» (Самара, 1992 г.), «Нижегородский предприниматель» (1997 г.), «Top-Manager» (Санкт-Петербург, 1999 г.), «Люди Дела» (Новосибирск, 1999 г.) [5, 39]. Но массово такие издания пришли на рынок в XXI веке, а наиболее активный рост деловых изданий в регионах России пришелся на 2007–2009 гг.

Исследователь Л.Б. Голикова констатирует: «несмотря на географическое, экономическое и политическое разнообразие регионов, в региональных деловых журналах много общего: формат, содержание, территория распространения, способы распространения и каналы доставки» [1, 11]. Действительно, чаще всего издания данного типа выходят в формате А4, средним объемом - 50–70 стр., тиражом – от 4 до 12 тыс. экземпляров. Периодичность в основном ежемесячная, небольшая часть изданий выходит один раз в две недели и лишь единицы – еженедельно. Целевая аудитория - собственники компаний, менеджеры и госслужащие высшего и среднего звена. Модели распространения можно представить следующими вариантами: только город, где выходит издание; город выпуска плюс несколько соседних городов; основные населенные пункты всего региона. Надрегionalными изданиями становятся немногие: например, «Континент Сибирь. Стратегии успеха» (Новосибирск, Омск, Кемерово, Красноярск, Томск, Барнаул, Иркутск) или «Волга-Бизнес» (21 регион РФ).

На территории тамбовской области надрегionalные деловые издания представлены журналом «Я №1. Бизнес-издание», распространяющимся еще и в Белгородской, Воронежской, Курской и Липецкой области. Это рекламно-информационное издание ежемесячно выходит в формате А4, средним объемом в 100 страниц, тиражом 10 000 экз. и адресуется представителям деловой и политической элиты регионов, топ-менеджерам предприятий, специалистам по маркетингу и работе с персоналом [6]. Основное преимущество журнала «Я №1. Бизнес-издание» связано с возможностью интегрировать и презентовать информацию пяти областей, поэтому ведущий раздел - «Черноземье» - это анализ макроэкономической ситуации и основных трендов региона, информация о социально-экономическом положении областей, городов и районных центров. Синтетический формат надрегionalного бизнес-издания «Я №1» сочетает деловую информацию для практического применения, материалы образовательного и развлекательного характера.

Для тамбовской области «собственным» деловым изданием является информационно-аналитический журнал «Регион 68». Как и большинство своих собратьев, «Регион 68» распространяется бесплатно, адресуясь региональным политикам, бизнесменам, руководителям, общественным деятелям, т.е. тем, «кто принимает решения» [2]. Формально-технологические признаки журнала соответствуют модели данного типа изданий: формат А4, количество полос – 48, тираж – 4 000 экз., периодичность выхода – один раз в два месяца. Учредителем журнала

является ООО «Издательство Юлис», что тоже вписывается в общероссийскую тенденцию, поскольку практически все региональные деловые журналы не могут существовать без серьезной коммерческой базы. Такой «подстраховкой» для журналов могут быть другие бизнес-проекты учредителя (как у «Издательства Юлис»), или СМИ-доноры в составе крупного издательского дома, или головная компания (для филиала сетевого издания) [5, 40].

Основная функция «Региона 68» - информационно-аналитическая – реализуется в публикациях аналитической информации о событиях регионального и федерального уровней, в предоставлении данных мониторингов и социологических исследований, проводимых специалистами-социологами в области экономики, политики и культуры.

Система рубрик «Региона 68» [4] построена на сочетании серьезной общественно-политической, правовой, историко-культурной и рекреативной информации рекламно-справочного характера. Кроме того, в журнале прослеживается направление lifestyle, поскольку издание отчетливо формирует стиль жизни представители регионального бизнес-сообщества при помощи рубрик «Стиль», «Туризм», «VIP-тур», «Интернет», «Уровень жизни», «Автосалон», «Автостиль».

Таким образом, помимо формально-технологических признаков, региональные деловые издания роднит наличие рубрик о взаимоотношениях бизнеса и власти, стратегиях развития экономики региона, законодательстве, финансах, кадрах, IT-технологиях, маркетинге. Дополняют этот список новости региона, анализ рынков, консультации специалистов, истории успеха, персоны номера, стиль жизни предпринимателей. Реализация возможности удовлетворять информационные запросы читателей, связанные с конкретным регионом, сохранение и развитие исторического и культурного наследия территории – вот еще один существенный фактор в пользу развития данного типа изданий. Думается, что, не смотря на конкуренцию с федеральными деловыми изданиями, у региональных журналов есть серьезный потенциал, позволяющий предполагать активное развитие именно регионального сегмента деловой прессы.

Литература:

1. Голикова Л.Б. Система деловых журналов в России: Особенности становления, функционирования и развития: автореф. дисс... канд. филол. наук. - М., 2009.
2. Группа компаний «Юлис» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yulis.ru/2012-06-25-10-06-10> (дата обращения: 19.02.2013).
3. МедиаАтлас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediaatlas.ru/editions/?a=view&id=2596> (дата обращения: 19.02.2013).
4. Регион 68. Тамбов, 2013, № 1-2; 2012. № 11-12; 2011. № 1-2.

5. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. - М., 2009.

6. Я № 1. Бизнес-издание. Воронеж, 2010. Сентябрь.

Функционирование субстантивов на газетной полосе

Н. А. Здоровенко, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Язык СМИ наглядно отражает процессы, происходящие в современном русском языке, в том числе и на словообразовательном уровне. Предметом данного исследования является рассмотрение особенностей функционирования языковых единиц, появившихся в результате субстантивации – одного из активных процессов современного русского словообразования. Актуальность темы обусловлена не только активностью данного процесса, но и усиленным интересом лингвистов к проблемам переходных явлений.

Наблюдение над таким языковым явлением, как субстантивация, способно продемонстрировать распространенность этого способа словообразования и указать на его возрастающую роль в газетно-публицистическом стиле речи. Субстантивация как одно из проявлений действия закона экономии языковых средств (экономным способом наименования с использованием уже имеющейся в языке лексики) бывает полной и частичной. В результате перехода лексической единицы из одной части речи в другую изменяются ее лексико-семантические и грамматические признаки, обычно субстантивация влечёт за собой 1) изменение синтаксической функции; 2) изменение категориального значения; 3) изменение лексического значения; 4) изменение дистрибуции; 5) изменение грамматических свойств.

Цель данной работы состоит в определении места и роли субстантивов в СМИ. Материалом для исследования послужили тексты газет «Про город» и «PenzaNews» (в их электронных вариантах). Для реализации цели в работе были решены следующие задачи:

- 1) рассмотреть явление субстантивации как одного из морфолого-синтаксических способов словообразования;
- 2) выявить частотность субстантивов в исследуемом материале;
- 3) дифференцировать субстантивы на основе различных признаков (лингвистических и экстралингвистических);
- 4) определить значимость субстантивации в языке СМИ.

Изменение языка, его грамматического строя проявляется в различных транспозиционных процессах (транспозиция от лат. *transpositio* –

перестановка) – «использование одной языковой формы в функции другой формы» [4, 497], в том числе и в переводе слов из одной лексико-грамматической категории в другую или его употребление в функции другой части речи. Изменение функции слова в речи, накопление нового грамматического качества, возникновение новых связей с другими словами и утеря старых связей, а главное – семантические возможности создают условия для перехода частей речи.

Одним из распространенных типов процесса транспозиции является субстантивация – (от лат. substantivum – существительное) – «переход слов из других частей речи в разряд имен существительных» [8]. Наиболее значительный разряд слов, перешедший в класс существительных, – это прилагательные и причастия.

Исследование процесса субстантивации в русском языке имеет длительную историю. Много существенных наблюдений в этой области было сделано в работах русских языковедов XIX- начала XX веков.

Н.И. Греч субстантивацию прилагательных в свое время рассматривал как результат "опущения" одних частей речи и замены их другими частями речи – когда в одних случаях новая часть речи целиком принимает значение опущенной (это замещение полное - *зодчий*), а в других случаях при новой части речи она только подразумевается (это замещение неполное – *слепой*). Но в обоих случаях, по мнению Н.И. Греча, прилагательное не переходит окончательно в категорию имени существительного, не приобретает присущих имени существительному свойств.

В результате перехода лексической единицы из одной части речи в другую изменяется комплекс ее признаков. Т.е. субстантивация как один из видов транспозиции являет собой сложный процесс, затрагивающий категориальные изменения разных уровней языковой системы: процесс перехода в существительные начинается именно с изменения синтаксической функции (слово начинает функционировать в роли дополнения, подлежащего, обстоятельства), при этом изменяется категориальное значение (например, имя прилагательное в процессе перехода в существительное утрачивает значение признака и приобретает значение предметности) лексическое значение (переход прилагательных в существительные может сопровождаться сужением, конкретизацией их значения), как следствие, изменяется потенциальная сочетаемость (в частности, прилагательное, переходя в существительное, приобретает способность иметь при себе согласованное и несогласованное определение) и т.п.

В ходе работы было установлено, что в новостной ленте газет «Про город» и «PenzaNews» представлено значительное количество субстантивов за период с 1 по 18 марта, причём в обоих изданиях их количество оказалось примерно одинаковым [6; 7].

Анализ показал неравномерность распределения субстантивов на газетной полосе: так, в некоторых статьях, в том числе и объемных, не было

найден ни одного случая субстантивации, другие статьи, напротив, проявляли высокую плотность субстантивов. Например, в статье «Про настроение украинцев» было найдено 4 субстантива (8% от общего количества) [7], в статье «В Пензенской области полицейские по горячим следам раскрыли убийство» было найдено такое же количество субстантивов (4).

В Газете «Про город» некоторые субстантивы встречались несколько раз: происходящее (3), восставшие (2), некоторые (2), потерпевшие (2), осужденный (2).

В газете « PenzaNews» несколько раз встречались субстантивы: неизвестные (6), потерпевшая (5), подозреваемый (2), погибшие (2), обвиняемый (2), данные (2), заведующий (2), уполномоченный (2), похищенное (2).

Число полных субстантивов в обоих интернет СМИ нашлось одинаково: 4 субстантива из 50, что составляет 8% от общего числа.

Соответственно, число неполных субстантивов также совпадает – 46 примеров из 50, что составляет 92%.

Число субстантивов, образованных от прилагательных, в газете «Про город» составило 24 – 48% от общего числа; в газете «PenzaNews» – 20–40% от общего числа.

Число субстантивов, образованных от причастий составило: в газете «Про город» 19 – 38 %; в интернет СМИ «PenzaNews» – 9–18 % от общего числа.

Таким образом, субстантивации – т.е. транспозиции разных частей речи в разряд имён существительных – в газетно-публицистическом дискурсе более всего затрагивает имена прилагательные и причастия, которые, вследствие их способности указывать на предмет характеризуемого признака, образуют наиболее динамичный класс субстантивов. На материале газеты было выявлено, что субстантивы в СМИ не частотны, но довольно разнообразны. Вероятно, в языке публицистики распространённость субстантивов во многом зависит от степени официальности изложения: поэтому в статьях общественно-политической или экономической тематикой с подчеркнута аналитическим характером, субстантивов значительно меньше, чем в статьях и рубриках, посвящённых более свободным темам. Там, где допустимо более свободное, экспрессивное изложение, где в большей степени употребительна разговорная лексика (сюда же относятся «развлекательное» пространство газеты – сканворды, кроссворды, загадки, анекдоты), субстантивация прослеживается чаще.

Особенностью языка СМИ является широкая представленность неполной субстантивации, что ещё раз подчёркивает активность этого процесса именно в аспекте синхронии. Функция, чаще всего выполняемая субстантивами в СМИ, – указание на лицо, экономия языковых средств, обеспечение доступности изложения (приближённость к адресату), придание

эмоциональной окраски.

Литература:

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
2. Греч Н. И. Практическая грамматика русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://booklib.in.ua/biblioteka-knig/filologiya/6183.html>
3. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. — М.: Просвещение, 1973.
4. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. — М.: Сов. энцикл., 1990.
5. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в совр. русск. языке. // Русский язык: Грамматич. исследования. — М.: Просвещение, 1967.
6. «PenzaNews» . [Электронный ресурс] // URL: <http://penzanews.ru/>
7. Про город» . [Электронный ресурс]// URL: <http://vpenze.ru/news>
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1985.

Стилистический уровень Пензенского Бизнес-журнала

Т. Н.Зотова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор Е. Н. Сердобинцева

В связи с повышенным интересом различных слоев общества к экономике Российской Федерации, развитием банковских услуг, укреплением кредитных государственных программ поддержки малого и среднего бизнеса в последнее время резко увеличилось количество деловых изданий.

«Деловая пресса является особой системой, функции которой состоят в обеспечении бизнес-коммуникации, с единым категориальным признаком — деловой проблематикой, раскрывающей экономическую природу анализируемого феномена» [3].

«Деловая журналистика – одна из наиболее социально значимых областей функционирования языка СМИ»[2]. В Пензе деловая журналистика представлена такими изданиями: «Пензенский Бизнес-журнал», «Бизнес-пресс», Chief Time и «Деловой». В каждом конкретном СМИ вырабатываются определенные стандарты написания информационных и аналитических текстов, посвященных бизнесу, экономике, финансам.

Предметом нашего исследования являются материалы «Пензенского Бизнес-журнала» за 2013-2014 года.

«Бизнес-журнал» — ежемесячное деловое издание, которое выпускается издательским домом «Компьютерра» с 2002 года. Основная

читательская аудитория «Бизнес-журнала» – предприниматели, топ-менеджеры и управляющие собственники компаний вне зависимости от размеров бизнеса. Главный фокус издания – практические аспекты предпринимательства, эффективные управленческие технологии, инновации в бизнесе и бизнес на инновациях» [1]. В Пензе «Бизнес-журнал» издается с 2006 года.

Данный вид СМИ является малоизученным. Пока еще не сложилось целостного представления о деловом журнале, его лингвостилистических особенностях. В связи с этим исследование стилистических особенностей такого типа издания представляется актуальным.

В качестве контактоустанавливающих средств деловые издания чаще всего задействуют профессиональный жаргон, а для придания статуса и создания иллюзии компетентности обращается к специальной терминологии, в том числе узкоспециализированной: из области экономики, политики и техники. Экономические термины наиболее частотны в силу актуальности публикаций такой тематики. Например: «*инвестиции*», «*кредитование*», «*микрофинансирование*», «*интернет-банкинг*», «*стартап*», «*топ-менеджеры*», «*софинансирование малого и среднего бизнеса*», «*лизинг*», «*финансовые обязательства*», «*диверсификация бизнеса*», «*рамочные кредитные соглашения*», «*коммерциализация*», «*субсидирование*», «*минимизация налогов*», «*потребительские взносы*».

При написании текстов в деловые издания журналисту необходимо владеть специальной терминологией, органично включенной в текст публицистического выступления. Несоблюдение этого баланса приводит к тому, что многие публикации оказываются перегружены специальной терминологией, книжными словами. Например: «...применяются следующие *ключевые технологии: ультрафильтрация, нанофильтрация, электродеионизация, обратный осмос, мембранная дегазация, реагентная обработка*» («Вода – ключ к здоровью». БЖ. 2013. №10); «*Ключ к производству дешевого водорода – в эффективных и недорогих мембранах. Материалы для своих мембран разработчики из компании «МЕВОДЭНА» подбирают и исследуют с помощью сверхвакуумной установки*» («Первый элемент». БЖ. 2013. № 9); «*За последнее время на заводе «ЭЛЕТЕХ» освоены технологии литья пластмасс и литья алюминия под давлением. При этом светоотдача эквивалентна светильнику с натриевой газоразрядной лампой мощностью 150 Вт, а потребление электроэнергии ДКУ «Проспект» на 72 % ниже*» («Эффективные решения» завода «ЭЛЕТЕХ»). БЖ. 2013. №8); «*Рабочие инструменты современного нейромаркетолога – электроэнцефалография, магнитнорезонансная томография и устройства для отслеживания направления взгляда*» («Секретная кнопка». БЖ. 2014. №3).

Помимо указанных особенностей лексики текстов Пензенского Бизнес-журнала, обнаруживаются специфические элементы разговорного и

художественного стилей. Например, вкрапления лексики разговорного стиля: собственно-разговорные слова, просторечные слова и выражения. Авторы употребляют их, чтобы придать своему тексту эмоциональность, показать отношение ко многим явлениям. В особенности лексика разговорного стиля употребляется в ответах интервьюированного для создания его речевой характеристики. Например: «...засунуть бутылку шампанского в одно место героя Достоевского...» («Искусство вечно». БЖ. 2014. №4.); «**Вот, взять бомжа: он лежит, ничего не делает, но, тем не менее, он по-своему счастлив**» («Главный пивовар. БЖ. 2014. №2); «**За границу тоже выезжали. Разница, конечно, бросается в глаза. Когда посмотрелся всего, стало за Россию обидно: везде по дорогам бурьян, все захламлено. Я подумал: а чем мы хуже?**» («Бизнес с душой», БЖ, 2014, №1).

В текстах исследуемого журнала выявляются единицы художественного стиля, что вполне закономерно, так как подобная стилистически маркированная лексика помогает реализовать воздействующую функцию публицистического стиля. Решению этой задачи способствует введение изобразительно-выразительных средств. Для создания образа используются тропы и стилистические фигуры, употребляются метафоры, метонимии, сравнения и олицетворения, придающие тексту образность и выразительность: «**«Триумф» продолжается... Уже начинают расцветать арбековские «Новые сады» и делаются ставки на «Фаворита» Западной поляны. Компания «Рисан» меняет само понятие «жилой комплекс» в создании пензенцев.**» («Ответ на ключевой вопрос». БЖ. 2013. №9); «**Представьте, что ваш бизнес – чайка, а потенциальный клиент – птенец... Нужно считать сохраненные секунды, платить клиенту за ожидание, давать ему словом и делом почувствовать, насколько для вас важен каждый контакт с ним. И тогда ваши клиенты начнут активно «клевать»**» («Сверхчайка и сверхреклама». БЖ. 2013. №11).

В результате анализа стилистических особенностей Пензенского Бизнес-журнала было выявлено, что деловая тематика, адресная аудитория и практическо-деловая специфика определяют широкое функционирование в текстах терминологии из различных областей, особенно из области менеджмента и финансов. В публицистический текст обнаруживается проникновение лексических элементов разговорного, научного и художественного стилей. Журналисты, реализуя воздействующую функцию публицистического стиля, используют экспрессивную и оценочную лексику, в том числе просторечия. Также широкое применение находит система средств выразительности: тропы и фигуры, использование которых традиционно в текстах художественного стиля. В некоторых статьях присутствует существенный перегруз специальной профессиональной лексики. Что говорит о пробелах в практике литературного редактирования в издании.

Литература:

1. Бизнес-журнал. О проекте. URL: <http://b-mag.ru/about/>
2. Деловая речь в современных СМИ, 2009 URL: http://potsar.ru/science/mono/29_delovaya_rech_v_sovremennih_smi.html
3. Еременко А.В. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий, 2006
4. Пензенский Бизнес-журнал. 2013. №8-12, 2014. №1-4.

Зеркальная двуликость главного героя романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»

Г. С. Зуева, соискатель

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор Г. Е. Горланов

В историческом романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901) описано порядка 15 картин и рисунков главного героя.

Если говорить о замысле, то роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» является второй частью трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». Жизнь Леонардо прослежена в романе с 1494 г. (а во вставных эпизодах – с детства) до смерти. Скрытый пафос трилогии «Христос и Антихрист» –раздвоенность личности и преодоление трагической судьбы человека, а ещё точнее – противоречивость натуры героя, доходящая до двуликости и отражённая в его работах, как в зеркале.

Мир контрастов открывается в романе описаниями двух жанрово и идейно противоположных творений Леонардо – это карикатура на религиозного фанатика Савонаролу и знаменитая «Тайная вечеря». Оба произведения описаны с точки зрения Джиованни Бельтраффио – реального исторического лица, ученика Леонардо. Однако в рассуждениях этого героя проглядывают мысли, находящиеся «вне истории его века» [3, 635]. Следовательно, есть основания полагать, что Д.С. Мережковский вложил в его уста свою авторскую позицию.

Савонарола Мережковского – человек великой чистоты духа, бескорыстия. Идеал Савонаролы прямолинеен. Он отвергает все сложное: историю, государство, власть папы, науку и искусство. Не удивительно, что Леонардо, человек противоположных взглядов, не принимает его идей и показывает свое видение этого человека в страшной карикатуре: *«Это было лицо не Савонаролы, а старого безобразного дьявола в монашеской рясе, измождённого самоистязаниями, но не победившего гордыни и похоти. Нижняя челюсть выдавалась вперёд, морщины бороздили щёки и шею, отвислую, чёрную, как на высохшем трупе, вздёрнутые брови щетинились, и нечеловеческий взор, полный упрямой, почти злобной мольбы, устремлён был*

в небо. Всё тёмное, ужасное и безумное... было испытано в этом рисунке, обнажено без гнева и жалости, с невозмутимой ясностью знания» [1, 42].

Такой же – научный – подход он применяет везде, в том числе и для передачи глубин человеческой природы. Выдающаяся вперед нижняя челюсть, вздёрнутые брови, множество морщин и высохшая кожа показывают нам человека фанатичного, упрямого, беспощадного к врагам – человека, который сам себя погубил. Словосочетание «злая мольба» имеет такой же оксюморонный характер, как и «живой труп». Большинство людей, поняв этого человека, пожалеют его, но Леонардо этого не делает. Его взгляд спокоен, лишен оценочности. Художник показывает человека таким, каков он есть. В своём рисунке он отражает природу Савонаролы, как в зеркале, и на протяжении всего романа мы ещё не раз убедимся в том, что Леонардо неуклонно следовал своему принципу: «Душа художника должна быть подобна зеркалу, которое отражает все предметы, все движения и цвета, само оставаясь неподвижным и ясным» [1, 44].

Савонарола был признанным авторитетом для верующих того времени, и потому то, как его изобразил Леонардо, заложило в душу Джиованни сомнения: не служит ли его учитель Антихристу? Однако эти мысли развеялись после того, как он увидел неоконченную *«Тайную вечерю»*: *«Лица апостолов дышали такою жизнью, что он как будто... заглядывал в глубину их сердец, смущенных самым непонятным и страшным из всего, что когда-либо совершалось в мире, – рождением зла, от которого Бог должен умереть... Голова Иуды не была еще написана, только тело... сжимая в судорожных пальцах кофину со серебряниками, нечаянным движением руки опрокинул он солонку – и соль просыпалась. Петр, в порыве гнева, стремительно вскочил из-за него, правой рукой схватил нож, левую опустил на плечо Иоанна, как бы вопрошая... «кто предатель?» – и старая, серебристо-седая, лучезарно гневная голова его сияла... жаждою подвига... Ближе всех ко Христу был Иоанн; мягкие как шелк... волосы, опущенные веки... покорно сложенные руки, лицо с продолговато-круглым очерком – все дышало в нем небесной тишиной и ясностью» [1, 60-61].*

В этой картине соединилось всё самое прекрасное и самое страшное, что есть в людях: смирение и гнев, любовь и предательство. Благодаря этой неоднозначности, картина «дышит» – эмоции переданы настолько точно, что апостолы предстают как люди, которые испытывают обычные эмоции. Испуг и растерянность Иуды, смирение и покорность Иоанна, «порыв гнева» Петра и его готовность всегда стоять за Того, за Кого он готов «душу положить», – Д.С. Мережковский передал всё это, следуя «зеркальному» принципу своего героя. Автор показывает, что при написании этой картины Леонардо был так же верен природе, как и в случае карикатурного портрета Савонаролы.

Вся шестая книга романа посвящена дневнику Джиованни. Здесь Д.С. Мережковский описывает противоположные картины буквально на соседних страницах. На одном из рисунков изображена голова Девы Марии,

«внимающей благовестию архангела» (картина «**Благовещение**»): *«Из-под головной повязки, украшенной жемчугом и голубиными крыльями, стыдливо играя с веянием ангельских крыл, выбиваются пряди волос, заплетённых, как у флорентийских девушек, в причёску, по виду небрежную, но на самом деле искусную. Красота этих вьющихся кудрей пленяет, как странная музыка. И тайна глаз её, которая как будто просвечивает сквозь опущенные веки с густою тенью ресниц, похожа на тайну подводных цветов, видимых сквозь прозрачные волны, но недостижимых»* [1, 167].

Жемчуг и голубь – оба символа означают непорочность и возвышенность. Кроме того, жемчуг символизирует всё женственное и совершенное, является традиционным атрибутом Пресвятой Девы, а голубь очень часто выступает в роли божественного вестника, олицетворения невинности, доброты, кротости и покорности судьбе. Д.С. Мережковский показывает красоту её ангельского смирения и кристальную чистоту помыслов, которая видна даже из-под опущенных век. Таинственная и «недостижимая» – именно такой она предстаёт перед нами, практически совершенная в своей красоте. Особенно ёмко, на наш взгляд, автор характеризует её загадочность, сравнивая со "странной музыкой" и "подводными цветами". Бесспорно, это – высшая степень красоты.

Однако, вслед за главным героем, читатель мгновенно «забывает» об этом шедевре и начинает рассматривать высшую степень уродства. «С глубоким, жадным любопытством» и «тем же карандашом» Леонардо рисует карикатуры на уродов, только что пришедших в его мастерскую: **«В зверском мелькает человеческое, в человеческом – зверское, одно переходит в другое легко и естественно до ужаса... Я никогда не забуду лица старухи с волосами, вздёрнутыми кверху в дикую, безумную причёску, с жидкою косичкою сзади, с гигантским лысым лбом, расплющенным носом, крохотным, как бородавка, и чудовищно-толстыми губами, напоминавшими те дряблые, осклизлые грибы, которые растут на гнилых пнях. И всего ужаснее то, что эти уроды кажутся знакомыми, как будто где-то уже видел их, и что-то есть в них, что отталкивает и в то же время притягивает, как бездна»** [1, 168-169].

Описания этих двух рисунков антонимичны до крайности. Небрежной, но искусной причёске с первого рисунка противопоставлена «дикая, безумная» на втором. Глаза уродов Д.С. Мережковский вообще не описывает, потому что, скорее всего, там ничего нет. При чтении обоих этих описаний образы очень легко представляются и запоминаются. Только если Дева Мария ассоциировалась с небесами, то эти образы напоминают о «бездне». Автор романа, с таким искусством описывая все детали, старается представить своего героя как человека, стремящегося к невозможному. Рисуя контрастные сюжеты, да Винчи искал предел, крайнюю точку красоты и безобразия, которая позволила бы найти то самое единство, и в романе Д.С. Мережковского эти поиски показаны через призму творчества героя.

Противоречивость Леонардо достигает апогея в знаменитой «Джиоконде». Своей интерпретацией Д.С. Мережковский намекает на родство душ художника и натурщицы: «Джиованни казалось, что мона Лиза становится всё более и более похожей на самого Леонардо... *Впрочем, главная сила возраставшего сходства заключалась не столько в самих чертах,.. сколько в выражении глаз и в улыбке. Он вспоминал... что эту же самую улыбку видел у Фомы Неверного, и... во многих других женских лицах, которые писал, рисовал и лепил учитель, еще не зная моны Лизы, – как будто всю жизнь, во всех своих созданиях, искал он собственного отражения*» [2, 200-201].

После смерти этой женщины художник как будто впервые увидел её портрет и понял, что он на самом деле в нём выразил: величие и единство жизни и смерти – тайну мироздания. Д.С. Мережковский ставит своего героя в ситуацию озарения: он нашёл ту силу, которой всегда был движим – *сомнение и любопытство*. Оглядываясь на проанализированные выше картины и на ассоциации с самой «Джиокондой», мы понимаем, что к этому автор и вёл на протяжении всего романа.

В литературном произведении, как в зеркале, которым послужили картины Леонардо, отражена сущность этого человека – художника и учёного, мыслителя и творца одновременно. Образ Леонардо стал символом демиурга – человека, который смог создать нечто, выходящее за пределы обычного разума.

Леонардо в интерпретации Д.С. Мережковского – герой-одиночка, мысли которого опережали время. Реалии жизни и тайны человеческих душ отражались в его произведениях, как в зеркале – искренне, беспристрастно и во всей своей полноте и глубине.

Литература:

1. Мережковский Д.С. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи // Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского в 24 томах. – М., 1914. – Т.2.
2. Мережковский Д.С. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи // Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского в 24 томах. – М., 1914. – Т.3.
3. Панченко Д. Леонардо и его эпоха в изображении Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. – М, 1990.

Проблема творческого метода в произведениях А. Г. Малышкина

А. С. Иванов, студент
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.ф.н., доцент В. А. Сухов

Александр Георгиевич Малышкин – заметное явление советской и вообще российской литературы. Творивший в беспокойную эпоху предреволюционных лет, в лихую годину Гражданской войны, в двадцатые годы и, что особенно примечательно, в тяжёлые тридцатые, Малышкин в лучших своих произведениях оставался верен исторической и жизненной правде, не отворачивая от неё правдивого взора ещё со времён одного из первых рассказов, «Последний Барыков», заслужившего долгую жизнь (он переиздавался вплоть до 1988 года). Творчество Малышкина, считавшегося одним из родоначальников советской литературы, было популярно не только у современников, но и спустя несколько поколений тоже: критика активно оценивает его произведения, отзывается на его книги, печатающиеся многотысячными тиражами, выходят монографии, посвящённые жизни и творчеству Александра Георгиевича, книги его знают даже за рубежом. Вместе с тем рассказы, повести и роман «Люди из захолустья» достойны изучения и сейчас, несмотря на то, что они не переиздаются вот уже двадцать три года и, по сути, оказываются забытыми массовым читателем.

Широко известен тот факт, что повесть «Падение Даира», с которой писатель начал свой путь в большую литературу, была не просто произведением современным и созвучным (написанное в 1921 году, опубликованное в 1923-ем, оно отражает события Гражданской войны, причём является одним из самых талантливых произведений, описывающих события этого трагического периода в истории с позиции красных), но и во многом **модернистским** и **новаторским**. Оно было написано в годы, когда эстетические и мировоззренческие традиции Серебряного века ещё не оказались попорчены господствующим с тридцатых годов соцреализмом, когда ещё существовали различные литературные группировки, борющиеся за совершенно разные взгляды на литературу. Влияние **модернизма**, однако, прослеживается, не только в «Падении Даира», оно уходит своими корнями в ранние произведения Малышкина, написанные им ещё до получения первой популярности. Впрочем, одним «Падением Даира» здесь дело не ограничилось: в том же 1923 году выходит повесть «Вокзалы», которое оказалось настолько экспериментальным и необычным произведением, что практически не встретило одобрения у современников, а также пишется **«импрессионистский»** рассказ «Это будет последний», «переплюнувший» написанную в том же году повесть и впоследствии так и не напечатанный. После он пишет несколько рассказов («Комнаты», «Ночь под Кривым Рогом», «Вожди», «Случай с комиссаром»), которые также испытали на себе влияние модернизма и потому не получили такого признания, которого, например, заслужил «Поезд на юг» (1925 г.). Широко известно, что Паустовский называл этот рассказ «одним из шедевров советской литературы» [1], и именно этот рассказ можно назвать подлинно соцреалистическим.

Вместе с тем писателя считают одним из классиков социалистического реализма, наряду с такими писателями, как Александр Фадеев, Мариэтта Шагинян, Фёдор Гладков, Леонид Леонов, Валентин Катаев и др. Так его характеризует, например, «Википедия». Однако и задолго до появления «Википедии» творчество Малышкина позиционировалось как подлинно соцреалистическое. Вот что пишет о Малышкине критик Владимир Ермилов: «Да, в творчестве Александра Малышкина запечатлелись с особенной, родниковой свежестью главные устремления литературы социалистического реализма: её романтика, её мечта, её вера, её суровая правдивость, её кровная связь с лучшими помыслами и чувствами миллионов людей» [2]. Он же отмечает, что Малышкин был искренним, правдивым художником: «Честный, строгий мастер, никогда не шедший ни на какие компромиссы, ни на какие сделки с искусством, отличный знаток русского народного языка...» [3]. Несколько странно читать в наше время слова этого критика, заматерелого защитника соцреализма, активно критиковавшего Маяковского за «кумачёвую халтуру», и наше сомнение небезосновательно: насколько уместно совмещать определение «классик социалистического реализма» с характеристикой «большой поэт», который «не выносил лжи ни в какой форме и страдал, если чувствовал, видел неискренность в творчестве и в поведении людей» (слова Фёдора Гладкова, близкого друга Малышкина) [4]?

Подобным вопросом начали задаваться ещё в 1992 году, в год столетия писателя: советской власти только-только не стало, произведения Малышкина ещё совсем недавно активно переиздавались, а творчество писателя уже начало переосмысливаться. Так, на юбилейных Малышкинских чтениях, прошедших в том же году на родине писателя, в рабочем посёлке Мокшан, разгорелась дискуссия, посвящённая актуальности произведений писателя в постсоветское время, которая пришла к следующему консенсусу: Малышкин нужен. Иными словами, настоящий писатель выше каких-либо литературных направлений, что, если подходить к вопросу философски, логично: **честный** художник всегда будет описывать то, что видит собственными глазами, не вступая в разлад с собственной совестью, хотя направления литературы всегда являются веянием времени, обусловленным развитием культурной мысли. Литературовед, доктор филологических наук, Иван Павлович Щеблыкин говорит по этому поводу следующее: *«Нуждается ли Малышкин – писатель Божьей милостью – в чём-либо оправдании, в «припудривании»? <...> В идее всеобщего счастья и равенства ничего позорного нет. Лучшие герои Малышкина строят свою жизнь, руководствуясь здравым смыслом»* [5]. Показателен и следующий факт: пролетарские критики увидели в Малышкине «чужака», противопоставляли ему Фадеева, хотя тот, между прочим, высоко ценил малышкинский «Севастополь» [6].

Здесь нельзя не вспомнить **демократическое, реалистическое** начало его творчества, с которым он выступил в своих ранних, студенческих рассказах и которое он сохранил до последнего своего произведения. Александр Георгиевич принимает революцию, однако в целом не изменяет своим убеждениям. От цензуры и ухода в подполье его спас незаурядный литературный талант и владение традициями русской классической литературы ещё XIX века (в те времена, между прочим, писатели тоже умели протаскивать свои произведения через бдительный дозор царских цензоров) и эстетикой Серебряного века: написанное Малышкиным оказывается многоплановым, сложным; образы допускают различные, неоднозначные трактовки, причём нередко оказываются символичными, далеко уходящими от прямолинейной, конкретной оценки. По этой причине Малышкин оказался, с одной стороны, созвучен своему времени, а с другой – интересен и нам, читателям XXI века, открывающим в писателе честного летописца трудного периода российской истории.

Чтобы показать, что Малышкин всегда оказывался выше навязываемых рамок, мы проведём анализ его творчества, разбив его на четыре периода, каждый из которых можно объединить на основании сходства идейно-тематического наполнения произведений и, разумеется, общности творческих исканий, реализованных в произведениях данного периода:

1. 1912 – 1915 годы: первые рассказы и стихи, демократические корни и модернистские увлечения писателя;
2. 1918 – 1919 годы: работа в пензенской большевистской прессе, годы подлинного соцреализма в творчестве Малышкина;
3. 1921 – 1931 годы: борьба «импрессионизма» и реализма с победой последнего;
4. 1932 – 1938 годы: статьи «под заказ» и «Люди из захолустья».

Мы можем сказать определённо, что в целом творчество Малышкина можно назвать **реалистическим**: начиная с ранних рассказов и заканчивая «Севастополем» и «Людьми из захолустья», Малышкин был реалистом по духу и по призванию. Другой вопрос, что Малышкин сам искренне верил в добрые начала революции и на Гражданской войне занимал позицию красных, в связи с чем некоторые его рассказы («Ночь под Кривым Рогом», «Случай с комиссаром», «Вожди», «Поезд на юг», «Эпизод у высоты 210», «На высоте 565») оказались близки соцреализму или же были написаны целиком в традициях соцреализма. И, разумеется, не стоит забывать о ранних романтических стихотворениях Малышкина или о его экспериментальных произведениях («Падение Даира», «Вокзалы», «Это будет последний»), которые занимают промежуточное положение между **реализмом** и **модернизмом**.

Вместе с тем нам хорошо известно, что особой популярностью пользовались лишь три произведения писателя: «Падение Даира»,

«Севастополь» и «Люди из захолустья» (иногда к ним относят «Поезд на юг»). Мы можем с уверенностью сказать, что все эти произведения не являются произведениями соцреализма (хотя внешне они вполне подходят под определение соцреализма), а «Севастополь» и «Люди из захолустья» – самые крупные, между прочим, произведения писателя, – являются реалистическими.

Следовательно, говорить об актуальности произведений Малышкина в наше время не приходится: они нужны. Интересующихся обстановкой в русском уезде столетней давности (и особенно историческим краеведением) можно отослать к дореволюционным рассказам писателя. Чтобы узнать о перипетиях принятия революции разумом интеллигента – молодого офицера, о сопровождавших этот процесс событиях, мы читаем «Севастополь». А когда нам нужно явственно, зримо увидеть происходящий в деревне и на строительстве процесс коллективизации и индустриализации, мы открываем роман «Люди из захолустья».

Литература:

1. *Паустовский К.* Малышкин. // Литературная газета. – 1938. – 10 августа.
2. *Ермилов В.* Мечта о счастье. Писательский путь Александра Малышкина. // Малышкин А. Г. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. – «Правда», М., 1965. – с. 3.
3. *Ермилов В.* Творческий путь Александра Малышкина. // Малышкин А. Г. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Гослитиздат, 1956. – с. 5.
4. *Гладков Ф.* Задушевный друг. // Литературная газета. – 1938. – 5 августа. – с. 2.
5. *Вычугжанин В.* Не нуждается в глянце. // Пензенская правда. – 1992. – 27 марта.

Специфика жанра интервью в программах радио «Эхо Москвы» (на примере передачи «Особое мнение»)

В. А. Ивкина, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

«Эхо Москвы» – российская круглосуточная информационно-разговорная радиостанция, относящаяся к независимым общественно-политическим СМИ.

Изучение специфики программы радио «Эхо Москвы» «Особое мнение» (исследование проводилось на выборке из 25 выпусков, вышедших в эфир в разные периоды 2013-2014 годов) показало, что основой тематического наполнения передачи является анализ актуальных политических событий. Данной теме посвящено около 87% рассмотренных

выпусков. Так как программа является ежедневной и выходит дважды в сутки, то преимущественно темами становятся события последних часов. Например, 21 августа 2013 года около 18 часов стало известно, что один из информаторов организации «Викиликс» осуждён на 35 лет тюремного заключения, а в 19 часов выходит передача, в которой ведущая Марина Королёва обсуждает эту новость с писателем, политиком Эдуардом Лимоновым («Особое мнение» от 21.08.2013, Марина Королёва – Эдуард Лимонов).

Около 13% выпусков посвящены вопросам истории, культуры, экономики, правовой сферы. Однако данные темы также рассматриваются с позиции политической ситуации в стране. Например, в выпуске от 18 марта 2013 года ведущая Тоня Самсонова и гость – музыкальный критик Артемий Троицкий – обсуждали вопрос о творческой деятельности музыканта Бориса Гребенщикова в контексте современной политической действительности, с точки зрения отношений артиста с властью («Особое мнение» от 18.03.2013, Тоня Самсонова – Артемий Троицкий).

Композиционному построению передачи «Особое мнение» свойственно единообразие. Каждый выпуск открывается традиционным представлением ведущего и гостя и завершается той же информацией. В зависимости от информационной повестки дня, от того, кто является ведущим, гостем, существуют варианты начала передачи:

1. Начало с использованием фактов (новости, статистические данные, цитирование высказываний известных людей и т.д.) – 78% случаев. Например: «У нас сегодня Путин Владимир Владимирович – главный ньюсмейкер сегодняшнего вечера, так уж получается. На Селигере он много чего сказал. И вот коллизия. О приговоре Навальному: «Мне показалось странным, что одному фигуранту, который сотрудничал со следствием, дали условный срок, а другому вломили (это цитата) 5 лет реального заключения». Я понимаю, что не могу тебя заставить выступить толкователем слов президента. Но тем не менее. Что это может значить и к чему привести?» («Особое мнение» от 02.08.2013, Марина Королёва – Дмитрий Быков).

2. Начало передачи с использованием смс-сообщений зрителей – 22% случаев. Например: «Один из первых вопросов, пришедших на SMS, касается годовщины российско-грузинского конфликта. «Должна ли, на ваш взгляд, – спрашивает Илья, – Грузия признать независимость Абхазии и Южной Осетии? Возможно ли это?» («Особое мнение» от 08.08.2013, Ольга Журавлёва – Максим Шевченко).

Можно сделать предположение, что предпочтение ведущих начинать программу с конкретных фактов связано с тем, что ведущий может быть не удовлетворён содержанием присланных смс-сообщений; кроме того, сообщения от зрителей поступают непосредственно перед эфиром. Как следствие – при подготовке передачи ведущему удобнее заранее выбрать факт для введения гостя в беседу.

Завершение программы также происходит по выработанной схеме. Гость произносит финальную смысловую реплику, ведущий благодарит его, ещё раз представляет и повторяет название передачи. Специфика финала «Особого мнения» в том, что для ведущего не допускается подведение итогов передачи и длительное обращение к слушателям. Финал достаточно резкий и неожиданный. Например: «Эдуард Лимонов – писатель, политик. Сегодня это было его особое мнение. Это была Марина Королёва, всем спасибо» («Особое мнение» от 20.06.2013, Марина Королёва – Эдуард Лимонов).

Изучение системы вопросов передачи «Особое мнение» показало, что больший процент составляют оценочные вопросы [1, 55], т.е. вопросы об отношении собеседника к кому-то или чему-то (51,5%): ведущая Татьяна Фельгенгауэр журналисту Леониду Млечину: «То, что Алексей Навальный не признаёт результаты выборов и призывает провести некие переговоры с участием и независимых наблюдателей, и представителей обоих штабов, – это правильный шаг сейчас с его стороны?» («Особое мнение» от 09.09.2013, Татьяна Фельгенгауэр – Леонид Млечин).

Вторыми по частоте употребления являются гипотетические вопросы [1, 55], т.е. вопросы о возможных событиях и условиях их развития (40,5%): ведущая Наталья Болтянская редактору «The New Times» Евгению Альбац: «Интересна история с экологией, с Россией, Мурманском и ледоколом. К ледоколу «Арктик Санрайз» уже подошёл катер с представителями силовых ведомств России. Чем дело кончится, как вы считаете?» («Особое мнение» от 24.09.2013, Наталья Болтянская – Евгению Альбац).

Оценивающие и гипотетические вопросы относятся к высказываниям аналитического характера. Преобладание таких типов обусловлено характером программы, её задачей: получить комментарии к той или иной информации. Поэтому только 7% вопросов, которые задают ведущие «Особого мнения» гостям, относятся к фактицирующим [1, 55], суть которых – узнать о реальных событиях, фактах, явлениях. Такие вопросы являются вспомогательными к первым двум типам. Задача фактицирующих вопросов – дать ведущему сведения, на которые можно опираться при разговоре с интервьюируемым. В программе от 19 августа 2013 года ведущий Сергей Корзун обращается к писателю Виктору Ерофееву: «19 августа сегодня. В это время ровно 22 года назад радио «Эхо Москвы» уже не работало, его отключили в 8 утра по причине событий, которые я предлагаю сейчас вспомнить. Где вы провели это время, 19 августа 1991 года?» («Особое мнение» от 19.08.2013, Сергей Корзун – Виктор Ерофеев).

Таким образом, «Особое мнение» является серьёзной аналитической передачей с политическим уклоном. Об этом свидетельствует как тематическое наполнение, так и вопросы, задаваемые ведущими в эфире. Цель журналиста – не столько раскрыть личность гостя, сколько с помощью последовательно изложенных мнений нескольких гостей составить для

слушателя общую картину действительности. Поэтому данную передачу следует отнести к жанру аналитического интервью, а не портретного или информационного.

Литература:

1. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. – М.: Издательство МГУ, 2013.

**Образ России как информационный конструкт в постсоветском пространстве
(на материалах газеты «Народная воля»)**

К. С. Казеева, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент Е. К. Рева

Россия вызывает сегодня, как и на протяжении всей своей истории, обостренный интерес со стороны мирового сообщества.

Уникальное положение России на карте мира, ее географические, экономические, исторические и культурные особенности во многом определяют новую геополитическую стратегию нашего государства, предложенную В. В. Путиным. Отсюда важность для России идеи евразийской интеграции (в первую очередь России, Казахстана и Белоруссии). Учитывая этот факт, в нашей работе мы рассмотрим механизм формирования образа России белорусскими оппозиционными СМИ. В российской концепции внешней политики, разработанной в 2000 году, укрепление союза России и Белоруссии названо первостепенной задачей. Стремление России вернуть утраченные после распада Советского Союза позиции и проводить курс, продиктованный её собственным пониманием национальных интересов, вызывает всё большее раздражение многих западных политиков [1]. Укрепление роли России на международной политической арене приводит к оживлению антироссийских кампаний.

Ярким примером такого «противодействия» интеграционным процессам между Россией и Белоруссией становится деятельность белорусской оппозиционной печати. Издания такого прозападного толка, как правило, не только критикуют действующую власть, но и пытаются очернить в глазах местного населения Россию.

Особую группу сформировали СМИ националистической оппозиции, упорно внедряющие в сознание белорусского народа прозападные русофобские идеи, направленные против интеграции на евразийском пространстве. Одни средства массовой информации на страницах своих изданий последовательно выстраивают образ России как страны мафиозных олигархов, агрессивной державы, страдающей комплексом имперских

устремлений [5]. Другие СМИ проводят идею пагубных последствий от сближения с Россией более тонко и завуалировано.

К первой группе относится белорусская общественно-политическая газета «Народная воля», к анализу публикаций которой мы обратились в данной работе. С момента своего создания издание позиционирует себя как оппозиционное А. Лукашенко. Критика действующей власти здесь зачастую перерастает в открытую информационную войну, направленную «против» Лукашенко и его политики, против сотрудничества с Россией, а не «за» благополучие и процветание своей страны.

В своих «разоблачительных» публикациях оппозиционные журналисты наступают по всем фронтам: общественная жизнь, внутренняя и внешняя политика, экономика и бизнес, история и культурное наследие. В свете накаляющейся обстановки в Крыму абсолютно все независимые государства, образовавшиеся после распада Советского Союза, пристально следят за событиями на Украине. Сектор оппозиции белорусских СМИ развернул активную кампанию по «запугиванию» белорусской общественности, прочтя ей судьбу народов Украины.

Белорусскому народу активно насаждается чуждый, искусственно созданный образ России, который был заимствован оппозиционной прессой у определенной ниши западных глобальных СМИ. Здесь образ России преподносится массовому сознанию как чужое, враждебное, агрессивное и нецивилизованное государство, незаинтересованное в политике добрососедства, открыто игнорирующее общепризнанные нормы европейской морали.

Так газета «Народная воля» публикует статью с недвусмысленным названием «Для всего мира Россия – агрессор» в которой утверждается, что *«Россия начала сценарий применения жесткой силы в Крыму. Военная оккупация, интервенция, толпы вооруженных солдат бегут по полуострову, готовые показать превосходство российского оружия, крутизну путинских войск, молодецкую удаль»* [4].

Информационная война против нашей страны идет полным ходом, и самые ожесточенные «бои» разворачиваются на «крымском фронте». Война 3-го поколения или «война на эффектах» – так называют это глобальное информационное явление специалисты.

Негативный образ России является основополагающим в восприятии нашего государства во многих странах мира. Здесь надо понимать, что они осуществляют для этого целенаправленные действия не просто так. У каждой страны существуют собственные геополитические и геостратегические интересы.

Оппозиционные СМИ Белоруссии в этой связи придерживаются стратегии концентрированной атаки государства-агрессора против страны-жертвы. Дискредитируя соседнее государство в глазах своих соотечественников, обвиняя его во всех внутренних неудачах и

внешнеполитических провалах, они подрывают доверие белорусских граждан к собственной власти.

Сказанное позволяет заключить, что на постсоветском пространстве неприятие всего российского, русского стало не просто модным, а политико-образующим фактором.

В освещении торгово-экономических отношений России и Белоруссии оппозиционная пресса менее категорична и более лояльна к нашей стране. В подавляющем большинстве материалов белорусских оппозиционных СМИ довольно часто содержится призыв сохранить в будущем экономическое партнерство с Россией, но строить его исходя исключительно из национальных интересов: *«Можно сказать, что это уже отдельная отрасль нашей экономики – выбивание средств из России <...> И наши неожиданно обнаружили, что эта система работает <...> это в наших интересах»* [6].

В тоже время с нового ракурса продолжает формироваться образ России как страны «кукловода»: *«Беларусь же в этом плане почти полностью завязана на Россию <...> Контроль над экономикой, пусть и неуклюжей, — это контроль над страной, гарантия удержания власти. Конечно, до тех пор, пока эта экономика еще кое-как скрипит, а Россия подкармливает»* [2].

Сомнениям и нападкам подвергается, казалось бы, неоспоримая этническая принадлежность белорусов и русских к единой восточнославянской общности. В ряде публикаций белорусских оппозиционных СМИ прослеживается русофобская тенденция [1].

Активные действия оппозиционных СМИ, пытающихся формировать негативный имидж России, привели к закономерному результату: на повестку дня все чаще поднимается вопрос, с кем Белоруссии стоит развивать партнерские отношения? Независимые опросы и специальные исследования в этом плане показали, что немалая часть белорусов потеплела белорусы «потеплели» к Европе и «охладели» к России. Таковы, к примеру, итоги национального опроса, проведенного в декабре 2013 года зарегистрированным в Вильнюсе Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ).

Выявленная социологами тенденция, в первую очередь, напрямую связана с тем, как оппозиционная пропаганда в последние годы подает межгосударственные отношения и важнейшие события в соседней стране. В целом в оппозиционных СМИ Россия чаще всего изображается как имперское, авторитарное государство, при этом подчеркивается, что великодержавность в России неискоренима и с этой страной лучше держать ухо востро, отстраивать с ней полноценную границу [5].

Такое отношение обусловлено рядом причин. Прежде всего, это явное раздражение европейского сообщества, осознающего всё более

возрастающую роль сильной России в окружающем её геополитическом пространстве.

Вторым по значимости можно считать тот факт, что оппозиции необходимо постоянно аргументировать желательность и выгодность для Белоруссии западноевропейского политического выбора.

Катализирующим фактором для начала интенсивной информационной кампании против России послужил украинский вопрос. В связи с происходящими сейчас событиями в Украине вновь возрос интерес к теме российского военного присутствия в Беларуси. Отдельные СМИ пугают граждан своей страны потерей независимости и возрождением Российской империи.

В этих условиях очень сложно заниматься формированием позитивного внешнего образа России. Но восприятием России за рубежом вполне можно управлять с помощью имиджевой политики. В феврале прошлого года президент Владимир Путин на совещании с членами Совета безопасности РФ в Кремле представил новую «Концепцию внешней политики» государства. Он заявил, что «Россия продолжит вести активную политику на международной арене, применяя современные методы экономической дипломатии и мягкой силы, грамотно встраиваясь в информационные потоки» [3].

Эксперты отмечают более четко выстроенную систему приоритетов российской внешней политики: в качестве первоочередного направления называется курс на сближение со странами постсоветского пространства. В документе подчеркивается важность сотрудничества с государствами СНГ, выделяется необходимость укрепления Евразийского союза.

Литература:

1. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. Курс лекций. – М.: Эльф ИПР, 2010. – 296 с.
2. Клаксовский А. Застрахована ли от гражданской войны Беларусь?// Народная воля. – 2014. - 19 февраля
3. «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 12.02.2013) [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>
4. Курейчик А. Для всего мира Россия – агрессор// Народная воля. – 2014. – 4 марта
5. Образ России в СМИ белорусской оппозиции. Отдел Белоруссии Института стран СНГ [Электронный ресурс] URL: http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=16647&SECTION_ID=1&print=Y
6. Чалый С. Белорусская модернизация является аналогом советского ускорения// Народная воля. – 2014. – 18 февраля

Обучение этикету приветствия и знакомства в 5 классе

О. В. Каменева, учитель русского языка
и литературы МБОУ СОШ №30 г. Пензы

Формирование коммуникативной и культуроведческой компетенций учащихся является одной из основных задач современной школы. Решить её позволяет введение уроков речевого этикета в школьный курс русского языка в 5 классе.

Нами разработана система учебных занятий, включающая в себя 10 уроков развития речи, направленных на обучение речевому этикету. Данная система имеет две отличительные особенности:

- 1) она учитывает современную коммуникативную ситуацию (Интернет-общение, мобильная связь и т.п.);
- 2) уроки проводятся с активным использованием современных компьютерных средств, в том числе инновационных («виртуальный урок», учебная компьютерная квест-игра и др.).

Второй урок авторской системы учебных занятий призван познакомить школьников с правилами речевого общения, используемыми в коммуникативных ситуациях приветствия и знакомства. Кроме того, на этом уроке продолжается формирование умения анализировать ситуацию речевого общения и в соответствии с ней выбирать необходимые языковые средства.

Обратимся к содержанию урока.

Формулирование темы занятия осуществляется путём создания проблемной ситуации. При этом учитываются возрастные особенности школьников, для чего урок включает в себя игровые моменты. В классе неожиданно, со словами «Бонжур, мальчики и девочки», появляется Красная Шапочка (её роль играет подготовленная заранее ученица 8 класса). Школьникам предлагается оценить приветствие сказочной героини. По замыслу учителя, Красная Шапочка обращается к школьникам с просьбой помочь разобраться в ряде вопросов, связанных с правилами речевого этикета (это необходимо ей для того, чтобы погостить в Стране Вежливости). Все вопросы связаны с этикетом приветствия и знакомства. Комментируя ответы учащихся, учитель подводит их к формулировке темы урока.

Открытие новых знаний включает в себя разговор о происхождении слова «здравствуйте» [3, 31], выдержки из сборника пословиц и поговорок В. И. Даля, где приводится немало приветственных речевых формул, которые были приняты в России в прошлом. Далее учитель обращается к морфемному строению слов «здравствуй» и «здоровье» и просит из слов *сила*, *дерево*, *разум* выбрать к ним ещё одно однокоренное. После проведения словарной работы школьники приходят к выводу, что в древности слово «здоровье» значило «крепкий, как дерево», т.е. устойчивый и выносливый в любых жизненных обстоятельствах.

Так как в современной школе, как правило, обучаются учащиеся различных национальностей, данный урок включает в себя задания, направленные на формирование диалога культур. Учитель предлагает школьникам поздороваться на своем родном языке. Звучат слова приветствия на татарском, чувашском, мордовском и других языках. Школьники узнают, что люди, относящиеся к мордовской национальности, здороваясь, желают друг другу «доброго света». На татарском языке речевое приветствие звучит: «Здоровы ли вы?» Армяне, увидев друг друга, в переводе на русский язык говорят: «Доброго солнца тебе, добрых вестей тебе». Отвечая на вопрос учителя, что объединяет все слова приветствия у разных народов, школьники приходят к выводу, что все народы при встрече желают друг другу самого доброго: мира, счастья, здоровья.

Далее проводится работа над формулами речевого этикета, которые применяются при приветствии. Для этого учащимся предлагаются для анализа следующие речевые ситуации [2, 8]:



Затем учитель предлагает посмотреть два анимационных ролика [4] и выразить своё отношение к ним. Рисунки 1. Речевые формулы приветствия. Это со стороны речевой культуры и этики поведения.

Содержание первой ситуации: Петя читает книгу, лежа в гамаке. В это время к калитке подходит соседка, которая просит Петю позвать маму. Петя вежливо с ней здоровается, разговаривает, при этом продолжает лежать.

Содержание второй ситуации.

Петя проходит в школе мимо своего учителя математики, который разговаривает с незнакомой мальчику учительницей. Здоровается с ним и спрашивает об оценках за контрольную.

Дальнейшее объяснение новой темы строится на материале виртуального урока электронного пособия «Академия речевого этикета» [4]. На экране обыгрывается ситуация: Дима пришел в гости к Пете; дверь открыл Петин дедушка, с которым Дима незнаком. Вопрос виртуального учителя: «Должен ли Дима представиться?» Сначала отвечают ученики виртуального класса, затем к разговору подключаются школьники. Следующий фрагмент электронного пособия предлагает оценить речевое поведение Димы и решить проблемную ситуацию, кто должен при знакомстве здороваться и представляться первым.



Рисунок 2. Скриншоты страниц электронного пособия



Основные выводы записываются в тетрадь, после чего учитель раздаёт каждому учащемуся распечатанные памятки из справочника «Советы вежливого человека» (ЕК ЦОР, «Речевой этикет в ситуациях и заданиях») по теме «Приветствие и знакомство».

Творческому воспроизведению новых знаний способствует игра «Стань героем предложенной ситуации». Ученики в парах разыгрывают и демонстрируют предложенные им проблемные ситуации общения, предлагая из них выход, подбирая для этого необходимые языковые средства. Одна ситуация представляется несколькими парами. После демонстрации проводится обсуждение правильности найденного решения. При этом возможно использование видеокамеры, которая поможет участникам игры провести самооценку речевого поведения.

Ситуация №1: Утро. Тыходишь в класс. Поздоровайся с одноклассниками (без учителя и при учителе).

Ситуация №2: Вы с подружкой (другом) смотрите телевизор у тебя дома. Раздаётся звонок. Это приехала в гости твоя бабушка. Подружка, которая с бабушкой еще не знакома, бежит вместе с тобой открывать дверь.

Ситуация №3: Вы переехали в новый дом. Сегодня ты вышел первый раз во двор, чтобы познакомиться с ребятами.

Подводя итоги урока, учитель предлагает школьникам выполнить домашнее задание: найти в любой русской сказке эпизод, в котором содержится ситуация приветствия и (или) знакомства, подготовить его выразительное чтение, устно оценить речевое поведение героев в этой ситуации.

Практика показала, что проведение таких уроков способствует повышению уровня общей и речевой культуры пятиклассников, помогает им ориентироваться в современной коммуникативной ситуации, учит вежливому, доброжелательному общению с одноклассниками и взрослыми.

Литература:

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Практикум вежливого речевого общения. Изд.3, испр. М.: Либроком, 2009.
2. Богданова Г.А., Кириченко Г.И. Речевой этикет: Рабочая тетрадь для учащихся 5 – 6 кл. М.: Мнемозина, 1997.
3. Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / Е.А. Быстрова, Л.В. Кибирева, Ю.Н. Гостева и др.; под ред. Е.А. Быстровой. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010.
4. Руденко-Моргун О.И., Архангельская А.Л., Дунаева Л.А. и др. 1С: Школа. Академия речевого этикета / Под ред. О.И. Руденко-Моргун. – М., 1С, 2007 (электронное учебное пособие).

Изучение романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 11 классе

Л.Н. Каменская, учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы

В настоящее время учителя русского языка и литературы оказываются перед необходимостью поиска новых форм подачи материала, нестандартного преподавания. Вот один из нетрадиционных для массовой практики путей анализа романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который условно можно назвать «от первого восприятия – к глубокому пониманию авторского замысла», или урок – эвристическое «погружение».

Эвристическое погружение – одна из форм эвристического обучения, выходящая за рамки одного урока. «В течение нескольких дней у учеников

сохраняется образовательная доминанта, обеспечивающая личностное развитие каждого и постижение образовательного объекта с помощью эвристических приемов обучения. Погружение происходит в тему одного урока и состоит из серии образовательных ситуаций: от небольшой по объёму творческой работы на уроке – к ее продолжению по собственной инициативе ученика, затем – к научному исследованию» [4, 123].

То, что ученики знают роман до начала его изучения в школе, позволяет дать максимальный простор самостоятельности ребят уже до урока, чтобы основным содержанием его стала совместная работа над постижением авторского замысла.

Тема бинального урока – «Нравственно-философский смысл романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», цель – проникнуть в творческую лабораторию писателя, в дозволяемых обстоятельствами пределах увидеть, что открывается в результате исследования содержания и формы произведения. Это предопределяет множество ассоциативных связей и сопоставлений. Общей творческой фантазией учебный кабинет преобразуется в литературную гостиную, где за сдвоенными партами – 4 группы из 5-6 человек. Урок предваряет домашнее задание, состоящее из двух частей. Во-первых, все учащиеся накапливают непосредственные наблюдения над романом и заполняют на листах исследования графу «Самостоятельная работа дома», определяя тему. Основные проблемы, особенности жанра, композиции, системы образов, языка и стиля романа, пытаются сформулировать авторскую позицию.

Это первое направление работы учащихся, и второе – это распределение задания по группам. Первая готовит рассказ о булгаковской Москве. В центре внимания такие проблемы: «бесчисленные уродства общественного бытия», на фоне которых изображена трагедия Мастера; что для писателя важнее: социально-экономические коллизии или изображение человека в новых условиях; есть ли какие-либо приметы жизни того времени. Учащиеся отбирают материал, анализируют ключевые сцены, готовятся к выразительному чтению на уроке эпизодов, наиболее ярко иллюстрирующих их суждения.

Вторая группа получает задание подготовить материал о Воланде, продумывая следующий круг вопросов: его роль в романе; кто представляется в этом аллегорическом образе; для чего Воланду свита (по первоначальному замыслу Булгакова, его герой «действует» в одиночку).

Учащиеся третьей группы характеризуют роман Мастера, наблюдая за тем, как в четырёх ершалаимских главах раскрывается религиозно-философский план, почему автор уделяет максимум внимания Понтию Пилату, каким он видел Иешуа – обыкновенным человеком или потусторонним явлением, в чём сила слов бродячего философа; сопоставляют Мастера и Иешуа; отвечают на вопрос: роман в романе – самостоятельное творение или часть неделимого произведения Булгакова.

Двое учащихся инсценируют фрагмент из 13 главы романа, начиная со слов: «Я открыл дверцу, так что жар начал обжигать мне лицо и руки...», кончая словами: «...Завтра утром я буду у тебя». Ученикам предлагается поразмышлять над вопросами: почему главный герой появляется лишь в середине книги; в чём смысл жизни для него; можно ли сопоставить Мастера и Булгакова, Мастера и Иешуа; как изображена Маргарита; обретают ли герои в конце романа долгожданное счастье.

Учащиеся IV группы прослеживают путь Иванушки – Ивана Николаевича Понырева. Чтобы выявить его отношение к главному герою, им предлагается ответить на вопросы: каким они увидели Бездомного на первых страницах; меняется ли он, попадая в клинику Стравинского; является ли он преемником Мастера, какова его роль в романе.

Каждому учителю известно, что читательское восприятие при первом знакомстве с произведением характеризуется разрывом логических обобщений. Оценки героев и событий часто противоречивы и расплывчаты, страдают однолинейностью. Преодолеть эту неполноту восприятия поможет правильная организация поисково-исследовательской деятельности учащихся на уроке. Учитель акцентирует внимание ребят на необычности, трёхслойности романа: первый – фактический, реальный, Москва 30-х годов; второй – идеальный, история жизни Иешуа – философское завещание Булгакова, ставшее ответом на многие мучившие его вопросы, заставившие читателей изменить угол зрения на привычные явления и постичь очевидные, казалось бы, истины. Эти два слоя пререзает цепь похождений Воланда, не позволяющая им отойти друг от друга. Это и есть третий слой, мистико-фантастический. Каждая из трёх линий поначалу отслаивается одна от другой и как бы существует сама по себе, но в финале они начинают сближаться и объединяются.

Структура бинального урока необычна: он выстраивается по законам сценического искусства: экспозиция (беседа о связи романа с традициями писателей русской и мировой литературы, об идее «Мастера и Маргариты», выраженной в эпиграфе к произведению), завязка (эпизоды и сцены романа, передающие атмосферу Москвы 30-х), фабульная основа (рассуждения о роли Воланда и его свиты в романе), кульминация (философские воззрения писателя в романе об Иешуа; Мастер и Маргарита; роль Ивана Николаевича Понырева в развитии булгаковской концепции «художник и общество», проблема творчества как высшей формы реализации личности), развязка (обобщение сказанного на уроке, вывод). Такое построение урока потребует проведение его в форме диалога, обсуждения разных взглядов, живой и доверительной беседы, поддерживающей общение с булгаковским текстом и ведущей к «контакту» с писателем. Выступление каждого ученика, даже одной и той же группы, отличается чем-то неповторимо своим, оценки героев и событий часто противоречивы, расходятся друг с другом. Учитель поддерживает разумные доводы учащихся, предостерегая их от

поверхностного, неглубокого понимания романа и в то же время не навязывая каких-либо мнений, чаще предоставляя слово самому автору.

Прослушивание симфоний Ф. Шуберта, И. Баха в начале урока позволит создать особую эмоциональную атмосферу.

Подводя итоги всему сказанному на уроке, учитель помогает учащимся прийти к такому выводу: истина постигается писателем в сопоставлении, казалось бы, несопоставимого, и его подход в изображении событий вневременной, внесоциальной, вненациональной – общечеловеческий, он стремится восстановить нарушенную целостность мира. Главный мотив, который звучит буквально во всех сценах и эпизодах романа, – неприятие любой формы жизни, подавляющей в человеке духовное начало и самого человека низводящей до уровня биологического существа, живущего инстинктами. В этом заключается нравственно-философский смысл романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

После каждого этапа работы ученики заполняют на листе исследования графу «Результаты исследования в классе». Они неизбежно придут к выводу о полифоничности романа и отметят, что все несхожие, казалось бы, сюжеты воплощают идею противостояния добра и зла, объединяющую их. Ученики увидят главный мотив, который звучит буквально во всех сценах и эпизодах романа, – неприятие любой формы жизни, подавляющей в человеке духовное начало и самого человека низводящей до уровня биологического существа, живущего инстинктами, а значит, ребята поймут нравственно-философский смысл романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Использование на уроке-«погружении» эвристических приемов гипотез, взаимообучения, «вживания» в героя способствует более глубокому осмыслению одного из самых сложных для изучения произведений русской классики. Многие из ребят после такого урока продолжают исследование и выступают с его результатами на научно-практических конференциях гимназии и города. Такая работа повышает мотивацию обучения, привлекает школьников к участию в олимпиадах, научно-исследовательской и проектной деятельности.

Литература

1. Андреев В.И. Педагогика. Учебный курс для творческого развития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2000.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – Кишинев, Литература артистика, 1988.
3. Русская литература XX века, 11 кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / В.В. Агеносов и др.; под ред. В.В. Агеносова. – М., Дрофа, 2010.
4. Хуторской А.В. Эвристическое обучение как технология творческой самореализации учащихся и предпосылка их жизненного успеха. – Сб. материалов научно-педагогической конференции «Эвристическое

обучение в дошкольном учреждении и общеобразовательной школе». – Нарва (Эстония), 2006, с. 196-201.

«Проект концепции и содержания профессионального стандарта учителя русского языка»: плюсы и минусы

Г. И. Канакина, канд. пед. наук, профессор
Пензенский государственный университет

15 февраля 2013 года Минобрнауки РФ опубликовал для общественного обсуждения «Проект концепции и содержания профессионального стандарта учителя» [2]. Проект разрабатывался по поручению Президента РФ с мая 2012 года рабочей группой, которую возглавил известный педагог, член Общественного совета при Минобрнауки РФ, директор московского Центра образования № 109 Е. А. Ямбург. Появился проект в связи с новой статьей Трудового Кодекса РФ (2013 г.) «О квалификации работника». По информации Минтруда, стандарты будут учитываться при расчете тарифных ставок и систем оплаты труда. «Полномасштабное» введение «Профессионального стандарта педагога» (далее – Стандарт) предполагалось с сентября 2014 года.

Безусловно, такое поспешное введение Стандарта в жизнь вряд ли можно считать удачным. Дело в том, что он нуждается в серьезной доработке как в плане содержания, так и в плане оформления. Кроме того, нарушается основное, на наш взгляд, требование Стандарта *«От педагога нельзя требовать то, чему его никто никогда не учил»*, поскольку изменение подготовки учителя в высшей школе и изменение системы переподготовки и повышения квалификации учителей (по «Концепции поддержки развития педагогического образования») начнутся только с 2014 года.

Внимательно изучив проект документа, мы обратили внимание на три аспекта: содержание, использование терминов и соответствие языка проекта современным литературным нормам.

В качестве несомненного достоинства Стандарта отметим заявленное в проекте намерение его авторов освободить труд педагога *«от мелочной регламентации»* и *«тотального контроля»*: *«Существующие громоздкие квалификационные характеристики и должностные инструкции, сковывающие инициативу учителя, обременяющие его формальными требованиями (например, предписывающими составлять образовательные программы) и дополнительными функциональными обязанностями, отвлекающими от непосредственной работы с детьми, не отвечают духу времени»*. Однако содержание документа свидетельствует о явной декларативности подобных утверждений, так как Стандарт только усиливает технократический подход к оценке деятельности педагога: в нем содержится

более 60 пунктов *«педагог должен»* и предлагается усилить контроль за деятельностью педагогов, вводя внешний и внутренний аудит.

Кроме того, по мнению разработчиков проекта Стандарта, *«Учитель русского языка должен соответствовать всем квалификационным требованиям профессионального стандарта учителя»*. А это значит, что он должен быть настоящим универсалом и выполнять не соответствующие его должности функции психолога, дефектолога, социолога, воспитателя, классного руководителя, социального работника и ... (далее по тексту проекта) *«владеть методами и приемами обучения русскому языку как не родному»*, *«использовать специальные коррекционные приемы обучения для детей с ограниченными возможностями здоровья»*. Неоправданно расширен функционал и круг компетенций педагога. Такое положение явно противоречит высказанному ранее утверждению о том, что Стандарт должен *«Избавить педагога от выполнения несвойственных функций, отвлекающих его от выполнения своих прямых обязанностей»*.

Безусловным плюсом проекта Стандарта учителя русского языка является осознание того, что *«Русский язык в большей степени, чем большинство других школьных предметов, является прикладной и жизненно важной дисциплиной. Русский язык формирует мышление и речь учащихся. От овладения им зависят уровень освоения национальной культуры, обретение российской гражданской идентичности»*.

К сожалению, в проекте нет измеряемых, операциональных показателей деятельности педагога. Нет четких критериев оценки соответствия достигнутых результатов требованиям Стандарта и не заложен механизм их разработки. Как можно, например, проверить *«Наличие потребности у учителя, установки администрации образовательного учреждения на действительную реализацию ФГОС, принятие локальных нормативных актов о работе коллектива образовательного учреждения в ИС»*? И как можно вообще понять, о чем эта фраза? Или: как можно отследить наличие у педагога умения *«сотрудничать (конструктивно взаимодействовать) с другими педагогами и специалистами в решении воспитательных задач (задач духовно-нравственного развития ребенка)»*?

В Стандарте (см. Приложение № 1) дан *«расширенный, ориентированный на перспективу перечень ИКТ-компетенций педагога, которые могут рассматриваться в качестве критериев оценки его деятельности...»*. Полагаем, что данные компетенции скорее должны быть в арсенале учителя информатики, чем любого другого педагога, особенно если говорить о необходимости *«устранения неполадок, обеспечения расходуемых материалов, эргономики, техники безопасности и др.»*. И в то же время во втором абзаце Приложения представлена достаточно «убогая» характеристика уже имеющихся у российских педагогов ИКТ-компетенций: *«Большинство педагогов пользуются компьютером для подготовки текстов, сотовым телефоном для отправки кратких сообщений. В своих*

выступлениях педагоги используют проектор, дают задание учащимся по поиску информации в Интернете, рассылают информацию родителям по электронной почте и т.д.». Считаем подобную преамбулу к перечню необходимых педагогу ИКТ-компетенций не вполне соответствующей истинному положению вещей.

Вполне закономерным и отвечающим духу времени фактом считаем включение в должностные обязанности учителя русского языка пункта «Учитель должен поощрять формирование эмоциональной и рациональной потребности учащихся в коммуникации как жизненно необходимого для человека процесса». О необходимости формирования коммуникативной компетенции говорится и во ФГОС общего среднего образования. Однако возникает противоречие этих двух важнейших документов, так как задания ЕГЭ по русскому языку менее всего направлены на проверку коммуникативных и творческих способностей выпускников школы, их общекультурного развития и способности самостоятельно мыслить. И это противоречие необходимо срочно решать.

В отдельных случаях авторы Стандарта включают рекомендации, которые вызывают, по меньшей мере, непонимание. Например, характеризуя предметную компетентность учителя русского языка, рекомендуют «Осуществлять автокоррекцию. При сомнении, чем-то замечании, столкновении с альтернативой обращаться к толковым и орфоэтическим источникам Интернета». Полагаем, что в подобной ситуации прежде всего следует обращаться к Академическим словарям.

Давая развернутую характеристику Стандарта, авторы включают довольно демократичные, на первый взгляд, положения: «Общенациональная рамка стандарта может быть дополнена региональными требованиями...», «Профессиональный стандарт педагога может быть также дополнен внутренним стандартом образовательного учреждения (по аналогии со стандартом предприятия)...». Возникают закономерные вопросы: А разве Стандарт не должен быть единым и обязательным для всех субъектов РФ? и Может ли Стандарт быть открытым документом?

Разработчики проекта «Профессиональный стандарт педагога» достаточно вольно обращаются с терминами. Так, в тексте Стандарта не разграничиваются понятия «педагог» и «учитель». Об этом свидетельствует уже заголовок документа, вынесенного на общественное обсуждение, – «Проект концепции и содержания профессионального стандарта учителя» и его подзаголовок – «Профессиональный стандарт педагога». Однако достаточно обратиться к «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, чтобы увидеть, что понятие «педагог» шире понятия «учитель»: «Педагог – лицо, занимающееся преподавательской и воспитательной работой»; «Учитель – лицо, которое обучает чему-н., преподаватель» [3, 427, 735]. Кроме того, следует заметить, что в соответствии с ФГОС ВПО вузы

выпускают бакалавров педагогического образования. Так, о ком же, в таком случае должна идти речь?

Иногда в тексте Стандарта один термин подменяется другим. Например, «компетенция» употребляется вместо «компетентность»: «3.2. *Профессиональная компетенция – способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач*». Значение и контекст употребления этих терминов различается. Компетенция – это «круг вопросов, в которых кто-н. хорошо осведомлен» [3, 248]. Компетентность – это «состоявшаяся система личностных качеств и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере» [4, 59]. В педагогической литературе мы можем встретить некую «небрежность» в использовании данных терминов (употребление их как синонимичных, замена одного термина другим). Однако в тексте документа это недопустимо. Модель формирования профессиональной компетентности учителя русского языка представлена, например, в нашей работе «Реализация компетентного подхода в подготовке учителя русского (родного) языка» [1, 101-102].

В отдельных случаях в Стандарте используются вновь созданные термины без их толкования. К подобным можно отнести терминологическое сочетание «*коридор ближайшего развития*», которое употребляется в одном ряду с общеизвестным – «зона ближайшего развития». Данное терминологическое сочетание выглядит анекдотично, так как напоминает известную народную шутку: «Я человек необразованный, закончил всего два класса, третий – коридор».

Достаточно небрежно авторы Стандарта обращаются и с нормами русского литературного языка. Это странно, поскольку в проекте документа особенно подробно представлен Стандарт учителя русского языка.

Так, в уже приведенной выше фразе «... *обучение русскому языку как не родному*» допущена явная орфографическая ошибка. Слово «Интернет» в тексте проекта пишется то с прописной, то со строчной буквы. К сожалению, довольно часто в проекте встречается нарушение грамматических норм построения предложений: «*Знание качественных информационных источников своего предмета, включая: литературные тексты и экранизации, исторические документы, включая исторические карты (все предметы)*» и др.

Нередки в проекте Стандарта и речевые ошибки и недочеты: неоправданный лексический повтор («*Дополнительным образовательным результатом является компетентность в лингвистике (науке о языке), прежде всего в лингвистике русского языка, в частности умение применять лингвистические знания в практике коммуникации*»), тавтология («*Поддерживать уклад, атмосферу и традиции жизни школы, внося в них свой положительный вклад*»), лексическая несочетаемость («...*многокритериальное оценивание результата отдельной работы и*

текущего состояния учащегося (относительно предшествующего) и сообщение ему об этом»).

Отдельные положения проекта сформулированы таким образом, что трудно понять их смысл. Например, неясно, что имели в виду разработчики Стандарта учителя русского языка, включая в него следующее положение: *«Ряд базовых понятий, используемых при лингвистическом описании языковых явлений, осваиваются учащимися в математике и информатике (например, понятия, относящиеся к структуре цепочек). Коммуникативная компетентность применяется и формируется во всех школьных предметах, прежде всего в литературе»*. Непонятно, причем здесь русский язык? В то же время фразы и отдельные слова, не требующие дополнительного разъяснения, снабжены пояснениями в скобках: *«Уметь находить (обнаруживать) ценностный аспект учебного знания...»*, *«Уметь обнаруживать и реализовывать (воплощать) воспитательные возможности...»*. Причем общелитературные слова и в том, и в другом случае заменены книжными.

Полагаем, что в ходе общественного обсуждения проекта Стандарта будут внесены конструктивные предложения, которые помогут сделать обсуждаемый документ действенным, выполняющим те задачи, которые перед ним поставлены.

Литература:

1. Канакина Г. И. Реализация компетентного подхода в подготовке учителя русского (родного) языка // *Философия отечественного образования: история и современность: сборник статей III Международной научно-практической конференции*. – Пенза, 2007. – С. 101-102.
2. Общественное обсуждение проекта концепции и содержания профессионального стандарта учителя // *Электронный ресурс*: http://www.ug.ru/nev_standarts/6.
3. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. – М., 1986.
4. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // *Народное образование*. – 2003. – № 2. – С. 58-64.

Функционирование номинаций смеха в СМИ

Д. А. Канакина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

К исследованию феномена смеха не раз обращались представители различных областей научного знания. Являясь древнейшим выражением человеческой эмоции, смех приобрел за свое многовековое существование

множество модификаций. Парадоксальность этого явления заключается также в его двойности – смех может быть как проявлением положительных эмоций (радости, веселья, и т.п.), так и отрицательных (злости, гнева и т.п.), и даже смешанных (например, злорадства). Язык сохраняет и транслирует эти свойства смеха – в нём содержатся средства, способные отражать эмоциональную смеховую ситуацию (в первую очередь это лексические и фразеологические единицы, обозначающие смех) и создавать её (это касается разнообразных стилистических приёмов комического, в первую очередь – языковой игры).

Актуальность исследования во многом обусловлена функциональным аспектом проблемы. Стоит отметить, что особый **интерес** представляет языковое выражение феномена смеха в лексике СМИ, а именно так называемых деловых и аналитических изданий, цель которых не только сообщить важную на сегодняшний день информацию, но и дать ей оценку – явную или завуалированную.

В письменной речи, в частности в СМИ, представлено значительное количество номинаций смеха. Выяснить, какую функцию выполняют данные средства номинаций смеха в медиадискурсе, каковы основные особенности их функционирования, было *целью* нашего исследования. Круг задач, которые способствовали реализации цели, входили следующие: 1) выявить средства лексической и фразеологической номинации смеха, функционирующие в исследуемом издании; 2) определить область их применения (речь журналиста, речь героя журналистского материала), особенности их выбора и семантики в зависимости от контекста; 3) установить их роль в журналистском тексте (каковы особенности самих текстов, в которых активно употребляются номинации смеха (тематические, жанровые, стилистические, экспрессивно-оценочные и др.).

На примере текстов журнала «Эксперт», послуживших **материалом** для исследования, мы постарались проследить особенности функционирования номинаций смеха. В общей сложности было исследовано 32 номера журнала (рассматриваемый период – январь-август 2013 г.)

Журнал «Эксперт» позиционирует себя как одно из самых влиятельных еженедельных деловых аналитических изданий в России. В медиахолдинг «Эксперта» входят также журнал «Русский репортер», рейтинговое агентство «Эксперт» и телеканал «Эксперт-ТВ». Основными рубриками рассматриваемого издания являются: «Русский бизнес», «Международный бизнес», «Экономика и финансы», «Наука и технологии», «Политика», «Общество», «Культура» «Книги» и др.

В ходе работы был определен круг наиболее часто употребляемых номинаций смеха, к ним относится сама лексема **смех** – ядерное слово лексико-семантического поля с множеством его родственных (*смешно смеяться, очень смешно, высмеивать, посмешище* и т.п.) и синонимичных (*шутка, весело, забавно, комизм* и др.) слов разных частей речи; а также

фразеологические обороты, свойственные публицистической речи (*было не до смеха, смех смехом, доходит до смешного, сыграть плохую шутку, выставить посмешищем* и др.).

Как показал анализ, употребление автором номинаций смеха в большинстве случаев напрямую зависит от заданной темы материала, которая, в свою очередь, тесно связана с рубрикой. Чаще всего оценка событий или людей в рассматриваемом контексте встречалась в материалах экономического характера (42%) (рубрики «Русский бизнес» «Международный бизнес»), потом материалах общественной тематики(28%), культурного плана(16%), и только после – политического(9%)и затем разной тематики (5%).

В ходе работы было определено, что в речи журналистов номинации смеха чаще употребляются с целью выразить оценку явления как крайне нелепого, не соответствующего ожиданиям или представлениям общества. Например, «...*Смех смехом*, но посмотреть на "крупнейшую европейскую стройку", которая сильно уступает московским, приезжали очень многие»[1]; «Нет ничего *смешного* в повторённом в Давосе обещании ускорить продажу госпакетов акций крупных компаний» [5].

В цитатах и репликах героев интервью уровень распространённости номинаций смеха несколько ниже, однако их функция та же – выражение:

« — Это факт. У нас их стараются от всего защитить и уберечь, - говорит режиссер картины Винтерберг,- спасти от чего-нибудь. Доходит до *смешного*»[3].

«Видео *смешное*, – заявил газете SvenskaDagbladet исполняющий обязанности главнокомандующего Швеции Ян Салестранд »[2].

Номинация смеха выполняет оценочную функцию, причем в структуре материала, субъектом оценки может выступать не только автор, но и герой публикации. Примечательно, что данная номинация различна по своей объектной направленности – предмет, явление, человек. Кроме всего прочего, смех может быть проявлением как положительной, так и отрицательно оценки. Исследование показало, что в материалах журнала «Эксперт» преобладает оценка именно явления, предмета, словами самого журналиста (71%). Из них положительная оценка составляет максимальное количество (44%). Примечательно, что встречаются материалы, в которых слово смех и его производные не носят ярко-выраженной оценки, выступая номинацией самих себя как явлений: «Понятие “народная *смеховая* культура” вошло в обиход интеллигентов благодаря работе Михаила Бахтина “Поэтика Франсуа Рабле”»[4]. В остальных случаях номинация смех носит положительный оттенок:

«Вечное противостояние двух директоров Булгаков потом *очень смешно* опишет в “Театральном романе”» [8].

27% номинаций смеха в исследуемом материале носят отрицательный оттенок при оценке явления, не зависимо от того, кому принадлежит речь,

автору или герою материала: «Немецкая столица, главный получатель субсидий в Германии, вот уже который год является настоящим *посмешищем* для всей страны» [6].

Однако при рассмотрении оценочных позиций человека или группы лиц, нами было замечено, что в данном случае преобладает отрицательная коннотация (19% против 8%). «Бауман заболел нефтедобычей в Восточной Европе. «Я лучший осси среди иностранцев», — *усмехаясь, говорит он*» [7].

Таким образом, в ходе работы нам удалось выяснить, что в журналистских текстах аналитического склада преобладает оценка автором материала, номинация смеха при характеристике явления носит положительный характер, при оценке человека (группы лиц) – отрицательный. Среди наиболее часто употребляемых лексем с исследуемой семантикой выделяется слово «смешной», фразеологические обороты «не до смеха»; «смех смехом». Рассматриваемая в контексте работы оценка чего-либо чаще всего (79%) встречается в речи журналиста, как автора материала. Учитывая характер публикаций, их стилистических и тематических черт, такая оценка встречается в материалах экономического плана (42%), что свидетельствует о глубокой заинтересованности автора в исследуемой им теме. Перспективность данного исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения проблематики функционирования номинаций смеха в аналитических изданиях как эффективного средства выражения авторской оценки.

Литература:

1. Бондаренко А.В. Филология комизма и смеха // Армия и общество. – 2009. – № 2.
2. Дедюхина А. Берлинская перестройка // Эксперт. – 2013. – 12(413). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/12/ex-berlin/> (16.09.2013).
3. Добрыхин В. Ответ русского медведя // Эксперт. – 2013. – 11(412). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/11/otvet-russkogo-medvedya/> (4.10.2013).
4. Долин А. Чем меньше пафоса, тем лучше // Эксперт. – 2013. 7(839). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/07/chem-menshe-pafosa-tem-luchshe/> (4.10.2013).
5. Кантор М. Тень Культуры // Эксперт. – 2013. – 28 (811). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/28/ten-kulturnyi/> (16.10.2013).
6. Куприянова Н.С. Ассоциативное поле концепта смех в русском языке // Известия ПГПУ. – 2007. – № 4(8).
7. Привалов С. О русском цирке в Давосе // Эксперт. – 2013. – 4(836). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/04/o-russkom-tsirke-v-davose/> (16.10.2013).

8. Сумленный С. Тринадцать с ложкой // Эксперт. – 2013. – 6(838). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/06/trinadtsat-s-lozhkoj/> (22.10.2013).

97. Сумленный С. Раскопать Германию // Эксперт. – 2013. – 5(837). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/05/raskopat-germaniyu/> (7.11.2013).

10. Шимадина М. Игра по правилам и без // Эксперт. – 2013. – 4(836). [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/04/igra-po-pravilam-i-bez/> (7.11.2013).

О роли пропозиции в словообразовательных процессах

Г. К. Касимова, к. филол.н., доцент
Пензенский государственный университет

В последние годы значительное внимание исследователей уделяется связям словообразования с синтаксисом. Исследование многозначных имен существительных, выявление источников полисемии предполагает анализ семантики мотивирующих слов, их синтаксических характеристик. В частности, при рассмотрении структуры значений deverбатов необходимо, в первую очередь, исследовать семантику мотиватора, что предполагает обращение к глубинному суждению, в центре которого находится глагол. Как правило, глагол выступает предикатом, а его распространители – актантами. «В качестве эталона глубинного суждения, актуализованного семантикой производного слова, в лингвистике рассматривается минимальная пропозициональная структура, представленная предикатом и двумя (либо одним) актантами распространителями» [2, 97].

Актанты, или участники пропозиции, – это активные семантические валентности глагола. Они присоединяют к глаголу синтаксически зависимые слова, каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения. «Участниками, или актантами ситуации, могут быть субъект, объект, инструмент, место, средство, способ действия» [1, 120].

Пропозициональный аспект словообразования, активно разрабатываемый в последние двадцать лет, «позволяет проникнуть в суть вещей, увидеть, что стоит за эмпирической данностью и первоначально скрыто от взора исследователя» [3, 41. Цит. по 2, 79].

В процессе синтаксической деривации формируется транспозиционное значение deverбатива, которое впоследствии выступает мотивирующей базой для развития производных значений путем семантической деривации. Вторичные номинации характеризуются предметной семантикой, которая, как правило, являются следствием метонимических переносов. Их появление в структуре имен действия детерминировано семантическими валентностями производящего глагола: наличием актантов, их количеством, признаками,

функциями. Валентностные свойства составляют понятийный, содержательный уровень пропозициональной структуры мотивирующих глаголов. При актуализации тех или иных компонентов семантической структуры глагола у девербатива появляется вторичная номинация, в результате которой происходит расширение структуры значения имени действия.

При пропозициональном подходе к исследованию семантической парадигмы полисеманта вскрывается «механизм преобразований семантики мотивирующего и мотивированного слов, реализующих определенную структурно-логическую схему. Нахождение в основе пропозиции глагола обуславливает распространение его актантами. На языковом уровне предикативную функцию выполняют как глаголы, так и существительные, являющиеся приглагольными распространителями и входящими в семантику глагола. ...мотивирующие глаголы объективируют производные в различных актантных позициях. Образующиеся в результате такого функционирования мотивирующие многозначные дериваты эксплицируют сложную комбинаторику различных пропозиций в виде набора ЛСВ нескольких номинативных классов» [2, 100].

Рассмотрим в качестве примера семантическую парадигму девербатива *отделение*, которое включает 7 ЛСВ: **1.** Действие по знач. глаг. отделить—отделять и отделиться—отделяться. *Отделение церкви от государства. Отделение слюны.* **2.** обычно мн. ч. Вещество, выделенное организмом; выделение. *Гнойные отделения.* **3.** Отгороженная, обособленная часть помещения. *В почтовом поезде, шедшем из Петербурга в Москву, в отделении для курящих, ехал молодой поручик Климов.* Чехов, Тиф. || Обособленная часть какого-л. вместилища. *Все отделения пенала Петя --- наполнил предназначенными для них предметами.* Катаев, Белеет парус одинокий. **4.** Часть учреждения, предприятия и т. п. *Хирургическое отделение больницы.* || Отдельное учреждение, организация и т. п. в системе чего-л. *Отделение полиции. Почтовое отделение связи.* **5.** Устар. Тематически объединенная часть книги, газеты и т. п.; раздел. *Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке. Каждая книжка будет заключать в себе четыре отделения.* Пушкин, Общество московских литераторов. **6.** Самостоятельная часть концерта, театрального представления и т. п. **7.** Низшее воинское подразделение, часть взвода. *Стрелковое отделение'.*

1-й ЛСВ с транспозиционным значением опредмеченного действия выступает мотиватором для развития вторичных, предметных номинаций девербатива. В процессе семантической деривации в результате актуализации различных компонентов пропозиции формируются значения субъекта (2, 4, 7-й ЛСВ), объекта (3, 5, 6-й ЛСВ) действия. Производные значения формируются по типу радиальной полисемии, при котором все вторичные номинации мотивированы исходным ЛСВ:



По-иному формируются структуры лексических значений субстантивов. Так, в группе существительных, мотивированных названиями артефактов, большая часть дериватов выражает словообразовательное значение (СЗ) ‘лицо по отношению к предмету, названному (к тому, что названо) мотивирующим существительным’: *книжник* (1, 2), *кукольник* (1, 2), *лапотник* ((устар.) 1, 2), *ложечник* (1, 2), *лучник* (1 (ист.), 2), *парусник* (2 (устар.)), *песенник* (1, 2), *посудник* (2), *проволочник* (1), *саночник* (1, 2), *сапожник* (1, 2), *шапочник* (1, 2).

Это СЗ является обобщённым и конкретизируется в каждом производном. Лексическое значение, представленное в словарных статьях, базируется на словообразовательных значениях с включением дополнительных смысловых компонентов, создающих идиоматичность субстантива, ср.:

- *книжник*: 1) ‘любитель и знаток книг’ (разг.) ← ‘тот, кто <любит и знает> то, что названо мотивирующей основой’; 2) ‘работник книжного, книготоргового дела’ ← ‘тот, кто <издаёт> то, что названо мотивирующим словом’ и ‘тот, кто <торгует> тем, что названо мотивирующим словом’;

- *кукольник*: 1) ‘мастер, делающий куклы’ ← ‘тот, кто <делает, изготавливает> то, что названо мотивирующим словом’; 2) ‘актёр или режиссёр кукольного театра’ (разг.) ← ‘тот, кто <работает актёром или режиссёром театра> кукол’;

- *песенник*: 1) ‘исполнитель песен’ ← ‘тот, кто <исполняет> то, что названо мотивирующим словом’; 2) ‘автор текста песен или композитор песенной музыки’ (*поэт-песенник*) ← ‘тот, кто <пишет стихи, музыку> к тому, что названо мотивирующим словом’.

Наиболее регулярным оказывается также значение лица в именах существительных, мотивированных названиями отвлечённых понятий, действий, состояний. СЗ здесь, как и в субстантивах, мотивированных артефактами, выражает 'лицо по отношению к тому, что названо мотивирующим словом': *именинник* (1, 2), *киношник* ((прост.) 1, 2), *любовник* (1, 2, 3), *молитвенник* (2 (уст.)), *наёмник* (1 (уст.), 2 (ист.), 3), *невольник* (1, 2 (уст.), 3 (перен.)), *ненавистник* (1, 2), *охотник*² (1, 2), *проповедник* (1, 2), *разбойник* (1, 2, 3), *раскольник* (1, 2, 3), *скоростник* (1, 2), *союзник* (1, 2), *транспортник* (1), *ударник* (3, 4 (уст.)) и др.

Под идиоматичностью в лингвистике понимается значение деривата, не равное сумме значений его составляющих. Пропозициональный аспект исследования семантики производного слова открывает возможности более глубокого его изучения. Дальнейший анализ семантики мотиватора, пропозициональной структуры дериватов позволит выявить источники формирования многозначности полисемантов.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. – 368 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272 с.
3. Кубрякова Е. С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987. С. 37 – 40.

Исконно русская лексика в романе А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»

С. В. Кезина, д.филол.н., профессор
Пензенский государственный университет

Через год исполнится 225 лет с момента выхода в свет романа А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», однако до сих пор продолжается изучение языка произведения, написанного нашим земляком.

Интерес представляет, в частности, лексика романа. В «Путешествии...», кроме нейтрального, чётко выделяются ещё два стилистических пласта лексики – книжная лексика и разговорная лексика. Обращение к этим пластам обусловлено жанрово-стилистическими особенностями произведения. А.А. Илюшин, анализируя язык и стиль романа, отмечает: «Он, видимо, больше тяготеет к буйному разноголосию, к непредвиденным жанрово-стилистическим смещениям и переходам: от живого, непринуждённого диалога к долгому философствованию, от

дорожной анекдотической сценки к болезненно-трагическим видениям и снова к бытовым зарисовкам» [2, 5]. Основу книжной лексики составляют славянизмы, а основу разговорной – русские по происхождению слова, широко использованные А.Н. Радищевым: *сын, дочь, мать, отец, город, голод, деревня, берег, короткий, пелена, борозда, жеребий, мочь, ночь, нужен, межа, невежество, змея, чело, перст, денный «дневной», уста, очи, десница «правая рука», шуйца «левая рука», перси, радование «радость», рачить «радеть», палица, лобзать, солнушко, ристалище «место для состязаний в беге, скачек»* и другие. Исконно русские слова преобладают в тексте романа: их около 2,5 тысяч (более 9 тысяч употреблений).

Исконно русская лексика может употребляться параллельно со старославянской: *золотой – злато, волость – власть, серебряный – серебро, сребролюбие, колокол – глагол, молодой – младший, надежнейший – надежда, узы – союз, прежний – прежде, мочь – немощный, борозда – бразда, пелена – плена, нужный – нужда, принужден, змея – змия, ровня – равенство, поравнявшись* и другие.

Исконно русская лексика, как и славянизмы, полифункциональна и тоже участвует в реалистическом изображении действительности. Живое русское слово создает поэтику реализма. Русские по происхождению слова выполняют в романе следующие функции: экспрессивную, характерологическую, функцию создания иронического и сатирического плана повествования, описания бытовых сцен, риторическую функцию.

Русское слово выразительно и ёмко по содержанию: *отбоярить, пестовать, щелкуны, посулить, посуленное, ровня, прилепить (поцелуй), призариться, смазливый*. Разговорные слова, в том числе просторечные, входят в пословично-поговорочные выражения, отражающие народную мудрость: *«познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как говорят по пословице, как сорока якова», «чуть я не лопнул», «плюнул ему в рожу», «шасть в двери», «рот разинув до ушей зевнул во всю мочь», «выпяля глаза», «голову скружить»* и другие. В романе много просторечных сравнений: *«как с кубарем», «как брюхатая баба»* и других.

Экспрессивность русской лексики усиливается словообразовательными средствами: *девка, словеса, солнушко, поседельй, Аннушка, дворянчики, господчики, щегольки, боярыньки, сватьяюшки, тетушки, сестрицы, голубушка* и другие.

Очень выразительны народные плачи и причитания. Они «дышат» живым русским словом. Крестьянка, мать рекрута, вопит: *«Любезное моё дидятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травой, мохом – наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет её от зноя?»* Произведение, созданное писателем в защиту поруганного русского народа, блистает метким языком, рождённым этим народом.

Как и славянизмы, русские слова используются для создания портретов и речевой характеристики персонажей. Вот как описывает автор купца третьей гильдии Карпа Дементьича и его жену Аксиныю Парфентьевну («Новгород»): *«Если точных не спишу портретов, то доволен буду их силуэтами. Лаватер и по ним учит узнавать, кто умён и кто глуп. Карп Дементьич – седая борода в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза серые, ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой. – Аксиныя Парфентьевна, любезная его супруга. В шестьдесят лет белая, как снег, и красная, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом, ренского выпьет перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки ...»* Так русским словом Радищев «списывает портреты» именитой семьи.

Речь Карпа Дементьича показывает его профессиональные интересы, в ней отражён купеческий жаргон: *«Помню, Карп Дементьич, что за тридцать тысяч рублей, забранных вперёд, ты тысячу пуд льну прислал должникам на раздел. – Ей, больше не можно было, поверь моей совести. Конечно, им на заморские товары был в том году неурожай (плохой сбыт товаров).*

Ты забрал тысяч на двадцать... Да, помню: на них пришла головная боль (убытки от неудачной торговли). – Подлинно, благодетель, у меня голова так и болела, что чуть не треснула».

Пересыпаны пословицами и поговорками реплики крестьянина-повозчика в этой же главе: *«Видно, барин, – говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, – что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утёрла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! Всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну, брат Ванька счастлив... Да веть и парень! Трое вдруг молодцов стали у Анютки свататься; но Иван всех отбоярил. Они и тем и сем, но не тут-та. А Ванюха тотчас и подцепил... То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох».*

Ирония и сатира достигаются в романе за счёт использования как славянизмов, так и исконно русских слов. Образцом иронии и сатиры является рассказ присяжного о любителе устриц («Спасская Полесь»): *«...жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великий охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его стало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, но*

устерсы есть будет. – В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важным донесением. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда не вертись, а прогоны выдавай. На казенные денешки дыр много. И скачет гонец к «господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге в Большой Морской», а потом с устрицами – немедля назад («успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи»). А результат? – «Секретарь, пиши представление. За многочисленные в его посылках труды и за точнейшее оных исправление удостоаваю его к повышению чином...».

Художественное своеобразие «Путешествия ...» состоит, по мнению А.И. Горшкова в том, что в нём художественно-описательная и повествовательная сторона и публицистическая, философская, политическая сторона связаны неразрывно [1]. Для описания бытовых сцен писатель использует как старославянизмы, так и исконно русские слова. Образцом русского слога является описание крестьянской избы («Пешки»), которое А.С. Пушкин находил замечательным. Анализ этого фрагмента [3] убедительно показывает, что А.Н. Радищев – писатель-реалист, который не боялся «осквернить храм «священномудрой» музы красоты изображением «неизящных», некрасивых и мрачных сторон жизни» [4, 194].

Описание в романе органично переходит в рассуждение. Рассуждение может осуществляться не только на церковнославянском языке, но и на разговорном. Таким является, например, рассуждение о дворянской службе в главе «Крестыцы»: *«Смотря иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро войдёт в службу, или, другими словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу. – Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею? – Кто? Пример общих. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск. И какому отцу не захочется, чтобы дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум».*

Примеры использования исконно русской лексики в тексте романа А.Н. Радищева показывают, что она полифункциональна и подчинена цели создания реалистического произведения – полно, точно, выразительно и ярко изображать картины жизни и быта русских людей конца XVIII века.

Литература:

1. Горшков А.И. Язык предпушкинской прозы. – М., 1982.
2. Илюшин А.А. Язык и стиль Радищева //Русский язык в школе. – № 6. – 1969. – С. 4–7.
3. Кезина С.В. Русская изба в XVIII веке (по роману А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» //Городское пространство в

исторической ретроспективе: сб. науч. статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 24-25 мая 2013 г.) /Под общ. ред. О.А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. – С. 47–49.

4. Светлов Л.Б. Александр Николаевич Радищев. – М., 1958.

«...А человек пусть длится вечно...»

И. С. Ключарева, ст. преподаватель
Пензенский государственный университет

Пятьдесят лет назад оборвалась жизнь Василия Семеновича Гроссмана (1905-1964гг.). Документально-художественная повесть «Добро вам!», оказавшаяся последним значительным литературным произведением, можно сказать завещанием самобытного русского писателя, при жизни автора свет не увидела, при публикации в 1965 году в журнале «Литературная Армения» отдельные места были изъяты, и только в 1988 году произведение было представлено читателям в полном виде.

Однако, несмотря на существенные изменения, произошедшие в советской стране и в мире в целом по сравнению с шестидесятыми, когда В.С. Гроссман создавал повесть, она не только к концу 80-х, но и на сегодняшний день не утратила своей актуальности. Особенно это очевидно в свете межнациональной политики, осуществляемой прибалтийскими государствами, и на фоне мартовских украинских событий, в ходе которых вновь обрели легитимность, казалось бы, разгромленные вместе с гитлеровским рейхом нацистские идеи. Предупреждение о том, как опасен для человечества «национальный экстаз» - одна из ведущих идей повести «Добро вам!».

Благодаря служебной командировке автор получил возможность 2 месяца провести в Армении, в которой раньше никогда не бывал. Он вглядывается в Ереван, городки и поселки на равнинах и горной местности, описывает озеро Севан и столичные внутренние дворы, свадебные и поминальные обряды, отмечает особенности местной кухни и архитектуры. И все-таки жанр произведения не сводится к путевой прозе, на которую указывает подзаголовок: «Из путевых заметок». Стержнем повествования оказываются не внешние впечатления от путешествия, а социально-философские раздумья автора - прежде всего, о сути национального характера, о взаимоотношениях народов, о свободе личности и творчества. Вот почему писатель отказывается от хронологического принципа повествования, использует иронию и самоиронию в больших пределах, чем обычно допускают записки путешественника, отводит целые страницы собственным переживаниям, «вставляя» их в сюжет.

Здесь, на легендарной земле Армении, автор острее осознает изначальный драматизм человеческого существования, жизни как таковой.

Армения – страна камня, «мертвых, побежденных временем гор» [1, 36], хранящая в древних пещерах память о тех, кто видел Арарат в библейские времена, кто написал: «Все проходит, ничего не проходит...» Над древним языческим храмом возведен христианский собор, но не церковные обряды утверждают вечные заповеди милосердия и любви к людям; по мнению автора, «истинное добро чуждо форме и формальному..., оно там, где есть доброе человеческое сердце» [1, 46]. Истинное добро несовместимо с религиозной нетерпимостью, жестокостью и фанатизмом, чуждается, как неправды, показной пышности, исканий удобства.

Приглашенный к католикоосу всех армян Варену I, писатель-атеист ожидает приобщения к особой духовной силе, отрешения от суетного, земного в самом себе. Вопреки ожиданиям, собеседник оказался воплощением «просвещенной светскости» [1, 48], был «мил, прост, добр», 20 минут прошли в житейской суете, с коньяком и шоколадом, с предвкушением от рассказа московским друзьям об этом приеме.

«Душевную силу» верующего В. Гроссман увидел в простом деревенском старом человеке «молочанине» Алексее Михайловиче: «Он говорил с горестью о том, что люди не хотят следовать главному закону жизни – желать того, что желаешь себе, всем людям без изъятия, желать без различия богатства и бедности, без различия национальности, ... веры и неверия, партийности и непартийности» [1, 51]. Весь облик крестьянина, более чем скромная обстановка, говорившие о каждодневной тяжелой работе, внимательно слушающие простые слова жена, сын, белоглавые внуки все это глубоко, до слез трогает писателя своей обращенностью к людям, жизненностью, отсутствием каких бы то ни было претензий: «Тут уж не было ни Армении, ни России..., а была душа человека, вот та, что тревожилась, мучилась, верила среди каменных осыпей и виноградников Палестины, та душа, что по-человечески хороша и в пензенской деревушке, и под небом Индии, и заполярной яранге...» [1, 53].

Труд человека и его духовные искания – вот что признает В. Гроссман придающим смысл человеческому существованию. Так огромен труд армянского народа, бесстрашно осваивающего бесплодные прежде камни, что автор отказывается называть этот народ маленьким: «Маленький народ стал казаться мне народом-великаном», несколько раз повторяет оксюморон «маленький великан».

Духовные искания народа запечатлевают искусство, творения тех людей, что скрепляют ... любовью и истинность вечного мира, и истинность своего смертного «я» [1, 44]. Гармоничным, совершенным писатель объявляет создание, отразившее «бога всех людей». Творцу необходима подлинная свобода, ведь что в противном случае он выразит – «полный натуральных подробностей, полный тучной пшеницы и дубрав мир, воздвигнутый по конторскому заказу?.. У конторы нет души», - замечает прозаик. Его рассуждения о свободе творчества смыкаются с признанием

абсолютной ценности человеческой личности. Пусть мир ее души не отличается стройностью, пусть даже «кривой и косой», как у Пикассо, или однообразно синий, как у Рериха, но они – «миры живого образа и подобия!» Ведь мир, созданный творцом, тоже – несовершенен.

Как художнику для творчества необходима свобода, так и для гармонического развития народа необходимо свободное общение с людьми различных наций. «... Национальный характер по сути своей характер человеческий», - утверждает автор в начале повести (четвертая глава), после отступления о расхожем, к сожалению, образе армянина из анекдотов об армянском радио, и восклицает: «Как далеки эти лабазные армяне от огромного множества сложных, особых, своеобразных характеров армянских крестьян, солдат, ученых, врачей, инженеров...» «Как могло случиться, что великая литература работала на лабаз, на туполобое, шовинистическое человеконенавистничество?»

В.С. Гроссман по праву считает себя русским писателем, но по причине еврейского происхождения ему знакома и «черносотенная ненависть». Писатель исследует истоки разновидностей национализма: «националистического экстаза» малых народов, возникающего как средство обороны достоинства, на почве памяти об угнетении; и «национальной кичливости», способной подтолкнуть «многочисленный и сильный народ» к завоевательным войнам, к порабощению малых государств. В обоих случаях гибнет «человеческая основа» национальной гордости. Так некоторые интеллигенты-армяне видели в армянском искусстве и науке лишь «средство утвердить свое национальное превосходство» и не замечали, как жалко выглядят их потуги.

Пример проявления подлинного национального достоинства В. Гроссман приводит в заключительной, двенадцатой главе повести. За свободным столом далеко от столицы сельском клубе по обычаю произносят речи-тосты самые уважаемые люди-труженики: о добре и зле, о горькой судьбе народа, оставившего после кровавой резни земли Турецкой Армении, «вере в то, что труд, доброта сильнее любой неправды». Один из гостей, плотник, обратился к Гроссману, так как читал его военные статьи, в том числе и об армянах, и выразил сочувствие еврейскому народу, испытавшему много жестоких страданий в годы Второй мировой войны. Все 200 человек поддержали этот акт христианской любви к ближнему. «До конца жизни буду я помнить речи крестьян, - пишет в заключение прозаик, обращаясь к читателям. Пусть обратятся в скелеты бессмертные горы, а человек пусть живет вечно <...>.

Барёвдзес – добро вам, армяне и не армяне».

Литература:

1. Василий Гроссман. Добро вам! (Из путевых заметок) / В.: «Знамя» - М.- 1988. - № 11 – С. 5-62. [Рукопись подготовлена к печати дочерью писателя – Е.В. Коротковой].

Далее цитаты приводятся по данному изданию.

2. Журнал «Литературная Армения». – Ереван – 1965. - №6-7.

Русский язык и его преподавание в произведениях А.П. Чехова

Д. С. Козаченко, учащаяся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 67г. Пензы О. Е. Обушникова

Русский язык являлся и является одним из основных предметов в школе. Нет необходимости объяснять, насколько важно знать язык, насколько важно писать грамотно, правильно излагать свои мысли. Преподаватели всерьез озабочены подготовкой детей к экзаменам, а дети вместе с родителями переживают за результаты ЕГЭ и ГИА. Школьники по-разному пытаются повысить свою грамотность, учителя разрабатывают тесты-тренажеры, используют возможные интерактивные средства в обучении. Но, к сожалению, русский язык остается одним из сложных предметов. Мне хотелось бы узнать, как происходило обучение языков в школах и гимназиях в 19 веке, какие приемы использовали преподаватели-словесники, сохранилось ли преемственность в преподавании. Сложно найти свидетелей того времени, поэтому мы и обратились к произведениям литературы, в частности к произведения А.П.Чехова.

Тема работы является актуальной, потому что существует много спорного в вопросах преподавания, и взрослые и дети неоднозначно относятся к обучению и изучению языка. И сейчас, в 21 веке, несмотря на то, что экзамен по русскому языку стал обязательным, у многих подростков качества знаний оставляют желать лучшего, и не всегда это – недоработка учителя. Я предположила, что, несмотря на различия во времени, на методике преподавания, главными в образовательном процессе, в преподавании был и остается учитель, и если он проявит мудрость и человечность, то это отразится на результате обучения. Для достижения данной цели, я изучила рассказы Чехова, в которых он обращает внимание на вопросы преподавания русского языка. Мне хотелось узнать, насколько глубоко Чехов понимал, что такое словесность, в чем состоит трудность изучения русского языка и его преподавания, какую роль в преподавании он отводил учителям.

Учёба в Таганрогской классической гимназии, воспоминания об учителях и наставниках не оставляли Антона Павловича Чехова на протяжении всей его дальнейшей жизни. Начиная с ранних рассказов, таких как « Репетитор» (1883), и кончая «Человеком в футляре» (1898),- писатель

раз за разом прямо или косвенно, подробно или вскользь касался вопросов образования. Хотелось бы на примере нескольких рассказов А.П. Чехова показать, насколько глубоко этот мастер слова понимал, что такое словесность, в чём состоят трудности русского языка и его преподавания, что и как писал об учителях – словесниках. Учителей-ретроградов в произведениях Чехова предостаточно. Это и Ипполит Ипполитович Рыжицкий из рассказа «Учитель словесности», и Беликов из «Человека в футляре». В рассказе «Мыслитель» (1885) тюремный смотритель Яшкин рассказывает смотрителю уездного училища о том, как его обучали русскому языку: «Помню это, вызывает меня раз учитель к чёрной доске и диктует: «Лекарь уехал в город». Я взял и написал лекарь с е. Выпорол. Через неделю опять к доске, опять пиши: «Лекарь уехал в город». Пишу на этот раз с ятем. Опять пороть. За что же, Иван Фомич? Помилуйте, сами же вы говорили, что тут ять нужно! «Тогда, говорит, я заблуждался, прочитав же вчера сочинение некоего академика о ять в слове лекарь, соглашаюсь с академией наук. Порю же я тебя по долгу присяги»... Ну и порол. Да и у моего Васютки всегда ухо вспухши от этого ять... Будь я министром, запретил бы я вашему брату ятем людей морочить». (Чехов А.П. Полн. Собр.соч. в 30 томах, том 4. Стр 72).

Этот самый горе – преподаватель Иван Фомич привёл Яшкина к полнейшему нигилизму по отношению к русскому языку: тот стал отвергать не только «ять», но и знаки препинания: «Никакого значения не имеют ваши знаки. Одно только мудрование... Наставит десяток запятых в одной строчке и думает, что он умный. Точка с запятой, двоеточие, кавычки разные. Противно читать даже.»

Но Яшкин отрицанием правил правописания не ограничивается: «По моему мнению, и наук много лишних». Начав со сложностей русского языка и варварского его преподавания, этот весьма зловещий персонаж заключает: «Всё на этом свете лишнее!»

Нам, современным читателям, трудно понять проблемы с написанием «ять». После реформы 1918 года эта буква упразднена из русского алфавита. Но сколько бед выпадало на долю учеников в 19 веке, сколько времени было затрачено на зубрёжку слов, в которых писалась эта буква! Сколько судеб сломано! А между тем, даже после орфографических реформ, в современной орфографии есть случаи, пространно и замысловато трактуемые правилами (слитно и отдельно пишущиеся наречия, одна и две н в причастиях и отглагольных прилагательных) А сколько трудностей вызывают слова с удвоенными согласными, сколько слов-исключений должны держать в памяти школьники? Значит, проблемы, затронутые Чеховым, актуальны и в наше время.

Обратимся к рассказу «Учитель», написанному в 1886 году. Чехов представляет главного героя Фёдора Лукича Сысоева, который 14 лет преподавал в фабричной школе. После очередных экзаменов (четырнадцатых в его педагогической карьере) учитель пребывает в подавленном настроении,

несмотря на то что, как пишет Чехов, «сошли эти экзамены прекрасно; все мальчики старшего отделения были удостоены свидетельства и награды; начальство, и фабричное, и казённое, осталось довольно успехами» (Чехов А.П. Полное собрание сочинений том 5, стр. 216.) в чём же причина недовольства учителя?

«Ему было досадно, что ученик Бабкин, всегда писавший без единой ошибки, сделал в экзаменационном диктанте три ошибки». Причину учитель видел в том, что «Инспектор, человек молодой и неопытный, статью для диктанта выбрал трудную, а учитель соседней школы, Ляпунов, которого инспектор попросил диктовать, вёл себя «не по-товарищески»: диктуя, выговаривал слова не так, как они пишутся, и точно жевал слова».

Когда Фёдор Лукич на торжественном обеде, устроенном в честь успешного завершения учебного года, попенял своему коллеге с говорящей фамилией Ляпунов на то, что он вёл себя на экзамене «не по-товарищески», «не корпоративно», тот понять не мог, чем вызвано раздражение Сысоева, Подумаешь, какой-то Бабкин, всегда отличавшийся безупречной грамотностью, сделал три ошибки! Общее мнение собравшихся выражает инспектор: «Ну, стоит ли из-за пустяков горячиться. Три ошибки... ни одной ошибки... ну не всё ли это равно!»

Для учителя, я думаю, не всё равно! Это учительский труд, бессонные ночи. Это радость и награда учителя. Равнодушный человек не может работать с детьми. Равнодушие и педагогика – «вещи несовместные».

О том, чем и как оплачено право Фёдора Лукича Сысоева горячиться и упрекать Ляпунова в некорректности, Чехов напишет в самом конце рассказа: «Он подошёл к столу, где лежала стопка ученических тетрадей, и, выбрав тетрадь Бабкина, погрузился в созерцание красивого детского почерка...

А в это время, пока он рассматривал диктант своих учеников, в соседней комнате сидел земский врач и шёпотом говорил его жене, что не следовало бы отпускать на обед человека, которому осталось жить, по видимому, не более недели».

У учителя была чахотка... Помнить о всех \ Бабкиных, сопереживать, сострадать, носить их в сердце, думать о них и не нажать чахотку – довольно трудно. Но именно таким – мудрым, человечным и должен быть настоящий учитель. Проанализировав произведения А.П. Чехова, я выяснила, что в преподавании русского языка многое зависит от учителя, от его нравственных качеств, от способностей увлечь своих учеников. Орфографические реформы, проводимые в обществе, не делают преподавание русского языка легким. Если учитель сумеет создать мотивацию для учеников, увлечь своим примером, то орфографические и пунктуационные трудности не будут казаться непреодолимыми.

Литература:

1. Чехов А.П. в воспоминаниях современников.- М., 1986.
2. Катаев В.Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова.- М., 1998.
3. Полоцка Э.А. Пути чеховских героев.- М., 1985.
4. Турков А.М. Чехов и его время.- М., 1980.

О чём говорит ток-шоу: лексический анализ (на материале передачи «Пусть говорят»)

Н. Е. Колобанова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – старший преподаватель Н. С. Куприянова

Сегодня одним из самых рейтинговых и востребованных жанров на телевидении является ток-шоу – активно развивающийся как на центральных, так и на местных телеканалах жанр, отличительной чертой которого является зрелищность. В современных условиях, когда от числа реальных зрителей зависят доходы телестудий, конкурентная борьба за внимание аудитории стала особенно острой: для привлечения аудитории телеканалы стараются организовать (просчитать) успех у зрителя. Способы достижения высокого рейтинга программы разнообразны: от темы (скандальной, «страшненькой», модной и т.п.) до выбора языковых средств её отражения (то, что обычно не осознаётся адресатом то-шоу – простым зрителем).

Классическое ток-шоу представляет собой треугольник: ведущий – приглашенные собеседники (эксперты) – зритель в студии.

Пожалуй, одним из самых популярных российских ток-шоу является передача «Пусть говорят», в которой обсуждаются будто бы невыдуманные истории, ищется путь их решения. Настоящие истории людей задевают больше, чем рассуждения на общие темы. Как заявлено на сайте «Первого канала»: «Говорят – «словом делу не поможешь», но программа «Пусть говорят» эту поговорку опровергает».

Цель работы – изучить программу в лексическом аспекте, понять, действительно ли подвергается обсуждению заявленная в передаче тема. Предмет исследования – лексический состав речи ведущего. Новизна работы обусловлена выбором аспекта проблемы – тем, как лексические средства языка эксплицируют цели и действительное содержание передачи. Наблюдение над лексическими особенностями речевых высказываний данного ток-шоу позволило выдвинуть гипотезу о его реальных целях, выраженных средствами языка, но мало осознаваемых аудиторией. Результаты анализа, которые были получены в ходе исследования, могут послужить хорошим иллюстративным материалом для начинающих журналистов.

В процессе исследования нами была рассмотрена программа, которая ставила своей задаче помочь 13-летней Наташе Галушкиной, имеющей избыточный вес –160 килограммов. Классификация лексических средств, использованных Андреем Малаховым и отражающих содержание передачи (в грамматическом плане – имен существительных), позволила выявить следующие тематические группы:

Семья: *семья, мать, отец, родители, дети, грудничок, ребенок, бабушка, племянница*. Эмоции: *стресс, обида*.

Предметный мир: *6 тарелок с рисом, 4 тарелки с рыбой, 35 бананов, 50 печений, 4 пакета чипсов, еда, поезд, машина, самолет, класс, документ личности, фотография, вода, молоко, школа, сухофрукты, каша, конфетки, колбаска, видео, белый хлеб, платье, парта, стихи, реклама, программа, куртка, письмо, телевизор, компьютер, смс-ка, деньги, капуста, кадры, размер*.

Окружение: *пьянь в хуторе, труженики, враг, девочка, жительница тверской области, учителя, девчонки, ребята, друзья, врач, корреспонденты, одноклассники, куры, гуси, огромное сельское хозяйство*.

Абстрактные понятия: *день смеха, задача, ответственность, проблема, мечта, пауза, детство, речь, мудрость, правила, возможность, истории, предложение, вопрос*.

Временное пространство/ геопозиция: *мир, сегодня, обед, год, (сколько) лет, три недели, раз в неделю, тверская область, после рождения, столовая*.

Проблемы: *проблема, ожирение, недостатки, перекус*.

Уменьшительно-ласкательные обращения: *котенька моя, моя дорогая*.

Как показал анализ, только 8% существительных, использованных ведущим, такт или иначе соответствуют заявленной теме.

Исследование лексем-прилагательных показало активное одинаковое употребление относительных прилагательных (не выражающих оценку), например: *невыдуманные (истории), родительские (права), школьная (столовая) личные (переживания), тринадцатилетняя (девочка), короткая (реклама), приемная (мама), первый (прием пищи), семьдесятчетвертый (размер), психологический (вопрос), приемный (отец), мобильный (телефон)* и др.

Исследование лексических единиц (прилагательных и существительных), имеющих эмоционально-оценочные коннотации, привело к выводу о достаточно низком уровне их употребления, тем самым подтверждается концепция программы – ведущему не выражать напрямую оценку происходящего, например: с отрицательной оценкой – *смертельно опасный (вес), самая тяжелая (девочка), смертельные (килограммы), критическая (ситуация)* и т.п.; с положительной оценкой – *прикольная (девочка), здоровое (питание), любимое (блюдо), счастливы (все)* и т.п.

Примечательно, что для характеристики тематических имен существительных, автор использует достаточно мало прилагательных. Если рассмотреть их в общем соотношении всех слов, употреблённых ведущим, то это всего лишь 12% от общего количества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изначально заявленная в ток-шоу тема рассмотрена в полной мере не была, что нашло отражение в лексическом составе реплик ведущего. От нее отошли еще в самом начале, начав говорить о чем угодно (о семье девочки, о школе, об отношениях родственников и т.п.) . Действительно, данное ток-шоу вполне оправдывает свое название «Пусть говорят» – пусть говорят: неважно, о чем и в каких выражениях, говорят все – очевидцы, соседи, дальние и близкие родственники, противники и сторонники, известные политики, лучшие психологи, знаменитости, "звезды" шоу-бизнеса, журналисты, зрители, присутствующие в зале. Но вот о чём?

Как оценивает проблему, участников шоу сам ведущий, практически никак не выражается на лексическом уровне: Андрей Малахов очень аккуратен в выборе слов, Все его отношение видно в основном из интонаций. Порой он может прервать человека, перескакивая с одного на другое, и, в результате, никто не сможет высказать свое мнение. Все это говорит об особом профессионализме ведущих ток-шоу подобного рода, истинной целью которых является поднять рейтинг передачи (или : «сделать рейтинг») любой ценой. На поверхности – тема, сформулированная языковыми средствами так, что по той или иной причине захватывающая аудиторию, в том числе и скандал, всегда привлекающий внимание, видимо, так и было задумано с самого начала, и ведущий отлично справляется с поставленной задачей. О решении проблемы и вообще о проблеме героя в ток-шоу говорится мало, рейтинг программы зависит от ее скандальности.

**Язык СМИ как средство отражения окружающей
действительности
на примере провинциальной газеты «Каменская Новь»**

И. А. Кондратьева, учитель русского языка и литературы
МОУ СОШ №5 им. П.Д. Киселева
г. Каменки

Наш язык – отражение нашей жизнедеятельности, тех процессов, которые происходят в нашей стране. Поэтому особенности языка непосредственно связаны с экономической, политической и культурной жизнью общества. Средства массовой информации освещают проблемы современности, вследствие чего язык газетных текстов вне зависимости от степени локализации выступает как средство формирования взглядов и управления поведением людей. В провинциальном городе, кроме

федеральных и региональных изданий, большой популярностью пользуются местные газеты, поскольку в них прежде всего освещаются те вопросы, которые близки и интересны читателю. Так, в г. Каменке одним из видов средств массовой информации, дающих наиболее полную оценку событиям, является газета «Каменская Новь».

Муниципальная еженедельная газета, выходит дважды в неделю, тираж составляет 8000 экземпляров. На сегодняшний день издание придерживается красно-черно-белого формата.

Газета была основана 23 марта 1930 г. и имела название «Каменский колхозник», первый тираж составлял 3945 экземпляров. 26 октября 1930 г. подписчики получили 1-й номер газеты, отпечатанный в Пачелмской типографии. В декабре 1930 г. начала работать Каменская типография. С 1 января 1957 г. газета называется «Красное знамя». В 1994 г. газета стала называться «Каменская Новь». В настоящее время штат сотрудников составляет 22 человека. На протяжении многих лет журналисты газеты участвовали в различных творческих конкурсах. Коллектив и отдельные работники не раз награждались почетными грамотами, дипломами. В апреле 2008 г. лауреатом Всероссийского конкурса «Экономическое возрождение России» стал корреспондент газеты «Каменская новь» А.А.Пичугин [4].

Сегодня газетный текст в целом являет собой пример взаимодействия нормированного книжного и разговорного языка. Отступления от литературной нормы создают определенную тональность, оценочность, экспрессивность, способствует созданию реалистичности при описании явлений. Через СМИ получают распространение также заимствованные слова, производственные, компьютерные и денежно-финансовые термины. «Среди языковых и стилевых особенностей СМИ можно назвать:

1. Высокую степень стандартизации используемых средств - устойчивые и клишированные выражения, штампы, стандартные термины и названия.
2. Использование экспрессивных слов и выражений.
3. Использование разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики.
4. Использование идиоматической лексики.
5. Необычные газетные заголовки, построенные на игре слов, каламбурах» [5, 254].

Рассмотрим на примере газеты «Каменская Новь» представленные выше языковые характеристики СМИ и выделим особенности языка данного провинциального издания.

Наиболее часто встречающиеся рубрики в газете:

- Новости;
- Здоровоохранение;
- Спорткуррьер;
- Событие;

- Хроника происшествий;
- Образование.

Помимо названий рубрик, которые носят общий характер, есть отражающие отношение к городу, его истории: «Краеведение», «Каменка и каменцы».

Как показал анализ газетных публикаций, в целом применяется общеупотребительная лексика, однако можно выделить некоторые отступления от литературной нормы в провинциальном издании.

Журналистами используется разговорная и эмоционально окрашенная (сниженная) лексика. Авторы нередко употребляют такие слова, как «мытарства» (скитание), «прогулы» (отсутствие на работе), «болячки» (болезни). Причем тематика данной лексики разнообразна. Так, можно выделить следующие тематические группы: криминал («кража «на рывок», попадаются «на удочку»), частная жизнь («бесшабашный», «тянула» детей, «молотил хвостом», «зверье гонять», «нюансы местного пейзажа», выполнять «на ура» обязанности, сотовый «пиликает», «тянуло шашлычком», «блиноеды», «улюлюканье», «частушечники», «посмаковали», «душе было где развернуться»), проблемы ЖКХ (перевели «на индивидуалку», «аварийка», «многоэтажка», освещение «выбили»), спорт («карты» - картинг, «лечат» автомобили), личные достижения («созрела» до областного уровня, «штурмовать», «зажигает» на сцене), образование («дошколята», никто учиться «не тащил», увидеть «изнутри кухню», «ребятня», школьники «зажигают», «кроха», «детка»).

Можно отметить, что использование разговорных слов и выражений помогает авторам материалов выразить в тексте собственное мнение, передать иронию, создать определенный эффект. «Формат издания, направленный на массового читателя, позволяет журналистам использовать разговорную и сниженную лексику, чтобы общаться с читателями на их языке и на более понятном уровне освещать актуальные события» [1, 125].

Отмечено, что во многих материалах используются устойчивые выражения, фразеологизмы: «оттачивали до совершенства», «праздник для души», «глаза загорелись», «от зари до зари», «не лыком шиты», «дома стены помогают», «работать в полевых условиях», «каждый...несет свой крест...», «не сотрется из памяти», «по сердцу пришлась», «глаз не нарадуется», «от звонка до звонка», «больной вопрос», «частичка души», «покорять новые вершины».

Также на страницах «Каменской Нови» можно заметить немалое количество терминов, аббревиатур и заимствованных слов. Такие слова, как «брифинг», «резидент», «бациллярный» не всегда понятны читателю, поэтому авторы употребляют их в совокупности с нейтральными или разговорными словами, таким образом частично пояснив их значение. По тематике используемые термины, аббревиатуры и заимствованные слова также разнообразны:

- Бизнес (арендовать, гранты, консалтинговый, бизнес-инкубатор, ликвидный, веб-сервис).
- Политика (экстремизм, терроризм).
- Экономика (трансферт, бюджет, коррупция, ПФР, ЛКП, НК РФ, Минсельхоз).
- Медицина (контингент, вирус, ЦРБ, рентгенография, субфебрильная температура, диспансер, иммунитет).
- Производство (реконструкция, КИП, ОАО, МОУ ДОД ДООЦ, ООО ПКФ).
- Спорт (ДЮСШ, ЦДТ).
- Правоохранительные органы (ОВД, ГИБДД, ДТП).

Для создания экспрессивных контекстов в районной газете используются такие стилистические приемы, как перифраза, реминисценции, прием столкновения слов с разной стилистической окраской, трансформация фразеологизма, каламбуры различного типа.

Прием перифраза в газетных статьях не получил широкого распространения, однако используется с целью эмоционально воздействовать на читателей: «Блюстители чистоты в оранжевых жилетах». Журналисты, используя реминисценции – «отсылки» к отдельным литературным произведениям, желают привлечь внимание читателя, выразить свое мнение по поводу произошедших событий: «Ловись, рыбка!», «В полицейские пойду, пусть меня научат», «Все работы хороши». Пословицы в публицистическом стиле встречаются редко: «Помни прошлое, оно учитель будущего». Трансформация пословиц в СМИ делает газетный текст более выразительным: «В теле появилась несказанная бодрость, а дух воспрял». Языковые каламбуры с использованием сниженной лексики необходимы для выражения авторской иронии к описываемому событию: «Пили и будем пить!» Таким образом, выразительность публицистической речи достигается за счет экспрессивности, под которой понимаются такие средства, благодаря которым журналист выражает свое субъективное отношение к проблеме.

Итак, исследование текстов муниципальной газеты «Каменская Новь» привело нас к следующим выводам:

1. Чтобы текст был не просто понятен, но и интересен читателю, журналист обогащает его разговорными фразами, терминами, заимствованными словами и устойчивыми выражениями.

2. Главная цель издания – информирование читателей, освещение актуальных проблем. Поэтому для описания различных событий журналистам требуется разный набор словесных конструкций, которые помогут более подробно, ярко и эффективно донести до читателя суть той или иной новости.

Районная газета «Каменская Новь» содержит много разговорных слов, журналисты используют эмоционально окрашенную лексику, для того

чтобы выразить отношение к событию. Издание ориентировано на разновозрастную аудиторию, и использование разговорной лексики также можно объяснить желанием журналистов привлечь внимание каждого читателя, расставить оценочные акценты. Разговорные слова создают имитацию диалога, беседы, а также помогают создать эффект доверительных отношений между читателем и журналистом.

Заимствованные слова и термины помогают сжать информацию, чтобы материал был достаточно информативным. Термины, понятия и англицизмы характерны для экономических и политических материалов. Благодаря штампам журналисты могут создать впечатление абсолютной объективности и беспристрастности.

Литература:

1. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.
2. Каменская Новь: газета Каменского района. – Каменка: Изд-во «ГАУ Пензенской области «Редакция газеты «Каменская Новь», 2013. – №21, 45, 68, 83, 99.
3. Каменская Новь: газета Каменского района. – Каменка: Изд-во «ГАУ Пензенской области «Редакция газеты «Каменская Новь», 2014. – №5, 6, 8, 10, 12, 13, 16.
4. Сайт газеты «Каменская Новь»: novkamen.ru
5. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие. – М.: Флинта, 2007.

Языковые особенности речи спортивного комментатора (на примере речи спортивных комментаторов Дмитрия Губерниева (канал «Россия2») и Владимира Тер-Казарова (11 канал г. Пенза))

И. Д. Корнаухов, учащийся

Научн. рук. – учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 28 О. В. Кавкаева

Спортивная журналистика в нашей стране имеет большие традиции. Старшее поколение помнит имена Николая Озерова, Георгия Саркисянца, Владимира Маслаченко и других комментаторов. Эту эстафету сегодня продолжают Дмитрий Губерниев, Василий Уткин, Виктор Гусев, Владимир Стогниенко и другие теле- и радио обозреватели.

Местные каналы и радиостанции также не оставляют без внимания спортивную тематику. С экранов телевизоров мы слышим голоса Владимира Тер-Казарова, Елены Никитиной, Вячеслава Пономарёва, Анны Малковой, которые ведут свои репортажи со спортивных мероприятий.

Спортивным журналистом №1 в России называют Дмитрия Губерниева, комментатора телеканала «Россия-2». В 2012 году он признан журналистом года по версии Biathlon-Award.

Владимир Арташесович Тер-Казаров – пензенский спортивный обозреватель телерадиокомпании «Наш дом», автор и ведущий программ «Спорт на 11» и «Спорт будни», которому присущи «природный артистизм, нестандартные фишки и индивидуальный подход к каждому».

Для анализа речи Дмитрия Губерниева мы обработали 8 видеозаписей Чемпионатов России, Европы и мира по биатлону 2012- 2013 годов с сайта YouTube, а также 8 он-лайн-трансляций Чемпионата мира 2013 года, где комментировал известный обозреватель.

В лексическом арсенале Дмитрия Губерниева мы находим следующие элементы обращения к зрителям: *дорогие друзья, уважаемые друзья*. На наш взгляд, слово «друзья» употребляется Губерниевым не случайно, так как указывает на близкие отношения, основанные на общности интересов. Часто в речи Губерниева употребляется местоимение **МЫ**, причем под ним могут подразумеваться как говорящий, так и зрители: *«И вновь МЫ в эфире, дорогие друзья», «Красивый, конечно, биатлон МЫ сегодня наблюдаем», «Ветер биатлона гонит нас вперед»*.

Воздействующая функция спортивного дискурса при использовании лексики проявляется, прежде всего, в новизне значений, возникающей благодаря расширению лексической сочетаемости слов. Эта черта непосредственно связана со стремлением выразить мысль броско, экспрессивно. Именно в этом Дмитрий Губерниев превосходит многих телерепортёров.

Слов	Прямое значение	Новое значение
о серебряный	металлический цвет, оттенок серого	серебряная схватка (о борьбе за серебряные медали)
застрелился	убить себя из огнестрельного оружия	застрелился (промахнулся)
театр	место для зрелищ	биатлонный театр

Экспрессивность выражений, употребляемых Губерниевым, достигается широким использованием, с одной стороны, высокой книжной лексикой (*«стабильность в стрельбе, победный дубль»*), с другой – разговорной и просторечной (*«пошуровать, в загиашнике, оплошность, шибко»*), иногда и столкновением лексических пластов (*«комбинация зубодробительная», когорта спортсменов»*).

Среди языковых особенностей в речи Д. Губерниева можно отметить использование **фразеологизмов, устойчивых оборотов, пословиц и поговорок**, которые комментатор обыгрывает в соответствии с ситуацией. Мы разграничили идиомы с положительной и негативной оценкой.

Идиомы с положительной оценкой	Идиомы с отрицательной оценкой
Праздник был и на российской улице	Не бог весть как стреляет
Страна у твоих ног, Ольга Зайцева	Работы невпроворот
Минута без комментатора - это тоже счастье	Никак не может поймать стрельбу

Публицистический стиль обнаруживает себя в речи спортивного комментатора и в области словообразования. Здесь мы отметили следующие образования: «полное *безмедалье*», «старт получился *мажористым*», «*узёхонько* на трассе».

Использование разнообразных средств выразительности продиктовано стремлением к достижению яркости и образности речи. В результате анализа выражений мы определили следующие изобразительно-выразительные средства в речи Д. Губерниева.

Троп	Примеры
Сравнение	Лысый, как бильярдный шарик, шведский спортсмен
Эпитет	Сделать золотой дубль, серебряная схватка
Метафора	Ветер биатлона гонит нас вперёд, бежит время
Гипербола	100 человек на старте, а побеждает Фуркад

С точки зрения синтаксиса для спортивного дискурса характерны восклицательные предложения по эмоциональной окраске и побудительные по цели высказывания. В речи журналиста мы отметили следующие восклицательные предложения: «**Приветствую всех!**», «**Das ist fantasticsh!**», «**Медаль от нас не уйдёт!**», а также побудительные конструкции: «**Ну, стреляй же, стреляй!**», «**Алёша, терпи, терпи!**»

По мнению специалистов, выделяют четыре основных интонационных регистра: Губерниев отдаёт предпочтение регистру «Победа», даже в том случае, когда борьба только начинается.

Отличительной особенностью стиля Д. Губерниева является обыгрывание фамилий спортсменов («*как же он бросается на фуркадовский бастион*» - *Симон Фуркад*»; *Максим стреляет, как одноимённый пулемёт*»- *М.Чудов*, «*Малышко не малыш в гонке*» - *о Д. Малышко*»).

Нами проанализированы 16 архивов передач «Спорт будни» местного 11 канала с сайта PENZAINFORM.RU. с различных соревнований, комментатором которых был В.Тер-Казаров.

Интонационный темп спортивного обозревателя соответствует нейтральному регистру. Комментарии Тер-Казарова отличаются достоверностью, точностью фактов, конкретностью. Композиционные части репортажа традиционны. Во вступлении В. Тер-Казаров приветствует

телезрителей (приветствие традиционно: *«Здравствуйте, дорогие друзья!»*), представляет соревнование, рассказывает об обстановке на стадионе или на площадке, «совершает» экскурс в историю спорта (*«Осень. Время традиционного урожая на турниры по художественной гимнастике», «Мы с вами на хоккее. Продолжаются домашние встречи «Дизеля»*). Отметим типичную фразу комментатора *«мы с вами»*, при помощи которой он стремится создать доверительные отношения между ним и телезритателями.

Для спортивного дискурса характерно широкое использование терминологии. В речи Тер-Казарова мы обнаружили следующие специальные слова: *«батман», «твист», «пируэт* (бальные танцы); *«вбрасывание», «пас», «проброс», «буллит»* (хоккей с шайбой); *«дриблинг» «жёлтая карточка», «положение вне игры», «полузащитник», «нападающий»* (футбол). Умение «быть в теме» говорит о профессионализме телеведущего.

Средства эмоционального воздействия, употребляемые в жанре репортажа, многообразны. К таким средствам выразительности, присущим речи Тер-Казарова, отнесём переносное значение слов и выражений: *«время урожая на турниры», «творцы победы», «здесь сквозит любовь», «чистая тактика»*. Лексический повтор, характерный для языковых особенностей речи комментатора (*«нельзя нарушать, нарушать»; «но сейчас, сейчас-то любо дорого, как действовали в защите»; «надо, надо, ребята»*) концентрирует внимание зрителей на предмете речи.

Яркости речи способствуют устойчивые обороты, фразеологизмы, используемые в дискурсе комментатора: *«любо дорого смотреть», «по большому счёту», «меняется в корне», «процент заброса не выдерживает никакой критики», «львиная доля очков досталась», «не так страшна «Аврора», как её малюют»*.

Для синтаксиса публицистики характерно использование однородных членов (*«пары совершенно разные по настроению, костюмам, танцам», «здесь сквозит любовь, движение»*) вводных слов (*«в целом, в частности»*).

В концовке репортажа обозреватель стремится оставить хорошее впечатление о себе и игре. Традиционно прощание В. Тер-Казарова: *«Это всё, друзья мои!»*

Нами предпринята попытка сопоставить языковые средства, используемые Д. Губерниевым и В. Тер-Казаровым. Сравнивая темп и тембр речи, отметим, что у Д. Губерниева темп речи быстрый, местами убыстрённый в моменты наивысшего напряжения на арене. Интонационный тон В. Тер-Казарова средний, хотя и он стремится выразить эмоции по поводу происходящего. Телекомментаторы профессионально владеют специальной терминологией, характерной для того или иного вида спорта. Есть общее в использовании выразительных средств: это оценочные слова (арсенал таких слов у Д. Губерниева богаче), употребление устойчивых выражений

(несмотря на постоянный состав слов во фразеологизмах, Д. Губерниев переосмысливает их значение, наполняя новым содержанием).

Семантический уровень спортивного дискурса многообразнее у Дмитрия Губерниева благодаря расширению лексической сочетаемости слов, которые он использует в речи. Журналист умело оперирует различными пластами лексики, причём просторечия воспринимаются вполне естественно и логично в контексте речи комментатора.

Отметим, что Д.Губерниев использует различные продуктивные аффиксы для образования новых слов, пополняя тем самым спортивный тезаурус.

Отличительной чертой языковой личности Губерниева является приём обыгрывания фамилий спортсменов. Таким образом, языковые средства, используемые спортивными журналистами, направлены на то, чтобы привлечь внимание к спорту, спортивным состязаниям, быть оригинальными, неординарными, нестандартными при ведении репортажа.

Литература:

1.Аверина О. А. Речежанровые особенности дискурсивной языковой личности спортивного комментатора /Межвузовский сборник научных трудов, Новосибирск, 2001

2.Большой энциклопедический словарь, М., 2009

3.Зильберт Б.А., Зильберт А.Б., Спортивный дискурс: базовые понятия и категории, М, 2001

4.Казеннова О. А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе : на материале спортивных репортажей : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Казеннова Ольга Александровна; [Место защиты: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН].- Москва, 2009.

5.Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я., Телевизионная журналистика, М., 2005

6.Лаптева О.А., Живая русская речь с телеэкрана, М.: «Едиториал УРСС», 2001

7.Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: научная монография / Е.Г.Малышева, Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011.

8.Михайлов С.А., Мостов А.Г. Спортивная журналистика / В.А. Михайлов, А.Г.Мостов, С-Пб., 2005 год.

9.Ромашко С.А. Языки русской культуры, М.: Изд-во МГУ, 1998.

Проблемы журналистики через призму истории

В. В. Костенко, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к. пед. н., доцент Т. В. Стрыгина

Современная журналистика развивается довольно быстрыми темпами, но существует ряд проблем, которые замедляют её движение. Что мешает развитию журналистики сегодня? За ответом мы обратились к авторам прошлых лет, чьи умы были обеспокоены тем же вопросом.

М. В. Ломоносов в работе «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» выдвигает ряд требований, которых должен придерживаться каждый журналист и сегодня: 1. Строгое и правильное разыскание истины. 2. Не позволять примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое – за новое. 3. Не судить о том, чего совсем не понимаешь. 4. Прежде чем браться за написание работы, взвесить свои силы. 5. Изгнать из своего ума всякое предубеждение. 6. Уметь доказать фактом и аргументом выдвинутый тезис. 7. Не спешить с осуждением гипотез. 8. Нет более позорного, чем красть чужие идеи. 9. Детально изучить критикуемое произведение, запасшись опровергаемыми фактами. 10. Не создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве [3].

Н. В. Гоголь в работе «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» обращает внимание на следующую проблему: «Она (критика) должна быть необходимым условием всякого журнала. Даже множество помещенных в журнале статей ничего не значит, если журнал не имеет своего мнения и не оказывает в нем направление, хотя даже одностороннее, к какой-нибудь цели» [2]. Н. В. Гоголь обвиняет журнальную литературу в «бесцветности» и отсутствии «живого журнального движения». Этот тезис автор раскрывает на примере «Библиотеки для чтения», «Телескопа» и «Молвы», изданий «Северная пчела», «Сын Отечества» и др.

В. Г. Белинский в «Ничто о ничем, или отчет г. издателю "Телескопа" за последнее полугодие (1835) русской литературы» утверждает, что настоящих обозревателей нет и не было, что всякая критическая и обозревающая статья превращалась в восхваление того или иного автора. «Народ или общество есть самый лучший, самый непогрешительный критик» – тезис В. Г. Белинского [1]. Значит, каждый критик должен, прежде всего, основываться на интересах общества, а не на личных предпочтениях.

Главные качества публициста, по мнению Н. Г. Чернышевского («Г. Чичерин как публицист»), в следующем: 1) «он выражает и поясняет те потребности, которыми занято общества в данную минуту»; 2) демонстрирует «понимание форм, по которым движется общественный

прогресс»; 3) он должен «вразумлять» общество. Публицист должен остерегаться: «потворства «современному кумиру нашего временного увлечения», искажения фактов; «принимать на веру чужие слова, лишённые положительного смысла»; «преувеличивать все хорошее», «высокомерия приказывать и наказывать». Проблемы публицистики, по мнению Н. Г. Чернышевского, в равнодушии к вопросам, которые излагаются («Более того, излагающие их часто не компетентны в данных вопросах»), в «бесмыслии мысли» [4].

А. П. Чехов в юмористическом рассказе «Два газетчика» представляет журналистов Рыбкина («Начихать вам на головы!»), человека «обрюзглого, сырого и тусклого», и Шлепкина («Иуда предатель»), «живого, веселого, розового» [5]. Автор призывает видеть новое в обыденном, причём такая новость должна быть важной и полезной для читателя. Читатель охотнее обратится к заметке о том, что произошло «за углом», нежели о том, что произошло в жаркой Африке. Таким образом, «неправдоподобным рассказом» автор доводит до читателя правило каждого журналиста – освещать лишь важную, полезную информацию, источник которой хорошо знаком аудитории.

В «Корреспонденте» А. П. Чехов знакомит читателя с Иваном Никитичем, «маленьким старичком в темно-зелёном поношенном сюртуке со светлыми пуговицами». Всё в этом старичке несуразное, гиперболично маленькое и ничтожное: «поднял свои голубые глазки и страшно сконфузился», «замигал глазками и скушал сардинку», «осторожно взялся за рюмку» [5]. Иван Никитич сознательно подавил в себе всяческое проявление уважения к самому себе, к «нолику». Своим поведением корреспондент унижает всякого представителя той же профессии: «Он пыхтел, кряхтел, пищал, страдал, но... блаженно улыбался». Такой же манеры поведения будет ждать «почтенная публика» от всякого журналиста.

Таким образом, писатели, журналисты ещё в XVIII – XIX веках обращали внимание на то, что нужно уважать и ценить свою профессию, возвести в идеал служение истине.

Литература:

1. Белинский В. Г. Ничто о ничем, или отчет г. издателю "Телескопа" за последнее полугодие (1835) русской литературы [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0900.shtml (режим доступа – свободный).

2. Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-156-.htm> (режим доступа – свободный).

3. Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии [Электронный ресурс]. Доступно на: URL:

http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (режим доступа – свободный).

4. Чернышевский Н. Г. Г. Чичерин как публицист [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_1859_chicherin.shtml (режим доступа – свободный).

5. Чехов А. П. Два газетчика. Корреспондент [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0040.shtml (режим доступа – свободный).

Тематические парадигмы лексики в социальных публикациях современных российских журналистов

А. В. Красильникова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор Е. Н. Сердобинцева

Понимание «социального» достаточно широко: оно не сводится исключительно к проблемам социально незащищенных слоев общества, но при этом и не расширяется до бесконечности, ограничиваясь отношениями.

Социальная журналистика – это направление в журналистике, занимающееся освещением социальных проблем и вопросов общества; проблем, связанных с противоречием внутри общества. [1, 7]

Тематика социальной журналистики обширна, для определения ее границ, мы решили исследовать лексику, которую используют журналисты; она складывается в тематические парадигмы.

Тематическая парадигма – это ряд, объединяющий слова одной темы; они не имеют общего родового слова, оно выводится из лексических значений входящих в состав парадигмы слов.

На сегодняшний день направление «социальная журналистика» процветает, появилось большое количество изданий с «человеческим лицом». В своем исследовании мы рассмотрим публикации журналиста Валерия Панюшкина для выделения в них тематических парадигм. Он один из первых российских журналистов начал затрагивать в своих публикациях острые социальные темы. Начинал как сценарист в телевизионной программе «Матадор» на Первом канале, с 1996 г. работал в издательском доме «Коммерсантъ», в 1999—2001 г. вёл на «Нашем радио» вечернее шоу «Клиника 22», вёл постоянную рубрику в «Газета.ру», был шеф-редактором журнала «Gala», работал в журнале The New Times, газете «Ведомости» и журнале «Сноб». В настоящее время ведёт собственную передачу на канале «Дождь». Его экспрессивные и всегда честные материалы будоражат аудиторию и вызывают неизменный интерес и у единомышленников Панюшкина, и у его оппонентов.

В публикации «Триумф безволия» [3] затрагивается проблема усыновления ВИЧ-инфицированных детей. «Парад сиротской гвардии» [2] - о детях-инвалидах, населяющих детские дома, «Поля вечной очереди» - о сложности получения жилья сиротами. Все материалы объединяет тема социальной неустроенности детей-сирот, бесконечные проблемы нормального существования. Помимо того, что эти дети брошены, их положение усугубляет то, что они являются либо инвалидами, либо тяжелобольными. Вследствие этого, мы можем наблюдать тематические парадигмы, присущие двум из трех материалам, которые мы рассматриваем в рамках нашего исследования.

Лексико-тематическая парадигма «**дети-инвалиды**» («Триумф безволия»): «*даунята*», «*ДЦПята*», «*лежачие с позвоночной грыжей*», «*плюсики*», «*хрустальные*», «*бабочки*», «*детушки*». Автор прибавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов к названию болезни (синдром Дауна, ДЦП), создает названия для ребят, страдающих этими болезнями. В этих наименованиях чувствуется забота, сочувствие, понимание, что речь идет о несчастных детях. Уменьшительно-ласкательный суффикс Панюшкин прибавляет и к слову «*дети*», которое использует в материале неоднократно. Стоит отметить профессиональные авторские жаргонизмы. «*Плюсики*» - ВИЧ-положительные малыши, «*хрустальные*» - больные с диагнозом «несовершенный остеогенез» (недуг поражает костную систему, что приводит к частым переломам), «*бабочки*» - дети с буллезным эпидермолизом (кожа этих ребят не прочнее крыльев бабочек). Использование этих профессионализмов дает понять читателю компетентность автора.

Рассмотрим эту же тематическую парадигму в материале «Парад сиротской гвардии»: «*Синие Треугольники*», «*сироты-инвалиды*», «*умственно-отсталые*», «*дети с ДЦП*», «*дети с ВИЧ*», «*дети с синдромом Дауна*», «*спинальники*», «*аплазийщики*», «*челюстно-лицевые*», «*дети с несовершенным остеогенезом*», «*дети с буллезным эпидермолизом*». Несмотря на то, что тематически обе эти публикации схожи, эмоциональный окрас и сама подача материала разительно отличаются, поэтому лексика выбрана автором иначе. Преследуя цель – изображение военного корпуса, состоящего из детей-сирот, многие из которых серьезно больны или вовсе инвалиды, автор отбирает сухую лексику. Тем самым он подчеркивает принадлежность ее к военной тематике. Здесь мы не увидим уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах. Подавая факты как суровую правду, Панюшкин в тематическую парадигму «дети-инвалиды» вносит страшные названия болезней. Среди них мы встречаем еще один профессионализм – «*спинальники*» (дети с грыжей спинного мозга) и удивительно точный и метафоричный неологизм «*Синие Треугольники*». Так журналист называет ребят с пороком сердца; синий носогубный треугольник — его очевидный симптом. Читатель сразу чувствует меткость этого авторского названия.

Лексико-тематическая парадигма **«чиновники»** («Поля вечной очереди»): *«ответственные», «городские чиновники», «законодатель», «мэр», «министерство», «губернатор», «собес»*. Среди этой парадигмы выделяется эмоционально окрашенное слово *«ответственные»*, оно носит негативную окраску и включает в себе авторскую позицию: именно эти люди отвечают за неблагополучие детей-сирот и инвалидов. На их совести погубленные детские жизни.

Та же тематическая парадигма в статье «Триумф безволия» представлена следующими словами: *«депутаты», «подлецы», «злонамеренные мерзавцы», «министерские чиновники»*. Тематика этого социального материала сразу проясняется. В одном ряду с нейтральными названиями чиновников мы встречаем слова с ярко выраженной негативной окраской. *«Подлецами»* и *«злонамеренными мерзавцами»* Панюшкин окрестил власть имущих, не желающих и не способных помочь страдающим детям.

Лексико-тематическая парадигма **«медицинская терминология»** («Триумф безволия»): *«антивирусные таблетки», «вирусная нагрузка»*. В материале «Парад сиротской гвардии»: *«носогубный треугольник», «порок сердца», «эхокардиограф», «умственная отсталость», «грыжа спинного мозга», «внутриутробная операция», «ДЦП», «синдром Дауна», «заячья губа», «волчья пасть»*. Безусловно, рассказывая о проблемах инвалидности детей из детских домов, нельзя обойтись без медицинских терминов. Наличие большого количества таких слов определяется тематической привязанностью к тексту.

После того, как мы рассмотрели общие для данных материалов тематические парадигмы, перейдем к частным. В статье «Парад сиротской гвардии» мы выделили еще одну лексико-тематическую парадигму - **«гвардия»**: *«полк», «колонна», «парад», «шествие», «взвод», «полурота», «рота», «подразделения»*. Представленная парадигма использовалась журналистом для создания художественного образа, заявленного в названии материала. Не случайно автор подбирает слова, связанные с военной тематикой. Панюшкин, услышав по радио выступление писателя Проханова, который предлагал не отдавать сирот в семьи, а «превратить детские дома в образцовые кадетские корпуса» и воспитать из них гвардию для страны, ужасается такой несуразной идее. Журналист живо представляет себе парад этих несчастных сироток, многие из которых тяжелобольные.

«Триумф безволия». Мы выделили тематическую парадигму **«бездействие»**. В нее входят такие слова, как *«злонамеренность»* и *«безволие»*. На первый взгляд эти лексемы ничем не связаны между собой, однако, именно они будут составлять тематическую парадигму - воображаемую шкалу, на двух полюсах которой лежат противоположные по значению проявления одного и того же свойства. Автор в своем тексте объединяет их темой «равнодушие».

Парадигму составляют глаголы, объединенные темой **«принять меры»**: «упростить», «укрепить», «наладить», «углубить». Использование глаголов совершенного вида не случайно, так как именно они указывают на завершенность действия, его результат. Журналист понимает, что процесс усыновления детей – сплошная бумажная волокита, которая не приносит плодов, которая лишь отбирает время, что брошенный ребенок мог бы провести в своей новой семье, назвать наконец-то кого-то мамой и папой. Выбирая инфинитивы глагола совершенного вида, Панюшкин требует завершить бесконечный бумагооборот и создать *правильный* закон об усыновлении.

«Поля вечной очереди». Лексико-тематическая парадигма **«равнодушие»**: «бездействие», «саботаж», «богохульство». В данном случае мы вновь сталкиваемся с противоположными проявлениями одного признака. Панюшкин в построении тематической парадигмы прибегает к приему метафоры. Связь между денотатом и референтом в этом случае осуществляется на уровне ассоциации.

Сегодня социальная журналистика вызывает достаточно активное внимание как теоретиков, так и практиков, стремящихся разобраться в истоках этого явления. Однако однозначная позиция по поводу основных категорий пока не сформулирована. Возможно, в силу молодости и многоаспектного развития феномена социальной журналистики. Для того чтобы прояснить его, мы изучаем тематические парадигмы лексики материалов на социальные темы.

Тематические парадигмы составляют «язык» тем и образов, на котором журналист говорит с читателем и который читатель за время активного пребывания в пространстве социальной журналистики начинает запоминать. Выводы, сделанные на основе исследования парадигм социальных материалов, помогут разобраться в размытом и абстрактном на данный момент понятии «социальная журналистика».

Литература:

1. Даниленко Г. И. Социальная журналистика и социальные сети. – Симферополь, 2012. – 114 с.
2. Панюшкин В. В., Парад сиротской гвардии // Сноб. – 2013. <http://www.snob.ru/selected/entry/56057>
3. Панюшкин В. В., Триумф безволия // Сноб. – 2013. <http://www.snob.ru/selected/entry/64322>

Суффиксы существительных со значением лица в современном русском языке

М. М. Кривцова, И. В. Сараева, студентки
Пензенский государственный университет
Науч. рук. – к.филол.н., доцент Г. К. Касимова

Словарный состав языка постоянно пополняется, причём одни его сферы изменяются быстрее, а другие – медленнее. В зависимости от сферы функционирования языка представлены и различные способы образования слов. Данная работа посвящена анализу существительных со значением лица в нейтральной лексике, СМИ и молодежном жаргоне.

Цель исследования – выявить наиболее продуктивные способы словообразования и словообразовательные средства в разных сферах языка в сопоставительном аспекте.

Объектом нашего исследования послужили региональные газеты города Пенза, «Словарь молодёжного сленга: Так говорит молодёжь» Т. Г. Никитиной, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Анализ лексических единиц, относящихся к **нейтральной** лексике, показал, что наиболее часто употребляемы имена существительные с суффиксами, выражающими значение «лицо – производитель действия» или «лицо, названное по роду деятельности». Это можно объяснить тем, что язык тесно связан со всеми сферами деятельности человека, а изменения, происходящие в обществе, влияют на образование слов и язык в целом.

Наиболее продуктивными суффиксами в нейтральной лексике предстают суффиксы **-щик-, -тель-/-итель-, -ник-/-ик-, -атор-, -ист-**: *- подписчик, разносчик, наборщик, газетчик* (13 слов); *учитель, искатель, победитель, спаситель, получатель* (10); *кадровик, завистник, механик, академик, политик, неудачник* (13); *пропагандист, связист, массажист, шантажист, экономист, журналист* (12); *ликвидатор, оператор, реставратор, губернатор, реаниматор* (6).

Из 94 проанализированных существительных, функционирующих в **СМИ**, 15 (пятнадцать) образовано с помощью продуктивного суффикса **-тель-** со значением «лицо, занимающееся той или иной деятельностью»: *председатель, заместитель, зритель, изготовитель, исполнитель, обыватель, писатель, покупатель, представитель, руководитель, следователь*. Остальные суффиксы *nomina agentis* в процессах словообразования менее продуктивны.

Особое место в системе словообразования занимает морфологосинтаксический способ, в частности, субстантивация прилагательных и причастий: *ведущая, желающий, дежурный, встречающий, проходная, проходящий, пострадавший, военный, приглашённый, наблюдающий* и

др. Это самый распространённый способ образования слов в публицистике, т. к. одной из характерных черт СМИ является экономия языкового материала при обозначении различных явлений и понятий.

Из 100 слов, извлеченных из молодежного жаргона, 39 образованы суффиксальным способом. Больше всего существительных со значением имен деятеля образованы с помощью суффиксов **-ик-/-ник-** (10) и **-чик-/-щик-** (5), на третьем месте по продуктивности суффикс **-ист-** (4), также встретились по 2 слова с суффиксами **-ух-**, **-ер-** и **-ан-**: *-ик-: атакник, аихлорик, беспрайсовник, бесплатник, бухларик, бээфник, нарезник, нычник, оттяжник, псевдюшник; накольщик, обломщик, подучётчик, понтярщик, пыхальщик; воспитуха, олдуха, подружаса; наивняк, неврубант* и др.

Значительная часть *nomina agentis* (61) образована лексико-семантическим способом, при котором новое слово со структурной точки зрения не возникает, появляется лишь новое значение. Например:

Абитуриент – (шутл.) человек, собир. выехать за границу на постоянное место жительства.

Автор – авторитет

Аидас – студент третьего курса военного училища.

Академик – студент, находящийся в академическом отпуске.

Али-баба – (шутл.) директор школы

Амёба – учительница зоологии и биологии

Следует отметить, что слова, образованные приставочным способом встречаются довольно редко. В нашей выборке они отсутствуют.

Таким образом, и в нейтральной лексике, и в СМИ продуктивным является суффиксальное словообразование, в особенности, суффикс **-тель-**. Суффиксальный способ в образовании существительных со значением лица также продуктивен в молодежном жаргоне, при этом наиболее распространённым предстает суффикс **-ик-/-ник-**, менее регулярен, но также довольно часто встречается суффикс **-чик-/-щик-**.

В СМИ продуктивен и морфолого-синтаксический способ (субстантивация), он характерен для 25 из 94 слов.

В молодежном жаргоне наиболее продуктивен лексико-семантический способ (61 слово).

Языковая игра в заголовках журналов

М. М. Кривцова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Одним из наиболее эффективных приёмов создания заголовка является языковая игра, или игра слов – стилистический оборот речи, основанный на принципе смыслового объединения в одном контексте разных значений одного слова, однозвучности или подобия звучания при имеющемся

смысловом различии. Несмотря на большое количество исследований языковой игры в разных типах текста, интерес к использованию данного приёма остаётся постоянным в современной лингвистической науке. Особое внимание заслуживает языковая игра в дискурсе масс-медиа, в частности в заголовке, т.к. функциональный эффект игры слов обусловлен ее прагматической направленностью, а заголовок в концентрированной форме выражает основную прагматическую направленность текста.

Актуальность данного исследования заключается в новизне фактического материала, поскольку именно сейчас назрела необходимость провести исследования в области медийных изданий.

Лексико-фразеологический состав печатных СМИ (в первую очередь – заголовков) наиболее ярко отражают особенности словарного состава русского языка, в том числе его новейшие изменения – семантические и функциональные. Заголовок – обязательная структурно-композиционная категория любого газетного текста, выполняющая целый ряд функций [7]. Языковая игра в заголовке содействует реализации таких функций, как номинативная (заголовок называет, обозначает текст); информативная (активизирует работу читательского мышления через возбуждение интереса, сообщая что-либо); рекламная (привлекает произвольное внимание к тексту статьи); оценочно-экспрессивная (участвует в формировании эмоционального воздействия на читателя); стилистическая или аттрактивная функция (заключается в создание стилистических текстовых эффектов).

Сегодня лингвистика выделяет две основные разновидности игры слов. В качестве основы функционирования первой лежит принцип смыслового объединения в одном контексте разных значений одного слова (на основе полисемии) и принципа однозвучности или подобия звучания при имеющемся смысловом различии (В. В. Виноградов, В. С. Виноградов, В. З. Санников, Хайберт, Хаусманн, Райнерс, Теча) [8]. В соответствии с последним принципом различают четыре вида игры слов, строящейся на основе: омонимии, омофонии, омографии, паронимии. Сюда же относится также паронимазия (намеренное фонетическое и графическое сближение неродственных слов).

Целью исследования было определить виды языковой игры, представленные в заголовках современных глянцевого журналов, а также установить, какие типы заголовков, основанных на языковой игре, являются наиболее распространёнными.

Материалом для исследования послужили заголовки – названия статей журнала «COSMOPOLITAN» за 2011 – 2013 гг., в которых использовались приёмы языковой игры (100 единиц).

Анализ языкового материала показал, что в заголовках журнала «COSMOPOLITAN» языковая игра представлена достаточно широко. Её функция, с одной стороны, максимально лаконично выразить содержание текста, при этом основную нагрузку несёт лексическая семантика входящих в

заголовок слов и их комбинаций. С другой – привлечь целевую аудиторию, заинтересовать потенциального читателя, т.е. учесть целый ряд экстралингвистических факторов, таких, как "публицистический менталитет", особенности национального характера аудитории, различия в культурной и политической ориентации и др. В этом случае особую роль играет коннотативное значение лексем, создающее круг необходимых автору (и соответствующих концепции журнала) ассоциаций.

В ходе исследования удалось установить, что большинство заголовков основаны на принципе однозвучности или подобия звучания при имеющемся смысловом различии 99 % (омонимы – 1%, омографы – 1%, омофоны – 9%, паронимы – 88%). Для создания языковой игры были использованы:

- нарицательные существительные, созвучные с именем собственным – «Бэби-Блум»; «Гера, надежда, любовь»; «Гранд-Опра» и т.п. (13%);

- выделение части одного слова в составе другого: «Сильное разВЛЕЧЕНИЕ»; «РАСТИтельная история»; «Рыбное дефиле» и т.п. (20%);

- неологизмы: «Комплиментарно, Ватсон!»; «ПсихоЛогика»; «Сыр-реализм» и т.п. (18%);

- метаграммы – слова, различающиеся одной буквой (звуком): «Блог-схема»; «Брошь - цена твоей любви»; «Вот это дао» и т.п. (54%).

Необходимо заметить, что использование метаграмм является наиболее распространённым приёмом создания заголовков в журнале «COSMOPOLITAN», при этом используемые слова обязательно «оживляют» в сознании реалии, актуальные для читателя данного издания (т.е. авторы стараются учитывать интересы и вкусы целевой «гламурной» аудитории, которой важно чувствовать себя модной, современной). Например, заголовок «**НАЛИЧный расчет**» предваряет интервью с известным певцом, по имени Петр Налич; заголовок «**СКРАСить офисные будни...**» Именно так назывался заголовок статьи, в которой говорилось, что сочетание красного с телесными оттенками не наскучит, даже если будешь носить его каждый день.

Особо необходимо выделить тенденцию использовать в игровых заголовках иностранных слов или написание латиницей как реализацию любви ко всему иностранному, свойственной менталитету целевой аудитории журнала: например, заголовок «**Хорошо greyet**», о рекомендации выбрать одежду в серых цветах; заголовок «**Таинные места**» с предложением посетить Таиланд и т.п.

Как показал анализ, наиболее частотными в исследуемом издании являются игровые заголовки, языковая игра в которых создана с помощью интертекстуальности – использовании прецедентных текстов. Интертекст – строчки из известных песен, анекдотов и другие известные отрывки из текстов, некоторым образом видоизмененные, но узнаваемые: «**Жилет на балет**» (о речь жилет как универсальном виде одежды, в названии статьи замаскирована песня Игоря Корнелюка «Билет на балет»); «**Мех без**

правил»(ссылка на название известной телепередачи на канале ТНТ «Смех без правил», в статье же говорится о меховых жилетах) и т.п.

Классификация игровых заголовков для определения мотивации выборапрецедентного текста позволила выявитьисточники:1) речевые штампы и устойчивые выражения, 2) литература, фольклор, кинематограф и другое творчество, 3) праздники, 4) военное дело, 5) публицистика и телевидение.

В ходе исследования установлено, что источником большинства игровых заголовков послужили речевые штампы и устойчивые выражения – 68 % («*Вамп и не снилось!*», «*Ведёт же!*», «*За это я вручаюсь!*», «*КиШ отсюда*», «*С какой страны посмотреть?*» и т.п.). Для значительной части заголовков источником послужили литература, фольклор, кинематограф и другое творчество –24 % («*Жилет на балет*», «*Иду на «Вий»*», «*Капитан Флирт*», «*В главных ролях*», «*Вместо встречи*»,«*Декретные материалы*», «*Комплиментарно, Ватсон!*» и т.п.).Меньше представлены (но не менее интересны) заголовки, использующие названия праздников – 5 % («*День де Сантника*», «*Классный день календаря*», «*Пир, Труд, Май*», «*С первым майя*»,«*Тень независимости*» и т.п.), а также выражениями из военной сферы – 2 % («*Ночка возврата*», «*Оманный манёвр*» и т.п.) или связанные публицистикой и телевидением – 6 % («*Девушка с обложкой*», «*Мех без правил*», «*Прогноз на годы*», «*Счастлива вместо*» и т.п.).

Итак, анализигровых заголовков журнала «COSMOPOLITAN» позволил сделать следующие выводы:

1) наиболее распространённым заголовком в исследуемом издании является игровой заголовок (т.е. созданный с помощью языковой игры);

2) в основе языковой игры рассмотренных заголовков лежит использование разных видов омонимии и паронимии (опора на ресурсы языка) и прецедентных текстов (опора на фоновые лингвистические и экстралингвистические знания);

3) основным средством создания языковой игры в заголовке исследуемого издания является использование (обыгрывание) прецедентных текстов в качестве наиболее эффективного способа привлечения читательского внимания к информации. По мнениюбольшинства исследователей,этот способ создания языковой игры сегодня является наиболее популярным в современном медиа-пространстве.

Литература:

1. БлисковскийЗ.Д. Муки заголовка. 1981
2. Воронцова Ю.А. Языковая игра в текстах средств массовой информации. Екатеринбург, 2006
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

4. Дьяченко Л.И. Игровые элементы в языковом пространстве СМИ. Екатеринбург, 2006.
5. Мельцер - Евстратова С. Газетный заголовок как средство выражения авторской установки . 1999.
6. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры, М., 1999
7. Симановская К. И. Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение//Аттрактивная функция заголовков в газетном дискурсе
8. URL: <http://www.cosmo.ru>
9. URL:<http://reklama.rezultat.com>
10. URL:<http://slovari.yandex.ru/>
11. URL:[http://wikipedia.ru /](http://wikipedia.ru/)

Причина смеха по данным языка (на материале ассоциативного эксперимента)

Н. С. Куприянова, ст. преподаватель
Пензенский государственный университет

Почему мы смеёмся? Ответ на это вопрос обычно вызывает раздумья, объяснить причину смеха бывает трудно людям любого возраста и уровня образования, хотя сам смех, возникающий («вспыхивающий») мгновенно, представляет собой автоматическую реакцию человека на некий внешний или внутренний стимул. Как известно, поведенческие реакции, с учётом их субъективной составляющей, во многом основаны на этнических, социальных гендерных и др. стереотипах, представления о которых надёжно сохраняются в языке, находят отражение в национальной языковой картине мира. Вербализация концептов в языке и речи (а концепт «Смех», безусловно, принадлежит к таковым), их ассоциативно-вербальная репрезентация дают возможность определить содержание, характеризующее национальный ментальный образ смеха, установить традиционные модели поведения, отражённые в русской языковой картине мира, а также дополнить содержание лексического значения лексем – номинаций смеха *смеяться* и *улыбаться*.

Предметом статьи является рассмотрение особенностей ассоциативно-вербального слоя концепта, содержащего информацию о причине возникновения смеха, в частности, анализ ассоциативно-вербальных полей, связанных со стимулами *смеяться почему?*, *улыбаться почему?* Т.е. целью было установить, почему, по данным языка, возникает смех. В качестве материала исследования выступают фрагменты ассоциативно-вербального поля концепта *смех*, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента, в котором участвовали 1000 человек в возрасте от 17 до 25

лет. Методика эксперимента подробно описана в предыдущих работах автора [и др.].

В структуре словарного лексического значения лексем – номинаций смеха –причинная (как и целевая) составляющая выражена лишь опосредованно: смех – психофизиологическое выражение эмоций и чувств в той или иной коммуникативной ситуации. Причина, стимул любого действия или реакции, по данным словарей, понимается как «то, что вызывает другое явление, предопределяет его появление или возникновение и обуславливает его развитие» [5], как «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления; основание, предлог для каких-н. действий» [4, 593]. Безусловно, заслуживает внимания тот факт, что в качестве иллюстративного материала к словарным статьям разных толковых словарей приводятся примеры типа *Смеяться без причины; Рассмеялся без всякой видимой причины* и т.п., указывающие на отражённые в русской языковой картине мира представления о том, что причина смеха не только осознаваема, и важна для осознания. Это подтверждается также и популярной русской пословицей *Смех без причины – признак дурачины*.

Основные количественные показатели ассоциативно-вербального поля причины смеха, характеризуются рядом важных показателей: 1) показатель актуальности – общее количество реакций на стимул, среднее количество реакций на стимул, круг сочетаемости; 2) показатель вербальной устойчивости концепта – уровень стереотипности в рамках грамматической модели. Уровень стереотипности реакций характеризуют следующие показатели: а) процент, который от общего количества реакций составляет самая частая реакция (частотность), б) среднее количество разных реакций на предъявленный стимул (количество разных реакций / количество испытуемых). Обратная сторона уровня стереотипности – коэффициент разброса, под которым понимается соотношение минимального и максимального показателей стереотипности: чем выше уровень стереотипности, тем ниже коэффициент разброса.

Рассмотрим фрагменты ассоциативного поля причины смеха подробнее.

Смеяться (почему?). Количество реакций: 1107. Количество разных реакций: 312. Среднее количество реакций на стимул: 1. 11. Уровень стереотипности: 9, 30 % (максимальная частотность ***от радости*** – 103 реакции).

Улыбаться (почему?). Количество реакций: 882. Круг сочетаемости (количество разных реакций): 363. Среднее количество реакций на стимул: 0, 88. Уровень стереотипности: 8, 96 % (максимальная частотность ***потому что хорошее настроение*** – 79 реакций).

В грамматическом отношении ассоциаты, вербализующие причину смеха, представляют собой наречия и безличные предикативы (*просто так,*

просто весело, просто смешно и т.п.), часто сопровождающиеся определительными частицами;

имена существительные с причинными предлогами *из-за, из, от, по причине* (*из-за/от хорошего настроения, от удовольствия, из-за психического расстройства, от неожиданности, от досады* и т.п.);

придаточные причины с союзом *потому что* (основной массив ассоциатов причины) и *так как* (*потому что смешно, просто потому что хочется смеяться, потому что рассмешили, потому что смешная история, потому что весело* и т.п.).

В ходе анализа исследуемого фрагмента ассоциативного поля были выявлены признаки, характеризующие представления обыденного сознания о причине смеха, назовём наиболее яркие из них.

1. Основной причиной смеха, по мнению русских, является состояние, обусловленное положительными эмоциями, что отражено как в наиболее частотных ассоциативных реакциях *смеяться от радости, улыбаться, потому что хорошее настроение*, так и в других высокочастотных ассоциатов ядерной зоны поля: *смеяться/улыбаться из-за хорошего настроения, по причине хорошего настроения, потому что весело (от веселья), потому что развеселили, просто весело, просто от радости (потому что радостно)* и т.п.

Однако на периферии поля достаточно разнообразно и регулярно получает экспликацию связь смеха и с негативными эмоциями: *смеяться/улыбаться (почему?) от горя (с горя), от боли, от грусти, от досады, от несчастья, от неудачи, от безысходности (безнадежности, от безысходности положения, от безысходности ситуации), от бессилия, от обиды, от неловкости* и т.п.

2. В целом неосознанный характер причины смеха является вторым важным когнитивным признаком концепта «Смех», вербализованным в ассоциатах: *смеяться/улыбаться просто так; без повода; без причины; беспричинно; когда я смеюсь, я не задаю себе таких вопросов; просто потому что хочется смеяться* и т.п.

В языковой рефлексии участников эксперимента наблюдается также типичная для обыденного сознания трансформация логических причинно-следственных связей, что в частности находит отражение в ассоциатах типа *смеяться/улыбаться потому что смешно 91; потому что смешная (хорошая, остроумная, веселая) шутка, от шутки 42; потому что смешная (комичная 1, нелепая 2) ситуация 15; потому что смешной (веселый) рассказ (история 2) 8, потому что смешная история 2; потому что смешной анекдот 22; потому что смешной (странный, забавный 2) случай 7; потому что смешная мысль 1; потому что смешно и весело; потому что смешной поступок; потому что смешной разговор; потому что смешной фильм, потому что развеселили, потому что рассмешили* и т.п.

Н.Д. Арутюнова считает, что квазиобъяснения типа *Смеюсь, потому что смешно, (фильм, анекдот, поступок, человек и т.п. смешной)* вообще свойственными обыденному мышлению. При этом ссылаясь на общепринятость, замена логических отношений «каузального типа их фиктивными аналогами, представляет собой, как кажется, характерную черту обыденной речи» [1, 48].

Ассоциаты такого рода дают основания не только отметить подтверждение общих тенденций обыденного мышления, но и сделать вывод о том, что же в обыденном представлении должно служить причиной смеха – это восприятие и оценка разнообразных компонентов коммуникации, в первую очередь речевой: *смешной рассказ или история, разговор; «специализированные» речевые жанры (например, анекдот, смешная (хорошая, остроумная, веселая) шутка* и т.п.).

Парадоксальность феномена смеха заключается в том, что хотя, по данным эксперимента, он большей частью является неосознанной реакцией, но может быть и вполне осознанным коммуникативным действием. Так, в ассоциативных полях причины смеха, правда, на периферии, это находит подтверждение в ассоциатах *смеяться/улыбаться (почему?) за компанию, потому что все смеются (засмеялись), из-за вредности, потому что необходимо, потому что вынужден* и т.п.

3. Наконец, такой когнитивный признак смеха, как связь его с «глупостью», также устойчиво проявляется в ассоциативно-вербальном поле причины смеха: *смеяться/улыбаться от/из-за глупости; от великой глупости своей; от безумия; из-за психического расстройства; потому что дурак* и т.п. Стоит отметить, что данная корреляция (смех – глупость (дурак)) носит архетипический характер и отражена в старинных русских пословицах и поговорках: *Смех без причины — признак дурачины, Дураку все смешно; Дураку все смех на уме; Где умному горе, там глупому смех* и др.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

2. Куприянова Н.С. Языковая репрезентация смеха и смеховых состояний в русском языке // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – 2007. – № 4. – М: Изд-во МГОУ, 2007. – С. 61 – 64.

3. Куприянова Н.С. Отражение в русской языковой картине мира представлений о цели смеха – невербального средства коммуникации / Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (24). – С.114–123.

4. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. 2002.

5. Причина // Философский словарь. URL: <http://slovaronline.ru/word/философский-словарь/причина.htm>

6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2007.

Роль СМИ в освещении этнических конфликтов

Ж. Б. Кутпанбаева, специалист
Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Глобализация информационных процессов и всеохватность информационных потоков, стремительное развитие и увеличение объемов влияния аудиторий телекоммуникационных сетей ознаменовали собою конец XX века. Эти факторы дали основания ученым (футурологам, социологам, философам) утверждать, что на смену индустриальному обществу, где ведущую роль играло производство, и промежуточной постиндустриальной стадии (для постсоветского пространства более приемлем термин деиндустриализация), где рядом с производством важную роль играет сфера услуг, идет новое — информационное общество, для которого приоритетной является сфера массовых коммуникаций. Уже сейчас информационные технологии стали мощнейшей производственной силой: например, сегодня 90% капитала переходит от собственника к собственнику с помощью электронных коммуникаций, а потенциал некоторых информационных корпораций больший, чем у отдельных государств. Показательным выступает пример компании «Microsoft», которая со своими капиталами приблизительно в \$500 млрд. опережает экономические показатели, скажем, Испании. Немецкий философ Шпенглер еще в начале XX века предусматривал небывалое возрастание роли информации в жизни общества. В работе «Сумерки Европы» он писал: «В ближайшем будущем три или четыре мировых газеты будут направлять мысли провинциальных газет и с их помощью — «волю народа». Все будет решаться небольшим количеством людей, контролирующими эти газеты, имена которых возможно даже и не будут известны, однако огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов, будет поддерживать в низших прослойках общества иллюзию народного самоопределения». Следует отметить, что О. Шпенглер в то время не предусматривал развития электронных СМИ — тогда его прогнозы, наверное, были бы еще смелее. Ведь именно развитие телекоммуникаций выступает определяющим фактором информационного общества. То, сколько времени занимает, и какое значение имеет просмотр телепередач для среднестатистического европейца, позволяет утверждать, что телевизор — главная икона нашего времени. Коммуникационная сфера вообще и СМИ в частности всегда были активными участниками вооруженных конфликтов. В этом контексте весьма символически выглядит факт, ставший 60 лет назад поводом для второй мировой войны — нападение на радиостанцию в Глейвице. Историки отмечают, что Б.Муссолини, по мнению его же

сотратников, при планировании военных операций больше внимания уделял тому, какие заголовки появятся в газетах, чем воинской целесообразности. Однако во второй мировой войне испытали поражение именно те государства, у которых достижения в информационно-пропагандистской сфере были наиболее убедительными. Использование СМИ в то время имело сравнительно небольшое значение для военного успеха. В наше же время даже возникновение таких понятий как «информационная война», «медиа-агрессия», «информационная безопасность» свидетельствует не только о тесной связи масс-медиа с конфликтными ситуациями, но и о том, что в конфликтах современности борьба на информационном поле не менее важна, чем непосредственно военные действия. Если до недавнего времени война влияла большей частью на информационную сферу, в частности, на журналистику (например, первая мировая война стала стимулом для появления и развития в США аналитической журналистики, так как американцы не могли понять, каким образом убийство эрцгерцога Фердинанда послужило причиной такого конфликта), то в последнее время наблюдается обратная связь, причем как на макро- так и на микроуровне.

В наше время СМИ играют все большую роль как в решении конфликтов, так и непосредственно в их ходе. «Сегодня в развитых государствах любое действие невозможно без соответствующей информационной подготовки. Войны должны выглядеть справедливыми, враг — жесточайшим, собственные воины — настоящими героями» [Г. Почепцов]. Современные войны — это, прежде всего, вооруженные политические демонстрации. И демонстративный момент в них не менее важен, чем собственно момент применения оружия. Вообще, пропаганда срабатывает только тогда, когда люди ходят по колено в пропаганде. Журналисты давно стали третьей стороной едва ли не каждого вооруженного конфликта, и от того, какую сторону СМИ склонны поддержать, в значительной мере зависит его результат. Ученые, которые исследуют влияние информационных процессов на ход современных вооруженных конфликтов, отмечают: «Политические, идеологические и геополитические взгляды формируются у значительной части общества исключительно на основе телекоммуникаций. Медиа-образ фактически является атомарным синтезом, в котором сосредоточено сразу несколько подходов — этнический, культурный, идеологический, политический. Информационный репортаж из какой-нибудь горячей точки, о которой ничего не известно, например, жителю Капитолия, должен за кратчайшее время представить географический, исторический, религиозный, экономический, культурный, этнический профиль региона, а также расставить акценты согласно узко заданной политической цели.

Глобализация информационной сферы приводит к власти не сверхдержавы, а транснациональные медиа-империи, которые создают реальность под себя и манипулируют сознанием масс на собственное

усмотрение. Немало исследователей говорит об отрицательном влиянии масс-медиа (в особенности, электронных) на реципиента. Директор Института исследований психического здоровья Мичиганского университета д-р. Джеймс Дж.Миллер утверждает, что перенасыщение человека информацией приводит к разбалансированию мыслительной деятельности и может быть связано с разнообразными формами психических заболеваний. А философ Герберт Маркузе уделяет телевидению одну из главных ролей в навязывании человеку «ошибочных потребностей», в трансформации полноценной личности в «одномерного человека». Еще дальше пошли писатели-фантасты и утописты, которые моделируют тоталитарные системы будущего. «451 по Фаренгейту» Рея Бредбери, «1984» Джорджа Оруэла показывают, насколько большим является значение телевидения в современном репрессивном государстве. В этих произведениях электронные СМИ выполняют функцию контроля и навязывания стереотипов. Эта тенденция подчеркивания отрицательной роли СМИ в литературе в последнее время заметно прогрессирует. Так, если писатели 1950-80-х годов отводили телевидению лишь роль инструмента контроля населения репрессивной властью, то, например, в романе Виктора Пелевина «Generation «П» (1999 г.) телевидение уже является полностью самодовлеющим, и уже политика становится его инструментом — медиаструктуры сами моделируют политическую реальность. Следует учитывать, в каких реалиях появился роман: российская действительность создала весьма благоприятную почву для возникновения такой литературной выдумки. Выборы президента России в 1996 и 2000 годах показали, насколько сильным является влияние электронных СМИ на реципиента. В 1996 году больной, непопулярный из-за катастрофической экономической ситуации и фактически проигранной чеченской войны президент Ельцин, рейтинг которого в начале президентской кампании был очень низким (менее 8%), благодаря массовой агитации в СМИ сумел добиться переизбрания на второй срок. В 1999-2000 годах теми же СМИ и тоже фактически на пустом месте был создан высокий рейтинг его преемника. «В наше время люди узнают о том, что они думают, по телевизору. Поэтому, если ты хочешь купить пару улиц и не иметь после этого бледный вид, надо сначала сделать так, чтобы над ними торчала твоя телевышка», — говорит один из персонажей «Generation «П».

Если говорить непосредственно о роли СМИ в освещении этнических конфликтов, то без сомнения, именно средства массовой информации осуществляют массовое воздействие на формирование толерантного или конфликтного этнического сознания общественности, и в результате — на формирование межэтнических отношений.

Сообщения в СМИ изначально делят общество на сторонников и противников обсуждаемых жизненных межэтнических проблем. Более того, технологии и приемы освещения подобных процессов в материалах средств

массовой информации зачастую излишне волнует массовое этническое сознание, нередко умышленно затрагивая этнические чувства и интересы населения. Все это может вызывать заметное противодействие у контактирующих групп. Таким образом, с помощью СМИ складываются массовые отрицательные межэтнические установки, распространяются массовые этнические предубеждения, и в результате усиливается ксенофобия и повышается межэтническая напряженность в обществе.

Как известно, СМИ часто распространяют искусственно разработанные этнические образы, мифы, идеи, ценности, имеющие нередко эмоционально-нормативную окраску, и как результат могут формировать такие чувства, как этническое достоинство, гордость, обиду, страхи.

Этнические конфликты зачастую выходят за рамки противоборства между этническими группами, перерастая в вооруженные столкновения и даже войны. Так начинались “чеченские войны”, афганская война и многие другие. Здесь битва разворачивается не только на поле боя, но и в информационном пространстве. В данном контексте СМИ в целом, и этническая информация в частности, становятся грозным оружием.

Подытоживая, хотелось бы сказать, что роль СМИ в освещении этнической информации огромна и достаточно неоднозначна. Имея в своем распоряжении механизмы и техники влияния на общественное мнение, СМИ могут спровоцировать этнический конфликт, могут способствовать его эскалации, а могут погасить. Именно поэтому данный вопрос является настолько важным для изучения, а проблема освещения этнических конфликтов в СМИ настолько острой и актуальной.

Литература:

1. Большая психологическая энциклопедия. – М.: ЭКСМО, 2008.- 476 с.
2. Мельников М.А. Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: Права человека, 2006.- 52 с.
3. Корконосенко С.Г. Теория и практика средств массовой коммуникации: Учебн. пособие. - СПб: СПбГЭТУ: ЛЭТИ, 2009. - 68 с.
4. Sparks C. The Popular Press and Political Democracy // Culture and Power. A Media, Culture and Society Reader / ed. by P.Scannell. London: Thousand Oaks, 1994. - P.278-292.
5. Корконосенко С.Г. Теория и практика средств массовой коммуникации: Учебн. пособие. - СПб: СПбГЭТУ: ЛЭТИ, 2009. - 69 с.

Стажировочная площадка как эффективное средство самоанализа работы учителя

О. Ю. Ладанова, к.пед.н., доцент,
учитель МБОУ СОШ № 69 г. Пензы

В январе 2013 г. постановлением Правительства РФ был утвержден «Профессиональный стандарт педагога», в котором как одно из основных выдвигается требование «демонстрировать знание предмета»; уметь планировать и анализировать учебную деятельность [1, 9]. В связи с этими требованиями становится актуальной проблема самоанализа работы учителя. Одной из эффективных форм обучения самоанализу является стажировка.

В рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. по направлению «Распространение на всей территории Российской Федерации моделей образовательных систем, обеспечивающих современное качество общего образования» [2, 42] в городе Пенза по инициативе Управления образования через МКУ НМЦ создана сеть предметных стажировочных площадок. Стажировочная площадка — это действующая базовая школа, в которой проходят стажировочные мероприятия под патронажем специалистов высшей школы (супервизия). Важнейшими направлениями работы являются повышение профессионального мастерства посредством взаимообмена опытом работы, организации работы по самоанализу работы учителя, которые в режиме стажировки носят практико-ориентированный характер и потому эффективны, позволяют быстро и качественно транслировать образовательные модели и навыки.

В 2013 – 2014 учебном году МКУ НМЦ города Пензы организовал стажировочную площадку «Способы решения тестовых заданий ГИА базового и высокого уровня сложности» на базе МБОУ СОШ № 69 г. Пензы. Стажировочные мероприятия готовит супервизор (от англ. *Supervisor* — администратор—осуществляет действия: инструктирует работников; несет ответственность за результаты их работы и др.). Им же разработана программа стажировки, предназначенная для учителей русского языка и литературы, осуществляющих подготовку к ГИА, которая устанавливает минимальные требования к знаниям и умениям, определяет содержание и виды учебных занятий и отчетности стажера. Целью стажировки является передать методический опыт решения тестовых заданий ГИА, научить стажеров практически эффективно применять основные способы их решения. В результате изучения дисциплины стажер должен **знать** основные методические подходы к решению тестовых заданий ГИА, такие как алгоритмизирование, моделирование, прогнозирование, синтезирование, анализ, использование мнемонических приемов, методов подстановки и **уметь** их представить; уметь использовать основные способы решения тестовых заданий ГИА для повышения эффективности обучения [3, 87]. Определены последовательность и содержание занятий стажировочной площадки [4, 91], последовательность выступлений стажеров. Запланирована также заочная и индивидуальная работа. По окончании занятий выдается свидетельство о прохождении стажировки при условии выполнения зачетной работы, связанной с самоанализом работы учителя, -

выступления на занятии, защиты проекта, участия в научно-практической конференции. Информация о работе стажировочной площадки (план, проспекты занятий, статьи участников конференции, видеоролик) размещена на официальном сайте МБОУ СОШ № 69 г. Пензы.

Содержание занятий определено названием стажировочной площадки. Речь идет об эффективных способах решения учебной задачи, самым распространенным из которых является алгоритмизирование.

Алгоритмизирование – представление, описание в виде алгоритма (алгоритм - определенная последовательность операций, действий). Составление алгоритма действий полезно при поиске решения любой задачи. Для учителя алгоритм действий всегда таков: 1) определить понятия, связанные с решением а) основной задачи (правило); б) сопутствующей задачи, т.е. на повторение; 2) составить алгоритм действий для учащегося; 3) подобрать соответствующие тесты-примеры для закрепления. Например, при решении задания А2, связанного с определением лексического значения слова, алгоритм действий таков:

1) определяем понятия, связанные с решением а) основной задачи: *лексическое значение* — соотнесённость звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности. Лексическое значение включает в себя не всю совокупность признаков, присущих какому-либо предмету, явлению, действию и т. д., а только наиболее существенные, помогающие отличить один предмет от другого; б) сопутствующей задачи, т.е. на повторение: Слово может иметь одно лексическое значение (однозначные слова): *синтаксис, тангенс, ватман, потайной* и др. Слова, имеющие два, три и более лексических значения, называются многозначными: *рукав, теплый*. Многозначные слова бывают среди всех самостоятельных частей речи, кроме числительных. Определить конкретное значение многозначного слова можно только в контексте: *звезда — на небе зажглись звезды; звезда экрана; морская звезда*. Лексическое значение может быть объяснено: описательно, характеристикой отличительных признаков предмета, действия, явления; через однокоренное слово; подбором синонимов. Лексическое значение слова приводится в толковых словарях.

2) составляем алгоритм действий для учащегося: а) найдите слово в тексте; б) сами, не глядя на варианты ответа теста, определите его лексическое значение описательно, или через однокоренное слово, или путем подбора синонимов; в) сравните с предложенными вариантами ответа; г) используя варианты ответа, придумайте примеры словосочетаний или предложений с требуемым значением; д) сравните со значением контекста; е) выберите правильный вариант ответа.

3) подбираем соответствующие тесты-примеры для закрепления.

Не менее продуктивными способами являются анализ и синтез. *Анализ* - метод научного исследования действительности, состоящий в расчленении

целого на составные части. *Синтез* – метод научного исследования действительности, предполагающий соединение или объединение ранее разрозненных вещей или понятий в целое или наоборот. Синтез есть способ собрать целое из функциональных частей как антипод анализа.

Перед написанием сочинения на лингвистическую тему внимательно читаем текст, чтобы определить его основную мысль. Важно увидеть замысел автора. Это возможно только в одном случае: мы можем в комплексе воспринять (*синтезировать*) все «сигналы» автора, следующего исполнению своего замысла; мы видим КАК, с помощью каких языковых средств это происходит, т.е. *анализируем* языковые явления. Получается, что автор, исполняя свой замысел, пытаясь передать смысл, использует определенный набор языковых явлений. Читатель, улавливая смысл языковых явлений, *синтезируя* их в целом, понимает замысел автора. Рассмотрим применение способов анализа и синтеза на конкретном примере. Языковые явления можно рассмотреть на примере значения морфем (корень, приставка, суффикс); однозначных слов; многозначных слов; фразеологизмов; синонимов; антонимов и т.д. В одном из текстов *морфемный способ образования* слов даёт возможность из одного слова образовать несколько однокоренных с различными оттенками значений. Слова «малёк» и «малец» образованы от одного и того же корня (так обычно говорят о малолетних детях), но выражают они разные оттенки смысла, различаясь суффиксами. Оттенок значения слов внесли суффиксы (анализ языкового явления). В тексте однокоренные слова звучат из уст разных героев в отношении маленького мальчика. Один произносит слово «малёк» цинично и с презрением, другой – «малец» - сочувственно, с пониманием (замысел автора).

Возможность проанализировать и представить собственный опыт превращает стажировочную площадку в центр, разрабатывающий, концентрирующий и распространяющий передовой опыт.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2013 г. N 23 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, N 4, ст. 293) «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» . www.prosv.ru/Attachment.aspx?Id=29955. С.9.

2. Постановлений Правительства РФ от 20.12.2011 N 1034 (в ред. от 13.07.2012 N 716, от 26.11.2012 N 1226, от 27.12.2012 N 1442) « О федеральной целевой программе развития образования на 2011 - 2015 годы / *минобрнауки.рф/документы/2010/1.02.07-Постановление_61.pdf*. С.42.

3. Ладанова О.Ю. Стажировочная площадка как новая форма повышения квалификации учителя-филолога / Сборник статей межрегиональной научно-практической конференции «Управление

качеством образования в условиях перехода на государственные образовательные стандарты». – Пенза: Изд-во ПИРО, 2013. – С. 87.

4. Ладанова О.Ю. Инновации в образовании: режим работы стажировочной площадки / Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции «Новые педагогические технологии: содержание, управление, методика». – Нижний Новгород: НГУ им. Н.И.Лобачевского – национальный исследовательский университет, 2013. С. 91.

Образ женщины в журнале «Крестьянка»

В. С. Лаптанкина, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

Язык хорошо отражает ценности и явления времени, так как именно язык является главным средством коммуникации в обществе. Гендерные проблемы занимают важное место в исследованиях современных учёных: Н. И. Ажгихиной [1], О. В. Ворониной [2], Ю. Б. Гусевой [3] и других. Объектом нашего исследования является женский журнал «Крестьянка». Материалом для изучения послужили издания 1985, 1995 и 2005 годов, поскольку именно в этот период общество претерпело большие изменения: распался Советский Союз, социализм в России сменился капитализмом. Цель работы – проследить изменение образа женщины в течение двадцати лет, опираясь на анализ языкового материала журнала. В «Крестьянке» представленные образы менее стереотипны, хотя и традиционны.

«Крестьянка» погружает женщину в сферу бытовой деятельности, показывает её занимающейся ведением хозяйства. То же касается досуга, который, как правило, направлен на других, т.е. на обслуживание членов семьи. Семейная функция во всех её возможных проявлениях доминирует у женщины на страницах «Крестьянки»: «вышла замуж» (1985. – №1); «жена полностью принимает образ жизни мужа», «перенесла свои рабочие отношения на семью», «она надела брюки», «летят в объятия богатого мужа», «растила сына и дочь», «является создателем, хранителем дома» (1985. – №2); «унаследовала состояние», «дарят мужчинам галстуки», «вспомнила о своих родительских правах и обязанностях», «воспротивилась назойливой материнской опеке», «просила присмотреть за детьми», «пришла к матери», «печется о стариках – родителях», «навещает мать не часто» (1985. – №6); «сыновей-дочерей выращивала одна», «нянчит троих внучат», «забирала ребенка», «навещала сына» (1985. – №6); «заскучала по маме» (1985. – №11); «приобрела нежного и заботливого мужа», «достает мужа жалобами на судьбу», «произвела на свет мальчика-наследника», «проявила большую твердость в вопросах воспитания», «подбирает для них школу»,

«заботится об одежде» (1995. – №1). В материалах представлены сочетания, которые описывают крайние эмоции: «бьется в истерике», «пребывала в глубокой депрессии», «отреагирует бурной истерикой», «любуется», «лила горячие слезы», «удивлялась», «полюбила свой класс», «обняла крепко», «впала в отчаяние», «жаловалась на свою судьбу», «бродяжничает», «бьется за женщину», «на седьмом небе чувствовала себя от счастья», «продолжать страдать от агрессии» (1985. – №10); «ловит сочувственные взгляды», «спугнула на всё готового жениха», «испытывала благоговейный трепет», «повесилась», «бросилась на застеклённые двери шкафа», «полоснула бритвой по руке», «пыталась проткнуть себя ножом», «плакала» (1995. – №2); «начинала комплексовать» (1995. – №7); «пребывает на вершине блаженства», «чувствовала себя неуютно» (1995. – №9).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в публикациях много сочетаний, описывающих злоупотребление алкоголем и наркотиками: «колола чистые наркотики», «превратилась в алкоголичку (2005. – №10); «подумывала о самоубийстве», «сильно пила» (2005. – №11).

В «Крестьянке» используются сочетания, описывающие внешность и возраст субъектов: «считает себя некрасивой», «сумеет быть привлекательной», «любят стоять перед зеркалом», «выглядит моложе своего возраста», «красила губы», «кажется привлекательной», «стала увлекаться романтическим стилем одежды» (1985. – №9); «изогнулась в блаженном самолюбовании», «могут принести и сшить костюм в стиле пятидесятых», «употребляет минимум косметики», «терзается сомнениями в собственной привлекательности», «драпировали такие пальто вокруг тела», «продолжала отменно выглядеть», «выглядит привлекательно», «сохраняет привлекательность для мужчин», «покидывала поверх своего платья покрывало из тонкой дорогой ткани», «вместо тонких и легких туник, которые надевали прямо на голое тело», «заказала себе тонкое платье» (2005. – №1); «стала хорошо одеваться» (2005. – №2); «прощаемся с молодостью» (2005. – №3); «такой некрасивой и жалкой она выглядела» (2005. – №7). Но, кроме того, в материалах представлены выражения, описывающие попытки улучшить свою внешность: «стараются усовершенствовать свою внешность», стремились «усовершенствовать данной природой цвет волос или скрыть седину», «решила кардинально заняться лицом – сделала вторую пластическую операцию» (2005. – №7); «бояться сделать фигуру громоздкой», «физический недостаток, который ощущает женщина», «скептически осматривает себя», «терзается сомнениями в собственной внешности», «боялась испортить фигуру» (2005. – №8).

Интересной особенностью является то, что в материалах часто встречаются описания, которые характерны для лиц мужского пола: «стала начальником цеха», «избиралась депутатом», «возглавляла делегацию», «работает директором» (2005. – №10).

Приведем несколько примеров, описывающих работу или учёбу субъектов: «становилась актрисой» (2005. – №10); «стала ездить на лекции по психологии», «создала свою небольшую фирму» (2005. – №11). Также имеются словосочетания, описывающие активность женщины в личной жизни: «сама строит свою личную жизнь», «путешествует по разным странам», «стирает», «готовит», «сажает», «достала билеты», «прекрасно готовила», «девочку Лену она увезла с собой в Штаты», «собрала собственную команду», «добиралась к нему», «начала новую жизнь», «тормозит», «получила своего «Оскара», «увлекалась разведением роз», «начала составлять картины», «боролась» (2005. – №8); «распотрошила чемоданчик», «реанимировала», «играет одну из главных ролей», «написала книгу», «бегала на курсы», «ездила на велосипеде», «служила кухаркой в публичном доме», «начала собственную карьеру», «участвовала в движении Сопротивления», «ездили по концлагерям», «вывела его с собой на сцену», «закупала в кинотеатре целый ряд», «оплачивала счета» (2005. – №10).

Таким образом, исследование данного печатного издания позволяет сделать следующий вывод. В начале 80-х гг. XX века существовал особый подход к пониманию предназначения женщины. В первую очередь она должна работать наравне с мужчинами, быть активной общественницей, брать на себя различные обязательства, выполнять и перевыполнять план. На основе анализа материалов можно создать портрет идеальной женщины: идеал женщины в 1985 году существенно отличается от идеала в 2005-м. Первая имеет качества, свойственные женщине эпохи социализма.

Литература:

1. Ажгихина Н. И. Образ деловой женщины в современных российских СМИ (тезисы) // www.genderstudies.info.ru
2. Воронина О. В. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. – 1999. – №2.
3. Гусева Ю. Б. Женщина на страницах женских изданий // www.library.ru

Источники примеров:

Журнал «Крестьянка». 1985, 1995, 2005 гг.

Семантические особенности оценки и способы ее выражения в современных СМИ

Е. Г. Леонтьева, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к. филол. н., доцент Г. К. Касимова

Рассматривая систему ценностей любого этноса, можно увидеть своеобразие его оценки мира и чувств. Большая часть культурного наследия человечества сохраняется и бытует через его язык, который фиксируется в

словарях. Осознание человеком ценностных отношений отражается в оценочном высказывании и заключается в семантических и синтаксических структурах.

Оценка из-за своей универсальности является объектом изучения как лингвистики, так и дисциплин других направлений: философии, этики, эстетики, логики, психологии и т.д. Проблемы понимания ценностей с точки зрения философии и этики вызывают научный интерес у таких лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия и мн. др., интересующихся исследованием оценочных единиц в неразрывной связи с языковым рассмотрением ценности и оценки. Особый интерес к проблеме языковой оценки объясняется тем, что она, являясь специфическим компонентом познания, играет значительную роль как в языковом пространстве, так и в процессе коммуникации.

Общепринятые человеческие ценности, стандарты, нормы и эталоны фиксируются в лексических значениях слов, которые при употреблении их в речи дополнительно интерпретируются. Оценка предполагает ориентацию на норму и на оценочные стереотипы, то есть на социальное представление о том, что такое «хорошо» или «плохо» для данного объекта. [1, 22]

Специфичность функционирования оценочных единиц как языкового явления заключается в индивидуальном выборе оценочных средств. Поэтому существование в языке целого ряда единиц, выражающих оценочную семантику, указывает на то, что без учета ее большинство языковых явлений оказываются неполнозначными. [1, 52]

Оценка присутствует в любых видах текстов в открытом или скрытом выражении. В зависимости от стиля текста оценка передается различными способами. Высказывание, взятое из контекста, может обладать оценочным смыслом. Оценка в текстовом пространстве является его составляющей.

В тексте языковые оценочные единицы могут быть выражены комбинировано либо при помощи языковых средств, либо текстовыми приемами. Оценочная категория может быть соотнесена либо с языковыми единицами, либо с семантикой высказывания.

Так как категория оценки – это явление многоаспектного плана, она находит выражение на всех языковых уровнях. Особенно важен лексический уровень языка, потому что он всесторонне и детально отражает отношения между людьми и оценку предметного и природного мира, показывая изменения оценки в зависимости от следующих внеязыковых факторов: диахронии, специфики ценностных категорий конкретного социального круга, национально-культурных особенностей, гендерности. [3, 7] Это указывает на то, что язык отражает общественную и культурную жизнь общества.

В нашем исследовании мы обратились к текстам СМИ. Среди функций СМИ выделяют следующие: информационную, познавательно-

просветительную, функцию воздействия, гедонистическую. Поэтому наиболее распространенными средствами выражения оценки являются:

1) лексические и словообразовательные, которые служат для характеристики позиции говорящего в плане его отношения к высказываемому;

2) морфологические, которые приспособлены к дифференцированному воплощению в речи отношения говорящего как к высказываемому, так и к собеседнику.

В публицистическом стиле оценочность является специфической стилевой чертой. Особенно яркие примеры оценочных языковых единиц можно обнаружить в ситуациях полемики, критики мнения, в оценке освещаемого события. Для выражения оценки используется широкий круг качественно-оценочных прилагательных и существительных, средства фразеологии, экспрессивного синтаксиса. Также используется нейтральная лексика с рационально-оценочной коннотацией, известной окружающим (*честность, лицемерие, терроризм, фашизация*). Общеоценочные значения выражают слова разных частей речи, обладающие различной синтаксической сочетаемостью.

На уровне фонетики важнейшим средством выражения оценки служит интонация. Она может примыкать к уже присущей слову экспрессивности, а может приобретаться словом в определенном контексте и быть единственным средством, выражающим оценку в данном слове.

Отметим, что на морфемно-морфологическом уровне иногда происходит взаимодействие оценки, заложенной в корне слова и эмоционально-оценочного значения аффикса. Оценки могут действовать в одном направлении, усиливая признак (*злейший*), а могут способствовать смягчению негативной оценки (*дурачок*). Определенный контекст может изменить функцию уменьшительно-ласкательных суффиксов на отрицательную или ироническую. Как правило, мелиоративные оценки выражаются уменьшительно-ласкательными суффиксами, а пейоративные – практически любыми аффиксами.

В публицистическом тексте часто происходит использование контекстуальных синонимов и антонимов слов эстетической оценки, которые заостряют внимание читателя на восхищении или отвращении субъекта оценки. Отрицательные оценки выражаются значительно реже, для этой цели используются антонимы: *неудачный, неубедительный*.

Современные СМИ отличаются явным преобладанием эмоциональной составляющей информации. При этом наблюдается дисбаланс эмоционального и рационального компонентов в газетных текстах явно в сторону эмоционального. Эмоциональные языковые средства усиливают свойства оценки, делая ее более яркой, доступной, усиливая таким образом эффект воздействия авторской интерпретации. За счет эмоциональных средств создается определенный эмоциональный фон, облегчающий

восприятие рационального в тексте. Если в тексте эмоциональные средства выполняют именно эту функцию, а не подменяют собой рациональное начало, их употребление оправдано: они становятся сильным средством убеждения.

Каждому значению оценки свойственен свой набор средств выражения. Спектр средств выражения рациональной оценки достаточно широк, но в публицистической речи он сужен до базовых предикатов. В публицистической речи для выражения оценки необходимости, долженствования в основном используются глаголы и наречия.

Следующий по частоте употребления вид оценки – возможность, из многочисленных средств её выражения часто повторяются глагол *мочь*, существительное *возможность*, прилагательное *возможный*. Среди средств выражения оценок целесообразности используются прилагательные и чаще всего наречия (*Рискнуть можно, но бороться против власти глупо*).

Для выражения утилитарных оценок в газетных статьях наиболее часто используются прилагательные и наречия (*Все ухищрения властей бесполезны*). При выражении достоверности публицисты стремятся обосновать предположение, привести достаточное количество аргументов, не допуская излишеств. В связи с этим преобладают средства выражения обоснованного предположения в виде вводных конструкций.

Для выражения оценки целесообразности или нецелесообразности используются абстрактные лексемы, лишённые семантической дифференциации, и специальные, конкретизирующие указанное. Истинность выражается с помощью модально-оценочных предикатов истинности или ложности и их антонимов.

Важность или неважность на лексическом уровне передаётся с помощью слов с семантикой важности, значительности, первостепенности, особенности какого-либо события (явления, ситуации), или наоборот.

В качестве основных средств выражения достоверности или недостоверности можно выделить модальные слова и частицы, модальные глаголы и предикаты знания и мнения, а также модальные фразы.

Таким образом, оценочность является основным стилеобразующим фактором публицистических текстов, играя свою роль уже на начальной стадии создания текста. Оценочность проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в специфических лингвистических средствах. Хотя в современной публицистике распространены тексты, которые не содержат явных средств оценочности, так как избегается употребление прямых оценочных выводов. Основным языковым уровнем, способным выразить любые виды оценок, является лексико-семантический. В условиях контекста любое слово может стать оценочным, и не всегда легко решается вопрос о разграничении языковой и речевой оценочности.

Оценочная позиция субъекта речи определяется нормами и ценностями, созданными определенной эпохой, поэтому изучение оценки может позволить понять обобщенную ориентацию общества на определенный круг ценностей в определенный период его развития. Следовательно, оценочная лексика может многое сказать о приоритетных ценностях определенной культуры, знание которой обеспечивает статус члена конкретной этнической группы.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений // Оценка, событие, факт. М., 1988. - 341 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.,1985. – 227 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2003. - 261 с.

Манипулятивные приемы в журналистике. Языковая манипуляция

А. А. Линяева, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор Е. Н. Сердобинцева

В современном мире СМИ являются основным поставщиком информации для аудитории. Большая часть населения страны не анализирует новостные сообщения различных каналов коммуникации, прибегает только к одному источнику информации и принимает на веру его новостные сообщения. Такие люди отключают фильтры-барьеры информации, вследствие этого, манипулировать их сознанием становится значительно проще.

Учебный словарь иностранных слов Л. П. Крысина дает следующее определение слову «манипуляция». «Манипуляция [фр. manipulation < лат. manipulus горсть < manus рука]. 1. Сложный прием, действие над чем-либо при работе ручным способом, при демонстрировании фокусов и т.п. 2. перен., неодобр., проделка, махинация» [3].

В обществе главным инструментом коммуникации являются языковые единицы, соответственно, манипуляция посредством языка – один из основных видов манипуляции массами.

Языковые единицы предоставляют манипулятору широкие возможности для управления аудиторией, часто сам факт управления можно скрыть с помощью того же языка.

Таким образом, можно говорить о том, что ни одно журналистское произведение не может быть нейтральным и беспристрастным, т.к. языковое

воздействие содержится во всех журналистских текстах, это проявляется даже в подборе слов для выражения мыслей.

В соответствии с предложенным выше определением манипуляции, под «языковой манипуляцией» в данной работе будет пониматься разновидность манипуляции, осуществляемой путем отбора и использования в журналистских текстах языковых средств согласно установкам, стоящим перед автором, т.е. с помощью определенных языковых средств журналист-манипулятор может навязать аудитории определенное представление о действительности, отношении к событиям, людям, изменить поведение в интересах манипулятора.

В любой коммуникации посредством языка передается определенная информация, полученное сообщение, так или иначе, влияет на представление о действительности, следовательно, язык является инструментом манипуляции своей сути.

Язык дает возможность манипулятору использовать довольно разнообразные приемы воздействия на адресата, создавать текст так, что сам факт манипуляции будет незаметен для адресата.

Помимо общеизвестных приемов манипулятивного воздействия (манипулирование информацией, ссылка на авторитеты, отбор событий для сообщения, сенсационность и др.) существуют и методы лингвистической манипуляции.

Средства языкового воздействия на адресата:

1. Синтаксический уровень. К синтаксическим средствам можно отнести: повторы, параллельные конструкции, использование активного и пассивного залога, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Манипуляция активным и пассивным залогом позволяет отвлекать внимание аудитории от участников событий, менять степень активности участников. Параллельные конструкции, повторы акцентируют внимание адресата на определенных идеях.

2. Лексико-семантический уровень. Омонимы, эвфемизмы (нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений), оценочная лексика, жаргонизмы.

В данном случае важно выбранное слово. Воздействие на адресата осуществляется за счет экспрессивности, оценки и ассоциаций, которые создают определенную обстановку для интерпретации информации. Оценочные и экспрессивные слова и выражения могут управлять настроением аудитории, может формироваться отношение к явлениям и событиям («наклеивание ярлыков»).

Безусловно, в лингвистике манипуляция проявляется и на других уровнях языка (словообразовательном и морфологическом), но на лексическом и синтаксическом уровне возможности манипулятора шире.

Для исследования была взята «Российская газета», как официальное издание, отражающее политику Правительства РФ. На страницах данного периодического издания можно без труда найти манипулятивные средства лексического и синтаксического уровня. К примеру, в материале «Сочи дает старт» [1] представлены следующие приемы: использование пассивного и активного залога («*Россия и ее главный курортный город практически весь февраль находились в центре внимания, трансляции собирали на трибунах и у экранов миллионы зрителей*» или «*Россия провела лучшие за всю историю зимние Олимпийские игры*», «*...проделана гигантская работа...*»). Все эти примеры обезличивают индивидуальные заслуги людей, показывают обобщенный образ страны. Яркий пример использования экспрессивной и оценочной лексики можно наблюдать в материале «Сочи дает старт» [1] («*...рывок из пугающей пустоты...*» - автор имеет в виду кризис 90-х годов; «*...истошные вопли «журналистов», которые везде стремились найти только негатив...*»; «*...наша олимпийская команда посрамила не только скептиков...*», «*...пал рекорд советской сборной [по количеству медалей]...*» и др). В данном случае, все вышеприведенные примеры направлены на пробуждение чувства гордости за страну, негодования против Запада и скептиков, не понимающих огромные финансовые затраты на олимпиаду и не верящих в победу России на олимпиаде.

В материале «Сочи дает старт» [1] можно встретить и неоднократные повторы слов «кризис» и «вера» в следующем контексте: «*...пару десятилетий назад была кризисная повестка дня...*», «*...после распада СССР и кризиса 1990-х...*», «*...времена экономического и социального упадка, поскольку в то время был очевиден кризис человеческих ценностей...*». В данном контексте слово «кризис» навязывает ассоциацию с эпохой 1990 и отвлекает внимание аудитории от тяжелой экономической ситуации в стране, сложившейся сейчас из-за больших затрат на олимпиаду. Слово «вера» употребляется дважды: «*Главное, что позволило нашей стране встать с колен после распада СССР и кризиса 1990-х, это вновь появившаяся у людей вера в будущее и в самих себя. Эта вера была крайне слаба во времена экономического и социального упадка...*». В приведенном выше контексте «вера» становится синонимом современного политического режима, придает возвышенное значение и оправдывает политику правительства.

В материале «Украиний выбор» [2] есть и параллельные конструкции: «*Украина – наша соседняя братская республика. А наши вооруженные силы – товарищи по оружию*». В дополнение к использованию параллельной конструкции, журналист включает в текст слово «наш», все это внушает читателю мысли о едином государстве, о родственных связях между Россией и Украиной.

Неопределенно-личные конструкции можно найти в тексте «Украиний выбор» [2]: «Хотели кого-то унижить, показать свою силу?», «Пожалейте людей.», «Добились, мне кажется, результата обратного...». Неопределенно-личные предложения в данном контексте создают обобщенный образ врага, к которому обращается президент РФ В. Путин.

Другой абзац в этом же материале, напротив, состоит в основном из определенно-личных предложений, что говорит о твердой позиции интервьюируемого [В. Путин], о его убежденности в собственной правоте: «Он согласился на все...», «Ведь он не отдавал ни одного незаконного приказа по стрельбе по несчастным демонстрантам...», «Он, более того, дал указание вывести все милицейские силы из столицы...», «Он итак сдал, по сути, всю власть...» и т.д.

В данном материале автор употребляет и эвфемизмы, призванные заменить «грубые» слова нейтральными: «...антиконституционный переворот и вооруженный захват власти...», но через несколько абзацев журналист позволяет себе использовать достаточно нелицеприятные выражения, обладающие, к тому же, высокой эмоционально-экспрессивной окраской «...есть и опасность, что, как черт из табакерки, может выскочить какой-нибудь националюга, полуфашиствующий элемент...какой-нибудь антисемит...», что, безусловно, является ярким приемом привлечения внимания к самому явлению [незаконному захвату власти на Украине], апелляции к патриотическим чувствам, состраданию к братскому народу.

Итак, языковая манипуляция – один из самых важных видов манипуляции. Одним из главных качеств воздействия посредством языковых единиц является то, что его трудно распознать и, соответственно, такая манипуляция будет безоговорочно воспринята адресатом.

Манипуляция лингвистическими единицами проявляется даже в подборе слов для выражения мыслей, соответственно, ни один текст не может быть нейтральным и беспристрастным, т.к. выбранные слова несут в себе оценку и разнообразные оттенки смысла.

Использование определенных лингвистических единиц может внушить адресату необходимые манипулятору установки, не привлекая внимания к самому факту воздействия на мышление манипулируемого.

Литература:

1. Газета «Российская газета». 2014. № 47.
2. Газета «Российская газета». 2014. №53.
3. Учебный словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2009.

Соблюдение критериев культуры речи в СМИ Казахстана

О. П., Ложникова, ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби

Нынешнему информационному обществу необходима не только сама информация, но и качественная ее подача. Хотя сейчас много говорится об упрощении языка общения, но упрощение ведь не значит исключение всех правил и норм языка. Именно все увеличивающаяся потребность общества к активной общественной деятельности требует усиленного внимания к повышению уровня речевой культуры аудитории и СМИ. Поэтому, при изучении курса «Культура журналистской речи» преподавателем ставятся следующие задачи: выработка советов по улучшению речи журналистов в СМИ; анализ современного состояния культуры речи.

Культура речи — сравнительно молодая область науки о языке, возникшая в конце 20-х - 30-е годы.

Как самостоятельный раздел этой науки она оформилась под влиянием коренных социальных изменений, произошедших в нашей стране.

Центральным понятием в культуре речи стало понятие нормы и требование к использованию языковых средств. Однако понятием нормы не исчерпываются требования к организации убедительной и эффективной речи.

Качественная оценка высказывания с точки зрения культуры речи предполагает ответы на вопросы:

1. Является ли речь правильной? Построена ли она по литературным нормам?

2. Является ли речь «хорошей», уместной в определенной ситуации, действенной, искусной?

3. Соответствует ли речь правилам этики общения (речевому этикету)?

Если человек не допускает ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в их образовании, в построении предложений, речь его мы называем правильной. Однако этого мало. Речь может быть правильной, но плохой, то есть не соответствовать целям и условиям общения. В понятие хорошей речи включаются как минимум три признака: богатство, точность и выразительность. Показателями богатой речи являются большой объем активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкций. Точность речи — это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. Выразительность создается с помощью отбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и задачам общения.

Культура речи – часть более широкого понятия – речевой культуры, которая, в свою очередь, входит в культуру речевой деятельности, общения, в общую гуманитарную культуру.

Если человек обладает правильной и хорошей речью, он достигает высшего уровня речевой культуры. Это значит, что он не только не допускает ошибок, но и умеет наилучшим образом строить высказывания в соответствии с целью общения, отбирать наиболее подходящие в каждом случае слова и конструкции, учитывая при этом, к кому и при каких обстоятельствах он обращается.

Высокий уровень речевой культуры — неотъемлемая черта культурного человека. Совершенствовать свою речь — задача каждого из нас. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложения. Нужно постоянно обогащать свой словарь, учиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции.

Журналист должен обладать несколькими важнейшими качествами. Его мастерство образуется неразделимым их сплавом. Эти качества следующие:

Умение общаться, коммуникабельность. Уметь общаться - значит, и найти тему, и узнать, кто может быть полезен в ее разработке, и "разговорить" человека, и суметь задать ему самые нужные и интересные вопросы. Словом, именно умение общаться с людьми дает журналисту готовый материал или "пищу" для дальнейших размышлений и поисков. Сюда же можно отнести и известную предприимчивость, напористость, легкость на подъем ("журналиста ноги кормят").

Умение мыслить, анализировать, оценивать, делать выводы. Здесь важно выработать в себе объективный взгляд на происходящее. Понятно, что идеальной, высшей объективности человеку достичь не дано, - на то он и субъект, чтобы мыслить субъективно. Но нужно уметь избегать логических противоречий, голословных выводов, заведомо недобросовестных, тенденциозных оценок, когда из нескольких фактов берется только тот, который соответствует изначальной позиции автора. В публицистике не должно быть субъективизма, нарочито необычного, якобы "самобытного" языка - всего того, что в литературе резко отличает одного писателя от другого. Тем не менее, личность хорошего публициста сохраняется и чувствуется в его материалах. Этого нужно достигать, прежде всего, ясностью авторской позиции, особенностями мышления и, конечно, языком.

Язык должен быть оригинальным - четким, "плотным", образным и в то же время строгим. Тут мало одного природного чутья и одних приобретенных знаний. Нужно сочетание вкуса, знаний и опыта.

Именно речью СМИ во многом создается современное общественное настроение, современная речевая культура и отношение к самой речи.

Целесообразное и незатрудненное применение языка в целях общения обеспечивают качество “хорошей” речи: точность, чистота, логичность, выразительность, богатство, уместность.

Точность – соответствие смыслового содержания речи и информации, которая лежит в её основе. Точность речи связывается с точностью словоупотребления, с правильным использованием многозначных слов, синонимов, антонимов, омонимов. Важнейшее условие точности речи – это соблюдение лексических норм. Примеры неточного словоупотребления, к сожалению, звучат в нашем эфире довольно часто. Вот некоторые из них: *На MTV она завоюет много денег* (Русское радио, «Стол заказов»); *Насколько у нас с интеллектом* (Русское радио); *Попробуйте запомнить наизусть*. (Hit-FM Хабаровск); *Очень веселая танцевальная песня...*(Авторадио, «Ночное такси»); *Не ложьте трубку, пожалуйста*. (Радио 31); *Вы можете предоставить себе такую ситуацию* (Радио 31).

Речь является точной, если говорящий отбирает те слова и конструкции которые точнее других передают оттенки смысла, существенные именно для данного высказывания.

Чистота означает отсутствие в речи чуждых литературному языку элементов (диалектных, профессиональных, жаргонных и др.). Например, недавно ведущий на Русском радио обратился к радиослушательнице с таким вопросом: *Ну, что скажите, дивчина?*

Логичность – это выражение в смысловых связях компонентов речи связей и отношений между частями компонентами мысли. В радиоречи встречаются следующие логические нарушения: *Множество величайших людей вначале было совсем неприметными и неизвестными* (Русское радио, «Стол заказов»); *Они готовят, а вы их едите кулинарные изыски* (Авторадио.); *Сообщения приходят на пейджер, которые уже приходили* (Hit-FM Хабаровск); *На пересечении улиц... светофор в районе обеда будет переключен на зеленый цвет* (Русское радио).

Выразительностью речи называется качество, возникающее в результате реализации заложенных в языке выразительных возможностей. Выразительность может создаваться языковыми единицами всех уровней. Кроме того, существуют специфические изобразительные свойства языка (тропы, стилистические фигуры), делающие высказывание ярким, образным, эмоциональным. Экспрессия создаёт также употреблением крылатых слов, пословиц и поговорок.

Богатство – это широкое и свободное использование языковых единиц в речи, позволяющие оптимально выразить информацию.

Уместность – это употребление в речи языковых единиц, соответствующих целям, ситуации, условиям, содержанию общения.

Обращаясь к собственно речевому поведению на радио и принципам его организации, важно помнить следующее: Нельзя повторить дважды только что сказанное в эфире, следовательно, необходимо ориентироваться

на первоначальное восприятие текста аудиторией, так как “вторичного” восприятия из эфира быть не может.

Слушателями вашего выступления будут люди: разных возрастов, профессий, разного культурного уровня и , интересов. Встреча с вами по радио для многих из них является, скорее всего, случайной.

Учет этих ключевых моментов предполагает, что радиоречь должна быть конкретной и доходчивой по содержанию, непринужденной по тону, т.е. организована по типу неофициальной беседы (разумеется, за исключением случаев официального заявления). Таким образом, выступление будет максимально эффективным, если оно оптимальным образом сочетает элементы социальной и личностной ориентированности общения.

Вместе с тем такое сочетание не может не быть противоречивым, задавая внутреннюю конфликтность речи, в чем также нужно отдавать себе отчет. Противоречие возникает, с одной стороны, между реально существующим односторонним контактом выступающего перед микрофоном со слушателями и необходимостью при этом имитировать двусторонний контакт; а с другой — между заранее подготовленным письменным текстом и устной формой его воспроизведения: речевой поток, который должен восприниматься как спонтанный, на самом деле таким не является.

Помимо этого интонация речи, используемой в массовой коммуникации, отличается от интонации непринуждённого межличностного общения “нейтральностью” мелодии основного тона. Коммуникатор не повышает голос до крика и не понижает до шёпота, каждое слово произносится более или менее чётко – не проглатывается, как это имеет место в общении лицом к лицу. Редукция безударных гласных менее выражена, паузы между словами, речевыми тактами не выходят за рамки строго обусловленных границ.

Все эти характеристики обусловлены социальной ориентированностью радиовещания. Они же требуют соединения в речевом поведении человека, выступающего в эфире, устно-литературной нормы и нормы непринуждённой разговорной речи при сохранении целенаправленности, информативности, ясности сообщения. Чтобы этого достичь, необходимо строить выступление, используя принципы разговорности, диалогизации, интимизации речи. Перечисленные принципы в равной степени относятся как к “сольному” выступлению, так и различного рода беседам в эфире, будь это интервью, беседа за круглым столом, дискуссия. Разумеется, сама форма беседы предполагает, что в речь собеседников вводится приёмы ее диалогического построения. Тем не менее, для человека, не имеющего большого опыта выступления по радио, знание таких принципов может оказать существенную помощь при подготовке к выходу в эфир.

Экономное использование лексики называется принципом разговорности. Восприятие устной речи затрудняется при превышении

определенных порогов лексического разнообразия. Если письменная речь подразумевает развернутость словесного выражения мысли, приведения логически строгой системы аргументов, то устная речь не требует этой развернутости. Удачное сравнение, метафора или намек могут сделать больше, чем точное и строгое, но длинное доказательство.

Необходима четкая структурная организация выступления. Передачи разговорного жанра не терпят композиционной расплывчатости. Они должны развиваться динамично. Основная проблема здесь не столько в определении темы выступления, сколько в самоограничении; все понимают, что за несколько минут невозможно рассказать обо всем, однако многие выступающие пытаются это сделать, что, в конечном счете, приводит к легковесности. Специалисты указывают на важность конкретизации темы, выбор одного аспекта, наиболее важного из множества вопросов, фактов и поворотов темы.

Выступление должно быть информационно точным, в противном случае попытка слушателя или зрителя понять, о чем идет речь, отвлечет от последующей информации. Это относится к устному слову вообще. Однако в условиях одностороннего контакта данное требование приобретает исключительное значение.

Важно помнить, что информация достигает оптимального воздействия, когда в ней содержится новизна (новость). При этом можно выделить три типа новостей, которые надо совмещать и комбинировать: новое о неизвестном; новое об известном; формирование нового отношения к фактам. Недостаток новизны стимулирует переключения внимания.

Также необходимо поддерживать интерес, который вызывает доказательная информация, опирающаяся на эмпирический опыт аудитории, статистику, фактологический материал.

Обратить внимание стоит на начало и конец выступления, которые имеют важную психологическую нагрузку. Если изложение интересное, то доказательность следует оставить на конец, чтобы не уменьшить значимость идеи.

Последнее замечание свидетельствует о важности выбора такой драматургии выступления, которая бы удерживала слушателя радиоприемника от начала до конца.

Композиция выступления по радио, с одной стороны предусматривает те же структурные моменты, которые свойственны любому публичному выступлению: продуманные начало и конец, импровизацию основной части на основании продуманной линии изложения, логическую организацию материала, эмоциональную форму подачи. Наряду с этим, описанные выше особенности восприятия устной речи в эфире оказывают существенное воздействие на ее композицию. «Вводные замечания должны быть краткими, целеустремленными и интересными, все последующие – свободными от общих мест. Пример вплотную идет за примером, заранее намечены пункты,

освежающие внимание. Переход от одного раздела к другому происходит быстро, фразы коротки – не более чем в 20 слов. Слово должно быть насыщено смыслом, обладать ритмом и отличаться образностью. Финал не следует затягивать: он должен состоять из одной-двух энергичных фраз или коротенького примера и ни в коем случае из пространных выводов». Нельзя забывать, что радио и другие средства массовой информации – это один из социальных институтов, который должен бороться за то, чтоб общество становилось разумнее и добрее. В нынешних кризисных условиях очень важно, чтобы журналисты чувствовали и понимали всю меру ответственности перед своей аудиторией за каждое написанное и произнесенное ими слово. Только высокие созидательные, гуманистические цели и правильно выбранные средства для их достижения могут остановить процесс распада нашего общества, стабилизировать жизнь народа. И СМИ играют в этом ведущую роль.

Литература:

1. Абрамов Н. Г. Искусство разговаривать// Русская речь. - 1991. - № 4.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Изд-во «Искусство», 1986. – 444с.
3. Ворошилов В.В. Журналистика: Учебник. – 2-е изд. – Спб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 336 с.
4. Гаймакова Б.Д. Основы риторики: (теле- и радиовыступления как разновидность ораторского искусства): Курс лекций / Всесоюзный ин-т повышения квалификации работников теле- и радиовещания. – М.: Б. и., 1991. – 110 с.

Языковое выражение «вечного», «вневременного» в поэзии Ф. И. Тютчева

М. Г. Луннова, к.филол. н., доцент
Пензенский государственный университет

В поэтическом творчестве многих поэтов, в том числе Ф. И. Тютчева, вечность и время занимают доминирующее положение. Бытие, как присутствие, всегда определяется временем [2, 1993]. При этом очень часто жизнь отдельного человека поглощается этим временем, и существование человека — ничто перед лицом вечности.

Грозный и величественный облик вечности, обращающей все в прошлое, представлен в стихотворениях Ф. И. Тютчева. «Могучий вихрь», служащий символом роковой предопределенности человеческой жизни, "включенности его в цепь мировых видоизменений" [1, 128], все сокрушает на своем пути («Из края в край, из града в град...»).

Тютчев ощущает неземное, находясь в состоянии сна наяву («Так, в жизни есть мгновения»). Он делает упор на изображении малого промежутка времени, очень часто реальное динамическое время как бы изгоняется из его лирических произведений. Поэт

Тютчев знал только два временных измерения: вечность и конкретное мгновение. Однако за этим конкретным мигом всегда скрывалось нечто беспредельное,

В лирике поэта ярко представлена и тема бессмертия, вечности.

Искусство способно воспарить над реальностью и существовать вечно. Реальное время при этом останавливается. Поэзия «с небес слетает к нам» (Тютчев «Поэзия»). К ней нельзя подходить с позиций земного времени. Сам поэт подобен «светозарному богу», месяцу, сияющему над людской толпой (Тютчев «Ты зрел его в кругу большого света»).

Среди языкового материала, который использует Тютчев для создания художественной модели времени, следует особо выделить наименования отрезков времени различной длины, характеризующие длительность универсального понятия «время»: **вечность, век, год, час, минута, миг, мгновение.** У Тютчева отсутствует мельчайшая счетная единица времени – секунда. Своеобразной компенсацией секунде, можно предположить, служат лексемы **миг** и **мгновение**. Для Тютчева, по-видимому, более значимы понятия «вечности», чем краткие моменты времени. Для поэзии Тютчева характерно очеловечивание природы, с минутой и мигом у поэта связаны отдельные поступки лирического героя и проявления природы.

Самый длительный из перечисленных ранее отрезков времени – **вечность, века, бессмертье** встречается у Тютчева в нескольких стихотворениях («На новый 1816 год» и др.). Рассматриваемые лексемы означают «то, что существует, существовало и будет существовать». Для Тютчева актуально именно указание на непрерывность времени в семантике **вечности**.

Вечность у Тютчева несет с собой идею неразличения начала и конца, это обобщенное, повторяющееся, циклическое, бесконечное, неограниченное время: *Предшественник его с лица земли сокрылся, И по течению вращающихся времен, Как капля в океан, он в вечность погрузился!* (№1, с.45). Тему вневременности бытия Тютчев выражает в основном с помощью словоформ трех частей речи: имени существительного, имени прилагательного, наречия. Например:

– **имя существительное**

Предшественник его с лица земли сокрылся,

И по течению вращающихся времен,

Как капля в океан, он **в вечность** погрузился!

Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...

О Время! **Вечности** подвижное зеркало! –

Всё рушится, падет под дланиютвоей!..

Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..

Векарождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим? («На новый 1816 год»)

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды покروют
И Дивного во храм **бессмертья** проведут!(«Пускай от зависти сердца
зоилов ноют...»)

О, как тогда с земного круга
Душойк **бессмертному** летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим(«Проблеск»).

– **имя прилагательное**

Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, **вечной**тьмой грядущее одел («Послание Горация к
Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду»).

Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где **вечны**розы чистых наслаждений...

И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет **вечный**на морях!..

«Нет! **вечен**свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..»

Певцы**бессмертные**вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье...

Подъемлясь к облакам, глава его блесит
Бессмертными плодами(«Урания»).

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб **вечный**полюс растопить!

Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов («14-е декабря 1825»).

Нерадостный и **бесконечный** труд!
И суетный, как жизнь моя! («Кораблекрушение»).

Лишь жизнь **бессмертную** ключа
Сковать всесильный хлад не может («Поток сгустился и тускнеет...»).

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело («Знамя и Слово»)
– **наречие**
Там **вечно** будешь зреть секиру изошренну,
На тонком волоске висящу над главой...
И **навсегда** со гласом лести
Умолкла о тебе молва! («На новый 1816 год»)

Вечно юн Поэзии венки!..
Се Мир **вечно** юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми **вечно** весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, Благосердие, скорби отрада!
Ты, Верность, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная Доблесть с горящим мечом;
Ты, с светлыми **вечно** очами, Терпенье,
И Труд, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет! («Урания»)

Вы не знаете любви – и **векне** знали! («Ночные мысли»)

Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть **векне** желтеет,
Нов**векне** свежа («Листья»).

Таким образом, используя словоформы наиболее продуктивных частей речи Ф. И. Тютчев очень точно подчеркивал краткость пребывания человека в этом мире на фоне вечного течения времени во Вселенной. Своим творчеством он доказал, что истинная поэзия не подвластна времени.

Литература:

1. Долгополов Л. К. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX — начала XX века. — Л., 1985.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: Пер. с нем. — М., 1958.

Лексические особенности пензенской частушки

М. Ю. Лушникова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – доцент Л. Б. Гурьянова

В настоящее время частушка является одним из самых распространенных жанров русского фольклора на территории России, тогда как у других народов она практически не встречается.

Частушка – это небольшое произведение, состоящее из четырех строчек, которое отличается четкостью ритма и обладает комическим эффектом.

Тематика частушек не поддается учету. Кажется, что она богаче и разнообразнее самой нашей жизни. Частушка все видит и все слышит, все хочет знать и знает. Она проникает в сокровенные мысли и чувства создателей и исполнителей, рассказывает о тех сторонах их жизни, которых другие жанры касались либо вскользь, либо совсем не касались. Частушка во все вмешивается, всему дает оценку или выносит своеобразный приговор, фиксирует внимание на каких-то важных бытовых деталях, штрихах или же иногда говорит броско, емко, дает эпически широкую оценку определенного исторического промежутка времени, достойную по значимости повести или целого романа.

Президенты - за народ,
Все министры - за народ,
Депутаты - за народ,
Но пока наоборот [1].

Тематика частушек Пензенской области разнообразна. Это:

1) *любовные*:

Полюбила лейтенанта,
А мне встретился майор,
Загляделась на майора –
Лейтенанта кто-то спер [4,76].

2) *гражданские*:

Голова ты, голова
Сельского совета,
Как могла моя страна

Тебе доверить это? [4, 52].

3) *ядовитые:*

Спать не даст вам и перина,
Коль под ней заряд зарина.
В Сурском море яд-мышьяк,
Тот, кто воду пьет, - маньяк [4, 54].

4) *про выборы:*

Пенза-город,
Милый город,
Он у нас и стар, и молод,
И в народе говорят:
Мэр наш в этом виноват!

5) *страдания:*

От страданья, от лихого
Нет лекарства никакого.
Проводила - осерчала,
А потом по нем скучала.

Есть частушки, посвященные какому-либо событию, например, появление сотовой связи:

Я по лесу походила,
Дорогому позвонила:
Заблудилась я в лесу
И грибы не донесу [4, 88].

В данное время на пензенской земле частушку используют как рекламу какого-либо магазина или целого универсального гипермаркета

«Караван» наш всем хорош,
Что ты хочешь, здесь найдешь:
Сок, колбаска, курочка –
Ой, держись, фигурочка!
(В. Кубасова) [3, 229].

Или

В торговый центр "Сан-и-Март"
Заходи и стар и млад!
Всё, что хочешь, выбирай
И со скидкой покупай!
Хоть всю Пензу обойдешь –
Нигде лучше не найдешь!
(А.В. Кузичкин) [2].

Язык частушки позволял высказать самое заветное, передать свои мысли и чувства друзьям и подругам, родным и близким, напомнить любимому или любимой о своих желаниях и возможностях, назначить встречу, свидание, признаться в любви, рассказать о своих переживаниях по случаю измены ягодиночки (дроли, ухажера, милки, притки, залетки), ухода

близкого и желанного человека в армию («... проводила дорогого // В путь-дорожку дальнюю»), отъезда его в город на заработки, отправки на фронт и возможной гибели там.

Язык частушек по своему лексическому составу богат и разнообразен. Его основу составляет разговорная речь.

Создатели пензенских частушек используют просторечные слова и грубую лексику:

Сижу я **дура дурую**
С красивою фигурою.
Никому я не нужна,
Гармониста я жена.

(*Дура* – глупая женщина. В просторечии – любой крупный, увесистый, громоздкий материальный объект (часто употребляется как ругательство, ср.: дурак).

Сурские мальчишки,
Как лягушки, квакают.
Целоваться не умеют,
Только **обмусликают**.

(*Обмусликать*- (простореч.) смочить слюной бумагу, ложку).

Есть в пензенских частушках и примеры жаргонных выражений:

Ждем неделю, месяц, год,
Лучше не становится.
Если дальше так пойдет,
Родина **«накроется»**.

«*Накрыться* (медным) тазом – не состояться, окончиться).

В «САНиМАРТ» оделась модно
Вся теперь с иголочки
И в райцентровском **бомонде**
Нет шикарней **тёлочки!** [2]

(*Телочка* – жарг., пренебр. молодая женщина, девушка).

Частушечники Пензенской области смело занимаются словотворчеством, образуя новые слова:

Мой миленок гармонист,
А я **песельница**.

Он играет- я пою,
У нас весело в дому.

Авторы частушек очень изобретательны в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов: «вдовушка-головушка», «миленок возлюбленный», «горюшко» и т.п.

Мой **миленок** очень крут –
Одевается он тут.

Я же - тоже **не простушка** –
Про СанМарт пишу частушки!

Сочинители частушек используют повторение одного и того же корня, одного и того же слова , придавая им особую выразительность, экспрессию:

Как у нашей у реки

Берега пологие.

Сурские девчата –

Ноги кривоногие. (Записано в Поимском районе)

Можно заметить, что с приходом сотовой связи, появились частушки и о компаниях , которые её предоставляют, со словами , образованными от иностранного названия группы *Groupe Spécial Mobile* («GSM»)

Телефонный звон, как песня,

Я его зауважал.

GSM явился в Пензе-

Город ульем зажжужал.

Художественное своеобразие пензенских частушек отражено в разнообразных выразительных средствах :

А) устоявшихся зачинах –

Ах, Россия дорогая, до чего ж обидно...

До чего же жизнь дошла,

Сердце разрывается-

Смертность вверх скачок дала,

Рождаемость снижается. (Записано в С. Соболевка, Каменский район)

Б) повторах –

Депутаты, депутаты,

На словах вы хороши,

Обещали всем зарплаты,

Только платите гроши. (Записано в С. Соболевка, Каменский район)

В) постоянных эпитетах –

До чего же стало тихо

В деревнях и селах.

И нигде почти не слышен

Детский смех веселый.

Г) о восклицаниях –

В зале множество народу,

Что же все печальные?

Скоро выборы проходят,-

Выбирай начальника!

Эти средства выразительности сближают частушку с народной лирической песней, но есть особенности, которые присущи только ей: лаконизм, афористичность, смысловая емкость.

Таким образом, характерной чертой языка частушки является его выразительность и богатство языковых средств, часто выходящее за рамки литературного языка.

Частушки - любимая забава тех, кто любит посмеяться от души. Они продолжают быть частью народного творчества.

Литература:

1. <http://www.slavyanskaya-kultura.ru>
2. <http://www.sunimart.ru/konkurs-chastushek>
3. Г.И. Канакина, И.Г. Родионова, М.Г. Луннова, Л.Б. Гурьянова Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале города Пензы). Монография. Изд. 2. // под ред. Г.И. Канакиной. Изд-во ПГУ, 2014.
4. Частушка-душа народа. Сборник частушек Пензенской области. Пенза, 2004

Образ врача в творчестве А.П. Чехова

М. Ю. Лушникова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., профессор Г. В. Пранцова

Занятия медициной и врачебная практика занимали важное место в жизни А.П. Чехова. Он писал: «...занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач» [1, 26].

В своих произведениях Чехов создал различные типы врачей: самоотверженных идеалистов, полностью преданных своей профессии и обществу, интеллигентных, честных и трудолюбивых; карьеристов, эгоистов, хамов, работающих только для личной пользы или просто равнодушных к своему окружению. Причем иногда эти положительные и отрицательные черты могли соединиться в одном герое (пример тому доктор Старцев из рассказа «Ионыч»).

Несмотря на разнообразие характеров чеховских врачей, можно найти общее в их жизни. Это, прежде всего, их первоначальная любовь к профессии, беззаветный труд и самоотверженность, но в то же время и чувство одиночества, и непонимание со стороны окружающих. В финале таких произведений Чехов, как правило, описывает либо смерть героя (рассказы «Палата №6», «Попрыгунья»), либо его духовный надлом, утомленность, потерю веры в медицину и отсутствие иллюзии, надежды на изменение положения народа.

В рассказе «Случай из практики» о герое читатель поначалу узнаёт совсем немного. Ординатор Королёв – москвич, «деревни не знал», а слово «фабрика» в его воображении ассоциируются с такими понятиями, как

«непроходимое невежество рабочих, дрязги, водка, насекомые...» [2, 412]. Например, больная – дочь, – нервный припадок прошёл, сердце в норме.

История начинается с того, что Королёв прибывает к пациентке, дочери хозяйки фабрики. Считается, что несчастная девушка страдает сердцебиением, но доктор ничего «острого» не обнаруживает. Увидев перед собой рыдающую некрасивую девушку, Королёв проникается сочувствием к этой страдальце, которую мать, не жалея средств, лечит всю жизнь.

Молодой врач понимает, что богатство не дало этим людям счастья, радости и здоровья, что вся беда в том, что они разобщены и одиноки. Королёв пытается успокоить девушку не лекарствами, а «простым, ласковым словом». Он видит, что никакие лекарства не помогут там, где нужны любовь, сострадание, тепло души; причём он понимает глубокое одиночество этой «залеченной» девушки.

В основе рассказа «Попрыгунья» лежит антитеза: с одной стороны, Дымов Осип Степанович, с другой – Ольга Ивановна и круг её общения. Героям предстоит пережить драму утраченных иллюзий, причём писателю важнее обнаружить перед ними горечь утраты всей жизни.

Смысл жизни Дымова на всём протяжении рассказа остаётся неизменным – труд. Он только, замечает автор, «кротко и детски-жалобно» просит жену в письмах приехать домой, причём постоянно высылая ей деньги.

Повесть «Палата №6» знакомит читателя с психически больными людьми, с их «образом существования» в земской больнице. «Первый от двери, высокий худощавый мещанин», за ним жид Мойсейка, единственный, кому разрешено выходить из флигеля, паралитик, «неподвижное, обжорливое и нечистоплотное животное», и «Иван Дмитрич Громов, мужчина лет тридцати трёх, из благородных, бывший судебный пристав и губернский секретарь, страдает манией преследования». Медленно и однообразно тянулись здесь дни и годы, окружённые врачебным равнодушием и тиранией со стороны «простодушного, положительного и тупого» сторожа Никиты.

Как-то «распустили слух, что палату №6 будто бы стал посещать доктор Андрей Ефимыч Рагин – замечательный человек в своём роде». С самого начала повествования этот герой кажется инородным в медицинской среде. Во-первых, он отличается по внешнему виду: грубая наружность трактирщика и старый заношенный сюртук. Во-вторых, Андрей Ефимыч – доктор не по призванию, а по воле отца, сам он мечтал стать попом. В-третьих, он разочарован в медицине. В-четвёртых, что является в нём определяющим, равнодушен к больным. Он прекрасно знал, что «в большом корпусе томятся люди в болезнях и физической нечистоте... Никита колотит больных и что Мойсейка каждый день ходит по городу и собирает милостыню», но оставался не только равнодушным ко всему происходящему, а даже оправдывал себя. Ему просто не хватает характера и

веры, чтобы всё изменить. Доктор считает, что всё равно люди рано или поздно умирают, вся эта «нечистота» сама выветрится, что во всём виновато время, вот если он родился в другой момент...

Герой произведения умирает от руки Никиты. Но стоит ли винить кого-то в смерти Андрей Ефимыч, кроме него самого? Он сам «вырыл» себе эту яму своим равнодушием, пассивностью, беспомощными размышлениями о жизни, которой не понимал [3, 57]. «Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом... Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого? Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита, заставила его похолодеть от затылка до пят».

Знание медицины, и в первую очередь психиатрии, помогло писателю подробно изображать психический мир человека.

В образах врачей Чехов отобразил типичные черты представителей различных слоев русской интеллигенции – ее трудовой, демократической части, самоотверженно служащей народу и обществу, и тех, кто приспособился, кто видел в своей профессии лишь средство наживы и обогащения.

Литература:

1. Чехов А.П. Рассказы и повести. – М.: Сов. Россия, 1985.
2. Чехов А.П. Собр.соч. в 12 т. Т. 9: Пьесы 1880-1904. – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1960.
3. Клуге Р.Д. Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М., 1995. – С. 52-59.

Проблема семьи и воспитания в прозе А. Г. Алексина

З. А. Макарова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – ст. преподаватель И. С. Ключарёва

Анатолий Георгиевич Алексин (Гоберман) – прозаик, драматург, публицист.

На формирование характера писателя оказала воздействие трагическая судьба отца, ветерана революции и Гражданской войны, впоследствии журналиста, репрессированного в 1937 году, а также влияние матери – доброго и мужественного человека.

Главной темой литературного творчества А.Г. Алексина для младших школьников является тема семьи, сложных взаимоотношений ребёнка с самыми близкими людьми – отцом, матерью, братом, сестрой. Многие

рассказы и повести составляют как бы единый цикл, который условно можно назвать «Ребёнок в мире взрослых» [4, 28].

В рассказе «Мой брат играет на кларнете» конфликт внешне незначителен: младшая сестра из любви к своему брату, одарённому музыканту, идёт на подлый поступок: разрывает отношения брата с девушкой, которую он полюбил, ведь она, по убеждению Женьки, не сможет конкурировать с ней, стать верной помощницей будущего гения. Конфликт на поверхности, однако в повести мы наблюдаем сложные переплетения наивной доверчивости брата и честолюбивых замыслов сестры, решившей посвятить свою жизнь «будущему знаменитому музыканту», точное воспроизведение атмосферы школьной жизни и взаимоотношений подростков.

В повестях определяется одна из главных особенностей алексинской прозы – «как человеку человеком быть» [8, 15]. Для писателя определяющим критерием является ценность людей на земле, их человечность. Если человечности нет, то активность и энергия приводят к неутешительным результатам. Активен и энергичен Емельянов-старший в повести «А тем временем где-то...». Он создал «образцовую» семью, однако он глух к призывам о помощи некогда близкого ему человека. Другой герой повести, Шурик, считает душевность и деликатность сляктяйством. Он убеждён, что доброе отношение к людям может его испортить. Он предаёт одинокую беззащитную женщину, взявшую его из детского дома и вырастившую как родного сына в одиночестве, часто отказывая себе во многом. Шурик предаёт мать не из-за жестокости, а потому, что в данный момент ему так удобно, выгодно. Человечность в нём заменяет холодная практичность.

Продолжая традиции детской литературы, А. Алексин создаёт и сказочные произведения. Примером повестей подобного рода служит «В стране вечных каникул». Мы не можем не отметить сходство со знаменитой повестью-сказкой Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Добрым стариком-волшебником в повести является Дед Мороз, исполняющий любые Петины желания: походы в цирк, участие в цирковых представлениях, где Петя поднимает огромные бутафорские гири, а волшебник сразу после этого по просьбе Пети делает их настоящими, чтобы герой заслужил славу силача. Место Вольки занимает такой же обыкновенный школьник, желающий проводить детство в вечных каникулах и не старающийся трудом и умом добиться исполнения своих желаний.

А. Алексин обращается и к жанру детского детектива, при этом меняя его привычные каноны. Исследователи не выделяют в творчестве Анатолия Алексина жанра детектива «в чистом виде» [12, 14]. Его детективная проза – это синтез жанра приключения, нравственной повести и воспитательного произведения. Расследование преступления не является центром сюжета. Алексина больше интересуют глубинные процессы становления личности,

которые так остро протекают в душе подростка. Яркими представителями детективного жанра являются повести об Алике АликеДеткине.

Главный идейный стержень произведений для детей 12-13 лет – утверждение человечности, истинного гуманизма.

Повесть Анатолия Алексина «Безумная Евдокия» посвящена вопросам о соотношении в человеке талантов и человечности, эгоизма и душевности, жажды внимания и проявления его по отношению к людям. Сравнивая двух героинь, школьницу Олю и её учительницу Евдокию, прозванную ученицей «безумной», автор приходит к выводу, что талант – это не только одарённость, отличающая от других, но и умение думать о них. Талантлива ли Оля? Она проявляет способности к живописи и скульптуре, учится в художественной школе для одарённых детей. Однако рядом с развивающимися способностями девочки шла преувеличенная похвала, постоянный восторг родителей в связи с её успехами. Как следствие, через несколько лет Оля поверила в свою исключительность. С одной стороны, девочка была загружена разнообразными делами, развивающими её способности (кружки, художественная школа). С другой же стороны, не общаясь со сверстниками и не попадая под воздействие других людей, прежде всего классного руководителя, Оля обделяет себя в моральном отношении: не умеет дружить, любить и даже замечать любовь и уважение других, ценить эти чувства и дорожить ими. Она будто проходит мимо судьбы близких ей людей, тянущихся к ней Люси и Бори. Однако, будучи рассудительной, она по-своему рассказывает о своих конфликтах с одноклассниками и Евдокией Савельевной, убеждая родителей в своей правоте. Недостатки ученицы понимает классная руководительница, видя в индивидуализме и эгоизме Оли гибель и для таланта, и для человека. Оля хочет связать свою жизнь с искусством, но возникает вопрос, может ли она стать талантливым художником без высоких нравственных начал, без гуманного отношения к людям? Словами Евдокии Савельевы, выше всего оценивающей нравственные качества человека, автор утверждает: «К человечности талант художника может и не прилагаться, но к дарованию художника...».

Таким образом, Алексин испытывает своих героев на человечность, для него отсчёт земных ценностей начинается и кончается нравственным сознанием. В поисках нравственной ценности Алексин продолжает гуманистическую традицию всей советской литературы и особенно детской.

В произведениях для старших школьников Алексин касается важных социальных проблем. Писатель верен жизненной правде и разговаривает со своим читателем всерьёз. В более поздних повестях «Действующие лица и исполнители» и «Позавчера и послезавтра» он стремится более многогранно исследовать проблемы личной ответственности человека за себя, окружающих его людей и говорит о месте человека в этом мире, о связи времён и поколений. Он ярче, чем в ранних произведениях, показывает

столкновение гуманистических принципов общества с моралью тех людей, которые «держатся за вчерашний день».

В «Действующих лицах и исполнителях» изначально накаляются отношения. Возникает непримиримый конфликт между режиссёром детского театра Патовым и коллективом талантливых актёров во главе с молодым режиссёром-стажёром Андреем Лагутиным. Автор столкнулся не только с духовную одержимость с творческим бесплодием, но и раскрыл главную проблему в характере Патова: оказывается, главный режиссёр детского театра не любит детей. Автор выражает глубокое убеждение в том, что детство и юность – это не только подготовка к будущему, но и один из самых значительных периодов в жизни человека. Патов не верит в духовные возможности детей, в их способность понимать жизнь, чувствовать и страдать. Зина и Андрей общаются с детьми на равных, принимая их за взрослых. На несовпадении взглядов и строится основной конфликт повести.

Алексин затрагивает коренные проблемы социальной жизни, утверждая высокие нравственные принципы, ставшие главным объектом внимания писателя в повести «Позавчера и послезавтра». В данной повести присутствует атмосфера человечности, мягкого юмора и афористичного слова. Однако чувствуется резкая, саркастическая интонация в обрисовке характеров, раскрывающихся постепенно в действии как равнодушные, циничные люди.

Подводя итог, заметим, что Анатолий Алексий использует классические жанры детской литературы (повесть, рассказ, повесть-сказка, детский детектив), модернизируя традиционные жанровые особенности, тем самым создавая своеобразные авторские произведения для школьников.

Литература:

1. Алексин А.Г. Собрание сочинений в трёх томах. – М., 1991. С.937.
2. Бавина Л.О. О детях, для детей. – М., 1996. С. 300.
3. Бикбулатова К.Ф. Анатолий Алексин // Проблемы и характеры. П., 1986.
4. Воронов В.И. Анатолий Алексин: Очерк творчества. М., 1989.
5. Грушина И. Человек, написавший сагу // 25-й час. Тель-Авив. 1997. 11 апр.
6. Зубков Ю. Драматурги России. М., 1979.
7. Костюхина М. Дела и ужасы детского детектива//Детское чтение. – М., 2003.
8. Мотяшов И. Воспитание чувств//Алексин А. Домашний совет: повести//Роман-газета. 1980. №11.
9. Николаева С. Анатолий Алексин: Очерк творчества. М., 1986.
10. Пистунова А. Энергия родства: о прозе Анатолия Алексина. – М., 1998.

11. Разгон Л. Право быть собой // Семья и школа. 1977. №6.
12. Турбин В. Алик Деткин пишет роман // Дружба народов. 1969.

Изучение лексики на материале народных духовных стихов Пензенского края

Н. Г. Максимова, учитель русского языка и литературы МБОУ
«Кадетская школа по делам ГОЧС № 70» г. Пензы

Духовные стихи возникли как поэтическое освоение народом христианского вероучения. Народные названия духовных стихов – стихи, канты, старины, псалмы. Главный признак духовных стихов заключается в противопоставлении всего христианского мирскому. В фольклоре духовные стихи появились значительно позже X века, только после укоренения христианства в коллективном сознании народа. Самый старший по времени стих – «Плач Адама» – был известен в XII веке. Массовое же распространение духовных стихов, по мнению ученых-исследователей, начинается с XV века.

Духовные стихи не имеют четкого жанрового определения, так как они неоднородны. Как произведения, которые пелись, они приближались к самым разным песенным жанрам. В устном бытовании они взаимодействовали с былинами, историческими песнями, балладами, лирическим песням, причитаниями.

Первоисточник духовных стихов – христианская каноническая литература, однако наряду с ней духовные стихи испытывали воздействие разных видов древнерусской книжности: Библии, житийных и нравоучительных повестей, «чудес». Обнаруживаются следы влияния церковных песнопений, эстетическое воздействие иконы. Ярким примером развития духовных стихов как жанра являются следы влияния на их язык и стиль литературы XIX и XX вв.

Цель создания духовных стихов, прежде всего, нравоучительная, дидактическая. Они отражали религиозные чувства и воззрения исполнителей и слушателей, то есть народа.

Один из самых первых исследователей духовных стихов – Ф.И. Буслаев сформулировал еще одну функцию духовного стиха – быть посредником между книжной христианской и устной народной культурой: «Что касается до духовного стиха, то в нем наши предки нашли примирение просвещенной христианской мысли с народным поэтическим творчеством» [1, 301]. «Духовный стих – как церковная книга, он поучает безграмотного в вере, в священных преданиях, в добре и правде. Он даже заменяет молитву» [1, 302].

Примечательно, что народная вера не полностью соответствует многим устоям канонического православия. Еще в середине XIX века известный

историк Н.И. Костомаров отмечал: «Православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь. Однако русский народ постоянно соблазнялся запрещенным плодом» [2, 139]. Иными словами, народная религия, столь самобытно отраженная в духовных стихах, опиралась на православие, однако ее структура складывалась из трех слоев: древней языческой религии, канонического устава церкви и современной народной традиции святости.

То есть, духовные стихи – уникальный жанр народного творчества, так как, во-первых, в отличие от подавляющего большинства фольклорных жанров, он является «живым», развивающимся, а во-вторых, испытывает на себе мощное равнозначимое влияние православия, фольклора и современной литературы.

Кроме того, исторически сложилось так, что на сегодняшний день духовные стихи для широких народных масс остались чуть ли ни единственным средством сохранения и передачи православия от предков к потомкам, средством сбережения веры.

В народной среде духовные стихи чаще всего хранятся у плакальщиц – женщин, которых в деревнях не только приглашают на отпевание усопших, но и считают хранительницами духовности. Подборка стихов у каждой из них индивидуальна, отражает, прежде всего, характер собирательницы, формируется зачастую на протяжении всей их жизни, передается по наследству.

Кадетская школа по делам ГОЧС №70 вот уже 18 лет проводит Детскую научную экспедицию, одним из направлений работы которой является собирание народных духовных стихов Пензенского края. В нашем архиве более 100 оригинальных текстов, более 60 сюжетов.

Собранные в ходе Детских научных экспедиций тексты и в течение учебного года изучаются нами глубоко и всесторонне. В частности богатый материал народных духовных стихов исследуется в ходе изучения раздела «Лексика» на уроках русского языка.

Говоря о лексике, мы должны иметь в виду, что это, прежде всего, словарный состав русского языка и объектом изучения в данном разделе школьного курса является слово.

При изучении лексики школьники знакомятся:

- ✓ с понятием «лексическое значение»;
- ✓ со словами однозначными и многозначными;
- ✓ с прямым и переносным значением;
- ✓ с синонимами, антонимами, омонимами;
- ✓ с общеупотребительными, профессиональными и диалектными словами;
- ✓ с заимствованными и исконными словами;
- ✓ с архаизмами, историзмами, неологизмами;
- ✓ с фразеологизмами.

При работе со словом в ходе изучения лексики идет обогащение активного и пассивного словаря учащихся. Тренировочные упражнения этого раздела могут быть объединены в 5 типов в соответствии с характером задания:

1. Упражнения на словотолкование;
2. Упражнения на составление тематически объединенных групп слов;
3. Упражнения на анализ лексических средств текста;
4. Упражнения на составление со словами словосочетаний, предложений и связанного текста;
5. Упражнения со словарями.

Так при выполнении разнообразных тренировочных упражнений на словотолкование возможны следующие задания с опорой на материал народных духовных стихов Пензенского края:

1. Определите лексическое значение слова «*крест*» в строках «*Крест* тяжелый, *крест* тяжелый, сам Господь его поднял. Нес Он с трудностью великой, среди пути упал» и «Ты носи свой *крест* смиренно и на долю не ропщи, а терпения и силы ты у Господа проси» и сделайте вывод о его однозначности или многозначности.

2. С помощью подбора современных синонимов дайте толкование лексического значения выделенных слов в строках «Речи утешения у него в *устах*» и «Пал *челом* на землю Иисус Христос». Найдите другие устаревшие слова в тексте произведения, сделайте вывод о времени создания и стилистических особенностях стихотворения.

3. Дайте толкование слову «обитель» из одноименного произведения с помощью иллюстрации.

При выполнении упражнений на составление тематически объединенных групп слов возможны такие задания:

1. На основе стихотворения «Святитель Божий Николай» подберите определения для описания образа Николая Чудотворца;

2. На основе стихотворения «Два ангела» выберите все возможные глаголы-синонимы с общим значением «говорить».

При выполнении упражнений по анализу лексических средств текста выполняются следующие задания:

1. Определите возможные варианты названия стихотворения в соответствии с его идейно-тематическим содержанием;

2. Отредактируйте текст народного произведения, следя за стилистической точностью и сохраняя авторский стиль.

При составлении новых текстов со словами и выражениями, взятыми из народных духовных стихов, возможны подобные задания:

1. Определите основную мысль народного духовного стихотворения, выделите его ключевые слова и выразите идею с их помощью;

2. Напишите сочинение-миниатюру о стихотворении с использованием его ключевых слов и выражений.

Наконец, в ходе работы над лексикой народных духовных стихов с опорой на толковые словари ведется более детальное исследование лексического строя произведений. Результаты проведенных исследований неоднократно систематизировались и обобщались нами и были представлены на научно-практических конференциях школьников г. Пензы.

Подводя итог всему изложенному выше стоит отметить, что духовные стихи – жанр фольклора, органично соединяющий в себе мудрость Библии, лучшие традиции народного творчества и влияние литературы нового времени. Их значение трудно переоценить: это не только памятник прошлого, но и средство обретения духовно-нравственных основ, ступенька на пути к Вере. Лексический строй народных духовных стихов дает богатейший материал как для научного исследования, так и для использования при изучении раздела «Лексика» в школьном курсе русского языка, воспитывает бережное отношение к языку, уважение и любовь к Пензенскому краю.

Литература:

1. Баранов М. Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М., 1988.
2. Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи / Народная поэзия: Исторические очерки. – СПб., 1887.
3. Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. – М., 1957.
4. Методика преподавания русского языка в средней школе. Литневская Е.И., Багрянцева В.А. – М.: 2006.
5. Народные духовные стихи. Тексты (архив автора).

Аллюзии и реминисценции в произведениях Н. А. Заболоцкого

В. Н. Маркелова, учащаяся
Научн. рук. – учитель русского языка
и литературы МБОУ «Гимназия № 53»
г. Пензы Л. Н. Каменская,

Н.А. Заболоцкий – самобытный поэт, виртуозно владеющий словом. Одна из особенностей его стиля – обращение к «чужим» текстам. Произведения поэта пронизаны аллюзиями и реминисценциями. Чаще всего строки Заболоцкого включают в себя трансформированные цитаты из произведений А.С. Пушкина.

Приведем лишь несколько примеров. Вот описание ненастного дня у А.С. Пушкина («Метель»): "В одну минуту дорогу занесло, окрестность

исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снега, небо слилось с землею... Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснилось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом..." [4, 163]. А у Заболоцкого ненастный день описывается так: "Весь день напролет бушевала вьюга. Замела все дороги, пути. Пушистым хвостом сравняла пригорки, овражки. Плохо было одинокому путнику. Вьюга лезла под воротник, холодила грудь, обжигала, будто тальниковым хлыстом лицо. Трудно было и лошаденке. Совсем выбилась из сил, борясь с сугробами. Тишина была кругом и снег..." [2, 98]. Нельзя не заметить схожести описания зимней картины. Как видим, Н. Заболоцкий творчески воспринял от Пушкина мотивы и способы обрисовки окружающей действительности и пейзажных картин.

Претекстом поэмы Н. Заболоцкого «Падение Петровой» (1928г.), благодаря которому сформировался замысел, а затем и текст этого произведения, является поэма А. Пушкина «Граф Нулин». В основе сюжета о падении Петровой лежит достаточно банальная ситуация – героиня (Петрова) признается герою (Киприну) в любви, и тот отвергает ее, обвиняя при этом в грехопадении. За Петровой стоит не одна литературная героиня Пушкина – Наталья Павловна («Граф Нулин»), но и Татьяна Ларина («Евгений Онегин»). Пушкинский «след» в поэме Заболоцкого весьма ощутимый.

Петрова проецируется на пушкинскую «нежную мечтательницу» [4, 59] – «Красотка нежная Петрова» [2, 393]; «Петрова вся зарделась нежно» [2, 395]; «как мечту свою баюкал, / как имя нежное шептал, / Петрову звал во мраке ночи!» [2, 396], она, как и героиня Пушкина, увлечена чтением и отождествляет себя с романтическими героинями. Сравним. У Пушкина: «Воображаясь героиней / Своих излюбленных творцов, / Клариссой, Юлией, Дельфиной / Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книжкой бродит» [4, 59]. У Заболоцкого: «Когда одна в ночной тиши... / бессонной грезой томима, / тихонько книжечку читаешь, / себя героиней воображаешь» [2, 395].

Существенным в Петровой является не ее внешнее – событийное – сходство с Татьяной. Существенным является ее речевой образ, представляющий собой набор ритмико-синтаксических клише типа «движенья женские души» и «любви тайные стремленья».

В исследовании М.Л. Гаспарова «Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе» убедительно показано, что подобные ритмико-синтаксические конструкции (4-ая ритмическая форма 4-стопного ямба и трехсловный стих с двумя определительными связями) – это знак формульного стиля пушкинской поры: «В поэтике пушкинского 4-стопного ямба это заметное явление». Сравним. У Пушкина в отповеди Онегина Татьяне: «Души доверчивой признанья, / Любви невинной излиянья...» [4, 80]. У Заболоцкого Петрова – Киприну: «Вам недоступны

треволнения, / движения женские души, / Любви тайные стремления...» [2, 396].

Поэма Заболоцкого «Падение Петровой» – это текст-«гиперцитата», в котором явно солирует голос Пушкина. Для Заболоцкого обращение к великому поэту становится одним из способов выражения внутритекстовой авторской позиции: такое «удвоение» смыслов приводит к расширению образа до символа: в данном случае – символа природной активности женского начала.

Обратимся к другим примерам.

Цикл стихов «Смешанные столбцы». Первым поставлено стихотворение «Лицо коня», написанное в 1926 году. Оно принимает на себя роль носителя основных «кодов» всего цикла. В частности, в нем сразу же обозначена граница, разделяющая видимую реальность (лошадиная морда) от реальности невидимой (лицо коня). К невидимой реальности животное ближе, чем человек, которому уже недоступно то, что «знают» животные. Догадавшись об этом, он «вырвал бы язык бессильный свой».

Эта строка почти полностью совпадает с возгласом лирического героя пушкинского «Пророка» – «вырвал грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый» [4, 367]. И дальше: у Пушкина – «грудь рассек», «уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул», «глаголом жечь»; у Заболоцкого: «Слова, которые вонзаются как пламя, / И, в душу, залетев, как в хижину огонь, / Убогое пространство освещают. / Слова, которые не умирают...» [2, 197].

Явная ориентация на Пушкина помогает понять внутреннее состояние лирического «Я» Заболоцкого. Оно сходно с пушкинским в смысле отрицания мрачной пустыни суетного мира: «Сомнения нету: замкнут мир, / И лишь одни помои плещут / Туда, где мудрости кумир» [2, 56]. Общим является и мотив духовного кризиса («жажды»). Это не просто цитата, т.е. речевой фрагмент, источник которого может быть точно указан, но цитата-ответ, через которую Заболоцкий выражает своё отношение к «философии» Пушкина и тем самым утверждает собственную позицию. Здесь видится и принципиальное различие в мыслимых путях выхода из состояния кризиса. У Пушкина действие преобразования осуществляется «свыше»; позиция человека страдательно-пассивная, а у Заболоцкого – страдательно-активная: он сам «вырвал бы» свой язык. И не ради священного языка пророка: роль «шестикрылого серафима» отдана «коню». В «гипотезе Бога», похоже, нужды нет. Герою Заболоцкого чуждо желание «исполниться волей» Всевышнего. Его волнует «мудрости кумир».

Ещё одно стихотворение Заболоцкого – «Засуха» (1936). Нетрудно узнать вплетенную в его строки пушкинскую «Вакхическую песнь»:

...да здравствует разум!
Ты, солнце святое гори!
Как эта лампада бледнеет

Пред ясным восходом зари [2, 67].

Снова пушкинская «цитата», но её уже можно назвать «ответ-согласие». Возможно, Заболоцкий искал опоры в Пушкине как примере мужества в просвещении быть с веком наравне.

В программном стихотворении «Я не ищущу гармонии в природе...» грезы «дикой природы» о переходе в качественно иное состояние, осуществляемом под руководством человеческого разума, переданы Заболоцким в весьма любопытном сравнении:

Так...

Безумная, но любящая мать

Таит в себе высокий мир *дитяти*,

Чтоб вместе с *сыном* солнце увидеть [2, 187].

Ключевые слова стихотворения уже сами по себе адресуют к канону богородичных икон, а указание поэта на «высокий мир дитяти» превращает эту параллель из произвольной в необходимую. Среди поэтических «образцов» едва ли не самый близкий кругу мысли Заболоцкого найдем у Пушкина, в картине, которой он «желал быть вечно зритель»: «Пречистая и наш божественный спаситель – / Она с величием, он с разумом в очах...» [2, 67]. В уже цитированном нами стихотворении «Засуха» Заболоцкий заявляет, что место «божественного спасителя» у него занял человек «с разумом в очах», а место Пречистой – Природа, унаследовавшая от первой ее взаимоисключающие характеристики: «учительница, девственница, мать».

А вот и еще одно стихотворение Заболоцкого – «Завещание» (1947). Оно, казалось бы, не имеет ничего общего со стихами Пушкина. Однако вслушаемся в эти строки:

О, я недаром в этом мире жил!

И сладко мне стремиться из потемок,

Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,

Доделал то, что я не довершил [2, 123].

Разве такое понимание бессмертия не близко пушкинскому в стихотворении «Памятник» (1836)? Вчитаемся в размышления Заболоцкого: после смерти человека сохраняется его «мысль», сохраняется возможность «контакта» с покинутым миром. Не правда ли, Заболоцкий словно ведет незримый диалог с Пушкиным, «продолжая» его, «доделывая» то, что он «не довершил». В ответ на пушкинское «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал...» [4, 356]. Заболоцкий заверяет: «...люди там не потеряли / Души естественной своей... / Там золотые волны света / Плынут сквозь сумрак бытия...» [2, 78].

Как видим, обращение Заболоцкого к Пушкину было далеко не случайным. Это был спор с великим предшественником, спор принципиальный – спор о назначении поэта, о назначении человека, спор о будущем России.

Литература:

1. Гаспаров М.Л. Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1984.
2. Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений в 3 т. – М., 1983. Т. 1.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. сост. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интервак», 2001. 1600с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. – М.;Л., 1949.

Лингвист, этнограф, врач...(Владимир Иванович Даль)

И. Н. Мартынова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.и.н., профессор В. А. Власов

Владимир Иванович Даль родился 22 ноября 1801 года в Екатеринославской губернии, в шахтерском местечке Луганский завод. Название Луганск Владимир Даль впоследствии выберет себе для псевдонима, подписывая первые художественные произведения именем Казак Луганский.

Его отец - датчанин Jochan Christian von Dahl (1764 - 1821) - принял российское подданство в 1799 году вместе с русским именем Иван Матвеевич Даль. В Петербурге Иван Даль женится на Марии Христофоровне Фрайтаг, в браке с которой у него родилось четверо сыновей. Старшим был Владимир, детство которого прошло в Николаеве. Там он получил хорошее домашнее образование, а в 1814 году его приняли на учебу в кадетский корпус Санкт-Петербурга.

Однокашниками Даля по кадетскому корпусу были люди, получившие впоследствии известность, составившие славу Российскому государству: будущий адмирал П.С.Нахимов и будущий декабрист Д.И.Завалишин. Уже в это время Даль начинал записывать слова, давая им свои объяснения. Слово «замолаживает» («иначе пасмурнеть, клониться к ненастью»), которое он услышал от ямщика, стало первым в его записной книжке.

Карьера морского офицера не слишком привлекала молодого человека, и 20 января 1826 году двадцатипятилетний Владимир Даль поступает в Дерптский университет на медицинский факультет. Вместе с ним на факультете учились будущие медицинские светила - хирурги Н.Пирогов и Ф.Иноземцев, терапевт Г.Сокольский, физиологи А.Филомафитский и А.Загорский. В Дерпте у Даля появляются новые друзья - поэты Николай Языков и Василий Жуковский.

Учебу пришлось, однако, закончить досрочно, поскольку в 1828 году началась Русско-турецкая война. В 1829 году Владимир Даль защитил диссертацию под названием «Об успешном методе трепанации черепа и о скрытом изъязвлении почек» и «с честью выдержал экзамен на доктора не

только медицины, но и хирургии». 29 марта 1829 года он поступил в военное ведомство и был зачислен в действующую армию.

Во время Русско-турецкой войны Даль работал ординатором при подвижном госпитале. Даля-хирурга за «необыкновенную ловкость в механических работах» высоко ценил его сокурсник - выдающийся русский хирург Николай Пирогов. Даже во время боевых походов Даль каждый день узнавал и записывал новые слова. В обозе за ним шел, нагруженный сундуками с записями верблюд. Так на четырех верблюжьих ногах передвигалась картотека будущего знаменитого словаря.

Война закончилась, некоторое время хирург заведовал лазаретом в Умани, а в марте 1832 года его перевели ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь. Вскоре Владимир Даль становится медицинской знаменитостью Петербурга.

В 1827 году в журнале «Славянин» А.Ф.Воейкова Даль публикует первые стихотворения. В 1830 году выходит первая повесть Казака Луганского «Цыганка». Ее печатает один из самых интересных журналов того времени «Московский телеграф». В 1832 году выходит первая книга: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый».

В 1832 году Владимир Иванович Даль познакомился с Александром Сергеевичем Пушкиным. От Пушкина Даль получил в подарок мудрый совет и рукописный вариант сказки «О попе и работнике его Балде». На рукописи была сделана надпись: «Сказочнику Казаку Луганскому, сказочникъ Александръ Пушкинъ». И еще Пушкин горячо советовал делать словарь. Даль рассказал ему о своей страсти собирать слова, сказал, что накопил их уже тысяч двадцать. Следующая возможность для беседы представилась менее чем через год, когда 18 сентября 1833 года Пушкин приехал в Оренбург собирать материалы для исторического романа о Пугачеве.

В конце 1836 года Даль наведлся в Петербург. Здесь он последний раз увиделся с Пушкиным. Пушкин перед самой смертью подарил Далю перстень с изумрудом. Этот перстень он почитал за символ музыки поэзии. Начавшаяся с книги народных сказок, закончилась история встреч поэта и лексикографа, двух сказочников, великих знатоков русского слова: автора «Евгения Онегина» - «энциклопедии русской жизни» и автора словаря - «энциклопедии крестьянского быта».

В 1832 г. В.И.Даль знакомится с генерал-майором В.А.Перовским, человеком либеральных взглядов, прекрасного образования и воспитания, назначенным генерал-губернатором в Оренбургский край. В 1833 г. Даль оставляет медицину, получает гражданский чин коллежского асессора и становится чиновником для особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе. Здесь Владимир Иванович проведет восемь лет, насыщенных работой, литературным творчеством, сбором материалов для словаря.

путешествиями, изысканиями в этнографии, ботанике, зоологии. В Оренбурге Даль участвовал в создании зоологического музея, стал одним из основателей Русского географического общества.

В 1838 году за собрание коллекций по флоре и фауне Оренбургского края В.И.Даль был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению естественных наук.

В 1839-1840 годах Даль участвовал в Хивинском походе. С 1841 года он был секретарем Л.А.Перовского, министра внутренних дел, брата генерал-губернатора В.А.Перовского. Позже Владимир Иванович занял пост начальника министерской канцелярии, то есть стал правой рукой министра.

С 1841 по 1849 год Даль с семьей живет в Петербурге. Вместе с Н.А.Милютиным он составлял и вводил «Городовое положение в Санкт-Петербурге» (1846) - свод законов о городском самоуправлении. В эти же годы Даль пишет учебники ботаники и зоологии.

В 1846 г. были изданы «Сочинения Казака Луганского». Кроме повестей и сказок на русском языке в альманахах «Ластивка» и «Венок русинам на обжинки» выходят сказки Казака Луганского и на украинском языке. В 1848 г. в журнале «Московитянин» была напечатана повесть Даля «Ворожейка».

Летом 1849 года со своей большой семьей В.И. Даль переезжает в Нижний Новгород, где знакомится с нижегородцами и возобновляет свои «четверги». Писатели, поэты, артисты, приезжавшие в Нижний Новгород, часто заглядывали в гостеприимный дом Владимира Ивановича. Среди них были Николай Добролюбов, Михаил Щепкин, Тарас Шевченко.

В 1859 г. Даль подает в отставку по болезни и переезжает в Москву. Зимой 1860 года Даль, незадолго до этого ставший членом Общества любителей русской словесности, выступал перед другими его членами. Заслушав отчет о словаре и степени его готовности, слушатели посчитали, что необходимо незамедлительно приступить к выпуску первых томов.

Словарь был издан в 1863-1866 гг. (второе издание вышло в 1880-1882 гг.). За первые выпуски Даль получил константиновскую золотую медаль от Императорского географического общества. После выхода в свет всего словаря он был удостоен Ломоносовской премии.

В 1860-х годах выходят «Пословицы русского народа», «Полное собрание сочинений», «Повести», «Солдатские досуги», «Два сорока бывальщинок для крестьян», статьи о русском языке. В 1868 г. В.И.Даль стал почетным членом Академии наук.

Собранные им песни он отдал фольклористу П.В.Киреевскому, сказки - исследователю народного творчества А.Н.Афанасьеву. Лучшее в то время собрание лубочных картин Даля поступило в Императорскую публичную библиотеку.

Осенью 1871 года с Владимиром Ивановичем случился первый легкий апоплексический удар. Вскоре после этого он пригласил православного

священника для приобщения к Русской православной церкви. Умер В.И. Даль 22 сентября 1872 года. Его похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с женой.

«Живое слово дороже мертвой буквы» - Даль любил повторять эту поговорку. Его Словарь – это более пятидесяти лет непрерывного труда. Двести тысяч слов: книжно-письменных, просторечных, диалектных, профессиональных, «чужесловов» и «тождесловов» к ним. Богатство фразеологии - тысячи устойчивых оборотов речи; ценнейший терминологический фонд: слова, связанные с крестьянским бытом, с ремеслами, промыслами, народной медициной, флорой и фауной.

И.А.Бодуэн де Куртене, готовивший третье издание словаря и потративший много лет на его пополнение и редактирование, писал: «Есть, правда, у других народов словари, превышающие словарь Даля совершенством отделки, богатством историко-литературного материала и т. д., но трудно найти другой словарь, совмещающий в себе столько материала, почерпнутого одним только лицом из живого разговорного языка известного народа. Словарь Даля является не только одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но, кроме того, сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения миросозерцания русского народа».

Литература:

1. Брагина Н. Лингвист, этнограф, врач...//Учительская газета. 2011. №40-44.
2. В.И. Даль: Биография и творческое наследие: биобиблиографический указатель / сост. Юган Н.Л., Тарасов К.Г.М.: Флинта: Наука, 2011. - 816 с
3. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4 М.: Русский язык, 1978.
4. Костинский Ю. М. Владимир Иванович Даль (1801-1872) //Отечественные лексикографы: XVIII-XX вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. М : Наука, 2000. -512 с.
5. Порудоминский В.И. В. И. Даль// Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1971. - 384 с

Стилистическая организация романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»

А. А. Маруженко, учащаяся
Научный руководитель – учитель русского языка
и литературы МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы
Л. Н. Каменская

«Вадим», первый опыт Лермонтова-прозаика, – одно из самых уникальных произведений русской литературы. В основе «юношеской

повести» (под таким редакторским заглавием впервые был опубликован роман в 1873 году в журнале «Вестник Европы») – восстание крестьян под предводительством Пугачева в 1773-75 годах. Центральный персонаж романа – герой-мститель, в котором «одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнув высшей своей степени, загородило весь мир» [2, 315]. Незавершенный исторический роман нашего земляка соткан из идей и настроений, которые составляют содержание всей лирики и прозы М. Лермонтова.

«В романе сочетаются два начала – субъективно-лирическое и объективно-повествовательное» [3, 139]. Лермонтов в «Вадиме» продолжает традиции западного романа «ужасов», особенности которого – «утрированно безобразная внешность героя, зловещий колорит в изображении окружающей его толпы мятежников, пристальное внимание к ужасным подробностям пыток и казней, повышенная экспрессивность, эмоциональность стиля, эффектно расцвеченного метафорическими эпитетами, изысканными поэтическими образами, устойчивыми формулами стихотворной речи» [3, 137]. Б.В. Томашевский указывает на сходство некоторых изобразительных приемов в «Вадиме» Лермонтова и романе Гюго «Собор Парижской богородицы», в котором отразилась поэтика ужасного: портрет Вадима и портрет Квазимодо, описание толпы нищих у ворот монастыря в романе Лермонтова и соответствующие сцены в первых главах романа Гюго [3, 138]. Эту специфику стилистической манеры Лермонтова В.В. Виноградов характеризует так: «...романтическая проза этого типа слагалась из двух контрастных языковых стихий. „Метафизический“ стиль авторского повествования и речей романтических героев был близок по образам, фразеологии и синтаксису к стилям романтической лирики. Напротив, в стиле бытовых сцен, в стиле реалистически-жизненного описания отражалось все многообразие социальных различий повседневной устной речи» [1, 45].

Соединение в структуре лермонтовского романа лирического и повседневно-бытового начал обусловило и его стилистическую неоднородность: «сосуществование в пределах единого произведения, с одной стороны, языка условно-романтического, восходящего к языку лирики и поэм (сюжетные линии, связанные с образами Вадима, Юрия, Ольги), – и с другой – обычной разговорной речи (описание дома Палицына, его окружения, разных сторон помещичьего быта, пейзажные зарисовки), в иных случаях сближающейся с живым, народным словом, диалектными лексикой и фразеологией в сценах с участием дворни, слуг, крестьян, уральских казаков из отряда Пугачева» [1, 45].

Рисуя в «Вадиме» эпоху пугачевского восстания, Лермонтов не столько стремится к объективной передаче событий, сколько выдвигает на первый план собственное отношение к событиям и к героям. В языке и стиле «Вадима» это ярко выраженное авторское отношение к

действительности сказывается с особой силой. Например, говоря, что «на его (Вадима) ресницах блеснула слеза», Лермонтов прибавляет: «может быть, первая слеза – и слеза отчаяния!» [2, 299]. Описывая жизнь Ольги, Лермонтов замечает иронически: «Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?» [2, 285]. Лермонтов подчеркивает эту авторскую ремарку, оттеняющую его отношение к описываемому. В отступлениях Лермонтов постоянно обращается к читателю, нарушая эпичность повествовательного тона. Глава IX, например, начинается так: «Кто из вас бывал на берегах светлой Оки? – кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаньями, богатые природным, собственным блеском! – читатель! не они ли были свидетелями твоего счастья, или кровавой гибели твоих прадедов, но нет...» (2, 307). Авторские отступления всё время сопровождают текст романа, так что иногда невозможно определить, где «объективное» повествование, где авторский «комментарий». В языке и стиле авторских отступлений особенно наглядно сказывается использование «эмоциональных» языковых средств. Поскольку эти авторские отступления, комментарии всегда «впаяны» в текст, весь стиль романа характеризуется патетической приподнятостью, уже отмеченной исследователями [3, 141].

Для языка «Вадима» характерна эмоционально окрашенная лексика. «Взошел безобразный нищий» [2, 281], «в этой комнате протекала половина жизни молодой девушки, прекрасной, пылкой» [2, 297]; «круглота, белизна ее шеи были удивительны» [2, 309]; «чудные звуки разрушили мечтания Вадима» [2, 296]; «губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой» [2, 306]; «Вадим почувствовал неизъяснимое сострадание к этим существам» [2, 315]; «отвратительное зрелище представилось его глазам» [2, 307]. Слово у Лермонтова теряет свою точность. Вместо одного слова с конкретным значением дается многословный его метафорический эквивалент. Язык «Вадима» Б.В. Томашевский называет «метафорическим языком романтика». С первой же страницы повести мы встречаем фразеологию, которая имеет место и в юношеской поэзии Лермонтова. День угасал» (начало «Вадима»); «Осенний день тихонько угасал» (начало «Джулио»). «И он сделал шаг, чтоб выйти, кидая на нее взор, свинцовый, отчаянный взор» [2, 337]; «отчаяния свинцовая слеза, из сердца вырвавшись насильно, может скатиться» («Видение»); «его душа еще не жила по-настоящему» [2, 339]; «сколько я видел людей... душа которых менее жила» («Портрет»).

Романтическую фразеологию Лермонтов применяет как в «Вадиме», так и в поэзии. Таковы, например, рассказ Вадима о пребывании в монастыре и «Исповедь» (1830); отступление о женихе-призраке в «Вадиме» [2, 302] и «Гость» (1830-1831). Лермонтов, таким образом, включает в текст «Вадима» темы, разработанные в поэзии, но сохраняет при этом тот же язык.

Как это было характерно для романтизма – противопоставление добра и зла, так и у Лермонтова демонический Вадим противопоставлен «земному ангелу» Ольге: «эти ангельские черты, эта демонская наружность» [2, 359].

Вадим – это не обыкновенный человек, а романтический герой, в глазах которого «блистала целая будущность», Ольга – «ангел, изгнанный из рая»; таким же романтическим героем является и Юрий. И при изображении этих героев, их поступков и переживаний Лермонтов прибегает к эмоционально-возвышенной лексике, соответствующей их приподнятости над жизнью. В то же время Лермонтов стремится передать внутренние противоречия самих героев. Так, Вадим совмещает в себе величайшее зло с величайшим добром. Этой противопоставленности образов и их внутренним противоречиям соответствует постоянно присутствующая языку «Вадима» антитеза: «на него (Юрия) были устремлены два черные глаза и светлый кинжал» [2, 337]; «где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление» (2, 369); «надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу, чтобы так играть жизнью и смертью» [2, 369].

Лермонтов все время вводит лексику, обозначающую стихийные силы природы, что является типичным для романтизма: «этот взор был остановившаяся молния» [2, 281]; «он жалел от души... умирающих преждевременно, во цвете жизни, которых смерть забирает вместо их, как буря чаще ломает тонкие высокие деревья и шадит пни столетние» [2, 288]; «скоро она (Ольга) забылась; и тогда душевная буря вылилась наружу» [2, 278]; «это был хаос всех чувств земных и небесных, вихорь» [2, 290]; «смерть являлась мутным его очам... как удар грома небесного» [2, 319]. В то же время Лермонтов в «Вадиме» нередко прибегает к лексике, фразеологии, образам, связанным с христианской мифологией. Однако эта лексика и фразеология лишены своего архаического, церковно-славянского обличья. При изображении романтических своих героев (Вадима, Ольги, Юрия Палицына), при передаче их речи Лермонтов постоянно использует христианскую мифологию. «Небо – рай – ангел» – вот лексика, относимая к положительным персонажам; «ад – дьявол (демон)» – к отрицательным героям.

В начале романа Лермонтов, как уже упоминалось, дает следующую характеристику Ольге: «Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве» [2, 280]; или: «Вадим не сводил глаз с этого неземного существа» [2, 319]. В диалоге с Ольгой Вадим говорит о том, что у нее «небесные очи» [2, 329]. В другом месте Лермонтов пишет об Ольге, что «ее небесные очи были неподвижны» [2, 335]. «Ольга, ты мой ангел утешитель», – говорит Юрий Ольге [2, 289].

Наоборот, Вадима Лермонтов с самого начала выводит рассматриваемым «дьявола, изображенного поблекшими красками на святых воротах» [2, 283]. Про нищих сказано, что «они уважали» в Вадиме «демона – но не человека» [2, 279]. Когда Палицын предложил Вадиму стать его слугой, «адская радость вспыхнула на бледном лице» [2, 289]. После разговора с Ольгой «чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его... что-то демонское» [2, 287].

Лексика эта служит одновременно для передачи психологического состояния романтических героев. В соответствии с этой лексикой и фразеологией подобраны и некоторые литературные сравнения: «Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшей Маргаритой» [2, 363]; «липы, как стражи, казалось, простирали огромные ветви... казалось, на узорах их сморщенной коры был написан адскими буквами этот известный стих Данте: «Lasciate ogni speranza voi elf entrate!» [2,366].

Все эти сравнения являют нам стилистически неповторимую картину романа. «Вадим» – уникальный синтез романтизма и реализма. Лермонтов впервые в русской литературе делает попытку создать романтический роман, используя историческую основу. Художественно и стилистически роман, без сомнения, принадлежит к романтизму, однако в нем явно заметны признаки будущего реализма последующей прозы Лермонтова.

Литература:

1. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова. – В кн.: Литературное наследие, т. 1, с. 43-44. – М., 1989.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2 томах. – Том второй, с. 275-379. – М.: Правда, 1989. – 704 с.
3. Томашевский Б.В. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция. – В кн.: Литературное наследие, т. 2, 135-143. М., 1989.

Азиатские медиа: проблема насилия в отношении журналистов Афганистана (2010 – 2014 гг.)

З. Махди, магистрант,
Г. К. Муканова, к.и.н., доцент
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,

Введение. В КазНУ им. аль-Фараби 6 марта 2014 г. состоялось торжественное открытие Глобального хаба Программы ООН “Академическое влияние”. Деятельность КазНУ во главе хаба UNAИ способствует продвижению десяти всемирно признанных принципов ООН, касающихся прав человека, грамотности, устойчивого развития и разрешения конфликтов. Более трех лет в университете активно действует международная программа Global Classroom по устойчивому развитию. Также при поддержке представительства ООН в Казахстане КазНУ стал частью всемирной студенческой программы-игры “Модель ООН – Новый Шелковый путь”. В мае текущего года на базе КазНУ состоится важное событие мирового уровня – III форум ректоров университетов Азии.

История журналистики в регионе и способы оздоровления условий их деятельности – тема исследования иностранных магистрантов.

Журналистика в Афганистане не имеет длительной истории. Но, даже бросив поверхностный взгляд на нее, мы обнаруживаем, что журналистика всегда была связана со многими проблемами. Цензура, лишение свободы, физическое насилие (убийства и нападения) и угрозы свободе прессы - наиболее распространенные факты, с которыми мы сталкиваемся при изучении истории афганской журналистики.

После падения жестокого режима талибов и присутствия Америки и международного сообщества в Афганистане, афганский народ ожидал реальной демократии в части прав меньшинств, гражданских прав, стабилизации, мира и безопасности и, в рамках этих принципов, получения свободы слова. Но ожидания афганского народа не оправдались.

Более десяти лет, действующее правительство держится при поддержке США, но нет гарантий безопасности и мира, гражданских свобод. Хуже того, в течение этого десятилетия, насилие в отношении СМИ стало очевидным. Собственно, процесс развития журналистики в Афганистане получил сильно повреждение.

В течение десяти лет после падения режима талибов, насилие возросло более чем когда-либо. Это событие имеет непосредственное влияние на профессию журналиста. В течение этого периода, проблемы, с которыми сталкиваются журналисты в Афганистане: запугивание, психологическое давление, физическое насилие, в том числе убийства, избиения, ограничения деятельности СМИ. Согласно опубликованным статистическим данным, в средствах массовой информации организациями по правам журналистов, и организациями, отстаивающими свободу слова, факты насилий в отношении журналистов имеют динамику роста.

В этой статье мы рассмотрели состояние журналистики Афганистана за последние годы (с 2010 г. по настоящее время).

Материалы. Статья основана на достоверных источниках и статистических данных, независимых экспертных оценках на фарси, английском и русском языках.

Методы исследования: историзма, объективности, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительный, аналогов.

Обсуждение. Журналисты в Афганистане сталкиваются с различными проблемами. Одна из худших из них, как подчеркивалось выше, - это насилие в отношении журналистов. Есть различные аспекты, как правило это - запугивание журналистов, оскорбления, похищения, пытки и убийства журналистов.

Год 2010-й. Этот год, по сравнению с предыдущими годами, был тяжелым годом для журналистов страны. Проблемы безопасности и давление со стороны правительства и других государственных органов по пресечению деятельности журналистов, были серьезными.

Факты: Глава информации и культуры провинции, Абдул Маджид Бобби, в конце марта был убит террористами из талибов, по пути в свой

кабинет. После убийства, преступники скрылись с места происшествия. Через несколько часов, представитель талибов Кари Юсеф взял на себя ответственность за убийство Абдул Маджида.

Казука Тсунка, 40-летний японский независимый журналист, во время передвижения из Кундуза в Баглан, был похищен неизвестными лицами. Через несколько часов, местный командир талибов объявил, что они похитили журналиста. Он добавил, что освобождение этого журналиста будет зависеть от решения руководства талибов.

Далее. Два французских тележурналиста «Канала-3», в 2010 году были похищены талибами. Через несколько месяцев после их похищения, талибы опубликовали видеозапись. Было сказано, что талибы готовы обменять захваченных талибов на двух журналистов. Французские журналисты в видеообращении к президенту Саркози сказали: «Президент Франции должен знать, что мы сталкиваемся с угрозой смерти, повторяем еще раз: французский президент должен инициировать переговоры о нашей свободе» [1].

Кроме того, в 2010 году ряд печатных СМИ в провинции Газни были закрыты. Журналисты из-за отсутствия доступа на заседания Высшего совета мира Афганистана, который состоялся в том же году, жаловались, что не имели достаточной информации.

Год 2011-й. По данным института «Най или поддержка независимых СМИ в Афганистане» [2], «...77 (семьдесят семь) случаев насилия в отношении журналистов в прошлом году были зафиксировано». Согласно отчету, среди 77-ти случаев насилия в отношении журналистов, «4 журналиста были убиты и 7 ранены» [3]. А в остальном, угрозы, домогательства и ограничения имели место.

В том же году, 7 журналистов из «Ariana Television Network», ушли в отставку. Причиной отставки послужили «цензура и отсутствие свободы выражения мнений» на канале. Сами же журналисты в интервью сказали: «Телевизионные чиновники, под давлением местных и зарубежных властей, ввели цензуру свои программы» [4].

Также в 2011 г. Министерство информации и культуры Афганистана предупредило ряд визуальных СМИ, чтобы они воздержались от вещания «антиисламских» программ. Но многие журналисты и деятели культуры в ответ на это, назвали этот шаг Министерства информации и культуры, стремлением ограничить свободу слова и свободу СМИ.

Год 2012-й. В конце 2012 г. «были зафиксированы 69 случаев насилия в отношении журналистов». Согласно «Afghanistan Watch Organization», среди 69-ти случаев насилия в отношении журналистов, «...два журналиста погибли и 9 получили ранения» [5]. Согласно этому докладу, 19 журналистов подверглись физическому насилию (избиение), 25 журналистам угрожали, а 11 журналистов получили оскорбление. В этом релизе говорится, что «проблемы безопасности, финансовые проблемы, отсутствие доступа к

информации и внутреннего давления являются проблемами, с которыми журналисты сталкиваются в течение года». Динамика насилия в отношении журналистов, по сравнению с 2011 г., снизилась на 14 процентов.

Год 2013-й. Ежемесячный отчет "Afghanistan Watch Organization" (Най) показал, что 2013 г. для журналистов в Афганистане был богат событиями, трудным годом. Действительно, длинный список жертв среди журналистов и событий вокруг СМИ, убедителен. В этом году основные трудности для СМИ составили: убийства журналистов, психологическое давление, физическое насилие, запугивание и оскорбления, закрытие ряда аудио- и видео-носителей и также печатных СМИ.

В декабре 2013 г. организация «Afghanistan Watch Organization» опубликовала свой ежегодный доклад. Доклад показывает, что насилие в отношении журналистов в течение года увеличилось. В докладе говорится, что в 2013 г. зафиксировано 76 случаев насилия в отношении журналистов.

В докладе отмечается «that there was 76 cases of violence against journalists registered in this organization which shows an increase compared with previous year's figure which was 69. This report has classified the incidences of violence against journalists as following:

Murder: 3 cases (50% increase).

Injury: 7 cases (22% decrease).

Custody: 6 cases (100% increase).

Beating: 34 cases (79% increase).

Threat and insult: 26 cases (27% decrease).

There were three journalists murdered in 2013 due to their occupation in the reporting and media [sector]. Samani Donya Zakeri, a female journalist in a local medium in Parvan province, was one of them. She was mysteriously murdered and her dossier has not been assessed by the relevant organs yet» [6].

Одной из жертв является Мохсен Хашеми, который работал на местной радиостанции в Каписа. Согласно докладу, «Мохсен был убит противниками его работы в СМИ. После убийства, его тело было найдено в колодце».

Следующей жертвой является Музаммил. Он работал в местной радиостанции в провинции Нангархаре и одновременно учился в университете. Он был похищен неизвестными лицами с работы и несколько дней спустя убит.

Также, организация «Най» в докладе отметила, что «отсутствие закона о доступе к информации, внутренние проблемы организации, влияние владельцев СМИ и контроль со стороны прокуратуры и власти за СМИ, являются проблемами, стоящими перед журналистами Афганистана в 2013 г» [7].

Год 2014-й. Этот год для народа Афганистана особенно пугающ. От правительства до жителей - все обеспокоены. В таких ситуациях, очевидно, что журналисты и организации по защите прав журналистов, обеспокоены ухудшением положения журналистов в Афганистане. Пресс-секретарь

Министерства информации и культуры Афганистана в мае 2013 г. по случаю Всемирного дня Прессы выразило беспокойство так:

«Журналистика в Афганистане - по-прежнему тяжелая работа. В будущем году [2014], в соответствии с президентскими выборами, передачей ответственности за обеспечение безопасности и выводом иностранных войск, [...] работа журналистов будет труднее, тяжелее и опасней» [8].

Кроме того, многие учреждения и газеты, выразили озабоченность ухудшением состояния журналистики в Афганистане, с начала с 2014 г. Эти прогнозы и беспокойство недалеки от реальности; за два месяца с начала 2014 года, несколько случаев насилия в отношении журналистов зафиксированы в Управлении "Най":

Загадочное убийство журналиста в провинции Гильменд. Нур Ахмад Нури, продюсер "Радио Бост" в провинции Гильменд, который ранее работал с «Нью-Йорк Таймс», в середине февраля т.г., был убит.

Радиожурналист был убит в результате теракта в Кабуле. Ахмед Шахид Наими, 20-летний репортер, на пути в офис Нава радио и Саба ТВ, на территории Карте-Но в Кабуле, убит в результате теракта.

Избиение директора ТВ Берлик. Мохаммад Реза Гафури, директор ТВ Берлик в провинции Тахар, был избит.

Залмай Халими, корреспондент афганского национального радио и телевидения, в январе т.г. был избит [9].

Тем не менее, организация "Репортеры без границ" (Reporters without Borders) в рейтинге 2014 г., в разделе «Всемирный Индекс свободы прессы 2014 г.», разместили Афганистан под номером «128».

Афганистан в категории (128), несмотря на насилие в отношении журналистов, и особенно женщин-журналистов, общая ситуация со свободой слова в Афганистане не изменилась. В прошлом году категория была ниже. В следующем году, в связи с президентскими выборами и выборами в провинциальные советы, на молодую демократию в Афганистане влиять будут: вывод международных войск, содействие безопасности (МССБ) Афганистана, безопасность для граждан и обеспечение безопасности для журналистов» [10].

Проблемы остаются, будущее непредсказуемо. Афганистан спустя несколько месяцев войдет в избирательную кампанию. Афганское правительство до сих пор не подписало соглашение о безопасности, с США. Деятельность талибов и других экстремистских и террористических группировок растет с каждым днем.

Между тем, афганское правительство в замешательстве, освобождает опасных заключенных талибов из тюрем. Все этих факты вызывают беспокойство афганского народа. Эти процессы будут влиять на журналистов. Учитывая эти факты, положение журналистов в 2014 г. ожидается хуже, чем было.

Закключение. Насилие в отношении журналистов в Афганистане является известным фактом. Это насилие сильно повлияло на престиж профессии журналиста в Афганистане. Тем не менее, в настоящее время Афганистан является «развивающейся демократией» менее десятилетие и журналистика воспринимается четвертой властью. Но, к сожалению, как выше изложено, большая часть насилия в отношении журналистов применяется со стороны государственных служащих и правительства.

Афганское правительство, будучи в политически сложной ситуации, не смогло предпринять практические шаги к эффективному решению этой проблемы. Тем не менее, начиная с 2014 года и предстоящие президентские выборы /апрель т.г./ а также одновременно, вывод войск НАТО из Афганистана, создает поводы для беспокойства, относительно ухудшения ситуации.

Таким образом, борьба с насилием в отношении журналистов, прежде всего, нуждается во внимании афганского правительства, международного сообщества, общественных объединений и культурных учреждений.

К сожалению, в данной связи недостаточно оптимизма в прогнозах по поводу лучшего будущего для журналистов. Тем не менее, в процессе борьбы с насилием в отношении журналистов, нужны серьезные решения. Для улучшения условий работы журналистов и свободы самовыражения и деятельности правозащитных групп в Афганистане, немаловажно сотрудничество с зарубежными общественными объединениями и учреждениями культуры.

Литература:

1. خبرنگاران در افغانستان 1383-1389، نی حمایت کننده رسانه های آزاد افغانس 1389
2. Nai - Supporting Afghanistan Open Media
3. http://www.bbc.co.uk/persian/afghanistan/2012/05/120503_k01_afg_journalist_violence.shtml
4. http://www.bbc.co.uk/persian/afghanistan/2012/02/120216_109_aryan_tv_journalist_resign.shtml
5. http://www.bbc.co.uk/persian/afghanistan/2012/12/121225_k02-journalists-vionlences-2012.shtml
6. <http://nai.org.af/files/documents/mw/Media%20Watch%20Dari%20report%20103.pdf>
7. Более подробную информацию на английском языке можно узнать по ссылке: <http://nai.org.af/en/page/media-watch>
8. راشدی، مبارز. (2013)، «فضای آزاد رسانه‌ای از بین نرود» روزنامه 8 صبح دوشنبه 16 ثور 1392.
9. <http://nai.org.af/files/documents/mw/Media%20Watch%20Dari%20report%20104.pdf>
10. <http://rsf.org/index2014/fa-index2014.php#>

**«Любовь никогда не перестает...»
(Тема любви в творчестве М.Ю. Лермонтова в свете Первого послания апостола Павла к Коринфянам)**

Л. А. Мещерякова, к.филол.н., доцент, *Е. С. Удилина*, студентка

Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви...
М.Ю.Лермонтов

Тема любви в творчестве М.Ю.Лермонтова в современном литературоведении относится к числу, казалось бы, всесторонне исследованных в трудах Эйхенбаума Б.М., Михайловой Е.Н., Мануйлова В.А., Андроникова И.Л., Котляревского Н.А., Григорьяна К.Н. и многих других. Почти за двухсотлетний период интереса отечественных ученых и критиков к этому вопросу были предприняты попытки подойти к его рассмотрению с самых разнообразных точек зрения.

С какой мировоззренческой платформы переживал это чувство сам поэт? Для многих современников Лермонтова не было высказывания о любви более авторитетного, весомого и неоспоримого, чем Первое послание апостола Павла к Коринфянам: *«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит; любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»*. Нет никакого сомнения в том, что в основе христианского мироощущения поэта лежали именно эти непреложные истины. Не вызывает также сомнения и тот факт, что трагическое мировосприятие Лермонтова связано с невозможностью увидеть их претворенными в реальность. Отсюда проистекают многие противоречия и сомнения Лермонтова.

Столь разностороннее и всеохватывающее понимание любви, которое дает Библия, конечно же, не ограничивается только любовью к женщине. Это еще и любовь к ближнему, к Родине, родителям, к жизни в целом. И тем не менее всем своим существом лирический герой Лермонтова стремится прежде всего к обретению родственной души, друга, любимой, способной понять его духовные интересы.

Любовь в творчестве М. Ю. Лермонтова имеет множество темных, тайных сторон, не поддающихся пониманию и ведущих к дисгармонии, душевной усталости и раздраженности лирического героя. В стихотворении «Ночь» лирический герой так обращается к Богу: *«Возможно ль! первую любовь / Такою горечью облить...»*

Христианское *долготерпение* не связано с невозможностью изменить свою жизнь. А это есть истинное понимание и безоговорочное принятие ближнего; это прощение, это труд, тяжелый, каждодневный и благодатный. Лермонтов, с разницей в десять лет, написал два стихотворения на одну и ту же тему, со схожими мотивами. Но в контексте Послания св. Ап. Павла они выглядят противоречащими друг другу. Стихотворение 1830 г. под названием «Благодарю!» - восторженный гимн любви. Лирический герой стихотворения «Благодарность» (1840), напротив, винит возлюбленную во всем, в чем он «обманут в жизни был»; в истории их любви концентрирует внимание на печальных последствиях. Но «долготерпящая» любовь не знает сарказма, иронии, какими проникнуто это короткое стихотворение: «...Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я еще благодарил».

Милосердие есть самая главная добродетель верующего человека; это чувство, направленность души, которую следует понимать в прямом и единственном смысле. Милосердие это и есть любовь и вне этого чувства не может существовать. 17-летний Лермонтов пишет стихотворение, лирический герой которого тонко чувствует эту сторону любви, предстает благородным и прямодушным: «... услышав, что я страдаю,/Ты не томись раскаяньем пустым,/Прости! – вот все, что я желаю...».

Годом позже Лермонтов создает стихотворение «Я не унижусь пред тобою...», в котором лирический герой определяет собственные интересы как превосходящие интересы возлюбленной, а совершив жертву во имя любви, спустя время горькосожалеет об этом: «Не зная коварную измену,/Тебе я душу отдавал/Такой души ты знала ль цену?/ Ты знала – я тебя не знал!»

Истинная любовь *не завидует*. Стихотворение «Небо и звезды» отражает понимание губительной силы зависти, царящей в человеческих отношениях. В стихотворении «Отчего» (1840) лирический герой не просто не может радоваться благополучию любимой, но в его душе зреет злое начало, сеющее зависть. Сравнивая собственное мрачное душевное состояние с видимым счастьем возлюбленной, герой понимает, в чем причина его печали: « Мне грустно...потому что весело тебе». Зрелое размышление поэта приводит к пониманию и этого противоречия: в стихотворении «Небо и звезды» лирический герой не опускается до зависти потому, что он смотрит на мир людей как будто с высоты, не дающей стать мелочным и мстительным. В стихотворении «Отчего» герой, умудренный жизненным опытом, прекрасно осознает, в чем причины холодности возлюбленной и собственной злости, раздражительности, которые в результате и привели к печальному разрыву отношений.

Любовь в творчестве М. Ю. Лермонтова многое *переносит*: об этом свидетельствует зрелое стихотворение «На севере диком...». Любовь, несомненно, жива и требует выхода и взаимности, она остается в сердце

лермонтовского героя до самой смерти, она способна сделать его даже бессмертным. *Раздражение* в любви у М. Ю. Лермонтова – вынужденное чувство, способ самозащиты слабого человека.

Любовь, которая «не бесчинствует», – одна из самых интересных и сложных составляющих в контексте Послания. Такая любовь благодарна и терпелива, не способна на преступление против нравственности и духовности. «Бесчинствовать» – значит идти против воли Бога, противоречить Его заповедям. В стихотворении «Отчего», датированном 1840 г., любовь лирического героя именно бесчинствует: «За каждый светлый день иль сладкое мгновенье/ Слезами и тоской заплатишь ты судьбе...» Здесь очевидна неблагодарность, усталость, злое удивление, побуждающие героя делать укоры Творцу. Бесчинствует, несомненно, страсть Кирибеевича, героя «Песни про...купца Калашникова», которого не останавливает не только факт замужества Алены Дмитриевны, гнев царя, но и Божья заповедь.

Если Кирибеевич мало осознает ложность, греховность своего чувства перед людьми и перед Богом, то рефлексирующий Печорин в анализе своих чувств достигает главного – понимания истинной роли любви в жизни любого человека. Но таков Печорин – его ничто не впечатляет, а страсть противоречить всему на свете так сильна, что приводит к бесчинству в любви. Подтверждение тому – фраза из дневника Печорина: ««Некстати было бы мне говорить о них (о женщинах) с такой злостью, – мне, который кроме них на свете ничего не любил...»».

В стихотворении «Я не унижусь пред тобою...» лирический герой позволяет *гордости* овладеть им, сделать нетерпимым, незрячим: «Тебе я душу отдавал:/ Такой души ты знала ль цену?/ Ты знала – я тебя не знал!» Совсем иного плана стихотворение 1841 г. «Они любили друг друга так долго и нежно», в котором поэт критически осмысливает историю любви длиною в жизнь. Гордость как черта характера и как худшая сторона любви наказывается Богом, и влюбленные, избегавшие на протяжении всей жизни встреч и теплых слов, терпящие разлуку в страдании по своей воле, из гордости, теряют друг друга в вечности: «И смерть пришла: наступило за гробом свиданье.../ Но в мире новом друг друга они не узнали». Стихотворение, как и вся зрелая любовная лирика М. Ю. Лермонтова, построено на мотиве не просто неразделенной любви, но фатальной невозможности соединения любящих. Сам поэт в это время находится там, где быть не желает и занимается тем, что не нужно ему. А между тем до его гибели остается пара месяцев, и пророческая тоска чувствуется в стихотворении.

Той любовью, которая сама собой *гордится*, может обладать только гордый человек. Но, к примеру, Б.Эйхенбаум приходит к выводу о том, что презрительность М. Ю. Лермонтова – «замаскированная гуманность», а гордость – «необходимая позиция» и «способ самозащиты».

Любовью, которая способна все *перенести*, Лермонтов наделил героиню своей ранней поэмы «Кавказский пленник» (1828). Влюбленная черкешенки поступает самоотверженно, ее не страшит даже то, что ей никогда не быть с любимым. Несомненно, этот образ отличается глубиной и силой характера, именно такой представлял себе юный поэт влюбленную женщину.

В стихотворении «1830. Майя. 16 число» есть такое признание: «Люблю мучения земли». Здесь не одно, а сразу два откровения: признание в любви к жизни и признание в том, что жизнь, неотделимая от страданий, притягательна вдвойне, а мучительная тоска – это поиск самого себя, решение пойти по узкой, неторной дороге, движение по которой опасно, трудно, губительно.

Большинство приведенных нами произведений написаны в ранний период творчества. В дальнейшем многие мотивы и настроения исчезают. Объяснить же такую направленность ранней любовной лирики поэту удалось в стихотворении «1830 год. Июля 15-го», в котором лирический герой анализирует истоки зла, мыслимого или даже совершенного им:

Страшусь, в объятья деву заключить,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Какой точный образ использован поэтом в приведенном отрывке: «жертвенник, сгоревший от огня», связующий воедино сразу несколько сторон любви по евангельскому Посланию. Сердце-жертвенник истерзало себя милосердием, не получая ничего взамен, тогда как юное сердце всегда ждет ответной жертвы и не мыслит любви без ее получения. Огонь, сгубивший это благородное и доброе сердце, есть сильнейшая страсть, ассоциировать которую можно пока лишь со всепоглощающим пламенем, щадящим все или все уничтожающим.

Детская и юношеская журналистика (на примере Пензенского региона)

Т. Д. Михайлова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент А. С. Жуков

Последнее время все чаще и чаще говорят о медиаобразовании. Оно нацелено на работу прежде всего с детьми и подростками потому, что их социализация в большей степени происходит через СМИ: познание мира, жизни своей страны, других стран, различных социальных категорий, с которыми они непосредственно не сталкиваются – именно так они входят, погружаются в социум, в общество своей страны и в мировое сообщество. И

в первую очередь это происходит через детско-юношеские СМИ, в частности, прессу, которая является самым доступным каналом для получения информации. Это и говорит об актуальности выбранной для исследования темы.

На сегодняшний день подобные исследования в Пензе проводились несколько лет назад, но с тех пор многое изменилось: ниша школьной прессы сильно заполнилась - и этим определяется новизна данной работы. Важно отметить, что непосредственно по проблематике нашей работы литературы в Пензе нет, что еще раз подтверждает уникальность проводимого исследования. Основным типоформирующим признаком всех рассматриваемых изданий является характер аудитории, на которую они рассчитаны. Психологи делят эту аудиторию на 4 возрастные группы: дошкольников, младших школьников, подростков, старшеклассников.

Изучение ассортимента детско-юношеских изданий в киосках «Пензпечати» и у частных распространителей показало, что юному читателю, как правило, предлагаются молодежные издания развлекательного характера. Гвоздь любого молодежного журнала – последние новости, скандалы, слухи о знаменитостях. Именно они (после рекламы) занимают первое место по объему.

Единственной газетой в Пензенской области, в которой можно прочитать мнение подростков, - «Пятый угол», который позиционирует себя как «газета собственного «Я», т.е. газетой, являющейся ярким примером юнкорской прессы. В силу сложившихся обстоятельств газета стала центром развития юнкорского движения в Пензе и области. По ее инициативе в Пензе в 1998 году создана Ассоциация «малой» прессы, в которую входят редакции школьных газет.

Отличительной особенностью школьных газет является то, что практически все они направлены на создание положительного имиджа учебного заведения. Именно поэтому большинство публикуемых статей посвящены новостям школы (спортивным и интеллектуальным мероприятиям, праздникам). Газета рассказывает о работе органов школьного самоуправления, о школьных «звездочках». Репортеры изданий берут интервью у учителей, директора школы, что способствует сближению учеников и педагогов. Есть материалы, посвященные воспоминаниям выпускников учебных заведений, в которых они рассказывают о традициях школы, делятся впечатлениями о годах, проведенных в ней. Остальные рубрики пропагандируют здоровый образ жизни и психологически готовят, например, к экзаменам, авторы рассказывают о своей внешкольной деятельности, говорят о своих увлечениях, об интересах подростков, о проблемах современного мира. Также газета – возможность для детей продемонстрировать свой литературный талант, в школьной прессе обязательно наличие страничек со стихотворениями, притчами, баснями и т.д.

Все школьные газеты являются юнкорскими изданиями, т.е. создаются подростками под руководством взрослых. Как правило, это педагоги - учителя русского языка и литературы, историки, есть также учителя информатики и математики. Редакция подбирает названия, отражающие принадлежность школе или учебного заведения другого статуса (Школьный вестник). Мы встретили большое количество названий такой формы Сочетание «район Пензенской области + вести / ведомости / хроники / трели / новости» или «на ... волне» (Кривошеевские вести).

Школьные газеты представляют собой самодеятельные здания двух типов: стенные (почти прекратили свое существование) и компьютерные. Невелик процент газет с тиражом меньше 10 экземпляров с выпуска. Тиражируются газеты на принтере или ксероксе. Компьютерные газеты выпускаются там, где есть условия для этого: соответствующая техника и человек, знающий издательскую программу.

Велик процент изданий, распространяющихся бесплатно, но есть и те, которые имеют цену. Однако надо отметить, что все вырученные средства затрачиваются на покупку бумаги, расходного материала и краски для принтера.

В 2007 году редакция газеты «Пятый угол» впервые в Пензенской области выпускает Каталог школьных изданий [7]. В нем была собрана информация о 101 школьной газете. Сейчас готовится новый каталог. И по сведениям, находящимся в распоряжении редакции, сейчас в области 144 школьных изданий (газет и журналов - реже). Одно из этих изданий – газета «Позиция».

В сентябре 2005 года на очередном заседании гимназической Думы (высшего органа детского самоуправления), было принято решение о создании пресс-центра «ЮНСМИ». В 2010 году у пресс-центра появилась своя символика, где графически отразились все направления его работы.

Первым направлением, который был реализован, стала гимназическая газета «ПОЗИЦИЯ». Девиз издания: «ТВОЁ МНЕНИЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ». За годы своего существования газета не раз меняла объем, тираж, периодичность выпуска. Так, в 2005 году газета выходила на двух полосах, а уже в 2010 на двенадцати. Тираж возрос с 20 до 120 экземпляров. На 2011 год газета выпускалась два раза в месяц и распространяется как внутри гимназии, так и за ее пределами. В создании информационного издания принимали участие не только сами гимназисты, но и их родители, выпускники, педагоги. Количество гимназистов, вовлеченных в создание газеты, увеличилось с 10 до 30 человек.

Таким образом, рынок школьной прессы по сравнению с рынком 2004 года значительно расширился. В основном, выпускают компьютерные газеты. Для создания изданий привлекаются не только инициативные ребята, но в выпуске участвуют и преподаватели школ. Можно сделать вывод, что рынок достаточно стабилен, и есть перспективы для его дальнейшего

развития. В связи с тем, что газеты продаются, а значит, и покупаются, т.е. вступают в рыночные отношения, необходимо улучшать содержание материала, уделять большое внимание графическому оформлению и знакомить корреспондентов с законами журналистики. Главная проблема современных школьных изданий в том, что газету выпускают не профессионалы, а энтузиасты. И эту проблему старается решить «Пятый угол», который проводит в рамках работы Ассоциации школьных изданий семинары, конкурсы, старается научить и познакомить с особенностями журналистского дела.

Литература:

1. Я.Н. Засурский «Систематизация средств массовой информации»
2. Гоне Ж. Школьные и лицейские газеты. Пер. с фр./Общ. ред. и вст. Ст. А.В. Шарикова. - М.: ЮНПРЕСС, 2000.
3. Уханова Л., Животовская Л., Коноплев А., Круглова Л., Степанова М., отец Гофман В. Легкое перо. Пособие для начинающих литераторов - Нижний Н.: Арабеск, 2000.
4. Митина Е.С. Сборник «Полезные советы взрослым друзьям газеты» - Липецк: Липецкое Издательство, 2002.
5. Материалы сайта www.glubinka.ru – Форум – «Юркина комната»
6. Школьник А.Я. «Детская самостоятельная пресса как фактор социального воспитания подростков»
7. Каталог школьных печатных изданий 2007 года под редакцией областной детско-юношеской газеты «Пятый угол» и Ассоциации детско-юношеских СМИ Пензенской области.

Принципы создания образа главного героя в пьесе А.Вампилова «Утиная охота»: традиции и новаторство

Т. Д. Михайлова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент А. А.Тимакова

Центральным образом пьесы А.Вампилова является главной герой, Виктор Зилов. В создании этого образа очевидно использование автором как традиционных, так и новаторских художественных средств. К традиционным средствам относим композиционный метод ретроспективы [2, 78], портретную и речевую характеристики, изображение героя через его поступки, а также авторские ремарки. Новаторские способы представлены оценкой главного героя через призму женских образов, которые оказываются рядом с ним.

Главный герой предстает перед нами в авторской портретной характеристике, которая дается в ремарке: «Зилову около 30 лет, он довольно

высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в манере говорить у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда» [1, 176].

Автор дает возможность самому Зилову рассказать о себе и своих занятиях. Предупреждая свою жену о том, что задержится, он с изрядной долей скуки и насмешки оправдывается перед женой Галиной: «У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами. Горим трудовой красотой», – эти слова, конечно, вызывают улыбку, и мы чувствуем в герое живой ум в сочетании с горестным осознанием нереализованных способностей, которые заложены в герое. «Нет, из этой конторы надо бежать. Бежать, бежать...», – задумчиво произносит скучающий Зилов. Речевая характеристика как метод создания главного героя позволяет автору раскрыть его характер, наплевательское отношение к работе, да и ко многому в жизни. «Я сам виноват, я знаю. Я сам довел до этого. Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь. Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю. Не знаю. Неужели у меня нет сердца? Да, да, у меня нет ничего — только ты, сегодня я это понял, ты слышишь?» — обращается он к уезжающей жене, ожидая в это время Ирину, студентку, новую подружку. И уже к ней, думая, что говорит с Галиной, обращает полные чувства слова: «Я возьму тебя на охоту. Знаешь, что ты там увидишь?.. Такое тебе и не снилось. Ты увидишь, какой там туман. А когда подыметесь солнце?! О!.. А ночь? Боже мой! Знаешь, какая там тишина?» – этот монолог приближает нас к пониманию героя: с одной стороны, его жизнь не мила ему до такой степени, что он говорит о безразличии, с другой, поэтические высказывания об утиной охоте как бы преображают человека, наполняют Виктора жизнью и дыханием. Двойная адресность этого монолога раскрывает суть героя, человека с удобными представлениями о жизни.

Интересно также использование в пьесе композиционного метода ретроспективы. В самом начале произведения дан эпизод, из которого мы понимаем, до какой степени апатичен и безразличен к жизни Виктор Зилов. Из разговора Зилова с приятелем выясняется, что вчера Виктор устроил какой-то скандал, суть которого он уже и не помнит. Оказывается, он обидел кого-то. Но он только отвечает: «Переживут, верно?» Только в конце пьесы зритель узнает, что за скандал устроил Зилов в «Незабудке»: он собрал там своих друзей, пригласил новую молодую подружку Ирину и оскорблял всех, грубо нарушая правила приличия.

После этого вступительного эпизода, из которого мы узнаем отношение героя к миру, в квартиру Зиловых приносят похоронный венок с ленточкой, на которой написаны поминальные слова: «Незабвенному безвременно сторевшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей» – герой раздосадован такой мрачной шуткой своих

друзей, но именно она заставляет его оглянуться, проанализировать хотя бы несколько минувших дней. Чем дальше читаешь пьесу и знакомишься с Виктором Зиловым, тем больше думаешь о том, что венки весьма кстати. Зилов действительно похоронил себя заживо: он пьет, скандалит и делает многое для того, чтобы вызвать к себе отвращение людей, которым вроде как недавно был близок и дорог.

Обстановка квартиры тоже не предполагает разнообразия в жизни Виктора Зилова. В интерьере комнаты Зилова есть важная художественная деталь – большой плюшевый кот с бантом на шее, подарок любовницы Веры. Это своеобразный символ нереализованных надежд. Вместо живой кошки, символа домашнего очага, Вера на новоселье Зиловых приносит игрушечного кота и называет его Аликом, так, как называет всех мужчин в своей бесцветной жизни. В отношениях Веры и Зилова тоже выражается авторский способ раскрытия героя, связанный с женскими образами. Вера отмечает в Зиллове схожесть его с другими мужчинами в отношении к жизни, к ней и называет героя «аликом из аликов».

Из разговора героя с другими женщинами мы убеждаемся, как трудно понять Зилова. Молодой мужчина – закрытый человек, не проявляющий чувств: «Галина (Ирине): Скажи, он тебя любил? Ирина: Я не знаю... Галина: Мы прожили с ним шесть лет, но я его так и не поняла».

Готовясь к новоселью, Зилов говорит жене о том, начальник и молодая девушка Вера сегодня придут на новоселье и просят у жены разрешение на их встречу в новой квартире: «Галина: А если я говорю — нет? Зилов: Поздно». В этом «поздно», при помощи только одного слова, Виктор выражает безразличное отношение к мнению жены, привычку ставить ее перед фактом.

На новоселье героя ярко характеризует его общение с женой друга – Валерией. С ней Зилов старается проявить остроумие, в диалоге с ней он говорит о подарке, который ему хотелось бы: «Валерия: А вот теперь мы. Минутку внимания! (Зилону.) Догадайся, что мы тебе подарим. Зилов: Не знаю. Подарите мне остров. Если вам не жалко». Герой мизантроп, и остров ему нужен для одиночества. После этой реплики Валерия возвращает разговор в серьезное русло. «Валерия: Вот что ты больше всего любишь?.. Ну что? Зилов: Что я люблю... Дай подумать». Зилону трудно сказать, что он любит. Может, вовсе ничего? – задается вопросом читатель. Виктор думает, что ему нравится утиная охота. Но он скорее всего лишь использует охоту как средство создания своего образа. На самом деле, и охота не интересует его. Как говорит Галина, «одни лишь сборы да разговоры». В честь этого увлечения, акцентируя на нем внимание, автор и называет пьесу – утиная охота. В сущности, Зилов целый год живёт ожиданием отпуска и утиной охоты. И не потому, что является заядлым охотником, кажется, до сих пор он не убил ни одной птицы. Утиная охота привлекает его вовсе не азартной стороной. Обещая Галине взять её с собой на охоту, он говорит: «Такое тебе

и не снилось, клянусь тебе. Только там я чувствую себя человеком». Говоря об охоте, он преображается, становится поэтом: «А ночь? Боже мой. Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет?» Охота представляется герою высшей ценностью именно потому, что она оторвана от быта, наделена поэтическим ореолом. И герой со вкусом и удовольствием тешит себя наличием в жизни хотя бы чего-то, «поднимающего» его над прозой измен, вранья и цинизма.

Вскоре начинается общение Зилова с новой пассией. В разговоре он выглядит как человек, знающий жизнь, предсказывающий развитие отношений между молодыми. Виктор цинично, поверхностно относится к людям. Присутствие женщин раскрывает ограниченность героя заботой о себе, своих мимолётных желаниях, будь то молодая, привязавшаяся к нему девушка, старательно пробуждающая его чувства, или любящая жена, терпящая его выходки который год. К финалу пьесы Галина все чаще повторяет фразу, характеризующую героя: «Ни одному твоему слову не верю».

Делая вывод об основных принципах создания образа главного героя в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» и их роли в раскрытии личности персонажа, мы обращаем внимание на самые из них. Традиционный способ характеристики героя через описание привязанности его души, утиной охоты, в этом произведении открывает читателю героя как человека тонкого, способного чувствовать, и это положительная черта. Иначе характеризует героя его общение с женщинами. Жена Галина открывает в муже крайне негативные качества: некогда любимый и близкий человек, с которым они живут уже шесть лет, оказывается холодным, не интересующимся внутренним миром жены, на глазах которой он заводит интрижку со студенткой Ириной. Однако именно в разговорах с Ириной герой проявляет нежность, говорит ласковые слова, а читатель так и продолжает теряться в догадках: то ли Зилова и правда трогают эти отношения, то ли он просто говорит милой женщине пару глупостей... Вера, любовница Зилова, показывает: Виктор циничен к людям. Характеристика героя разными женщинами служит для создания такого неоднозначного, многогранного и, без сомнения, интересного исследователям образа, который трудно толковать однозначно.

Литература:

1. Здесь и далее цит. по: Вампилов А.В. Утиная охота. М.: Дет. лит., 2005.
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. С.-Пб.: Паритет, 2005.

Образ Печорина в оценке современных исследователей (психоаналитический аспект)

М. А. Мишакина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент А. А.Тимакова

Психоанализ в настоящее время является перспективным инструментом литературоведческих исследований. Появляются статьи, посвященные творчеству Э. Гофмана, У. Шекспира, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.Ю.Лермонтова и многих других. Авторами таких статей в большинстве своём являются психологи. Например, советскому психологу Б.М. Теплову принадлежит работа «Заметки психолога при чтении художественной литературы» (о Пушкине), а русскому психиатру И.Д.Ермакову – «Психоанализ литературы. Пушкин, Гоголь, Достоевский». В статье Б. Д. Карвасарского «Психоанализ и литература» [3, 433] сказано, что в XX веке литература и психоанализ существовали неотрывно друг от друга. Психоаналитики обращались к литературе в поисках аргументов в пользу своих гипотез. Несмотря на то, что литературоведы довольно скептически воспринимают методы и инструментарий психоаналитических подходов, это направление со временем привлекло к себе внимание и стало предметом широкой научной полемики. Авторы подобных работ начали строить модели творческой личности, пытаясь создать их классификацию. З.Фрейд выделял два подхода к анализу художественных текстов: 1) анализ личности автора, при котором произведение последнего интерпретируется как симптом; 2) анализ самого произведения, при котором автор воспринимается как талантливый психолог.

В центре нашего внимания ряд статей, посвящённых роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Его главный герой, Григорий Александрович Печорин, до настоящего времени дает почву критическим размышлениям исследователей самого разного уровня. Так, врач-невропатолог, психиатр, историк медицины, литературовед, кандидат медицинских наук Б.А.Нахапетов в своей статье «Григорий Александрович Печорин – акцентуированная личность?» [6, 111] развивает мысль о двойственности натуры Печорина. Он приводит самохарактеристики героя, описание его Максимом Максимычем, эпизоды, иллюстрирующие противоречивость натуры Печорина. Анализируя процесс противоречивого развития души героя, автор использует знаменитое описание, данное самим Печориным: «С самого детства все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. <...> никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм,— другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их,— меня ставили

ниже. Я сделался завистлив...» и т.д. Здесь Б.А.Нахапетов соглашается со своим коллегой, известным русским психиатром и психологом И.А. Сикорским, в том, что «объяснение самим Печориным отрицательных свойств своего характера не может быть принято всецело: человек не становится дурным только оттого, что о нем дурно думают другие. <...> Очевидно, эти качества были в зачатке, и оттого они были заметны чужому глазу».

Примечательно, что автор оперирует таким определением, как «странность». Он признаёт Печорина странным, упоминая русского литературоведа Б.Т. Удодова, который отмечал, что этот эпитет так часто употребляется в самом романе, что приобретает терминологически-определяющий оттенок. Многие мысли и поступки Печорина являются не выражением его сущности, а всего лишь игрой: «Играть — значит притворяться. «Притворяться обманутым» — вот одна из составных частей того, что Печорин называет жизнью», — пишет Б.А. Нахапетов. По мнению исследователя, герой притворяется постоянно и в соответствии с выбранной ролью ведёт двойную игру, наблюдая за происходящим со стороны, то подходя ближе, то удаляясь.

Исключительность личности Печорина, которая подчёркивается многими критиками, определена Нахапетовым как акцентуация личности. Согласно автору концепции акцентуированных личностей, К. Леонгарду, акцентуированные личности — это люди, обладающие особым психологическим складом, характеризующиеся изменчивостью настроения без видимого повода, — так называемые аффективно-лабильные личности. «Найти такой образ в художественной литературе нелегко», — уверяет Леонгард [4, 32]. А вот Б.А. Нахапетов уверен, что если бы ученый обратился к «Герою нашего времени», то непременно нашёл бы «впечатляющий образец аффективно-лабильной личности».

По мнению Б.А. Нахапетова, внутри Печорина возникает противоречие, основанное на несоответствии между потребностями и возможностями их удовлетворения в существующей культуре. Он говорит о себе: «Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное: мне все мало» [5, 225]. Критерием потребности американская исследовательница, изучающая психологию, К. Хорни, на которую ссылается в своих рассуждениях автор, считает отношение личности к людям. В соответствии с этим выделяются 3 акцентуации: к людям (уступчивый тип), от людей (отстраненный тип) и против людей (агрессивный тип). Печорин представляет собой типичную агрессивную личность: «Первое мое удовольствие,— пишет он,— подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?» [5, 285].

«Таким образом, тайна противоречивого, странного поведения Печорина может быть, по нашему мнению, объяснена его сознательным,

идушим от ума притворством. Стремясь найти свое место в современном ему обществе, Печорин сочиняет, ставит и разыгрывает трагикомедию своей жизни. При этом он, будучи личностью агрессивно-акцентуированной, не сомневается, что его собственная роль в ней — главная», — заключает Нахапетов [6, 119].

Тема желания Печорина играть «главную роль» разработана в статье кандидата филологических наук, О.Г.Егорова «Нервический характер в русской литературе (на материале «Журнала Печорина» М.Ю. Лермонтова)» [1, 12]. В работе представлена попытка пересмотреть традиционную трактовку лермонтовского героя с позиций глубинной психологии, вскрыть истинные мотивы поведения Григория Александровича.

Автор отмечает нервический склад натуры Печорина. Причину формирования нервического характера и руководящей идеи героя он видит в душевном конфликте, пережитом им в детстве. Автор, обосновывая свои суждения фактами исследований австрийского психиатра и психолога А. Адлера «О нервическом характере», пишет: «Из детского чувства неполноценности произрастает раздражённое стремление к власти». Детский невроз и стремление к власти определили всю дальнейшую линию поведения лермонтовского героя.

Нестандартный подход Егорова к интерпретации героя лермонтовского романа вызывает интерес. Традиционно Печорин «оказывался жертвой обстоятельств, условий, но никогда – собственного выбора, который кроется в его душевных глубинах» [1, 13]. Автор обращает внимание на то, что Печорин не упоминает о родителях, и предполагает, что герой очень рано освободился от их влияния. Это и стало причиной душевной травмы. Вместо того, чтобы постепенно и безболезненно освободиться от родительского авторитета и приспособиться к жизни в обществе, Печорин, вследствие резкого разрыва, получает душевную травму. В его сознании закрепляется образ семьи как миниатюрной модели общества, к которому надо вставать в такую же позицию, как и к семье. «В этом кроется причина постоянного бегства Печорина от общества и понимания его как деспотического и враждебного свободной индивидуальности устройства» [1, 15].

Говоря о личностной идее Печорина, Егоров пользуется понятиями «верх» («желание быть вверху») и «низ». «Низ» – это чувство неполноценности. «Верх» – ощущение фиктивной конечной цели. Положение Печорина, по мнению автора, всё время колеблется: вверх-вниз, вверх-вниз. На основании постоянного «желания быть вверху» Григорий Александрович строит отношения с Вернером (по мнению автора, они сошлись вовсе не из-за сходства в образе мысли, а оттого, что его выбрал себе в «друзья» сам Печорин, чувствуя своё бесспорное превосходство над ним и возможность находиться «вверху» в этих взаимоотношениях), с Грушницким (потому, по мнению Егорова, и не складывается у них тесных отношений, что в обществе Грушницкого Печорин не может первенствовать,

а не потому, что тот ниже его по уму). По Егорову, стремление быть «вверху» руководит и отношениями Печорина в любви.

Касаясь темы любовных отношений Печорина, привлечем статью петербургского философа и филолога К.Г. Исупова «Метафизика Лермонтова». В ней отношение Печорина к любви определяется так: «Чуждый завершению и овнешняющему оформлению романтический герой боится признания и любви, хотя именно этого и жаждет его одинокая душа. Для любого встречного Эроса у него заранее готово упреждающее равнодушие, оно рождено мизантропией и тотальным недоверием к теплоте сердечной приязни: в этом бесповоротно остывшем мире царит адский холод вселенского недоверия» [2, 11].

Рассмотренные статьи являются доказательством того, что творчество М.Ю.Лермонтова, при огромном числе уже существующих исследований, оставляет широкое поле для полемики. На наш взгляд, исследователи литературы с позиции психологии в своём увлечении иногда забывают, что поступки и слова литературных героев не всегда поддаются законам жизни и психологии, являющейся частью этой жизни, так как они порождены фантазией писателя. Иногда герой может совершать поступки, противоречащие законам психологии и разума. Поэтому нельзя ставить знак равенства между психологией реального человека и литературного героя. Некоторые тезисы рассмотренных статей крайне спорны, с чем-то мы можем не согласиться категорически. Но при этом они, подобно иным аналитическим подходам, появившимся в XX веке, должны учитываться как факт развития современной науки о литературе.

Литература:

1. Егоров О.Г.. Нервический характер в русской литературе / Русская словесность, 2005, №1.
2. Исупов К.Г.. Метафизика Лермонтова (статья подготовлена в рамках проекта «Личность и идейно-художественное наследие М.Ю.Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей»), С.-Пб., 2013.
3. Карвасарский Б. Д.. Психотерапевтическая энциклопедия. С.-Пб.: Питер. 2000.
4. Леонгард К. Акцентуированные личности. М.: «Феникс», 1989.
5. Лермонтов М Ю.. Собр. соч. В 4 т. М., 1969.
6. Нахапетов Б.А.. Григорий Александрович Печорин – акцентуированная личность?// Журнал «Вопросы психологии», №1, 1994.

Средства формирования универсальных учебных действий на уроках русского языка в 5-6 классах

Н. В. Мнацаканова,
учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 17 г. Пензы

Многие учителя-практики в своей деятельности сталкиваются с трудностями, обусловленными низкой мотивацией учащихся на предмет получения новых знаний, активности в учебной деятельности. *Разрешением этого вопроса является использование активных средств формирования универсальных учебных действий на уроке.* И здесь особенно хотелось бы отметить, что русский язык является не только учебным предметом школьной образовательной программы, но и средством обучения другим дисциплинам. В этом аспекте применение учителем-словесником различных средств формирования УУД становится особенно значимым.

Одним из эффективных средств, способствующих познавательной мотивации, а также формированию универсальных учебных действий является **создание проблемных ситуаций**. На таком уроке реализуется исследовательский подход к обучению, принцип деятельности, смысл которого заключается в том, что ребенок получает знание не в готовом виде, а «добывает» его в процессе своего труда. Именно такой урок, на наш взгляд, нужен сегодняшнему ученику. Важно, чтобы собственное знание о незнании воспринималось детьми как ценный результат урока и становилось стимулом дальнейшего освоения содержания.

Рассмотрим одну из возможных реализаций данного приема на уроке русского языка в 5 классе.

Тема урока: **«Правописание о – е в окончаниях имен существительных после шипящих и ц».**

На доске записаны две фразы: **болеть душ...й, болеть сердц...м.**

- Перед вами два фразеологических оборота. Поясните их лексическое значение. (Дети объясняют.)

- Ребята, можно ли сказать, что эти фразеологические обороты близки по значению? (Да, их значение «волноваться, сильно переживать, беспокоиться») Как называются слова, имеющие одно значение? Какой мы можем сделать вывод? (Синонимы. Значит они синонимичны.)

- В какой части речи пропущена орфограмма? В какой морфеме? (В существительных; в окончаниях.)

- За какими согласными следует неизвестная гласная? (за ш и ц)

- А какая это может быть гласная? (о или е)

- Попробуйте сформулировать тему нашего урока. (Правописание о – е в окончаниях имен существительных после шипящих и ц)

- Ребята, давайте попробуем сформулировать цели урока, используя начало предложений:

1) Познакомиться с ... (...правилом написания букв о и е в окончаниях имен существительных после шипящих и ц.)

2) Научиться ... (применять это правило на практике).

- Ребята, а вывести новое правило нам помогут слова на слайде:

Дворцом, товарищем, шалашом, задачей, межой, репортажем, бойцов, юношей.

- Все ли слова понятны?

- вспомните, в какой морфеме находится наша орфограмма? (В окончании)

- После каких согласных? (Шипящих)

- Назовите шипящие согласные? (ж,ш,ч,щ и ц)

- Что вы заметили? Есть догадки о правописании гласных?

- Выделите окончание, поставьте ударение.

- Теперь есть какие-нибудь гипотезы?

- А теперь сделайте вывод: от чего же зависит правописание о – е в окончании имен существительных?

- Сформулируйте правило.

- В каком падеже стоят эти существительные? (В Тв. падеже)

- А теперь давайте проверим в учебнике, так ли мы с вами вывели правило.

А дальше возможно использование продуктивных заданий (выборочный диктант, мини-проект, самостоятельная работа, творческая работа: на слайде будут появляться предметы, вам нужно записать название этих предметов в творительном падеже) с целью закрепления полученных знаний.

При работе с объемными определениями уместно использование **кластера** – одного из приемов графической организации текста. Заметим, что графическое структурирование текста для многих учеников является необходимым в силу специфики их способа восприятия информации. Кластер на сегодняшний день является наиболее популярным и востребованным приемом. Он способствует более легкому запоминанию и усвоению материала.

На этапе обобщения знаний по той или иной теме уместно использование такого приема как написание лингвистической сказки. Это поможет учащимся в игровой и творческой форме систематизировать знания по предмету. Например, темы сказок после изучения раздела морфологии могут быть следующими: «Путешествие в страну Грамматики», «В гостях у имени существительного (прилагательного, глагола)», «Почему глагол и частица НЕ всегда врозь?»

Рефлексия – одно из важнейших средств формирования умения учиться. К средствам, формирующим универсальные учебные действия на

стадии рефлексии, помогающие творчески интерпретировать информацию, относятся: написание эссе, составление телеграммы, памятки, инструкции, стихотворение по алгоритму, письмо по кругу, синквейн, который пользуется особенной популярностью в 5-6 классах, в связи с тем, что требует быстрой творческой реакции. Например, при изучении повести Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» уместно использовать этот вид работы по формированию речевых навыков на завершающем этапе, что, кстати, обеспечивает и высокую степень интеграции учебного материала.

Жилин

смелый, отважный

действует, сопротивляется, рискует

не должен никогда терять надежды

человек

Также на уроках литературы эффективно использовать коммуникативный прием **«Толстые и тонкие вопросы»**, который развивает умение задавать вопросы, анализировать, интерпретировать текст.

Примерная таблица «Толстых и тонких вопросов»

Тонкие вопросы	Толстые вопросы
Кто...?	Дайте три объяснения, почему...?
Что...?	Объясните, почему...?
Когда...?	Почему, вы думаете...?
Как звать...?	В чём различие ...?
Было ли...?	Предположите, что будет, если ...?
	Согласны ли вы ...?
	Верно ли ...?

Умение задавать подобные вопросы получает развитие и при выстраивании различных стратегий чтения.

«Чтение с остановками» открывает возможности целостного видения произведения. Примерные вопросы:

1. Какие ассоциации вызывают у вас имена, фамилии героев?
2. Что вы почувствовали, прочитав эту часть. Какие ощущения у вас возникли?
3. Какие ваши ожидания подтвердились? Что было неожиданным?
4. Как вы думаете, чем закончится рассказ? Как вы бы его закончили?

Стратегию чтения **«Фишбон»** уместно использовать для решения проблемных вопросов. Так, наиболее часто задаваемый учащимися вопрос при изучении рассказа И.С. Тургенева «Му-му»: «Почему же Герасим утопил Му-му?» Ответ можно попытаться найти совместными усилиями используя выше указанную стратегию.

На доске рисуется «рыбий скелет», обозначается проблема, которую необходимо раскрыть: «Почему Герасим утопил Му-му?». Далее, пошагово

записывая причины и факты, анализируя и сопоставляя которые, учитель и учащиеся должны прийти к выводу.

Факты и причины лучше фиксировать параллельно. Причина: «Герасим был крепостным». – Факт: «К чувствам крепостных барыня не имела ни малейшего интереса». Причина: «Герасим не мог ужиться в городе». – Факт: «Страдал от одиночества и нашел отдушину в Му-му». Причина: «По приказу барыни Герасим утопил Му-му». – Факт: « Герасим уехал обратно в деревню». Анализируя причины и факты можно подвести учащихся к выводу: Герасим не мог ослушаться барыню, т.к. был ее крепостным. Но постоянно сталкиваясь с несправедливостью, причинявшей ему боль, внутри его назревал конфликт, и приказ утопить единственное живое существо, которое он любил, стал последней каплей. Больше его ничего не держало и с барыней не связывало.

В данной работе мы постарались показать воплощение и реализацию на практике приемов, способствующих развитию универсальных учебных действий обучающихся в 5 и 6 классах. Умение учиться - существенный фактор повышения эффективности освоения учащимися предметных знаний, в том числе знаний по русскому языку и литературе.

Русский язык как школьный предмет выполняет особую роль, являясь не только объектом изучения, но и средством обучения всем школьным дисциплинам. Ни одна школьная проблема не может быть решена, если ученик плохо или недостаточно хорошо владеет русским языком, поскольку именно родной язык - это основа формирования и развития мышления, воображения, интеллектуальных и творческих способностей учащихся; навыков самостоятельной учебной деятельности. Кроме того на уроках русского языка есть возможность наиболее эффективно организовать работу по формированию и развитию познавательных, регулятивных и коммуникативных универсальных действий.

Патронимы от мордовских топонимов

Е. С. Мусеева, ассистент
Пензенский государственный университет

Русские, придя в XVII веке на территорию Пензенской области, получили «в наследство» от мордвы, исконно проживавшей здесь, немало топонимов, в основном – гидронимов (Вазерки, Камалейка, Пазелки). С течением времени появилась необходимость образовывать от ойконимов мордовского происхождения (как и от любых других) патронимы – названия жителей. Этому вопросу мы и посвящаем данную статью.

Из списка пензенских населённых пунктов (1948) мы выбрали ойконимы мордовского происхождения (*Аншлейка, Базарная Кеньша, Большая Кавендра, Большая Козлейка, Вазерки, Вачелай, Вечкилей, Вирга* и

др., всего – 90 штук), те, у которых конечный формант является мордовским (*Большой Труёв, Малый Труёв, Саполга*), а также те, которые с большой долей вероятности относятся к мордовским (*Большая Ижмора, Малая Ижмора, Миткирей*). Итого получилось 96 ойконимов, что составляет 4,93 % от общего числа населённых пунктов Пензенской области.

От подавляющего большинства мордовских топонимов патронимы образуются при помощи суффикса *-ец* или его производных (*-инец, -енец* и под.). Этому способствует их структура, весьма похожая на структуру русских топонимов. Сравните: *Большая Козлейка – Малая Багреевка, Камышлейка, Каргалеяка, – Вязовка, Липовка, Веденятино – Елизаветино, Варварино* и т. д. Таким образом, производной основой для паронимов становится 91 мордовский ойконим (4,67 %): *Анишлейка – анишлеец, Вазерки – вазерец, Мордовская Норка – норкинец, Мордовским Качим – качимовец, Нагорная Пелетьма – пелетьминец*. Интересно отметить, что от всех этих ойконимов (как и от большинства русских) образуются только формы м. род и мн. числа, а формы женского рода отсутствуют, так как зачастую они либо повторяют название населённого пункта (*Кочелейка – кочелеец – кочелейка (?) – кочелейцы; Тумалейка – тумалеец – тумалейка (?) – тумалейцы* и т. д.), либо совпадают с гидронимом *Вечкилей – вечкилейка – Вечкилейка*, либо по форме похожи на русские и мордовские топонимы типа *Вязовка, Липовка, Пичилейка, Шелалейка* и т. д. Ср.: *Карамалы – кармалка, Мичкас – мичкаска, Шингал – шингалка* и т. д.

Кроме суффикса *-ец* и его производных в образовании патронимов от мордовских топонимов участвуют суффиксы *-ач* (*Вирга – виргач – виргачка – виргачи*; эти патронимы носят разговорный характер и употребляются наряду с литературными *виргинец – виргинцы*); *-анин* (*Саполга – саполжанин – сполжанка – саполжане*). Очень интересны патронимы от ойконимов *Большая* и *Малая Ижмора*. Наряду с «литературными» вариантами *ижморец – ижморцы*, которые функционируют в относительном отдалении от этих сёл, существуют местные *ижморёнок – ижморята*. Суффиксы *-ёнок / -ята* как патронимические очень редки. Гораздо чаще мы их встречаем в апеллятивной лексике, обозначающей молодняк: *ребёнок – ребята, жеребёнок – жеребята, телёнок – телята, котёнок – котята* и т. д.

Не образуют патронимов по фонетическим и структурным причинам мордовские ойконимы *Ёра* и *Янго-Пря*, что составляет 0,1 % от всего количества населённых пунктов Пензенской области и 2,08 % – от мордовских. Также не образуются патронимы от опорного компонента *Варежка*. Таких населённых пунктов в Пензенской области 3 – *Львовская Варежка, Покровская Варежка, Головинская Варежка*, но здесь названия жителей могут быть произведены от прилагательных, входящий в состав ойконимов – *львовцы, покровцы, головинцы*.

Проанализированный материал позволяет нам сделать вывод, что благодаря структурным и фонетическим особенностям мордовских

ойконимов от них легко можно образовать названия жителей, только чуть более двух процентов населённых пунктов не выступают как производящая основа для патронима, в то время как аналогичный показатель у русских, тюркских и чувашских по происхождению ойконимов гораздо выше.

**С болью в сердце – о главном:
проблематика материалов Александра Мысякова**

Е. А. Моисеева, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

Талантливый пензенский журналист Александр Мысяков прожил короткую жизнь, но в памяти тех, кто знал его, он остался по-настоящему преданным своему делу человеком, для которого профессия отзывалась «болью в сердце». А. К. Мысяков родился 1 июля 1952 года в селе Вязовка Пензенского района. Его материалы, печатавшиеся на страницах пензенских изданий («Пензенская правда», «Пензенские вести», «Наша Пенза»), показывают, как внимательно автор изучал тот или иной вопрос, как трепетно относился к судьбам людей, чьи истории были положены в основу публикаций.

Считается, что жизнь Александра Мысякова не способствовала развитию таланта. Возможно, из-за многих трудностей уже в школьные годы у него проявлялся жесткий и противоречивый характер. Но нельзя не сказать и об открытой лиричности души, восторженности перед природой, преданности в дружбе. В восемнадцатилетнем возрасте Александр Мысяков оказался в тюрьме. Этот период не раз будет упомянут в строках стихотворений журналиста («Несколько лет», «Отлюбил, отплясал и отбегал...», «Отзовись же...», «В тюремной больнице», «Сон о матери» и др.). В них прослеживаются различные настроения: и душевный подъём в силу юношеской надежды, и упаднические взгляды, так как несколько лет проходят мимо автора:

«Я гордой головы не опускаю,
Тоска, переживанья – не по мне.

Но юности утрата золотая

Порою возвращается во сне» («Иду по зоне. Ласковые клёны...»).

Перед нами человек не просто талантливый, но целеустремленный. Его не сломили жизненные трудности. После трёх лет, проведённых в тюрьме, он решает получить образование. Без долгих раздумий Александр Мысяков едет

в Пензу, устраивается работать слесарем на завод ВЭМ и одновременно начинает заочно учиться в пединституте.

Сейчас, читая его публикации, невозможно найти ничего, что не стоит внимания. Знакомые Александра Мысякова отмечают, что писал он всегда увлечённо. Его искренне волновали многие проблемы, начиная от вопросов культуры и заканчивая проблемой материнства. Статьи получались интересными, ёмкими. В сборнике «Среди непройденных дорог одна – моя...» опубликованы материалы, различные по тематике, жанровой специфике и стилевой направленности.

В разделе «Встречи для вас» читаем интервью с самыми разными людьми: это заслуженные артисты России, женщина-факир, художник, учитель. Примечательно то, что со многими интервьюируемыми журналист находился в дружеских отношениях. Отсюда простота в разговоре, доверительный характер беседы.

В материале «Предсказание смерти» Александр Мысяков пишет об интервью с Викторией Виклюк, которая занималась расчётами по предсказанию смерти. Здесь же поднимается философская проблема. «С одной стороны, очень интересно знать, сколько тебе отпущено судьбой. С другой стороны, человек, знающий дату своей смерти, похож на приговорённого, которому объявили время казни. У него отняли надежду», – рассуждает автор. Журналист обращается к широкому фактическому материалу: вспоминает римского императора Домициана, которому ещё в молодости назвали время смерти, царя Федора, Ивана Грозного, Пушкина, Наполеона; рассматривает различные способы предсказания будущего (хиромантия, астрология, ясновидение). Автор всегда делится своим видением вопроса: «Смерть... Не надо её бояться. Да и есть ли она вообще?».

Множество интервью Александр Мысяков берёт «за опасной чертой» (в местах лишения свободы). И даже здесь в каждой фразе, в каждом вопросе понимание и вера в человека. В статье «Семь лет в камере смертников» журналист беседует с приговорённым к смертной казни. В части «Вместо эпилога» он пишет: «Что касается меня, я всегда считал, что бешеных собак пристреливают. И око – за око. Но прав ли я? Не знаю». Для ещё большей объективности автор приводит цитату из произведения французского писателя и философа Альберта Камю. А. Мысяков делает для себя вывод: «если предают смертной казни убийцу, лишившего мгновенно и безболезненно жизни какого-то человека или сто, тысячу человек, то государство более жестоко, чем тот убийца». Но право выбора ответа журналист всегда оставляет за читателем.

В материалах, вошедших в раздел «Деревенские истории», Александр Мысяков поднимает несколько проблем. Во-первых, это то, что в последнее время деревни объявлялись неперспективными и потихоньку умирали, исчезали с лица земли и из географических карт. Во-вторых, это население деревень. Автор замечает, что «у каждой деревни свои люди: добрые и

недобрые, совестливые и вороватые, помогающие во всем односельчанам или, напротив, чувствующие себя хорошо лишь тогда, когда другим плохо».

О своём селе журналист отзывается тёплыми словами. Он не раз пишет: «Село это – моя милая родина. Здесь я родился и вырос, здесь жили мои предки». С проблемой небольших сёл связана ещё одна. Тема памяти очень волнует Александра Мысякова. Она поднимается в статье «Запыленная память», где говорится о селе Кандиевка, в котором впервые было поднято Красное Знамя. Автор с тревогой пишет, что у целого поколения может отсутствовать историческая память: «Если живём одним днем, не думая, что стоим на плечах наших предшественников, сделавших до нас – и для нас – очень многое. Если круг наших интересов ограничивается заботой о хлебе насущном».

Журналист писал об исторической памяти, а его друзья, близкие люди вспоминают постоянно о нём – о друге, помощнике и просто хорошем человеке. Современные читатели, обратившись к публикациям А. К. Мысякова, непременно ощутят душевную боль человека, который не оставался равнодушным к тому, что происходит вокруг.

Литература:

Мысяков А. К. Среди непройденных дорог одна – моя... Сборник газетных публикаций (1981 – 1997 гг.). – Пенза, 1998. – 183 с.

Информационное общество и тенденции расширения политического участия

А. Т. Мухамбедьярова,

д. полит. н., доцент

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

В условиях информационного общества, его компьютеризации возможна эффективная система прямой и, главное, обратной связи между органами управления и всеми членами общества, позволяющая непосредственно и немедленно выявлять и учитывать мнение всех членов общества по всем вопросам социального управления. Кстати, во многих развитых государствах это является одним из современных механизмов осуществления народовластия. Не случайно ряд современных политологов и социологов признает, что широкое внедрение ЭВМ (особенно будущих поколений) может способствовать децентрализации политических решений, возрождению прямой демократии. Информационное общество создает условия для реализации тенденции расширения участия масс в управлении политической жизнью общества, для формирования компетентного информированного гражданина [1, 69]. Во многих западных странах одной из форм реализации принципов и механизма народовластия является

“электронное правительство”. С этой целью в Казахстане также принята специальная программа “электронного правительства”. В конце 2007 года в рамках Государственной программы, разработанной Агентством по информатизации и связи РК для реализации задач, поставленных Главой государства в Послании народу “К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации!”, созданы базовые компоненты “Электронного правительства”, к которым относятся портал и шлюз е-правительства, “платежный шлюз”, национальная идентификационная система, системообразующие базы данных. В дальнейшем планируется сделать упор на развитие сферы предоставления гражданам информационных и интерактивных услуг. “Горячая линия” связи с гражданами будет осуществляться по простому адресу в сети: www.gov.kz. Это узел, где сойдутся сайты всех министерств и ведомств страны. Подобный доступ через “одно окно” уже доказал свою эффективность в моделях е-правительства Великобритании, Кореи и многих других стран. В конечном счете, предусмотрена трансформация деятельности госорганов и в рамках совершенствования административной системы – создание эффективного и оптимального по составу государственного аппарата. Главная цель при этом одна – построить взаимоотношения в связке “правительство – граждане” таким образом, чтобы в идеале получить подлинно гражданское общество, которое в свое время известный американский политик Дуайт Эйзенхауэр образно охарактеризовал так: “Лозунг истинной демократии не “Пусть это сделает правительство”, а “Дайте нам сделать это самим”. Определенные элементы “электронного правительства” в Казахстане уже имеются. Например, система электронного голосования “Сайлау”, которая была опробована во время выборов в Парламент республики. В Астане, Алматы и Караганде проведены работы по пилотному проекту государственной базы данных физических лиц, задачей которой является генерирование единых идентификационных номеров для граждан. В целом, по оценке специалистов, создание “электронного правительства” позволит оптимизировать управленческие процессы, обеспечивая совершенствование структуры административной системы.

Наряду с позитивным практическим опытом, по мнению казахстанского исследователя Е.К. Алиярова, принятая в Казахстане в 1998 году Концепция единого информационного пространства Республики Казахстан нуждается в переработке с учетом современных реалий. К ним, по мнению ученого, следует отнести следующие моменты.

Во-первых, в настоящее время в Республике Казахстан осуществляются глубокие социально-экономические и политические преобразования с целью перехода от авторитарного государства с административно-плановым управлением экономикой к правовому демократическому государству с рыночной экономикой. На данном этапе мирового развития этот процесс не может быть успешно реализован без одновременного перехода к

информационно открытому обществу и информационно прозрачной государственной власти.

Во-вторых, одновременно идет достаточно сложный процесс формирования отношений в государстве на новых для страны демократических принципах равноправия, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, разделения полномочий местного самоуправления и государственной власти. В этих условиях обеспечение устойчивого информационного взаимодействия между центром и регионами, между всеми ветвями и уровнями власти, исключение любых проявлений «информационного сепаратизма» на основе единого информационного пространства страны, единой общегосударственной информационно-коммуникационной инфраструктуры и системы национальных информационных ресурсов является одним из ключевых условий сохранения государственной и территориальной целостности Казахстана [2, 273-274].

Для реализации идеи народовластия и создания в ближайшей перспективе подлинно эффективной модели народовластия в Республике Казахстан, на наш взгляд, необходимо осуществление следующих политических мероприятий:

- создать при Президенте Республики Казахстан единую республиканскую систему информационно-аналитического обеспечения народного волеизъявления, что будет иметь принципиально важное общественно-политическое значение для становления выборов, как института народовластия казахстанского общества, поскольку позволит: значительно расширить сферу прямой, непосредственной демократии, обеспечить ее взаимодействие с демократией представительной; существенно укрепить связь властно-управленческих структур с электоратом; достичь высокой степени адекватности решений и действий органов власти и управления реальной действительности; проведение подлинно честных и демократических выборов; добиваться сбалансированности интересов различных социальных групп и слоев населения и тем самым – стабильного, динамичного функционирования социальной системы в целом; заметно расширить поле для проявления самодеятельности населения, его суверенной воли, как действительного субъекта власти и управления;

- разработать и закрепить в Конституционном законе Республики Казахстан не только права народа, составляющих его общностей и индивидов, но и четкий механизм реализации этих прав в качестве эффективного способа осуществления ими учредительной власти. Закон должен содержать перечень предметов ведения исключительно учредительной власти народа с указанием на возможность его расширения по воле народа. При этом основными функциями учредительной власти должны стать: принятие и изменение Конституции, обеспечение ее действия;

принятие решения о необходимости учреждения качественно новой власти; организация учреждения новой власти; периодическое переустройство власти (организация выборов должностных лиц и контроль за правильным выражением воли народа); высший контроль за развитием и обеспечением прав человека;

- разработать, обсудить и внедрить для Казахстана на государственном уровне концепцию идеи народовластия, которая должна получить более четкое закрепление в Конституции и детализированное в специальных законах путем конституционного закрепления учредительной власти народа, определения ее функций, места в системе разделения властей, конкретных механизмов действия применительно к каждому субъекту народовластия;

- разработать и закрепить в специальном разделе Конституции Республики Казахстан гарантированные основные права всех субъектов народовластия; - разработать, обсудить и принять специальный закон о правах человека, специальные законы о местных референдумах, собраниях граждан как формах прямого осуществления власти народом и его составными частями, четкое определение перечня вопросов государственной и общественной жизни, решаемых исключительно народом путем прямого осуществления власти, закрепление механизмов реализации и контроля исполнения этих решений;

- реализовать ряд крупномасштабных политических программ и мероприятий, направленных на усиление ответственности исполнительной власти перед законом, увеличение контроля над ними со стороны представительной ветви власти и общественности;

- разработать и внедрить в Республике Казахстан на государственном уровне механизм политической коммуникации на основе принципа гласности и развития широкой, своевременной информации, что даст возможность осуществлять действительно массовый общественный контроль со стороны населения за работой государственных органов и должностных лиц, повысить ответственность депутатов перед народом, принимать понятные населению политические решения и т.д.;

- четко выделить и закрепить в казахстанском законодательстве целый ряд принципов избирательного права: во-первых, принцип состязательности, предполагающий участие в выборах конкурирующих партий, кандидатов, представляющих различные слои общества; во-вторых, процедура выборов должна предусматривать свободу и регулярность; в-третьих, законодательное оформление предвыборной кампании должно предусматривать гласность, наличие официальной информации о ходе ее проведения, источником которой служат органы управления выборами; в-четвертых, наличие в законодательных актах принципа императивного мандата, согласно которому депутат связан наказами избирателей, во всей своей деятельности ответственен перед ними. Отсутствие этого принципа может привести к отчуждению депутатов от избирателей, обособлению их интересов,

снижению ответственности обеих сторон, возникновению противоречия, нарушению каналов обратной связи. При профессиональном принципе формирования Парламента отсутствие четко действующей системы отчетности может способствовать превращению представительного органа в замкнутую, оторванную от народа правящую группировку;

- на государственном уровне широко использовать позитивный зарубежный опыт специального законодательного закрепления и проведения референдумов и выборов в их различных вариантах и разновидностях как в сфере политики, экономики, межнациональных связей и отношений, так и в других сферах жизнедеятельности общества. Поскольку функционирование институтов народовластия способствует полноценному политическому участию граждан в жизни государства периодически вносить необходимые корректировки законодательные акты Республики Казахстан;

- обсудить и внедрить политическую доктрину «суверенной» демократии в качестве альтернативы существующей модели политического развития, внутри которой власть, государственные органы, политические действия выбираются и направляются всеми гражданами, народами и социальными группами. При этом концепция «суверенной демократии» должна основываться на: независимости народа и государства как организации, выражающей его власть; возможности народа эффективно участвовать в формировании органов государства, государственном управлении; возможности каждого гражданина реализовывать конституционные права, обеспечивающие его свободу, духовное развитие, участие в делах государства;

- разработать и внедрить для Казахстана на государственном уровне новые способы и технологии реализации в Республике Казахстан масштабной программы политической либерализации, направленной на децентрализацию государственного управления, поэтапное введение выборности акимов, расширение полномочий Парламента, в том числе за счет увеличения контрольных функций, совершенствование системы государственной службы, укрепление взаимодействия с институтами гражданского общества и усиление правозащитных механизмов;

- разработать и внедрить эффективные правовые механизмы в плане повышения роли Парламента в Республике Казахстан. В частности, выработать оптимальные и эффективные подходы при увеличении численности депутатов обеих палат парламента; расширении его контрольных функций, в том числе участия в контроле за исполнением государственного бюджета; введении института формирования правительства через механизм парламентского большинства; обеспечении участия обеих палат в формировании Центризбиркома и Конституционного Совета; усилении полномочий Конституционного Совета в сфере защиты Основного Закона страны;

- обсудить и повсеместно внедрить предложенную инициативу

Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева о введении на постоянной основе практики подотчетности народу, направленной на информирование казахстанцев о ходе проводимых в стране социально-экономических и политических реформ, решение насущных проблем региона, обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам развития конкретного населенного пункта;

- обсудить на государственном и общественном уровне создание новых общественно-политических структур, направленных на повышение роли институтов гражданского общества в жизни страны, стимулирование дальнейшего развития демократических процессов в Казахстане, где могли бы совещаться по вопросам демократизации общества представители всех слоев общества, политических партий, общественных объединений и властных структур. Тем самым охватить вниманием все слои населения, договариваться не только с радикальными политиками, но и со всеми другими активными политическими участниками и в процессе равноправного диалога, столкновения позиций выработать ту политическую конструкцию народовластия, которая бы учитывала насущные потребности и интересы казахстанцев. При этом использовать уже наработанный потенциал Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества при Президенте Республики Казахстан;

- разработать и закрепить систему прав субъектов народовластия в специальном Конституционном законе о правах человека.

Таким образом, процесс комплексной политической модернизации должен происходить в интересах и с непосредственным участием всего населения страны, всех слоев и институтов общества.

Литература:

1. Ашин Г.К. Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. – 1996. - №5. - С. 59-70.
2. Алияров Е.К. Информационная политика Республики Казахстан в условиях глобализации. – Алматы: Казак университеті, 2006. – 450 с.

Виды рекламы и их эффективность

Н. Б. Мухамедиева, ст. преподаватель
Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Реклама – часть маркетинговых коммуникаций, в рамках которой производится оплаченное известным спонсором распространение не персонализированной информации, с целью привлечения внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему

В наше высокотехнологичное время видов и типов рекламы насчитывается более двух десятков. Рекламодатель вправе выбирать то, что

по вкусу ему и его компании. Благодаря широкому выбору средств распространения рекламы каждое предприятие, организация, союзы и фонды считают долгом рассказать о своей деятельности. Более того, любой индивидуальный предприниматель может провести успешную рекламную кампанию для своего бизнеса благодаря большому разбросу цен в различных медианосителях. Конечно, бренды тратят миллионы долларов на поддержание своего доброго имени в СМИ, но следует учитывать, что размах их деятельности в разы больше, чем у малого бизнеса. Существует простое правило: чем больше прибыль у предприятия, тем больше следует тратить денег на рекламу своего дела. По мере того, как Ваш бизнес будет расти, Вам надо будет постепенно увеличивать рекламный бюджет. Обыкновенно, чем дороже обходится размещение и производство рекламы, тем выше ее качество. Однако ее дороговизна не обязательно будет обозначать эффективность. Если целевая аудитория не составляет треть страны, то можно обойтись малыми жертвами. Но для того, чтобы рекламное сообщение достигло своей цели, нужно в обязательном порядке учитывать некоторые особенности и хитрости в рекламном бизнесе.

Каждому виду товаров и услуг подходят определенные средства распространения информации. Существует небольшая подсказка о том, какой медианоситель лучше всего выбрать: рекламу «эмоциональных» продуктов и услуг размещать в эмоциональных СМИ – на телевидении и радио, в Интернете, а «рациональных» - в прессе, городе (наружная реклама), на серьезных сайтах и радиостанциях.

Также следует учитывать особенности своего товара и целевой аудитории. Выбирать носитель следует тщательно, сперва изучив возможные показатели. Видов рекламы великое множество, как уже писалось выше, каждый обладает своими недостатками и достоинствами. Выбирая вид, обратите внимание на стоимость рекламы, ее место или время, количество возможных контактов с Вашими потребителями.

В статье будут разобраны такие типы рекламы, которые по карману малому бизнесу. О дорогой рекламе будет упоминаться вскользь. Также для начала выберите для себя подходящее средство распространения рекламы. Носители разделяются на: наружную рекламу, Интернет, прессу, телевидение и радио. У каждого носителя свои виды рекламы и своя эффективность.

Также, если у Вас хватает средств, Вы можете обратиться в рекламное агентство. Менеджеры сами подыщут для Вас нужное средство для лучшего размещения рекламы. Хотя агентство агентству рознь. Выполнение рекламного сообщения полностью зависит от двух факторов: профессионализма исполнителей (который сильно отличается у разных агентств) и бюджета заказчика.

Наружная реклама.

Наружной рекламой называют любую рекламу, расположенную в городе: на стенах и крышах домов, на стендах, щитах и растяжках, в метро и

на и транспорте. Такой способ распространения рекламы считается относительно недорогим, к тому же охватывает большое количество людей по географическому признаку.

Виды рекламы:

Щиты. Мы привыкли видеть вдоль проезжих частей и пешеходных дорог столбы с рекламой. Она довольно эффективна и всегда обращает на себя внимание. Однако стоит учитывать, что адреса и телефоны не запоминаются. Для эффективности следует использовать крупный шрифт, емкие слова и по возможности установить несколько щитов с Вашей информацией, чтобы в случае, если с первого раза потребителю не удалось рассмотреть или запомнить сообщение, у них появилась бы вторая попытка. У щитов есть рабочая сторона и нерабочая. Та, что обращена к потоку, – рабочая, а другая сторона (чтобы прочитать текст нужно обернуться) – нерабочая. Конечно, всегда используйте сторону, обращенную к потоку. На нерабочей стороне тоже можно публиковать рекламное сообщение. Это обойдется намного дешевле, но, по большому счету, это выброшенные деньги.

Растяжки. Материал с текстом растягивается над проезжей частью. Длительность контакта у прохожих и автомобилистов с информацией на растяжке намного больше, чем с информацией на щитах. Поэтому можно указывать телефоны, адреса и т.д.

Указатели. Стрелка показывает направление к Вашему офису.

Вывески – мини щиты, вывешивающиеся перед входом в офис. Обладает таким несравненным качеством, как простота исполнения и дешевизна. Если использовать яркие краски и крупные буквы, то вывеска привлечет к себе внимание издалека.

Штендеры – раскладные конструкции с названием фирмы, телефоном и списком предоставляемых услуг. Выставляются непосредственно рядом со зданием компании.

Люди-сэндвичи. Разодетые в костюмы мужчины и женщины всегда обращают на себя внимание прохожих. Они могут завлекать их словами, раздавать им листовки.

Пневмофигуры – это объемные надувные фигуры. Бывают любой формы. Довольно нестандартный способ, поэтому очень хорошо привлекает внимание.

Липкая аппликация – плакат, стикер. Часто встречаются на столбах, стенах домов, в метро, подъездах, университетах и т.д.

Городские конструкции – реклама размещается на будках, урнах, остановках.

Реклама на и в общественном транспорте: автобусе, маршрутке, трамвае, троллейбусе, электричках и поездах. Можно выбрать маршрутное такси, «дежурящее» по Вашему району и нанести на автомобиль сообщение о Вашем предприятии.

Отдельно хотелось бы выделить рекламу в лифтах. Очень простой способ. Когда человек поднимается на лифте, обыкновенно ему нечем заняться, и он может уделить внимание объявлению, прочитать его и даже записать адрес или телефон.

Учитывайте, что существуют два типа наружной рекламы: **динамичная и статичная.**

Динамичная та, мимо которой движутся люди. Времени, чтобы воспринять такую рекламу у людей мало, поэтому реклама должна быть четкой, написана крупным шрифтом и содержать короткий текст.

Статичная реклама – реклама в метро, лифтах и т.д. Люди находятся относительно неподвижно по отношению к ней. В такой рекламе можно привести факты, детали, описание. Предложить им развернутый текст.

Для большей эффективности можно использовать краски, размер, шрифт, подсветку. Обязательно следует знать, что чем больше поток населения проходит мимо Вашего объявления, тем результативнее оно окажется.

Стоимость наружной рекламы зависит от места расположения, размера, материала, сложности ее изготовления. Некоторые варианты предполагают очень маленькие затраты. В любом случае, выбрав верный вариант, Вы не пожалеете о потраченных деньгах

Баннер – прямоугольное графическое изображение. Является самым распространенным рекламным средством во Всемирной паутине. Баннер может содержать любую информацию или картинку. Также он может заключать в себе ссылку на Ваш сайт. Его можно сделать любого размера (чем больше, тем дороже). Баннеры публикуются на сайтах.

Это относительно недорогой способ рекламы. Но баннеры на главной странице популярных сайтов – дело очень затратное. Малому бизнесу придется пользоваться более скромным веб-пространством.

Текстовая реклама. Публикуется на сайтах в виде нескольких строчек справа или слева от основного текста. Или же представляет собой целую статью, посвященную какой-либо компании.

Контекстная реклама. Бывает двух видов.

1. Баннеры и тексты расположены на страницах, совпадающих по контексту с рекламой. Обратите внимание на такой способ. Он менее всего раздражает посетителей сайтов и в то же время часто бывает им полезным.

2. Реклама в поисковых системах. Когда человек заносит слово в окно поисковика, в результатах сверху или справа отображается реклама продукта или услуги, содержащая введенное слово. Я пишу в поисковике слово «мебель» и слева читаю: «Продаю мебель. Недорого» предлагает дешевую и комфортабельную мебель

Такая реклама считается самой эффективной в электронной сети. Порой человек заходит на сайт и делает запрос на продукт или услуги, которые хочет приобрести. Чем выше Ваше слово будет в списке, чем более

часто употребляемое слово Вы выберете, тем более удачным станет Ваша реклама, и тем больше денег Вы отдадите за нее. Самая маленькая ставка для контекстной рекламы на Yandex 300 рублей, на Google 400.

Также, начинающим предприниматель есть смысл обратить внимание на партизанский маркетинг, т.к. данный вид рекламы, как правило, требует только временных затрат, но не требует денег, что очень важно для молодой компании. Невероятная популярность социальных сетей, форумов и блогов сделала их основными площадками для обмена мнениями по всем вопросам, в том числе по вопросам покупок тех или иных товаров и услуг. Мнение на форуме воспринимается как рекомендательное от независимого знатока, и к такому мнению хочется прислушиваться. Партизанский маркетинг основан на скрытом продвижении товара или услуги в местах общения целевой аудитории.

Печатные СМИ. Пресса является самым традиционным способом распространения рекламного сообщения. Она включает в себя газеты и журналы, которые в свою очередь могут быть бесплатными и платными, информационными и рекламными. Также они бывают национальными, региональными и местными. Газеты и журналы в основном приобретают читающие и образованные люди, поэтому аудитория прессы очень ценится. Она платежеспособная. Газету люди берут в руки, когда у них есть свободное время, а потому информация воспринимается очень хорошо. В отличие от телевидения любители чтения равнодушно относятся к рекламе в прессе, а некоторые специально ее просматривают, чтобы быть в курсе цен. Анализируя печатные СМИ, можно выделить следующие типы рекламы: реклама в контексте (модули опубликованы рядом со статьями), реклама на страницах с объявлениями (полоса полностью посвящена объявлениям, поэтому Ваш модуль или текстовое сообщение может затеряться) и статьи, опубликованные на правах рекламы.

Виды:

Модульная реклама – определенная часть полосы. Благодаря хорошему оформлению бросается в глаза. Здесь можно указать любую нужную и важную информацию. Поскольку газету можно открыть в любое время и прочитать несколько раз, один модуль сохраняет свою силу примерно неделю. Если читатель заинтересуется предложением, ему не нужно запоминать данные – он может взять газету.

Рубричная реклама – объявления опубликованные по рубрикам. Очень дешевый вид рекламы. Состоит из обычных строк с указанием нужных характеристик предлагаемых продуктов и услуг. Из-за большого количества аналогичных сообщений легко может затеряться на полосе. Зато каждый простой обыватель может позволить себе такой вид рекламы.

Текстовая реклама – статья, посвященная рекламируемому продукту. Позволяет долго расхваливать товар или услугу, внушая доверие. Стоит

такая реклама дороже остальных. Следует заметить, что не все люди читают такие статьи.

Для достижения лучшего эффекта обязательно для начала надо изучить выбранное Вами печатное СМИ. Посмотреть географию и способ распространения, целевую аудиторию, тираж. Важно, чтобы газета обладала хорошей репутацией. Желтая пресса не внушает доверия. Такое отношение обязательно передастся на Ваше рекламное сообщение.

Сделайте объявление ярким. Если Вы решили использовать модуль, то чем больше он будет, тем лучше. Разместите рекламу не менее трех раз – это поможет читателям запомнить Вашу фирму. Больше всего внимания обращают на себя первая, вторая, последняя и предпоследняя полосы

Телевидение

На данный момент самым доступным и распространенным СМИ является телевидение. Рекламодатели ценят этот носитель за то, что практически все люди смотрят телевизор. Однако, это довольно дорогостоящий способ распространения рекламной информации. Дорого стоит не только изготовление видеоролика, но и закупка времени. Лучше всего для малого бизнеса использовать местное, региональное, спутниковое и кабельное телевидение, поскольку там разместить свой видеоролик будет значительно дешевле. Но следует учитывать географию распространения вашего продукта и телеканала: они должны совпадать.

Виды рекламы:

Видеоролики. Самые распространенный вид рекламы на ТВ. Длительность обычно составляет 15 или 30 секунд. Но бывают меньше и больше. Если Вы решите использовать его для своих рекламных целей, постарайтесь сделать его не банальным и примитивным – практически всех раздражает глупая реклама. Зато очень многие с удовольствием смотрят красочную и остроумную.

Бегущая строка. Это значительно дешевле видеороликов. Но не все люди читают строки внизу экрана. Такая информация плохо воспринимается и сложно запоминается.

Телемагазины. Программа рассказывает о продукте, о его положительных качествах и предлагает купить его зрителям, сделав звонок.

Спонсорство. Часто Вы были свидетелем того, как ведущий заканчивая программу, произносит имена спонсоров. Это реклама предназначена для поддержания имиджа компании. Для малого бизнеса она невозможна на национальном телевидении. Но вполне возможно стать спонсором какой-нибудь передачи на местном уровне.

Для эффективности рекламы на телевидении большое значение имеет время ее выхода в эфир. Очень важно, чтобы в момент ее появления на ТВ, телевизор смотрело как можно больше людей. Утро и вечер для этого – самое подходящее время.

Большое значение также имеет направление передачи, в перерывах между которой, показывается реклама. Если программа негативная (рассказывает о криминале, убийствах и предательствах), то отношение к подобной информации скажется на отношении к рекламе

Видеоролики выходят блоками. Самое лучшее, если ролик идет самым первым – зрители еще не успели переключить канал, и последним – зрители уже переключили обратно.

Радио. Радио в отличие от газет позволяет охватывать молодежь. Звуковое сообщение лучше воспринимается, однако адреса и телефоны слушателями не запоминаются.

Рекламу, как в случае с ТВ, давать лучше всего на местные радиостанции из-за высоких тарифов на популярных национальных радиостанциях.

Виды. Дикторское объявление. Человек зачитывает рекламное сообщение, затем оно раз за разом прокручивается на радио.

Музыкальная заставка. Обладает прекрасным преимуществом: благодаря музыке информация запоминается быстрее. Например, раньше сразу на нескольких радиостанциях прокручивалась музыкальная реклама «Мастер Дэнта». Из-за запоминающейся мелодии текст остался в умах людей навсегда: «Мастер Дэнт – сеть стоматологии, номер наш един: 274-xx-xx». Лаконичный и простой текст, который так легко запомнить.

Как и на ТВ следует учитывать время размещения рекламы. Лучшее – это утро (люди едут по делам) и вечер (возвращаются с работы).

При возможности, можно выбрать сразу несколько частот для своего сообщения. Чтобы, переключая радиостанции, слушатели время от времени наталкивались на Вашу информацию. Выберите такую радиостанцию, аудитория которой совпадает с Вашей целевой группой. Закажите как можно больше повторов. Благодаря им слушатели будут накапливать в своей памяти сообщения до тех пор, пока ваша фирма не станет для них чем-то очень естественным, как, к примеру, порошок «Миф» и пельмени «Русский хит».

Способов рекламы огромное количество. Главное здесь – не запутаться и выбрать нужный вид. В любом случае реклама всегда хороша, если выполнена качественно и вызывает интерес у потребителей. Не переставайте уважать своих клиентов, отразите Ваше отношение в рекламном сообщении, и на него обязательно откликнутся. Выбирайте более дешевые способы, но используйте для большей эффективности сразу несколько. Не забывайте проверять результаты рекламы. Замеряйте количество посетителей в течение нескольких дней после «выхода в свет» вашего сообщения. Это поможет Вам сделать выводы из того, какое средство рекламы приносит Вам больше выгоды и является более эффективным.

Современная специализированная периодика Кыргызстана в контексте формирования общественно-политического мнения

М. М. Мырзагулов, к. полит.н., доцент
Казахский национальный университет им. Ж. Баласагына

В современной отечественной печатной журналистике складывается своеобразная тенденция, когда большая часть специализированной прессы функционирует не в журнальной, а больше в газетной форме. В этом смысле специализированные газеты представляют определенную типологическую прослойку, которые занимают нишу между универсальными газетами и специализированными журналами.

В Кыргызской республике среди различных печатных СМИ, в числе которых, общественно-политические, социально-экономические, информационно-рекламные, бульварные, развлекательные и, конечно же, политизированные, они же в основном и партийные издания, особое место занимает специализированная печать, нацеленная на информационное обслуживание своих специфических интересов аудитории. Известно, что специализированная печатная СМИ в журналистике появилось позже универсальных изданий. Поэтому в Кыргызстане массовые газеты универсального типа, также играют главную роль в ориентации читателя в государственно-социальном обществе. В свою очередь, специализированные издания удовлетворяют интересы аудитории в дополнительной информации, которая рассчитана на половозрастные особенности аудитории. То есть, различные интересы читателей в различных сферах их жизнедеятельности. Этот аспект позволяет универсальным изданиям обитать на газетных полосах, а специализированным изданиям под журнальными обложками. Такая тенденция больше заметно, в западных странах, нежели в нашей, или в постсоветских государствах.

Историческая ретроспектива отечественной печатной СМИ показывает, что в определенных чертах эта структура была прежней системой отечественной журналистики. Но формирование специализации газет по социально-демографическим и проблемно-тематическим направлениям сохранился и показывает значительное расширение. Известно, что в отечественной специализированной печатной СМИ, существует определенные под виды. Как показывает сфера кыргызской печатной прессы, специализированные издания в основном базируются в столичном медиа рынке. Поскольку, регионы страны не вызывает интереса. То есть, для них региональные рынки медиа не обеспечивает их стратегические интересы, которое связано в первую очередь с финансовыми составляющими. Поэтому в областях страны специализированные печатные СМИ практически отсутствуют. Но это вовсе не означает, что в регионах Кыргызстана

отсутствует так называемых аспектов проблемно-тематической направленности. То есть в областях республики также существует так называемая аудитория и тематика, для которых и о которой, можно было бы писать. В регионах нет достаточной платёжеспособности этой самой специфической аудитории. Поэтому и желание обосноваться в областях страны практически отсутствует у специализированных печатных СМИ находящихся в столице республики. В Бишкеке же функционируют небольшой отряд специализированной прессы. Все они имеют свою так называемую проблемно-тематическую направленности. Наиболее яркие из них это культурно-оздоровительные. К ним можно отнести спортивные газеты, которых практически не было вообще в кыргызской прессе. В настоящее время, не теряя свою регулярность, выходит газета SPORT.kg, которая выходит еженедельно в объеме шестнадцати страниц в Бишкеке. Итак, эта газета в настоящий момент за текущий год издало 17 номеров. А общее количество в номерах составляет 151 единицу. Если охарактеризовать спортивную газету издающееся в Бишкеке, то можно отметить, что первая и последняя шестнадцатая страница имеет цветную окраску. А остальные страницы выходят в черно белом цвете. Еженедельная спортивная газета Кыргызстана, как обозначается в первой странице газеты стандартный метод оформления газет можно наблюдать. То есть название издания в верхней части первой страницы и, конечно же, анонс материалов имеющиеся в содержании номера газеты. Обычно этот анонс сопровождается иллюстрированными рисунками представляющих борьбу в различных видах спорта. Метод распространения также стандартно представлен. То есть, газета имеется в продаже киосках города и, конечно же, распространяется через подписку. О подписке газет можно увидеть на первой странице газеты, где представлен индивидуальный номер подписного индекса и цена на газету за один месяц и за шесть месяцев с учетом высчитанных всех имеющихся налогов для читателей столицы. За один месяц спортивная газета оценивается в 57 сом 81 тыйын. А за шесть месяцев 346 сомов 86 тыйынов. Содержательная часть спортивной газеты можно оценить выше среднего. И это является неплохим показателем. Мне как читателю материалы данной газеты вполне удовлетворяют. Иными словами в этой газете можно найти практически все события спортивной жизни страны за истекший недельный период. Кроме этого, в газете представлено и зарубежная наиболее яркая новость из спортивной жизни. Все международные новости берутся из интернет новостей. Например, в №11 за этот год зарубежные спортивные новости запечатлен на странице 7, где описывается боксерская карьера, и планы на перспективу известных в мире бокса атлетов. Такого же зарубежного события или новостей из международного мира спорта подается и в остальных страницах газеты, то есть до 13 страницы. В девятой, десятой и одиннадцатой страницах, например, расположено сообщение об евро футболе. В двенадцатой говорится о рейтинге самых богатых

профессиональных футболистов и рейтинг высокооплачиваемых тренеров. Под темой «Забракованный Оскар» пишется о спортсмене инвалиде легкоатлете выступающего со здоровыми спортсменами со своей протезной одной ногой. О мужественных людях спортсменов, не потерявших веру и надежду, которые продолжают борьбу, несмотря на свои физические ограничения. Вся эта страница выходила под рубрикой спорт и деньги. Тринадцатая страница на тему «Гоночный дайджест» определена, пишет о гоночных страстях. То есть для любителей быстрой езды или же о новостях гоночных серии формула 1. Не местные новости охватывает и последняя шестнадцатая страница газеты, где представлены репертуар фильмов в столичных кинотеатрах Бишкека и, конечно же, рекламные модули именитых компаний столицы. Вообще читая спортивную газету, не особо замечаешь о его черно белом цвете. Поскольку сами материалы в них вызывает у читателя определенный интерес. И новости из международного спорта на страницах газеты подаются своевременно. Иными словами, какие обсуждаемые или же резонансные темы и в отечественном и в зарубежном спорте имеют место быть, то о них можно ознакомиться, и в данной газете. В этом плане газета хороший информатор и помощник читателей. Такой расклад подачи информации из мира спорта применяется практически в каждом номере газеты. Исходные данные газеты всегда представлено на пятой странице в нижней части полосы. К сожалению, в этом сообщении кроме главного редактора газеты творческий состав не написан. Отмечено номер, зарегистрированный в Министерстве Юстиции, объем газеты, где издано, то есть в какой типографии, адрес местонахождения редакции, по улице Горького 1Б, номер заказа, тираж в количестве 1350 экземпляров, электронная почта и справочный телефон редакции. Отсутствие имен творческой составляющей газеты считаю минусом для газеты. Практически такую же картину в организации каждого номера можно обнаружит с наименьшими различиями. В целом номера спортивной еженедельной газеты, которые были рассмотрены для изучения в количестве десяти единиц, представлены таким образом.

В многообразии газетно-журнальных изданий нашего медиа рынка заметны и номера представителей литературно-познавательной специализированной прессы. Кроме этого в современной отечественной медиа сфере существуют еще ряд некоторых газетных изданий характеризующихся как специализированные. К примеру, «Деньги и власть» 16 полосное издание, определяющее себя как еженедельно издающаяся деловая газета. Газета «Дело №» так же можно отнести в эту категорию, из-за ее специфичности аудитории и содержания. Газета «Преступление и наказание» и еще ряд таких печатных СМИ, издающиеся на официальном русском языке входят в вышеназванную категорию. Как уже было отмечено, имеются также представители кыргызоязычных специализированных изданий. Такие как «Сырдуудүйнө», «Кут билим», «Кыргызстан жылдызы» и

другие. О содержании этих газет говорят сами названия этих печатных СМИ. Несмотря на различность названий, они также стараются обслуживать свою потенциальную аудиторию читателей необходимой только их интересующей специфичной информацией.

К современной журналистике с каждым днем требования меняются. В условиях широкого распространения социальных сетей каждый человек становится по своему журналистом. Поэтому газетам также необходимо постоянно изменяться, что называется, шагать в ногу со временем и внедрять новые формы работы. И проявление формирования так называемых новых специализированных печатных СМИ является ярким примером внедрения этой новизны у нас в стране. Поэтому, каждая редакция сегодня стремится открыть собственную интернет - страницу, так как без присутствия газеты в интернете существует риск исчезновения этого издания. Относительно кыргызскоязычных изданий в целом можно сказать, что в какой-то мере они выполняют роль общественного контроля. Почти во всех местных газетах встречаются статьи, разоблачающие действия и поведения должностных лиц, которые нарушают законы государства и морально-нравственные нормы общества, а также замечены в коррупционных скандалах. Это в свою очередь определяет оценку отечественным печатным СМИ если невысокую то выше среднего это точно. Поэтому будущее у отечественного СМИ светлое и процесс развитие в положительную сторону является очевидным фактом.

Литература:

1. Газеты “SPORT.kg”; “Дело №”; “Сырдуу дүйнө”; “Преступление и наказание”; “Кут билим”; “Кыргызстан жылдызы” за 2012 и 2013 гг.

**Особенности функционирования информационных жанров
в районной прессе на современном этапе
(по материалам газеты «Ваш собеседник»)**

А. И. Наумцева, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к. пед. н., доцент Т. В. Стрыгина

Газета Земетчинского района Пензенской области «Ваш собеседник» представляет региональную прессу. Датой основания считается 4 апреля 1930 года, когда вышел первый номер газеты «Колхозная правда». Остаётся неизвестным имя первого редактора, а в 1935 году редакцию возглавил О. И. Бренев. Газета выходила 2 раза в неделю тиражом более 4 тысяч экземпляров. В 1938 году газета стала именоваться «Ленинская правда», с 1991 года она поменяла название на «Ваш собеседник». С октября 2001 года пост главного редактора занимает Ю. И. Козлов.

В настоящее время тираж районной газеты «Ваш собеседник» составляет 3700 экземпляров. Это издание информационной направленности, и его главная задача – обеспечить читателя оперативной, актуальной информацией о наиболее значимых событиях не только района, но и области. Поэтому целью исследования является выявление особенностей употребления информационных жанров в региональном издании.

В основу нашей работы положена жанровая классификация А. А. Тертычного. Учёный относит к информационным жанрам заметку, информационную корреспонденцию, информационный отчёт, информационное интервью, бриц-опрос, вопрос-ответ, репортаж, некролог.

В результате анализа 100 номеров газеты «Ваш собеседник» за 2013 год нами было отобрано 596 материалов информационного жанра, что составляет 58,6% от общего числа всех публикаций.

Чаще других информационных жанров на страницах газеты встречается заметка, которая представляет собой материал, отличающийся небольшим размером, в нём кратко излагаются сведения о событиях. Главная особенность такого жанра – «краткое изложение результата изучения, «сигнализирование» о существовании (или отсутствии), основных чертах какого-то явления, события, человека, проблемы» [1, 53]. Выделяют несколько разновидностей заметок. Больше распространение на страницах районной прессы получила событийная заметка, основное содержание которой составляет «фактологическое описание» [1, 53]. На страницах районной газеты «Ваш собеседник» встретилась 381 публикация этого информационного жанра, что составляет 37,4% от общего числа всех материалов и 63,9% от числа материалов информационных жанров.

Предметом отображения в событийной заметке является какое-либо событие, а также «положение дел в той или иной сфере деятельности» [1, 64]. К заметке такого вида можно отнести материал «В «Золотой Ниве» начались полевые работы». Ответы на вопросы что, где и когда произошло, даны уже в лиде: «*В ООО «Земетчино Золотая Нива» начались весенние полевые работы. (...) Для этого на поля, открывшиеся от снега, выведены мощные тракторы «Джон Дир» в сцепе с разбрасывателями минеральных удобрений»* (2013. – № 28. – С. 2).

Л. В. Мялкина, автор событийной заметки, даёт краткую информацию о ходе весенних полевых работ, площади обрабатываемой территории. Помимо фактов, заметка содержит превентивную информацию (информация о событиях, которые «запланированы и с большой степенью вероятности должны произойти в ближайшем будущем» [1, 53]): «*Только сахарной свеклой в районе предстоит засеять не менее 1000 гектаров.*

Кроме того, ижморцы предполагают посеять как традиционные яровые зерновые культуры, так и экзотическую в наших краях сою» (2013. – № 28. – С. 2).

Автор сообщает о планах ООО «Земетчино Золотая Нива», которые должны реализоваться в ближайшем будущем.

Достаточно часто на страницах анализируемого издания встречается информационная корреспонденция. Основой этого информационного жанра может быть какое-либо событие, явление, действие. Отличие корреспонденции от репортажа в том, что корреспондент не всегда присутствует на событии, а потому не ставит перед собой задачу проникнуть в суть предмета, а лишь сообщить некоторые лежащие на поверхности параметры отображаемого явления. Примером такой корреспонденции может послужить материал С. Игнатовой «Экологические каникулы в Пашкове»: *«Для пашковских школьников учитель географии О. П. Штырлова и учитель истории Т. Р. Суркова подготовили экологический игровой проект “Живая вода”»* (2013. – № 28. – С. 2). Информационный повод публикации – экологический игровой проект. Автор кратко сообщает о ходе мероприятия и результатах конкурсов: *«На первом этапе конкурса ребята, поделившись на две команды, отгадывали загадки на “водную” тему, выясняли, кто быстрее с помощью губок перельет воду из емкости в емкость, кто без потерь перенесет воду в ложку.*

Во втором этапе мероприятия ребята блеснули своими театральными талантами, пели песни о воде, читали стихи и т. д. <...>

Когда пришло время подвести итоги, оказалось, что обе команды набрали одинаковое количество баллов – победила дружба! Все участники мероприятия были награждены памятным подарками в первый учебный день после каникул на общей школьной линейке» (2013. – № 28. – С. 2).

Автор не дает подробного эмоционально насыщенного описания, что отличает информационную корреспонденцию от репортажа. Информационная корреспонденция на страницах анализируемого издания была встречена 118 раз, что составляет 19,8% от числа всех информационных жанров. Использование жанра информационной корреспонденции обусловлено спецификой работы редакции районной газеты: у корреспондента не всегда имеется возможность присутствовать на событии в силу определённых причин.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что информационные жанры являются самыми распространенными на страницах районной прессы. В результате нами был получен материал, анализ которого позволяет заключить, что чаще всего журналисты используют событийную заметку (63,9%) и информационную корреспонденцию (19,8%). Реже встречаются информационный отчёт (5,3%), вопрос-ответ (3,6%), репортаж (3%), анонс (2,9%). И практически совсем не представлены такие жанры, как мини-обозрение (0,8%), аннотация (0,6%), блиц-портрет (0,1%). Однако, есть и такие жанры, которые не получают распространения на страницах анализируемого издания, например, блиц-опрос или некоторые разновидности заметки. В основном эти жанровые формы являются новыми

для районной прессы, именно поэтому они не представлены в данном издании.

Проведённое исследование является перспективным и будет продолжено в части анализа других групп жанров районного издания.

Литература:

1. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000.

Источники:

Газета «Ваш собеседник». – 2013 г.

Собственные имена в романе-сказке Н. Носова «Незнайка на Луне»

Я. Ю. Нефедова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – ассистент Е. С. Моисеева,

Нам с детства знакомы персонажи замечательного романа-сказки Н. Носова про малыша Незнайку и его друзей. Вместе с ними мы совершали путешествие на воздушном шаре, познакомились с жителями Зеленого города, удивлялись чудесным изобретениям в Солнечном городе, летали на ракете... В данной статье мы обратимся к ономастикону сказки «Незнайка на луне».

Здесь нам встречаются как уже знакомые, так и новые персонажи. Неизменен и главный герой – *Незнайка*. Имя этого персонажа говорящее (впрочем, как и все имена в данной трилогии), оно понятно всем: и детям, и взрослым. Услышав его, мы сразу же понимаем, что персонаж не слишком образован, но Носов назвал своего героя именно Незнайкой, а не Дураком или Болваном – Незнайка звучит мягче, ласковее, ведь этот персонаж не так уж и глуп, скорее ленив. Кроме того, он добр, отзывчив и смел. Автор уважает героя за эти качества и с помощью имени в мягкой форме высмеивает его недостатки. Противоположностью Незнайке выступает *Знайка*. Этот очень серьёзный малыш, старательный, умный, начитанный. Но вместе с тем он немного заносчив, порой свысока смотрит на других. Имена как нельзя лучше подчеркивают отличия двух героев, заранее сообщая читателям их основные черты. Вновь встречаем мы и других жителей Цветочного и Солнечного городов: *Пончика*, *Торопыжку*, *Сиропчика*, *Ворчуна*, механиков *Винтика* и *Шпунтика*, художника *Тюбика*, доктора *Пилюлькина*, астронома *Стекляшкина*, музыканта *Гуслию*, поэта *Цветика*, охотника *Пульку* и его собаку *Бульку*, ученых малышей *Фуксию* и *Селедочку*, профессора *Звёздочкина* и т. д. И снова все имена говорящие, отражающие какую-нибудь яркую особенность персонажа: профессию, пристрастия в еде, черту характера и т. п. К тому же такие похожие имена как *Винтик* и

Шпунтик, *Пулька* и *Булька* указывают и на дружбу героев, наличие у них общих черт. Имя поэта *Цветика* может показаться на первый взгляд никак не связанным с деятельностью этого коротышки. Но разве не цветам посвящено множество чудесных стихов? Немного иначе мотивируются автором имена учёных малышей *Фуксии* и *Селёдки*. И снова имена нам кажутся необычными – как они могут быть связаны с наукой? Вероятно, здесь можно увидеть некоторую связь с известным в России салатом «Сельдь под шубой». Верхний слой его составляет свёкла, имеющая ярко-розовый цвет – цвет фуксии. Вот и в именах героинь можно угадать самые яркие составляющие любимого многими салата. Этим автор снова подчёркивает сходство, неразлучность малышей и намекает, что даже в серьёзной науке есть место чувству юмора.

Незнайка «прилунился» недалеко от сада господина *Клопса* – богатого лунного коротышки. Имя сразу сообщает читателю о неприязненном отношении автора к этому персонажу. Жестокому и жадному Клопсу имя подошло как нельзя кстати. Клопы – мелкие насекомые, которые очень больно кусаются. Имена слуг Клопса не менее яркие: *Фекс* и *Фикс* – они отличаются лишь одним звуком, тем самым автор подчеркивает одинаковость, типичность этих персонажей. Имя *Фикс* наводит на мысль о навязчивой идее. И вправду, этот слуга одержим своими обязанностями, и самодоволен. Вскоре Незнайка знакомится с полицейскими *Фиглем*, *Миглем*, *Дриглем*, *Шпиглем*, *Кхиглем*, *Мшиглем*, *Чхиглем*, *Гниглем*, *Вшиглем*, *Пишглем*, *Вриглем* и др. Как мы видим, снова автор, подчеркивая одинаковость своих героев, награждает их очень похожими именами, причем все они вызывают неприятные ассоциации с чиханием, кашлем, чем-то гниющим, вшивым, лживым. Интересны и имена лунных богачей. Самый богатый и влиятельный из них миллиардер *Спрутс*. Он жесток, груб, хитер, жаден, злопамятен, во всем ищет выгоду для себя. Имя этого героя содержит в себе отсылку к спруту. И снова имя невероятно точно и ярко отражает сущность этого коротышки. Он словно морское чудовище захватывает, разрушает, поглощает конкурирующие предприятия. Главный помощник Спрутса – господин *Крабс*. Снова имя на «морскую» тематику. Крабы – ловкие, цепкие, хитрые, безжалостные животные. Таков и этот персонаж. Яркие имена и у других богачей: *Дубс*, *Тупс*, *Скрягинс*, *Жадинг*, *Скуперфилд*. Сразу понятны главные черты их личности: жадность, глупость (автор даже использует более грубое слово тупость). Большинство антропонимов отрицательных персонажей созданы путём прибавления к говорящему корню буквы *с* на конце, и имена эти начинают звучать важно, напыщенно. Все это подчёркивает отношение автора к этим героям, раскрывает их сущность. Недаром у Скуперфильда имя отличается от остальных – ведь он смог исправиться. *Мига* и *Жулио* – парочка мошенников. Имя *Жулио* образовано на итальянский манер. В нем явно слышится слово *жулик*, что, впрочем, отражает сущность героя. Имя *Мига*, вероятно, может иметь балтийские

корни и образовываться от слова *miga* – «берлога, логово». Прозвище Мига мог получить скрытный человек, живший в одиночестве. Судя по описанию героя, он не имел каких-либо проблем с частым морганием, поэтому, возможно, здесь проводится параллель с глаголом подмигивать в значении замышления тайного действия.

Имена коротышек в каталажке разнообразны, но прозрачны: *Вихор*, *Москит*, *Грымза*, *Босой*, *Виртуоз*, *Бисер*, *Антиквар*, *Стрига* и др. Некоторые из них напоминают типичные клички преступников (Виртуоз, Антиквар), другие отсылают нас к улице (Босой, Вихор); вызывают неприятные ассоциации (Грымза, Москит). Это вполне логично, ведь каталажка – это тюрьма, где могут оказаться очень разные люди, не обязательно преступники. Выделяется имя друга Незнайки *Козлика*. Это мягкий, добрый, неуверенный и незащитный герой. Интересны антропонимы и других лунных жителей: владелец гостиницы *Ханс* («заламывает» огромные цены, оправдывая тем самым свое имя), доктор *Шприц* (более жесткое, неприятное по сравнению с Пилюлькиным), учёные *Альфа* и *Мемега* (альфа и омега – первая и последняя буквы греческого алфавита), *Трухти*, *Лопушок*, *Персик*, *Бузони* (*бузить* – «шуметь, скандалить»: герой написал провокационное письмо в полицию), *Брехсон* (сообщает ложные сведения), владелец котельной *Грязингс*, землевладелец *Дракула* и многие другие. Говорящими именами обладают и бедные жители деревни: *Седенький* (автор использует ласкательный суффикс, показывая тем самым свое положительное отношение к герою); *Мякиш*, *Колосок* (ассоциации с хлебом и злаками; вновь ласкательный формант) и др.

Обратимся к топонимии Лунного мира. Наиболее крупные города – *Давилон* – наиболее крупный город на Луне, ее деловая столица (возможно, аллюзия на название «Вавилон» или даже контаминация «Вавилона» и глагола «давить»); *Грабенберг* – самый богатый город, в котором живёт монополист Спрутс и другие лунные скряги; *Брехенвиль* – город, в котором живёт жадный миллионер и обманщик Скуперфильд и в котором находится принадлежащая ему макаронная фабрика; *Лос-Свинос*, *Лос-Паганос* и *Лос-Кабанос* – курортные города на другой стороне Лунного шара, в окрестностях которых спустился на парашюте Пончик. Из Лос-Паганос теплоходы отправляются на Дурацкий остров. И вновь топонимы отражают сущность городов: обжорство, легкомысленные развлечения, невоспитанность, нравственное разложение жителей и т. д. Улицы обладают не менее яркими названиями. Магазин оружия Жулио находился на *Крученой улице* в *Змеином переулке*. Название вполне обоснованное: Незнайке с Козликом не могли сразу найти нужный дом, так как переулки извивались, закручивались. На *улице Лоботрясов* находилась самая дорогая и престижная гостиница «Изумруд». У читателя сразу возникает чёткое представление о жителях этой улицы: бездельники, лентяи. Известный нам доктор Шприц принимает пациентов на *Холерной улице*. Да, адрес вполне

подходящий для больницы, но какие неприятные ассоциации с тяжелой болезнью он вызывает! Встретились нам и *улица Фертинга*, на которой находятся конторы богатых коротышек, имеющих много денег – фертингов (интересно, что фертинг – производное от реально существовавшего до 1960 года фартинга, самой мелкой английской монеты), *Светлая*, *Счастливая улицы*; *бульвар Радости*. Стоит отметить, что все эти улицы находятся в богатых районах городов. А вот в бедных названия менее приятные: *улица Бедности*, *Темная улица*, *Грязная улица*, *Болотная и Гнилая*, *Большая и Малая Трущобные улицы* и т. д. Наименования дают понять читателям, как живет беднякам в Лунном мире.

Таким образом, мы можем видеть, что роль личных имен в литературе неопределима. Именно имена помогают нам лучше понять героя, а используемые автором формы отражают его отношение к персонажу. Но, наверное, особенно важны имена в детской литературе. Ведь дети знают пока гораздо меньше взрослых, они еще не могут понять скрытый смысл, авторские намеки. В произведениях для детей нужны понятные, говорящие имена. С этой задачей блестяще справился Н. Носов. Герои его сказок о Незнайке любимы уже не одним поколением, у них мы учились смелости и доброте, дружбе и упорности. А помогали нам в этом имена героев. Это еще раз подтверждает неопределимую роль ономастики в нашей жизни.

Литература:

1. Носов Н. Н. Приключения Незнайки и его друзей. Незнайка в Солнечном городе. Незнайка на Луне. – М.: Детская литература, 1965
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1995.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.

Русская иконописная лексика (по лицевому подлиннику графа Строганова)

Я. Ю. Нефедова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор С.В. Кезина

Русское иконное письмо зародилось вместе с принятием Русью христианства. Образцами для работы нашим изографам служили греческие иконы и постепенно заменявшие их копии – *подлинники* (родств. «подлинный» в значении «истинный», родств. «длина» (искон.) [7 (3: 297-298, 517)]). Они представляли собой специальные руководства для иконописцев, в которых содержались требования к изображению святых,

выбору краски. Подлинники (другое название – *истинники*) делились на *лицевые* и *толковые*. В *лицевом подлиннике* (от «лик» – "лицо; изображение лица (на иконе)" (старосл.) [7 (2: 495-496)]) находились изображения – *прориси, переводы, снимки* с греческих икон [4, 81]. В подписях указывались замечания по выбору краски для одежды, волос, лица и т.д. Иногда давался краткий комментарий к сюжету рисунка, его значению. Такой подлинник предшествовал *толковому*, содержащему только текст, без изображений. Подлинники претерпели множество редакций. Толковый подлинник «развивает» надписи, взятые из лицевого. Чем короче толковый подлинник, тем древнее его редакция [1, 348].

Выдающийся русский филолог и искусствовед Фёдор Иванович Буслаев признавал культурную и историческую ценность иконного искусства. В своём труде «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» он большое внимание уделяет иконописанию в России. Им подробно рассматриваются подлинники, среди которых *Лицевой Подлинник графа Строганова*, ставший объектом нашего исследования. Это рукопись 17 века на 110 листах [1, 348]. Подписи в нём расположены над изображениями, а сами *прориси* – по месяцеслову. В 17 веке также появляется другая редакция подлинников, в которых лица и события располагались по алфавиту [1, 349]. Таковы подлинники графа Уварова.

Приведем примеры подписей к изображениям в Лицевом Подлиннике графа Строганова:

Сентября 10 ч. «Св. мученицы Минодары: верхъ красна вохра, исподъ лазорь. У Нимводоры риза дичь, исподъ лазорь. На Митродоре верхъ лазорь, исподъ кеноварь».

Апреля 14 ч. «Св. Антоней: риза камка черлена, исподъ камка лазорева. Еустафей: риза камка лазорева, исподъ прозелень. Иоанне: камка же – вохра съ белиломъ, исподъ багоръ красень» [1, 347].

В данных отрывках текста многочисленна *группа красного цвета* и его оттенков:

багрный, багор – (краска красного, пурпурного цвета; исконное, родств. багровый, багрить – «окрашивать в багровый цвет» [7 (1:102-103)];

красная вохра (охра). Охра – природная минеральная краска, имеющая красноватый или желтоватый оттенок. Прилагательное «красная» указывает на доминирующий оттенок. Слово «охра» проделало долгий путь, прежде чем попасть в русский язык: греч. слово пришло к нам через польск. *ochra* со значением – «бледный, желтоватый» [7 (3: 176)]. Это одна из наиболее популярных красок, использовавшихся для получения составных красок: санкири, дичи и т.д. По назначению выделяют *личную* (для написания ликов, т.е. лиц) и *телесную* (для написания частей тела) охры. По месту добычи или приобретения различают охры: *калужскую, неаполитанскую, немецкую, римскую, русскую, французскую, царьградскую* и др. Охры считались дешёвыми красками, наиболее дорогой была *грецкая охра* (из Греции) [5];

кеноварь (вариант *киноварь*) – ярко-красная краска. Слово заимствовано из греческого языка [7 (2: 234)]. Популярный и дешёвый краситель, часто использовавшийся для составления *багра*, *бакана* и др. В ходу была как природная, так и полученная искусственным путем *киноварь*;

черлень – родств. «червлёный» – (устар.) тёмно-красный. Краситель добывался из червя – *кошенили*. Интересно, что в древнерусском языке слово «червень» использовалось для обозначения месяца июля. Это связано с тем, что именно в это время происходил сбор кошенили [7 (4: 334-335)]. Как и охра, *черлень* имела разновидности: *псковская черлень* и *немецкая черлень*. Название «черлень» с краски животного происхождения со временем перешло на красные и красно-бурые земляные краски [3];

бакан – «красный венецианский лак». Заимств. из араб.-тур. *bakkan* "красное красящее дерево, красильное дерево", чагат. "дерево, из которого делают краску" [7 (1:109)]. Выделялись следующие сорта: бакан, немецкий бакан, венецианский бакан и др. Самым хорошим считался, а соответственно, был самым дорогим венецианский (венецианский) бакан. Получали краску из сандалового дерева, кошенили.

Меньше в лицевом подлиннике представлены *группы синего и зелёного цветов*:

лазорь (*лазурь*) прилаг. *лазоревый*, – др.-русск. лазорь. Через польск. *lazur* из ср.-в.-н. *lazur*, "голубой камень", которое восходит через ср.-лат. *lazurium*, *lasurium* к араб. *lâzavard*; [7 (2: 450)]. Краска использовалась для нанесения «пробелов», получения составных красок. Первоначально краситель получали из минерала лазурита, но из-за его редкости *лазорью* (*лазурью*) стали называть любую краску голубого цвета. Лазорь перестаёт обозначать самостоятельный пигмент и употребляется для обозначения светло-голубого цвета [3]. Подтверждением может служить тот факт, что в первом отрывке употреблено существительное «лазорь, во втором – уже прилагательное «лазорева», лишённое предметной конкретности;

прозелень (*празелень*) – популярная среди иконописцев краска. Сохранилось много рецептов её составления. Это может указывать на то, что речь идёт о краске особого зелёного цвета, а не о названии красочного материала [3]. Родств. «зелёный, зелень» – общеслав., искон. В русских народных говорах одним из значений имеет: «краска иссиня зеленоватого или бледно-зелёного цвета» [6, 141].

Пименова М.В. отмечает, что цвет одежды определяется названием красителя, а не абстрактным цветообозначением [4, 82]. Зачастую красители были природного происхождения: минералы, черви и т.д. Наиболее популярным красителем была *охра*, смешивая которую с другими красками получали множество тонов и оттенков. Например, *вохра с белилом* – охра, в которую добавлены *белила* (родств. «белый» (искон.)). Эта белая краска часто использовалась для «разбеливания» других красок, нанесения «пробелов». Белила были привозные и местного приготовления. В России

такой краситель изготовлялся в Кашине, Ярославле, Вологде и был высокого качества. В основном использовались *свинцовые белила*, получаемые искусственным путем [3].

Дичь – «составная краска самых неопределенных темноватых «диких тонов» [3]. Имеет нейтральный серовато-коричневый цвет. Используется для написания тайных (теневых) мест личного. Краска эта составляется из чернил, белил и вохры (или санкири). Выделяется *дичь белая* – смесь дичи с белилами. Ею пишутся облака, вода и одежда [2] .

В Подлиннике при описании одежды изображаемых святых часто встречаются слова «*камка*» и «*риза*»:

камка – определённый вид ткани (др.-русск. камка "шёлковая узорчатая ткань". Заимств. из тат., казах., кирг., алт. *камка* "ткань из шёлка, похожая на атлас", кит. происхождения [7 (2: 174)];

риза – "верхнее облачение священника при богослужении". Нет единой точки зрения на происхождение слова. В этимологическом словаре М. Фасмера указано, что «слово не имеет надёжной этимологии. Предполагали – при условии наличия к. с долгим дифтонгом – родство с **rězati*, **razь* (см. *рѣзать*, *раз*) Но здесь вполне могло быть и заимствование» [7 (3: 482)]. В этимологическом словаре Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой слово рассматривается как общеслав. (а значит, искон.), производное от «*резать*» [8, 273].

Отметим, что в текстах Лицевых Подлинников основное внимание уделяется выбору цвета, тона, оттенка. В Толковых подлинниках подробно описываются положения фигур, их характеры; возраст святых, особенности изображения бороды, волос и т.д. Такое различие объясняется наличием рисунков в Лицевых Подлинниках, которые наглядно демонстрируют все вышеназванные параметры, кроме цвета.

Анализ Подлинников представляет большой простор для исследований. Лексика иконного письма представляет собой закрытую (узкоспециальную) лексико-тематическую группу. Она мало подвергалась изменениям, благодаря чему в ней сохранилось много ныне забытых слов. Находясь изначально под сильным влиянием Византийских традиций, наше иконописное искусство приобрело яркие и самобытные черты русской культуры, сохраняя их и по сей день.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. 2 т. – СПб., 1861.
2. Вздорнов Г.И., Залеская З.Е., Лескова О.В.. Общество "Икона" в Париже. – В 2-х томах. Т.2. М.:Прогресс-Традиция, 2002 // <http://www.nesusvet.narod.ru>
3. Кузнецова Л.В. О пигментах древнерусской темперной живописи // <http://geo.web.ru>

4. Пименова М.В. «...Приложи вохры мало или празелени...» // Русская речь. – №1. – 1995. – С. 81-85.
5. Рублевская палитра: природные пигменты, краски, материалы /для художников, иконописцев и реставраторов //http://www.sienna.ru
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 32. – СПб.: Наука, 1998.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т.: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987.
8. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.

Грамматические категории краткого прилагательного

О. В. Нечаева, к.филол.н, доцент
Пензенский государственный университет

В лингвистических исследованиях вопрос о грамматическом статусе краткого прилагательного (предикатива) не решен однозначно. Оно рассматривается или как форма полного прилагательного, или как самостоятельная часть речи, беспадежная, присвязочная, имеющая формы склонения, времени и лица. Связочные единицы, используемые в предложениях с предикативом, выражают значение склонения, времени, лица, а также актуализируют различные значения и оттенки модальной семантики двусоставных неглагольных предложений типа *Ребенок послушен.

Употребляясь только в функции сказуемого, краткое прилагательное (предикатив) приобрело семантические и грамматические свойства, радикально отличающие его от полных прилагательных. Категориальное значение личных форм предикатива – качественное состояние предмета как непроцессуальный предикативный признак. Категориальное значение оформляется системой флексий. Система флексий кратких прилагательных тождественна системе окончаний эловых форм глагола. Система флексий указывает на несклоняемость этой части речи и служит для согласования с подлежащим в роде, числе.

Формообразующую функцию у краткого прилагательного выполняет связка. Кроме указанной функции, связка выражает особенности отношений «предмет – предикативный признак» и участвует в формировании модальной семантики предложения. Связочные единицы русского языка создают систему, состоящую из оппозиций *быть – связочный элемент*.

Предложения, где использовано краткое прилагательное в качестве именной части сказуемого, обладают взаимосвязанными структурными и семантическими особенностями, позволяющими определить эти

предложения как особый тип в синтаксической системе русских неглагольных двусоставных предложений. Основной тип семантики таких предложений – семантики характеристики. «К нему практически могут быть отнесены все предложения, если считать характеристикой приписывание предмету предикативного признака – качественного состояния» [1]. Анализ языкового материала показал продуктивность неглагольных предложений данного типа как в прозаических, так и стихотворных произведениях русских авторов. Анализ круга связочных единиц, представленных в этих текстах, подтверждает мысль о том, что связки утратили часть своих позиций в морфологии и чрезвычайно расширили их в синтаксисе. Так, у И.А. Бунина продуктивно используются связки *стать, казаться, оказываться, сделаться*. Кроме того, не было отмечено употребления писателем краткого прилагательного (предикатива) в полупредикативной функции. Использование неглагольных предложений позволяет писателю выявлять самое важное, сущностное в описываемых объектах. Кроме того, краткое прилагательное – важнейшее лексическое и грамматическое средство, обращенное к смысловому пространству местоимения *каков*.

Аналогичная картина наблюдается и у другой гибридной категории – причастия: «Активное употребление полных причастий в позиции синтаксических актантов является выражением именной сущности причастия» [2]. При все усиливающей тенденции языка к созданию аналитических форм можно говорить, что краткое прилагательное и связка *быть* – два неразрывных компонента одной части речи, а не два сочетающихся представителя разных лексико-грамматических классов слов. Предикатив и связка не способны обладать собственными синтаксическими связями вне сочетания, более того, предикатив неразрывен со связкой, и это говорит не только в пользу моносинтаксемности связки и предикатива, но и аналитизма последнего. Другие связочные «гибридные» единицы выполняют ту же категориальную и формообразующую функцию, что и идеальная связка *быть*, замещают ее. И в сочетании с ними краткое прилагательное так же тяготеет к обособлению от полных форм. В предложении не требуется одновременного употребления чистой связки и какой-то другой: *Ночь была длинна. Ночь казалась длинна*. Во второй синтаксической конструкции связка *казалась* передает те же грамматические значения, что и *была*, и вносит модальный оттенок мнимости, кажимости, то есть формирует модальную семантику предложения.

В прозе И.А. Бунина используются следующие разновидности грамматического субъекта предложений с предикативом в функции сказуемого: лицо, предмет, событийное имя. Наиболее продуктивным типом являются предложения с подлежащим-лицом и сказуемым-предикативом, характеризующие лицо со стороны внешнего восприятия, а также восприятия внутреннего состояния героя (физического, интеллектуального, эмоционального). Предложения с конкретно-предметным именем в позиции

подлежащего характерны для жанров пейзажной зарисовки и путевых заметок. Чтобы подчеркнуть истинность облика увиденных достопримечательностей, И.А. Бунин использует связку *быть* со значением истинности предикативного признака. Предложения с событийным именем в позиции подлежащего встречаются в философских рассуждениях автора и персонажей на общечеловеческие темы, в рассуждениях интимно-личностного характера писатель использует в неглагольных предложениях с кратким прилагательным специализированные модальные связки, акцентирующие субъективный характер высказывания, обращенность во внутренний мир. В прозе Бунина неглагольные предложения с кратким прилагательным (предикативом) в функции настолько продуктивны, что становятся яркой чертой бунинского синтаксиса.

Анализ грамматических особенностей кратких прилагательных (предикативов) говорит о смешении именных и глагольных черт, а также об усиливающемся стремлении этих категорий к самостоятельности и аналитизму строения.

Литература:

1. Нечаева О.В. Краткие имена прилагательные в предложениях с семантикой характеристики // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г.Белинского. Гуманитарные науки, № 23, 2011. С. 203.

2. Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность.// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. №3 (27). 2013. С. 124.

Наименования общекультурных понятий в русской лексике живописи (на материале Популярной художественной энциклопедии)

Н. И. Никишева, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор С.В. Кезина

В последние десятилетия в науке активно изучается специальная и профессиональная лексика русского языка. Особый интерес представляет область терминологии искусств, в частности, терминологии живописи, что объясняется, во-первых, сравнительно высоким уровнем разработанности терминологии именно в живописи и, во-вторых, неразрывной связью языка и культуры.

Лексика живописи в русском языке представлена 11 лексико-тематическими группами, неравноценными по объему, иерархической структуре, источникам терминотворчества, активности словообразовательных процессов, особенностям проявления лексико-семантических отношений [1].

Основу русской лексики живописи составляют три лексико-тематические группы: «Наименования формы и элементов формы живописных произведений», «Наименования живописных материалов» и «Наименования общекультурных понятий, явлений, событий» [3].

В данной работе мы проанализируем лексико-тематическую группу «Наименования общекультурных понятий, явлений, событий». Анализ проводился на материале Популярной художественной энциклопедии [5].

Исследуемая лексико-тематическая группа включает 130 терминов, полученных из энциклопедии методом сплошной выборки. В группе можно выделить 3 тематические подгруппы:

- 1) наименования течений и направлений в искусстве;
- 2) наименование художественных стилей;
- 3) наименование художественных школ.

Словарный состав анализируемой группы имеет сложное иерархическое строение. Лексика делится на общепотребительную (живопись, классика, искусство), межотраслевую (футуризм, декадентство, реализм, символизм) и узкоспециальную (олеография, короластика, майолика) [5]. Лексика обнаруживает тесную связь с терминами других видов искусств: скульптурой, графикой, архитектурой, музыкой, театром, литературой, монументальным и декоративно-прикладным искусством.

Основными источниками терминологической лексики живописи являются заимствованная лексика и исконно русская. Источниками заимствований являются чаще всего французский, итальянский, немецкий, латинский и греческий языки.

В данной тематической группе преобладают заимствования. Количество заимствованных терминов – 111. Наиболее представлены примеры из латинского, французского и греческого языков.

Из латинского: абстрактное искусство, анималистический жанр, античное искусство, архитектура, инкрустация, классика, корпусное письмо, олеография, пунктирная манера, скульптура, супрематизм, футуризм, экспрессионизм [5].

Из французского: авангардизм, академизм, батальный жанр, Возрождение, гротеск, декадентство, дивизионизм, Каролингское возрождение, Лиможская эмаль, Мерovingское искусство, модерн, модернизм, натурализм, ню, Парижская школа, пуантилизм, символизм, сюрреализм, Фламандское искусство [5].

Из греческого: архаика, архитектоника, графика, икона, иконография, кинетическое искусство, короластика, ксилография, литография,

полихромия, монохромия, проторенессанс, эклектизм, Эллинистическое искусство, Крито-Микенское искусство [5].

Представлены также термины из других языков: веризм, готика, майолика (из итал.); концептуальное искусство, оп-арт, поп-арт, брутализм, гиперреализм (из англ.); костюмбризм (из исп.) и т.д.

Исконно русские термины или образованные по русской словообразовательной модели от заимствованных (всех 19) представлены лексемами искусство, живопись, роспись, творчество, передвижники, кружево, вышивка, которые используются либо как самостоятельные, либо входят в состав составных наименований: декоративное искусство, Елецкое кружево, Жостовская роспись, клеевая живопись, Крестецкая вышивка, масляная живопись, народное творчество и т.д.[5].

В данной тематической группе, как и в лексике живописи в целом, наиболее активным является синтаксический способ терминообразования, особенно по модели «название города/ имя деятеля/яркого представителя – название школы/течения»: Арзамасская школа, Барбизонская школа, Болонская школа, Брешианская школа, Дунайская школа, Елецкое кружево, Жостовская роспись, Исфаханская школа, Каролингское Возрождение, Латемская школа, Лижамская эмаль, Меровингское искусство, Нарышкинское искусство, Падуанская школа, Парижская школа, Севильская школа, Сиенская школа, Феррарская школа, Фламандское искусство, Умбрская школа, Эгейское искусство, Эллинистическое искусство [5]. В исследуемой тематической группе этот способ терминотворчества особенно распространён, так как термины данной группы – наименования общекультурных понятий, явлений и течений.

Итак, группа наименований общекультурных понятий в лексике живописи русского языка отражает структуру и особенности терминосистемы в целом. Специфической особенностью данной группы является её самая большая мобильность: это постоянно обновляемая группа, что обусловлено непрекращающимся развитием искусства и его отдельных видов.

Литература:

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004.
2. Касимова Г.К. Современный русский язык. Словообразование. Учебно-методическое пособие для студентов факультета русского языка и литературы. – Пенза, 2004.
3. Кезина С.В. Лексика живописи в русском языке: система и ее развитие: Дис. канд. филол. наук. – Пенза, 1998.
4. Кодухов. В.И. Лексико-семантические группы слов: Лекция. – Л., 1965.
5. Популярная художественная энциклопедия: В 2 т. – М.,1986. Т.1-2.

Интеллект нации: особенности отражения в СМИ

Л. П. Нода

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

В силу особой значимости печати, радио и телевидения в жизни общества и государства с точки зрения информирования, формирования общественного мнения, возможностей идеологического воздействия, в исследовательской литературе нередко особо акцентируется внимание на общественно-политической составляющей их функционирования. Научное изучение массовой коммуникации как социально-политического явления и процесса было заложено в XIX веке. Исследователи дали определение СМИ как посредника между управляющими и управляемыми с позиций материалистического обоснования предназначения места и роли журналистики в обществе, содержания понятия свободы печати как возможности реализовать общественные интересы разных социальных слоев. Подобное понимание стало основой для многих последующих оценок экономических факторов функционирования СМИ, как выражении концентрации материально-экономической и политической власти, инструмента политического и идеологического контроля в обществе, их взаимоотношений с политической элитой, аудиторией, массами. Под системой СМИ понимается некая совокупность разнообразных изданий (печатных, аудиовизуальных).

Современный Казахстан уверенно шагает по пути индустриально-инновационного развития, в обширной программе которого отчетливо выработался социальный заказ на формирование граждан нового поколения. Это поколение должно приобрести такие социальные черты как гражданственность, инициативность, конкурентоспособность, креативность мышления, готовность к инновационному мышлению и, пожалуй, одно из самых важных качеств – потребность к постоянному саморазвитию. Таким образом, особая роль в этом процессе отводится высшему профессиональному образованию – системе, призванной обеспечить казахстанскому обществу преемственность и возобновляемость элит, способных эффективно противостоять вызовам современности и позволить Казахстану занять достойное место в международном сообществе.

Президент РК Нурсултан Назарбаев, предлагая реализовать национальный проект "Интеллектуальная нация - 2020", подчеркнул: "Его главная цель - воспитание казахстанцев в новой формации, превращение Казахстана в страну с конкурентоспособным человеческим капиталом". Как отметил президент, проект должен учитывать три потенциальных момента.

"Первый момент касается инновационного развития системы образования", - отметил он. "Надо добиться того, чтобы наша молодежь умела не только получать, но и создавать новые знания. Самым ценным

знанием сегодня становится креативное мышление, умение перерабатывать знания, рождать новые решения, технологии и инновации", - отметил президент. "Для этого нужны новые методики, новые формы преподавания, новые специалисты", - пояснил он.

Вторым ключевым моментом реализации проекта, по словам главы государства, должна стать информационная революция. "В этой сфере мы серьезно отстаем", - подчеркнул Н. Назарбаев.

"В качестве третьего направления по реализации проекта можно отметить духовное воспитание молодежи", - отметил президент. "Нужно учитывать воздействие процессов глобализации, которым мы должны противопоставить укрепление национально-культурных ценностей, нравственности молодого поколения", - заключил глава государства.

Рост научного потенциала страны, инновационной основы экономики можно назвать опорными идеями проекта «Интеллектуальная нация-2020». При этом именно проблемы развития научной сферы становятся ключевыми. Сегодня необходимо создать новую систему управления отечественной наукой, позволяющую оптимизировать «функции всех ключевых участников научной системы». Это касается финансирования научных исследований, усиления роли ученых в формировании тематики научных исследований и принятии рекомендаций по ее реализации через сеть национальных научных советов по направлениям наук, совершенствования государственной научно-технической экспертизы, привлечения частного сектора к финансированию исследований и внедрению их результатов в производство.

При этом вузы должны создавать все условия для формирования всесторонне развитой личности, наделенной развитыми гражданскими качествами, широким кругозором и навыками социального взаимодействия. Мы все отчетливо понимаем, что будущее Казахстана – это интеллектуальная нация. Студенты и преподаватели нацелены на достижение высокого уровня качественных знаний и умения их применять в условиях рыночной экономики. Приоритетными становятся стремление молодых людей ставить перед собою новые цели и достигать их, а также желание приобретать новые знания и необходимые навыки, ответственно относиться к профессиональному росту.

Понятие «интеллектуальный потенциал» относительно новое. Так, профессор Г.С. Султанбаева понимает под ним «интеллектуальные компоненты человеческой деятельности, придающие ей творческий инновационный характер, позволяющие выходить за рамки автоматизированных действий, наработанных алгоритмов деятельности. Интеллектуальный потенциал общества – это его инновационные возможности, использование которых позволяет решать возникающие проблемы, вносить в исторический процесс нечто новое и тем самым создавать предпосылки для движения истории вперед» [1].

И с учетом этого система СМИ характеризуется как «совокупность изданий, определяемая, с одной стороны, политикой государства, а с другой, - потребностями общества на каждом историческом отрезке времени» [2].

В настоящее время коммуникационная экспансия глубоко влияет на культуру всего мира и не оставляет места на земле, где бы ни сказывалось воздействие медиа на религиозных и моральных отношениях, на политических и социальных системах, на воспитании. К привычным уже понятиям "информационное общество", "медийная культура", "медийное поколение", которые отражают в определенной мере зависимость знаний и представлений о жизни от медиа, добавляется еще и "медийный опыт", подменяющий человеческий опыт.

Опережающий всякие предсказания технологический прогресс способствует как эволюции "старых", так и появлению "новых медиа", которые вместе овладевают "новыми языками" коммуникации и с их помощью формируют "новую коммуникационную культуру".

Исследователь журналистики Е.П. Прохоров отмечал, что «при изучении журналистики общие положения системного подхода исследователям при обращении к разным ее сторонам приходится не просто применять, а конкретизировать и специфицировать, то есть самим становиться разработчиками методологии своего конкретного исследования» [3].

Необходимо отметить, что массовая коммуникация, охватывая всё многообразие социальных связей – межличностных, массовых и специальных, отражает и выражает культурные ценности субъектов политики; несёт в себе социально-политическую информацию как содержание, включая процессы обмена этим содержанием, а также семиотические и технические средства, используемые в этих обменах, и технические каналы этих обменов. Поскольку коммуникаторы при массовой коммуникации целенаправленно формируют массовую аудиторию, то массовая коммуникация подразумевает так же тесные развивающиеся взаимосвязи внутри массы, в свою очередь воздействующей на коммуникаторов. В данном случае имеют место всесторонние коммуникативные связи и отношения, которые неразрывно связаны с политической и общей культурой общества.

Современные СМИ Казахстана не просто распространяют информацию, но и воспроизводят действительность. Воздействие СМИ на формирование общественного мнения трансформируется под влиянием всех общественных институтов. Но стоит учитывать, что сами эти институты также подвержены воздействию средств массовой информации. При этом необходимо помнить, что «типологический анализ сложен, но зато и очень важен для понимания системы СМИ и места в системе того или иного из них. Более того, типологический анализ реальных СМИ позволяет и даже требует построения неких «идеальных типов» СМИ, необходимых для

оптимального развития системы. Тогда можно и нужно делать оценки самого разного характера, в том числе и рекомендательные в перспективе социальной позиции исследователя» [4].

Многонациональный Казахстан заинтересован в расширении диалога цивилизаций, и подтверждением тому является государственная политика, которая неизменно направлена на сближение Востока и Запада по ключевым проблемам современного мироустройства. С древних времен и до наших дней казахская земля выполняет функцию своеобразного моста между Азией и Европой. Она и сегодня является родным домом для представителей многих народов и вероисповеданий. Об этом вновь говорил в своей недавней статье «Воплощение мечты Абылая» Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. И это подтверждают съезды лидеров мировых и традиционных религий, регулярно проводимые в Астане. Международные эксперты признают, что такие встречи руководителей различных конфессий являются одним из важнейших инструментов укрепления мира и согласия, продвижения диалога между цивилизациями, основанного на толерантности и взаимном уважении. Кроме того, большая роль в сближении и взаимообогащении культур принадлежит образованию. Не случайно сегодня в мире происходит интернационализация образования, которая приобретает качественно новые черты интеграции, всемерно сближая национальные образовательные системы разных стран. Так, исследователь О. В. Сагинова рассматривает интернационализацию высшего образования как фактор конкурентоспособности: «Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышения качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др.» [5].

Глобализация мирового пространства привела к трансформации пространства как такового. Сегодня наряду с географическим пространством формируется, в частности, электронное. Традиционные противостояния между государствами осуществляются как в физическом, так и в виртуальном, кибернетическом пространстве. Информационная война - сравнительно новое понятие, включающее в себя различные аспекты политической, экономической и социокультурной действительности. Она ведется в режиме "все против всех" с помощью манипулирования знаниями, охватывает все средства массовой информации, влияет на образование и разрушает традиционные старые культуры. Небольшая группа людей, владеющих приемами ведения сражений, может идеологически или психологически поработить социальные группы или целые страны.

Информация существует сегодня в двух измерениях: как один из главных продуктов экономики постиндустриального общества и как наступательное оружие, которое делает прозрачными и незащищенными границы государств.

Взаимосвязь глобализации информационного потока, создания гигантских империй масс-медиа и повседневной стихии сознания находит выражение в создании планетарно-коммуникационного бытия современного человечества. Именно поэтому на первый план выдвигается аналитическая журналистика, способная и призванная раскрывать причины конфликтов. Отсюда – наличие в тексте тезисов, аргументов, авторской оценки. Воспроизведение процесса познания стоит на первом плане. Четко прослеживается логика авторских рассуждений для убедительности и доказательности. В аналитических материалах широко представлены все методы познания: сравнение (сопоставление с целью выявить различия); аналогия (сопоставление с целью выявить сходства); оценка (проверка предмета на соответствие идеалу); детализация (выявление наиболее значимых деталей); разъяснение (воссоздание цепи причинно-следственных связей); предсказание (построение гипотезы); обобщение (выявление общего звена в ряду событий) аналитической журналистики отчетливо ориентировано на коммуникацию. Для аналитической журналистики характерно обращение к вопросам выбора эффективных путей развития общества; выяснение причин, условий развития событий и изменения ситуаций, оснований, мотивов, интересов, намерений, действий различных социальных сил; выявление современных противоречий тенденций развития, правильности, обоснованности разнообразных точек зрения, идей. Только аналитический текст может представить аудитории факты в их причинно-следственной взаимосвязи, дать им развернутую трактовку, оценку, обосновать прогноз развития явлений, план действий, связанный с отображаемым предметом. Поэтому, не отрицая известного значения информационных сообщений в социальном ориентировании аудитории, все же следует признать, что именно аналитическая журналистика в данном отношении играет ведущую роль.

Аргументы вырабатываются журналистом в процессе непосредственного анализа. Можно обозначить цепь: анализ – процесс, аргумент – его следствие. Данные анализа, постепенно осмысливаемые в ходе изучения объекта, играют в производстве роль доказательств, аргументов. Но естественно, этот материал – факты, цифры, различные данные – претерпевают определённую переработку: цифры суммируются, факты по известному признаку группируются, иные отсеиваются как несущественные. Аргументация данными – фактами, цифрами – разнохарактерна. Её можно свести к трём основным видам:

1. Аргументация на основе анализа отдельных ситуаций, фактов (например, в репортаже, корреспонденции).

2. Аргументация на основе анализа обобщённых данных (в статье).
3. Аргументация на основе анализа конкретных данных, полученных в процессе непосредственного изучения явления, и данных, привнесённых, почерпнутых в тех или иных источниках (метод, используемый, например, в статье, нередко – в корреспонденции) [6].

Развитие средств массовой информации приводит к формированию информационного рынка в обществе. Информационный рынок – особое пространство обмена информацией между социальными субъектами.

Литература:

1. Султанбаева Г.С. и др. Интеллектуальный капитал – основа развития общества знания. – Алматы, 2013. – С. 29.
2. Ковалева М.М. Отечественная журналистика: вопросы теории и практики. - Екатеринбург: Наука, 2000. - с.-17.
3. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. – М., 2006. – С. 88.
4. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. – М., 2006. – С. 91.
5. <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/internatsionalizatsija-vysshego-obrazovanija-kak-faktor-konkurentosposobnosti/>
6. См.: Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. – М., 1973.

Стилизация как плодотворный приём смыслового обогащения художественного текста (на примере творчества М.Ю. Лермонтова)

М. И. Носова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к.филол.н., доцент Л. А. Мещерякова

Лермонтовская энциклопедия определяет стилизацию как подчеркнутую имитацию *«чужого стиля, ощущаемого как принадлежность определенной культуре, типологически резко отличной от современной автору. В широком смысле понятие стилизации употребляется для обозначения ряда родственных явлений: пародии, мистификации, сказа, подражания; в узком смысле обозначает авторскую речь, имитирующую литературные, в том числе современные, стили и жанры, - в отличие от сказа, воспроизводящего устную речь, и от различных способов изображения своеобразной манеры речи персонажей, неидентичной авторской»*[1, 328].
Переход к рассмотрению произведений Лермонтова в этом контексте предваряет фраза: «В творчестве Лермонтова представлены почти все эти литературные формы, хотя случаи прямой стилизации единичны и не вполне каноничны».

Именно в этом заключении мы усматриваем определенную научную проблему. Прежде всего нуждаются в четком разграничении два, казалось бы, близких и потому сведенных вместе в приведенном выше определении

понятия: *подражание* и *стилизация*. Первое более соотносится с этапом становления, ученичества и не всегда в дальнейшем выводит писателя или поэта на оригинальный, *н е п о д р а ж а т е л ь н ы й* путь. Вторым термином в большей степени является прием и нуждается в его изучении и оценке с точки зрения мастерства. К сожалению, в критической литературе (в том числе о Лермонтове) в этом смысле существует определенная непоследовательность. Так, в Лермонтовской энциклопедии эти понятия нередко используются как синонимы и подменяют друг друга. На наш взгляд, о подражаниях уместно говорить применительно к раннему, ученическому периоду творчества Лермонтова, о стилизации – к зрелому.

Однако прежде чем приступить к работе с лермонтовскими текстами, необходимо разобраться с семантическим значением стилизации как таковой.

В трудах современных исследователей прослеживается общая тенденция определения «стилизации» как особого литературного приёма. Так, *Бахтин М.М.* в «*Вопросах литературы и эстетики*» обращается к рассмотрению подражаний и вариаций в использовании чужого материала в текстах. «*Всякая подлинная стилизация <...> есть художественное изображение чужого стиля <...> Стилизация отличается от прямого стиля именно этим наличием языкового сознания (современного стилизатора и его аудитории), в свете которого и воссоздается стилизуемый стиль <...> непосредственно о предмете стилизатор говорит только на этом чужом для него стилизуемом языке»*[2, 216]. Таким образом, по мнению ученого, «стилизатор» осознанно и логично должен проводить соответствующие текстовые манипуляции без замещения своего стиля чужим.

В статье *Локса К.* мы находим еще несколько характеристик данного стилистического явления: «*стилизация < > особый способ создания очень своеобразной эстетической иллюзии, основанной на внимательном изучении и рассчитанном подражании. Образцом является стиль эпохи, отличающийся свойственными только ему особенностями выражения, оборотами мысли, словами. Это и есть норма художественной стилизации, т. е. чутье к индивидуальным особенностям времени, а не к нормативному стилю вообще.*»[3, 137] При всём этом в своих заключениях Локс К. отмечает, что стилизация не обязательно должна опираться на изучение отдельного писателя (по мнению учёного, это происходит весьма редко), скорее на его школу. Другим вариантом являются такие особенности, которые были «общими ему и его эпохе». Ещё одной важной и интересной для нас находкой в трактовке стилизации можно назвать следующие мысли учёного: «*К достоинствам относится чутье к языку, сознание того, что каждая эпоха понятнее, когда она говорит своим собственным языком. < > Для того чтобы поддержать полную иллюзию, автор не должен выходить из границ данного времени; не должен сообщать о нем больше, чем это раскрылось современникам. Чуждая психология другой эпохи, вложенная в стилизованную оправу, достигает совершенно обратной цели, т.е. вместо*

эстетической иллюзии создается впечатление неудачного маскарада.» Данное утверждение можно назвать своеобразной рекомендацией «художникам слова», которые хотели бы приступить к стилизованному произведению. Локс К., на наш взгляд, крайне метко указал на специфику временного аспекта стилизации как приёма. Ведь, действительно, если стилизатор не будет соблюдать «закон хронописания» (назовём условно так это явление), то нарушится баланс правды и вымысла, своего стиля и чужого, и тогда весь смысл стилизации утратится и превратится в нечто хаотичное.

Далее мы проанализировали работы и других литературоведов, характеризующих в своих статьях стилизации и подражания: *Супрун А.Е., Троицкий В., Долинин К.А., Кедрова К.А., Розанов И.Н.* Одним из ярких примеров удачного разделения сущностей и первого и второго понятий мы обнаружили в учебнике для 10-11 классов «Русская словесность. (От слова к словесности)» *А.И.Горшкова*: «Стилизация состоит в намеренном, целенаправленном воспроизведении существенных черт какого-либо «не своего», «чужого», «не авторского» (имеется в виду автор, который создаёт стилизацию) стиля. В художественной словесности стилизуется обычно не индивидуальные стили, а стили литературных направлений, народной словесности, эпохи, национальной культуры. *В стилизации черты «чужого стиля» условны, используются как особый художественный приём.* Этим стилизация отличается от подражания, в котором «чужой стиль» воспроизводится как «свой», заимствуется, а не служит специальным художественным целям. *В хорошей стилизации на воспроизводимый стиль всегда накладывается собственный стиль стилизатора.»*[4, 384]

Традиционно в качестве стилизаций Лермонтова называют "Песню про... купца Калашникова", «Бородино», «Ашик-Кериб», «Воля» и другие. Произведением, которое, как правило, не включается в данный список, является «Тамбовская казначейша». Между тем, она представляет широкий простор для изучения именно в контексте заявленной нами проблемы стилизации как плодотворного приёма смыслового обогащения художественного текста.

В «Тамбовской казначейше» Лермонтов продолжил традицию пушкинской повести в стихах. В «Посвящении» Михаил Юрьевич сам подчеркнул связь поэмы с «Евгением Онегиным»:

Пускай слыву я старовером,
Мне всё равно – я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.

«Тамбовскую казначейшу» с пушкинским романом роднит не только 14-строчная строфа, но и наличие лирических отступлений и реалистического изображения нравов провинциального дворянства, данные аспекты подробно анализируются в нашем исследовании. Приведём некоторые примеры. Знакомясь с текстом поэмы, возникает полная иллюзия,

что это некая глава, взятая из «Онегина». Мы замечаем художественные особенности и приёмы, которые свойственны пушкинскому произведению. В первую очередь, разумеется, на такую мысль нас наталкивает форма текста, его строфика, использование эпиграфа. Сравним к примеру:

«ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»	«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
«Играй, да не заигрывайся.»	<i>«La morale est dans lanature des choses. Necker.» (Нравственность в природе вещей. Неккер)</i>

Кроме того, в стиле Лермонтов берёт за основу разговорный язык. Эта непринуждённость повествования, перекликающаяся с онегинскими строками, создаёт доверительную атмосферу между автором и читателем. В потоке основного сюжета мы постоянно встречаем самого автора, его собственные мысли и отношение к героям, происходит периодическая вовлечённость читателя в сущность произведения. К примеру:

«ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»	«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
<i>Я не поведал вам, читатель, Что казначей мой был женат. Благословил его создатель, Послав ему в супруге клад.</i>	<i>Гм! гм! Читатель благородный, Здорова ль ваша вся родня? Позвольте: может быть удовно Теперь узнать вам от меня, Что значит именно родные.</i>

Родственность текстов выражена и в главных героях сюжета. Так, мы видим пересечение в описании образа жизни и характера штаб-ротмистра Гарина и Евгения Онегина. Они хитрые оболъстители, «идеалы девиц», как прозвучало в «Казначейше». Таким образом, из всех вышеуказанных примеров видна явная стилизация М.Ю.Лермонтова под «перо Пушкина А.С.», так сказать.

Сегодня существуют сомнения, что «Тамбовская казначейша» дошла да нас в первоизданном мире. На этот счёт есть любопытный факт. Известно, что поэма была впервые опубликована в журнале «Современник». Текст пострадал не только от вмешательства цензуры, но и от редакторской правки Жуковского, который «некоторые стихи переделал и дал им другое значение, а кое-что выпустил», вероятно, чтобы приспособить поэму к цензурным требованиям. Искажение текста поэмы возмутило Лермонтова. И. И. Панаев вспоминает, что однажды, после выхода в свет «Тамбовской казначейши», он застал у Краевского Лермонтова, который «держал тоненькую розовую книжечку „Современника“ в руке и покушался было разодрать ее, но г. Краевский не допустил его до этого. „Это чорт знает, что такое! позволительно ли делать такие вещи! — говорил Лермонтов, размахивая

книжечкою... — Это ни на что не похоже!“ . Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке „Современника“, где была напечатана его „Казначейша“, набросал какую-то карикатуру».[5, 135]

Тем не менее, анализируя данную поэму Лермонтова в том виде, в котором она дошла до сегодняшнего дня, мы отмечаем яркий след намеренного использования пушкинского стиля, т.е. факт стилизации. Этот приём вновь доказывает *литературное мастерство и тонкое чутьё Михаила Юрьевича Лермонтова – нашего гениального земляка и искусного художника слова и мысли.*

Литература:

1. Лермонтовская энциклопедия. Глав. ред. В.А.Мануйлов. – М.: «Советская энциклопедия». – 1981. - 784 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., «Худож. лит.», - 1975. - 504 с.
3. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого. - 1925.
4. Горшков А.И. Русская словесность: от слова к словесности (10-11 кл). Учеб. для общеобр. учрежд./ Горшков. – 9-6 изд. – М.: Просвещение, 2010. – С. 384.
5. Панаев И.И. Литературные воспоминания. Гослитиздат. - 1950. – С. 135.

Ребрендинг: когда он нужен?

А. Нуршаихова, магистрант
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Научн. рук. – к.филол.н., доцент М. О. Негизбаева

Казахстанский рынок попал под воздействия агрессивного «ребрендинга» несколько лет назад. Как правило, «рестайлинг» происходит тогда, когда компания долгое время не получает дохода, или процент от продаж совершенно незначителен. Так же влияет и атмосфера внутри компании, унылая и не сплоченная обстановка, сотрудники не стремящийся внести свою лепту в историю или если компания просто решила расширяться и перейти на новый уровень рынка. Однако менять имидж – это не просто смена логотипа, здесь потребуются профессиональный взгляд на ситуацию, оценка рынка, продуманная система маркетингового развития, в которую войдет все, от рекламы до дресс кода сотрудников. Так же в силу того, что внедрение нового имиджа дело рискованное, в портфеле компании должны присутствовать все виды решений при кризисных ситуациях. Все это

делается для того, чтоб соответствовать новым современным стандартам, которые, возможно устарели за некоторый период времени.

Существует очень хороший пример показанный в книге автора Джеффри Дж.Фокса «Как стать суперзвездой маркетинга». Джеффри рассказывает об истории бренда безалкогольного напитка компании Snapple. Как не следует прибегать к отчаянным методам ребрендинга, а просто начать любить свой бренд. Бренд Snapple появился в городе Нью-Йорк. Он полюбился потребителем тем, что в нем всегда присутствовали необычные штуки, к примеру, необыкновенный вкус напитка и всегда интересные этикетки. Данный напиток продавался в небольших магазинчиках, так как у компании не было много денег для реализации большого экспорта.

Однако, компания медленно, но верно добилась статуса «национального» напитка Соединенных Штатов Америки. Он был настолько домашним, что сразу полюбился всем покупателем, так же особенность этого напитка была тем, что на ней присутствовала SnappleLady, персонаж по которому покупатели с легкостью узнавали бренд. Однако, со временем компанию купил крупный владелец пищевых товаров QuakerOats. Маркетологи, работавшие на престижную компанию, посчитали, что маркетинговая кампания предыдущих хозяев была не профессиональна, и не достигала до их уровня. Поэтому, они немедленно убрали SnappleLady, запустили профессиональную «дорогую» рекламу, которая значительно отличалась от первой, и сделали из уютного домашнего напитка – дорогой бренд для карьеристов. Магазины были заполнены новой маркой Snapple, но процент от продаж был совершенно ничтожным, так как новый бренд потребителям не понравился. Супер бренд стал «тонуть» на потребительском рынке. А все потому, что маркетологи данной компании совершенно не проверили - какая целевая аудитория была у бренда, они так же не оценили актуальность и индивидуальность бренда.

Маркетологи так же не хотели работать с товаром, который был «не профессиональным» и относились снисходительно к напитку. Компании пришлось продать бренд другим владельцам, которые, к счастью восстановили предыдущие индивидуальности и даже добавили немного своих нововведений, которые очень понравились потребителям. Небольшой «ребрендинг» в котором не потеряется индивидуальность изначального бренда – это путь к успеху компании. Следует изначально любить свой бренд, чтоб дать ему засверкать еще более сильнее.

В Казахстане ребрендинг популярен в основном в банковской сфере. Это исходит по причине быстрого экономического развития, и внедрения новых факторов в общество. Один из первых ребрендингов произошел у «Банка Туран Алем». Это случилось из-за слияния двух крупных банков - «Алем-Банк Казахстан» и «Туранбанк». Затем почти все национальные банки принялись менять свои названия и на замену пошла и внутренняя система, имидж и фирменный стиль. Тут и «Казкоммерцбанк», который в данное

время держит крепко одну из лидирующих позиций в завоевании большей части аудитории в Казахстане. Нынешний «KAZKOM» - это сеть банковских услуг, в которых нет очередей в банкоматах, которые легко найти в любой части города, и данным банком очень удобно пользоваться зарубежом. К слову, банк совершенно не навязчив, он дорожит только своими клиентами.

Еще одно запоминающееся положение в смене имиджа занимает бывший «Банк Каспийский». Во-первых, данный банк правильно поступил, что сменил название. Во-вторых, нынешний «KaspiBank» можно увидеть во всех магазинах, биллбордах и цветосочетание крестного и желтого, неизменно ассоциируется с данным банком. Однако излишняя назойливость в постоянных звонках и текстовых сообщениях начинает по немного отдалять потенциальных клиентов от их услуг. Но, следует заметить, что именно «KaspiBank» лидирует на сегодняшний день по выпускам кредитов, и увеличил свой клиентурный фонд вдвое, а того и больше. «Если говорить о внешних процессах, то помимо смены логотипа увеличились часы приема клиентов, банк начал работать без выходных дней. Как раз это необходимо обществу — комфорт и работа в удобное время, даже по выходным. Это говорит об открытости банка и готовности работать с физическими лицами. Это классический пример и правильный алгоритм, как нужно делать ребрендинг, чтобы привлечь внимание и увеличить количественные показатели», - пишет в своей статье газета "Бизнес и Власть" [1].

Однако, как и говорилось выше, менять имя – это только начало, следует «любить свой бренд». «К невидимой части относятся изменения бизнес-стратегии и соответственно процессов, маркетинговые исследования, юридическое переоформление договоров, информирование сотрудников о целях и задачах ребрендинга, обучение персонала, повышение уровня обслуживания клиентов, интерьерное и экстерьерное оформление отделений и филиалов банка и т. д., - пишет в своей статье Алдабергенов Нур Анварбекович, - таким образом, объективно оценить, насколько проведенный банками ребрендинг окажется удачным, сегодня невозможно. Но уже хорошо то, что банки с новым именем говорят о своем стремлении улучшить не только количественные, но и качественные показатели. Они прекрасно себе отдают отчет, что имя уже не работает на них. Наоборот, они должны работать на имя».

Так же на территории Казахстана поменяли название компания «РостиксKFC», которые в итоге стали просто «KFC». Смена имени особо не сыграло никакой роли в экономическом плане компании, напротив, возможно, только и улучшило ее, и до этого популярный бренд. По отчету одного из сайтов «Дом ЖурДэна» можно прочесть несколько замечаний по поводу пресс-конференции о популярном бренде по ссылке: <http://sabitov.kz/2010/12/14/rebranding-kfc-v-kazakhstan>.

Вспомним «старичков» популярной сотовой связи «K-mobile». Являясь одной из популярных представителей мобильной связи в Казахстане, все же

им пришлось продать свои акции компании «Beeline». На сегодняшний день «Beeline» является одним из лучших компаний по обслуживанию сотовой связи, и так же являются лидерами по PR и рекламе в Казахстане. Когда компания «Beeline» только появилась на рынке, по городу можно было заметить полосатые желто-черные зонтики, шарфики, шапочки и прочее. Это все являлась продукцией «Beeline», которая дарила подарки почти каждому своему клиенту. Тем самым, компания показала, что ее клиентам совершенно не стоит бояться перемен, а наоборот, она полностью внушила доверие в то, что именно «Beeline» - спасет их в трудную минуту, так же, как и их подарки, которые будут помогать преодолевать дожди и согревать их в холодную погоду.

Следует ли делать «ребрендинг» зависит от жизненного цикла самой компании и ее конкретной истории. Провести полностью новую концепцию по смене всей структуры работы – это значит сделать компанию более интересной, заинтересованной в том, чтоб понравится клиентам. Внедряя новую атмосферу сотрудникам, благоприятно отразится на их новых идеях и положительных эмоциях, что хорошо отразится на их работе и в бизнесе в целом. Перемены – это всегда хорошо, но только тогда, когда человек в силах ими управлять, а не решать пустить все на самотек, лишь бы поставить прибыль выше престижа.

Литература:

1. Розница.kz От перемены мест слагаемых сумма меняется <http://retail-ua.com/articles/?view=262>
2. Дом ЖурДэна. <http://sabitov.kz/2010/12/14/rebranding-kfc-v-kazaxstane>

Роль СМИ в урегулировании межнациональных конфликтов

Д. С. Нырялкина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент Е. К. Рева

Сегодня, когда качество информационных технологий и их использование все в большей степени определяют характер жизни общества, вопрос о взаимоотношении общества и СМИ, об их взаимосвязях и зависимости от общества, власти и государства (особенно государства, претендующего на демократический статус) приобретает особое значение. Деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние на жизнь общества в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов этого общества, потому что всякая новая информация, поступающая по каналам СМИ, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе многократно повторяемые политические

ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей. А в кризисные периоды исторического развития, как отмечал американский социолог и социальный психолог Герберт Блумер люди в состоянии социального беспокойства особенно подвержены внушению, легко откликаются на различные новые идеи, более податливы к пропаганде [1].

Средства массовой информации в формировании политических и духовно-нравственных ценностей современного российского общества обретают все более и более осязаемое влияние. Особенно эта роль заметна в обсуждении проблемы межнациональных отношений.

Фундаментом действий СМИ в освещении время от времени возникающих межнациональных конфликтов, на наш взгляд, является, во-первых, воспитание представителей той или иной целевой аудитории через его просвещение в вопросах религии, культуры народа. Приведем характерный пример для понимания этого вопроса.

В статье «Имя Бога» Ольга Алленова рассказывает о том, как в одну из поездок в Израиль ей посчастливилось попасть на раннюю литургию в храм Рождества Христова в Вифлееме, где священником был православный араб, по-русски не говорил, но разрешил из группы паломников, пришедших на службу, сослужить ему русскому священнику. Служили на арабском, греческом и русском. Несколько раз во время пения паломники услышали слово «Аллах». Россияне из паломнической группы растерянно переглядывались...».

Далее читаем: *«Когда-то давно, в Иерусалиме, в торговой лавке недалеко от храма Гроба Господня, - я познакомилась с семьей православных арабов. Сын хозяина лавки говорил по-русски. Он рассказывал как по-арабски будет «Бог». «Бог - это Аллах», - сказал он, удивившись моему невежеству. И у арабов-христиан «Бог» это тоже «Аллах»? - уточнила я. «Конечно», - еще больше удивился мой собеседник». «Вернувшись домой, я прослушала курс лекций о Ветхом Завете, в котором была глава, посвященная именам Бога в авраамических религиях. Оказалось, что по-арабски «Бог» - действительно «Аллах». Что древнееврейское «Элохим» и арабское «Аллах» имеют один корень. Что православные арабы, славящие на Литургии «Аллаха», и мои соотечественники в российских храмах воспевают славу Одному и тому же Богу. А значит, люди, считающие Аллаха «чужим» богом и оскорбляющие его, оскорбляют ни много ни мало - Бога.*

Молодые люди, кричавшие на Русском марше, прошедшем в Люблино 4 ноября, оскорбительные словосочетания с именем «Аллах», всего этого, конечно, не знают. Я понимаю, что главная проблема нынешнего русского национализма - в недостатке образованности внизу и ответственности наверху. Лидеры, которых нельзя назвать неграмотными, не собираются просвещать свой электорат - им удобнее его использовать. Власти это тоже удобно. Погромный потенциал вообще удобно использовать всем.

В тот день после Причастия паломники столпились вокруг русского священника и просили его объяснить, почему на православной службе в Вифлеемском храме Рождества Христова «пели про Аллаха». Священник вопроса не ожидал и засмеялся. А потом рассказал о том, как зовут Бога. И о том, что все мы — дети Авраама, а христианство, ислам и иудаизм - авраамические религии» [2].

В статье журналиста мы видим заслуживающую понимания и поддержки попытку осуществить определенную просветительскую работу среди читателей в области религии.

Во-вторых, роль средств массовой информации заключается в том, чтобы своей деятельностью способствовать созданию благоприятной обстановки творческого поиска решения сложнейших общественных проблем, и знакомить широкие круги населения с различными конструктивными точками зрения, концепциями, даже если они будут отличаться от официально принятых. По нашему мнению, мировоззренческий плюрализм должен стать основополагающим в создании информационных продуктов, так как односторонняя ориентация СМИ на одну какую-либо точку зрения или позицию несовместима с процессом демократизации общества.

Действительно, когда представлены разные точки зрения, мы видим ситуацию объемно, более объективно. Тем самым журналистика получает возможность воспитывать в читателе толерантное отношение к другому мнению. Необходимо знать, что в стрессовой ситуации конфликта мы зачастую все подвержены определенному риску. Как не сделаться заложником эмоциональной реакции, как отстраниться от нее, сохранить хотя бы относительную объективность – об этом нужно знать и помнить, изучать это. К сожалению, нередко случается все наоборот – именно СМИ разжигают межнациональные конфликты, сея слухи, непроверенную информацию и обывательские суждения.

В-третьих, серьезной причиной возникновения межнациональных конфликтов, а то и насильственных действий в их разрешении является навязывание массовому сознанию через СМИ (особенно местные) стереотипов и предрассудков, неприязни к соседним народам.

Рассмотрим, к примеру, серию терактов в Волгограде, которая произошла 29-30 декабря 2013 года. Вводим в интернет-поисковик «теракт в Волгограде» и видим, что все заголовки ссылок пестрят тем, что террористы-смертники прибыли из Северного Кавказа. Все новостные заметки сосредоточены на выяснении личности террористов-кавказцев. Одновременно дается множество информации о том, как оказывается помощь пострадавшим. Например:

«За жизни людей борются врачи, местное население также не осталось безучастным – свою кровь для пострадавших сдали уже более 600 человек» [3]; «Священники постараются в ближайшие дни навестить

пострадавших во всех больницах города, а также организовать дежурство в моргах для оказания психологической помощи родственникам погибших» [4].

Всё это понятно, но заметим, что журналисты настойчиво и конкретно обозначают виновников теракта и обобщают образ тех, кто оказывает помощь пострадавшим, называя просто - «местное население». Ни один источник, кроме интернет-газеты «Кавказский Узел», не сообщил о том, что *«первыми донорами для пострадавших стали около 30 представителей дагестанской общины. Еще 30 человек – это казахи, чеченцы, узбеки, осетины, кабардинцы, балкарцы и другие»*. В другой информации говорится: *"Это большая трагедия. Нет у дагестанцев, у мусульман такого, чтобы взрывать людей. Я просто не мог сегодня не прийти и не помочь тем, чем могу - своею кровью"*, – сказал на пункте сдачи крови тренер по вольной борьбе Нариман Шабанов» [5].

Высшая цель и задача СМИ состоит в формировании такого общества, где бы своевременно и максимально полно удовлетворялись национальные чувства как отдельного человека, так и конкретного этноса или всех проживающих в стране народов, причем так, чтобы это не ущемляло законных интересов других лиц или этносов, не сопровождалось напряженностью и конфликтами. Достижение этой цели предполагает создание соответствующих условий и механизмов пояснения национально-этнической жизни каждого народа во всем ее богатстве при сохранении и углублении традиций равноправного развития сотрудничества народов всей страны. Для осуществления этой цели, СМИ следует помнить об этическом кодексе журналистов, работающих в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Данный кодекс разработал главный редактор «Кавказской политики» Максим Шевченко весной 2013 года [6]. Это небольшой кодекс-памятка для журналиста, пишущего о межнациональных проблемах.

В современных условиях, главное предназначение средств массовой информации – стать центром общественного и гражданского согласия, способствовать формированию у граждан России необходимого для современного цивилизованного общества уровня культуры.

Таким образом, роль СМИ в урегулировании межнациональных конфликтов состоит, во-первых, в том, чтобы воспитать свою целевую аудиторию, путем просвещения по вопросам различных культур и религии. Во-вторых, отображать в материалах все точки зрения, чтобы сделать его более объективным. В-третьих, журналист не должен навязывать свою точку зрения на ситуацию, а должен осветить ее со всех сторон, тем самым избегая односторонности и стереотипов.

Литература:

1. Блумер Г. Коллективное поведение. Пер. с англ. // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. С. 173.

2. Алленова Ольга. Имя Бога // Православие и мир. Ежедневное интернет-СМИ. 6.10. 2013 год. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravmir.ru> (дата обращения 11.11.2013).
3. Глава ФСБ: Теракты будут раскрыты // Дни.ру. Интернет-газета. 30.12.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dni.ru> (дата обращения 15.01.2014).
4. Теракт в Волгограде: священники окажут помощь пострадавшим и родственникам погибших // Православие.ru. 29.12.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения 15.01.2014).
5. Жители Волгограда сдают кровь для пострадавших при теракте// Кавказский Узел. Интернет-СМИ. 30.12.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru> (дата обращения 12.01.2014).
6. Шевченко М. Этический кодекс журналистов, работающих в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений// Кавполит. 21.10.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://kavpolit.com> (дата обращения 18.11.2013).

Использование краеведческого материала на уроках русского языка

О. Е. Обушникова, учитель русского языка
и литературы МБОУ СОШ № 67 г. Пензы

Процесс обучения и воспитания неразрывно связан с жизнью родного края. А чтобы учебный процесс был эффективным, перед педагогами стоит задача по формированию и развитию у школьников положительной мотивации к учебной деятельности. Я считаю, что этому способствует использование разнообразных форм и методов работы на уроках; дифференцированного и индивидуального подхода в обучении детей; применение приемов развития коммуникативных навыков, умения работать в сотрудничестве со сверстниками и самостоятельно; использование на уроках краеведческого материала, создание ситуации успеха.

Много лет я использую краеведческий материал на уроках и во внеурочной деятельности. Своим опытом я делилась на городских и региональных научно-практических конференциях. Моя практика убедительно доказывает, что использование краеведческого материала в учебных целях обостряет внимание учеников к фактам и явлениям окружающей действительности, помогает выработке у них самостоятельного творческого мышления, практического применения полученных знаний в жизни.

Главным на уроках остается слово – слово учителя, слово писателя. Хорошим эмоциональным фоном в начале урока служат синтаксические разминки, на которых звучат стихи или отрывки из стихов пензенских поэтов. Подбираются такие строки, которые помогают формировать духовный мир подростков. На этих эмоциональных разминках происходит не только знакомство с лирикой и выполнение грамматических заданий, но и духовное общение, обязательно затрагиваются важные нравственные моменты, прослеживается связь времен. Стихи пленяют теплотой, духовностью, сосредоточенностью. Полюбив поэзию, дети начинают больше читать, развивают речь и мышление, а это необходимо и при изучении других предметов. Таким образом, небольшие лирические моменты на уроках позволяют душой и сердцем почувствовать слово поэта и самому учиться красочно и выразительно излагать свои мысли. Не только я, но и дети самостоятельно подбирают стихи, учитывая и грамматические моменты, и то, что ближе по настроению, незаметно приближая себя к миру литературы.

Связь с жизнью – необходимое условие повышения интереса учащихся к изучению грамматики, а, следовательно, и повышения мотивации. Эта связь осуществляется через языковой материал, основу которого составляют произведения наших земляков, пословицы, поговорки, загадки, записанные в нашем крае, публикации периодической печати. Через используемые на уроках тексты можно воспитывать интерес к истории и культуре родного края, к труду, науке, к людям. Жизненный материал обычно воспринимается ими как менее трудный. Каждый подлинно художественный текст – сокровищница знаний о культуре и истории народов Пензенского края. Мотивацией учебной деятельности школьников, на мой взгляд, является потребность в изучении истории, культуры родного края, желание прочесть произведения, посвященные родным местам, сравнить свои впечатления с впечатлениями известных людей, высказать свои мысли и чувства. Многие уроки по лексике, морфологии, синтаксису, особенно повторительно-обобщающие, строятся исключительно на краеведческом материале, при изучении лексики используем материалы «Словаря русских говоров», знакомимся с диалектными словами, употребляющимися в нашей области. При изучении темы «Синтаксис» иллюстративным материалом служат пословицы и поговорки, загадки, записанные в нашем крае А.П. Анисимовой, сопоставительный анализ позволяет увидеть общее в приоритете нравственных качеств личности, а это и создание условий для работы над собой.

Особое значение региональный материал имеет на уроках развития речи. Рассказывая о памятном событии, о посещении музея или культурного объекта, о памятнике, о любимом уголке природы, о промыслах и народных умельцах, дети подбирают интересный материал, обсуждают, работая в группах; читают стихи пензенских поэтов, находят иллюстрации и

фотографии, и урок русского языка уже не кажется для них скучным и малоинтересным. На уроках с использованием краеведческого материала провожу постоянно словарную работу, лингвостилистический анализ текстов, привлекая материалы газетных публикаций, обязательно объясняю, почему выбрала этот текст. Так мы учимся мотивировать свой выбор, обращаем внимание на автора или героя публикации.

Использование регионального материала на уроках носит интегрированный характер: здесь и обогащение словарного запаса топонимической лексикой, и знакомство с географией, биологией, историей, литературой, работа по развитию речи и формирование грамотности. Уроки – путешествия позволяют проявлять творческие способности, дают возможность проверить знания в необычной форме, здесь царит атмосфера взаимопомощи, ребята работают и в парах, и в группах. Готовясь к таким урокам, подбирают материал по определенной грамматической теме, посвященный какому-либо периоду истории края или теме (например, вклад в освоение космоса), дети учатся общению друг с другом, повышается их активность, формируется мотивация учения.

Я должна отметить, что уроки с использованием краеведческого материала вызывают положительные эмоции, а на таком фоне лучше усваивается учебный материал, повышается работоспособность. Уроки способствуют формированию мотивации, выступают средством повышения интереса и активности школьников, отличаются разнообразием, четкостью, системностью, творческим подходом.

Я работаю в данном направлении несколько лет, и для себя я обнаружила, что различные упражнения краеведческой направленности приятно разнообразят урок, вносят в него элементы настоящей жизни, помогают подобрать «ключик» к каждому ученику. Использование краеведческого материала на уроке повышает качество обучения, служит не только для преподнесения знаний, но и для их закрепления, повторения, обобщения, контроля, следовательно выполняет все дидактические функции. Конечно, региональный компонент не может заменить собою другие средства обучения, просто всему надо найти оптимальное место в учебном процессе.

Литература:

1. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 2010.
2. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. - М., 1990.
3. Методика историко-краеведческой работы в школе. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 2009.
4. Кушнарёва Т.Н. Формирование интереса школьников к истории русского языка. Белгородский государственный университет, 2009.
5. Горланов Г.Е. За строкой учебника. Пенза, 1992.

6. Милая роща: Современная русская лирика природы. Составитель А.П. Гнутов. - Саратов: Приволж. Кн. Изд-во, 1992.
7. События. Факты. Сверхсвершения. Пенза, 1988.
8. Золотая летопись Пензенского края. Минск, 2008.
9. Савин О.М. Пенза литературная. Саратов, 1983.
10. Гадалова В.В. Теория и практика русского языка: Пособие по методике преподавания русского языка. - М.: Московский лицей, 2002.

Влияние компьютерных игр на психологию подростков

Ж. Оспанова, А. Элубаева, студентки
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Научн. рук. – доцент Ш. С. Нуржанова

Предотвратить психологические болезни как наркомания и игромания, которые возникают из-за компьютерных игр. Найти лечение компьютерной игромании между подростками и в будущем разработать иммунитет противостоящий этой болезни.

Десять лет назад людям не было предоставлено возможности играть в компьютерные игры. На сегодняшнее время это легко доступно всем. Особенно быстро распространяется компьютерные игры между подростками. На первый взгляд, выглядит, что это совсем не безопасно, но его воздействие равен сильному яду. Компьютерные игры намного опаснее, чем кажутся. Не только подросткам, но и на психологию взрослых игры влияют отрицательно.

Опираясь на исследования американских ученых, пришли к выводу «компьютерные игры - на сегодняшний день опаснее, чем наркомания и распространяется с высокой скоростью». Потому что, каждый заболевший заражает игроманией еще 17 человек. Поэтому решение этой проблемы является одним из важных вопросов на сегодня.

Для решения этой проблемы мы провели журналистское исследование и нашли способ выигрыша над игроманией. Опираясь на мировой опыт, эти нами предлагаемые решения спасут не только одного человека и сотни людей, а весь Казахстан от игромании:

- начать общественное движение против компьютерных игр между подростками;
- пропаяривать опасность компьютерной игромании а СМИ, в школах, университетах и т.д.
- направить силу и время подростков, которые они тратят на компьютерные игры на правильное русло (например: спорт, искусство, музыка, политика и др.);
- надо запретить работать компьютерным клубам и увеличить возможность вместо них открыть государственные полевые спорт клубы.

Роль учебной дисциплины «Информационные технологии в преподавании литературы» в профессиональной подготовке будущих учителей-словесников

Л. П. Перепелкина, к.пед.н., доцент
Пензенский государственный университет

Современный урок должен готовить школьников к жизни в реальном мире, давать не только знания, но и формировать разные виды деятельности, которые помогут подросткам адаптироваться в социуме.

Проектирование и организация такого урока невозможны без использования информационной среды и компьютерных технологий. Следовательно, будущему учителю-словеснику необходимо иметь представление о дидактической роли информационно-коммуникационных технологий и Интернет-ресурсов на уроках и внеклассной работе. В связи с этим профессором кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета Г.В. Пранцовой разработана программа учебной дисциплины «Информационные технологии в преподавании литературы», целью освоения которой является «подготовка бакалавров педагогического образования к самостоятельной продуктивной деятельности в условиях информационного общества, владеющих информационными технологиями как инструментом для эффективного решения задач литературного образования в современной школе» [1, 43]. Задачи освоения дисциплины учёный-методист формулирует так: «... совершенствовать информационную культуру обучающихся, умение осуществлять обработку информации; формировать у обучающихся систему знаний о методике адекватного использования информационных технологий в процессе литературного образования в школе; формировать мотивацию и готовность к информационно-коммуникативной деятельности, основанной на осознании её роли и месте в процессе обучения литературе; развивать творческое мышление, коммуникативные способности, навыки исследовательской деятельности» [1, 43].

Содержание курса включает два раздела: «Литературное образование в современном информационном обществе» и «Интернет-поддержка процесса литературного образования».

В ходе освоения первого раздела программы студенты получают представление о проблемах образования в информационном обществе, знакомятся с информационно-поисковыми технологиями в системе литературного образования; в процессе работы над темами второго раздела – учатся поиску информации в электронных библиотеках, осуществляют *Web-сёрфинг* в связи с той или иной проблемой, разрабатывают web-страницы, составляют электронный портфолио (раздел), вооружаются знаниями об

информационных технологиях и моделируют фрагменты уроков литературы с использованием таких технологий.

Рассмотрим организацию одного из лабораторных занятий на тему «Гипертекст как информационная технология».

С особенностями гипертекстовой технологии – технологией преобразования текста из линейной формы в иерархическую, методическими требованиями к структуре гипертекста, уровнями реконструкции текста бакалавры знакомятся в ходе лекционного занятия, предшествующего лабораторному. На лабораторном занятии задачи студентов – рассмотреть примеры использования гипертекстовой технологии на уроках литературы; выделить предлагаемые авторами формы работы с гипертекстом; отработать умение создания гипертекста к литературному произведению; доказать преимущество данной технологии над традиционными способами работы.

В качестве примера использования гипертекста при анализе литературного произведения автор программы предлагает рассмотреть анализ стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью, надцатого марта», предложенный Ю.В. Эльмаа, С.В. Фёдоровым в пособии «Информационные технологии на уроках литературы».

В ходе наблюдения над процессом изучения стихотворения Бродского на уроке литературы студенты отмечают, что основу анализа составляет выявление реминисценций и цитат. Школьники без труда обнаруживают интертекстуальные связи со стихотворениями А.С. Пушкина «Я вас любил...», «К***», произведениями В.В. Маяковского, С.А. Есенина. Однако, как считают авторы пособия, интертекстуальные ссылки на трагедию Шекспира «Гамлет», произведения Н.В. Гоголя и М.И. Цветаевой могут вызвать у школьников определённые трудности и здесь необходима помощь учителя.

Авторы пособия отмечают, что «интертекст создаёт эффект включённости автора в традицию, читатель, способный декодировать интертекст, оказывается, как и автор, причастен к этой традиции. Компьютерный гипертекст... позволяет объективировать эту традицию, представив её наглядно» [2, 147].

Работа с гипертекстом проводится на этапе анализа произведения. Она может быть организована двумя путями: «вслед за автором» или «вслед за читательскими ассоциациями учащихся».

После аналитической беседы с использованием компьютерного гипертекста целесообразно выразительное чтение стихотворения учащимися. Наблюдения над интертекстуальными связями и открытия, сделанные школьниками, благодаря гипертексту, позволят им интонационно выразить своё понимание стихотворения.

Выявляя преимущества гипертекстовой технологии перед традиционной беседой, бакалавры приходят к выводу, что в традиционной беседе по выявлению литературных ассоциаций мы переходим от одной

реминисценции или аллюзии к другой, тем самым разрывая смысловое единство текста на отдельные сегменты. Гипертекст, выведенный на экран, позволяет это единство сохранить. Гиперссылки составляются к подчёркнутым словам и выражениям, комментарии к ним располагаются на одном экране с текстом произведения. Такое расположение изучаемого произведения и претекстов позволяет школьникам находиться в пространстве нескольких текстов одновременно, сохраняя их взаимосвязь и единство.

Следующий этап лабораторного занятия – создание гипертекста к стихотворению Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза» и разработка фрагмента урока изучения данного стихотворения с использованием гипертекстовой технологии.

Студенты создают гиперссылки к словам и словосочетаниям «перлы», «Геба», «Зевесов орёл»; работу со словом на уроке предлагают вести с помощью электронных словарей и с привлечением зрительной наглядности.

Отвечая на вопрос «Чего мы достигаем в случае организации поиска значения слов по электронным словарям и энциклопедиям?», будущие учителя отмечают, что, во-первых, повышается качество понимания и запоминания материала учениками, так как знания добываются школьниками самостоятельно; во-вторых, экономится время на этапе поиска и представления информации, так как электронные словари и энциклопедии снабжены поисковыми системами со строкой поиска; в-третьих, у школьников формируется такое метапредметное умение, как умение работать с информационными технологиями – как прагматическими (работа с электронными словарями и энциклопедиями), так и с теоретическими (сбор информации, её обработка и представление); в-четвёртых, повышается заинтересованность школьников этим видом работы по сравнению с работой с традиционными словарями; в-пятых, свободная, нелинейная структура гипертекста позволяет школьнику-читателю выработать свою методику работы с текстом, свой способ прочтения произведения для постижения его смыслов.

Таким образом, учебная дисциплина «Информационные технологии в преподавании литературы» даёт возможности будущим учителям-словесникам овладеть современными информационными технологиями с целью использования их в профессиональной деятельности.

Литература:

1. Информационные технологии в преподавании литературы // Рабочие программы. Сборник 1: Методика обучения и воспитания (литература). Информационные технологии в преподавании литературы. Современные стратегии чтения и понимания текста. Проблемы создания читательской

среды в школе / Авт.-сост. Г.В. Пранцова: учеб. пособие. Пенза: ПГПУ, 2011. С. 43–58.

2. Ээльмаа Ю.В. Информационные технологии на уроках литературы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / Ю.В. Ээльмаа, С.В. Фёдоров. М.: Просвещение, 2012.

Цвет в названиях животных

М. Н. Перфилова, соискатель
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор С. В.Кезина

Анализ названий некоторых растений привел нас к выводу, что цвет в древности становился отличительным признаком представителя флоры и зачастую помогал понять, какая часть растения являлась для наших предков наиболее важной. Наблюдаются ли эти же тенденции в наименованиях животных? Отличаются ли причины внесения цветового признака в основу имён зверей и птиц? Обратимся к анализу языковых данных.

В орнитонимах цветовая мотивация значительно уступает звукоподражательной. Мы полагаем, что это тесно связано с таким видом деятельности человека, как охота: чтобы вернуться домой с добычей, охотник должен был успеть поймать птицу до того, как она его заметит, поэтому основным ориентиром на промысле пернатой добычи стали звуки, которые она издаёт. Соответственно, когда охотник передавал свой опыт другим людям, то уделял особое внимание именно звукам, что послужило основой для звукоподражательной мотивации большинства названий птиц.

Однако в некоторых орнитонимах цвет всё же стал главной опознавательной чертой птицы. Например:

– чёрный:

Ворон – «Этимологически балто-славянское название во'рона, а вслед за тем и вороны связано с прил. вороной (см.). <...> И.-е. корень **uer-* - «жечь», «сжигать», «обгорать», «делаться чёрным» (Рокорну, I, 1166); суффиксальный элемент *-n-* появился на балто-славянской почве» [4, 166 (1)].

Галка – «Этимологически связано с праслав. **galъ* «чёрный»; ср. сербохорв. *гао* (м.), *гала* (ж.) «*sordidus, impurus*» (Микаля, Стулли), которые Бернекер (I, 293) относит к нем. диал. *galm* «дым, пар» [3, 388 (1)].

– красный, красно-бурый:

Горихвостка – «Из гори- (от гореть, по красноватому цвету хвоста) и хвост-ка» [2, 147 (1)].

Рябчик – «О.-с. корень *(j)*eręb-*. И.-е. корень **ēreb(h)-*: **ōreb(h)-* (на о.-с. почве – с назализованным е, по Покорному, (Рокорну, I, 334), – «в словах для обозначения тёмно-красного и буроватого цветовых тонов»)» [4, 133 (2)].

– жёлтый:

Желна – «О.-с. *žьlna. Объясняют как название птицы по жёлтому цвету оперения. <...> И.-е. корень *ghel-: *ghl- > о.-с. *žьl- (см. жёлтый); суф. -n-. [4, 296 (1)].

Жулан (птица сорокопут)– «Корень тот же, что в жёлтый (о.-с. *žьl-). И.-е. *ghel- (: *g^hhel-?)» [4, 307 (1)].

Сарыга (вид коршуна) – «Заимств. из тюрк.; ср. сев.-тюрк. saryça «порода охотничьих соколов», тур. saryza «желтоватый», saryžuk «какая-то птица» (Радлов 4, 325). От уйг. saryu «жёлтый», тур. sary — то же, чагат. sar «кобчик, коршун» монг. sar, калм. sar; см. Mi. TEL. 2, 152; Преобр. II, 253; Рамстедт, КИВ. 313» [3, 564 (3)].

Соловей – «О.-с. *solвььb. Корень *solv-, по-видимому, тот же, что в соловый <...> И.-е. база *sal-цo» [4, 186-187 (2)].

– белый:

Сокол – «Вероятнее соединить с сскр. ścati блестит; ścis блестящий, белый» [2, 349-350 (2)].

– синий:

Синица – «К синь; син-ица; суф. -ица-, как птица, плисица и т.п. Название по цвету. См. с и н ь» [2, 287 (2)].

Сойка – «О.-с. *soja, *sojьka. Корень, надо полагать, *si-, тот же, что в рус. сивый (см.), синий (см.), «сиять» (см.). <...> Птица названа по цвету оперения» [4, 185-186 (2)].

– лиловый, цвет селезёнки:

Селезень – «М.-б., название от селезенки, по цвету (лиловатому); Миклошич (EW. 291) отвергает это объяснение, но оно все-таки вероятнее» [2, 272 (2)].

Трудно понять, какое основание имело у перечисленных птиц выделение цветового признака в качестве отличительного, видового. По цвету названы и промысловые птицы (рябчик, селезень), и хищные (ворон, сокол, сарыга), опасные для домашних птиц. Большинство же птиц, имеющих цвет как мотиватор названия, не относятся ни к промысловым, ни к вредным для человека: галка, горихвостка, желна, жулан, синица, сойка, соловей. Однако они всегда жили рядом с людьми, и это позволило людям зрительно изучить перечисленные виды более подробно, чем все остальные. Поскольку практической значимости (с точки зрения охоты или одомашнивания) эти пернатые для наших предков не имели, это означает, что в номинации проявляется чисто познавательный интерес.

Среди зверей имя по цвету получили следующие:

Бобр - «О.-с. *bobrъ (: *bebrъ): *bьbrъ (: *bьbrъ). Основа представляет собой удвоенный и.-е. корень *bher-, выражавший знач. «коричневый», «бурый» и близкие к этому цвета (но рус. бурый (см.), конечно, не имеет никакого отношения к слову бобр)» [4, 97-98 (1)].

Желва (устар. название черепахи) – «Зубатый (АЯ. 16, 420) сравнивает лит. želvė; zelvas зеленоватый и лат. helvus. След., название по цвету. <...> Meillet (1. с. MSL. 14, 376) полагает, что если название по цвету черепахи

щита, то *желы можно сблизить с обширной семьёю слов, означающих жёлтый, зелёный и др.» [2, 225 (1)].

Лань, олень, лось – слова, имеющие один корень *el-, который обозначает жёлтый, бурый или красноватый цвет (Преображенский). М. Фасмер и П.Я. Черных цвет как возможную основу данных слов не рассматривают.

Ласка – «Лти. *löss* желтоватый, буланный (о лошадиной масти); *lössains, lāssains* тж. (MEW. 160). След., название по цвету шерсти» [2, 435 (1)].

Особое место занимает в нашем списке животных **лиса**. Изученные этимологические словари ([2], [3], [4]) утверждают, что происхождение слова «лиса» не связано с окрасом животного. Однако Поздняков А.А. в своей статье «К происхождению названий некоторых зверей семейства псовых» [1], ссылаясь на данные множества языков, доказывает обратное: «В качестве исходной праформы следует рассматривать *ropasa <...> В этом случае праформа имеет простой смысл, её можно разложить на *ro-pasa* со значением «красная собака». <...> Праславянское **lisā*, как считается, происходит, вероятно, от **leipso-* и родственно др.-инд. *lopāśa*, др.-иран. *raori-*, ср.-перс. *rōrās*, др.-арм. *ahūēs*, греч. *αλώπηξ*, лат. *volpes, vulpes* «лиса», *lupus* «волк», бретон. *louarn*, хет. *ulirza, uliranza*, лув. *ulirpa-, walirpa-*. <...> Славянские названия происходят путём редукции второго слога, причем предполагается, что разнообразие названий может быть обусловлено табу» [1, 2-6].

Пёс – «Пожалуй, наиболее авторитетным в настоящее время можно считать сближение о.-с. **рьсь* с **рьстрь* < **рьсрь* [> пёстрый (см.)]. И.-е. корень **reik'-* : **rik'-* (Pokorny, I, 794-795). Допускается при этом, что первоначально **рьсь* было названием какой-то одной разновидности собак (т.е. было обозначением по цвету шерсти)» [4, 25 (2)].

Рысь – «Инд.-е. **leuk-* светить, блестеть (на ряду с **leuq-*). Иначе Штрекель (АЯ. 28, 488): *рысь* к группе слав. **rud-* (рд-ети), инде. **rudh-* быть красным; тема: **rudh-so-*; в слав. темы: на-о-; ср. ч. *rysu, rysavý* красный <...> След., название *рысь* по цвету шерсти рыжий» [2, 231 (2)].

Соболь – «Зубатый (АЯ. 16, 413) думает, что есть основание считать это слово исконно славянским и сопоставить с сскр. *ṣabâlas (ṣabâras)* пёстрый, пятнистый, пегий. Что соболь не пёстр, не должно удивлять, ибо название могло принадлежать первоначально какому-нибудь другому зверю, имя которого унаследовано сободем» [2, 348 (2)]».

При номинации зверей в центр внимания наших предков чаще всего попадал бурый, красный, жёлтый или пёстрый окрас. За исключением пёстрого, перечисленные цвета относятся к «тёплым», то есть ассоциирующимся в подсознании людей с теплом и солнцем. Такие цвета хорошо заметны на «холодном» зелёном фоне растительности в тёплое время года или на белом – зимой, следовательно, они вполне могли стать постоянным признаком животного.

Этимология рассматриваемых нами зоонимов и орнитонимов показывает, что в качестве основы номинации преобладает *один* цвет. Вероятно, пестрота, подразумевающая наличие двух и более цветов, редко считалась отличительной чертой птицы или зверя, и по этой причине почти не отразилась в их наименованиях. Исключения – пёс и соболь (последний, впрочем, не отличается пестротой и мог получить своё название от другого животного). Стоит обратить внимание на то, что в орнитонимах и зоонимах стали отражаться цветовые оттенки, которые были призваны уточнить сторону объекта, ставшую его опознавательным элементом (красно-бурый, желтоватый и т.п.).

Практически не используется в качестве мотиватора зелёный цвет, мы можем его встретить только в устаревшем названии черепахи – *желва*. Причина, видимо, в несвойственности подобной окраски для многих зверей и птиц, обитающих в России. И не только России: перечисленные животные распространены на широкой территории, той, на которой функционируют потомки индоевропейского языка (об этом свидетельствует тот факт, что все упомянутые нами названия животных, за исключением «сарыга» (тюркское) имеют индоевропейские корни).

Ответы на заявленные в начале статьи вопросы найдены. Окрас зверей и птиц так же, как и у растений, являлся их отличительной чертой. Но, как мы увидели на примере названий некоторых птиц, человек в процессе номинации стал отходить от чисто практических причин передачи знаний, переходя к познавательному интересу. И в целом вычленение цвета в качестве основы номинации, а тем более закрепление в словах его оттенков свидетельствует о качественно ином этапе человеческого мышления – мышления, выходящего на уровень тонких сенсорных и абстрактных нюансов в процессе познания мира.

Литература:

1. Поздняков А.А. К происхождению названий некоторых зверей семейства псовых // *Acta linguistica*. 2011. V. 5. № 2. – С. 69–79.
2. Преображенский А.Г. *Этимологический словарь русского языка*: В 2-х т. – М.: ГИС, 1959.
3. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. / Перевод и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964–1973.
4. Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

Цвет в названиях растений и плодов

М. Н. Перфилова, соискатель
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор С. В.Кезина

В предлагаемой статье мы рассматриваем названия растений и их плодов, образованные от корней с цветовым значением, с целью ответить на вопрос, по каким причинам цвет получил возможность стать основанием для номинации предметов окружающей действительности.

Для ответа на поставленный вопрос была проведена выборка названий представителей флоры по трём авторитетным этимологическим словарям: «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П.Я. Черных [3], «Этимологическому словарю русского языка» А. Преображенского [1] и «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера [2]. Всего было обнаружено 19 флористических наименований, образованных от корней со значением цвета.

Поправимся сразу, сказав о следующем факте: в большинстве словарных статей цвет как мотиватор создания названий растений и их плодов – лишь одно из множества этимологических предположений учёных. Однако поскольку подобные гипотезы пока не опровергнуты языковыми фактами, мы воспользуемся ими в нашем анализе.

Наименование объектов растительного мира на основе их цветового признака мыслится вполне закономерным, поскольку человек отмечал прежде всего их внешний вид, чтобы иметь возможность отличить полезные растения (со съедобными плодами или подходящие для лечения) от бесполезных и тем более вредных. Но какие именно цвета были положены в основу наименований растений?

– белый:

Берёза – «И.-е. корень **bherǵʰ-*, выразивший понятие о чём-то блестящем, светлом, белеющем и т.п.» [3, 85 (1)].

Лебеда – «Вероятнее всего родство с лат. *albus* «белый», умбр. *alfu* «alba», греч. *άλφός* м. «белая сыпь», *άλφός* (Гесихий), *λευχός* «ячменная мука», алб. *elr*, *elbi* «ячмень», нов.-в.-н. *Elbe* «Эльба», лат. *Albis* — то же, первонач. «Белая», а название растения дано по опылённым белой пылью листьям» [2, 469 (1)].

Левкой – «В нем. и др. европ. из лат. *leucoion*, которое из гр. *λευχόϊον* белая фиалка *λευχός* белый + *ρίον*, *ϊον* фиалка *PrEW*. 266)» [1, 441 (1)].

– чёрный, тёмный, тёмно-коричневый:

Дуб – «Следует допустить происхождение от инд.-е. **dhumbh-*о, **dhumbh-ro*, относящихся к гр. *τυφλός* слепой, тёмный, глупый; *τυφλον* слепить,

затемнять <...> Развитие значений здесь такое же, как в лат. *gobur*, которое относится к гр. *ὄρφνός* тёмный, мрачный; гом. *ὄρφαῖος* мрачный, тёмный, чёрный. дрисл. *jarpr* бурый, дрвнм. *egrp* тёмно-коричневый, смуглый, означает сердцевину дерева, отличающегося тёмным цветом, и самое дерево с такой сердцевиной – дуб. (Osthoff. Et. Par. 1, 78.) [1, 200-201 (1)].

Калина – «Из разнообразных объяснений наиболее правдоподобным можно считать объяснение этого слова как производного от *кал* в старшем знач. «грязь» [3, 371 (1)].

Морель (род вишен или мелких абрикосов) – «В нем. из ит. *morello* тёмный, коричневый. старфр. *morel*, ныне *moreau*» [1, 557 (1)].

– ЗОЛОТОЙ:

Золототысячник – «В нем. перев. лат. *centaurea*, *centaurium*. лат. из гр. *χενταύρειος* кентавров; в лат. применено к *centum* сто и *aureus* золотой. ГСл. 118» [1, 256 (1)].

Померанец – «По Н.-Мahn'у (FrW. 714), нем. из срлат. *rotum aurantium* яблоко золотое» [1, 103 (2)].

Помидор – «Новое заимств. из ит. *rotidoro* томат (собств. яблоко из золота = *roti-d-oro*, по форме и цвету плода)» [1, 103 (2)].

Хризантема – «В русском – из западноевропейских языков, возможно, из немецкого <...> В западноевропейских языках первоисточник – позднегреч. *χρυσάνθεμον* – «златоцвет» (от *χρυσός* – «золото», прил. *χρυσεός* – «золотой» и *άνθεμον* – «цвет», «цветок»)» [3, 356 (2)].

– КРАСНЫЙ, КРАСНО-БУРЫЙ:

Кизил – «Из тюрк.: осм., чаг., тат. кызыл красный (MEW. 116. ГСл. 139. Радл. Сл. 2, 826)» [1, 306 (1)].

Ива – «О.-с. **iva* < и.-е. *oiǰā*. И.-е. **eiǰā*: **oiǰā*; корень **ei-* (: **oi-*) собств. выражал цветовой знач. «красноватый» [3, 333 (1)].

Ольха – «О.-с. **jelǰha*: **olǰha* (и.-е. **elisā*: *olisā*). <...> И.-е. корень **el-*: **ol-*: **ǰ-* – «красный», «коричневый» [ср.: «древесина ольхи светлая, краснеющая на воздухе» (БСЭ², XXI, 8)]» [3, 597 (1)].

Рябина – «Считают исходным **erǰbь* «рябчик», **erǰbь* «бурый» и предполагают вариант с носовым инфиксом по отношению к лтш. *iǰbe* «курпатка», *iǰbene* «растение *Sorbus aucuparia*», др.-исл. *jarpr* «коричневый», *jarpr* «рябчик», д.-в.-н. *egrp* «тёмного цвета» [2, 534 (3)].

Черёмуха – «Не относится ли черёмуха <...> к образованиям со вторым полногласием от о.-с. корня **ǰrt-* (в о.-с. **ǰrtǰha*), выразившего знач. «красный» (см. червь, червонец). Дело в том, что древесина черёмухи («с красновато-бурым или тёмно-красным ядром» (БСЭ², XLVII, 133)) весьма отличается по цвету от древесины от других деревьев» [3, 381-382 (2)].

– СИНИЙ:

Слива – «Название по цвету: синий: лат. *livео*, -*ere* быть синим; *livor* синий цвет; *lividus* синий, свинцового цвета <...> Инд.-е. *(s)liuo- синий» [1, 321-322 (2)].

Малина – «Родственно лит. *mėlynas* «голубой», *mėlyna* «пятно», лит. *meĩns* «чёрный», др.-прусск. *mīlinan*, вин. ед. «пятно», *melne* «синее пятно», лит. *melsvas* «синеватый» [2, 563 (2)].

– серый:

Сосна - «О.-с. **sosna*. Вслед за Брюкнером (*Brückner*, 507-508) и Фасмером (*Vasmer*, *REW*, II, 701) можно полагать, что и.-е. база **k'as-no-*, корень **k'as-* - «серый» и что, след., сосна была названа так по цвету коры молодых ветвей» [3, 190 (2)].

– пёстрый:

Ирис – «Первоисточник – греч. *ἶρις* – «радуга», «радужный круг», «цветной кружок на павлиньем хвосте», а также растение «ирис» (по окраске цветка)» [3, 356 (1)].

В названиях деревьев, которые, надо сказать, в основном индоевропейского происхождения, мы отметили интересную закономерность: основу чаще всего составляет цвет коры (на данный факт обращает особое внимание П.Я. Черных [3]). Подобная закономерность наводит на мысль о том, что наших предков древесина в деревьях интересовала больше лиственной части или плодов. С чем это могло быть связано? Безусловно, с климатическими условиями территории России. Древесина таких деревьев, как берёза, дуб, ива, ольха, рябина, сосна, черёмуха (основой их наименований стал цвет коры), уже многие века считается лучшей для поддержания огня как главного источника тепла. Поскольку русский человек всегда жил в условиях постоянного перепада температур, то был заинтересован в поддержании огня и постепенно отметил для себя, какой цвет коры связан с хорошо горящей древесиной, и передавал свой опыт, называя деревья по этому цвету.

Цвет коры также стал наиболее устойчивым признаком того или иного дерева: цвет или форма листьев стали ненадёжными ориентирами на видовое отличие растения, поскольку менялись и исчезали с течением времён года. То же касается и плодов. Хотя, безусловно, в названии *сливы* и *калины* сыграли решающую роль именно они.

Из приведённых примеров можно сделать вывод, что большинство из обнаруженных нами мотивированных цветом названий растений и плодов уходит корнями ещё в эпоху существования индоевропейского праязыка. Следовательно, они являются для нашего языка исконными: *берёза*, *дуб*, *ива*, *калина*, *малина*, *ольха*, *рябина*, *слива*, *сосна*, *черёмуха*. Важно отметить, что перечисленные растения с древних времён были типичными представителями флоры России. Если же растения были привезены из других стран, их названия соответственно заимствовались из иностранных языков, в которых, впрочем, тоже основу номинации определял цвет; к таким словам относятся *померанец* (из латинского языка); *левкой*, *ирис*, *хризантема* (из греческого языка); *морель*, *помидор* (из итальянского языка); *кизил* (из тюркских языков). В случае с наименованиями *золототысячник* и *лебеда*,

относящимися к давно знакомым русскому человеку травам, имеет место семантическое калькирование и использование заимствованного колоратива (лат. *albus* – «белый») для передачи особенности растения.

В заимствованных названиях растений заметно смещение цветового внимания человека: если в именах индоевропейского происхождения главное место было отведено цвету коры, то здесь – цвету лепестковой части и плодов. Возможно, это тоже обусловлено климатическими условиями, в которых жили носители языков, давших вышеперечисленные заимствования.

Итак, цвет стал основой номинации тогда, когда люди из практической необходимости начали выделять отличительные признаки объектов окружающей действительности, то есть когда мышление людей стало выходить на уровень абстракции. Он сам стал осознаваться как отличительный признак растений, а если говорить точнее, – их конкретных частей, и, как мы поняли в ходе анализа отобранных примеров, это зачастую было связано с климатическими условиями, в которых произрастали определённые представители растительного мира.

Литература:

1. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. – М.: ГИС, 1959.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964–1973.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

Особенности функционирования имён прилагательных в тексте повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»

М. Г. Пескова, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент М. П. Болотская

Имена прилагательных в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», выступая в роли классических определений, имеют особую нагрузку: оценка, характеристика существительных, при которых они употребляются, сочетается с формированием сюжета произведения, с первых же строк определяя его текстовую перспективу.

На первый план автор выносит портрет, даёт характеристику персонажу, за каждым прилагательным скрывается событие, которое было или будет раскрыто позднее, например: *Пёс остался в подворотне и, страдая от изуродованного бока, прижался к холодной стене. На душе у него было до того больно и горько, до того одиноко и страшно, что мелкие собачьи слезы, как пупырышки, вылезали из глаз и тут же засыхали.*

Испорченный бок торчал сваявшимися промёрзшими комьями, а между ними глядели красные злоеющие пятна обвара. Шарик – лохматый, долговязый и рваный, шляйкаподжарая, бездомный пес (1, гл. 1, 323); *Дверь распахнулась, и молодая красивая женщина в белом фартучке и кружевной наколке предстала перед псом и его господином* (1, гл. 2, 329); *На голове у фрукта росли совершенно зелёные волосы, а на затылке они отливали в ржавый табачный цвет, морщины расползались на лице у фрукта, но цвет лица был розовый, как у младенца. Левая нога не сгибалась, её приходилось волочить по ковру, зато правая прыгала, как у детского щелкуна. На борту великолепнейшего пиджака, как глаз, торчал драгоценный камень. Под полосатыми брюками были кальсоны кремового цвета, с вышитыми на них шёлковыми чёрными кошками, и пахли духами*(1, гл. 2, 333).

Прилагательные *уверенный, умный, упорный, суровый, настойчивый, властный, энергичный, пьяненький, верный, грандиозный, злорадный* участвуют в создании психологического портрета персонажей, описании их привычек, уклада жизни: *Я впервые видел этого уверенного и поразительно умного человека растерянным*– о Филиппе Филипповиче Преображенском (1, глава 5, с. 365); *Вмешался суровый Филипп Филиппович* (1, гл. 6, 384); *Следующую ночь в кабинете профессора в зелёном полумраке сидели двое – сам Филипп Филиппович и верный, привязанный к нему Борменталь*(1, глава 8, с. 392); *Что-то, конечно, оказалось Шариковым, совершенно потерянным, всё ещё пьяненьким, разлохмаченным и в одной рубашке* (1, гл. 8, 399); *Прежний властный и энергичный Филипп Филиппович, полный достоинства, предстал перед ночными гостями и извинился, что он в халате* (1, эпилог, с. 409); *Двое в милицейской форме, один в чёрном пальто, с портфелем, злорадный и бледный председатель Швондер, юноша-женщина, швейцар Федор* (1, эпилог, с. 409); *Упорный человек, настойчивый, всё чего-то добивался, резал, рассматривал* (1, эпилог, 412) – о Филиппе Филипповиче Преображенском.

Ключевыми, наиболее частотными, значимыми определениями выступают так называемые «критические эпитеты» *маленький, верный, суровый, уверенный, злорадный, умный*, выполняющие в произведении М. А. Булгакова стилистические функции характеристики объектов реальной действительности и их типизации: *Производит впечатление маленького мужчины. Улыбка его неприятная* (1, гл. 5, 364); *За это время облик окончательно сложился: маленький рост, маленькая голова, вес около 3-х пудов, начал курить, ест человеческую пищу, одевается самостоятельно, гладко ведет разговор*– о Полиграфе Полиграфовиче Шарикове (1, гл. 5, 368); *Следующую ночь в кабинете профессора в зелёном полумраке сидели двое – сам Филипп Филиппович и верный, привязанный к нему Борменталь*(1, глава 8, с. 392); *Вмешался суровый Филипп Филиппович* (1, глава 6, с. 384); *Я впервые видел этого уверенного и поразительно умного человека растерянным*– о Филиппе Филипповиче Преображенском (1, гл. 5, 365); В

приемной оказалась масса народу. Двое в милицейской форме, злорадный и бледный председатель Швондер и др. (1, эпилог, 409).

В итоге данные определительные словосочетания становятся действенным средством имплицитного выражения авторской оценки действительности и отношения писателя к своим персонажам, средством реализации авторской интерпретации происходящего в ткани художественного текста.

В пейзажных зарисовках автор использует прилагательные-эпитеты: *Ведьма сухая метель загремела воротами (1, гл. 1, 323); Опять начнётся подворотня, безумная стужа, оледеневший асфальт, голод, злые люди (1, глава 3, с. 349); В окне кухни над белой половинной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь с одинокой звездой (1, гл. 3, 352); Полезли сумерки, скверные, настороженные, одним словом, мрак (1, гл. 9, 408).*

Писатель композиционно усиливает роль определений, предлагает читателю свою характеристику героев. В определениях уже заложен смысл и дальнейший сюжет, которому мы подчиняемся с первых строк произведения. Этому способствует сочетание традиционных форм языкового выражения оценки с авторским использованием и наращением определительных характеристик за счёт различных грамматических классов слов, у которых исходными являются иные семантика и функция. Особую роль играют ситуативно однородные определения: *Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрёт, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляпка поджарая, бездомный пес (1, гл. 1, 323); Он умственного труда господин, с французской остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей, но запах по метели от него летит скверный – больницей. И сигарами (1, гл. 1, 324); Неизвестный господин, притащивший пса к дверям своей роскошной квартиры, помещавшейся в бельэтаже, позвонил, а пёс тотчас поднял глаза на большую, чёрную с золотыми буквами карточку, висящую сбоку широкой, застеклённой волнистым и розовым стеклом двери (1, гл. 2, 328).*

Выделение определённых деталей внешности или вещей, принадлежащих персонажам, в качестве их главных характеристик является особенностью творческого метода и стилевой манеры М. А. Булгакова, одним из важнейших средств реализации творческого замысла писателя: ему важно показать своих персонажей с внешней стороны, заострить внимание читателя на одежде, вещах, принадлежащих им, на описании интерьера их жилищ и т.п., а не на чём-то другом, более значимом, как бы говоря тем самым, что их внутренний мир настолько узок, ничтожен и неинтересен, что он, за редким исключением, не заслуживает внимания художника слова.

М. А. Булгаков детально описывает внешний вид: одежду, ткань из которой она состоит, головной убор, обувь, лицо (волосы, глаза, рот).

Причём, не повторяясь, автор на всё находит своё определение, например: головной убор – *Негодяй в грязном колпаке* (1, гл. 1, 321); *Он исчез и сменился шуришащей дамой в лихо заломленной набок шляпе* (1, гл. 2, 334); *Шариков, одетый в кепку с утиным носом, уехал в цирк* (1, гл. 7, 389); *Один из вошедших - блондин в папаче* (1, гл. 2, 337); обувь – *Филипп Филиппович в сафьяновых красных туфлях стоял в передней* (1, гл. 6, 382), *Бросались в глаза лаковые штиблеты с белыми гетрами* (1, гл. 6, 370); *На Полиграфе Полиграфовиче были английские сапожкисо шнуровкой до колен*; одежда – *Он был уже без халата, в приличном чёрном костюме* (1, гл. 3, 343); *Швондер стоял в кожаной тужурке»* (1, глава 6, с. 375), *Юноша в кожаной куртке* (1, гл. 2, 337); *Шариков, одетый в драповое пальто с поднятым воротником, уехал в цирк* (1, гл. 7, 389); *Полиграф отбыл на рассвете в кепке, шарфе и пальто* (1, гл. 9, 401); *На Полиграфе Полиграфовиче была кожаная куртка, кожаные потёртые штаны* (1, гл. 9, 401). На глаза М. А. Булгаков обращает особое внимание: *Доктор Борменталь, бледный, сочень решительными глазами, поднял рюмку* (1, гл. 8, 394); *Жёлтенькие искры появились в карих глазах Швондера* (1, гл. 6, 377); *В квартире появилась с подрисованными глазами барышня* (1, гл. 9, 403); *В ванне померещились отвратительные волчьи глаза*; *Смелые и прямые глаза бегали вовсе стороны от песьих глаз*; *У Зины стали такие же мерзкие глаза, как у тяпнутого* (1, гл. 3, 355); *Глаза Филиппа Филипповича сделались совершенно круглыми* (1, глава 6, с. 372); *Глаза у Борменталья напоминали два чёрных дула* (1, гл. 9, 402).

При изображении Полиграфа Полиграфовича Шарикова автор использует следующие определительные конструкции, рисующие его образ – *У портьеры, прислонившись к притолоке, стоял, заложив ногу на ногу, человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жёсткие, как бы кустами на выкорчёванном поле, а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над чёрными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка* (1, гл. 6, 370). Писатель сосредоточивает внимание на таких чертах лица, как «несимпатичная наружность», «малая вышина лба», «чёрные кисточки раскиданных бровей», «небритый пух» (на лице). Подчёркивает «маленький рост» и «жёсткие волосы» Шарикова. Автор использует одиночные имена прилагательные: *маленький, несимпатичный, жёсткий, малый, чёрный, густой, головной*. Далее М. А. Булгаков пишет: *Пиджак, прорванный под левой мышкой, был усеян соломой, полосатые брючки на правой коленке продраны, а на левой выпачканы лиловой краской. На шее у человека был повязан ядовито-небесного цвета галстукс фальшивой рубиновой булавкой. Бросались в глаза лаковые штиблеты с белыми гетрами*. Столь нелепый наряд Шарикова выдаёт в нём человека невежественного, некультурного, но в то же время чересчур самоуверенного.

Определительные словосочетания являются ключевыми в изображении персонажей в произведении М. А. Булгакова «Собачье сердце», выступают в качестве важнейшего смыслового ядра художественного текста, приобретают контекстуально обусловленную стилистическую и прагматическую значимость. Именно в этих словосочетаниях находит выражение авторская оценка изображаемого, его видение окружающей действительности.

Литература:

1. Булгаков М. Багровый остров: Ранняя сатирическая проза. – М., 1990.

Специфика использования способов трансформации иронического контекста в англо-русском переводе повести Джерома К. Джерома «Three men on the bummel» Г. Севером

И. В. Петрушков, учащийся

Научн. рук. – учитель английского языка МБОУ «Кадетская школа по делам ГОЧС №70» г. Пензы

Л. Ф. Шачнева,

учитель русского языка и литературы МБОУ «Кадетская школа по делам ГОЧС №70» г. Пензы

И. Н. Выборнова

Целью работы является исследование способов воспроизведения иронии в англо-русском буквальном переводе Г. М. Севера повести Джерома К. Джерома «Three men on the bummel» и выявление наиболее частотных способов перевода иронии.

Рабочей гипотезой нашего исследования стало предположение, что для буквального вида перевода удачным можно считать совокупность двух основных правил перевода иронического контекста: полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями и расширение иронического контекста за счёт добавления различных смысловых компонентов.

Обратимся к переводу повести Джерома К. Джерома «Three men on the bummel», выполненному Г. М. Севером.

В предыдущем исследовании мы доказали, что перевод Г. Севера является адекватным, условно буквальным. Цель переводчика – добиться максимальной близости к исходному тексту, но только там, где это возможно и не ведёт к нарушению норм языка перевода, не создаёт неясностей и неадекватного восприятия.

Результаты исследования показали, что наиболее частотным способом передачи иронии в буквальном переводе является полный перевод, при

котором наблюдается практически полное соответствие текстов оригинала и перевода и совпадение социально-культурных ассоциаций. Например:

He said he never took money from distinguished strangers; he suggested a souvenir—a diamond scarf pin, a gold snuffbox, some little trifle of that sort by which he could remember us.

Он сообщил, что с высоких гостей денег никогда не берет. Он бы предпочел простой сувенир – бриллиантовую булавку, золотую табакерку, какой-нибудь подобный пустяк на добрую о нас память.

“That’s a good-looking machine of yours. How does it run?”

“Oh, like most of them!” I answered; “easily enough in the morning; goes a little stiffly after lunch.”

– У вас вроде как хороший велосипед. Как он идет?

– Да как все, – ответил я. – Утром нормально, после обеда тяжеловато.

Характерной чертой английского юмора является правило преуменьшения. Джордж Майкс отмечает, что преуменьшение – «не просто отличительная черта английского чувства юмора; это образ жизни». В большинстве случаев английский юмор, особенно когда используется преуменьшение, не очень смешной, по крайней мере, не настолько смешной, чтобы вызвать громкий смех, и, вне сомнения, понятен не всем народам, потому что правило преуменьшения – это элемент английской культуры, составляющая психологии именно англичан [5, 183]. Поэтому при переводе на русский язык Г. Север использует приём расширения иронического контекста и добавление различных смысловых компонентов, таких как:

- использование разговорной и экспрессивно-просторечной лексики;
- использование фразеологических оборотов;
- игра слов.

Обратимся к примерам. Разговорную и просторечную лексику, практически не приемлемую в английской художественной литературе, во множестве можно найти в авторском языке русских писателей, поэтов, публицистов. Окрашенная нередко эмоционально (шуткой, лаской, иронией), она повышает выразительность речи и может быть использована для создания юмористического, иронического эффекта. К приёму замены при переводе нейтральной лексики эмоционально-экспрессивной для расширения иронического контекста прибегает Г. Север в своём переводе. Например:

I must be a perfect nuisance to everybody about me. (Я, должно быть, совершенная неприятность для всех вокруг) Всех вокруг я уже просто достал (прост., то же, что донять).

Другой приём расширения иронического контекста – использование фразеологических оборотов в языке перевода вместо нейтральной лексики оригинала. Русские писатели обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование,

нередко придает ему шутливую, ироническую окраску. Именно этот приём часто встречается в переводе Г.М. Севера. Например:

You return to bed... (вы возвращаетесь в постель...). Я возвращаюсь в постель злой как черт (разг., очень злой).

As a further argument, she has also hinted that my appearance is not of the kind that can be trifled with. (далее она намекала, что моя внешность не такая, с которой можно шутить) Кроме того, она намекала также, что мой внешний вид не из таких, с каким можно валять дурака (разг. неодобр.; дурачиться, потешать других глупыми выходками, забавляться шутками).

Основной отличительной чертой английского юмора является то, что первостепенная роль в нем отводится остроумию. Это юмор интеллектуальный, опирающийся на феномен слова, причем смысл всегда находится в подтексте. Здесь широкое поле деятельности предоставляет сам строй английского языка с его обилием омонимов и многозначных слов, которые составляют основу каламбура. Но многие исследователи художественного перевода зачислили каламбур в список «непереводимых» явлений. Действительно, очень трудно найти лексические соответствия в двух разных языках. Но переводчик использует возможности многозначности языка перевода для создания своих каламбуров, тем самым расширяя иронический контекст. Например:

И потом, не предупредив ни словом, она зажмет колесо. Тормоз – они будет тормозить. (перен. задерживать что-л., быть помехой, препятствием)

And, without a word of warning, it will ‘chuck’ the whole business. That is what that brake will do. (И, без предупреждения, он «застопорит» все дело. Вот что сделает этот тормоз.)

Следующим вариантом передачи иронического контекста может служить применение комментария, который позволяет сохранить исходную структуру иронии и при этом снабдить читателя перевода необходимой информацией, используя пояснение. Например:

This man was not to be outdone in politeness by any foreigner, real or imitation. Calling to a friend named “Charles” to “hold the steed,” he sprang from his box, and returned to us a bow, that would have done credit to Mr. Turveydrop himself.

В предмете куртуазности этого человека не смог бы превзойти никакой иностранец (ни живой, ни липовый). Крикнув товарищу по имени «Чарльз!» «Подержи коня!», он соскочил с козел и ответил поклоном, какой сделал бы честь самому г-ну Тервейдропу*. [Г-н Тервейдроп – персонаж романа Ч. Диккенса «Холодный дом». В англоязычной культуре слово «тервейдроп» («turveydrop») превратилось в имя нарицательное для обозначения образца этикета, манеры и умения держать себя.]

Как всегда, проблемой, вызывающей неизбежные преобразования, является наличие в ироническом контексте компонентов, неизвестных

переводящей культуре, так как они основаны на культурных ассоциациях языка оригинала. Тогда в силу вступает правило *культурно-ситуативной замены*. Например:

...or you'll get something that you haven't asked for. Why, for two pins," said the lady, with a suddenness that sent us both flying like scuttled chickens behind our respective chairs. А то получите, чего не просили! — воскликнула вдруг женщина так, что мы, как трусливые зайцы, отскочили и спрятались каждый за свое кресло.

В английской традиции слово *chicken* кроме прямого значения *цыпленок* обозначает трусливого человека. В русской традиции труса принято сравнивать с зайцем. Именно такую культурно-ситуативную замену и производит автор перевода.

Итак, анализ специфики использованных способов передачи иронического контекста в буквальном переводе Г.М.Севера повести Джерома К. Джерома «Three men on the bummel» приводит нас к следующим выводам. В своей работе Г.М.Север использовал все правила перевода иронического контекста: полный перевод, расширение иронического контекста, комментирование, культурно-ситуативную замену. Но самым частотным способом воспроизведения иронии является полный перевод. Это характерно именно для буквального перевода, так как его задача – создать перевод, воспроизводящий коммуникативные элементы оригинала. Именно полный перевод даёт возможность читателю ощутить уникальность английского юмора и понять мироощущение англичанина. Но особенность английского юмора такова, что при максимально точном сохранении лексического строя языка в переводе зачастую текст получается недостаточно смешным для людей, незнакомых с особенностями английского менталитета, и в частности, с особенностями национального английского юмора. Поэтому переводчик вынужден прибегать к приему расширения иронического контекста.

Литература:

1. Англо-русский словарь под редакцией Мюллера. – М.: Русский язык, 1995.
2. Джером К. Джером. Трое за границей (Перевод Г.М.Севера). - М.: Наука, 2006.
3. Казакова, Т.А. Практические основы перевода.- СПб: «Издательство Союз», 2001.
4. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь – 3-е исправленное издание, М.: «Советская энциклопедия», 1967.
5. Фокс Кейт. Наблюдения за англичанами. Скрытые правила поведения (Перевод И.П. Новоселецкой). – М.: Рипол Классик, 2008.
6. Jerome K. Jerome. Three men on the bummel. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.

Речевое поведение сотрудников правоохранительных органов (на материале сценариев)

И. А. Плетминцев, студент
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – доцент Л. Б. Гурьянова

Наша научная работа посвящена исследованию речевого портрета сотрудников правоохранительных органов. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном обществе сложилось устойчиво негативное отношение к сотрудникам полиции. Известно, что одним из важных аспектов формирования положительного имиджа полицейского является его речь. Первое представление о человеке и его первоначальная характеристика, как правило, формируются на основании впечатления, которое возникает от речевой манеры собеседника, поэтому для работника правоохранительных органов культура речи приобретает особое значение. Сформировать положительный облик полицейского, показать образец его речи призваны литература, кинематограф, средства массовой информации. Материалом для нашего исследования послужили сценарии 5 фильмов и 7 сериалов разных десятилетий.

Мы начали свое исследование с известного советского фильма «Ко мне, Мухтар!» (1964 год), автором сценария которого является Израиль Меттер. В этом фильме главным героем является лейтенант милиции Глазычев. Его речь наполнена пословицами. Например, в разговоре с коллегой: «*Поыток – не убыток!*». Другой сотрудник правоохранительных органов – капитан милиции – во время допроса использует в речи фразеологизмы: «*третий день Ваньку валяешь*», «*вертеть вола*». И сам лейтенант Глазычев, и другой представитель закона – капитан милиции Рыжов – умеют вести диалог с учётом социальных и индивидуальных черт личности собеседника. Так, в разговоре с бабушкой, у которой украли кроликов, капитан употребляет просторечные слова: «*закрывать в сарай!*», «*почем кролики-то, бабушка?*», «*итого значит три целковых*»; разговорные обороты: «*они взяли и убежали*», «*жалобы строчите*». Также неформальность речи Рыжова создается и с помощью присоединения к словам постпозитивной частицы -то: «*кролики-то*», «*кражи-то*», «*в клетке-то*».

Привлекает внимание и обращение к потерпевшей – бабушка: «*Ну, как же можно, бабушка?*»; «*Бабушка, и вы хотели, чтобы мы расследовали такое малозначительное дело?*»; «*Бабушка, я же вам объясняю...*». Такое обращение недопустимо с точки зрения речевой этики сотрудников правоохранительных органов. К потерпевшим, свидетелям и подозреваемым сотрудники органов внутренних дел должны обращаться по фамилии, а перед

ней всегда следует употреблять слово «гражданин». Но в данном случае капитан Рыжов отходит от правил обращения: пытаясь выбрать доверительный тон беседы и успокаивая потерпевшую, он неоднократно называет её «бабушка». В этом фильме речь всех персонажей, представляющих правоохранительные органы, близка к народной: встречаются разговорные слова, обращения не по уставу, пословицы и фразеологизмы. Профессионализмы представлены очень скупо: *«факт кражи-то не установлен»*; *«малозначительное дело»*; *«поедете с нашим работником со служебно-розыскной собакой»* (речь капитана Рыжова).

В фильме 1974 года «Сержант милиции» (автор сценария – Феликс Миронер) перед нами образ идеального милиционера, который понимает службу не по уставу, а *«как у Островского, судить по законам или по сердцу»*. Речь молодого сержанта свидетельствует об уважительном отношении к свидетелю: *«Евдокия Дмитриевна, припомните, в субботу утром не садился к вам избитый парень? Весь в синяках, в крови?»*; к нарушителю: *«Гражданин, поднимите окурок!»*. Только однажды, в разговоре с подозреваемым, Захаров теряет самообладание: *«Когда в пятницу вечером вы его споили, он сам себя не помнил! Вы не можете придумать что-нибудь более убедительное? Вы мне зубы не заговаривайте! Таких совпадений не бывает»*. Очень важно, что старший по званию делает молодому сержанту замечание: *«Да, кстати, советовал бы никогда не терять выдержки и достоинства в обращении с подследственными, это делает вас не сильнее, а слабее»*. Это имело свои последствия – в последней серии сержант Захаров разговаривает с задержанным иначе: *«Не переменить ли вам тон, Максаков? Здесь речь идет о дальнейшей вашей жизни»*. Таким образом, в фильме 1974 года перед нами эталон речевого поведения сотрудника милиции.

Фильмы 1980 года «Петровка, 38» и «Огарёва, 6», автором сценария которых является Юлиан Семёнов, заметно отличаются от предшествующих. Перед зрителем предстают иные образы милиционеров: это люди, способные позволить своим эмоциям взять верх, поэтому их речь далека от правил речевого этикета сотрудников правоохранительных органов. Во-первых, часто они употребляют разговорные, просторечные и бранные слова (*«И принадлежат они одному сукину сыну – главарю банды, грабителю и налетчику! Как тебе это нравится?»*; *«Умный чёрт!»*), а также фразеологизмы и поговорки, свойственные разговорной речи (*«Вам пора сушить сухари!»*; *«Ну, шутки по боку!»*; *«Как в воду канул»*); во-вторых, в речи героев фильма присутствуют жаргонные слова: *«Экспертиза нашла пальчики на перчатках, эти же пальчики есть на пистолете и эти же пальчики нашлись в картотеке за 1945 год»*; в-третьих, часто ими нарушаются правила обращения: а) к подследственному: *«Где дед живет?»*; *«Выходи, парень»*. Часто при обращении к подозреваемому милиционеры используют прозвища: *«Знаешь что, Чита...»*; б) сотрудников друг к другу:

«Ну что, дед, привет!»; «Дед, подожди!»; «Видишь ли, Слава...»; «Славик, дорогой...»; в) к свидетелям: «Вы здесь никого не узнаете?»; «Теперь вас попрошу»; в-четвертых, тон при разговоре с подозреваемыми повышенный, саркастический: «Посмотри, какой деликатный вор пошел. Приятно говорить», «Физиономия бодрая. Шутник».

Но стоит отметить, что в обоих фильмах есть и примеры речи сотрудников правоохранительных органов, соответствующей нормам русского литературного языка и правилам обращения милиционеров к гражданам и друг к другу. К подозреваемому следователь обращается по фамилии или по имени отчеству, исключительно на «вы»: *«Ну, здравствуйте, Кажаяев»; «Потому, Виктор Васильевич, что за последний месяц было совершено несколько подобных изнасилований. Теперь ясно?».* Следователи используют в своей речи устойчивые сочетания, характерные для юридического языка: *«Вы признаете себя виновным?»; «Вас обвиняют в покушении на изнасилование»; «Отметьте это обстоятельство в протоколе допроса».* Во время допроса сотрудник правоохранительных органов задает краткие и четкие вопросы: *«Куда?»; «Каким занятиям?»; «Вы были больны?».* Третье лицо, присутствующее при разговоре, неприлично называть местоимением типа "он", "она" или "этот", а только по имени или по фамилии: *«Ирина Петровна, с вашего разрешения, я могу попросить товарищ Пименова задержаться на два-три дня?».*

Таким образом, фильмы 1980 года «Петровка, 38» и «Огарёва, 6» весьма противоречиво изображают милиционеров, с одной стороны, подчеркивая их верность своей службе, а с другой, создавая вполне реалистичный речевой портрет, далекий от идеала.

В 90-е годы ситуация продолжает ухудшаться. В популярном сериале о сотрудниках убойного отдела «Улицы разбитых фонарей», который идет с 1995 года, имидж милиционеров снижен до предельного уровня. Уже само название сериала имеет негативную окраску. Авторы сценария – Андрей Кивинов, Виктор Бутурлин, Искандер Хамраев и другие – разнообразили речь своих персонажей, но всех героев объединяет наличие в речи грубых слов, просторечий, жаргонизмов, употребление которых недопустимо сотрудниками правоохранительных органов. Например, в разговоре с подчиненными Юрий Александрович Петренко, начальник РУВД, не соблюдает субординацию, использует слова и выражения сниженной окраски, а потому, конечно, не является и не может являться образцом для своих подчиненных: *«С бабой шашни завел!»; «Нужно, чтобы глухарёв этих, глухарей меньше!»; «Отшутковались уже!».* Подчиненные также не обращаются к начальнику соответствующим образом: *«Николай Петрович, глухарем больше, глухарем меньше...»; «Горшок за ним не выносить?».*

Между собой коллеги общаются без каких-либо ограничений: *«А маньяк-то наш интересным паскудством занимался!»; «Он снимает с нее верхние и нижние одежды и уестествляет ускоренным способом»; «Было*

шесть эпизодов, короче, думаем, будет седьмой – нас начальство само уестествит, как этих дамочек».

Кроме того, грубые и просторечные слова присутствуют в речи сотрудников убойного отдела и в разговорах со свидетелями и подозреваемыми: *«Дедулю на мокрое потянуло!»; «Девонька, прикройся, а то у старшего лейтенанта Дукалуса слюни потекут!»; «Тянет лимона на три зеленых».*

Названные ошибки в речи героев сериала «Улицы разбитых фонарей» повторяются постоянно. Так, складывается совсем непривлекательный портрет каждого из героев. После просмотра этого телесериала не только не возникает уважение к милиционерам, но и появляется некоторое пренебрежение к ним.

Со строительством демократии в стране ситуация в сфере органов внутренних дел не улучшилась, и в кинематографе 2000-тысячных годов мы наблюдаем те же минусы, что и в сериале «Улицы разбитых фонарей».

Что касается современного кино о полицейских, то с переименованием милиции в полицию на деле ничего не изменилось. В качестве примера обратимся к фильму 2012 года «Стальная бабочка», авторы сценария – Юрий Коротков и Наталья Ворожбит.

В речи сотрудника уголовного розыска Ханина нет различий при общении с коллегами, с подследственными, со свидетелями. Все его реплики выделяются нарочитой грубостью: *«Слушай, мы тут недавно бандюков в притоне брали»; «Да они у меня эти бумажки порвали и без воды их сожрали»; «Если ты думаешь, что я из-за тебя буду корочкой махать, ошибаешься – не буду!».*

Речь второстепенных персонажей, также представителей уголовного розыска, ничем не отличается от речи Ханина. Всё та же грубость, просторечие, жаргон: *«Я этим малолеткам добро сделала, они как трахались, так и трахаются. Только не в подвале. А на чистом белье и за деньги»; «Рот закрой!»; «Так, слушай, шалава, ты вообще как со мной говоришь?».*

И закончить нам хотелось бы фразой главного героя фильма «Стальная бабочка», старшего оперуполномоченного уголовного розыска Ханина, очень ярко и точно характеризующей сложившуюся на данный момент ситуацию в органах внутренних дел: *«Я мент, мне по фиг».*

И пока на экранах телевизоров демонстрируются необразованность, некомпетентность сотрудников правоохранительных органов и их нежелание работать над собой, население не будет уважать полицейских и доверять им, а все усилия властей по переименованию правоохранительных органов или по изданию новых законов будут тщетны.

Пейзажная лексика «Жития протопопа Аввакума»

Е. В. Погожева, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор С. В. Кезина

Протопоп Аввакум – выдающийся деятель своего времени, его творения принадлежат к шедеврам русской и мировой литературы. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», – своеобразная автобиография и духовное завещание – одно из интереснейших произведений, созданных в переломную эпоху развития русского общества – в 70-е годы XVII века, вошедшего в историю под названием «бунташного» века.

Со времени открытия «Жития» неизменный интерес для исследователей этого памятника древнерусской литературы представляют сибирские пейзажи Аввакума. Задача всесторонне исследовать пейзаж произведения оказывается очень обширной.

Аввакум пишет о природе на протяжении всей своей жизни, во многих сочинениях, созданных им, помимо «Жития». Своеобразие авторского стиля во многом обусловлено особенностями деловой письменности того времени. Яркая стилевая атмосфера довлеет и над пейзажами. Природа у Аввакума описана по темам. Отдельно перечисляет протопоп разных зверей, отдельно птиц, отдельно рыб, отдельно говорит о растениях и видах скал. Названия зверей, птиц, рыб, растений, скал органично входят в пейзажную лексику «Жития».

Так описывается, например, местность горных районов у реки Ангары: *«Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ, – и поглядеть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обретаются змии великіе; въ нихъ же витають гуси и утицы — періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ техъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дѣкія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе – во очію нашу, а взять нельзя»* [1, 31]

Дадим семантические и этимологические пояснения к некоторым словам.

Кречет – крупный сокол, который водится в северных регионах. Название известно из церковно-славянского и отмечено в «Слове о полку Игореве» (XII в.). Суффиксальное производное от *кречь* «крик». Птица получила название по своему хриплому голосу.

Курята индейскіе – птенцы курицы, цыплята. "Кур" – общеславянское слово, обозначающее "петух". По предположениям этимологов, это слово подражательное (так же, как и слова "кукарекать", "курлыкать"). Кура – "курица". Птенец курицы – курёнок. Здесь Аввакум имеет в виду горных индеек, или уларов – птиц, принадлежащих к отряду курообразных.

Бабы – пеликаны. Это народное название, которое, кстати, было засвидетельствовано знаменитым немецким путешественником Адамом Олеарием, жившим в XVII веке. Он отмечал, что видел у Каспийского моря «больших зобатых гусей, которых русские зовут «бабами»... зовут их и пеликанами».

Опальный автор «Жития» дает почувствовать нам необозримое богатство сибирского края, дикость и неприступность здешней природы, необыкновенную возможность одновременного обитания здесь самых разнообразных зверей и птиц. Каждый описательный элемент, каждое наименование животного в данном случае скрывает за собой определенное пространство.

Пристальное внимание приковывают к себе аввакумовские пейзажи ещё и тем, что в эти пейзажи, громадные и безграничные, вписан обычный человек. На фоне деталей окружающего ландшафта он кажется совсем маленьким, фигура его теряется рядом с высокими горами, толстыми пластами льда или под огромным звёздным небом. По сравнению с ним даже мелкие детали пейзажа представлены укрупненно: «*лукъ на нѣмъ растеть и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѢло*», «*рыба въ нѣмъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сизи и прочихъ родовъ много; вода пресная, и нерпы и зайцы великія въ нѣмъ, въ океанѢ море большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видаль ...*», «*морозы велики живут, и льды толсты замерзают, — близко человека толщины...*».

Во втором отрывке интерес представляет слово «*зайцы*».

Морской заяц (поморское народное название) – наиболее крупный тюлень северных морей (длина до 3 м, вес до 350 кг), часто встречался на Мезенском побережье. Со времени первых научных наблюдений над фауной Байкала там жила только нерпа. Робинсон А.Н. в комментариях к своей монографии «Жизнеописание Аввакума и Епифания» отмечает, что «Аввакум мог оказаться единственным наблюдателем, засвидетельствовавшим наличие в Байкале морского зайца, впоследствии исчезнувшего» [2, 94].

В пейзажной лексике «Жития» преобладает исконно русская. Это имена существительные, называющие части ландшафта – горы, утёс, дебри, вода, лёд, море, озеро, река; разных птиц – змеи, гуси, утицы, вороны, галки, орлы, соколы, курята, лебеди; диких зверей – козы, олени, зубри, лоси, кабаны, волки, бараны, мыши; насекомых – тараканы, сверчки, блохи; растений – лук, чеснок, конопля, травы. Встречаются старославянизмы: кречеты, врата, ограда. Среди названий рыб также в основном исконно русские – осётры, омули, нерпы, зайцы, но одновременно употребляются и заимствованные:

– таймень – слово заимствовано в XVI в. из финск. яз., где *taimen* «форель» – суф. производное от той же основы, что эст. *taim* «форель»;

– стерлядь – заимствовано не позже XV в. из нем. яз. (нем. *Störling* — «маленький осётр»), образованное с помощью суф. -ling от *Stör* – «осётр»).

Заметим, что Аввакум, наряду с русским словом «осётр», использует заимствованное из немецкого «стерлядь», очевидно, исходя из явного внешнего различия этих рыб по размеру, ещё раз подчеркивая тем самым многообразие водных обитателей Байкала.

С именами существительными, употреблёнными в тексте, как правило, во множественном числе, используются простые и сложные имена прилагательные: горы высокие, дебри непроходимые, утёс каменный, вода пресная, змеи великие, звери дикие, «конопли богорасленные... травы красные и цветны и благовонны»; перья у птиц красные, вороны чёрные, галки серые, а гуси и лебеди «яко снег».

Цветобозначения передают цвет и оценку:

– «яко снег» – белые, цвета снега; «светлые, в противоположность чему-нибудь более тёмному, именуемому тёмным»; здесь, очевидно, подразумевается и переносное значение – «чистые, светлые» по сравнению, например, с упоминающимися здесь же чёрными воронами и серыми галками;

– прилагательное «красные» в словосочетании «красные перья» выполняет роль постоянного эпитета, обозначающего цвет части тела птицы, а в словосочетании «красные травы» цветолексема *красный* реализует значение «яркий, выделяющийся», актуализирует сему положительной оценки;

– цветолексема «чёрный» и «серый» применительно к описанию даурских птиц дают недвусмысленное понимание неблагоприятности впечатления, производимого их обилием.

Описание природы в литературных произведениях житийного жанра того времени несравнимо с разнообразными аввакумовскими пейзажами. Можно назвать лишь несколько памятников литературы XVI—XVII вв., где описательный элемент по своей силе отчасти созвучен с аввакумовским. Это описание приусадебных красот в «Наказании» митрополита Даниила, описание пустынной местности в «Повести о царевице Дмитриии», а также описание всё тех же необъятных сибирских просторов в «Строгановской летописи». Таким образом, Аввакум явился ярким новатором своего времени в изображении пейзажа.

Литература:

1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н.С. Тихонравова. – СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1861.

2. Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Трансформации архетипа Дон Жуана в творчестве М.Ю. Лермонтова

В. О. Позднякова, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.филол.н., доцент Л. А. Мещерякова

«Литературный архетип – это часто повторяющиеся образы, сюжеты, мотивы в фольклорных и литературных произведениях»[1, 171]. Он обладает способностью к внешним изменениям и трансформациям, но при этом, несомненно, таит в себе первоначальные черты.

Дон Жуан – это «вечный образ», предыстория которого относится к эпохе Средневековья. Архетип Дон Жуана является носителем следующих черт: распутник, грешник, не способный к раскаянию, совращающий и бросающий женщин, как правило, после первой же ночи, герой-любовник. К сюжету о человеке, одержимом непреодолимой тягой к любовным авантюрам, обращались многие авторы мировой литературы: например, Тирсо де Молина, Ж.-Б. Мольер, Э.Т.А. Гофман, Дж. Байрон, А.С. Пушкин. Однако каждый раз этот образ приобретал свои оригинальные черты. В произведениях перечисленных авторов мы можем заметить, как трансформировался образ Дон Жуана. Первоначально это был эгоист, обманщик и циник, но затем победы на любовном фронте его уже мало волнуют, в нём появляются истоки нравственного начала, он становится сыном своего века, отражением его моральных и социальных проблем.

Обращаясь к «дон-жуанству» Печорина, героя романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», важно подчеркнуть мысль исследователя С.Дурылина о том, что активная энергия Печорина разрешалась в погоне за всё новой и новой любовью с целью насладиться ещё неиспытанными душевными движениями. Уже в главе «Бэла» мы можем проследить сходство Григория Александровича Печорина и Дон Жуана. Печорин идёт на поводу своего эгоизма и ломает судьбу невинной девушки Бэлы. Затем он даже заключает пари со штабс-капитаном, в котором определяет сроки покорения Бэлы – всего лишь неделя. Этот мотив сделки, спора является ключевым во многих произведениях о Дон Жуане, где герой заключает договор то со своим другом, то с потусторонними силами в лице статуи Командора. Так и в «Бэле» Печорин смог выиграть пари, растопив сердце неприступной горянки. Он, подобно пушкинскому Дон Гуану, делает вид, что смирился с судьбой, что, несмотря на свою любовь, готов идти даже на смерть. Оба героя знают, как повлиять на чувства женщины: они признают свою вину перед ней, делают вид, что вручают ей в руки свою судьбу, в глубине души уже зная окончание этого спектакля. Печорин быстро покорила Бэлу, но так же быстро и охладил к ней: «Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни... Если вы хотите, я ее еще люблю, я

ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, - только мне с нею скучно»[2, 231]. Из исповеди героя мы видим, что Бэла для Печорина стала всего лишь недолгим увлечением, которое немного развеяло его скуку.

Но мы не можем сказать, что Печорин, как типичный Дон Жуан, намеренно воспользовался любовью девушки, чтобы удовлетворить свою страсть. Его душа всё время находилась в поисках счастья. Свою влюблённость к Бэле он принял за любовь, решив, что это последний шанс судьбы. Он виновен лишь в том, что его эгоизм победил его рассудок. В его исповеди мы видим, что в первую очередь он жалеет себя, а не девушку, которой сломал жизнь. И тем не менее гибель Бэлы глубоко потрясла его.

В главе «Тамань» как таковых историй любви нет, но есть маленький эпизод, в котором проявляются черты «дон-жуанства» Печорина: это его увлечение контрабандисткой. Она привлекла его своей необычной красотой и таинственностью. Однако в этой главе Печорин и контрабандистка как будто меняются ролями: пытаются обмануть его, а не он. Здесь Печорин выступает в роли пассивного Дон Жуана, который не против любовных приключений, но ничего для этого не предпринимает. Эта пассивность в любовных отношениях роднит его с байроновским Дон Жуаном, которого женщины соблазняли чаще, чем он их.

В главе «Княжна Мери» особенно ярко проявляется «дон - жуанство» Печорина. Мы видим, как умело он играет чужими судьбами. Это роднит его со всеми поколениями «Дон Жуанов». Ещё Тирсо де Молина показал, что для Дон Жуана никогда не были преградой ни дружба, ни любовь. Достаточно вспомнить эпизод «Севильского озорника», когда Дон Жуан, прекрасно зная о чувствах своего друга маркиза де ла Мота к донье Анне, намеренно решает её соблазнить. Так и Печорин, зная, что Грушницкий влюблён в молодую княжну, решает проучить Грушницкого и развеять свою скуку с помощью чувств Мери. Но если герой Тирсо де Молины кроме страстного влечения к Донье Анне так ничего и не испытал, то Печорин всё же задумывается над тем, что в глубине души у него появляется привязанность к Мери. В свою очередь, зачатки привязанности к соблазняемой девушке роднят Печорина с пушкинским Дон Гуаном, который не чужд нравственного начала, а с Дон Жуанами романтиков Гофмана и Байрона – страстное желание свободы. Печорин говорил о себе: «Как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться — прости любовь! моё сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам»[3,263].

Несмотря на перечисленные «дон-жуанские» черты, Печорин имеет и отличие от архетипа Дон Жуана. В главе «Княжна Мери» он размышляет над целью и смыслом своего существования, касается вопроса о сущности своей

любви, признаёт то, что она губительная для других, что он пользуется ею только для удовлетворения своей скуки. В отличие от Дон Жуана, который, на наш взгляд, был счастлив от того, что пользовался женщинами, не задумываясь о причинах своих действий и о том, что ждёт его впереди, Печорин, подвергающий свои поступки анализу, несчастен.

Известно, что Дон Жуан – это не только герой-любовник, но и смелый авантюрист, который решается на опасные приключения, вступает в схватки, выходит из них победителем. Кроме того, Дон Жуан часто бросал вызов самой жизни. В «Фаталисте» мы тоже видим своеобразную игру с жизнью. Первоначально её затевает Вулич, но толкает его на это страшное пари именно Печорин. Так, решаясь взять живым пьяного вооружённого казака, он, подобно Дон Жуану, ведёт себя довольно храбро, но главной целью этого решения было всего лишь испытать судьбу. Как герой Тирсо де Молины не боялся смерти, потому что был уверен, что у него ещё достаточно времени, так и Печорин всегда смелее шёл вперёд, когда не знал, что его ожидает, потому что «хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!».

Как выяснилось, между архетипом Дон Жуана и Печориным довольно много общего. «Дон-жуанство» Печорина заключается в стремлении обладать той женщиной, которая ему приглянулась, в волевом желании героя «властвовать» над женщиной, а далее – быстрая потеря интереса к «побеждённой» женщине. Однако своеобразный «нож анализа»[4, 95] отделяет Печорина от Дон Жуана. Типичный герой-любовник не анализировал так глубоко свои поступки, он был полностью доволен собой, чего мы не можем сказать о Печорине. Способность к рефлексии стала для него основной чертой характера. В дневнике Печорина мы читаем: «Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки со строгим любопытством, но без участия»[5, 267]. Печорин не коварный соблазнитель, покоряющий женские сердца из-за страсти, он герой, постоянно находящийся в борьбе с самим собой за право на счастье. Он эгоист, который ясно осознавал себя таким. Он глубоко несчастен, а потому его фигура, в отличие от всех предшествующих в мировой литературе Дон Жуанов, глубоко трагична.

Литература:

1. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учёба. – 2001. – № 6. – С. 171
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранное. М., 1984. – С. 231
3. Там же, стр. 263
4. Дурылин С. Герой нашего времени М.Ю. Лермонтова. М., 1940. – С. 95
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранное. М., 1984. – С. 267

**Образ семьи в освещении районной прессы конца
XX – начала XXI вв. (по материалам газеты «Куранты-Маяк»
г. Нижний Ломов)**

А. В. Почивалова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. пед. н., доцент Т. В. Стрыгина

Становление человека как личности происходит в процессе социализации, в котором большую роль играют многие важные институты, в том числе и институт семьи. Средства массовой информации выступают одним из основных каналов оповещения общества о проблемах и состоянии данной базовой единицы государства. На сегодняшний день ни для кого не является секретом, что её проблемы перестают быть только личными, они приобретают значительные масштабы в рамках страны. Имидж семьи, пропагандируемый СМИ, во многом влияет на модели поведения человека, создаёт определённые эталонные образы, которые оказывают непосредственное влияние на общественное мировоззрение.

Основной задачей работы является анализ районного издания «Куранты-Маяк», которое выпускается в городе Нижний Ломов Пензенской области, с целью определения полноты освещения проблем современной семьи. Для исследования мы выбрали период конца XX – начала XXI веков, так как этот временной отрезок включает в себя смену власти (управление страной тремя президентами), 2008 год был объявлен в России годом семьи. В газете постоянно освещались разные мероприятия и проблемы, связанные с этими событиями, появлялись новые рубрики.

«Куранты-Маяк» – издание с богатейшей историей, единственное из районных газет Пензенской области было основано до революции, 20 января 1912 года. На данный момент тираж составляет 3500 экземпляров, периодичность выхода – 2 раза в неделю, общий объём – 12 полос: среда – 8 полос, пятница – 4 полосы. Мы ставим перед собой ряд вопросов, чтобы определить, насколько полно и объективно газета справляется с функцией формирования определённого образа семьи: Как освещаются в СМИ проблемы семьи? Каков характер публикаций? Попадают ли на страницы издания мнения или комментарии читателей, связанные с нашей темой? Насколько объективно подходит издание к освещению проблем семьи? Какие новые рубрики и темы появились в издании в 2008 году? Менялись ли взгляды или темы в связи со сменой власти? Присутствуют ли в издании негативные материалы? Необходимо также выявить, как газеты отслеживают развитие актуальных проблем, связанных с семьёй; обращаются ли к ним повторно. Ответы на поставленные вопросы были получены в результате анализа, который позволил определить, какой образ семьи создаёт данное издание.

Тема семьи освещалась в газете на протяжении всего исследуемого периода. Она представлена в различных жанрах: заметка («Человек родился», 2002 г.; «Залог успеха – семья», 12 марта 2008 г.), комментарий специалиста («Готовим ребенка в детский сад», 25 августа 2002 г.), мнение читателей («Долг взрослых», 30 мая 2002 г.), интервью («Десять частиц одного сердца», 24 ноября 2004 г.), рассказы читателей («Вдова ветерана», 7 мая 2008 г.) и др.

Во многих номерах представлена рубрика «Мнения», где читатели и должностные лица выражают своё отношение к тому или иному вопросу. Например, в номере от 30 мая 2002 года о долге взрослых рассуждают мать двух детей («Дети всегда чувствуют себя защищенными, если живут в крепкой, трудолюбивой семье, где ребёнок с раннего возраста приучается к труду»), мать взрослой дочери («Ребёнок тогда будет защищён семьей и государством, когда он будет желанным и его будут считать личностью, нужной и обществу, и родной семье»), представитель молодого поколения («Нет у меня внутренней уверенности в том, что государство меня защитит»), мама взрослого сына («Дети не защищены от зла, жестокого обращения с ними, от нищеты, голода. Всего, что делается в плане защиты детей, конечно, недостаточно»). В номере от 28 февраля 2002 года по поводу неблагополучных семей свою точку зрения высказывают заместитель начальника Нижнеломовского управления социальной защиты населения, врач-психиатр, инспектор по делам несовершеннолетних и таксист. Как мы выяснили, контингент опрошиваемых достаточно разнороден.

Издание объективно подходит к освещению проблем семьи. Наряду с положительными статьями («С нее бы брать пример», 1 октября 1991 г. – история о женщине-инвалиде, которая усыновила и вырастила ребенка), есть и статьи разоблачительные («Вечер вне дома», 10 октября 2002 года – рейд редакции по вечернему городу). Поездка была предпринята с участием сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних и старшего лейтенанта милиции. Редакция видит беспризорных детей, которые курят на скамейке около главной трассы. Дети продают аудио- и видеокассеты проезжающим водителям, а, иногда, и берут у них из машин «что плохо лежит», чтобы хоть как-нибудь прокормиться, так как у родителей нет достойной заработной платы. Мама одного из мальчиков, провожая его на такую «подработку», говорит: «Смотри, не попадись!». Следующая история про несовершеннолетнюю мамашу, которая живет в ужаснейших условиях вместе с маленькой дочкой – первоклашкой Олей. До ребёнка ей нет особого дела, все её заботы лишь о том, где взять деньги на выпивку, но она яростно отстаивает свои права: «Что вы к нам привязываетесь? Все так живут!». Третья история о семье Каблуковых: родители при встрече не были трезвыми, но повели себя более-менее адекватно. Такое бывает редко, муж с женой живут «запойми». На вопрос, где же находится их дочка, они отвечают, что у сестры живёт. Хотя, как потом выясняется, учебный год давно начался, и она уже несколько дней в спецшколе. «А сколько таких

подростков, которым не повезло с родителями, живут рядом с нами? Как помочь им – заброшенным, выживающим собственными силами, одиноким среди благополучных людей. Кто поможет им? И не на нашей ли совести они?» – в конце статьи звучит крик души автора Л. Андреевой.

В 2008 году появилась новая рубрика «Ищу тебя, мама». Это совместный проект Пензенского отделения Союза журналистов России, издательского дома «Пензенская правда» и районных газет области. Материалы, как правило, занимают целую печатную полосу и делятся на 2 вида: счастливая история об усыновлении ребенка из детдома («Счастливый поворот», 24 октября 2008 г.; «Дорога домой», 10 октября 2008 г.; «Не родись красивой», 5 сентября 2008 г.) и объявление о том, что ребёнок ищет семью («День рождения – грустный праздник», 24 октября 2008 г.; «Поверить в людей», 22 августа 2008 г.). «Руслану недавно исполнилось два года. Его мама сбежала из дома, бросив крошечного сына на отца. В настоящий момент она лишена родительских прав. Папа, немного помучившись с малышом в одиночку, сдал его в казённое учреждение, написав отказную. Как уж биологический отец заботился о сыне, работникам Пензенского дома ребенка остаётся только догадываться. Ведь до сих пор Руслан боится мужчин... От потенциальных усыновителей понадобятся терпение и ласка, чтобы малыш смог преодолеть какие-то глубинные комплексы в своей душе. И обрести веру в людей», – делает вывод журналист.

Следует заметить, что в девяностых годах XX века проблемам семьи уделялось меньше внимания на страницах издания. Более тщательно освещались темы сельского хозяйства и строительства. В 2002 году статей, связанных с проблемами семьи, стало гораздо больше. Такая тенденция сохранилась и по сей день.

Об объективности издания можно судить и потому, что присутствует доля негативных материалов. Выше уже описывался рейд редакции по вечерним улицам города. Также встречаются статьи о пожилых людях и их проблемах («Брошенные ветераны», 9 ноября 1991 г.; «Незащищенная старость», 19 мая 2004 г.). Журналист анализирует жизненные ситуации: «Они, молодые и взрослые, могут сделать всё: взять продукты, вещи, хозяйственные предметы, отнять копейки, которые, образно говоря, получают их бабушки и дедушки, пугать, стучась в окна и двери. За последнее время число таких набегов увеличилось. Материальные потери могут быть, по понятиям молодых, невеликими, но моральное унижение старших огромно. Человек переживает такой стресс, что преодолеть его бывает очень трудно: начинает прислушиваться к каждому скрипу, к каждому стуку и к каждому шороху. А обида? И это постоянно. Ужасное состояние! Кого же мы должны бояться? Судя по возрасту, своих внуков! Разве так должно быть?».

В издании можно выделить темы, к которым редакция обращается постоянно. Например: чествование золотых юбиляров («Дом у рябины», «На

двоих одно дыхание», 4 июля 2002 г.; «Дом, где хорошо», 6 октября 2004 г.; «Любовь должна быть взаимной», 4 февраля 2008 г.; «Полвека вместе», 14 февраля 2014 г.); рассказы о долгожителях («Бабушка Тоня», 26 сентября 2002 г.; «В трудах и лишениях», 14 февраля 2014 г.); статьи о многодетных семьях («Слагаемые счастья», 10 марта 2004 г.; «Десять частиц одного сердца», 24 ноября 2004 г.), об отдыхе детей летом («Нескучное лето с ДДЮТ», 22 августа 2002 г.; «Весело было в «Солнышке», 2 июля 2008 г.) и др. В 2004 году в газете была интересная рубрика «В нашем полку прибыло», где публиковались имена всех новорождённых в городе и районе.

В целом издание «Куранты-Маяк» формирует положительный образ семьи, а все негативные и критические материалы использует только для того, чтобы читатели обратили внимание на проблему и попытались исправить сложившуюся ситуацию.

Литература:

Газета «Куранты-Маяк». 1991 – 2014 гг.

Бакалавры цифровой эры: проблемы профессиональной подготовки

Г. В. Пранцова, к.пед.н., профессор
Пензенский государственный университет

Современное общество переживает четвертую информационную революцию. В.П. Чудинова отмечает: «Усложнившаяся жизнь, обилие информации, повышение скорости происходящих процессов, новые требования к образованию и уровню квалификации работающих, интенсивное развитие аудиовизуальной культуры – все это и многое другое в совокупности приводит к тому, что меняются мотивы чтения и в целом оно меняет свой характер...» [2]. И это формирует другого читателя. Всего лишь несколько лет назад начали говорить о детях цифровой эры, для которых характерно то, что «во всех главных аспектах их жизни (социальное взаимодействие, дружба, общественная деятельность) присутствуют цифровые технологии в качестве посредника» [1, 8]. Сегодня эти дети выросли, поступили в вузы. Какова их читательская культура?

Нами проведено исследование, цель которого – выявить особенности первокурсников как читателей. Все это необходимо для того, чтобы скорректировать методы их профессиональной подготовки.

Анализ анкет показал следующее. В свободное время большинство студентов (85 %) отдает предпочтение *общению с друзьями* (что вполне отвечает их возрастным особенностям). Второе место в предпочтениях поровну делят *чтение книг* и *«общение» с компьютером* – 80 %. Бесспорно, что компьютер стал главным соперником книги. При этом, как явствует из

ответов на другие вопросы, «общение» с компьютером лишь в меньшей степени предполагает «общение – чтение книг», так как с монитора читают 25 % респондентов. Значит, «общение» с компьютером – это опять же в основном общение с друзьями («чат», «общалка», скайп), а также web-серфинг по разным сайтам, просмотр роликов в ютубе.

Есть у студентов и другие занятия в свободное время. Поскольку первокурсники в массе своей живут в семье, то 45 % из них предпочитают на досуге общаться с родственниками; 30 % – смотреть телевизор; 25 % – посещать театры, концертные залы; столько же – заниматься домашним хозяйством (и это при подавляющем количестве девушек на курсе!). Совсем необычным в ответах стало то, что четверть опрошенных в свободное время работает. Ранее проведенные на первом курсе опросы подобной ситуации не выявляли. Между тем она должна заставить преподавателей задуматься о много. Например, об объеме заданий для самостоятельной работы студентов...

Факт, что чтение занимает определенное место в жизни первокурсников, сам по себе примечателен. При этом 25 % респондентов относят себя к активным читателям. 55 % видят у себя качества, свойственные активному читателю, лишь «иногда». А пятая часть опрошенных (по их собственному мнению) к разряду активных читателей не принадлежит.

Что читается будущими педагогами? Как показывают анкеты, 50 % респондентов предпочитают *русскую классику XIX века*; 25 % – *современную русскую литературу*; 20 % – *западную классическую литературу*; примерно пятая часть опрошенных читает *современную западную литературу*. Казалось бы, полученные результаты должны радовать. Но этого не происходит... И все потому, что круг чтения выглядит не совсем убедительным. Из классики вызывает интерес «Преступление и наказание» Ф. Достоевского (20 %); «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Отцы и дети» И. Тургенева, «Тихий Дон» М. Шолохова (у каждого из трех последних произведений по 15 % почитателей). Называют (по одному упоминанию) также произведения А. Пушкина «Евгений Онегин», А. Островского «Бесприданница», Л. Толстого «Война и мир», А. Чехова «Вишневый сад». Вот и вся классика! Но все это – «школьный след», произведения, обязательные для изучения в старших классах. Кроме них ничего другого не было прочитано! Да и эти-то не по доброй воле – к ЕГЭ готовились!

Пополнение «классического» багажа на первом курсе не наблюдается... Разумеется, на последующих (втором и третьем) курсах обратиться к классике заставит суровая необходимость сдавать экзамены. Но это еще впереди... А год необщения с классикой, вне сомнения, приведет к снижению уровня читательской квалификации. Особенно если учесть тот факт, что и в предпочтениях в области современной русской литературы (а к

ней первокурсники почему-то относят литературу 20–70 годов XX века) опять все тот же «школьный след» (М. Горький, В. Маяковский, Б. Пастернак). В «тренде» же у юных читателей цифровой эры – роман «Мастер и Маргарит» М. Булгакова (35 %; вполне предсказуемо, так как это сообразуется с модой на чтение определенных книг). Что же касается зарубежной литературы – классической и современной, – то доминирует *беллетристика* (Ж. Верн, А. Конан Дойл, Ш. Бронте, К. Маккалоу, Р. Бах и др.) и *чтиво* (С. Кинг, С. Майер, Р. Мид, Л.Д. Смит и др.).

Некоторые жанровые предпочтения будущих бакалавров мало чем отличаются от предпочтений школьников-подростков. Так, читают *фантастику*, *фэнтези* и *приключения* примерно по 15 % опрошенных; *любовные романы* – 10 %. Справедливости ради следует отметить, что 25 % респондентов предпочитают *философские романы*. И уж совсем много (60 %) первокурсников читают *психологические романы*. Однако мы не совсем уверены в том, что опрошенные правильно истолковывают понятия «философский роман», «психологический роман». Наши сомнения имеют основания. Так, отвечая на вопрос «Что привлекает в указанных произведениях?», 65 % респондентов ответили, что прочитанное «вызывает эмоциональный отклик» (особенно на этом настаивали читатели «философских романов»). В книгах вызывают интерес также «нравственные проблемы» (45 %), «герои» (35 %), «человеческие отношения и поведение людей в различных ситуациях» (30 %), «художественная ценность» (25 %), «произведение находится в тренде» (15 %).

Несмотря на то, что чтение чем-то притягивает каждого из опрошенных, постоянно читают только 20 %, столько же не читают вообще (на направлении «Литература!»). Эпизодически читают 60 % первокурсников...

За последний месяц студенты прочитали несколько классических произведений (назвали по одной книге Достоевского, Чехова, Гюго и Бальзака). «Страсть» к классике не совсем пропала... Из русской и зарубежной литературы XX века успехом пользовались книги Булгакова, Набокова, Андреева, Ремарка, Хэмингуэя, Брэдбери (по одному упоминанию). Более половины опрошенных привлекли беллетристика (15 %) и чтиво (44 %).

Функция читателя заключается, помимо общения непосредственно с книгой, еще и в желании обсудить прочитанное, сформулировать и высказать свое отношение к нему. К сожалению, у первокурсников не сформированы потребность и готовность к общению на тему прочитанного. Только 15 % из опрошенных обсуждают в кругу ровесников все прочитанное; 50 % – лишь понравившиеся книги; 30 % – на обсуждение выходит крайне редко.

Поскольку, как мы отмечали выше, семья еще занимает значительное место в жизни первокурсников, то свои впечатления от книги они могут активно высказывать в семье. Но этого не происходит. Лишь 15 %

респондентов обсуждает постоянно прочитанное с домашними; столько же – только понравившиеся книги; 45 % – крайне редко выходит на разговор о книгах; 25 % – вообще этого не делают.

Ситуация с общением «по поводу самостоятельно прочитанной книги» в семье, в молодежном кругу выглядит удручающе. Но все-таки не так катастрофично, как в вузе. Только 30 % студентов стремится поделиться с преподавателем впечатлениями от понравившегося произведения; 25 % – делают это крайне редко; 40 % – вообще не выходят на разговор о прочитанном с преподавателем-филологом. Все это свидетельствует о том, что читательская среда не сформирована на факультете. А отсюда и соответствующее качество чтения. В школе хотя бы программа по литературе определяла массив и круг чтения на протяжении всего обучения. А в вузе первокурсники оказались «бесхозными». На последующих курсах программы по литературе разных периодов обозначат круг чтения. Вопрос же со свободным чтением опять останется открытым... И как определить, сколько читателей будет потеряно! В этой связи проблема создания читательской среды на факультете стоит очень остро. Это подтверждается и еще рядом фактов.

Интересны данные, связанные с умениями опрошенных работать с текстами разных стилей (читать, конспектировать, составлять тезисы и т. п.). Специально такой деятельности учился только 1 респондент; 40 % – работе с текстом никогда и нигде не учились; 20 % – постигали науку общения с текстом самостоятельно(?); 35 % – получили навыки работы с текстом в школе на уроках литературы и русского языка. Следовательно, критическое мышление у первокурсников не сформировано. Они, уверенные пользователи гаджетов, не в состоянии на должном уровне осмыслить текст того или иного стиля речи, «вычерпать» необходимую информацию и преобразовать ее (создать доклад, аннотацию, рецензию, эссе и др.). Все это результат того, что студенты мало читают, мало общаются по поводу прочитанного. В этой связи использование технологии развития критического мышления через письмо и чтения на занятиях в вузе становится необходимым условием эффективного обучения в нем.

Как явствует из анкет, 50 % опрошенных покупают книги для домашней библиотеки. Что влияет на их выбор книг? 40 % респондентов прежде всего привлекает уже «знакомый» автор; «тема» является определяющей для 30 %; «известность произведения в читательских кругах», «популярность среди друзей» побуждает к покупке книги 30 % опрошенных; «реклама в СМИ» вызывает желание приобрести книгу у 20 % читателей. К сожалению, советами преподавателей при приобретении книг первокурсники не пользуются...

Если проанализировать названия купленных респондентами книг, то можно увидеть, что к выбору при покупке они относятся более требовательно, чем к выбору книг, например, в библиотеке. Так, если среди

книг, прочитанных за последний месяц, чтение составляет 44 %, то среди приобретенных в магазине – только 30 %. Кстати, литературные новинки привлекают всего лишь 40 % читателей, 60 % опрошенных вообще не интересуются новыми книгами.

75 % бакалавров цифровой читают тексты в электронной версии. Причем, 15 % делает это постоянно; 25 % часто читают средние и большие тексты; 45 % – только небольшие. И этот факт должен обратить на себя внимание преподавателей, привести их к пониманию того, что в молодежной среде наметилась тенденция к чтению и восприятию небольших по объему текстов. Проблемы с чтением объемных текстов (роман, роман-эпопея) неизбежны. Необходимо менять (разрабатывать новую?) методику работы с ними.

Читают первокурсники с любых гаджетов: с ноутбука и букридера (30 % опрошенных), с монитора настольного компьютера (25 %), с мобильного телефона (20 %). Однако существенная часть респондентов не приспособлена к чтению с электронных носителей, поэтому 20 % первокурсников находят тексты в онлайн-библиотеках, распечатывают их и читают на бумажных носителях. Но это не будет долго продолжаться. Исследования показывают, что количество «традиционных» читателей сокращается. Только 10 % опрошенных презентуют себя читателями традиционных книг. 85 % утверждают, что они «всеядные».

Достоинство электронных текстов первокурсники видят прежде всего в их «бесплатности» (45 %), а также в «мобильности», «компактности», в «широком выборе» (соответственно: 35 %, 30 %, 35 %) и возможности настройки текста «под себя» (20 %). Недостатки тоже отмечаются респондентами. И хотя их меньше, чем достоинств, они довольно существенные: «устают глаза» (70 %); «отсутствие атмосферы чтения» (65 %); «текст воспринимается хуже, чем с бумажных носителей» (40 %). Но дискомфорт, сложности в восприятии текста не останавливают цифровое поколение, оно активно пользуется электронными библиотеками. Так, 85 % опрошенных согласны с тем, что онлайн-библиотеки «обеспечивают доступ к текстам, которые трудно найти на бумаге», 40 % утверждает, что «электронные библиотеки выполняют образовательную и просветительскую функции». 45 % респондентов считают бесспорным тот факт, что «онлайн-библиотеки вытесняют традиционные бумажные книги».

Разумеется, книга, как показывает наше исследование, не уходит, и чтение также. И дело сейчас не в том, какое средство будет выбираться – книга или компьютер, где будет текст – на бумаге, на экране монитора или на букридере, а может, книга будет аудиальной. Дело в другом: что же именно будет там читаться, как будет идти процесс восприятия и понимания текста.

Литература:

1. Палфри Д., Гассер У. Дети цифровой эры [пер. с англ. Н. Яцюк]. – М., 2011.
2. Чудинова В.П. Поддержка детского чтения – наша общая задача. [Электронный ресурс]. URL: <http://teacher.fio.ru/news.php?n=28228&c=1441>

Журналистика в контексте этнокультурных теоретических построений М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета

Е. К. Рева, к.филол.н., доцент
Пензенский государственный университет

Журналистика, репрезентируя особенности национальной культуры, выражает смысл не только этнокультурной сущности нации, того образа этноса, который складывается в журналистском материале. В своем исследовании «Вопросы литературы и эстетики» М. М. Бахтин пишет о том, что «ни одна культурная ценность <...> не может и не должна остаться на ступени простой наличности, голой фактичности психологического или исторического порядка; только систематическое определение в смысловом единстве культуры преодолевает фактичность культурной ценности» и далее – «факт и чисто фактическое своеобразие не имеют права голоса; чтобы его получить, им нужно стать смыслом» [1, 9–10]. Адаптация суждений М. М. Бахтина к проблеме взаимодействия журналистики и культурологии приводит к выводу, что журналистика – способ ретрансляции национальных культурных ценностей этноса и своеобразный инструмент, способный в контексте межэтнических отношений актуализировать духовно-нравственное содержание жизни этноса. Наряду с этим журналистика усиливает функциональную роль культуры в обществе и укрепляет ее свойства:

- репрезентация этнокультуры акцентирует ее социальность, то есть посредством отражения в тексте национальных духовных доминант этнической группы повышается эффективность процесса межкультурной коммуникации, а понимание этнокультурной природы этноса ведет к стабилизации межнационального диалога;
- журналистика «обеспечивает» культуре преемственность, выступая письменным (устным) источником ее передачи последующим поколениям;
- семиотическая природа культуры, не всегда понятная в процессе бытового общения, акцентируется посредством этнокультурной представленности в журналистике; авторский комментарий расшифровывает символичность национальных поведенческих особенностей, ритуалов, обычаев, межличностного взаимодействия членов этнической группы.

Таким образом, журналистика способна отразить «дух», «душу», «характер» нации, категории, которые этнопсихолог Г. Г. Шпет выделяет как основные применительно к нации. Суждения и выводы, представленные в

его знаменитой работе «Введение в этническую психологию», помогают нам продемонстрировать значимость репрезентативных возможностей журналистики в этнокультурном аспекте. Г. Г. Шпет пишет: «Каждый исторически образующийся коллектив – народ, класс, союз, город, деревня и т.д. – *по-своему* воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия бытия, само это бытие – и именно в *этом его отношении ко всему*, что объективно есть, выражается его "дух", или "душа", или "характер" в реальном смысле» [3, 479]. Журналистика, обладая большим арсеналом методов и приемов, способна передать «характер» этноса, показать его «дух» и «душу». Следуя за положениями, выдвигаемыми ученым, скажем, что репрезентация национальных культурных ценностей средствами массовой информации учит «читать "выражение" культуры и социальной жизни так, чтобы и смысл их понять, и овевающие его субъективные настроения симпатически уловить, прочувствовать, со-пережить» [3, 480]. Этнопсихологическая точка зрения Г. Г. Шпета неразрывно связана с культурологическим содержанием его теории, поскольку он акцентирует сущностные основы жизни народа, которые составляют культурный базис этноса: «"Духовный уклад" народа есть величина меняющаяся, но неизменно присутствующая при всяком полном социальном переживании», «определяющие источники всякого конкретного переживания лежат в духовном укладе, *который предопределяет действия и переживания* (курсив наш – Е.Р.) не только индивида, но и всякой группы» [3, 574].

Однако наряду с культурологической основой суждений ученого важны и этнопсихологические воззрения. Так, ссылаясь на мнение немецких философов М. Лацаруса и Х. Штейнталя, Г. Г. Шпет приводит их взгляд на этнопсихологию, задачи которой, на наш взгляд, могут быть соотнесены с задачами журналистики в контексте ее функционирования в межкультурном и межнациональном информационном пространстве. Предшественники Г. Г. Шпета формулировали задачи этнопсихологии следующим образом:

- познать психологически сущность народного духа и его действия;
- открыть законы, по которым совершается внутренняя духовная или идеальная деятельность народа, в жизни, искусстве, науке;
- открыть основания, причины и поводы возникновения, развития и уничтожения особенностей какого-либо народа [3, 486–487].

Наш тезис о целесообразности сближения задач этнопсихологии (по М. Лацарусу и Х. Штейнталю) и журналистики отчасти аргументирует современный исследователь: «Диалог культур стремительно выходит на ведущее место в практике современных международных и внутригосударственных отношений. Развитие средств массовой информации и формирование глобальной культуры, этнические конфликты... высвечивают важность специального изучения культуры – культурологи –

как условия формирования толерантного мира» [2, 9]. Понять журналисту специфику национального характера, особенности укладов, по которым живет этнос, проникнуть в специфику поведения и мотивирующие его факторы, составляет основу объективной характеристики нации и освещения событий, связанных с ней, в целом, поскольку принадлежащие к разным народам и этническим группам люди отличаются друг от друга своим поведением, культурой, нравами, обычаями. В таком ракурсе рассмотрения этнология (и смежные с ней дисциплины), культурология выступают в качестве «методологического подхода в познании социальной реальности» [2, 9], что для журналистики имеет принципиальное значение.

Литература:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Бенин В. Л. О значении культурологического знания // Вопросы культурологии. – 2012. – № 1. – С. 5–9.
3. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 601 с.

Военная лирика пензенских поэтов: особенности тематики и языкового оформления

И. Г. Родионова, к.филол.н., доцент
Пензенский государственный университет

Одной из важнейших тем в литературном творчестве поэтов, чья жизнь и деятельность так или иначе связана с Пензенским краем, является тема Великой Отечественной войны. О войне писали и пишут поэты, чьи детство и юность пришлись на эту суровую пору (В. Агапов, Г. Горланов, В. Зайцев, Л. Зефирова, В. Кельх, Н. Куленко, В. Поляков, В. Стрельцов, Л. Яшина и др.). Тема Великой Отечественной войны отражена в творчестве тех, кто родился и живёт в мирное время (М. Кириллов, К. Сурская, В. Сухов, Н. Шеменкова, Е. Шилов и др.). У каждого автора – своё отношение к войне. Однако представляется возможным выделить общие темы военной лирики пензенских поэтов.

Ведущей в лирических произведениях пензенских поэтов о Великой Отечественной войне является тема патриотизма и веры в Победу. Любовь к Родине, стремление защитить её от врага, вера в Победу – главное, что вдохновляло советских людей на борьбу с фашизмом: *Наш взвод лежал, прикрывшись снегом, / У всей округи на виду, – / Лежали, павшие навеки, / Мечтавшие: «А я дойду! / Дойду до вашего Берлина, – / Лишь разгромить бы этот дзот!» – А на губах не таял иней... / И – заливался пулемёт* (В. Стрельцов. «Давным-давно как будто было...»). В качестве ключевых слов во

многих стихотворениях выступают слова *Родина, Россия, Русь, Отчизна*, а также слово *Победа* и его однокоренные – *победный, победить, победитель* и др. (В. Агапов. «Свет памяти»; В. Зайцев. «Последние жертвы войны»; Ф. Ракушин. «Первый»; Е. Шилов. «Земляки» и др.).

Герои лирических произведений защищают не только страну, но и свою малую родину – Пензенский край. Поэтому в стихотворениях широко используются топонимы – названия населённых пунктов Пензенского региона: *А когда, надвинув глубже каску, / Нас повёл в атаку командир, / Сердцем мы своим прикрыли сказку, / Сказку детства – Русский Камешкир* (В. Шатин. «Мы пошли отсюда без опаски...»); *В сорок первом году на опушке / Куковала парнишке кукушка, / И спросил у вещуньи солдат: «Возвращусь ли с войны в Наровчат?»* (В. Поляков. *Всё это Родина, всё это Русь*); *И, воскрешая временные срезы, / Нам надпись на рейхстаге не забыть, / Всего-то по-простому: «Мы из Пензы!»* – / *Большой ценой мир довелось добыть!* (Ю. Самсонов. «В годину самых страшных схваток...»); *И, как вечности знак / Начертал наш земляк: «Мы из Пензы!»* – на стенах рейхстага (Л. Яшина. *Мы из Пензы*).

Широко представлена в военной лирике пензенских поэтов тема солдатского пути. Для более 300 тысяч защитников Отечества он начался в Пензе. Об этом стихотворение «Пенза. 1941-й» М. Кириллова: *Уходят Московской дорогой / Рождённые в Пензе полки, / И матери шепчут с тревогой: / «Скорей возвращайтесь, сынки...»*. О проводах на фронт говорится и в стихотворении Ф. Ракушина «Год сорок первый в Пензе»: *А на вокзале бабы голосили, / Беречься на войне мужей просили, / Гармоника им вторила захлёб. / А мужики, подвыпивши, молчали, / Лишь головами тяжкими качали, / Чубы крутые уронив на лоб.*

В произведениях пензенских поэтов отражены непосредственно боевые действия. При этом описываются реальные события – общеизвестные факты Великой Отечественной войны. Так, В. Подольский в стихотворении «Панфиловцы» рассказывает о подвиге бойцов 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. В. Панфилова, участвовавшей в обороне Москвы в 1941 году. Г. Горланов в стихотворении «На Малой Земле» упоминает куниковцев – морских пехотинцев, героически оборонявших плацдарм в районе Станички («Малая Земля») под командованием Цезаря Куникова. О подвиге бесстрашной девушки рассказывается в стихотворении В. Малязёва «Светлой памяти Зои Космодемьянской». В лирике широко представлена ономастическая лексика: топонимы (*Москва, Сталинград, Курск, Русса, Берлин, Мамаев курган* и др.), антропонимы (*Рокоссовский, Сталин*): *Что протезом скрипишь так грустно? / Али вспомнил бои под Руссой, / Когда встал ты со смертью вровень – / Не по снегу шёл, а по крови!* (Ф. Ракушин. *Дядюшка Прохор*); *И хоть хвастать с тобою / нам не по годам, / Но, как знамя, несут земляки / Первый бой, похвалу Рокоссовского нам: / «И упёртые ж вы, пензяки!»* (Е. Шилов. *Земляки*).

В ряде лирических произведений о войне используются топонимы, неизвестные широкому кругу читателей. Это названия небольших населённых пунктов, рек и других топонимических объектов. Включение их в стихотворения позволяет – в художественной форме – воссоздать малоизвестные эпизоды Великой Отечественной войны: *Над Протвою в излучке, / Войною опалён, / Худой и криворукий, / Стоит на взгорье клён. / Над ним – летает ворон, / Под ним – солдат лежит, / И прах в груди угора / Корнями весь прошит* (Ф. Ракушин. *На безымянной высоте*); *Отступили фрицы от высоты, / Скрылись за речушкой Краснотал. / Лейтенант в кровавой гимнастёрке / На руках у друга умирал* (Г. Горланов. *Баллада о комсомольском значке*).

На территории Пензенской области не было боевых действий, и наши земляки, не участвовавшие в сражениях, приближали День Победы в цехах заводов, на колхозных и совхозных полях. Эти факты нашли отражение в военной лирике пензенских поэтов, которые, испытывая чувство гордости за малую родину и за земляков, используют в своих произведениях топоним Пенза и его производные: *А суровой порой / Город встал тоже в строй, / Хотя был тыловым городишком, / И «катюши» – на фронт, / И снаряды – на фронт, / И на фронт за отцами / Мальчишки* (Л. Яшина. *Мы из Пензы*); *Он помнит страшные бои, / Он знает – это добровольцы / Вносили в фонд рубли свои / На «пензенского комсомольца»* (Л. Зефирова. *Танк на пьедестале*); *И врагу не тягаться бы с нами сейчас, / Когда Пенза впряглась за Москву* (Е. Шилов. *Земляки*). О знаменитой ракетно-зенитной установке, получившей неофициальное название «Катюша», упоминается в стихотворении А. Чудновского «Катюша». Автор с гордостью заявляет, что *«она была здесь, в Пензе, рождена»*.

В стихотворениях пензенских поэтов описываются переживания жён, детей, стариков, которые, находясь в тылу, с нетерпением ждали вестей с фронта от своих близких. В лирических произведениях передано горе тех, кто получил похоронку. Языковая особенность таких произведений заключается в использовании эмоционально-оценочной лексики: *скорбь разлуки, боль пережитой войны* (Н. Куленко. *Вдовья песня*); *тяжёлым бедам не было конца, напряжённый год, голод, тоска* (В. Агапов. *Свет памяти*) и др.

Тема тяжёлого военного детства также нашла отражение в творчестве пензенских поэтов: «Алёшка» (Н. Куленко); «Дым детства» (Н. Куленко); «Мы, дети войны» (В. Поляков); «Из детских воспоминаний» (С. Терентюк) и др.

Значительное место в творчестве пензенских поэтов занимает лирика, описывающая послевоенное время. В произведениях данной группы выделяются четыре основные темы. Во-первых, это тема негативного отношения к войне: *Победой Родины я горд, / Но, кровь и смерть войны*

итожга, / Я повторяю: всё же... всё же... / Будь проклят сорок первый год!(Г. Горланов.*Вечный пламень – Память*).

Во-вторых, тема сохранения мира на Земле; например, в стихотворении А. Чудновского«*Мальчишки*»: *Мальчишки играют в войну. / Играют они понарошку. / Не знают они про бомбёжку, / Проскорбных ночей тишину. / Не дай Бог им это узнать, / По знаку подняться в атаку, / А после рассыпаться прахом, / Травой придорожную стать.*

Третью группу составляют стихотворения о ветеранах Великой Отечественной войны: «*Ветеран*», «*Солдаты*» (Н. Куленко); «*Из рассказа фронтовика*» (В. Агапов); «*Последний бой ветерана*» (В. Малязёв) и др.

И, наконец, четвёртая тема, – это тема Памяти о погибших в годы войны, о «патриотах России», как называет их Г. Горланов в эпиграфе к поэме «*Вечный пламень – Память*»: *Тем, кто свято хранили / Славу русской земли, / Кто себя не щадили, / А страну сберегли; / Кто сегодня не скисли / О потерях скорбя, / Патриотам России / Эта песня моя!*

В. Стрельцов в стихотворении «*Отстреляли тяжёлые пушки...*» утверждает, что в народной памяти погибшие герои навсегда останутся живыми: *Много пролито слёз о погибших, / Много песен о подвигах спето, – / Вспоминают героев как живших / В то шальное июньское лето.*

В стихотворении «*Вечный огонь*» О. Савин перечисляет высеченные «на чугунных плитах иссинцев простые имена» – имена земляков, в память о которых «над притихшей Иссой полыхает Вечный пламень Вечного огня».

Усиление мотива Памяти происходит за счёт использования в лирических произведениях особых языковых средств – лексем *Память*, *бессмертный*, *бессменный*, *вечный*, *живой* и под.: *Пусть рыдает / оркестров / тяжёлая медь, / Ветераны, / отцы, / вы – бессмертны по праву: / И Победе сиять, / и Салютам греметь, / И грядущим певцам / петь вам / Вечную Славу* (Н. Куленко.*Солдаты*).

Отметим, что нередко лирические произведения пензенских поэтов о Великой Отечественной войне посвящены реальным людям: *Виктору Фёдоровичу Егорову, однополчанину, другу-десантнику* (В. Зайцев.*Обычная судьба: война, Победа, жизнь...*); *Павлу Дружинину, поэту и газетчику военных лет* (В. Поляков. *Про сорок третий год*); *Коле Куленко* (Г. Горланов. *Баллада о комсомольском значке*); *Нине Петровне Цыганковой* (В. Подольский. *Медсестра*); *В. Н. Звереву* (Г. Горланов. *На Малой Земле*); *В. Г. Курдову* (В. Агапов. *Из рассказа фронтовика*); Есть стихи-посвящения всем ветеранам Великой Отечественной войны (К. Сурская. «*Во славу тех великих майских дней...*») и др.

Обращают на себя внимание стихотворения, которые поэты посвятили родным и близким людям, что отражено в заголовках произведений. Например, «*Отец*» (М. Кириллов): *Прносятся годы, / Меняются даты, / А ты, мой отец, остаёшься солдатом. / Не просто солдатом с седой головой, / А ветераном второй мировой!*; «*Брат*» (Н. Куленко): *Брат ушёл тропой*

солдатской, / Навсегда исчез в дыму. / Под Черниговым он. / В братской. / Восемнадцать лет ему...

Таким образом, анализ лирических произведений пензенских поэтов о Великой Отечественной войне позволяет сделать вывод о многоплановости и многоаспектности их содержания, что находит отражение в выборе авторами языковых средств. Примечательно, что в военной лирике широко представлены события и факты, связанные с Пензенским регионом.

Функционирование междометий в современном интернет-дискурсе (на материале Рунета)

И. В. Сараева, А. О. Горбунова, студентки
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Междометия – особые слова, не имеющие лексических и грамматических значений, не изменяющиеся и не входящие в грамматическую структуру предложения – используются для выражения эмоций. Радость, удивление, возмущение, раздражение, злость, боль, отвращение, недоумение и другие чувства, эмоции, ощущения, душевные состояния могут быть выражены междометиями, но не названы ими.

Междометия принадлежат конкретному языку и конкретной культуре, требуют перевода при переходе с одного языка на другой и специального изучения при овладении иностранным языком. В лингвистике принято говорить, что междометия, в отличие от спонтанных выкриков, являются конвенциональными средствами, т. е. такими, которые человек должен знать заранее, если он хочет ими пользоваться [1]. Тем не менее междометия все-таки находятся на периферии собственно языковых знаков.

За последнее время появилось немало исследований, посвященных междометиям и звукоподражаниям, причём значительная их часть посвящена сопоставительному анализу междометий разных языков, в том числе английского и русского. Актуальность работы обусловлена необходимостью определения места и роли междометий в современном языке.

Объектом данного исследования являются междометия и звукоподражания русского и английского языков; предметом – лексико-семантические и грамматические характеристики междометий и звукоподражаний как единиц интернет-дискурса.

Работа предполагала комплексное рассмотрение семантических и стилистических аспектов междометий современного русского языка в сопоставлении с английскими, а также определение особенностей функционирования междометий в современном интернет-дискурсе.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

1) определение места междометий в системе частей речи;

- 2) классификация и систематизация междометий русского и английского языков;
- 3) определение особенностей перевода междометий;
- 4) выявление особенностей функционирования междометий в современном интернет-дискурсе.

Признав междометия своим объектом, лингвисты предлагают различать среди них те, которые «ближе к природе», т. е. относительно недалеко ушли от естественного взгласа, и те, которые «ближе к языку». [1, 45]

Следует разграничивать понятия «междометие» и «звукоподражание». Именно наличие значения отличает междометия от другого класса слов – звукоподражаний. Междометие – это звук, являющийся знаком некоторого внутреннего состояния произносящего его человека, т. е. междометия передают некоторое концептуальное содержание. Между тем означаемым звукоподражания является просто другой звук – произведенный предметом, человеком или животным. «Следует отличать имитацию от звукоподражания. Только при имитации ставится задача точного воспроизведения звуков природы» [2, 134].

Наиболее важным морфологическим средством звукоподражательных слов являются разного рода повторы: повторы чистые – ко-ко-ко (курица); шу-шу-шу(шорох); dingdingding(звон), повторы с изменением гласных или согласных звуков – пиф-паф(выстрел); ticktock(часы), повторы осложненные тра-та- та(пулемет), rat-tat-tat (барабан).

Давая образное представление о тоне, ритме, тембре, характере звукового проявления действия, звукоподражательные слова поясняются часто обычными словами речи.

Междометия по своему лексическому значению делятся на два основных разряда: 1) междометия, выражающие различные чувства (эмоциональные междометия), и 2) междометия, выражающие волю, приказ и т.д., т.е. повелительно-побудительные (*императивные* междометия).

Важно отметить многозначность большей части эмоциональных междометий. Так, многозначными являются русские междометия *А! О! Ох! У!* и английские *Oh! Ah!* и мн. др. Междометие *О!* может, например, выражать восхищение, изумление, испуг, удивление, негодование, насмешку. Английское междометие *ooh* выражает и боль, и удовольствие: «*Ooh! What a kick!*» или «*Ooh! What a deliciouscake!*» Большое число полифункциональных междометий свидетельствуют об эмоциональности, жизненности и спонтанности языка. Когда переполняют эмоции, говорящий не может думать, какое же междометие лучше использовать. Поэтому, очевидно, часто используются «универсальные» междометия (*oh, ah, well, wow* и другие). Т.е. можно констатировать значительное сходство междометий разных языков – кажется, их функция выражения эмоций должна быть универсальной для всех языков. Однако это сходство обманчиво. В обыденном общении часто

наблюдается неуместное, непонятное использование междометий представителями чужой культуры, приводящее к непониманию. Поэтому важно понимать, что междометия – это явление не всегда интернациональное.

Часто мы заимствуем междометия из английского языка, употребляем их в своей речи, не зная их точного перевода и значения. Например, междометие *ah* является не совсем точным эквивалентом русского междометия *ах* в значении удивления. В английском языке данное междометие также принимает несколько различных значений: выражение удовольствия, выражение понимания и выражение уступки. Наиболее освоенными (т.е. значение понятно русскому пользователю Интернета) являются английские междометия *wow!* (эмоциональное), *hush!* (побудительное) и *thanks, hello* (этикетные).

Роль междометий в устной коммуникации велика, так как они придают высказыванию национальный колорит, естественность и эмоциональность. Однако в связи с расширением пространства письменного общения – в виртуальном пространстве Интернета – значение междометий, являющихся языковыми единицами, с одной стороны, выражающими универсальные человеческие эмоции, с другой – ярко характеризующими определённую лингвокультуру, трудно переоценить. До сих пор, к сожалению, недостаточно оценена роль междометий как при переводе, так и при общении (неофициальном и официальном) представителей разных культур. Незнание междометий, правил их функционирования в иноязычной речи, может привести к прямому непониманию их носителями разных языков.

Как показало исследование, в ситуации неформального общения в социальных сетях Рунета междометия представлены очень широко. Это, вероятно обусловлено опосредованным характером коммуникации, когда без прямого контакта невозможно передать сиюминутные эмоции оценки, возникающие в качестве реакции на стимул – речевое сообщение. Одними из наиболее распространённых являются междометия, выражающие эмоциональные (*ха-ха, хо-хо, а-хах, ну-ну, мда, ага, ура*) и физические состояния (например, *бrrrrrrrrr...*).

Примером многозначного междометия выступает *мммм..*, с семантикой ‘занятно’, ‘надо подумать’, ‘понятно’ и др. в современных исследованиях интернет-дискурса отмечается, что значительную часть эмоций в интернет-коммуникации передают именно междометия, причём их распространённость (более 4% от общего количества слов) значительно выше, чем в обычной письменной речи (около 0,1%). Специального изучения требует психо- и социолингвистические аспекты функционирования междометий, в частности, способы установления их истинного значения (т.е. истинные намерения адресанта – отправителя сообщения).

Литература:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры, 1999.

2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986.

Эпитеты в рекламном тексте, адресованном женской аудитории

Е. Н. Сердобинцева, д.филол.н., профессор
Пензенский государственный университет

Эпитет – это троп, казалось бы, самый простой и часто встречающийся, не может вызывать затруднений в его понимании. Однако словари дают весьма аморфные определения этого лингвистического явления. Так Стилистический энциклопедический словарь русского языка преподносит эпитет как «слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство», добавляя, что эпитет «нередко бывает метафорическим» [1, 460]. Под метафорой в этом словаре «понимают слово или оборот речи, употребленные в переносном значении». Из этого следует, что эпитет – это определение, используемое не всегда в переносном значении.

В.П. Москвин [2, 897] представляет эпитет как «уточняющее определение, подчиненное задаче художественного изображения и эмоционально-образной интерпретации объекта». Подобные дефиниции слова «эпитет» не определяют, а лишь запутывают представление о данном явлении языка. И в первом и во втором определении есть ключевое слово «образ», лежащее в основе значения эпитета, которое предопределяет переносность значения в нем: передачу признака через образ другого предмета, например *свинцовые тучи*.

При переносе значения с одного предмета на другой обычно меняется стилистический фон семантики слова, оно приобретает эмоционально-оценочные коннотации. Именно эмоциональный фонд языка составляет основу выразительных средств, т.к. обращен к чувствам адресата речи, в которой они употребляются, являясь одним из главных воздействующих инструментов. Эта особенность активно используется в рекламном бизнесе.

Рассмотрим использование эпитетов в рекламных текстах, адресованных женщинам. Целевая аудитория женщин количественно преобладает над всеми другими адресатами рекламы в популярных, не специализированных СМИ. Среди «женской» рекламы наиболее многочисленны тексты с рекламой косметических средств. Это можно объяснить тем огромным разнообразием косметической продукции, которым насыщены рынки России в настоящее время.

Эпитет является одним из наиболее распространенных тропов в рекламных текстах женской аудитории [3, 83]. Он появляется во всех

структурных элементах текста. Наиболее эффективны эпитеты в заголовках. Именно здесь они привлекают наибольшее внимание аудитории и наиболее полно реализуют свою функцию: *Воздушная легкость шелка. Волнующий цвет* (Oriflame).

Провоцирующие, игровые заголовки, в которых нет информации об истинном объекте, вызывают любопытство у читателя и заставляют прочитать весь рекламный текст. Например, заголовок *Захватывающее путешествие* (Hermes). Ключевое слово *путешествие* останавливает на себе внимание читателя, т.к. совершенно не соотносится с понятиями косметики. А пока читатель разбирается с логическими основаниями, его сознание будоражит эпитет *захватывающее*. Забыв о логике, адресат читает весь текст в поисках удовольствия, которое принесет ему *захватывающее путешествие*. Другой пример: *Воздушная легкость шелка. Волнующий цвет*. Чтобы понять, о чем идет речь, надо прочитать дальнейший текст: *Новая помада «шелковый поцелуй»*.

Сила воздействия увеличивается, если эпитет сочетается с фигурой или входит в нее. Риторический вопрос, содержащий эпитет, обладает высокой степенью воздействия: *Можно создать великолепную кожу?* (Clinique); *Идеальный возраст?* (Givenchy). Не меньшей эффективностью обладает сочетание повелительного наклонения с эпитетом: *Наполните ресницы пышным, невесомым объемом* (Estee Lauder). Интересные образы лежат в основе данных эпитетов. «Великолепный» - это «1) а) отличающийся пышной красотой, роскошью убранства, отделки и т.п.; б) преисполненный красоты и величия; торжественный (о природе); в) производящий сильное впечатление своей внешностью. 2) а) разг. очень хороший, превосходный, отличный [4]. Создатели рекламного текста использовали, скорее всего, значение 1в или 2а. Разрыва семантических отношений в данном случае не наблюдается. Слово «пышный» – 1). Легкий, как бы взбитый. 2). Роскошный, великолепный [4]. Какое значение использовалось в сочетании «пышный и невесомый объем» не ясно. Если второе значение, то не понятно соотношение со словами «невесомый» и «объем». Если первое, тогда избыточным становится второй эпитет и возникает ассоциация со словом пена (мыльная или сливочная). Можно ли представить себе пену на ресницах?

В рекламных текстах часто создаются эпитеты, которые утрачивают связи с исходным предметом или не имеют их. Если в тексте «*Новинка Clinique — помада интенсивного цвета High Impact Lim Color SPF 15*» прилагательное *интенсивный* можно рассмотреть как «проявляющийся с большой силой», т.е. насыщенный, то в сочетании *роскошный цвет* прилагательное никак не соотносится с производным словом. Однако в конкретном тексте данное слово не призвано точно передавать признаки предмета, оно привлекает внимание, воздействует на чувства: *Роскошный цвет и увлажнение до 8 часов на Ваших губах*.

В основу рекламы женской косметики положено желание женщины нравиться мужчине. Поэтому здесь присутствуют эпитеты, связанные с кокетством, флиртом, влюбленностью, сексуальностью: *нежный, яркий, страстный, загадочный взгляд, очаровательная улыбка, выразительные глаза, соблазнительные переливы, неотразимые глаза, желанные оттенки* и т.п.

Тематическая классификация эпитетов в рекламе женской косметики может быть разделена на группы:

- обозначение чувств: *чувствую себя неотразимой; будь нежной, волосы мягкие и послушные; мягкая формула; нежная забота, соблазнительные переливы; желанные оттенки; бархатистая кожа; чувственный мир; соблазнительные сочные губы; пленяющие роковые тени;*

- обозначение красоты: *золотистая кожа; многогранное сияние волос; блистательная красота, жемчужная красота, неотразимые глаза, шоколадная глазурь, великолепная сияющая кожа, эффектный цвет, роскошный цвет, искрящийся оттенок, жемчужная пудра, актуальный шоколадный тон, эффектный взгляд;*

- обозначение чудес: *магическая сила молодости, фантастические ароматы;*

- обозначение избранности: *изысканный, уникальная серия, идеальное сочетание,, эксклюзивная формула, культовые цвета, безупречная стойкость, абсолютное совершенство, идеальный тон* и т.п.;

- обозначение ценности: *драгоценный оттенок, ослепительный бриллиант, ценные масла, бриллиантовый блеск* и т.п.

Составители рекламных текстов учитывают психологические особенности женской аудитории, поэтому эпитеты выбираются со значением чувственности, эмоциональности. Лексический материал представляет обобщенный портрет женщины, которая обращает особое внимание на свою внешность, красоту, хочет считать себя избранной.

Литература:

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка /Под ред. М.Н.Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003
2. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007
3. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов: учеб. пособие / Е.Н.Сердобинцева. – М.: Флинта: Наука, 2010.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000

Языковая личность Эльдара Рязанова (на материале поэзии)

А. А. Симонова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – доцент Л. Б.Гурьянова

В последнее время в лингвистике весьма актуальной стала проблема изучения языковой личности. Среди европейских ученых следует отметить труды В.Гумбольдта, И.А.Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра, Э.Сепира, которые занимались рассмотрением социальной природы языка, соотношения языка и речи, языка индивида и коллектива. В отечественном языкознании этот термин впервые появился в трудах В.В.Виноградова. На современном этапе разработкой модели языковой личности занимаются такие ученые как Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, С.Г. Воркачев. Понятие «языковая личность» на современном этапе не является точно определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью данной проблемы. В языковой личности соединяются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

Ю.Н.Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» представляет языковую личность как *homo loquens*, как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью»[1, 3-8]. Ученый приводит следующую трехуровневую структуру языковой личности, которая включает в себя:

- вербально-семантический уровень, или лексикон личности;
- лингво-когнитивный уровень, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;
- мотивационный уровень, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей[1, 238].

Цель нашего доклада – проанализировать лексикон конкретной личности, то есть набор слов и словосочетаний, которыми она пользуется в естественной вербальной коммуникации. Нас интересует не только вычленение слов и словосочетаний из контекста, но и умение индивидуума правильно использовать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации и вариативности, функционально-стилистической ценности.

В центре нашего внимания оказалась личность Э.А. Рязанова, известного российского кинорежиссера, сценариста и писателя, драматурга и телеведущего. Но мало кто знает, что он увлекается поэзией, и эта страсть

выразилась в поэтические сборники: «У природы нет плохой погоды», «Не множу я число друзей», «Музыка жизни», «Уходящая натура», «Толстый и тонкая» (аналогия с рассказом А.П.Чехова), «Боткинская осень» (аналогия с Болдинской осенью), «Стих-состояние души». Э.Рязанов вспоминает об этом так: «Потом изредка (очень редко!) меня посещало эдакое странное состояние души, в результате чего возникали небольшие стихотворения. Как правило, грустные. Даже горькие. Я объяснял это тем, что веселые, жизнерадостные силы я трачу в комедиях, а печаль тоже требует своего выражения, своего выхода»[3, 6]. Многие его стихи мы знаем наизусть как песни к фильмам «Служебный роман», «Вокзал для двоих», «Привет, дуралеи!», «Жестокий романс». О причинах увлечения поэзией Э.Рязанов писал: «Исповедальность – то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины – наверное, суть поэзии...Если Читателю покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства природы я тратил на создание комедий...если же Читателю покажется, что книжка местами носит личный, интимный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды были отданы мной кинематографу...»[3, 7]

Известно, что «языковые единицы различных уровней, особенно лексические, способны обладать оттенками, выходящими за пределы основного семантического значения, к тому же эти единицы неравнозначны по своей стилистической природе»[2, 27]. Анализируя лексикон Э.А. Рязанова, мы выделили следующие группы слов: стилистически нейтральные и стилистически окрашенные (разговорные слова, книжные слова, просторечия, бранные слова и т.д.).

В первую очередь стоит отметить преобладание в речи Э.Рязанова **стилистически нейтральных средств**, то есть языковых единиц, используемых в различных сферах и условиях общения, не привносящих в высказывание особого стилистического признака, т.е. слов общеупотребительных. Среди стилистически нейтральных слов выделяется лексика конкретная и отвлеченная:

1) *По кухне, где колдуешь ты, гуляет запах угощения. Бутылки жаждут пустоты, закуски ждут уничтоженья!*

2) *Чтобы снес я, что трудно снести... Я прошу у тебя подношенья. Ты подай мне, зима, ты подай Тишину и печаль состраданья.* В данную группу так же вошли слова *небо, осень, дорога, зима, зонт, календарь; бескорыстье, благодать, боль, вина, душа, колдовство, отрешенность, прозренье, прощенье.*

Владея литературным языком, Э.Рязанов вводит в свой лексикон не только общеупотребительные слова, но и слова **ограниченной сферы употребления**. Использование им лексики ограниченного употребления

(просторечия, бранных и разговорных слов) передает некоторые психологические особенности личности автора – импульсивность, раздражительность, в некоторых случаях агрессивность. Э.Рязанов преследовал цель показать свой неповторимый стиль и манеру общения.

Достаточно часто он использует разговорную лексику.

1) *Зряшной жизни я хочу попробовать, с пустяками **быть накоротке.***

2) ***Мот, кутила, листопад, ты - транжера, расточитель, разбазарил, что имел.***

К этой группе слов относятся: *безнадега, болтовня, дебои, забияка, завсегда, напраслина, оупелость, охнуть, прохиндеи, промотать.*

Вводя просторечные слова, Э.Рязанов старался приблизить язык стихотворений как можно ближе к народному, разговорному. Именно поэтому он использует следующие слова : *дряццо, коняга, куролесить, маета, морда, мурыжить, потрафил(то есть угодил), трепач, холодрыга, шпарить.*

1) *И в районном ГАИ Александра Второго меня долго **мурыжил милиционер.***

2) *Земля не фразы требует, а плуга. Как ей осточертели **трепачи!***

Бранные слова представляют небольшую группу. Они передают эмоциональное состояние поэта: *хам, хамский, послать к чертям, хочется послать, не надо мать поминать.*

1) *Издавая **хамский** посвист, скорый ветер отбыл в гости...*

2) *Если вы устали жить и страдать и вам **хочется кого-то послать** —сохраните свою гордость и стать...И зазря **не надо мать поминать.***

Помимо всего вышесказанного в речи Э.Рязанова особое место занимает профессиональная лексика, то есть слова, относящиеся к кинематографу: *кинопанорама, съемка, стиль, сценарий, телевизор, кинофильм, кино, режиссеры, экран, кинокартины, кадр. Чтоб подзаработать хоть немного, я в **массовку** как-то заскочил.*

*И застрял! Вот так **кинематограф** жизнь мою обжег и погубил.*

Среди них авторский неологизм *кинохолуи (На меня орал режиссеры, материли **кинохолуи**).*

Таким образом, создав собственную картину мира, Э.Рязанов выступает как личность многосторонняя и многогранная с точки зрения употребления в лексиконе языковых средств разных уровней. Безусловно, можно говорить о личности мыслящей и свободно говорящей на родном языке.

Л.Филатов охарактеризовал поэзию Э.Рязанова так: *«Стихи Рязанова долгое время существовали как бы на обочине главной магистрали его творчества-режиссуры. Поначалу он даже пытался подписывать их псевдонимами. Песни на стихи Э.Рязанова теперь знает вся страна. И в*

этих стихах он тоже выражен сполна: и мягкий, и добрый, и ранимый, и простодушный, и философичный...»[3, 345]

Литература:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.-264 с.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учеб.пособие для студентов фак. рус.яз. и литературы пед. ин-тов. М., «Просвещение», 1977. - 223 с.
3. Рязанов Э.А. Любовь - весенняя страна.- М.: Эксмо, 2013.-352 с.

Сравнение как способ передачи цвета в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»

К. В. Сморгочкова, аспирант

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор С. В. Кезина

Система колоративов – особый пласт лексики художественного произведения, которая может служить ключом к раскрытию особенностей авторского миропонимания и, как следствие, стиля писателя. Произведения русской классики предоставляют достаточный материал для исследования данной системы. Наш научный интерес сосредоточен вокруг лексики цвета в прозе М.Ю. Лермонтова, в частности первого его прозаического опыта – романа «Вадим» (1834). Он является точкой пересечения двух литературных направлений, в русле которых работал писатель, – романтизма и реализма. В связи с этим произведение имеет ряд особенностей, так как запечатлело переход автора в другую систему миропонимания.

Одной из ярких особенностей романа является система способов передачи цвета. Всего в тексте произведения использовано около 200 цветообозначений, употреблённых около 600 раз. Они передают цвет несколькими способами, которые делятся на две крупные категории: традиционные и специфические. К первой группе относятся те, что зафиксированы в языке как цветовые обозначения (*багровый, багряный, белый, красный, серый, седой, чёрный и др.*). Вторую группу образуют лексемы, которые можно отнести к системе колоративов по ассоциативному признаку. Она вызывает спорные вопросы, которые разрешаются путём обращения к толкованию их лексического значения, зафиксированного в лингвистических словарях, а также с учётом контекста. Среди колоративов этой группы можно назвать следующие (*болото, брачное покрывало, вино, грязь, день, луч, месяц, ночь, тина и др.*).

Второй принцип, по которому можно классифицировать способы передачи цвета в романе «Вадим», – частеречная принадлежность. Для

лексической системы данного произведения характерным является использование имён прилагательных (70 ЦО), имён существительных (50 ЦО), глаголов (34 ЦО), наречий (4 ЦО). Особую группу составляют колоративы, выраженные причастными (22 ЦО) и деепричастными (4 ЦО) формами, так как они иллюстрируют переходные процессы (изменение состояния природы, изменения в портретных характеристиках героев как показателей изменений их внутреннего состояния).

Кроме того, выделяется принцип передачи цвета по способу её осуществления: описание, использование модификаторов, входящих в состав самих лексем, употребление уточняющих слов и оборотов, сравнений, а также употребление лексики цвета в ряду изобразительно-выразительных средств.

Особого внимания заслуживает способ передачи цвета через сравнение. Он представлен наиболее богато после традиционного и (в данном тексте) самым распространённым. В романе этот способ использован около 60 раз. Сравнение (лат. *comparatio*) как термин поэтики выражается в сочетании слов, где «один предмет уподобляется другому» [3, 236]. «Сравнение часто рассматривается как особая синтаксическая форма выражения метафоры, когда последняя соединяется с выражаемым ею предметом посредством грамматической связки «как», «будто», «словно», «точно» и т.п., причём в русском языке эти союзы могут быть опущены, а подлежащее сравнению выражено творительным падежом» [4, 135]. Однако это определение не исчерпывает всей природы сравнения. Подтверждением тому являются компаративные сочетания в тексте романа «Вадим».

Конструкции с компаративной семантикой изучались в отечественной и зарубежной лингвистике. Н.Д. Арутюнова пишет, что «для сравнения характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление» [1, 353]: «два мягкие шара, *белые* и *хладные, как снег*»; «можно различить небольшой родник, но чрезвычайно быстро катящийся, покрывающийся по временам пеною, которая *белее* пуха лебяжьего останавливается клубами у берегов»; «широкий лоб его был *жёлт, как лоб ученого, мрачен, как облако, покрывающее солнце в день бури*»;

Данная конструкция богато представлена в романе. Большой пласт составляют компаративы, которые выражены сравнительным оборотом с союзами «как», «словно», «будто», «подобно»: «...его [Палицына] *седая* голова, неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти...» [2, 8]; «*зарница, как алмаз*, отделялась на синем своде» [2, 43]; «тот вечер неизгладимо остался в его памяти, со всеми своими *красками земными и небесными, как пестрый мотылек, утонувший в янтаре*» [2, 48]; «*Позолоченный* оклад, искусно выделанный, сиял как жар» [2, 52]; «и холмы

начинали озаряться сквозь *белый* туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь брачное покрывало» [2, 86]; «это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, *блеснула, как алмаз*, и упала» [2, 53]).

Сравнение может быть выражено формой творительного падежа. В романе представлено всего несколько фрагментов с подобной конструкцией. Яркий пример такого образования встречается в портрете главного героя: «его глаза *заблестали* мрачным пламенем» [2, 102]. В данном случае колоратив выражен глаголом. То, что блеск глаз сравнивается с пламенем, говорит о стремлении автора усилить эмоциональный эффект и сосредоточить внимание автора на том мистическом свете, который исходит от Вадима. Рассмотрим другой пример: «Тут ковш ещё раз пропутешествовал по рукам и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица *разгорелись* кровавым заревом» [2, 101]. В данном случае речь идёт о сравнении того, как краснеют лица бунтующих, с тем, как красными красками озаряется вечернее небо перед грозой (летом) или в сильный мороз (зимой). Таким образом, изменение состояния персонажей сравнивается с природными явлениями, предвещающими серьезные изменения. Это своеобразный прогноз природной катастрофы. Сравнение передаётся через форму творительного падежа, с помощью которой автор в сжатом виде обрисовывает картину. Кроме того, Лермонтов подчёркивает психологический подтекст. Подобная конструкция работает на реализацию поставленной автором задачи.

В романе встречаются компаративные конструкции с опущенным союзом *как*. Это так называемые обороты, построенные на метафоре. В них подразумевается употребление союза. Метафора является свёрнутым сравнением, где, в отличие от собственно сравнительной конструкции, слова «как», «словно», «как будто» и т.д. отсутствуют, но они предполагаются. Н.Д. Арутюнова пишет, что «отсутствие этой компаративной связки часто считается основным приёмом создания метафоры» [1, 353]. В данном случае объект сравнения входит в состав сказуемого. Рассмотрим фрагмент: «Этот взор был остановившаяся *молния*» [2, 9]. Лексема *молния* не относится к общепринятым колоративам, однако мы можем говорить о передаче цвета с её помощью, так как речь идёт о том, каким светом озаряются глаза героя, находящегося в возбуждённом состоянии. Скрытое сравнение блеска глаз с молнией даёт представление о психологическом состоянии героя.

«Когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две *искры* света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда» [2, 11]. В данном фрагменте Лермонтов также не использует сравнительный оборот в классическом виде, однако читатель обращает внимание на созданный образ, представляя горящие глаза. Такое скрытое сравнение передаёт душевное состояние героини и является подтверждением идеи о том, что глаза – зеркало души, так как они отражают её состояние.

В романа «Вадим» М.Ю. Лермонтов использует метафорические эпитеты-цветообозначения: « ... родник, <...> покрывающийся по временам пеною, которая <...> исчезает в камнях и рассыпается об них радужными брызгами». *Радужные брызги* – «сверкающие, переливающиеся всеми цветами радуги, как радуга». С помощью одной колоративной детали создаётся богатый художественный образ. Другим примером метафорического эпитета является следующий: «Можно было тотчас заметить, что с давних пор ни одна *алмазная* слеза не прокатилась под этими *атласными* веками» [2, 81]. В данном случае речь о слезе, прозрачной, как алмаз, и о веках, гладких и блестящих, как атлас.

Таким образом, сравнение является эффективным и довольно распространённым способом передачи цвета в романе Лермонтова «Вадим». Писатель использует такой приём передачи цвета для наиболее полного раскрытия центральной идеи и создания яркой образной системы произведения.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I – XV, 896с.
2. Лермонтов М.Ю. Вадим // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 4. Проза. Письма. – Л., 1981. – С. 7–109.
3. Сравнение // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С–Я. – С. 236.
4. Туровский В.В. «Как, похож, напоминать, творительный сравнения: толкование для группы квазисинонимов» // Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – С. 130 – 145.

Паравербальные средства коммуникации как компонент названия

И. О. Соколова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Паравербальные средства (интонация, мимика, жестика и т.п.) традиционно рассматривались лингвистической наукой как неязыковые компоненты коммуникации, несущие дополнительную информацию к устному речевому сообщению.

В связи с тем, что, во-первых, значение письменной формы коммуникации, обусловленное процессами глобализации, развитием Интернета и социальных сетей, возрастает в современном мире, во-вторых – борьба за рынок товаров и услуг диктует необходимость поиска новых форм

привлечения потребителей, возникла острая необходимость передачи дополнительной информации и в письменной речи. Именно поэтому сегодня мы можем констатировать появление и активное функционирование в письменной коммуникации целого ряда средств и способов передачи дополнительной информации оценочного характера – паравербальных графических средств, компонентов неязыкового характера, заменяющих и сопровождающих буквенные обозначения.

Предметом исследования послужили паравербальные графические средства, используемые в названиях. Материалом исследования послужили языковые единицы – лексические номинации, содержащие инфографику паравербальных графических средств коммуникации.

Целью работы – определение особенностей современных паравербальных графических средств в современных названиях – предполагала реализацию следующих задач: 1) выяснить причины и цели внедрения и распространения явления; 2) классифицировать типичные способы замены языковых средств неязыковыми; 3) выяснить, какие буквы, слоги и слова чаще всего подвергаются таким модификациям.

В ходе работы были использованы такие методы, как сбор информации, изучение источников (рекламных объявлений, вывесок, проспектов, буклетов, эмблем), сопоставление фактов (сравнение рекламы различной продукции), анализ, изучение мнений и взглядов на рассматриваемую тенденцию.

Анализ примеров использования паравербальных графических средств в названиях позволил сделать выводы о способах их внедрения и продиктовал необходимость рассмотреть данное явление в разных аспектах.

Структурный аспект предполагает рассмотрение особенностей внедрения паравербальных средств в структуру названия: замену буквы, слога, слова, т.е. тех графических единиц, которые максимально по форме напоминают те или иные явления действительности.

Как показало исследование, замена буквы «О» является наиболее распространенным способом структурной замены. Данный факт объясняется простотой модификации буквы «О» и тем, что в психологии круг несет ряд положительных коннотаций, связанных с комфортом, единством личного и общего, гармонией с окружающим миром [1]. Прием используется в названиях компаний различных сфер бизнеса, при этом осуществляется замена данной буквы на картинку, отражающую суть деятельности компании, либо на ее эмблему (апельсин в названии кафе «*Orange*»; солнце в названии соляриев («*Солярис*», «*Загорай*», «*Солнце*»); компании «*Добрые окна*» и туристического агентства «*Курорт CLUB*». Последнее интересно еще и тем, что слова в названии написаны при помощи разных алфавитов. Первое – кириллицей, второе – латиницей; глобус в названии сети магазинов одежды «*Ценопад*»).

Широкое распространение и успешное использование замены буквы «О» привело к распространению явления и на другие компоненты русского алфавита. Замена подвергается и другие буквы русского алфавита: «А» и «Д» в названии мебельной компании «*Цвет диванов*»; «Б» и «Л» в названии парикмахерской «*Бьюлин*» и «Л» в парикмахерской «*Юлия*» (по сфере деятельности); «В» в названии ресторана «*Ваниль*» (буква заменена на латинский вариант «V», что не является способом создания визуального либо ассоциативного ряда, а лишь «засоряет» русскую речь и в некоторой степени усложняет понимание).

Типичные замены слогов сконцентрированы вокруг слогов «про» (на латинский вариант: «Pro жизнь» - ток-шоу на телеканале ТВ Центр, «Pro чипсы») и «сто» (на цифровой: «PRO100» - пластиковые карты Сбербанка России; «*Chu100*» – компания по производству чистящих средств; «*Pro100 бар*» – развлекательный центр в Москве). Данный способ находится на периферии изучаемого нами явления. Кроме того, данные слоги лежат в основе приемов замены слова и совмещения замен («Pro100» - компьютерная программа для создания интерьеров и проектировки мебели). Намеренная концентрация внимания аудитории на слоге «про» за счет использования приема замены несет психологический контекст зомбирования, направления мысли потребителя на то, что процесс либо прост сам по себе, либо значительно упрощает жизнь. Использование такого приема в рекламной номинации банковских карт и кредитных систем является опасным и неуместным, поскольку изначально несет оттенок обмана – денежные операции намеренно упрощаются, что привлечет клиентов, однако они могут быть серьезно разочарованы, когда очнутся от рекламного «зомбирования» простотой.

По способу осуществления:

1) замена - буквенный способ (из других графических систем: «*ProСТО*» – станции техобслуживания автомобилей), небуквенные способы: цифры (рок-группа «*In2ition*»), изображения (ребенок в названии магазина детских товаров «*Я родился*»);

2) вписывание (эмблема в названии продукции компании «*Молком*»);

3) совмещение («*Pro100*» - компьютерная программа для создания интерьеров).

Следует отметить, что все рассматриваемые паравербальные средства тесно связаны между собой, а так же перекликаются с психолингвистическими аспектами влияния на потенциальных покупателей, можно говорить об экстралингвистической манипуляции аудиторией за счет давления на положительные ассоциации, аналогии, стереотипы, предрассудки.

Немаловажным фактором является и то, что различные способы замен используются в рекламных номинациях почти всех сфер торговли, что влечет за собой классификацию замен с точки зрения наиболее распространенных

изображаемых картинок и символов. Среди них продукты питания (блины в названии кафе быстрого питания «*То блин, то пирог*»), изображения людей и животных (зоомагазин «*Кот и пес*»), Солнце (в названии соляриев («*Солярис*», «*Загорай*», «*Солнце*»), компании «*Добрые окна*» и туристического агентства «*Курорт CLUB*»), предметы государственной атрибутики (сердцевина японского флага в названиях компаний по продаже суши, запчастей для японских автомобилей: «*Япоша*», «*Японка*»), инструменты обслуживания (ножницы в названии парикмахерской «*Юлия*»).

Как правило, в основе приема лежит закреплённая ассоциация со сферой предоставления той или иной услуги или использования товара. Элементы государственной символики также отражают закреплённый в социальных и экономических предрассудках процент надёжности товара.

С точки зрения эффективности данная реклама соответствует требованиям заказчика, поскольку при минимуме затраченных ресурсов (на вывеске или баннере изображено только название) она даёт максимум информации за счёт использования приемов визуализации (картинка сразу вписана в название), аналогии (способствует лучшему запоминанию бренда), ассоциации (вызывает эмоционально-чувственную оценку, основанную на прежнем опыте и четко закреплённых в мозге человека положительных ассоциаций по отношению к тому или другому изображенному предмету, которые переносятся на рекламируемый товар). Однако по причине большой распространённости данных методов номинации товаров и услуг взгляд потенциального потребителя уже не всегда «цепляется» за трансформируемые названия.

Кроме того, не следует забывать об опасности чрезмерного употребления подобных замен, поскольку это может привести к развитию тенденции разрушения русского языка и русского алфавита. Непосредственное внедрение чужих символов в исконные слова грозит обернуться порчей грамматики, разрушением русского слова как такового – его внешней и внутренней формы. К сожалению, в кириллические устоявшиеся графемы систематически внедряются латинские и иные графические символы, то это ведёт не к обогащению языка, а к нарушению его функционирования, к размыванию веками устанавливавшихся норм [3].

Таким образом, замена языковых средств неязыковыми в современной русской рекламе и номинации связана, в первую очередь, с попыткой привлечь внимание покупателя, скрыто (манипулятивно) повлиять на его выбор. Широкое распространение данного явления позволяет не только составить перечень типичных средств паравербалики и способов её использования, но и увидеть проблемы, которые возникают в том случае, когда не учитывается их коммуникативный потенциал. Наблюдения над функционированием паравербальных средств в названиях приводят к выводу о необходимости их строгого отбора с учётом потенциальной

эффективности, соблюдение норм этики, русской грамматики и ассоциативных связей.

Литература:

1. Википедия, свободная Интернет-энциклопедия.
URL: <http://ru.wikipedia.org>
2. Из рук в руки. – 2010-2013.
3. Казначеев С.М. До свидания, алфавит? // Литературная газета. – 2008.

Индивидуально-авторский стиль очерков Татьяны Тэсс

Т. В. Стрыгина, к.пед.н., доцент, *Т. Д. Михайлова*, студентка
Пензенский государственный университет

Процесс становления журналиста сопровождается формированием индивидуально-авторского стиля, который становится отличительной особенностью автора материалов. Изучение теории вопроса (работы Н. С. Валгиной [1], М. Н. Ким [2], А. А. Тертычного [3] и других учёных) позволило сделать вывод, что публицистический образ автора проявляется в особой манере письма, в методах подачи информации, в особенностях авторского мировосприятия, наконец, в выбираемой журналистом роли. Поэтому основными критериями индивидуально-авторского стиля являются фоновые знания, которыми оперирует автор, степень выраженности авторской оценки, образ автора, образы-символы в тексте, оригинальность художественного слова, сюжетно-композиционное построение журналистского произведения. В очерках Татьяны Тэсс [4] наблюдаем синтез разных методов описания социальных условий, литературных форм, исследовательских подходов к изучению человека.

Владение большим количеством фоновых знаний (жизнь общества, тенденции культуры) позволяет Татьяне Тэсс делать материалы насыщенными, многогранными. Авторскую позицию раскрывают следующие средства: автор –герой повествования, подача оценок от первого лица, использование вводных конструкций, обозначение авторской мировоззренческой позиции, нравственных представлений. Татьяна Тэсс пользуется приёмом сопоставления, она сравнивает собственные ощущения и мнение героя: *Для меня эти люди принадлежали прошлому, казались сошедшими со страниц истории искусств. Для Щепкиной-Куперник это были живые страницы её собственной жизни. Как же вы выдерживали такое напряжение?* («Тверской бульвар, 11»).

Образ автора в текстах Татьяны Тэсс размышляющий. Журналист настраивает читателя на быстрое усвоение информации, автор воспринимается как человек, стремящийся словом достичь самых глубин души читателя. Излюбленный приём публициста – деталь, из синтаксических

приёмов – ряды однородных членов предложения. Понятна позиция автора по отношению к другим персонажам, описываются собственные чувства и эмоции наряду с состоянием героев.

Т. Тэсс использует яркие средства художественной выразительности: эпитеты (*пустынный морской берег*), авторские сравнения (*По велению нашей памяти встают, не померкнув, прошедшие годы: выстраиваются, подобно приведённому в готовность войску*), метафоры (*не дав раздышаться, созреть, наполнить душу*), олицетворение (*Квартира пленяла непринужденным, вольным своеобразием, озорством, особой многослойной атмосферой, как бы озарённой изнутри светом удивительной личности её владельца*), анафору (*Сколько раз я проезжала в поезде мимо Малаховки, сколько раз бродила по её пыльным, пахнущим сосной тропинкам, мимо зеленых палисадников, за которыми теснились деревянные дачи, слышались удары волейбольного мяча, говор, смех ребёнка, музыка, несущаяся из запущенных на полную мощность транзисторных приемников. Но где находится Малаховский театр, я не знала, и историю его, к стыду своему, представляла довольно смутно*); умолчание (*Всё было удивительным в этом лице «без маски» - мягкость, задумчивость, изящество...; До конца войны было ох как далеко...*).

Использование однородных членов предложения позволяет показать мир вокруг героя материала в полном объёме, даёт возможность воспринять разные стороны окружающей действительности: *Она испытывает жалость ко всему живому и беззащитному, что существует в окружающей природе: жалеет птиц, жуков, городских голубей, бездомных собак, брошенных кошек, лесных белок, оставшихся без корма, - словом всех, кому, по её мнению, она могла бы помочь («Вы тоже её знаете»)*. Наглядность пейзажа (*Весёлая, свежая, с затейливыми башенками, дача так приветливо светлела между густым малахитом листвы, что казалась мирным островком, защищённым от всех бед*), художественные детали (*Получив перевод, она, держа в руке пачку денег, вышла на улицу, - и вдруг сильный порыв ветра, подувшего с моря, вырвал деньги из её пальцев*), портретные описания (*Огромные, вопрошающие глаза, взглядывающиеся в мир, тот же подвижный высокий лоб, та же неожиданно застенчивая улыбка...*) отличают очерки автора. Деньги, лёгкое отношение к ним у Фаины Раневской – главная детальная характеристика, на которую автор обращает внимание, говоря об актрисе. Эта деталь сквозит и через описание псевдонима Раневской. Главная же необходимость и потребность, усваиваем мы вслед за словами Татьяны Тэсс, – неустанный труд души. Тексты Татьяны Тэсс полны афоризмов: *Где-то я прочла, что композитор Густав Малер на вопрос, как он пишет музыку, ответил, что музыка возникает примерно так же, как делается труба: берут дыру и обвивают ее певучей, звенящей медью...*

Сюжетно-композиционное построение обусловлено замыслом. У Т. Тэсс преобладает эссеистская, свободная форма изложения, основанная на

сложных ассоциативных связях и образных обобщениях. Эта форма позволяет журналистке обращаться к событиям, которые связаны с происходящим в стране. Например, в очерке «Встречи с Эйзенштейном» Тэсс пишет о том, как вместе с Фаиной Раневской встретила войну.

Таким образом, стиль Татьяны Тэсс является индивидуально-авторским. Повествование ведётся с учётом позиции героя, человека, непосредственно участвовавшего в каких-либо событиях или лично столкнувшегося с определённой проблемой. Материалы журналиста затрагивают социально важные вопросы, отражают значимые общественные явления.

Литература:

1. Валгина Н. С. Теория текста. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm>
2. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text/71.htm>
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm>
4. Тэсс Т. Н. Друзья моей души. – М.: Известия, 1985. – 272 с.

Топонимика моего села

А. В. Стуклов, учащийся
Научн. рук. – В.И. Кузнецов,
учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ с. Оленевка
Пензенского района Пензенской области

Москва, Пенза, Нижний Новгород. Названия этих городов известны всем. Но это только малая часть существующих топонимов. Свои имена имеют и очень мелкие объекты: леса, луга, поля, болота, холмы и ямы, овраги, части сёл и деревень. Такие названия, как правило, не зафиксированы в географических справочниках и редко встречаются в письменных документах, их хорошо знают лишь местные жители. В каждом селе можно записать, обычно, десятки таких названий. Все названия имеют свой смысл.

Топонимы важны еще и потому, что они могут рассказать нам много интересного о жизни наших предков. Я задался вопросом: «А что стоит за названием села Оленевка и её окрестностей, т.е. топонимами, ставшими для меня родными в связи переездом на жительство в это село?»

Цель исследовательской работы:

Собрать и изучить топонимы окрестностей села Оленевка, историю их происхождения и значение.

Задачи:

1. Изучить теоретические основы науки топонимики.
2. Изучить историю села, используя архивные, исторические и иные источники информации.
3. Систематизировать топонимы в виде «Краткого топонимического словаря села Оленевка».
4. Провести социологический опрос среди учащихся по выявлению знаний по данной теме.

Топонимика (от греч. (topos) — место. (ὄνομα) — имя) — наука, изучающая географические названия, их происхождение, развитие, написание и произношение.

Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке трёх областей знаний: географии, краеведения и лингвистики.

Названия многих объектов, возникших давно, потеряли своё значение в жизни людей, современному человеку в его технический век они не нужны. Они уходят. Их помнят только пожилые люди, и, возможно, через десять - двадцать лет этот бесценный материал будет безвозвратно утерян, если его вовремя не зафиксировать. Чтобы этого не случилось, их надо записать и оставить нашим детям и внукам. Это могут делать не только специалисты. Вот я решил под руководством учителя Кузнецова Владимира Ивановича это сделать.

Использовался метод опроса, были приготовлены опросные листы. Обратились к 10 старожилам села в возрасте от 60 до 80 лет с просьбой вспомнить названия местностей села и их происхождение. Люди охотно рассказывали значения местных названий.

Было собрано более пятидесяти (55) топонима. В Интернете нашел литературу по теме, проанализировал собранный материал, провёл классификацию по способам словообразования топонимов.

Топонимы нашего села в основном образованы по следующим принципам:

По типу растительности – например: Дубки - часть леса.

По признакам местности – например: холм Лысая Гора.

По названиям животных и птиц – Лебединое озеро, Змеиная поляна.

По именам, фамилиям или прозвищам - деревня Никольевка-основательдеревни Николай, Николка Карпов; Село Оленевка – по имениоснователя Ивана Борисовича Оленина.

ул. Селивановская, Селивановка-улица в нижней части села Оленевка. Получила своё название от фамилии помещиков Селивановых.

Классификация топонимов села Оленевка по их происхождению:

1) Этнические: по названиям народов /таких у нас нет/

2) Ландшафтные: отображены особенности, признаки окружающего рельефа, водных бассейнов, характер растительности. (Шихан, Малинник, Каменное поле, Гора, Дубки, Ближний угол, Большая поляна).

3) Мемориальные: обычай называть именами основателей, первых поселенцев, владельцев земельных участков, домов восходит к глубокой старине. Таких больше. (Селивановка, Барский сад, Дектярёвка, Антоново, Ермошкин пруд, Егоров колодец).

4) Социально - исторические: названия связаны с характером производства, деятельности (Пилорама, Питомник, Старая кузница).

Способы словообразования топонимических названий села Оленевка:

1. Большинство топонимов представляют собой словосочетания со связью согласование: Барский сад, Большая поляна, Святой родник, Ермошкин пруд и другие.

2. Суффиксальный: Дворики, Малинник, Овражки, Торфяник и другие.

3. Сложение: Маслозаводской, Пилорама.

4. Аббревиатура: МТС.

В ходе изучения данной темы меня также заинтересовал вопрос, а что знают ученики нашей школы о топонимике вообще и о местных топонимах в частности.

Я решил провести социологический опрос. Мною были предложены 5 вопросов:

1. Знаете ли вы, что означает топонимика, топонимы?

2. Знаете ли вы, что означает название нашего села – Оленевка?

3. Знаете ли вы название улицы, на которой вы живете и что это название означает?

4. Знаете ли вы названия рек, оврагов, которые находятся на территории нашего села и почему они так названы?

5. Нужно ли знать топонимы (т.е. названия улиц, озер, рек, деревень и т.д.) своего родного края и почему?

Мною было опрошено 50 человек, учащихся 5-11 классов. В результате выяснилось, что многим ученикам не знакомы такие понятия, как топонимика и топонимы.

Часть местных географических названий они знают, НО их значение, смысл - большинство опрошенных объяснить не могут.

Все учащиеся считают необходимым знать названия объектов своей местности. Причины, которые наиболее часто встречались в ответах:

-Чтобы лучше знать свой край, свою малую родину;

-Чтобы не заблудиться;

-Чтобы быть образованным;

-Это интересно.

В своей работе я рассмотрел различные вопросы: о происхождении и словообразовании топонимов нашей территории, территории села Оленевка. Не все топонимы удалось перевести и объяснить их значение, т.к. старожилы села уже не помнят происхождения некоторых названий местности села.

Цель работы достигнута – составлен Словарь топонимов села Оленевка и его окрестностей. Конечно, на абсолютную полноту он не претендует.

В будущем я продолжу работу по изучению топонимов родного края, в планах создание Топонимического словаря сёл Пензенского района.

Литература:

1. Гошуляк В.В. История Пензенского края. Книги I и II. – Пенза, 1995, 1996.

2. Данилина Е.Ф. Из наблюдений над гидронимией Пензенской области. / Топонимика Центральной России. – М., 1974.

3. Полубояров М.С. Пензенская гидронимия и некоторые этнические вопросы древнейшей истории Верхнего Посурья и Примокшанья. Доклад на II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. / Историческое краеведение. – М., 1993, с.14–23.

4. Районная газета «Сурские просторы», статья Кузнецова В.И. « По страницам истории села Оленевка», сентябрь, 2008 г.

5. Рассказы, воспоминания жителей села Оленевка:

Абрамова Валентина Валентиновна, 1950 г.р.

Агнеин Егор Алексеевич (1917- 2012г.г.)

Васильев Валентин Григорьевич (1923- 2012г.г.)

Дровешина Валентина Александровна, 1952 г.р.

Карпяткина Ульяна Ивановна, 1937 г.р.

Казикин Валентин Павлович, 1936 г.р.

Кузнецов Борис Иванович, 1948 г.р.

Марьина Нина Григорьевна, 1930 г.р.

Редькина Валентина Николаевна, 1930 г.р.

Червяков Николай Петрович, 1938 г.р.

Музыкальные образы в творчестве М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина

А. В. Сухов, аспирант

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – д.филол.н., профессор Г. Е. Горланов

В своем творчестве М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин часто обращались к музыкальным образам. Оба поэта любили и тонко чувствовали музыку, считая, что иной раз она может точнее и глубже, чем слово, выразить самые сокровенные переживания. Так, например, Лермонтов писал в стихотворении «Не верь себе» (1837) о невозможности «стихом размеренным и словом

ледяным» передать значение «простых и сладких звуков» [2, Т.1, 411]. На такое трепетное отношение к музыке повлияли детские впечатления поэтов. Лермонтов вспоминал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [2, Т. 4,352]. Поэт отразил эти детские впечатления в своем стихотворении "Казачья колыбельная песня" (1838): "Спи, младенец мой прекрасный, / Баюшки - баю / Тихо смотрит месяц ясный / В колыбель твою" [2, Т.1,404].

Образ поющей матери был дорог и Сергею Есенину. Об этом он проникновенно рассказал в стихотворении, посвященном сестре Шуре, написанном в 1925 году:

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать [1, Т. 1, 245]

Любовь к народной песне пробудилась у Лермонтова в Тарханах, а у Есенина - в Константиново. В стихотворении «Русская мелодия» (1829) юный Михаил Лермонтов изобразил народного «певца», который играет на балалайке, под ее звучание «слышится начало песни» [2,Т.1,32]. Есенин в автобиографии вспоминал о том, как в родном Константиново в детстве услышал русские народные песни в исполнении деда: «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные» [1, Т. 7, 14] . Фольклорные мотивы являются определяющими для многих произведений Лермонтова и Есенина, связанных со славянской мифологией. Например, Лермонтов в стихотворении "Тростник"(1832) обращается к известному народному сюжету. Девушка, убитая злодеем, превращается в тростник, из которого рыбак сделал дудочку, которая сама запела: «Сухой тростник он срезал/ И скважины проткнул;/ Один конец зажал он / В другой конец подул./ И будто оживленный,/ Тростник заговорил...» [2,Т. 1,349].

В "Лермонтовской энциклопедии" отмечается, что поэта "с его склонностью к одухотворению природной жизни, несомненно, привлекала мифологическая окраска этого архаичного сюжетного мотива, основанного на метаморфозе: душа убитого переселяется в выросшее из его тела растение" [3, 512]. В данном случае дудочка из тростника является многозначным музыкальным образом, метафорой, означающей связь через музыку потустороннего и реального мира. Лермонтов переосмысливает народный сюжет, романтизируя его, делая убийцей не злую мачеху, а ее сына.

Сергей Есенин в трактате "Ключи Марии"(1918) дает традиционную трактовку данного мифологического сюжета, в котором девушку губит злая мачеха. Поэт вспоминает известную легенду о том, как пастух срезал на могиле тростинку, а она сама поведала ему тайну: "Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь.

Я когда-то была девицей. Погубили девицу сёстры..."[1, Т. 5, 190]. В тростинке, которая стала пастушеской дудкой, заключено, по убеждению Есенина, мистическое начало: «Здесь в одном образе тростинки слито три прозрения. Узлом слияния потустороннего мира с миром видимым является скрытая вера в переселение души...» [1, Т. 5, 190]. Таким образом, Есенин в отличие от Лермонтова, вкладывает иной смысл в образ дудочки. Она у него становится символом поэтического искусства, а пастух - поэтом. Обращаясь к фольклорным мотивам, Лермонтов и Есенин используют многозначный образ народного духового инструмента, при этом каждый трактует его по-своему. Так музыкальные образы становятся отражением их поэтического мировоззрения.

М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин были музыкальными натурами и часто черпали вдохновение в звучании того или иного музыкального инструмента, отражая затем свои впечатления в поэтическом творчестве. Их объединял интерес к русской семиструнной гитаре и к музыкантам, игравшим на ней. Лермонтову довелось слышать вдохновенную игру гитариста-виртуоза М. Т. Высотского, который стоял у истоков школы русской семиструнной гитары. Находясь под впечатлением от игры известного гитариста, М. Ю. Лермонтов в стихотворении "Звуки" (1830—31) писал:

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогуший! что за звуки! Жадно
Сердце ловит их...[2, Т. 1,261).

В творчестве Есенина звучание гитары играет важную роль в кабацкий период, отражая сложные переживания его лирического героя. При первой публикации стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре» (1923) он посвятил его поэту-имажинисту Александру Кусикову, который был автором текстов известных романсов "Обидно, досадно" и "Слышен звон бубенцов издалека". По воспоминаниям современников, Кусиков с гитарой сопровождал Есенина в Берлине. К своему другу - имажинисту, играющему на гитаре, обращается поэт с исповедальным признанием:

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг [1, Т.1,173].

Так в стихотворении из цикла «Москва кабацкая» рождается музыкальный образ "проклятой гитары", под аккомпанемент которой разворачивается драматичный сюжет взаимоотношений лирического героя и его любимой. Пафос поэзии Есенина в эти годы меняется, приобретая трагический характер. Это соотносится с надрывным звучанием гитары в

руках «единственного друга». У Лермонтова игра на гитаре своими "сладкими звуками" погружает поэта в счастливое забвение, у Есенина, наоборот, кабацкая гитара бередит душевные раны его лирического героя.

М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин в своей поэзии изображали не только Родину, но и экзотические края, в которых им доводилось бывать. У них Кавказ ассоциировался с определенными музыкальными образами, связанными со звучанием зурны. Например, у Лермонтова в поэме «Демон» при описании пира мы можем услышать ее звуки:

...Звучит зурна, и льются вины –
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью [2, Т.2, 377].

У Есенина музыкальный образ звучащей зурны также служит художественным средством, с помощью которого автор создает картину, открывшуюся ему на Кавказе: «И Грибоедов здесь зарыт, / Как наша дань персидской хмари, / В подножии большой горы / Он спит под плач зурны и тари» [2, Т. 2, 108]. Протяжный звук духового инструмента у Есенина символизирует Грузию, где было суждено упокоиться праху А. С. Грибоедова.

Рассмотрев музыкальные образы в широком смысле этого понятия, и конкретные образы музыкальных инструментов, которые встречаются у Лермонтова и у Есенина, мы можем сделать вывод о том, что они играли очень важную роль в их творчестве. Поэтов сближала особая любовь к песне, которая зародилась еще в детстве. Лермонтов и Есенин опирались в своей поэзии на традиции славянской мифологии, создав образ поющей тростниковой дудочки. Одним из их любимых инструментов была гитара, звучание которой отвечало душевному настрою поэтов. В их произведениях, связанных с кавказской темой, музыкальный инструмент создавал особый национальный колорит. Отметив это сходство, в то же время мы не можем не признать и того, что пафос, который несут в себе их музыкальные образы, часто не совпадает. Это объясняется тем, что М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин были поэтами с ярко выраженной творческой индивидуальностью.

Литература:

1. Есенин С.А. Пол. собр. соч.: В 7 т. М., 1995 — 1999. Т. 7. С. 14. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
2. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 411. Здесь и далее в тексте приводятся ссылки на это издание с указанием в скобках тома и страниц.
3. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999. С. 512.

Элегические мотивы в стихотворении А. Б. Мариенгофа «Сергею Есенину» (К проблеме развития лермонтовских традиций)

В. А. Сухов, к.филол.н., доцент
Пензенский государственный университет

В творческих исканиях поэтов-имажинистов можно отметить определенную эволюцию, связанную с отказом от крайностей модернистской поэтики и обращением к традициям русской классики. Особенно ярко это проявилось после смерти С. А. Есенина, ставшей «литературным фактом». Свою версию ее причин выдвинул писатель Борис Лавренев. Он опубликовал 30 декабря 1925 года в вечернем выпуске «Красной газеты» гневную статью «Казненный дегенератами», в которой заклеил имажинистское окружение Есенина. Б. А. Лавренев утверждал, что Сергей Есенин попал «в прочную мертвую петлю» имажинизма. Лавренев отступал от конкретных фактов, заявляя, что Есенин не был имажинистом, а «был объявлен вождем школы», а «на его славе, как на спасительном плоту, выплыли литературные шантажисты». Свой «нравственный долг» автор статьи видел в том, чтобы «назвать палачей и убийц – палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта»[2, 457-459]. В конце автор с помощью выразительных метафор закольцовывал основную мысль, заявленную в эпиграфе, для которого он взял строки М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Смерть Поэта»: «И вы не смоее всей вашей черной кровью //Поэта праведную кровь!». Таким образом, пусть даже и в негативном контексте, Б. Лавренев включил поэтов– имажинистов в пушкинско-лермонтовский контекст литературы. История рассудила по справедливости. Имажинисты не были «дегенератами», не они погубили поэта. Для многих из них смерть собрата по перу стала настоящей трагедией. Убедиться в этом можно, внимательно прочитав стихотворение «Сергею Есенину», написанное 30 декабря 1925 года. Его автором был имажинист Анатолий Мариенгоф, в чей адрес и были брошены голословные обвинения Б. Лавренева. А. Мариенгоф, потрясенный известием о самоубийстве близкого друга, с которым он был неразлучен с 1919 по 1921 годы, не скрывал своих чувств. Взволнованная интонация его поэтического отклика на смерть товарища и особый трагический пафос оказались созвучны по духу лермонтовской элегии «Смерть Поэта». Мариенгоф соединяет и по-своему развивает лермонтовские и есенинские образы, связанные с мотивами увядания. Отметим, что М. Ю. Лермонтов, обращаясь к убийцам Поэта, писал о смерти Пушкина, как об угасании гения:

Что ж? веселитесь...- он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений
Увял торжественной веноч [3, 372].

Элегический мотив увядания был одним из определяющих в лирике Есенина двадцатых годов. Вспомним его элегию «Не жалею, не зову, не плачу» (1921) с ее характерным признанием лирического героя, который прощается с молодостью:

Увяданья золотом охваченный
Я не буду больше молодым [1, 163].

В стихотворении «Сергею Есенину», созданном в духе элегии, Мариенгоф развивает мотив увядания, своеобразно переключаясь и с Лермонтовым: «И, вдаль отодвигая сроки, // Казалось: // В увяданье, на покой // Когда-нибудь мы с сердцем легким// Уйдем с тобой» [5, 137]. Главной виновницей есенинской смерти Мариенгоф считает «лесть»: «Кто по шагам узнает лесть?//Ах, в ночь декабрьскую не она ли // Пришла к тебе// И, обещая утолить печали, //Веревку укрепила на трубе» [5, 137]. Автор элегии «Сергею Есенину», как Лермонтов, широко использует прием риторических вопросов. Обращаясь к ушедшему из жизни другу, он вопрошает: «Сергун чудесный! Клен мой златолистый! // Там червь, // Там гибель, // Тленье там.// Как мог поверить ты корыстным// Ее речам» [5, 137]. Здесь сходство двух элегий проявляется особенно ярко. М. Ю.Лермонтов, называя главных виновников смерти Поэта, с горечью задает риторические вопросы, которые являются особым художественным приемом: «Зачем он руку дал клеветникам ничтожным, // Зачем, поверил он словам и ласкам ложным, // Он, с юных лет постигнувший людей?.. [3, 373]. Финал лермонтовского стихотворения «Смерть Поэта» придает всему сказанному автором широкий обобщающий характер: «И вы не смоее всей вашей черной кровью // Поэта праведную кровь» [3, 374]. Глубоким обобщающим выводом заканчивается и элегия Мариенгофа. В конце ее автор подчеркивает, что смерть Есенина становится не только личной трагедией для его близких друзей, «великого русскогонационального поэта» оплакивает вся Русь:

Что мать? Что милая? Что друг?
(Мне совестно ревмя реветь в стихах).
России плачущие руки
Несут прославленный твой прах[5, 138].

Мариенгоф не называет конкретных виновников гибели Есенина, в отличие от Лермонтова, с потрясающей гражданской смелостью заклеившего палачей «Свободы, Гения и Славы». По мысли Мариенгофа, причина смерти Есенина заключается в другом, она обретает философский характер. По его убеждению, Сергей Есенин поверил «темным снам» и пришел к выводу, что есть продолжение посмертного существования. Именно в этом Мариенгоф увидел одну из побудительных причин самоубийства, придав тем самым своей элегии ярко выраженный экзистенциальный характер:

Потом:
Чтоб утвердить решенье,

Тебе она сказала в смех,
Что где-то будет продолженье
Земных утех [5, 137].

Обращение к образу «дев» и скованной зимним морозом Невы перебрасывает своеобразный мостик к пушкинской и лермонтовской эпохе, соединяя ее с «поэтической эпохой» Есенина и Мариенгофа: «Но знают девы, // И друзья, // И стены // Поэтов ветрены слова, // И вот: // Ты холоднее, чем Нева, // Декабрьским окованная пленом» [5, 137]. Здесь особенно важен мотив смерти, который в элегии Лермонтова ассоциируется с безмолвием поэта:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать [3, 372].

В «Лермонтовской энциклопедии» подчеркивается, что Лермонтов развивал определенные традиции жанра элегии, создавая стихи на смерть А. С. Пушкина. Он по-новаторски переосмыслил традицию, восходящую к «Умиравшему Тассу» К. Н. Батюшкова. «Враг лермонтовского героя — не отвлеченно-романтическая «зависть», а нечто социально вполне конкретное — «свет завистливый и душный»; смерть поэта — не просто безвременная кончина, но гибель от руки «хладнокровного» убийцы. Традиции элегической формулы («чудные песни», «приют певца») «взрываются» инвективой, теряют свою элегичность, созерцательность...» [4, 512].

Таким образом, мы можем отметить определенные черты сходства элегических мотивов, которые сближают стихотворение А. Мариенгофа «Сергею Есенину» и элегию М. Ю. Лермонтова «Смерть Поэта». Создавая стихи, посвященные памяти друга, Мариенгоф опирался на лермонтовские традиции, своеобразно развивая их. Именно поэтому в них мы можем отметить следы лермонтовского влияния. Неслучайным в связи с этим нам представляется то, что в 1951 году, к 110-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова, А. Б. Мариенгоф создает пьесу «Рождение поэта», в которой отражена история создания лермонтовского стихотворения «Смерть Поэта».

Литература:

1. Есенин С.А. Пол. собр. соч.: В 7 т. М, 1995 — 1999. Т. 1. С. 163.
2. Лавренев Б.А. Казненный дегенератами // О Есенине. М., 1990.
3. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 1.
4. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
5. Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: В 3 т. М., 2013. Т. 1.

Речевые ошибки СМИ

А. Д. Сысуева, учащаяся

Научн. рук. –

учитель русского языка и литературы

МБОУ «Гимназия № 53» г. Пензы Л. Н. Каменская

СМИ – реальная сила, которая оказывает огромное влияние на сознание людей. Именно речью СМИ во многом создается современное общественное настроение, современная речевая культура и отношение к самой речи. Вот почему каждому журналисту, репортеру необходимо иметь высокий уровень речевой культуры.

Что же такое правильная речь? В это понятие включаются три признака: богатство, точность и выразительность. Показателями богатой речи являются большой объем активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкции. «Точность речи – это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. Выразительность создается с помощью отбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и задачам общения» [1, 54].

К сожалению, сегодня СМИ не всегда поддерживают те нормы речеупотребления, которые предлагает система образования. Отступление от нормы можно объяснить разными причинами: иногда в целях большей выразительности, яркости текста, иногда для развлечения публики, иногда для того, чтобы больше соответствовать вкусам и возможностям аудитории.

Рассмотрим наиболее распространенные ошибки, допускаемые российскими журналистами, так называемыми «новаторами» языка, которые не считаются с культурно-речевыми традициями и "ломают" язык в угоду новому стилю жизни.

Простые примеры: газета «Комсомольская правда»: «Ирина Понаровская займется рекламой чулков» (норма требует: чулок); НТВ, «Партийная зона», Евгений Киселев, ведущий программы «Итоги»: «...Известны примеры более масштабной коррупции: создавались миллионные состояния, которые утекали за границу, но все это осталось втуне» (дедово «в туне» использовано без учета его семантики и сочетаемости); газета «Известия», корректорская служба «...Юрий Фокин скоро сменит Анатолия Адамишина во главе посольства в Велкикобритании» (орфографическая ошибка); НТВ, «Сегодня», редакторы программы: «...Президент сегодня обратился с радиообращением по случаю праздника...» (тавтология; вариант: выступил); НТВ, «Сегодня», 8 марта, Павел Гусев, главный редактор газеты «Московский комсомолец»: «...Сегодня разрешите поздравить всех женщин с Восьмым мартом» (грубое нарушение

литературной нормы; распространено в просторечии, надо: с Восьмым марта).

Ошибки объясняются нарушениями правил образования различных форм слова. Самое большое количество речевых погрешностей встречается при употреблении имени числительного. В приведенных далее примерах ошибки объясняются именно незнанием особенностей склонения слов этой части речи: «Вчера еще здесь было около четырехста камер» (правильно: «около четырехсот»); «Операции будут проводиться пятидесятью процентами акций холдинга» (правильно: «с пятьюдесятью процентами»). Неправильное склонение сложных и составных числительных является нарушением литературной нормы. Редко склоняют журналисты числительное «полтора»: «В течение полтора суток город опустел» (правильно: «полтора суток»).

Нередки ошибки и в выборе падежной формы составного числительного, оканчивающегося на «два», «три», «четыре» в сочетании с одушевленным существительным. В таких конструкциях независимо от категории одушевленности винительный падеж сохраняет форму именительного, например: «Всего за этот месяц в госпиталь доставили тридцать два раненых» (а не «тридцать двух раненых»). Не соответствует литературной норме и такое предложение: «Строительство комплекса должно быть завершено к двум тысячам третьему году» (правильно: «... к две тысячи третьему году»), так как в составном порядковом числительном склоняется только последнее слово). Встречаются ошибки и такого рода: «Правительство обещает выплатить пенсии к десятому сентябрю» (правильно: «...к десятому сентября»).

По-прежнему нередко погрешности и при употреблении собирательных числительных. Их использование в сочетании с существительными, относящимися к официально-деловой лексике, в литературном языке не рекомендуется (тем более в информационных программах). Например: «Не случайно оказались в этом регионе сразу двое сенаторов» (правильно: «...два сенатора...»).

Случаются ошибки в эфире и при образовании родительного падежа существительных множественного числа. Нормативными считаются такие образования, например: «баржей» вместо «барж»; «дыней» вместо «дынь»

Ошибаются журналисты и при склонении существительных, обозначающих названия некоторых национальностей. В частности, нередко ошибки при употреблении форм родительного падежа множественного числа, например: башкир (не «башкиров»), бурят (не «бурятов») и т.д.

Лексические ошибки связаны с незнанием значений слов и устойчивых выражений и обусловленным этим незнанием их неправильным употреблением в речи. Очень живучей ошибкой стало употребление слова «обратно» вместо «снова», «опять»: «Габардин пришел к нам обратно», «Рижский вокзал надо переименовать обратно...». Нередко журналисты

начинают предложение со слов «в этой связи» («В этой связи хочется вспомнить и о недавних событиях»). Чаще всего это словосочетание употребляется, когда в тексте не указано ни на какую связь предыдущего с последующим. Правильно: «В связи с этим...». Благодаря такому сочетанию слов и устанавливается связь между уже сказанным и тем, о чем будет идти речь в дальнейшем.

Распространенной ошибкой является употребление слов «ропись» вместо «подпись» и «число» вместо «дата». (Корреспондент: «Вот такое письмо мы получили, а в конце его ропись и число».) Ропись – это живопись на стенах, потолке и на предметах быта (хохломяская, городецкая ропись). Подпись – это собственноручно написанная фамилия под документом, подтверждающая авторство подписавшегося либо его согласие с изложенным.

К лексико-стилистическим погрешностям относится и незнание особенностей лексической сочетаемости слов в русском языке. Например: «Ухудшается уровень жизни народа» (правильно: «Снижается уровень жизни народа»). Неверно составлено и предложение: «Чтобы улучшить криминогенную обстановку в городе, правоохранительные органы работают в усиленном режиме». «Криминогенный – способствующий совершению преступления». Правильно: «Чтобы изменить криминогенную обстановку в городе...» или «Чтобы улучшить общую обстановку в городе...».

По моему мнению, современные журналисты должны более тщательно следить за своей речью как письменной, так и устной. Наш язык – это важнейшее средство взаимопонимания людей. Журналисты должны помнить об этом.

Литература:

1. Гольдин В. Е., Сиротина О. Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. - М., 1998.
2. Оганесян С.С. Культура речевого общения // Русский язык в школе. № 5 – 1998г.
3. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура // Русский язык в школе. № 1 – 1994г.

Образ inferнальной женщины в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

В. В. Терёхина, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. филол. н., доцент А. А. Тимакова

Ф.М. Достоевский первым ввел в литературное произведение образ inferнальной женщины. В толковом словаре значение слова inferнальный

объясняется так: «Находящийся в аду, происходящий в аду, адский. Инфернальный огонь. Инфернальные муки. Одержимый бурными страстями, демонический. "Это тоже инфернальная душа и великого гнева женщина" (Достоевский)» [3]. В инфернальной женщине нет здоровой светлой энергии, но в ней так много демоничности, непредсказуемости. Это – стиль жизни, в которой все перечисленные подробности каждый раз складываются в непредсказуемую мозаику, что порой и зовется женским умом. Инфернальные женщины живут своей демоничностью так, что она засасывает мужчину с головой, и он погружается в неведомый мир женской природы.

Героиня Достоевского – Настасья Филипповна – роковая, гордая, инфернальная женщина в романе. Она весьма сложная натура, несчастная, много страдала, никогда никого не любила, очень любила себя. Ее роковая красота, и поразительный ум, и хитрость – это «яд» для мужчин знавших её, да и для женщин тоже.

«Ею движет «бесовская гордость», не дающая принять сострадание Мышкина. Поэтому и не может состояться гуманистическое «воскресение» Настасьи Филипповны, ее «возвращение» к «образу чистой красоты» (каковым она, по-видимому, никогда и не являлась)» [2, 15]. В одной из последних сцен романа, перед несостоявшимся венчанием героини с князем, собравшуюся дома толпу поражает ее «инфернальная», демоническая красота: она вышла «бледная, как платок; но большие черные глаза ее сверкали... как раскаленные угли» [1, 569]. Глядя на портрет Настасьи Филипповны и дивуясь ее ослепительной красоте, князь Мышкин восклицает: «Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» [1, 36]. Мышкин предлагает свою руку Настасье Филипповне в первый же день знакомства, так как надеется, что его гуманистическая «истина», соединясь с прекрасной внешностью, воссоздаст в бывшей куртизанке «образ чистой красоты».

Настасья Филипповна – это женщина очень сильна духовно, умна и хитра, красива и горда. Вне сомнения, героиня наделена многими чертами инфернальной женщины. Её жизнь полна не только страха, беспокойств, подлости, но и любви чистого и светлого человека – князя Мышкина, а так же страсти и влечения купца Рогожина. Её сила, ум и красота губят ее, и она погибает от ножа Рогожина.

Из сюжета становится очевидным, что в судьбе Настасьи Филипповны действует «закон саморазрушения»; в её лице красота не спешит сочетаться с истиной и добром, хотя имеет все возможности для этого.

При ближайшем рассмотрении трудно назвать героиню жертвой социальной несправедливости. В 60-е годы XIX века в образованных кругах России буквально процветал культ свободной в выборе любимого человека: жениться на падшей женщине считалось «передовым» поступком. Кроме того, героиня вполне могла бы отказаться от роскошной жизни на средства влюбленных богачей, если уж так тяготилась своей «продажностью», и жить

самостоятельно, скромной трудовой жизнью. Зло, но, по сути, справедливо бросает ей Аглая: «Захотела быть честною, так в прачки бы шла» [1, 547].

Сострадание бессильно по отношению к Настасье Филипповне. Христианство не может быть сведено к одной «жалости»: Мышкин не «воскресил» героиню ни духовно, ни социально. В мире, лежащем во зле, даже «положительно прекрасный человек» своими силами не способен «спасти» другого человека, не может противостоять дьяволу без Божьей поддержки. Тяга Мышкина к Настасье Филипповне ощущается «как влечение к какому-то жалкому и больному ребенку, которого трудно и даже невозможно оставить на свою волю», и он её «любит не любовью, а жалостью» [2, 16].

У Настасьи Филипповны нет веры, она постоянно скитается, как будто не хочет принимать ни от кого помощи, как будто сама ищет смерти, как будто хочет мучиться и совершенно не ценит то, что ради неё делали люди вокруг. Она не находит спасения с Рогожиным, наоборот, с ним находит только свою смерть.

Страдания измучили её, хотя она никогда не страдала от чувства голода, от холода, от нищеты, её муки всегда были моральными. Она ненавидела своего попечителя, ненавидела жизнь, которую ей подарили, она не хотела быть всю жизнь обязанной этому человеку за своё долговременное содержание – от того и мучилась. Она не чувствовала свободы, хотя пленницей никогда не была, но вечные попытки выдать её замуж по расчету измучили героиню. У неё не было больше сил бороться с этим злым, бездушным миром. Но у «мира» получилось изменить её и ей, и чтобы выжить, пришлось привыкнуть к жестокости, похоти, грубости, отвыкнув от нормальных человеческих отношений.

Настасья Филипповна настолько привыкла к подлости и расчетливости, что не поверила сразу словам князя, который был чист и душой и телом, добр и умел любить простую девушку без богатства, положения в обществе. Вымотанная постоянным расчетом, лицемерием, она удивляется такому необычному человеку.

Полюбив Мышкина, героиня не бросается к нему в объятия, напротив, она гордо и грубо ему отказывает, чтоб уж точно у него ни осталось никакой надежды. Она в этом случае поступает благородно, так как знает, что счастливыми им не быть, уж слишком разные они люди. С одной стороны, она очень груба и резка с князем, с другой – ею движет только одно желание: спасти его от неё же самой. Потому она и уезжает с Рогожиным. И вскоре находит то, что так давно искала, но боялась в этом признаться: постоянно убегая и постоянно возвращаясь к Парфену Рогожину, героиня прекрасно знала, что он погубит её.

Только истинно сильная женщина способна отречься от своей любви во имя спасения жизни своего любимого, для того чтобы не погубить его жизнь и не запятнать его чистое имя.

Литература:

1. *Достоевский Ф.М.* Идиот: Роман в 4-х ч. – М.: Мир книги, 2006.
2. *Смирнова Л. Н.* «Мир красотой спасется»: Категория красоты в творчестве Ф. М. Достоевского // Лит. в shk. – 2004. – №1. – С.14-17.
3. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: [diclib/cgi – bin/d1.cgi? l=ru&base=ushakov&page=showid&id=21297](http://diclib/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=ushakov&page=showid&id=21297).

Педагогические сайты как альтернативная модель коммуникации

К. В. Титунина, студентка

Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

Сайты для педагогов вошли в нашу жизнь недавно, но уже сегодня они занимают особое место в профессиональной деятельности учителей. В настоящее время существует более 100 хорошо разработанных педагогических интернет-порталов. На их страницах активно обсуждаются преобразования в педагогической сфере, взаимоотношения в обществе, даются методические рекомендации. Эта новая группа педагогических изданий становится главным связующим звеном между педагогикой как наукой и обществом, пользующимся её достижениями.

Актуальность избранной темы обусловлена исследованием соучастия педагогических сайтов в решении проблем, связанных с образованием. Следует подчеркнуть востребованность таких сайтов при решении важных педагогических задач. Предметом анализа выступают материалы ведущих педагогических сайтов: <http://pedmix.ru>, <http://ped-kopilka.ru>, <http://pedsovet.su>, <http://zavuch.info>, <http://openclass.ru>, <http://it-n.ru>, <http://ruslita.ru>, <http://metodarhiv.ru>. Новизна работы определяется тем, что педагогические сайты исследованы крайне мало. Каждый из вышеперечисленных интернет-порталов имеет свою направленность и специфику в подаче материала.

Сайт <http://pedmix.ru> позиционирует себя как Международный кластер «Инновационные технологии в практике образования». Интернет-портал оснащён всеми необходимыми для педагога функциями и управление им не требует специальных навыков. На сайте представлены такие разделы: чаты, конкурсы, мастер-классы, открытые уроки, консультации, репортажи, экскурсии.

Интернет-портал <http://ped-kopilka.ru>, или «Учебно-методический кабинет» – это сайт для педагогов, учителей, воспитателей, студентов, родителей и всех тех, кто занимается воспитанием и обучением детей. Материалы на сайте распределены по следующим разделам: «Психология», «Педагогика», «Современный урок», «Классному руководителю», «Обучение

малышей», «Внеклассная работа», «Воспитателям», «Родителям», «Начальная школа», «Учителям-предметникам» и др.

Сайт <http://pedsovet.su> позиционирует себя как сообщество взаимопомощи учителей. Отличие этого интернет-портала от первых двух состоит в том, что здесь, кроме стандартных разделов (разработки, конкурсы, форум и т.д.), есть и те, которые непосредственно связаны со средствами массовой информации. В разделе «Статьи» публикуются материалы для педагогов, родителей, так или иначе связанные с обучением и образованием. Все статьи этого раздела написаны непосредственными пользователями этого сайта. В разделе «Новости» дублируются новости образования с сайтов печатных изданий, информационных служб и т.д.

На сайте <http://zavuch.info> тоже есть раздел «Новости», где, как и на сайте <http://pedsovet.su>, публикуются новости образования. Остальные же разделы посвящены непосредственно общению педагогов друг с другом: методическая библиотека, форум «Учительская», конференции и т.д.

Сайт <http://openclass.ru> позиционирует себя как сетевое образовательное сообщество. На странице этого интернет-портала мы можем выделить разделы: «Предметный каталог», «Форум», «Регионы», «Сообщества», «Люди». Особенность этого сайта заключается в том, что он тоже связан со средствами массовой информации, но иначе, чем предыдущие. На <http://openclass.ru> каждый зарегистрированный пользователь может вести блог. Сайт имеет и собственное печатное издание. Журнал Пензенского института развития образования «Классный журнал» был задуман как составная часть этого сетевого сообщества.

Сеть творческих учителей <http://it-n.ru> создана для педагогов, которые интересуются возможностями улучшения качества обучения с помощью применения информационно-коммуникационных технологий. На этом портале можно найти разнообразные материалы и ресурсы, касающиеся использования ИКТ в учебном процессе, а также есть форум, где педагоги смогут общаться с коллегами.

Сайт <http://ruslita.ru> – интернет-портал для учителей русского языка и литературы. Название сайта – «Русский язык и литература для всех». Из вступительной статьи создателя сайта учителя русского языка и литературы Е.В. Колесниковой узнаём: «В августе 2013 года сайту ruslita.ru исполнился год. Уже можно подводить первые итоги его работы. Основная идея была в том, чтобы по-человечески понятно рассказывать о сложных явлениях языка и литературы, привлечь к выборочному тематическому чтению всех, кому интересно узнавать что-то новое о жизни человека и окружающего мира.

Каких-то особых новостей на сайте нет, широких мероприятий тоже, жизнь любого, как мне кажется, учителя содержит и так много ежедневных похожих моментов: подготовку к урокам, проверку тетрадей учащихся, поиск новых материалов и сведений по методике преподавания своего предмета. Всё это слишком частные вопросы. А вот памятные литературные

даты и события оказались очень кстати, тем более что о каждом писателе хочется рассказать как-то по-особенному, через личное восприятие».

Интернет-портал <http://metodarchiv.ru> тоже создан для учителей русского языка и литературы. На сайте два раздела: «Русский язык» и «Литература». В каждом из них весь материал рассортирован по рубрикам: рабочие программы, ЕГЭ, презентации, сочинения, ГИА, поурочные разработки. Каждый учитель русского языка и литературы может поместить материал в любой из вышеперечисленных разделов-архивов и воспользоваться имеющейся информацией.

Проанализировав самые посещаемые сайты из списка РАМБЛЕР «ТОП 100/сайты педагогов», можно выявить основные характеристики этих интернет-порталов. Мы предлагаем два направления, по которым можно разделить эти сайты: для учителей какого школьного предмета создан сайт и связан ли сайт со средствами массовой информации.

По тематической направленности сайты можно разделить на универсальные педагогические сайты для всех школьных предметов (например, сайт <http://ped-kopilka.ru>); сайты для всех школьных предметов, но определённой направленности, специализации (например, <http://it-n.ru>); сайты для отдельных школьных предметов (например, сайт <http://ruslita.ru>).

Как правило, на таких сайтах переходящими разделами считаются: методическая копилка, презентации, ЕГЭ, ГИА, уроки и т.д.

Многие педагогические интернет-порталы являются неотъемлемой частью СМИ. В связи с этим можно выделить: сайты, не связанные со СМИ (например, сайты <http://ped-kopilka.ru>, <http://it-n.ru>, <http://metodarchiv.ru> и т.д.); сайты, включающие в свою структуру СМИ (например, сайты <http://openclass.ru>, <http://zavuch.info>, <http://pedsovet.su>).

Анализируя материалы с сайтов <http://openclass.ru>, <http://zavuch.info>, <http://pedsovet.su>, можно заметить, что в этих изданиях преобладает проблемная журналистика. Состояние образования в Российской Федерации – одна из тем, которая никогда не теряет своей актуальности. Её активно развивает и «Классный журнал» – журнал сайта <http://openclass.ru> – в рубриках «Образование сегодня, завтра» и «Хочу всё знать». Например, в интервью И. Щеголихиной с заведующей кафедрой начального общего образования ГБОУ ДПО ПИРО А.В. Марковой «Надо ли платить за новые стандарты в школе?» (№1, август 2010 г.) рассказывается о том, что изменится в школах Пензенской области при переходе на новый Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, надо ли будет платить за новые стандарты. Активно поднимается вопрос об итоговой аттестации школьников.

В статье Евгения Барановского «Российская школа нуждается в открытости» на сайте <http://zavuch.info> поднимается пробела «закрытости» Российских школ: «Российская школа недостаточно информирует общество о своей жизни. Великобритания, США, Австралия и Чили более продвинуты

в этом плане. Они предлагают семьям учеников множество форм мониторинга – от систем навигации и докладов школ до вердиктов независимых инспекций. Подобные ресурсы помогают учителям и детям работать лучше».

Станислав Керн в статье «Что такое английский язык и как с ним бороться?» на сайте <http://pedsovet.su> затрагивает проблему изучения иностранного языка. Даются ответы на вопросы: как сломать языковой барьер и как все-таки выучить язык.

Таким образом, проанализировав материалы интернет-ресурсов, мы выявили, какие педагогические сайты существуют; рассмотрели материалы сайтов, в которых в качестве раздела представлены СМИ, и определили, что в них преобладают проблемные материалы.

Перспективность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения проблематики и наполнения педагогических сайтов, что позволит сделать издания этого типа более востребованными читателями, а также действенным органом в решении насущных проблем современной школы.

Литература:

Материалы сайтов: <http://top100.rambler.ru>, <http://pedmix.ru>, <http://pedkopilka.ru>, <http://pedsovet.su>, <http://zavuch.info>, <http://openclass.ru>, <http://it-n.ru>, <http://ruslita.ru>, <http://metodarhiv.ru>.

Оппозиция «СВОИ – ЧУЖИЕ» в рекламе

К. В. Титунина, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – ст. преподаватель Н. С. Куприянова

Разного рода реклама в настоящее время является одной из главных частей жизни современного человека. Она представляет собой ряд хитрых уловок, направленных на убеждение целевой аудитории в необходимости того или иного товара и его положительных свойствах по сравнению с другими товарами подобного рода. Реклама ежедневно и массировано воздействует на абсолютное большинство населения. В этой связи вполне оправдано выделение психологической роли рекламы. По мнению Эриха Фромма: «Реклама апеллирует не к разуму, а к чувству; как любое гипнотическое внушение, она старается воздействовать на свои объекты эмоционально, чтобы заставить их подчиниться интеллектуально... Все эти методы в основе иррациональны, они не имеют ничего общего с качеством товаров, они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз...» [2].

Современный житель подвергается воздействию со стороны рекламы ежедневно. Желая повысить свои рекорды продаж, рекламодатели, PR-менеджеры идут на многие хитрости, в том числе прибегают к психологической манипуляции, основанной на одной из архетипических оппозиций сознания «свои-чужие».

Актуальность данного исследования определяется той ролью, которую играют в современной жизни реклама, то влияние, которое она оказывает, ставящие целью убеждение оппонентов и расширения аудитории, основанные на хорошо продуманных стратегиях и тактиках речевого воздействия. Предметом анализа послужили рекламные слоганы последних двух десятилетий годов. Целью исследования было анализ рекламных слоганов, выявление их языковых особенностей на материале текстов рекламных слоганов на телевидении, радио и в печатных изданиях.

Оппозиция «Свои – чужие» в разных вариациях пронизывает всю культуру и является, по мнению Ю. С. Степанова, одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. Понятие «свой» первоначально связано с осознанием кровного родства (это содержится и в толковании лексического значения слова «свой») некоторой группой людей (принадлежащих к роду, клану), в пределах которой человек одновременно осознает себя свободным от рождения, свободным по рождению и противопоставляет себя «другим» – чужим, врагам, рабам. То есть понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны.

Возможность противопоставления граждан сложившегося российского государства чужим, иностранным, иноязычным гражданам: англичанам, германцам и др. – возникла с момента зарождения государственности у восточных славян, когда, согласно норманнской теории, скандинавского князя Рюрика пригласили княжить в Новгород. Чужой представал в виде иностранца, в основе противопоставления «своих» и «чужих» лёг политический принцип территориального деления государств.

Рекламный принцип является доминирующим в выделении «своих» и «чужих» также в тех случаях, когда говорят о противопоставлении различно настроенных групп граждан внутри рекламной аудитории. Образ «рекламного противника» соответствует образу врага. В случае с революционными движениями противостояние носит скрытый характер, т.е. образ врага – «чужого» – является скрытым.

Оратор, говоря от имени «своего», противопоставляет себя и аудиторию «чужому» и за счет использования различных языковых средств нагнетает чувство социального противоречия и презрения слушающих по отношению к представителям «чужого» лагеря, пытается сформулировать у аудитории нужное ему представление об объекте или изменить ситуацию в соответствии со своим мировоззрением и прагматической установкой. Чаще всего в таких случаях прибегают к помощи местоимений: мы, вы, они, наши,

ваши, свой. Такие установки мы можем заметить в следующих рекламных слоганах:

1. *Мир меняется. Наши принципы – нет.* (PORSCHE Cayenne, автомобиль. Слоган на территории РФ, 2011)

2. *Больше работы допоздна для нас – безопаснее для вас. Больше рабочих встреч для нас – безопаснее для вас. Больше мозговых штурмов для нас – безопаснее для вас.* (VOLKSWAGEN Golf, автомобиль. 2010)

3. *Всё своё возжу с собой!* (VOLKSWAGEN Golf Plus и VOLKSWAGEN Touran, вместительные семейные автомобили. Рекламный слоган в России, 2009)

4. *Для России. Для нас. Достояна быть нашей.* (TOYOTA Camry.2008)

5. *«Коммерсантъ» напишет про тебя.* (КОММЕРСАНТЪ, издательский дом; слоган, продвигающий услуги по разработке, выпуску и распространению корпоративных газет и журналов, 2007)

6. *Снимайте СВОЮ квартиру!* (БАНК ГЛОБЭКС, ипотечное кредитование)

7. *Твой цвет. Твой стиль. Твой Vaio.* (SONY Vaio, компьютеры и ноутбуки. Слоган рекламной кампании в России, 2007)

Цели дискредитации «чужого» служит использование различных стереотипов, ярлыков, которые изображают представителей противоположного лагеря, как, например, «империю зла» или «оплот мирового терроризма». При этом «свой» предстает «великой нацией», «освободителем», «островком стабильности». В данном случае использование негативно окрашенной лексики будет минимально при описании «своей» стороны. Для этого часто используются, противопоставление лексем с эмоционально-оценочной коннотацией («свои» – положительная окраска; «чужие» – отрицательная окраска), например:

Когда деньги не работают на Вас, они работают на кого-то другого. Когда другие только говорят, мы – зарабатываем. (UFG ASSET MANAGEMENT, управление активами. Имиджевые слоганы в России, 2008); *Когда другие знают, что делать, мы знаем, чего делать не стоит. Когда другие собираются жить завтра, вы живёте уже сегодня.* (UFG ASSET MANAGEMENT, управление активами. Имиджевые слоганы в России, 2007); *Никто, кроме нас* (АЛЬФА-ИНФОРМ, частное охранное предприятие, Москва); *Как никто другой.* (SONY, видео- аудиотехника, имиджевый слоган компании).

Активно продвигается использование многозначных лексем (имён прилагательных, имён существительных и глаголов с оценочной семантикой) для обозначения объекта оценки с акцентированием их синонимических и ассоциативных связей.

Пользуясь тем или иным эмоционально окрашенным словом, выступающий подчеркивает свою принадлежность к той же группе, на кого это реклама направлена, или высказывает некое специфическое уважение к данной аудитории, ее ценностям, методам и т. д.; или, по крайней мере, сообщает о своей осведомленности о наличии такой аудитории и о её желаниях, например:

Ваша мечта ближе, чем кажется.

(PORSCHE Cayenne Turbo, автомобиль. Рекламный лозунг в России, 2008)

Ваше седьмое чувство.

(VOLKSWAGEN Passat, автомобиль VW Passat седьмого поколения. Слоган на территории РФ, 2011)

Qualitat (нем.) – качество. Мы перевели качество на русский язык. Volkswagen Passat. Немецкое качество по российским ценам.

(VOLKSWAGEN Passat. Российская кампания, 2008)

Только водка из России – настоящая русская водка.

(Слоган советских водок, которые ВТО «Союзплодоимпорт» поставлял на экспорт, 1969)

Вас могут спутать со звездой...

(МИР КОЖИ И МЕХА, сеть магазинов, 2007)

Наши авторы становятся знаменитыми.

(РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР, издательский проект, 2009)

Ваши ресницы на высоте!

(ORIFLAME, тушь для ресниц. Лозунг рекламной кампании в России, 2007)

Я самая самая!

(COTTON CLUB, косметика. Имиджевый слоган)

Таким образом, применение приема «свой – чужой» позволяет рекламе (отправителю, адресанту сообщения) обеспечить необходимую передаточность информации и оказать на потребителя (адресата коммуникации) воздействие, в том числе:

- установить быстрый контакт, уважительные отношения;
- оказать влияние на эмоциональную сферу адресата;
- склонить адресата к своей точке зрения.

Одновременно с этим необходимо отметить, что несмотря на видимую простоту данного приема и легкость его применения, однако злоупотребление оппозицией «свой» – «чужие», намеренное, назойливое её «выпячивание», к сожалению, иногда превращает рекламный слоган в демагогическое высказывание.

Литература:

1. Шипилов А.В. «Свой», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.

2. Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г. Ф. Швейника. — Москва: Аст, 2011.

Развитие детской журнальной периодики (на примере издания «Мурзилка»)

Х. С. Трусова, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к. пед. н., доцент Т. В. Стрыгина

Качественные периодические издания для детей – важная составляющая в образовании и воспитании ребёнка. Развитие детской периодики началось в 1785 г. с журнала «Детское чтение для сердца и разума», редактором которого был Н.И. Новиков. Первые издания для детей были сборниками стихов, рассказов, повестей. В дополнение печатали анекдоты, загадки и шарады. Все журналы для детей до середины XX века были однотипны и схожи с альманахами. Они представляли собой сборники, рассчитанные на очень узкий круг читателей. Большой вклад в развитие детской периодики внёс ежемесячный журнал «Северное сияние» под редакцией А. М. Горького. В журнале сотрудничали: писатели и поэты – В. Авенариус, В. Князев, П. Сурожский, А. Чапыгин; художники – П. Бучкин, П. Конашевич, В. Сварог, К. Фридберг, И. Симаков и др. В журнале выделялись отделы беллетристики, научно-популярный, «Клуб любознательных», который включал небольшие очерки и заметки из области естествознания, техники и прикладного искусства. С помощью отдела «Венок книге» редакция стремилась привить читателям любовь к книге. Развлекательные материалы печатались в отделе «Загадки и шарады». Четкое членение на отделы отличает «Северное сияние» от прежних журналов для детей. В 1920 году тираж журнала достигал 1500 экземпляров.

Детский журнал сыграл очень важную роль в развитии советской детской литературы. В 20-30-е годы XX века, когда происходило зарождение и становление советской детской литературы, на страницах журналов осваивались новые темы, рождались новые литературные жанры. Стало понятно, что детский журнал должен быть универсальным. В 20-х годах возникает новый тип журнала для детей, в нём именно интересы читателей определяли задачи издания, его направление, а также методы и формы работы редакции.

Обратимся к анализу одного из многолетних, наиболее интересных детских изданий – журналу «Мурзилка». С 1923 г. «Рабочей газетой» выпускалось приложение для детей – журнал «Юный строитель». Он выходил невиданным для того времени тиражом – 100.000 экземпляров и был очень популярным. Издавала журнал группа молодых педагогов комсомольского возраста и журналисты старшего поколения. Редактор – О.

В. Спандарян. Здесь печатались лучшие советские писатели. Основной вопрос – пионерское движение в стране. Специально для малышей существовал отдел «Красные маки», из которого в 1924 г. родился знаменитый журнал «Мурзилка». Концепция «Мурзилки» устоялась не сразу, первые номера были об игрушках, мелких проблемах, многое взято от старых журналов для малышей. Но появились и новые темы, рождённые советской действительностью: рассказы о жизни советских детей, новой деревне, об отрядах юных ленинцев, о родной природе. С приходом в журнал таких мэтров детского слова, как С. Маршак, А. Барто, А. Гайдар, К. Чуковский, В. Бианки, Н. Венгров, Е. Благинина, Л. Кассиль, Л. Квитко, С. Михалков, М. Пришвин, К. Паустовский, журнал «Мурзилка» изменился, стал любимым изданием нескольких поколений детей. Журнал был очень хорошо оформлен. Классикой графики для детей стали иллюстрации в «Мурзилке» великолепных художников А. Дейнеки, Е. Чарушина, М. Черемных, Е. Рачева.

При проведении исследования были изучены номера журнала за 1924, 1958, 1961, 1962, 1986, 1994 гг. Почти во всех журналах на первой странице дана справочная информация. Например, в третьем номере за 1924 год написано, что аудитория журнала рассчитана на детей 4 – 7 лет. Постоянные отделы: 1. Рассказы, стихи, очерки, сказки из мира животных. 2. Стихотворения, басни. 3. Рассказы о растениях и животных. 4. Очерки из области труда и производства. 5. Игры, самодельные игрушки, шутки, задачи, загадки. Также в журнале имеются бесплатные приложения: 1. «Мурзилка», толстенькая фигура для вырезания и склеивания. 2. «Красноармейцы», фигурки для вырезания. 3. Куколка с переодеванием в костюмы: рабочего, красноармейца, крестьянина, шофёра и пожарника. Плата за месяц 40 копеек, а для подписчиков «Рабочей газеты» 30 копеек. В первые годы издания журнал открывался рассказами (например, «В салки» в третьем номере за 1924 г.).

Один из номеров 1958 г. был посвящён сорокалетию победы в войне 1918 г. Рассказ «Нашей славной армии – сорок лет» помещён на развороте 2 и 3 страниц. На иллюстрации видим солдата Красной Армии на коне, под изображением – текст, объясняющий значимость Красной Армии, которая одержала победу над немцами 23 февраля 1918 г.: «Рабочие и крестьяне взяли за оружие и в первых же боях одержали победу над немцами. В память этой победе день 23 февраля 1918 г. считается днем рождения нашей Армии». На второй иллюстрации изображены солдаты на танке во время Великой Отечественной войны. «Советская Армия устояла и победила. В боях она стала ещё крепче и по-прежнему зорко сторожит нашу страну». Журнал постепенно приобретает идеологическое направление.

Пятый номер за 1961 г., посвящённый пионерам и лётчику-космонавту, «почётному пионеру Юрию Алексеевичу Гагарину», открывался рассказом «Ястребки» о первых пионерах: «Много полезных дел совершили дети

питерских рабочих». Приведена история о том, как ребята запутали шпика. Редакция журнала хотела подчеркнуть, что кумир многих Ю. Гагарин тоже был пионером, т.е. это звание звучит гордо и его надо заслужить.

Первый номер 1962 г. посвящён Новому году. Он открывается рассказом Григория Соколова о тяжёлой жизни до революции и пути, который был проделан, чтобы прийти к Советской власти.

Двенадцатый номер за 1962 год тоже посвящён пионерам и октябрятам. Начинается со стихотворения о космосе «Я тоже к звездам полечу». В этом номере гораздо больше стихотворений, игр, викторин, чем в других журналах: «Послушай, я кричу, пилот, возьми меня с собой в полёт! Хоть на Луну, хоть на звезду. Не бойся, я не подведу».

Основным жанром издания становится рассказ. Так, например, в третьем номере за 1924 год мы узнаём про мальчика Стёпу, первая работа которого была носить отцу обед: «Взял Стёпка узел, пошёл по железнодорожной насыпи на место работы. А идти версты две надо. Да жара стоит, духота. Доплелся Стёпка до отца. А он сидит, дожидается его» («На первой работе»). В этом рассказе обращено внимание на чувство ответственности мальчика, который не пошёл играть вместе с друзьями, а сдержал слово и отнёс обед отцу, несмотря на то, что ему очень хотелось гулять: «Пойдем, Стёпка, голубей гонять, я тебе каких распрекрасных покажу, – одно загляденье. Стёпке смерть хочется на голубей смотреть».

В первом номере за 1958 г. рассказ о китайских бойцах, которые сражались за Советскую Армию в 1918 г. Рассказчик Ван Фунь-Шань, приехав в Россию, не понимал, кто такие большевики и петлюровцы. Его друг Михаил ему объяснил: «Очень все понятно стало: я – рабочий, большевики за рабочих, а петлюровцы и гайдамаки – белые, они хотят, чтобы бедные оставались бедными, а богатые богатыми». Ван Фунь-Шань стал воевать на стороне Красной Армии. В простой и доступной форме с помощью рассказа Ван Фунь-Шаня автор говорит об отличии большевиков от петлюровцев.

В пятом номере за 1961 г. в рассказе «Пионеры сражались за Родину» повествуется о двенадцатилетнем мальчике Вале Котике: он «вместе со взрослыми, как равный, участвовал в боях. В одном таком бою он был смертельно ранен. За смелость и мужество пионеру присвоено звание Героя Советского Союза». Рассказ патриотический, многие ребята, прочитав этот рассказ, захотят последовать примеру юного защитника Родины.

Также в журнале есть и нравоучительные рассказы, которые в лёгкой, ироничной форме показывают ребятам, как не надо себя вести. Так, во втором номере за 1962 г. помещён рассказ «Про одного беднягу»: ребятам во двор привезли качели, один мальчик решил, что если качели стоят около их дома, значит, они его. С ним стали ругаться другие ребята, но вовремя пришла Наташа, она стала всех раскачивать на других качелях, а «жадюга

Валентин» качался один и тогда Наташа спела про него песню «Ах, бедняга Валентин! Он качается один!», после этого Валентин расплакался от обиды.

В первом номере за 1958 год рассказ М. Коршунова «Едет, спешит мальчик» о ребёнке, который сломал ногу. Поддержка близких (отца) и незнакомых людей (милиционера) способствовала быстрому оказанию помощи.

В первом номере за 1962 год опубликована игра Якова Козловского «О словах разнообразных, одинаковых, но разных»: даны слова, от постановки ударения в которых меняется смысл. Например, «Мне слово чУдно изменить не трудно: поставил ударение на О исчезло чУдно, родилось чуднО».

Из рассказа Власова «Воробушки» узнаём про кота, который разорил гнездо воробьёв, и о наказании обидчика. История поучительная, и на наш взгляд, наглядно показывает, что зло всегда наказуемо: «Вырвался вдруг котёнок из стаи воробьёв, да как ошпаренный, бросился бежать – взъерошенный, жалкий такой».

Третий номер журнала за 1986 г. открывается стихотворением Ю. Могутина «Мама». В этом номере, как и в последующих, больше поучительных рассказов. В рубрике «Мастерами делаются» (автор Анатолий Маркуша) рассказывается о том, как надо отрезать пуговицу от рубашки, как покрепче пришить пуговицу или как собрать иголки, если они рассыпались по полу: «Э-э, не дело это ладонями по полу шоркать! Магнитом – и быстрее, и безопаснее, и чище...». Есть и практические советы, как приготовить яичницу и др. Также интересен рассказ А. Митяева «Ржаной хлебушко – калачу дедушка» об обычае «сгрести в ладонь хлебные крошки и съесть», когда старые люди показывают такой обычай молодым, то они улыбаются, так как считают, что «нерационально. Крошечную прибавку к обеду желудок просто не заметит». Автор соглашается, но потом приводит примеры засушливых годов, когда был неурожай, и люди к хлебу относились с почтением. В этом же номере стихотворение С. Михалкова «Толстый жук». Номер хорошо иллюстрирован, представлены игры.

В первом номере за 1994 год много иллюстраций, опубликованы стихи и нравоучительные рассказы, например, Тамары Крюковой «Агата-не-Кристи» про девочку, которая баловалась, но хотела исправиться, однако это у нее никак не получалось. В журнале появилось новое приложение «Картинная галерея Мурзилки», загадки, игры, кроссворды, «Мурзилкины советы».

Рассмотрим четвёртый номер за 2011 год, который открывается рассказом о полёте Ю. Гагарина, по сравнению с другими номерами, он сопровождается фотографией космонавта. В «Письме читателю» редакция обращается к ребятам. Стихотворения проиллюстрированы более яркими рисунками. В номере также представлены игры «Найди 10 отличий», раскраска, японский кроссворд; в рубрике «Сделай сам» рассказывается, как самому сделать ракету из цветного картона.

Проанализировав номера журнала, можно сделать вывод, что издание развивается, изменяется вместе со своими читателями, поэтому оно интересно всем детям в разные эпохи. Ещё одна отличительная особенность – наличие в журнале патриотических рассказов. Но с каждым годом их становилось все меньше. И, как мы видим, сейчас их совсем нет, на смену пришли нравоучительные рассказы и статьи, которые дают практические советы.

Литература:

Журнал «Мурзилка». 1924, 1958, 1961, 1962, 1986, 1994, 2011 гг.

Новости – один из жанров пиара

К. Тусупова, студентка
Казанский национальный университет им. Аль-Фараби
Научн. рук.: доцент Ш. С. Нуржанова

Одной из основных работ пиар менеджера компании является работа с ПР текстами и ПР материалами. PR-текст – письменный текст на бумажном или электронном носителе, служащий целям формирования или приращения публичного капитала базисного PR-субъекта, обладающий скрытым (или реже – прямым) авторством, предназначенный для внешней или внутренней общественности [1]. Стоит отметить, что несмотря на очень разнообразную классификацию PR- материалов, большинство из них несут новостной характер, ведь основная задача этих документов – привлечение внимания общественности на деятельность компании. Перед тем как приступить к рассмотрению написания ПР новостей, стоит остановиться к термину новость. Фрэнк Джефкинс и Дэниэл Ядин в учебном пособии ПУБЛИК РИЛЕЙШНЗ отмечают следующее:

«Новость – это информация, которая еще не известна получателю.

(а). Новость не обязательно сообщает о текущих событиях. Новостью может также быть что-то, интересное для читателя. Иногда «серьезные» новости о политических или общественных событиях называются «первой полосой» или «жесткими новостями».

(б). Новости не обязательно должны быть «свежими»: если что-то никогда ранее не публиковалось, – это также «новость». Тем не менее, каждый должен сознавать понятие несвежих (stale) новостей: изредка газета может сообщать о том, что случилось несколько дней назад. Но информация о продукции может быть новостью, как бы давно эта продукция ни была выпущена, если информация о ней до настоящего времени была недоступна. Более того, PR-материал о новом продукте может одинаково хорошо появляться и в ежедневной газете, и в еженедельнике, и в ежемесячном издании, т.е. в публикациях с самой различной периодичностью».

Также, стоит отметить, что для PR менеджера важно различать рамки между новостями в журналистике и пиар. По словам глубокого практика в области PR Анны Шаталовой: «Новость в журналистике – это оперативное информационное сообщение, содержащее в себе актуальные для широкой общественности факты и сведения. Новость в PR – это средство привлечения внимания к вашему клиенту или вашей фирме. С целью увеличения упоминания о продвигаемом бренде или личности (чье имя тоже возводится в ранг бренда) и пишутся громкие новости». Отношения между компанией в лице PR менеджера и СМИ и есть медиарилейшнз. Медиарилейшнз – это форма отношений государственных и коммерческих структур со СМИ, целью поддержания имиджа и репутации организации или первого лица. Очень важно в медиарилейшнз информировать СМИ из одного источника, чтобы не возникло несогласованности или утечки информации. Поэтому, функция работы медиарилейшнз должна быть возложена на одного работника PR-службы.

Литература:

1. Королько В., Основы публик рилейшнз., М., 2000., с 69.
2. Джефкинс Ф., и Ядин Д. Паблик рилейшнз.

Антропонимический материал в составе эргонимов (на материале г. Пензы)

А. П. Федосова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к. пед. н., профессор Г.И. Канакина

Эргоним – термин сравнительно новый, но уже привлёкший к себе внимание множества учёных-лингвистов. Примечательно, что интерес к нему возрастает с каждым годом.

Обратимся к определению термина в словаре русской ономастической терминологии: эргонимы – это «собственные наименования деловых объединений людей, предприятий, фирм, обществ и других общественных организаций» [1, 151].

В современной лингвистике (по А.В. Суперанской) выделяются эргонимы нескольких типов:

- 1) эргонимы, образованные от имен живых существ и существ, воспринимаемых как живые;
- 2) эргонимы, образованные от именовании неодушевленных предметов;
- 3) эргонимы, образованные от наименований комплексных объектов (куда А.В. Суперанская относит названия органов периодической печати, праздников, произведений литературы и искусства и др.);

4) эргонимы, образованные от слов-характеристик человека, предприятия и др.;

5) эргонимы с затемнённой семантикой [2, 196].

Тема нашего исследования сформулирована более узко, мы ограничимся лишь рассмотрением антропонимов в составе эргонимов на материале г. Пензы.

Изучая названия различных предприятий, фирм и организаций г. Пензы, приходим к выводу, что чаще всего для их наименования используются антропонимы.

Предприниматели называют фирмы, магазины и организации своим именем или именами своих детей. Например: бутик модной одежды «Джулия», парикмахерская «У Лёши», салон цветов «От Валентинки». Совсем недавно в Пензе появились магазины «Истэк», «Илканэ», «Илахэ». Эти магазины названы так в честь детей предпринимателя, владеющего этими магазинами.

Названия предприятий, в которых использованы антропонимы, не слишком информативны. Например: салон красоты «Ромира», центр красоты и здоровья «Анетта», парикмахерская «Татьяна», кухонная студия «Мария». Без указания профиля предприятия (салон, магазин, парикмахерская) очень трудно понять, какие товары или услуги предлагаются потребителю. Это заметно усложняет поиск нужного учреждения.

Интересно, что в названиях предприятий встречаются не только реальные имена (парикмахерская «Виктория», салон-парикмахерская «Амели», солярий «Наоми»), но и имена вымышленных персонажей (магазины «Золушка», «Мальвина», «Буратино»). Такими именами сказочных героев называют, как правило, детские магазины, магазины игрушек.

В названиях предприятий можно найти не только привычные нашему слуху имена, например: фирменный магазин обуви «У Светланы», парикмахерская «У Лёши», магазин «Анастасия», сауна «Татьяна», но и «экзотические» имена: парикмахерская-салон «Софи», салон красоты «Ромира», центр красоты и здоровья «Анетта», салон-парикмахерская «Амели», солярий «Наоми», парикмахерская «Линда», студия «Ромео». Это обстоятельство отвечает моде на звучные иностранные названия, зачастую русским людям неизвестные и непонятные.

Заметим, что в ходе исследования мы встретили несколько названий, включающих имена богов и других мифических персонажей: студия авторской мебели «Фрейя», магазин обуви «Калипсо», магазин «Зевс», магазин «Бахус». Эти названия по-своему красивы и звучны, но ни о чём нам не говорят.

К слову, женских имён среди проанализированных нами эргонимов на порядок больше, чем мужских. Ср.: парикмахерская «У Лёши», студия «Ромео», стоматология «Да Винчи», магазин «Андрюшка», магазин детских

товаров «Тёмка», ООО «Данте», бутик «Ван Гог», магазин обуви «Моисей», магазин «Руслан», магазин «Зевс», магазин «Ермак» – итого 11 наименований. С другой стороны, парикмахерская «Татьяна», кухонная студия «Мария», салон красоты «Принцесса Кристина», парикмахерская «Линда», парикмахерская «Светлана», парикмахерская «Виктория», салон-парикмахерская «Амели», солярий «Наоми», детский магазин «Машутка», магазин мебели «Надежда», магазин женской верхней одежды «Раиса», свадебный салон «Виктория» и др. – всего около 30 наименований.

Среди эргонимов встречаются и наименования, включающие в себя имена великих людей, деятелей культуры и искусства: стоматология «Да Винчи», ООО «Данте», бутик «Ван Гог». Предприниматели, видимо, хотели придать звучности названиям своих фирм, но выиграли ли они от этого – вопрос.

Вообще, место антропонимов и эргонимике – момент спорный. С одной стороны, называть предприятие именами – это красиво и модно, но с другой стороны... Скажем, догадаться, что представляет собой предприятие с названием «Буратино» или «Садко», мы ещё можем. Но как быть с другими? Очень сложно порой понять, что скрывается за всеми этими «Русланами», «Татьянами» и «Ромео». Да и надо ли? Думается, лучше бы все эти антропонимические названия (заимствованные – тем более), свести к минимуму, заменив их более информативными аналогами.

Таким образом, исследуя антропонимический материал в составе эргонимов г. Пензы, можно сделать вывод, что состав их неоднороден и разнообразен, и, кроме всего прочего, требует дальнейшего исследования, ведь новые названия, как русские, так и иноязычные, появляются с завидной регулярностью практически каждый день.

Литература:

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. – М.: Наука, 1988.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: ЛКИ, 2007.

**Новаторство и традиции в изображении
«маленького человека» в рассказах
В.М. Шукшина**

В. Н. Фокина, учащаяся
Научн. рук. – учитель
русского языка и литературы
лицея № 230 г. Заречного
Е. М. Вавилова

Определение «маленький человек» – подлинный долгожитель в литературоведении. Поэтому естественно, что сложился определенный смысловой и эмоциональный стереотип, сопровождающий это понятие.

Одним из первых писателей, который открыл мир «маленьких людей» был Н.М. Карамзин. Самое большое влияние на последующую литературу оказала повесть Карамзина «Бедная Лиза».

В XIX веке тему продолжил А.С. Пушкин. Впервые русская литература так пронзительно и наглядно показала искажение личности враждебной ей средой. Впервые оказалось возможным не только драматически изобразить противоречивое поведение человека, но и осудить злые и бесчеловечные силы общества - Самсон Вырин судит это общество.

Наибольшего апогея эта тема достигла в произведениях Н.В. Гоголя. Автор, раскрывший в своих «Петербургских повестях» и других произведениях истинную сторону столичной жизни и жизни чиновников, ярко и весомо показал возможности в преображении и изменении взгляда человека на мир и на судьбы «маленьких людей».

Повесть «Шинель» имела огромное значение для всей последующей литературы. Ф.М. Достоевский говорил: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»». Обращался к этой теме в своем творчестве и А.П. Чехов.

В начале XX века тема «маленького человека» претерпевает значительные метаморфозы. События Мировой войны и революции как бы запустили в действие «эффект толпы». В советской литературе 20 – 30 годов, литературе тоталитарного государства, на смену «я» приходило «мы».

Только во второй половине XX века в русскую литературу вновь вернулся образ простых, ничем не выделяющихся людей с их мелкими радостями, горестями, мыслями и делами.

Одним из тех, кто вновь обратился к теме «маленького человека», был В.М. Шукшин.

Персонажами Шукшина стали обитатели сельской периферии, незнатные, не выбившиеся «в люди», – одним словом, те, кто внешне, по своему положению вполне соответствовали знакомому по литературе XIX века типу «маленького человека».

В своем изображении «маленьких людей», Василий Макарович опирается на творчество Ф.М. Достоевского. У обоих авторов образы «маленького человека» имеют схожую черту: герой рассуждает о своей жизни, судьбе, бедах, о несправедливости окружающего мира.

Однако не следует делать вывод, что Шукшин копирует своего «маленького человека» с аналогичного образа у Достоевского. Если у Федора Михайловича «маленький человек» прежде всего озабочен своей персоной, то герой Шукшина стремится решить глобальные человеческие проблемы, желает всем помочь или показать людям новую, свою правду.

Каждый персонаж в изображении Шукшина имел свою «изюминку», противился усреднению, являл особый образ существования или оказывался одержимым той или иной необычной идеей. Вот как напишет об этом позднее критик Игорь Дедков: «Людское многообразие, живое богатство бытия выражается для В. Шукшина, прежде всего, в многообразии способов жить, способов чувствовать, способов отстаивать свое достоинство и свои права. Уникальность ответа, уникальность реакции человека на призыв и вызов обстоятельств кажутся писателю первейшей ценностью жизни, конечно, с той поправкой, что эта уникальность не аморальна» [3, 127].

Шукшинский герой, живущий в деревне и занятый привычной, по-деревенски монотонной работой, не может и не хочет раствориться в сельском быту «без остатка». Ему страстно хочется хоть ненадолго уйти от обыденности, душа его жаждет праздника, а беспокойный разум ищет «высшей» правды.

Характеры шукшинских героев несхожи, самобытны. Уже в ранних немного сентиментальных рассказах Шукшина наметилось противостояние героев. Простым, добрым и открытым жителям деревни, мечтателям и фантазерам, оригинальным философам противопоставляются бюрократы, человек с портфелем, толстый бухгалтер, всякого рода «умники». Последние живут правильной жизнью, логично, «по науке». Другие же, напротив, отступают от нее. Шукшин в равной мере внимателен и к тем, и к другим. Его интересует «история души» и героя, и антигероя. Но писатель стремится утвердить духовность, народную нравственность, отстаивать достоинство каждого человека.

Способы изображения «маленького человека» схожи с подобными способами А.П. Чехова.

Для художественной манеры Шукшина, как и для манеры Чехова, характерны сжатость, простота и ясность сюжета, так как для обоих писателей важен не занимательный сюжет, а характер персонажа.

Можно отметить ещё одну черту рассказов Шукшина – соединение комического и трагического, что было характерно и для произведений Чехова.

В.М. Шукшин в своих произведениях показывает «маленького человека» нового времени, отличного от героев Пушкина, Достоевского, Чехова. Этого героя стали называть по одноименному рассказу – «чудиком».

Шукшинский «чудик» – подлинное открытие писателя среди типов народного характера. Его образ представлен в целом ряде рассказов 60–70–х годов («Упорный», «Микроскоп», «Беспальный», «Танцующий Шива», «Алеша Бесконвойный» и др.). Евгений Вертлиб справедливо замечает, что «правда времени, по Шукшину, наиболее выразительным образом живет в "дурачке", в котором сошлись и гений, и талант, и мыслитель – душа... совестливый ум народа. Шукшинский беспокойный "чудик" – наследник "лишних людей" Тургенева, Лескова»[2, 297].

По словам Д. Лихачева, «русские дураки и юродивые не столько о своей глупости свидетельствовали, сколько чужую выявляли... Дурак русских сказок добрый, а следовательно, поступает по-умному и свое в жизни получит... Дурак всем правду говорит, потому что для него не существует никаких условностей, и нет у него никакого страха... Любит русский народ дураков»[1, 54-55].

Шукшинский «чудик» странен и смешон для тех, кто живет прагматически, лицемерно скрывает свою эгоистическую сущность. Его поведение и желание делать добро противостоит массовому равнодушию, стереотипам современного образа жизни. «Чудик» прост, открыт, совестлив и душевно раним. В нем нет ни карьеризма, ни снобизма по отношению к другим людям.

Образ «чудика» и есть новаторский прием Шукшина в разработке темы «маленького человека».

Литература:

1. Горн В.Ф. Василий Шукшин. Штрихи к портрету. – М.: Худож. лит., 1993.
2. Карпова В.М. Талантливая жизнь. Василий Шукшин – прозаик. – М.: Сов. писатель, 1986.
3. Литература. Справочник. – М.: Слово, 2002.

Трансформация античного мифа в рассказе А.И.Куприна «Нарцисс»

О. В. Христолюбова, к.филол.н., доцент, **И. А.Хаистова**, студентка
Пензенский государственный университет

Русская литература рубежа XIX-XX веков характеризовалась активными поисками в области малой эпической прозы. Показателен в этом отношении заметно возросший интерес писателей к фольклору, к легендам, мифам, библейским сюжетам, притчам и аллегориям.

Такого рода жанровые искания мы отмечаем у А.И. Куприна. Это свидетельствует о стремлении писателя трансформировать традиционные жанровые структуры, обогатить свою творческую палитру обращением к культуре прошлого, взглянуть на него сквозь призму современности.

Современный исследователь творчества А.И. Куприна С.А. Ташлыков отмечает, что писатель в своих произведениях всячески развенчивает легенду и сказку, порожденную современностью [3]. «Кусок жизни грубой и бедной не может превратиться в легенду, ибо современная жизнь, вся насквозь, меняется через десятилетия в зависимости от гигантских успехов механической культуры, меняется вместе с модами, вкусами, обычаями, нравами и искусствами, подобно тому, как часто меняется политическая карта земного шара, не оставляя места для героической легенды или душевного поучения, уложенного в предания старины» [2, 171].

А.И. Куприн широко использует восточные легенды («Аль-Исса», «Счастье», «Демир-Кая», «Кисмет»), средневековые предания («Легенда», «Палач», «Синяя звезда»), апокрифы, жития, библейские мотивы («Два святителя», «Пегие лошади», «Сад пречистой девы», «Лесенка Голубая», «Медвежья молитва»). А также стоит отметить устойчивый интерес писателя к античности: «Психея» (1892), «Нарцисс» (1897), «Жрец» (1905), «Геро, Леандр и пастух» (1929).

Заглавие одного из рассказов отсылает читателя к античному мифу о Нарциссе - сыне речного бога Кефиса и нимфы Лириопы (Лаврионы). Имя Нарцисса стало нарицательным и в традиционной трактовке символизирует гордость и самовлюбленность. В обработке данного мифа Овидием в «Метаморфозах», наряду с ярко выраженным сочувствием к герою, прослеживается глубокая мысль о том, что чувство любви к самому себе противоестественно для человеческой природы, «холодная» красота Нарцисса вызывает всеобщее восхищение, но она нарушает внутреннюю гармонию человека, делает его равнодушным ко всему окружающему.

У Куприна мы не находим точного следования традиционной версии мифа, он смотрит на прошлое сквозь призму современности, которая не оставляет возможности сохраниться античному мифу в первоначальном виде.

В рассказе мы наблюдаем намеренное отсутствие поэтической атмосферы мифа. При поверхностном чтении ассоциативные связи с мифом ускользают сразу после заглавия. Но Куприн рассчитывает на читателя думающего, глубокого, обращающего внимание на детали, на читателя, который за внешней сюжетной канвой не упустит скрытый подтекст, выражающий авторскую позицию.

Антитеза между «зашифрованным» автором мифом и его современной интерпретацией проходит красной нитью через весь рассказ. Современные люди далеки от идеала, их общество окутано фальшью, цинизмом. С иронией автор подает портретные, бытовые и психологические детали, диалог.

Одним из ключевых приемов характеристики героев является обращение к символике цветов. Писатель вводит нас в *Маленький уголок, который хозяйка дома, баронесса Эйзендорф, кокетливо называла "своим убежищем"* [1, 94].

Холеные латании, фениксы и филодендроны, окружающие героев, - словно и есть их дружеская, тесная компания на несколько циничном взаимном покровительстве в области флирта [1, 94].

Можно провести параллель между описанием героев и их любимыми цветами. *Баронесса -- пышная, томная и ленивая брюнетка, чувственная на вид, но в сущности более нежная, чем страстная,-- кидалась всякому в глаза своей тяжелой красотой* [1, 94]. Она выбирает ландыши, фиалки и сирень - нежные, тонкие ароматы.

Бэтси с первого взгляда не поражала, но в ней при более близком знакомстве чувствовалось такое очарование прихотливого и острого ума, такая неотразимая прелесть нервной, пылкой и больной природы, безумно жгущей свою жизнь с обоих концов [1, 95]. Ее выбор - магнолии, померанцевые цветы, тубероза, они пахнут так сильно, так сладко, что опьяняют.

Князь Чхеидзе, ревнивый, глупый и необыкновенно красивый грузин [1, 95] выбирает розу как сравнение со своей возлюбленной Бетси.

Санин - молодой присяжный поверенный, "восходящее светило криминальной адвокатуры [1, 95]. Изначально автор не дает читателю его портрета, описания характера, образ Санина раскрывается его историей, связанной с нарциссом, который для героя не «вульгарный» цветок, а «цветок влюбленных» [1, 96].

Образ героини воспоминаний Санина - Виктории Ивановны - словно и есть своеобразная трактовка Куприным античного мифа о Нарциссе. В истории «его глупых воспоминаний молодости» [1, 97], уже нет места авторской иронии, она проникнута лиризмом, отличается своеобразной поэтичностью изложения.

Купринская героиня, так же, как и Нарцисс, наделена удивительной красотой: *такими рисуют художники-символисты ангелов. Представьте себе высокую и тонкую -- именно воздушную фигуру, необыкновенно белое, почти без теней лицо и длинные, египетского очерка, глаза, полные молчаливой грусти и в то же время загадочные, как у сфинкса...; вниманием к самой себе: к своей прекрасной наружности и к своему всегда фантастическому туалету относилась она с особенной, тщательной заботливостью. Она любила, более чем всякая женщина в мире, смотреть в зеркало и простаивала перед ним чрезвычайно долго...; любовью к прекрасному: она с болезненной страстностью любила музыку и целые вечера проводила за фортепиано...всегда вкладывала в произведение один и тот же отпечаток затаенной, молчаливой тоски; равнодушием ко всему: в ней было, по-видимому, полное равнодушие к жизни, и ко всем ее*

проявлениям. И утром, и вечером, и за обедом, и во время прогулок я ее видал все с одним и тем же лицом, на котором как будто бы навек застыло тоскливое выражение... [1, 98].

Вместе с удивительной красотой Викторией, Санин отмечает некую противоестественность во всем ее образе: *наоборот, между мной и ею создалась какая-то таинственная, ненормальная связь...та странная духовная связь не походила на начинающийся флирт: в ней было что-то неестественное, жуткое [1, 99].*

Загадочность образу героини придает то обстоятельство, что она немая: *как родила второго ребенка -- мертвого, так с тех пор и лишилась языка [1,97].* Такая метаморфоза - словно проявление божественной воли, а возможно и наказания за что-то. Причины этого превращения не лежат на поверхности, они кроются во внутренних страстях героини, которые затем выходят наружу: *затем произошло нечто непостижимое, ужасное...виновато ли во всем электрическое напряжение близкой грозы, или я прочел в ее глазах страстный призыв,-- наши руки сплелись в диком объятии, и наши губы встретились долго и мучительно-сладко [1, 100].*

В такой купринской трактовке чувственной любви - как дьявольского наваждения - мы усматриваем влияние Л.Н.Толстого. Вспомним описание главной героини романа «Анна Каренина» на балу: *Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести...«Да, что-то ужасное, бесовское и прелестное есть в ней» [4, 75].* Это «ужасное» и есть, по Толстому, и, как видим, по Куприну, - проявление любви-страсти.

Так, образ Викторией несет отпечаток трагизма, затаенной тоски. Причины этого заключаются в отсутствии внутренней гармонии, ощущении разрыва с идеалом.

Куприн будто дает ключ к пониманию образа героини, когда Санин, отправляясь на свидание к Викторией, вдевает нарцисс в петличку сюртука. Эта небольшая деталь приобретает символическое значение, именно она подана как название рассказа. Основу авторской мысли следует искать в античном мифе. Это позволяет автору выстроить образы героев, передать свои размышления о вечных понятиях красоты и любви, о мире в целом.

Таким образом, у Куприна трансформация античного мифа в рассказ о современности строится на ассоциативных связях с ним (мифом). Вынося в заглавие имя всем известного античного героя Нарцисса, автор рассчитывает на мгновенную реакцию читателя, на его восприятие мифа, которое затем поддерживается деталями на протяжении всего рассказа. Такое переосмысление образов и мотивов помогает передать автору разрыв между

далекой от идеала реальностью и теми основами жизни, нравственности, существующими в античности.

Куприн не просто отсылает нас к мифу, он побуждает вновь и вновь обращаться к его героям, размышлять, сомневаться в собственных выводах, возвращаться к ним, переосмысливать их. Для писателя чрезвычайно характерно особое внимание к читателю, творческое взаимодействие с ним. Подобное «сотворчество» с читателем подтверждает безграничность таланта писателя, способность пробудить живую мысль, а значит, расширить рамки литературного произведения, в котором отражается сама жизнь.

Литература:

1. Куприн А.И. Собрание сочинений в девяти томах. М., Правда, 1964- Т.2.
2. Куприн о литературе. Мн.: Изд-во БГУ, 1969.
3. Ташлыков С. Новелла-легенда в творчестве А.И.Куприна. Иркутск, 1988.
4. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Л., Издательство Ленинградского университета, 1978.

Семантика цветолексем «бусый» и «босый» в «Слове о полку Игореве»

В. Д. Чуракова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор С. В. Кезина

Лексика русского языка – подвижная система: постоянно обновляется её состав, меняется семантика слов. Слова, претерпевшие семантические изменения в истории языка или вышедшие из активного употребления, сохраняются в других источниках: в фольклоре, памятниках письменности, в говорах.

К таким словам-архаизмам относятся лексемы «б^усый» и «б^осый». Словарь русских народных говоров фиксирует слово «бусый» с тремя историческими цветовыми семами: серый, пепельный, дымчатый. А. А. Зализняк указал, что в СРНГ примеры с этим прилагательным собраны в 30 разных областях России [5, 279]. Сочетаемость в диалектах широкая: «Вода-то вся б^усая от комарья-то. Сузун. Новосибир.» «Юбка б^уса, юбка б^уса, юбка б^усеньякая, – мой милёнок-цыганёнок, а я русенькая. Перм.» «От серого глазу, от черного глазу, от б^усого глазу, от русого глазу (заговор). Иркут.» [13, 306]. Слово «бусый» использовалось преимущественно для обозначения серого меха животного: «Б^усые куницы есть, и рыжие. Арх., Волог., Вят.» «Ехал миленькой на сивом

на коне, Очутился он на *бусом* на быке (песня). Перм.» [13, 306]. Данное значение отразилось в однокоренных кошачьих кличках: Буся, Бусинка.

Интерес представляет книга Марии Семёновой «Бусый волк», вышедшая в 2009 году. В предисловии к книге автор утверждает, что пушкинские строки «*В темнице там царевна тужит, / А бурый волк ей верно служит*» искажены и на месте слова «бурый» должно стоять слово «бусый». Она пишет: «Может быть, кто-то посчитал, что дети при виде незнакомого слова испытают информационный шок и получают на всю жизнь тяжёлую моральную травму?» На наш взгляд, сочетаемость прилагательного «бурый» со словом «волк» имеет место быть, так как данная цветолексемасочетается с существительным «лиса» [4, 146].

Слово «бусый» зафиксировано в ряде исторических и этимологических словарей: в словаре В.И. Даля, в этимологических словарях Г.А. Преображенского и М. Фасмера, словаре русского языка XI–XVII веков, словаре русского языка XVIII века. Этимология не однозначна, наиболее распространено мнение о тюркском происхождении [11, 55].

В пользу исконно русского происхождения данного слова свидетельствует широко развитое в русских говорах словообразовательное гнездо: бус – мелкий дождь, пыль, пустяки [13, 302], бусарый – темно-серый (о масти лошади) [13, 303], бусенький – серый, серенький [13, 304], бусой – белый в крапинку (о масти коров) [13, 306], бусовой – серо-синеватый [13, 306], бусь – серый, пепельный оттенок чего-либо [13, 308], бусотный – одномастный, ровный, без отметин (о мехе) [13, 307].

Цветолексема отражена в одном из ранних древнерусских памятников – в «Слове о полку Игореве» (1194–1196). Цель научного анализа – выявить особенности функционирования цветообозначения «бусый» в «Слове о полку Игореве» и соотнести его со словом «босый». Исследователь древнерусской литературы Д.С. Лихачёв отмечал, что автор «Слова» «обладал повышенным чувством цвета, характерным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившей в 12 веке» [9, 171]. Прилагательное «бусый» стало важнейшим и, вместе с тем, довольно загадочным компонентом системы цветообозначений древнерусской поэмы.

Это связано со сходством анализируемого слова «бусый» и другого, также встретившегося в поэме прилагательного «босый». По данным «Фразеологического словаря» по ред. В.М. Мокиенко, слово «босый» впервые встречается в «Слове о полку Игореве»: и скочи босымъ в волкомъ, где «босый», употребленное вместо постоянного эпитета «серый», является, вероятно, фонетически изменённой формой слова «бусый» в значении «серый». Это мнение является очень распространённым, но оно недостаточно обосновано. В данной работе мы представим мнения исследователей, опровергающих тезис о том, что в «Слове о полку Игореве» «босый» – фонетический вариант колоратива «бусый».

Впервые полноценное исследование, показавшее разграничение планов содержания рассматриваемых слов, провел В.А. Гордлевский в 1947 году. Он высказал предположение об оборотничестве князя, основываясь на значении аналогичного тюркского выражения [3, 318]. Само это выражение В.А. Гордлевский возводит к тюркскому сочетанию «волк-оборотень». Волк считался родоначальником тюрков, их тотемным предком. Однако, как замечает учёный, «босый» – таинственное, тотемное слово... Волки ходили кругом; волк был обыкновенное животное. А вот «босый волк – тюркский волк – наводил благоговейный трепет» [3, 333].

Другого мнения придерживаются несколько исследователей, но наиболее ярко и метафорично оно выражено у В. А. Жуковского, который, чувствуя загадочный налёт данной характеристики, назвал Игоря «бесом-волком». Здесь идет речь о возможном переходе спасшегося Игоря в некий иной таинственный статус. Так, И. Клейн сравнивает Донец, через который переправляется Игорь, с рекой мёртвых Стиксом, переправа через которую есть переход из царства живых в царство мёртвых [7, 104]. Сходную мысль высказывает Н.С. Демкова: «... плен князя Игоря интерпретируется автором в системе образов «Слова» как «смерть», а его бегство из плена – выход, выход из «смерти», из другого мира» [10, 663].

В.В. Колесов в работе «Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» придерживается точки зрения, которую мы считаем наиболее верной: босый волк – стремительно, бешено несущийся хищник. Вывод сделан на основе данных о корне бһс-, который, помимо прочего, значил «светлый», а в оценочном смысле и «хороший», «удачливый», «священный». Для противопоставления В.В. Колесов приводит фразу со словом «бусый»: всю ночь съ вечера бусовивранивъзгряху. «Сизо-бурые, свинцового цвета с чернью малоподвижные птицы. В символике повествования они и не связаны с выражением стремительного, прозрачного, светлого» [8, 228]. Таким образом, слово «бусый» имело негативную эмоционально-оценочную коннотацию. Избегая влияния закона аналогии и не уподобляя внешние формы слов, а напротив, акцентируя внимание на их семантике, историк языка смог выявить богатое внутреннее содержание каждого из цветообозначений.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» также толкует «бусовиврани» как «серые вороны». Развёрнуто трактует данное словосочетание Н.В. Шарлемань. Он считает, что «бусовиврани» – это серые вороны, которые собираются в местах своих массовых ночёвок, издавая неприятное карканье, тогда как черные вороны не собираются на ночёвках в стаи, и ночного «гряния» их не бывает [2, 113].

Таким образом, мнения учёных о семантике и валентностных свойствах цветообозначения «бусый», соотнесённого в «Слове о полку Игореве» с «босый», очень разнообразны. Ф.И. Буслаев зачислил это слово в «спорные слова, необъяснимые, темные и искажённые» [3, 318]. Американский славист

Э. Кинан назвал данный колоратив «словом-признаком», придуманным В.И. Далем[6, 82]. В данной работе мы опровергли эту точку зрения, показав фиксацию в разных областях России.

Итак, данное цветообозначение встречается в поэме один раз в сочетании «бусовиврани» в значении «тёмно-серый» и имеет негативную эмоционально-оценочную коннотацию, в отличие от слова «бусый», являющегося мелиоративом. Разнообразие мнений можно связать с символической наполненностью «Слова», большим количеством гапаксов – слов, употребляющихся один раз (исследуемые лексемы являются гапаксами), а также с трудностями, связанными при определении в тексте семантики многозначного в истории языка слова.

Литература:

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005.
2. Булахов М. Г. Энциклопедия "Слова о полку Игореве". 1. А-В.– СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
3. Гордлевский В. А. Что такое «бусый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // ИОЛЯ. 1947. Т. 6, вып. 4. С. 317—337.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1: А - З.–2-е изд., испр. – СПб.; М., 1880.
5. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с.
6. Кинан Э.Л. «ЙосефДобровский и происхождение „Слова о полку Игореве“ (JosephDobrovskyandtheOriginsofthe 'IgorTale»), 2003.
7. Клейн И. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература: (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы). – ТОДРЛ, Л., 1976.С. 104—115.
8. Колесов В.В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». 800 лет.– М.: Сов.писатель, 1986. С. 215-229.
9. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Монография. – 2-е изд., доп. – Л.: Худож. лит., 1985.
10. Николаева Т. М. «Бусый волк» Игорь и «оборотничество» пушкинских героев // Русистика. Славистика. Индоевропеистика.– М.: Индрик, 1996.
11. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А – О. – Москва: ГИС, 1959.
12. Семенова М. В. Бусый волк. – М.: АСТ, 2009.
13. Словарь русских народных говоров. Выпуск 3: Блазничка-Бяшутка. – Ленинград: Наука ЛО РАН, 1968.
14. Слово о полку Игореве.–М.: Худож.лит., 1999.

Традиции и новаторство А.И. Куприна в разработке жанра рождественского рассказа

М. М. Шаркова, студентка

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – к.пед.н., доцент Л. П. Перепёлкина

Осмысливая жанровую специфику рождественского рассказа, следует прежде всего исходить из того, что в нем воплощается христианское душевное устройство, что находит выражение в общей эмоциональной атмосфере произведения (любовь, милосердие, сострадание, смирение, упование на Бога в сложных житейских ситуациях). Христианско-нравственная проблематика преобладает в содержании рождественского рассказа, построенного на осмыслении судьбы, поведения, поступка и мыслей героя в соответствии с евангельской заповедью. Рождественский рассказ поэтому моралистичен и назидателен: характеризуя жизнь и личность героя, автор предъявляет к ним высшие критерии оценки – Заповеди Иисуса Христа.

Признаками рождественского рассказа являются: «приуроченность времени действия к Рождеству или Святкам; наличие элемента чудесного; наличие рассказчика; наличие среди героев ребенка; наличие нравственного урока, морали; мотив «божественного дитя» [3, 78–79].

Чтобы выявить традиционные и новаторские черты жанра рождественского рассказа в произведениях А.И. Куприна, мы проанализировали рассказ «Чудесный доктор».

Рассказ был написан Куприным в 1897 году, когда писатель жил в Киеве.

«Куприн показывает ситуацию, типичную для большинства семей России рубежа XIX–XX вв. Многие люди в то время умирали от голода и болезней не находя себе и своей семье пропитания.

Первое, на что следует обратить внимание, – на заявление автора в самом начале, что рассказ «не есть плод досужего вымысла». Всё описанное действительно произошло некоторое время назад в Киеве, и это сразу заставляет читателя иначе воспринимать текст» [1, 37].

Отец попавшего в беду семейства, Мерцалов, слабый и невезучий человек. В праздничный вечер, не в силах помочь своей семье, он готов бежать от бед. Автор противопоставляет тишину и торжественности природы беспокойной, усталой душе героя. Он решается на самоубийство. И в критическую минуту случайно встречает врача, который спасёт больного ребёнка и всё семейство. Это сродни чуду, что подчёркивается в названии рассказа. Резкие слова отчаявшегося Мерцалова встречают живой

человеческий отклик, и доктор сразу же предлагает свою помощь, вместо того чтобы обидеться или проигнорировать чужую беду. Это также похоже на чудо, ведь люди из обеспеченной, праздничной, «другой» жизни не откликнулись на просьбы Мерцалова о помощи и даже не подавали милостыню. А чудесный доктор одним своим появлением вселяет бодрость в измученных людей, после назначает лечение больному ребёнку, даёт деньги на необходимую еду и незаметно оставляет на столе крупные кредитные билеты. И при всём этом не называет даже своего имени, не только не желая выслушивать благодарности, но даже не считая, что должен их выслушать: «Вот ещё пустяки выдумали!..». Чудесным Куприн называет доктора потому, что тот смог вылечить не только тело, но и душу людей. Он оказался единственным человеком, кто в рождественской суе не остался равнодушным, помог семье Мерцаловых.

После появления этого необыкновенного человека нищая, неудачная жизнь семьи Мерцаловых входит в благополучное русло. Дети выздоравливают, отец находит место, мальчиков устраивают в гимназию. Все они попадают в ту, другую, «праздничную» реальность – посредством доброго деяния чудесного доктора. Только истинное, искреннее человеколюбие способно менять нашу жизнь. Но оно встречается так редко, что считается чудом.

Перед нами – непародийная модификация рождественского рассказа. В произведении «Чудесный доктор» сохранены традиционные для жанра рождественского рассказа признаки: действие происходит накануне Рождества; героями являются дети – братья Мерцаловы; в момент отчаяния всех членов семьи происходит чудо – появляется доктор Пирогов; счастливый финал.

Но не во всём содержание купринского рождественского рассказа соответствует канонам жанра.

Г.В. Пранцова в качестве новаторства Куприна отмечает, «введение в святочную историю социальных мотивов» [2, 62]. Данную особенность мы отметили и в анализируемом произведении.

Перед декабрьскими праздниками в городе царит весёлая суе, это подчёркивается эпитетами «прекрасные», «сияющие», «праздничные», «весёлый», «нарядные». Беззаботной и сытой жизни противопоставляется иная реальность, описанная словами «мрачные», «неосвещённые», «ветхий», «грязный». Двое мальчиков из обнищавшей семьи Мерцаловых стоят около витрины магазина, «возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки». Куприн подробно описывает разговор у витрины магазина, чтобы показать контраст мечты и реальности, противопоставляет героев и их семью миру сытых и равнодушных, благополучию одних – бедность других. Мальчики возвращаются с нарядных улиц домой в подвал, где их ждёт мать, больная сестра и голодный младенец. А в городе готовятся к празднику и накрывают богатые столы. Это противопоставление двух разных миров,

существующих в одно время и в одном месте, и есть главная проблема рассказа. А главное действующее лицо – чудесный доктор – объединяет их.

В святочных рассказах благотворителем являлся обыкновенно богатый человек, ощутивший в праздник прилив нежности к «меньшему брату», неожиданно понявший, что надо какую-то радость и обездоленному. Принципиально иное значение приобретает акт благотворительности в произведении Куприна. Сущность рассказа не в провозглашении мнимого братства между имущими и неимущими, не в сглаживании социальных противоречий, а в возвеличивании славного деятеля русской культуры, человека большого таланта и большой души. Благотворитель в рассказе – светило русской медицины хирург Пирогов.

В качестве новаторства Куприна в разработке жанра святочного рассказа мы отметили модификацию такого признака, как наличие чуда: у Куприна чудо деятельного сострадания, помощи человеку без ожидания благодарности должно стать «обыкновенным чудом», естественным для каждого человека. Поступок доктора Пирогова не является примером волшебства, фантастики. Это естественный поступок доброго, отзывчивого, сочувствующего человека, для совершения которого не нужно обладать магическими силами.

Таким образом, новаторство Куприна в разработке жанра рождественского рассказа проявляется в том, что писатель: 1) наряду с нравственно-христианской проблематикой в произведении воплощается проблематика социальная; 2) видоизменяется такой признак, как наличие чуда; 3) «благодетелем» является не Бог или богач, а обычный человек (например, доктор в рассказе «Чудесный доктор»).

Литература:

1. *Волков А.А.* Творчество А.И. Куприна. – 2-е изд. – М.: Худ. лит., 1981.
2. *Пранцова Г.В.* Изучение рассказов А.И. Куприна на занятиях элективного курса // *Личность и творчество А.И. Куприна в контексте русской культуры XX–XXI вв.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Под общей редакцией Г.Е. Горланова. – Пенза, 2013.
3. *Старыгина Н.Н.* Лесков в школе. – М., 2000.

Тематика современной молодёжной прессы (на примере журнала «Elle Girl»)

М. Ю. Шишкина, студентка
Пензенский государственный университет
Научн. рук. – к.пед.н., доцент Т. В. Стрыгина

Молодёжная пресса – особая отрасль современной журналистики. Её особенность не только в том, что она сориентирована на молодёжь, но и в специфической функциональной нагрузке. Одна из важнейших задач молодёжных СМИ – это воспитание подрастающего поколения, включение молодого человека в общество. Поэтому к содержанию таких СМИ нужно относиться особо: оно способно существенно повлиять на настроения и судьбы целого поколения. Нельзя также забывать и об остальных функциях молодёжной прессы, которые являются общими для всех СМИ: идеологическая, социально-ориентирующая, организаторская, культурно-образовательная, рекламно-справочная и рекреативная. Выполнение этих функций молодёжными изданиями, соблюдение необходимого баланса между ними – залог успешной социализации молодого читателя, его продуктивного диалога со СМИ на протяжении всей жизни. С. К. Шайхитдинова отмечает: «Если взглянуть на молодёжные издания с точки зрения того, какие они решают задачи, каковы их связи с читателем, то можно получить представление о положении молодёжи в обществе, о том, какая роль отводится самим печатным органам» [1, 96].

Объектом нашего исследования является молодёжный журнал для девушек «Elle Girl». Анализ тематики публикаций 2013 – 2014 годов позволил выявить круг интересов современных девушек. Актуальность темы исследования обусловлена, в первую очередь, большим количеством изданий для молодёжи, которые отражают проблемы и интересы современного молодого поколения. Журнал «Elle Girl» позиционирует себя как гид по стилю и бьюти-новинкам, новостям звёзд, самым актуальным мировым событиям и «разговорам» на темы, которые волнуют девушек. В журнале также публикуются опросы, гороскопы, занимательные и полезные тесты и «битвы». В «Elle Girl» 5 постоянных рубрик: «Звёзды», «Мода», «Красота», «Разговоры», «Мир».

Рубрика «Звёзды» рассказывает о кумирах, самых популярных лицах мирового шоу-бизнеса, спорта и кинематографа, представляет эксклюзивные фотосъёмки и интервью: «Джесси Айзенберг встречается с Миа Васиковска» (11 июля 2013 г.), «Селена Гомес отменила концерты в Москве и Санкт-Петербурге из-за проблем с визой» (20 сентября 2013 г.), «Демми Лавато выпустила книгу» (19 ноября 2013 г.), «Гарри Стайлс нашел себе еще одно занятие. Участник группы One Direction планирует стать пилотом вертолета уже к концу 2014 года» (12 марта 2014 г.), «Лиа Мишель мечтает сыграть в «Американской истории ужасов» (21 марта 2014 г.).

Рубрика «Мода» представляет советы стилистов, модный словарь, лица улиц и «высокую моду» подиумов; уникальные фэшн-съёмки в каждом номере: «Кира Пластинина представила коллекцию выпускных платьев» (26 апреля 2013 г.), «Шопинг онлайн: ZARA открывает в России интернет-магазин» (28 августа 2013 г.), «Stradivarius открыл в России интернет-

магазин» (9 октября 2013 г.), «5 главных вещей из меха» (26 декабря 2013 г.), «С какими аксессуарами носить школьную форму» (19 февраля 2014 г.).

В рубрике «Красота» в жанре информации представлены советы по современному макияжу, по уходу за кожей, новинки косметического рынка: «Роберт Паттинсон стал новым лицом рекламной кампании Dior Homme» (13 июня 2013 г.), «Выход в свет: как сделать причёску для вечеринки?» (1 октября 2013 г.), «Эпиляция: как избавиться от нежелательных волос навсегда» (14 ноября 2013 г.), «Бьюти-тренды: временная татуировка хной» (6 января 2014 г.), «Мастер-класс от ORLY: весенний маникюр» (5 марта 2014 г.)

Рубрика «Разговоры» затрагивает темы любви, увлечений, пишет о романтических встречах; обсуждаются проблемы взаимоотношений родителей и детей. Материалы отличаются доверительностью тона, высказываются компетентные мнения, в частности, даются советы психологов. Актёры, люди шоу-бизнеса, телеведущие, эстрадные исполнители отвечают на вопросы личного характера, поступившие от читательниц. Например, материалы: «Смотрим в кино: самые долгожданные новинки марта» (1 марта 2013 г.), «Сделай по-своему: что съесть за ланчем» (5 июня 2013 г.), «Elle Girl» объявляет конкурс в Instagram «Смелый сентябрь» (2 сентября 2013 г.), «Что подарить парню на Новый год?» (20 декабря 2013 г.), «День Святого Валентина: топ-12 подарков для него» (6 февраля 2014 г.).

Рубрика «Мир» – это гид путешествий по удивительным и экзотическим местам, обзоры интернет-сайтов, книг, музыки и киноновинок. Ценная информация на каждый день: интернет-адреса, путешествия, учёба, песни, фитнес, рассказ, сонник, гороскоп. Например, «Чихуахуа из Японии стал новой звездой Instagram» (13 августа 2013 г.), «Nike представляет особую систему тренировок NTC» (12 сентября 2013 г.), «Дизайнеры Matell создали коллекцию Barbie по мотивам «Голодных игр» (19 ноября 2013 г.), «Где исполняются желания: топ-9 волшебных городов мира» (1 января 2014 г.), «Путешествие в Сочи: самые интересные места для туриста» (3 февраля 2014 г.).

Таким образом, исследование данного печатного издания позволяет сделать следующий вывод. Журнал «Elle Girl» ясно показывает то, какая информация интересна молодёжи. Данное издание освещает темы, которые интересуют современных девушек больше всего: мода, отношения, события, которые происходят в мире звёзд и знаменитостей, а также разговоры о популярных тенденциях, путешествиях, учёбе, новинках кино, музыке. Журнал в большей степени выполняет функции рекламно-справочную и рекреативную, а в меньшей – социально-ориентирующую, культурно-образовательную и идеологическую. Некоторые статьи в журнале представляют полезную информацию, которая может пригодиться современной девушке, однако, прежде всего, «Elle Girl» – это лёгкое

занимательное чтение, направленное на то, чтобы развлечь, интересно провести время.

Литература:

1. Шайхитдинова С. К. Тенденции развития молодёжных газет // Журналистика и перестройка: Учебное пособие / Под ред. М. В. Шкондина. – М.: Издательство МГУ, 1989.

Источники: журнал «Elle Girl». 2013, 2014 гг.

Специфика изображения образа кота в романе Натальи Рузанкиной «Возвращение»

Ю. И. Щанкина, докторант

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Научн. рук. - доктор культурологии Е. А. Николаева

В народных представлениях кошка наделяется двойственной символикой и функциями. В мифологии она выполняет несколько основных функций: «кошка-демон», «кошка-домовой», «кошка-творец» и «кошка-разрушитель», «кошка-проводник». Кот является излюбленным персонажем народных сказок. Однако образ кошки в сказках двойственен, например кошка может одновременно выполнять функции демона и помощника. Такая двойственность, скорее всего, идет от реального характера животного.

А в литературе, как и в фольклоре, кот, как правило, имеет антропоморфный образ, наделенный человеческими качествами.

Пожалуй, самое яркое воплощение в литературе XX века образ кошки получил в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова: речь идет о коте Бегемоте. Образ Бегемота – библейский, он появляется в Книге Иова в качестве чудовища, воплощающего Материю. Булгаков дает понять, что за образом сравнительно невинного шута стоит сила, куда более могущественная. Образ кота-Бегемота в романе является двойственным. Он, во-первых, является в романе спутником Воланда, который, как известно, есть воплощение силы зла а, во-вторых, и сам представляет собой весьма фантастическое образование. Чего стоит хотя бы его портрет: «кот, громадный, как боров, черный, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами» [1]. А чуть далее в романе встречается описание Бегемота, который в одной лапе держит стопку водки, а в другой - маринованный гриб. Очевидно, перед читателями предстает образ греха, которым издавна считалось пьянство. Отдельного внимания заслуживают взаимоотношения Геллы и Маргариты с котом. Издавна русская мистическая мысль приписывает ведьме обладание черным котом как обязательным магическим агентом: кот помогает готовить отвары, охраняет пленников (как

и в русских народных сказках; иногда кот помогает пленнице вырваться). Булгаков не отходит от русского фольклора в этом вопросе, т. е. используется древний тип «Ведьма с Черной Кошкой».

Образ кота является очень распространенным и в творчестве Натальи Рузанкиной («Возвращение», «Однажды осенью», «Кот», «То, что звалось тобой», «Дом» и т.д.). На наш взгляд, наиболее интересный и сложный образ кота создан ею в романе «Возвращение». Следует подчеркнуть, что в романе несколько «кошачьих образов», при этом в «центральном образе» кота заметно влияние М. А. Булгакова и созданного им образа кота Бегемота: «Он обернулся в страхе. Проклятие любви покинуло его, но проклятие дружбы было возле. Человеческие черты покинули облик Друга, и в ином облике увидел он его – в облике маленького домашнего зверя... Принц опустил руку на голову Друга, обращенного им в Кота, и застыл так под нежной жемчужной пеленой снега...» [3].

Образ кота у Рузанкиной постоянно отсылает читателей к более раннему образу кота Бегемота в романе «Мастер и Маргарита»: «Холодно, сыро, и всё по-дурацки... – продолжал капризничать Кот. – Знаешь, я готов смириться даже с кошачьим обликом, в который ты одел меня когда-то, только бы не пускаться по этой чертовой дороге... Ну, и куда мы теперь?» [1]. Или: «– За тысячи лет, – назидательно сообщил Кот, – можно было научиться их языку...» [3]. «Приятно познакомиться, это – тень, – зловредно мяукнул Кот» [3].

Если в романе М. А. Булгакова реплики Бегемота пародийно оттеняют слова Воланда, то в романе «Возвращение» Кот часто спорит со Странником: «Тоненькая, будто фарфоровая девушка промелькнула возле, и в глазах Странника проступило восхищение.

– О, да! – насмешливо закивал Кот. – Фарфоровая Психея! Она мечтает об удачном замужестве, о кухне, наполненной разноцветной дрянью, о шкафах, набитых душистым барахлом, и она получит все это, а потом ужаснется и умрет»; при этом Кот обладает проницательностью: «– Помешалась, – с жалостью заметил Кот. – Всю жизнь несчастную интересовали лишь два восхитительных вопроса бытия: что сколько стоит и кто с кем спит» [3].

Важной чертой образа кота в фольклоре и литературе является хитрость, способность к обману и плутовству, что позволяет соотнести его с фигурой трикстера: «Хранитель, медлительный и важный, как персидский вельможа, весь в лилово-золотом, праздничном, торжественно пил чай на террасе и смотрел на спутников дымчатыми глазами. Кот, чувствуя перед собой родственную душу, улыбнулся светло и загадочно, а Странник помрачнел» [3].

Подобно булгаковскому Бегемоту у Рузанкиной Кот комично сочетает склонность к философствованию «Вернувшаяся память – жестокая вещь, и как избавиться от нее – я не знаю. Я не заслужил подобного обличия, как и

она – этого страшного города, но... прости меня» и жуликоватость: «– Я не сожрал! – запротестовал Кот, цепляясь за руку Странника. – Я просто поймал и спрятал. Они были такие красивые! Вроде рыбы, а вроде звёзды, с лучами и плавниками»[3].

За ужином после бала Бегемот угощает Маргариту спиртом и пьет сам, Кот Рузанкиной в этом отношении является противоположностью Бегемота: «– Да не пью я! – сердито воскликнул он, отмахиваясь от очередного кубка, который пытался вручить ему некто в клюквенном кафтане и в клюквенной же, заломленной набок шапке с рысьей опушкой»[3].

Подобно Бегемоту, Кот обладает мистическими способностями: «С грозным и набирающим какие-то невыносимые ноты мяуканьем он вскочил на стол, разбрызгивая винные лужи, и, урча, вцепился в рог Изобилия, в высокий перламутровый гребень его, живой и подрагивающий. Рог заверещал пронзительно, и, казалось, захлебнулся собственным колдовским вином, и миг стал студенистой розовой плотью в лапах Кота»[3].

Во время последнего полета Бегемот принимает истинный облик «худенького юноши, демона-пажа, лучшего шута, какой существовал когда-либо в мире»[1]. В романе «Возвращение» Кот когда-то был человеком и страдает, пребывая в шкуре кота и остается в ней: «– Я не хочу ждать! – зло воскликнул Кот. – Тебе не понять, ты остался в образе человека! Мне оставили только человеческую речь да человеческий ум и одели в кошачью шкуру, и всё зачем, для чего? Зачем мне теперь Долина? Я вижу сказку и золотые шары, я вижу звёзды, и всё, о чем я мечтал, сбудется сейчас!» [3].

В романе Кот сталкивается и с «кошачьей реальностью»: «Облезлые тощие кошки с жуткими воплями потрошили мусорные бачки, и при виде их Кот, оказавшийся внезапно рядом будто по волшебству, только грустно вздохнул»[3].

«Кошачьи образы» Н. Рузанкина использует, как описывая быт героев: «Пропахшая кошками душная сырость Лерочкиного подъезда...», так и с целью показа их душевных качеств, через отношения к кошкам «И как ты еще живешь от зарплаты до зарплаты? – изумляется Лерочка. – Целый полк усатых-полосатых – их же кормить надо! В твои годы уж внуков нянчат. Это же...»; «– Сына у нее в армии убили, сына! «Усатые-полосатые», «внуков нянчить»! Соображать все-таки надо хоть немного... «Корибу»!» [3].

В романе «Возвращение» Н. Рузанкина не только использует знакомый всем образ кота Бегемота, но и делает пушистого спутника человека мудрым помощником, «добрым, ученым» котом, искренне сопереживающим своему хозяину: «Кошачье царство Татьяны Ивановны мирно поживает на диванах и креслах» [3]; «...ее теперешний, тихий и спокойный мир – кошки да фотографии давно ушедших...» [3].

На Руси кошка издавна почиталась как хранительница домашнего очага, символ уюта, считалось, что она обеспечивает благополучие, поэтому не случайно, описывая быт героев, писательница часто использует «кошачьи

образы»: «... я снова вижу маленькую комнату с высоким окном, фотографии на стенах, разноцветных пушистых кошек..... Что-то произошло с этой женщиной, в той милой, в пестрых салфетках и вышитых скатертях комнате, среди кошачьего мурлыкающего государства, сердце не обманывает меня» [3].

В романе коты выступают в роли положительных существ, сообразительных, добрых, и в то же время и мудрых: «Кремовая кошечка, уютно мурлыча, устраивается на коленях бабы Кати, на цветастом переднике, полосатый разбойничий кот вылезает из-под стола и сворачивается клубком на топчане у плиты» [3]; «Толстый черный кот плескуче, по-змеиному взлетает на высокое трюмо, но цепляется когтями за угол вышитой салфетки и с печальным мявом обрушивается на пол. Мы смеемся, а осенний вечер становится совсем сапфировым» [3].

Следует отметить, что образ кошки встречается даже в сравнительных оборотах: «Татьяна Ивановна шевельнулась в углу серой **сонной кошкой** и сочувственно блеснула на меня бифокальными очками» [3]. Или: «Отсутствие мужика на нее действует, – обиженно гудит из своего угла, завешанного **кошачьими физиономиями**, Татьяна Ивановна...», «...на дорогу вышел рыжеволосый сероглазый Воин и улыбнулся светло и свободно. В лице его еще оставалось что-то **кошачье..**» [3].

Наталья Рузанкина создает своеобразный «кошачий мир»: «Вирус смеха пробирается ко мне, и я утыкаюсь лицом в букет сирени, и кажется, начинает смеяться сам букет; вирус смеха прилетает и в самый дальний угол, где, чуть **примурлыкивая**, начинает смеяться Татьяна Ивановна и все **кошки и котята**, изображенные на календарях и открытках...», «– За грехи наши тяжкие... – бормотала из **«кошачьего»** угла Татьяна Ивановна» [3].

Итак, образ кота в романе Н. Рузанкиной многогранен и сложен. В романе много «кошачьих образов», при этом в «центральной образе» кота заметно влияние М. А. Булгакова и созданного им образа кота Бегемота, коты предстают в роли преданных и мудрых друзей человека, «кошачьи образы» Н. Рузанкина использует, как описывая быт героев, так и их внутренний мир.

Литература:

1. Ахмедзянова, А. Р. Образ кота в фольклоре и литературе / А. Р. Ахмедзянова / <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5256-2012-12-09-10-22-01>
2. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков.- М.: АСТ, 2011. -446 с.
3. Рузанкина, Н. Возвращение : роман, повесть / Наталья Рузанкина.- Саранск, 2008.- 192 с.

«Ещё неведомый избранник»

И. П. Щеблыкин, д.филол.н., профессор
Пензенский государственный университет

Эти слова, сказанные М. Ю. Лермонтовым о себе в одном из ранних стихотворений, очень точно передают уникальность и драматизм его творческого дара. Действительно – неведомый, т.е. небывалый ещё, притом «гонимый миром странник», значит, резко противоположный многим свойствам людского бытия. Поистине трагедийная ситуация... Оттого рано (в неполные 27 лет) и лишился жизни этот чудный гений, избранник, конечно же, «неба», а не «земли», достаточно порочной.

Таким видится сегодня Лермонтов, наш земляк и второй по времени появления поэтический гений России (первым был Пушкин).

С чем же боролся и на что были устремлены его помыслы?

Для правильного ответа надо отказаться на какой-то момент от того, что перед нами именно *поэт*, человек, умеющий «сочинять» стихи, складывать строчки и т.д. По большому счёту, Лермонтов не сочинял. Он жил и мыслил. И вот «На мысли, дышащие силой, // Как жемчуг ниспадают слова» [1, 146]. Удивительное самопризнание по глубине обозначения того, что такое настоящее искусство. В данном случае, поэтическое. Увы! Это не услада и не остроумно-замысловатая комбинация слов. Это – откровение, борьба с неправдой, притом с распахнутым сердцем, т.е. устремлённым к добру и совершенству. Не каждый сможет и не каждому дано такое предназначение. Лермонтов смог и было ему это дано: «Я грудью шёл вперед, я жертвовал собой» – признавался поэт о своём назначении почти клятвенно и обречённо.

Но надо ли было (уже в 17 лет!) бросать себя на борьбу со светом, с людской порочностью? Ведь для этого есть суды, моральные запреты в обществе, карательные службы, наконец. Для поэта, пожалуй, достаточно быть «эхом» своего народа (пушкинская позиция). И это вовсе не мало, в особенности, если ещё и «милость к падшим призывать».

Но Лермонтова такая миссия не удовлетворяла до конца. «Мне нужно действовать» – сказал он о себе в самом начале своих творческих дерзаний, подразумевая под этим прямой результат благотворного влияния поэтического слова на обновление человека, на умаление его рабской зависимости от своей жалкой юдоли. Тем более, что это не призыв к бунту, а *возвышение* человека. И Лермонтов действовал с помощью слова именно в таком направлении, оздоравливая человека нравственно.

Как разжатая пружина, он действовал стремительно и бескомпромиссно, поражая своим словом пошлость, неправду, малодушие,

коварство, зависть, пресмыкательство всякого рода, отказ от высших идеалов. Это поэт преображения, совершенствования человеческой сути в пределах земного бытия с ориентацией на небесное.

Могут ли такие люди, такие натуры жить долго на земле? Едва ли... Черета столетий убеждает в обратном. Люди высокой страсти и напряжения, к тому же не приемлющие зло и неправду, сгорают, как метеоры. С Лермонтовым это и произошло. По большому счёту, убит он был не именно пулей Мартынова, а временем (точка зрения В. Соловьёва, с которой можно согласиться), непомерной тяжестью своего призвания.

Призвания к чему и в чём? Вслушаемся в его ранний монолог:

..... любить

Необходимость мне, и я любил

Всем напряжением душевных сил.

Здесь речь, понятно, не только о любви как таковой, но и о любви к деятельности, устремлённой к высокой цели. Отсюда и другое признание:

Мне нужно действовать, я каждый день

Бессмертным сделать бы желал <...>

Всегда кипит и зреет что-нибудь

В моём уме <...>

Так вот, оказывается, по Лермонтову, в чём высшая услада человеческого пребывания на Земле! Любить, т.е. ощущать всё прекрасное в мире и действовать в его защиту. Но этому препятствуют легионы Грушницких, драгунских капитанов (персонажи романа «Герой нашего времени») и прочие, о которых сказано у Лермонтова, что они «счастливы в пыли». Непростая ситуация и не каждый выдержит борьбу с упомянутыми легионами. Однако она необходима, и именно она может приблизить человека к идеалу, обозначенному в грезах гениального поэта:

Вверху одна

Горит звезда,

Мой ум она

Манит всегда,

Мои мечты

Она влечет

И с высоты

Меня зовет.

Таков же был

Тот нежный взор,

Что я любил

Судьбе в укор;

Мук никогда

Он зреть не мог,

Как та звезда,

Он был далек;

Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

Здесь говорится о любви к девушке (предположительно к Е.А. Сушковой). Однако сила и характер чувства передаётся через манящую, но недостижимую красоту отдалённой звезды. Её земное подобие – образ «нежного взора», образ девушки, мечта о которой так же несбыточна, как несбыточно сближение с далёкой звездой, влекущей поэта. Это и есть идеал поэта: видимая, нередко даже ощущаемая, но никогда не достижимая реальность высших сфер духовного бытия.

Литература:

1. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х тт. Т. I. М., 1957. С. 46. Остальные цитаты приводятся по этому изданию.

Дворянство в произведениях П.Д. Боборыкина и В.А. Гиляровского

А. С. Юсаяев, аспирант

Пензенский государственный университет

Научн. рук. – д.филол.н., профессор Г. Е. Горланов

При рассмотрении произведений, представляющих русский художественный натурализм, анализ системы персонажей осложняется тем, что не всегда удаётся следовать в русле традиционной методологии анализа системы персонажей, так как невозможно разделить героев на главных и второстепенных. Невозможно объективно, исходя из общих художественных задач натурализма, оценить место того или иного отдельного персонажа в общем идейном замысле писателя. Они важны и необходимы именно в своей совокупности – как пёстрая многоликая масса, общественная сила, которая живёт и развивается в бесчисленных переплетениях и поворотах отдельных человеческих судеб, чьи индивидуальные отличия намеренно уведены авторами на второй план. Типизирования здесь практически нет, во всяком случае, в традиционном его понимании. Вместо одного героя, вобравшего в себя характерные черты какого-либо сословия, группы, течения и т.п. (Печорин, Обломов, Рахметов) – здесь по возможности представлено всё сословие в лице крайне масштабного ряда своих представителей.

На первый взгляд может показаться, что персонажи в произведениях П.Д. Боборыкина («Китай-город») и В.А. Гиляровского («Москва и москвичи») не отличаются достаточным разнообразием и яркостью. Мы часто встречаемся с их определенной повторяемостью и многовариантностью уже достаточно знакомых типов.

Тем не менее, этот недостаток, если судить о нем с учетом поэтики традиционного, классического романа, имеет свою природу и художественную целесообразность. А.Ф. Кони указывал: «Отсутствие ярких образов искупается у П.Д. Боборыкина блестящим и дышащим правдой изображением не отдельных лиц, а целых организмов, коллективные стороны которых оставляют целостное впечатление» [3, 337-338]. Это, на наш взгляд, весьма тонкое замечание, указывающее на динамику в эволюции поэтических приемов и средств изображения новой действительности и характеров.

И особенно зримо и наглядно эта писательская манера проявила себя при изображении дворянского сословия как одного из важнейших представителей общественных сил России второй половины XIX века.

Здесь различия в составе персонажей особенно весомы. Это тоже обусловлено особенностями организации текста: действие «Китай-города» последовательно развивается в рамках строго очерченной исторической эпохи, когда общий упадок родового дворянства и потеря его общественной значимости были одной из главных примет времени. Семейство Долгушиных в этом плане – характернейшие (и, по всей видимости, единственные) представители своего сословия в романе, если считать Палтусова обособленным внесословным представителем «нового времени».

Вот как предстаёт на страницах романа история упадка некогда богатого и влиятельного семейства: «Военные, товарищи зятя, обеды на двадцать человек, игра, туалеты и мотовство детей, четырнадцать лошадей на конюшне. Все это держалось до эманципации и разом рухнуло. Зять вышел в отставку... Пришлось подвести итоги. Крестьянский выкуп пошел на долги. Земля осталась кое-какая... и ту продали... Именье продали!.. Деньги все ушли!.. Все, все... Остались чуть не на улице... Вот и этот домишко скоро пойдет под молоток. Платить проценты не из чего. А лошадей держат, двух кляч, кучера, дворника, мальчика, повара, двух девушек?.. Гибнет целый род! Все покачнулось, чем держалось дворянство: хороший тон, строгие нравы... или хоть расчет, страх, искание почета и доброго имени... расплодилось или сгнило... Так, видно, тому следовало быть... Написано свыше...» [1, 157]. Спустя двадцать лет А.П.Чехов опишет схожий процесс в «Вишнёвом саде».

У Гиляровского же хронотоп более широк и неоднозначен, сюжет более фрагментарен, поэтому автор имеет возможность показывать дворянство в самые разные периоды его существования, со всеми взлётами и падениями, начиная с формирования дворянства как класса в правление Петра I и заканчивая Октябрьской революцией. Впрочем, если оценивать по количественному показателю, то дворян в произведении меньше и у Гиляровского. И, что характерно, дворяне у него почти всегда не субъект, а объект действия: сами они практически не вмешиваются в общественную жизнь, не являясь ни экономической, ни производительной силой. Даже о их политической и административной роли, как правило, упомянуто вскользь,

без всякой конкретики или перечисления каких-либо официальных заслуг и карьерных продвижений. Так, полновластного генерал-губернатора Москвы В.А. Долгорукова, на протяжении нескольких десятилетий бывшего хозяином города, мы видим в образе милого забывчивого старичка, который целиком сосредоточился на светской жизни: «Старый холостяк, проживший огромное состояние и несколько наследств, он не был кутилой, никогда не играл в карты, но любил задавать балы и не знал счета деньгам, даже никогда не брал их в руки»^[2, 95].

Зачастую дворяне выступают лишь обобщённо, как некогда важные и сановитые клиенты тех или иных заведений, с тем, чтобы подчеркнуть статусность и особое положение какого-либо трактира, ресторана, бани и т.п. «Агапов всем французам поперек горла встал: девять дамских самых первоклассных мастеров каждый день объезжали по пятнадцати — двадцати домов. Клиенты Агапова были только родовитые дворяне, князья, графы»^[56, 112]. Упоминаются дворяне также в качестве бывших хозяев знаменитых московских домов и памятников архитектуры, которые давно уже сменили владельцев, однако в памяти москвичей по-прежнему ассоциируются с именами их основателей. «Полного расцвета клуб достиг в доме графа Шереметева на Воздвиженке, где долго помещалась городская управа»^[2, 121].

Вывод Гиляровского можно обобщённо представить следующим образом: к концу XIX века купцы воспринимались как настоящая история, дворяне — как история бывшая. Они сохраняли своё положение и вес в обществе во многом за счёт прежних заслуг, регалий и особого антуража светскости, утончённости и образованности. Однако атмосфера эта утратила свою масштабность и авторитет, сосредоточившись теперь лишь в стенах великосветских гостиных, родовых поместьях и изысканных помещениях Дворянских собраний.

Литература:

1. Боборыкин, П.Д. Сочинения в 3 томах. Т.2. — М.: Худож. лит, 1993. — 574 с.
2. Гиляровский, В.А. Собрание сочинений в 4 томах. Т.4. — М.: Полиграфресурсы, 1999. — 428 с.
3. Кони, А.Ф. На жизненном пути. — Л., 1929. — Т. V. — С. 337-338.

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ПГУ»)
Педагогический институт им. В. Г. Белинского
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

✉ 440026, Пенза, Лермонтова, 37, корп. 11 ✉ К. Маркса, 4, корп. 16
☎ Факс № (841-2) 688822 ☎ Телефоны № 8 (841-2) 68-88-66, 54-78-25, 54-88-46
<http://iff.pnzgu.ru/> e-mail: iff@pnzgu.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

В апреле 2015 года на историко-филологическом факультете в рамках XXVI научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и образования» студентов и профессорско-преподавательского состава ПГУ состоится Всероссийская научно-практическая конференция «**III Буслаевские чтения**». К участию в конференции приглашаются школьники, студенты, аспиранты, учителя и преподаватели вузов.

Основные направления работы конференции:

«Актуальные проблемы лингвистики»
«Лингвокраеведение»
«История русского литературного языка»
«Ономастика»
«Текст: проблемы изучения в вузе и школе»
«Язык СМИ и интернет-коммуникация»
«Актуальные проблемы методики преподавания русского языка»
«Взаимосвязи русской и зарубежной литературы»
«Русская литература XIX-началаXX вв.»
«Русская литература XX-XXI вв.»
«Журналистика на современном этапе (проблемы жанрового развития)»
«Отечественная журналистика: история и современность»
«Язык СМИ»
«Информационное пространство Пензенского региона: история, современность и актуальные проблемы»
«Проблемы развития в СМИ имиджа страны: теоретические аспекты и технологии формирования»

Заявка на участие в конференции «**III Буслаевские чтения**» должна содержать следующие сведения:

1. Ф.И.О. (полностью)
2. Группа (для студентов), курс и кафедра (для аспирантов), класс и школа (для школьников)
3. Название доклада
4. Научный руководитель
5. Название секции

Заявки на участие в конференции и тезисы принимаются до **10 марта 2015 г.** доцентом кафедры «Журналистика» Рева Екатериной Константиновной, а также студенткой группы 10ИЖ1, председателем Научного студенческого общества ИФФ Кристиной Титуниной (гр. 10ИЖ1).

Контактная информация: Тел. +79272880695; E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

По итогам работы тематических секций планируется издание сборника тезисов научных докладов. **Публикация без выступления на конференции не допускается! (исключение – иногородние авторы).**

Требования к тезисам:

1. объем - 3 - 5 стр.;
2. формат бумаги - А4;
3. поля: левое - 25 мм., правое - 10 мм., верхнее и нижнее - 20 мм.;
4. шрифт - Times New Roman, кегль 14;
5. междустрочный интервал - 1,5;
6. абзац (красная строка) – 1,25 см (не допускается создание абзацной строки с помощью клавиши «Пробел»)
7. на отдельном листе указать сведения об авторе: Ф.И.О., место работы (учебы), должность (академическая группа), тема доклада, домашний адрес и телефон;

Организационный взнос за публикацию - 60 рублей за страницу текста. Публикация статей учителей и школьников – бесплатно.

Образец оформления тезисов

Деньги на столыпинскую аграрную реформу

Р. Г. Соларев, студент
Научн. рук. – д.и.н., профессор О. В. Ягов
Пензенский государственный университет
Кафедра «История России, краеведение
и методика преподавания истории»

(Отступ) Текст [8, 58], где первая цифра означает номер источника в библиографическом списке, вторая – номер страницы.

Литература:

Нумеруется и оформляется по алфавиту.

